NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07855265 4

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

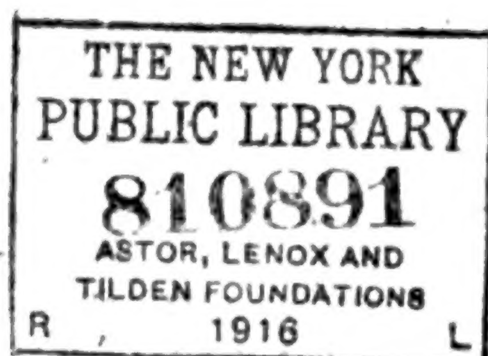
Часть сорокъ пятая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1832.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Августа 16 дня, 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

№ 9. Май.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПОСТЕПЕННЫЙ ХОДЪ

и

нынѣшнее состояніе Архитектуры въ Англіи.

Сочиненіе Валтера Скотта.

Архитектура каждаго народа, подобно языку и нравамъ его, бываетъ слѣдствіемъ постепеннаго, медленнаго сближенія разнородныхъ элементовъ. Сначала простые и малочисленные, они смѣшиваются, соединяются, уравниваются или измѣняются одинъ отъ другаго. Климатъ, народныя привычки, образъ жизни общественной и частной, установленія религіозныя и политическія, степень образованности, даютъ свой характеръ великому числу заимственныхъ идей, образующихъ народную Архитектуру. Человѣкъ существо подражающее. Онъ беретъ въ образецъ и природу, и сосѣдей, и предковъ, хотя всегда воображаетъ себя творцомъ.

Не ищите народности архитектурнаго стиля въ зданіяхъ общественныхъ, часто строимыхъ въ подражаніе чужеземному. Архитекторы Греческіе усѣяли Этрурію своими памятниками; художники Ломбардійскіе воздвигли соборныя церкви на Сѣверѣ Европы; Мусульмане Арабскіе оставили въ Испаніи слѣды своего смѣлаго, оригинальнаго генія. Вкусъ народа, такъ-же какъ истинныя наклонности его бываютъ явны въ формѣ и назначеніи хижинъ, а не дворцовъ; зданій самыхъ простыхъ, а не храмовъ. Король строитъ святилище своего величія изъ порфира и золота, истощаетъ нѣдра земли и беретъ дань съ самыхъ отдаленныхъ странъ: это понятно. Напротивъ горожанинъ, земледѣлецъ, арендаторъ употребляютъ матеріялы подручные, кирпичъ или аспидъ, камень или гипсъ; строятъ обширные дворы, длинныя колоннады, открытыя гумна, провѣтриваемые портики въ странахъ жаркихъ; умножаютъ предохранительныя средства, выводятъ высокія, прочныя кровли, защищаютъ себя отъ вѣтровъ и бурь въ странахъ холодныхъ, или воздвигаютъ, въ земляхъ, опустошаемыхъ войною, огромныя, крѣпкія башни, въ защиту отъ грабежа и насилія.

Приличіе и симметрія (которая опять есть не иное что какъ совершенное приличіе всѣхъ отношеній, подчиненныхъ одному закону гео-

метрическому): вотъ два великія правила Архитектуры. Гармонія, не только частей между собою, и частей съ цѣлымъ, но и общности зданія съ окружающими предметами, скажу, не полезна, но необходима. Каждая мѣстность носитъ на себѣ отпечатокъ особенный; обстоятельства частныя необходимо опредѣляютъ архитектурный стиль, ей сообразный. Нарушьте это, уничтожьте эту гармонію: цѣль Искусства потеряна.

Посмотрите на какую нибудь мнимо-Готическую церковь, которой бѣлыя стѣны выказываютъ юность, а обманчивые стрѣльчатые своды хотятъ казаться древними. Какъ не ладитъ она съ окружающими ее плоскими кровлями, четыреугольными окнами, низкими дверями и горизонтальными аттиками! Это разладъ для глазъ. Насъ поражаетъ эта несообразность; мы требуемъ, чтобы подлѣ церквей были Готическія кровли, окна съ остроконечною дугою, домы съ нижнимъ косымъ этажемъ, съ алебастровыми харями, и стоки длинными трубами съ отверстою пастью. Пусть это старое аббатство будетъ на большой Роттердамской площади: вы удивитесь, какое дѣйствіе произведутъ его длинные шпицы и красивые фронтоны; но помѣстите, какъ безобразные приросты, эти строгія и правильныя линіи и чи-

стую степенность Эллинскаго или Римскаго стиля, подлѣ фантастической поэзіи, которую Средніе Вѣка вырѣзывали изъ камня и возносили къ небесамъ, вы произведете одну непріятную пестроту. Аббатство и замокъ, два рычага феодальнаго общества, исчезли вмѣстѣ съ властію духовенства и высокомочныхъ Бароновъ. Европейское общество запечатлѣно демократіею и духомъ промышленности; всѣ классы уравнялись, и уже нѣтъ средоточныхъ, свѣтлыхъ точекъ; нѣтъ властвованія безумнаго. Алтарь и владѣльческій чертогъ имѣютъ свои мѣста, равно какъ очагъ гражданина и зала правосудія. И посмотрите, какъ мы возвратились мало по малу къ простотѣ архитектурныхъ линій. Въ иной улицѣ заключается цѣлая исторія народа. Тамъ, огромные шпицы церкви, памятникъ давняго вѣка; здѣсь, палаты шестнадцатаго столѣтія, прелестный хаосъ, любопытное смѣшеніе всѣхъ стилей; наконецъ, вотъ наши новые домы, въ нѣсколько этажей, съ удобными входами, легкой постройки, вездѣ горизонтальные, прямолинейные, болѣе удобные, чѣмъ живописные, болѣе правильные, чѣмъ прекрасные, болѣе изящные, чѣмъ великолѣпные.

Смѣшеніе бываетъ не безъ прелести для философа и говоритъ ему о вѣкахъ прошедшихъ; но оно противно для глазъ. Если-бы художни-

ческое чувство сколько нибудь сближалось съ распоряженіями полиціи и приказами строительнаго управленія, то весьма легко было-бы сохранить для города вообще занимательность историческую, и въ тоже время избѣгнуть этой разительной несообразности, которой нестерпимые примѣры видны кругомъ соборныхъ церквей, на многихъ площадяхъ. Чѣмъ болѣе зданія, окружающія старинную церковь, запечатлѣны характеромъ пустыннымъ, тѣмъ болѣе однородно зрѣлище, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ останавливается взглядъ на этой исполинской и великолѣпной громадѣ украшеній; но отдѣльно, среди памятниковъ чуждыхъ, этотъ стиль какъ будто говоритъ о гибели чувствъ и понятій, породившихъ его. Genius loci, какъ выражались Древніе, отвергаетъ такое неуваженіе. И что сказать объ этихъ Греческихъ придѣлахъ, насильно введенныхъ въ готическій четыреугольникъ, объ этихъ Эллинскихъ перистиляхъ въ зубчатой колокольнѣ, объ этихъ Палладіевскихъ окнахъ въ стѣнѣ съ зубцами, съ мѣлкими пиластрами и Арабскими украшеніями? Это почти варварство.

Архитектура городовъ часто должна соображаться съ общественною пользою, и сія-то частныя соображенія могутъ удалять отъ нея все живописное, и даже изгнать святыню воспо-

минаній и народность, столь драгоцѣнную своею древнею поэзіею. Только въ деревнѣ этотъ двойственный характеръ можетъ сохраняться во всей чистотѣ. Воображеніе играетъ тамъ свободнѣе, мысль возвращается къ независимости. Тамъ вы не сжаты со всѣхъ сторонъ, не осаждены, такъ сказать, лавкою, магазиномъ и зданіями, коихъ единственная цѣль польза, коимъ чужды вкусъ и прелесть. Если готическое аббатство кажется намъ неумѣстнымъ подлѣ Шипсида, то Греческій храмъ, посреди Англійскихъ старыхъ дубовыхъ лѣсовъ, по мнѣнію нашему такая-же разительная несообразность. Наша феодальная Исторія, наши воспоминанія, даже атмосфера наша, климатъ, лѣса, пригорки, все худо мирится съ линіями Парѳенона и портиками Песиля. Къ чему эти колоннады, отымающія у насъ и послѣдній свѣтъ, которымъ ссужаетъ насъ небо? Въ нашей, правда, дикой сторонѣ, но гдѣ поверхность земли не столь разнообразна какъ у Эллиновъ, къ чему эти плоскія зданія, которыхъ прямолинейное однообразіе было столь прилично живой лазури неба и прихотливому плодородію почвы Аѳинской? Могутъ-ли наши новые нравы, столь домолюбивые, столь мало сходные съ нравами Греціи и Рима, или даже Среднихъ Вѣковъ въ Италіи, могутъ-ли они быть довольны этимъ внутреннимъ расположеніемъ, приличнымъ для

людей, которые всегда живутъ на вольномъ воздухѣ и ищутъ только ночнаго убѣжища подъ домашнею кровлею?

Мнѣ кажется, что старый Англійскій стиль, для котораго есть у насъ прекрасные образцы, особенно приличенъ нашимъ сельскимъ жилищамъ. Церковь, домъ священника, иногда и окружныя фермы, готовы, если могу такъ выразиться, принять новаго гостя. Вамъ стоитъ лишь привести въ согласіе вашъ за́мокъ съ этими многовѣтвистыми, феодальными дубами, съ этою высокою, кудрявою травою и почтенными вершинами каштанника, наслѣдственными, никогда ненарушимыми убѣжищами безчисленныхъ птицъ. Все напоминаетъ вамъ домашнюю, патріархальную, сельскую, охотничью жизнь стариннаго Англійскаго владѣльца. Зачѣмъ тутъ, среди сихъ мирныхъ образовъ, воспоминанія объ идолопоклонствѣ и симметрическія красоты Греціи, образца въ этомъ родѣ? Онѣ изгонятъ другія, болѣе милыя сердцамъ нашимъ красоты: отечество, народность, воспоминанія о предкахъ. Воспользуйтесь прихотями этой неправильной, фантастической Архитектуры. Благодаря ея башенкамъ, ея множеству лѣстницъ, ея легкой фантазіи, вы можете безъ труда наклонить ее ко всѣмъ утонченностямъ новой роскоши. Ваши будуары и гостиныя, ваши билліардныя и

ванныя комнаты, ваши картинныя галлереи и ученые кабинеты легко найдутъ себѣ мѣсто въ изворотахъ, въ извилинахъ, и въ нечаянныхъ, странныхъ измѣненіяхъ плана, располагаемаго единственно вкусомъ вашимъ, а не Классическимъ стилемъ, который приведетъ его въ прекрасную, но неудобную правильность.

У насъ, Англичанъ, нѣтъ полной Исторіи народной Архитектуры; а это сочиненіе было-бы чрезвычайно любопытно и поучительно. Но, таково общее заблужденіе новой гордости! Думаютъ, что все сдѣлано, что нашъ геній, наша мудрость исчерпали все, и что мы уже отняли у наслѣдниковъ нашихъ всякую славу въ будущемъ. Но посмотрите ближе: вы увидите, что большая часть важныхъ вопросовъ еще не потревожены, и даже изслѣдованные вопросы требуютъ руки болѣе искусной, сужденія болѣе вѣрнаго.

Прежде Саксонской эры, въ Англіи были однѣ хижины дикарей и зданія Римскія. Желѣзо сохи ежедневно открываетъ бани, украшенныя любопытными *тесселляціями* (*), и обломки изваяній: доказательство роскоши, принесен-

(*) Opus tessellatum, штучное украшеніе, съ шахматными клѣтками.

ной властителями міра къ старымъ Бретонамъ. Первоначальная Архитектура Саксонская завѣщала намъ, вмѣсто всѣхъ памятниковъ, огромныя круглыя башни, въ два и три этажа, грубо но прочно выстроенныя, печальныя видомъ, и безъ всякихъ притязаній Искусства. Это были военныя засады, временныя убѣжища, редуты, а не домы. Саксонецъ жилъ въ низкой хижинѣ, какъ говоритъ намъ Вильгельмъ Мальмсбюри. Его обычаи были земледѣльческіе, домосѣдные, а не воинскіе. Римская пышность, отразившаяся однимъ лучемъ на завоеванной Великобританіи, померкла при этихъ невѣжественныхъ властителяхъ.

Крѣпостей было воздвигнуто не много, и потому Нордманнъ-завоеватель, разсыпая вооруженныхъ людей по этимъ беззащитнымъ долинамъ, встрѣчалъ мало сопротивленія. Болѣе смѣтливый нежели его предшественники, онъ постарался утвердить свое завоеваніе, и покрылъ землю укрѣпленными зáмками, для защиты своихъ воиновъ не только отъ вторженія, но и отъ возмущенія, всегда неизбѣжнаго въ народѣ, стенающемъ подъ новымъ игомъ. Его соратники и предводители войскъ, которымъ роздалъ онъ владѣнія побѣжденныхъ, сдѣлали тоже. Несчастныхъ жителей заставляли самихъ строить крѣпости, еще болѣе отягчавшія ихъ

узы и отымавшія у нихъ даже надежду разорвать ихъ когда нибудь. Феодальныя войны увеличили важность укрѣпленныхъ мѣстъ, и въ концѣ Стефанова царствованія ихъ считалось уже, на всемъ протяженіи Англіи, тысяча сто пятнадцать. Мирные и грозные въ этихъ неприступныхъ берлогахъ, Бароны смѣялись надъ подчиненными владѣльцами и угнетали народъ. Одно изъ первыхъ дѣлъ Генриха II былъ приказъ, чтобы впередъ не строить зàмка безъ позволенія Монарха: это было смертельнымъ ударомъ феодализму. Для насъ сохранилось позволеніе Ричарда II, Канцлеру его, *вывести укрѣпленія, сдѣлать по стѣнамъ зубцы и махикулы* (licentia batellare, kernellare et machicolare).

Въ этой Архитектурѣ было величіе, варварское, однакожь сильное и могущественное. Большая часть зàмковъ была построена въ исполинскихъ размѣрахъ. Древняя Саксонская башня сохранилась, но къ ней прибавили множество круглыхъ и четыреугольныхъ башенокъ, соединенныхъ между собой стѣною, облегавшею многоугольный дворъ. Въ этотъ дворъ входъ былъ въ ворота, обыкновенно защищенныя двумя толстыми смежными башнями. Передъ воротами находился *барбиканъ*, или сторожевая башня, защищавшая подходы къ зàмку и пове-

лѣвавшая рвомъ и подъемнымъ мостомъ. Огромныя, тяжелыя ворота были обиты толстыми, желѣзными или мѣдными листами, а отверстія, сдѣланныя въ стѣнѣ, позволяли свободно отдвигать рѣшетку, когда надобно было проходить. Толстыя подставки или грубые столбы поддерживали парапетъ, который находился надъ рвомъ; въ парапетѣ были большія дыры, куда осаждаемые лили на осаждающихъ кипящее масло, растопленный свинецъ, кидали каменья. Эти дыры или отверстія назывались *махикулы*. Въ средоточіи зáмка возвышалась огромная башня, которую часто строили на искуственномъ холмѣ, для того чтобы она была выше: тамъ былъ колодезь, тамъ хранились сокровища и съѣстные припасы. Туда-то запирался гарнизонъ, когда осаждающіе овладѣвали наружными укрѣпленіями, но когда осажденные рѣшались еще защищаться. Лѣстницы, изсѣченныя изъ камня въ толстыхъ стѣнахъ, вели во многія комнаты, сдѣланныя въ разныхъ этажахъ, гдѣ жили только во время осады. Однимъ словомъ, воинственная жизнь того времени превосходно выражается въ этихъ могущественныхъ зданіяхъ, которыя сдѣланы единственно для войны. Зáмки Кернарвонскій, Тонбрейджскій, Конуэйскій, Карисбрукскій и Церлеверокскій, сохранили отчасти свою первобыт-

ную грубость и нѣкоторые остатки этой, почти Циклопейской Архитектуры.

Около царствованія Эдуарда III-го, прежній архитектурный стиль началъ измѣняться. Впервые стали прибавлять, къ силѣ стѣнъ и разнымъ военнымъ укрѣпленіямъ, нѣкоторую изысканность, нѣкоторыя украшенія. Число дворовъ увеличилось, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ расширили, распространили цитадель и превратили ее въ удобное жилище. Въ первомъ или переднемъ дворѣ помѣщались конюшни и всѣ воинскія службы. Второй, внутренній дворъ, былъ окруженъ галлереями, пышными залами, пространными отдѣленіями комнатъ. Тамъ-то была зала пиршествъ, тамъ жили и принимали гостей. Въ этомъ расположеніи уже замѣтна нѣкоторая образованность. Комнаты сообщаются одна съ другою; окна, все еще сдѣланныя высоко, обращены во дворъ. Внутреннія украшенія великолѣпны. Снаружи, это все еще крѣпость, внутри это уже зáмокъ.

Таковы прелестныя Виндзорскія палаты, созданіе Генриха III-го, Короля мало славимаго, но которому Англія обязана многимъ. Въ зданіяхъ сего времени, крѣпость все еще отдѣлена отъ зáмка, собственно такъ называемаго. Въ числѣ прекраснѣйшихъ образцовъ Архитектуры сего рода, мы назовемъ зáмки: Варвикъ,

Людловъ, Споффордъ, Гервудъ, Альдвикъ, Кенильворпъ, и особенно замокъ Рагландъ, мастерское произведеніе относительно прочности и той рыцарской прелести, которая такъ странно и живописно соединена съ частными принадлежностями старинной крѣпости.

Но время летѣло; нравы измѣнялись; а продолжительный переворотъ въ нихъ увлекаетъ съ собою все. Мало по малу, господство силы уступило господству закона. Перевѣсъ короны и возрастающее богатство трудолюбивыхъ классовъ дало обществу видъ новый. Рыцарскій значекъ и бердышъ уже не были единственными путеводителями гражданъ, которые выстроили свои стѣны и башни. Гражданство устроивалось. Желѣзная рука Феодализма ослабѣвала. Исключая области, пограничныя между Шотландіею и Англіею, гдѣ было безпрерывное кровопролитіе, повсюду воздвиглись жилища мирныя, для пристанища обитателей, а не для защиты отъ нападенія. Зубцы и махикулы остались однимъ наслѣдственнымъ украшеніемъ. Начали увеличивать удобства, а не военную твердость зданій. Сохранялись еще тяжелыя ворота и желѣзная рѣшетка, да иногда башня или двѣ, на постройку которыхъ надобно было Королевское позволеніе. Но окна понизились почти до самой почвы и раскрылись въ сады и въ парки,

окруженные стѣною и рвомъ. Начали роскошествовать украшеніями, увеличивать число залъ, украшать оба двора портиками и пиластрами: это былъ переходъ отъ стараго времени, когда знали однѣ крѣпости, къ эпохѣ новой, когда оставили зубчатыя стѣны для Итальянскихъ зданій. Тутъ уже легко признать время болѣе мирное, когда хотятъ наслаждаться жизнью, когда междоусобная война не есть всегдашнее состояніе народа, и когда чувство безопасности уже смѣшивается съ исчезающими феодальными привычками.

Прекраснѣйшія изъ этихъ укрѣпленныхъ палатъ, обыкновенно четыреугольныхъ, суть замки: Винкфильдъ въ Графствѣ Дерби, Коудрей въ Суссексѣ, Кельмингамъ въ Суффолькѣ, Пенсгорстъ въ Кентѣ, Динъ въ Нортгамтонѣ, и Торнсбори въ Глостерѣ. Смѣло указываю на эти замки, какъ на образцы хорошаго вкуса, приличія, и какъ на первый шагъ нашей Архитектуры къ эрѣ болѣе замѣчательной.

Этотъ родъ зданій мало разнится отъ монастырскихъ резиденцій той-же и предшествовавшей эпохъ. Тогда подвластный Аббатъ соперничалъ въ великолѣпіи съ Барономъ: только у сильныхъ духовныхъ находились изысканности роскоши, существовавшей въ то время. Эти мирные обитатели оазисовъ, называвшихся

ся монастырями, оставались неприкосновенными при всеобщей войнѣ, и ввели въ частную жизнь утонченности, которыя занялъ у нихъ впослѣдствіи рыцарь, облитый желѣзомъ. Когда Генрихъ VIII отнялъ у духовенства имѣнія, хорошо или худо пріобрѣтенныя, и наказалъ пороки преступленіемъ, тогда изумились роскоши и удобству, процвѣтавшимъ въ тюрьмахъ духовныхъ отцовъ. Насиліе, поразившее ихъ всѣхъ, правыхъ и виноватыхъ, и всѣхъ постигшее однимъ бѣдствіемъ, открыло гла- замъ толпы зрѣлище неожиданное. Ихъ блистательныя убѣжища пробудили не только жадность Короля и зависть свѣтскихъ жителей, но и вкусъ къ хорошему быту, и потребность въ наслажденіяхъ. Это вскорѣ принесло свои плоды. Придворные, которымъ роздали эти богатыя добычи, стали жить въ монастыряхъ, и должны были не много сдѣлать перемѣнъ и поправокъ, чтобы привести ихъ въ удобное для себя состояніе.

Благодаря имъ, похитителямъ чужаго, до насъ дошли нѣкоторыя изъ этихъ любопытныхъ зданій. Всѣ другія жилища владѣльцевъ того вѣка, и предшествовавшаго ему, кромѣ самыхъ огромныхъ и значительныхъ, превратились въ развалины, или остаются нынѣ совсѣмъ для иныхъ назначеній, фабриками и фермами. Но да-

же по этимъ остаткамъ легко можно видѣть, что сіи жилища, въ первобытномъ состояніи своемъ, представляли мало средствъ къ защитѣ. Старый Оубрей, лѣтописатель семнадцатаго столѣтія, довольно любопытно изображаетъ намъ настоящія Баронскія жилища, крѣпости Тудоровъ и Плантагенетовъ. Мы приведемъ многія любопытныя и неизвѣстныя мѣста изъ его рукописи. Онъ началъ было Исторію Архитектуры, не полную, однакожъ достойную справокъ, ибо она составляетъ драгоцѣнный памятникъ нравовъ того вѣка. Онъ не умѣетъ отличить стрѣльчатаго свода отъ арки, и пиластра отъ колонны; но онъ простодушенъ, онъ примѣшиваетъ къ своему невѣдѣнію какое-то живое, особенное краснорѣчіе, не лишенное прелести.

«Прежде, говоритъ онъ, Англійскій помѣщикъ защищался толстою стѣною, превысокою и прекрѣпкою, да воротами и желѣзною рѣшеткой. Жилище его составляли: большая зала, общая комната, да маленькій дворъ съ зеленью, который велъ къ стойламъ. Тогда скрыпъ воротъ, которыя визжатъ на своихъ петляхъ, и мычанье коровы, еще не раздирали слуха.... Примѣры этой Архитектуры можно найдти во многихъ Графствахъ, особенно въ Вильтскомъ.

«. . . Нечего и говорить объ Архитектурѣ и объ Искуствахъ до-Саксонской эпохи. Саксоны употребляли на постройку одну сушеную грязь; ихъ Гласшонская церковь была сдѣлана изъ драничекъ и изъ глины; ихъ Короли были арендаторы, которые жили въ большихъ избахъ, пили много пива, питались огромными ломтями солонины, и передавали другъ другу рогъ съ пѣнящимся *элемъ*.

«. . . . Правительство, отъ времени Альфреда и до Генриха VIII-го, я сравню со многими ящичками (*), которые вкладывались одинъ въ другой, отъ самаго малаго, до самаго большаго. Самый ничтожный изъ этихъ ящичковъ былъ мужикъ; его держалъ въ рукахъ помѣщикъ, зависѣвшій отъ другаго, другой отъ третьяго, а самый послѣдній былъ подъ рукою Короля. Случалось-ли смятеніе, владѣлецъ, сопровождаемый всегда своими трубачами, гремѣлъ въ трубы; вассалы сбѣгались и въ свою очередь били въ набатъ. Такъ шло до послѣдняго мужика и раба, которые всѣ спѣшили къ владѣльцу. У младшихъ братьевъ не было ничего: они поступали въ духовенство или къ какому

(*) Это прелестное, простое сравненіе, можетъ быть всего лучше объясняетъ феодальную систему. *Прим. Сот.*

нибудь сильному Барону. Они занимались не торговлею, какъ многіе нынѣ (а это стыдно): они разъѣзжали на коняхъ, какъ благородные, иногда *отымали кошелекъ или два на большихъ дорогахъ*, и проливали свою кровь за властителей и Бароновъ. . .

« . . . . Эпоха была военная: владѣльцы по большей части враждовали другъ съ другомъ. Когда ихъ слуги встрѣчались на рынкѣ, они обыкновенно сталкивались щитами и начинали маленькую драку. Рыцарь ѣзжалъ въ городъ не иначе какъ съ десятью, съ двѣнадцатью провожатыми, одѣтыми въ голубое платье, съ его гербами. Владѣльцы жили какъ маленькіе Короли: тогда ихъ титулъ былъ не только названіемъ.

«У нихъ было все свое: судъ гражданскій и уголовный, владѣльческія права, граждане, свои депутаты въ Парламентѣ, свои висѣлицы, на которыхъ они могли вѣшать мужиковъ, свои колеса, гдѣ они колесовали ихъ! Они ѣзжали въ Лондонъ только во время засѣданій, или разъ въ годъ, съ поклономъ къ Государю. За большимъ ихъ столомъ, который располагали въ видѣ подковы, садились главные вассалы; простонародіе сажали за маленькіе столы. У каждаго владѣльца былъ свой арсеналъ, свои кони, свои значки. Монархія опиралась на силь-

ные законы, испровергнутые, царствованіемъ Генриха VIII-го: тогда-то право суда, исторгнутое у владѣльцевъ, оставило въ обществѣ толпу, не знающую ни законовъ, ни боязни. Потомъ продали имѣнія духовенства. Народъ овладѣлъ вѣсами правленія, и все перемѣнилось. Учредились гостинницы по всѣмъ угламъ Англіи. Прежде, кто чувствовалъ жажду, шелъ въ монастырь, гдѣ поили его; путешественниковъ кормили и угощали въ каждомъ монастырѣ по три дни. Тогда дворянство сбиралось не въ тавернахъ, а на поляхъ, въ рощахъ, среди огромныхъ, старыхъ лѣсовъ, при звукѣ трубъ и роговъ, при лаѣ вѣрныхъ собакъ и ржаніи боевыхъ коней.»

Простодушныя, поэтическія жалобы добраго антикварія шли отъ сердца. Онъ лишился своей собственности, истребленной междоусобными войнами. А послѣ смерти его: сколько новыхъ перемѣнъ! Едва находимъ въ обществѣ слѣдъ старыхъ нравовъ, а на землѣ какіе нибудь остатки старыхъ замковъ.

Имѣнія сосредоточены въ немногихъ рукахъ; высшіе классы любятъ жить въ столицѣ, и наполняютъ ее, или живутъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ мода велитъ сбираться къ водамъ. Это много способствовало опустѣнію замковъ, которыми прежде Англія была усѣяна. Младшему

брашу часто доставался особенный удѣлъ, маленькій замокъ, завѣщанный отцомъ семейства. Сельская жизнь Аристократіи нашей исчезла навсегда. Нѣтъ сомнѣнія, что общая образованность выиграла при этомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; просвѣщеніе увеличилось; но да позволятъ усомниться, чтобы общественныя добродѣтели были многимъ обязаны этому новому порядку дѣлъ. Да позволятъ намъ думать, что наслажденія частной жизни, оставленныя для клубовъ и спектаклей, для карточной игры и конской скачки, имѣли свою цѣну. Владѣлецъ, вокругъ котораго толпились вассалы; рѣшитель ихъ споровъ и покровитель ихъ правъ; *хранитель мира*, какъ сказали-бы наши предки, оставилъ свою резиденцію, отказался отъ своихъ правъ. Онъ предсѣдательствовалъ на празднествахъ, онъ исправлялъ заблужденія, онъ поддерживалъ слабыхъ, утѣшалъ несчастныхъ. Отъ него отдѣлились, перестали глядѣть на него какъ на отца и опору; онъ сдѣлался безвластнымъ помѣщикомъ (*). Конечно, блеску много въ освѣщенныхъ улицахъ Бата, въ гостиныхъ Чельтенгама; но кто можетъ безъ грустнаго чув-

---

(*) Въ этихъ сужденіяхъ читатели наши могутъ видѣть духъ писателей Англійскихъ, принадлежащихъ къ партіи *Тори*. *Прим. Переводч.*

ства пройдти мимо древняго, нынѣ промотаннаго замка! Тамъ царствовало радостное гостепріимство, тамъ былъ тронъ мирнаго владѣльца. Вотъ прелестный портикъ, съ богатою лѣпною работою: она обломана, онъ брошенъ въ чуждый ему уголъ, обезчещенъ, преданъ всѣмъ оскорбленіямъ! Войдите въ большую залу пиршествъ: тамъ обветшалыя украшенія закрыты громадами сыру и грудою съѣстныхъ запасовъ! Загляните въ кладовую: это пріемная зала, со своимъ исполинскимъ каминомъ, и потолкомъ, разукрашеннымъ арабесками. Прелестныя окна, стоившія столько труда и времени готическому художнику, заложены простыми каменьями или грубымъ гипсомъ. Въ капеллѣ навалены дрова. Зеленая площадка превращена въ скотный дворъ. Едва узнаете вы террасы и балюстрады парка, гдѣ дороги не поправлены, загромождены обломками изваяній, кучами разбитыхъ камней и головами статуй. Эти величественныя развалины, эти изваянія въ древнемъ вкусѣ, возраждаютъ для васъ прежнихъ обитателей, съ ихъ благородствомъ, пріятностью, блескомъ; вы снова видите ихъ пышныя, характерныя одежды. . . но вотъ, какой нибудь работникъ, дровосѣкъ, какая нибудь деревенская служанка, босоногая, въ грязномъ, грубомъ плащѣ, выходятъ изъ аллеи. . . простѣ

очарованіе! Въ сердцѣ вашемъ отозвалась тайная, глубокая скорбь.

Не раньше какъ при послѣднемъ Генрихѣ начали въ Англіи подражать стилю Архитектуры Итальянской. Мало по малу онъ смѣшался и соединился съ истиннымъ Готическимъ стилемъ, котораго названіе невѣрно, но смыслъ и значеніе извѣстны всѣмъ. Художники съ большимъ дарованіемъ, надѣленные смѣлою, блестящею изобрѣтательностью, создали это смѣшеніе стилей Ломбардскаго, Саксонскаго и Нордманскаго, удивляющее и нынѣ знатоковъ. Между тѣмъ въ Италіи только подражали, безъ вкуса и величія, древнимъ зданіямъ. Тамъ смѣшали всѣ ордена; выдумали какой-то архитектурный хаосъ, и полагали что изобрѣтаютъ!

Едва-ли извѣстны имена одного или двухъ изъ нашихъ старинныхъ, готическихъ архитекторовъ, коихъ геній былъ достоинъ безсмертія. Это самая странная несправедливость Исторіи.

Италія оставалась безплодною; Сѣверъ произвелъ чудеса, а Константинополь, сдѣлавшійся средою образованности и Греческой Имперіи, вознесъ къ облакамъ свой воздушный куполъ. Но возрожденіе Литтературы дало жизнь всѣмъ Искусствамъ. Начали измѣривать, очищать, списывать, изучать зданія Римскія. Прочитали

древнія рукописи, и Витрувій далъ советы новымъ архитекторамъ. Исправили Архитектуру Ломбардскую, сравнивъ ее съ тѣмъ первообразомъ, который она исказила. Брунеллески, Браманте и Микель-Анджело, геніи-современники, приняли начала Древнихъ, но, соображаясь съ своимъ вкусомъ, измѣнили образцы, завѣщанные Римомъ и Греціею. Смѣлые и блестящіе, и часто несчастные въ своихъ опытахъ, они удалились отъ первобытной чистоты и повели Искуство путемъ опаснымъ, съ котораго наконецъ свелъ его Палладіо, самый правильный и болѣе всѣхъ древній Архитекторъ.

Около половины шестнадцатаго столѣтія, любовь къ Древности, заразившая всю Европу, овладѣла всѣми Искусствами и всѣми помышленіями. Италія открыла путь, начала Классическое перерожденіе, и сдѣлалась обѣтованною землею, святилищемъ вѣрованія всеобщаго. Ея прекрасный языкъ, ея образцовыя произведенія Живописи, ея новыя зданія были удивленіемъ и предметомъ подражанія во всей Европѣ. Уже владѣлецъ не довольствовался болѣе своимъ феодальнымъ великолѣпіемъ. И правду сказать, было слишкомъ довольно пышности. Эти стѣны, выработанныя какъ кружево, эти стрѣльчатые своды съ фестонами, эти легкіе и странные своды висячіе, эти ограды съ зубцами,

эти окна, окруженныя листьями и животными, эти кровли, столь богатыя украшеніями, и трубы каминовъ, скрытыя за статуями или обелисками, удовлетворили-бы самый жаркій вкусъ къ великолѣпію. Но мода требовала, чтобы строили на Италъянскій манеръ; суетность, предубѣжденіе, потребность въ новомъ способствовали распространенію этого новаго стиля. Мало по малу забыли, презрѣли стиль старинныхъ построекъ; призвали чужеземныхъ художниковъ; требовали у нихъ уроковъ и образцовъ. Каждый большой владѣлецъ хотѣлъ, чтобы сосѣди удивлялись его прекрасному вкусу и новому изяществу. Даже сохраняя общій планъ старинныхъ строеній, обременяли ихъ украшеніями чуждыми. Высокія двери были понижены; ихъ остроконечная дуга округлена; колонны или пиластры обрисовали надъ аркою иногда двойной или тройной рядъ шафтовъ; смѣлая кривая линія готическихъ куполовъ выпрямилась, и вскорѣ представляла уже горизонтальную линію, съ тяжелыми брусьями.

И теперь еще можно видѣть въ Аббатствѣ Мильтонскомъ, и въ Марнеѣ (Low-Marney-Hall), зáмкѣ Эссекскаго Графства, самые древніе образцы этого нововведенія. Марней выстроенъ изъ кирпича; планъ старыхъ зáмковъ сохраненъ въ немъ. Это правильный четыре-

угольникъ, съ башнями по бокамъ. Осміугольныя башенки, чрезвычайно высокія, защищаютъ главный входъ; окна сихъ башенокъ, узкія и со стрѣльчатымъ сводомъ, совершенно противоположны широкимъ окнамъ башенъ. Іоническія укороченныя капители вѣнчаютъ сіи послѣднія, а листья леденца, курьёзно вылѣпленныя, окружаютъ малыя окна. Эти украшенія соединены такъ странно, что въ нихъ, можно сказать, Сѣверъ и Югъ касаются одинъ другому.

Нововведеніе не могло остановиться на этомъ. Въ Италіи такъ много шумѣли объ изобрѣтеніи купола, что Англійская знать также захотѣла имѣть свои куполы. Они явились всюду и всякіе: осміугольные, круглые, четыреугольные, овальные, надъ башенками, надъ капеллами, надъ церковными папертями, и даже подъ флюгерами. Вскорѣ исчезъ парапетъ; горизонтальныя линіи усиливались болѣе и болѣе. Ввели въ употребленіе аттикъ. Вмѣсто гербовъ, щитовъ и изображеній Святыхъ, по всѣмъ балюстрадамъ явились двѣнадцать Цезарей или Греческія божества. Мѣсто зубцовъ и оградъ заняли странные, прямолинейные парапеты, съ сквозными отверстіями, овальными или круглыми, украшенные пирамидами, бюстами и обелисками. Иногда, старинная угловатая кровля была замѣняема плоскою, Итальянскою, и на

лазури неба стали рисоваться разныя украшенія и вазы фантастической формы. Такимъ образомъ пестрота Архитектуры старинной, ея шпицы, косоугольники, бороздки, стрѣльчатые своды, и проч., закрытые, незамѣтные, были изглажены прямою линіею и однообразнымъ стилемъ. Подражаніе Италіянскому дошло до злоупотребленія. Вокругъ замковъ насадили цѣлые лѣса колоннъ. По-этажно возвышались всѣ ордена Архитектуры, пиластры на пиластрахъ, колонны на колоннахъ, подраздѣленныя открытыми арками. Не было измѣнено только окно съ готическими выкружками, этотъ особенный признакъ царствованія Тудоровъ: въ немъ какъ будто уважали остатокъ Древности, почтенный, живописный, который составлялъ противоположность со всѣмъ остальнымъ, придавая зданію характеръ оригинальной странности, особенную печать того времени.

Художники и любители, почти единогласно охуждаютъ эту смѣшанную Архитектуру, которую описалъ я здѣсь. « Нелѣпый родъ, говорятъ они, соединеніе ложное, неестественное, смѣшной сборъ всѣхъ тоновъ!» Но чего хотятъ они, и чего требуемъ мы отъ Искуства? Конечно силы нравиться новыми сближеніями. Что вамъ за надобность до элементовъ, изъ коихъ составленъ стиль, если только общ-

ность его удовлетворительна? Хотятъ-ли неизмѣнной чистоты, неприкосновенности архитектурнаго стиля? Тогда мы тщетно будемъ искать ее повсюду, кромѣ первобытныхъ храмовъ древней Греціи. Брамантe, Иниго Джонесъ, Палладіо, Микель-Анджело запятнаны тѣмъ-же недостаткомъ. Колизей, театръ Марцелла, представляютъ смѣсь родовъ и стилей самыхъ противоположныхъ. Какъ? Васъ не смущаетъ колокольня на Греческомъ храмѣ, колонна и арка одна подлѣ другой, и вы осуждаете окно со стрѣльчатымъ сводомъ, сближенное съ антикомъ, или висячій сводъ подлѣ колоннъ и подлѣ сводовъ съ правильною дугою и корнизами?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ЖИЗНЬ ТРЕХЪ ДРУЗЕЙ.

Повѣсть Гоффмана

(*Окончаніе*).

Прошло два года, и Марцеллъ, снова оставилъ службу и пріѣхалъ въ Берлинъ. Именно на другой день послѣ Троицы, онъ стоялъ въ Беберовой палаткѣ, облокотясь объ загородку, и, теряясь во множествѣ мыслей, смотрѣлъ на Шпрею. Кто-то слегка ударилъ его по плечу; онъ обернулся и увидѣлъ Александра съ Северином ъ. «Вотъ какъ надобно искать и находить друзей!» вскричалъ Александръ, съ живою радостью обнимая Марцелла. «Вовсе не ожидая видѣться съ вами нынче — продолжалъ Александръ — кой-куда пробирался я между липами, какъ вдругъ возлѣ меня является человѣкъ.... не вѣрю глазамъ своимъ: то былъ Северинъ! Я кличу его, онъ оборачивается, съ радостью, которая не уступала моей; приглашаю его къ себѣ; онъ начисто отказывается, потому что непреодолимое стремленіе влечетъ его въ Веберову палатку. Мнѣ ничего

больше не остается, какъ отложивъ свое дѣло до другаго времени, идти вмѣстѣ съ нимъ. Предчувствіе не обмануло его; онъ сердцемъ зналъ, что ты здѣсь.» — Въ самомъ дѣлѣ — прервалъ Северинъ — мнѣ такъ ясно представлялось, что непремѣнно встрѣчу здѣсь тебя и Александра! Я не могъ ни на минуту отложить радостнаго свиданія. — Друзья обнялись снова. «Не замѣчаешь ли ты, Александръ — сказалъ Марцеллъ — что у Северина совсѣмъ исчезла болѣзненная блѣдность? Посмотри, какъ онъ свѣжъ и здоровъ: на открытомъ лицѣ его нѣтъ и слѣда мрачной тѣни.» — Тоже самое — возразилъ Северинъ — можно сказать и о тебѣ, любезный Марцеллъ! Если ты и не казался такимъ разслабленнымъ, какъ я, дѣйствительно страдавшій духомъ и тѣломъ, то какое-то внутреннее несогласіе съ самимъ собою до такой степени обладало тобою, что совсѣмъ было превратило юношеское, веселое лицо твое въ старообразное и брюзгливое. Думаю, что мы выдержали чистилище, не исключая и Александра. Вѣдь онъ было также сдѣлался чуждъ обыкновенной своей веселости, и, какъ будто передъ пріемомъ отвратительнаго лекарства, строилъ такое кислое лицо, что бывало невольно читаешь на немъ: *каждый часъ по столовой ложкѣ.* Ужь покойница-ли тетушка, или, пожалуй, другое что нибудь такъ ухо-

дило его, но только и онъ совершенно перемѣнился къ лучшему. — «Твоя правда — подхватилъ Марцеллъ — и чѣмъ больше смотрю я на нашего друга, тѣмъ яснѣе становится для меня, какъ сильны въ этомъ мірѣ деньги. Ну были-ль у него прежде такія румяныя щеки, такой круглый подбородокъ? Не говорятъ-ли эти всегда къ улыбкѣ готовыя губы: какъ вкусно были приготовлены котлеты, какое чудесное Бургонское!» Северинъ смѣялся. «Замѣть — продолжалъ Марцеллъ, взявъ Александра за обѣ руки и тихо повертывая его — замѣть, пожалуста, это тонкое сукно на фракѣ послѣдней моды; взгляни на это, ослѣпительной бѣлизны, такъ искусно сложенное бѣлье, на эту богатую часовую цѣпочку со множествомъ золотыхъ печатей! Скажи, ради Бога, любезный, какъ это дошелъ ты до такого затѣйливаго, прежде совершенно чуждаго тебѣ щегольства? И вотъ нашъ великолѣпный пріятель, о которомъ, какъ Фальстафъ о Президентѣ Мирнаго Суда, мы говаривали, что его можно всего укутать въ угриную кожицу, начинаетъ округляться. Скажи, на милость, что сдѣлалось съ тобой?» — Ну, вотъ прекрасно — возразилъ Александръ, и легкій румянецъ пробѣжалъ по лицу его — да почему кажусь я тебѣ такимъ страннымъ? Годъ тому, какъ я покинулъ Королевскую службу, и живу теперь беззаботно,

весело. » — Правду сказать — началъ Северинъ, который не внималъ ничему, что говорилъ Марцеллъ, стоялъ въ глубокой задумчивости и теперь только очнулся — правду сказать, мы разстались вовсе не по пріятельски, не такъ, какъ-бы слѣдовало стариннымъ друзьямъ. — « Да ты первый — сказалъ Александръ — ты первый убѣжалъ, не сказавъ никому ни слова. » — Ахъ — возразилъ Северинъ — я былъ тогда въ какой-то хандрѣ, точно такъже, какъ и ты и Марцеллъ, потому что. . . . — Вдругъ замолчалъ онъ, и пріятели полнымъ огня взоромъ взглянули другъ на друга, подобно людямъ, которыхъ, какъ электрическій ударъ, потрясаетъ одна и та же мысль. Въ то время, какъ говорилъ еще Северинъ, они пошли рука объ руку и остановились возлѣ того самаго стола, гдѣ за два года сидѣла прелестная дѣвушка, которая всѣмъ имъ вскружила голову. Здѣсь, здѣсь сидѣла она, говорилъ каждый взорами, и они, казалось, хотѣли сѣсть за тотъ столъ; Марцеллъ придвинулъ уже и стулья, но, ничего не говоря, они шли далѣе, и Александръ велѣлъ поставить столъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они сидѣли за два года. Кофе былъ уже принесенъ, но никто не вымолвилъ еще ни слова. Александръ казался всѣхъ задумчивѣе. Тракширщикъ, дожидаясь платы, стоялъ и съ удивленіемъ посматривалъ то

на одного, то на другаго изъ безмолвныхъ гостей, потиралъ руки, кашлялъ, наконецъ спросилъ тихимъ голосомъ: «Не прикажете-ли рому, господа.» Тутъ друзья взглянули одинъ на другаго и прегромко захохотали. «Ахъ, Боже мой, да они не въ своемъ умѣ!» вскричалъ изумленный трактирщикъ и отскочилъ на два шага назадъ. Александръ успокоилъ испуганнаго, заплативъ ему деньги, и когда они усѣлись, Северинъ началъ: «То, что хотѣлъ я описать только впослѣдствіи, мы всѣ трое мимически представили, и утѣшительная развязка съ ея нравственнымъ примѣненіемъ заключается уже въ нашемъ, прямо изъ души вылившемся смѣхѣ. Нынче два года тому, какъ мы немилосердо хандрили; но теперь вылечились отъ этой глупости и стыдимся ея.» — Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ Марцеллъ — эта небесной красоты дѣвушка, всѣмъ намъ, дивнымъ образомъ вскружила голову. — «Небесной красоты, такъ, небесной красоты!» повторилъ Александръ, пріятно улыбаясь. «Но — продолжалъ онъ нѣсколько грустно-смущеннымъ голосомъ — ты утверждаешь, Северинъ, что мы всѣ вылечились отъ величайшаго дурачества, то есть, отъ безумной любви къ той прелестной дѣвушкѣ, которая осталась намъ незнакомою; но положимъ, напримѣръ, что она столь же прелестною, столь же очаровател-

ною явится здѣсь въ сію минуту и сядетъ тамъ, на прежнемъ мѣстѣ: не впадемъ-ли тогда опять въ прежнее дурачество?» — Что касается до меня — подхватилъ Северинъ — то могу сказать, что я вылечился престраннымъ образомъ. — «И я также — сказалъ Марцеллъ. — Едва-ли еще можно такъ нелѣпо водить за носъ самого себя, какъ я во время болѣе короткаго знакомства съ этою несравненною дѣвушкой.» — Несравненная дѣвушка, короткое знакомство! — прервалъ съ живостью Александръ. «Да, конечно — продолжалъ Марцеллъ. — Откровенно скажу вамъ, что за проказами въ тавернѣ (такъ почти можно назвать тогдашнее пированье наше) слѣдовалъ небольшой романъ въ одной части, или шутка въ одномъ дѣйствіи.» — Со мною было тоже самое — сказалъ Северинъ — и если твой романъ заключается въ одной части, твоя шутка въ одномъ дѣйствіи, то моихъ похожденій достанетъ не больше какъ на одну брошюрку, на одно явленіе! — Александръ покраснѣлъ до ушей; потъ выступилъ у него на лбу; съ трудомъ переводилъ онъ духъ, перебиралъ завитые на вискахъ волосы свои, словомъ, не смотря на очевидное усиліе, не могъ онъ скрыть всѣхъ признаковъ сильнаго внутренняго движенія, такъ, что Марцеллъ спросилъ его: «Скажи, ради Бога, что дѣлается съ тобою?» — Чему и быть иному — сказалъ

Северинъ, улыбаясь — какъ не тому, что онъ и теперь по уши влюбленъ въ женщину, отъ которой мы отказались; не хочетъ признаться намъ, или, Богъ знаетъ что думаетъ о нашихъ романахъ и мучится ревностью, не имѣя на то ни малѣйшей причины, потому что меня, по крайней мѣрѣ, не на шутку отбояриди. — «Да и меня нѣкоторымъ образомъ — сказалъ Марцеллъ — и я клянусь тебѣ, Александръ, что искра, которая въ то время запала мнѣ въ душу, совершенно и на вѣки погасла, и потому ты свободно можешь, сколько тебѣ угодно, любить эту женщину.» — На счетъ меня будь также покоенъ — прибавилъ Северинъ. — Александръ, который между тѣмъ совершенно развеселился, смѣялся отъ души и наконецъ сказалъ: «Нѣкоторымъ образомъ вы справедливо судите обо мнѣ; но все-таки не знаете, въ чемъ дѣло. Слушайте-же. Скажу вамъ чистосердечно, что, бывало, лишь только вспомню о роковомъ времени, проведенномъ въ тавернѣ вмѣстѣ съ вами, какъ та милая дѣвушка, во всей своей очаровательной прелести, столь живо представится глазамъ моимъ, что я слышу ея восхитительный голосъ, беру ее за бѣлыя, нѣжно простертыя ко мнѣ руки. Мнѣ казалось, что лишь ее могу любить я со всею силою высокой, въ душѣ пламенѣющей страсти, лишь ею одною обладая могу

быть совершенно счастливъ; но это былобы величайшимъ несчастіемъ.» — Какъ такъ? почему! — спросили съ живостью Марцеллъ и Северинъ. «Потому что — возразилъ спокойно Александръ—вотъ ужь годъ, какъ я женатъ!» — Ты? женатъ? годъ тому назадъ? — вскричали друзья, всплеснувъ руками, и громко засмѣялись. — Кто такая подруга твоя? хороша-ли она? богата? бѣдна? молода? стара? какъ это? гдѣ? когда?» — «Прошу васъ — продолжалъ Александръ тихимъ голосомъ, облокотясь на столъ лѣвою рукою, а правою, на которой возлѣ хризотопаза свѣтилось обручальное кольцо, взялъ ложку и, смотря въ чашку, мѣшалъ кофе — прошу васъ, избавьте меня отъ всякихъ расиросовъ, и если сверхъ того хотите отъ сердца удружить мнѣ, то разскажите, что случилось съ вами послѣ нашихъ проказъ въ таверлѣ? — Ну, братъ, мнѣ кажется, ты не такъ-то счастливо женился. Не попуталъ-ли тебя нечистый духъ и не свелъли съ Фальтеровой желтолицей Сивиллой? — «Если только любишь — прервалъ его Александръ — то не мучь распросами, а разскажи намъ лучше свой романъ.» — Озадачилъ-же онъ насъ! — вскричалъ съ притворною досадою Северинъ. — Владѣя добрымъ запасомъ тарелокъ, блюдъ, чайниковъ, чайничковъ и кастрюль, для порядка въ домѣ, зажмуривъ глаза, женился

на комъ попало, да, видно, и убилъ бобра! За то изволь-ка теперь думать думу, съ раскаяніемъ и запретною любовью въ сердцѣ; а ужь это, кажется, вовсе не къ лицу тебѣ. А что, покойница тетушка принимаетъ-ли, по прежнему, желудочныя капли? — «Она очень довольна мною,» сказалъ съ важностью Александръ, «но,» продолжалъ онъ, «если вы не хотите навсегда отравить для меня часъ нашего свиданія и насильно прогнать меня отъ себя, то перестаньте спрашивать и разсказывайте!»

Александрово обращеніе показалось друзьямъ чрезвычайно страннымъ; они увидѣли, что не надобно болѣе сердить раздосадованнаго товарища, и потому Марцеллъ тотчасъ началъ разсказывать желанный романъ слѣдующимъ образомъ.

«Извѣстно, что въ нынѣшній день, назадъ тому два года, одна прелестная дѣвушка, съ перваго взгляда, намъ всѣмъ тремъ вскружила голову; что мы, какъ неопытные влюбленные шалуны, обманывали самихъ себя и не въ силахъ были оставить глупость, которая овладѣла нами. Днемъ и ночью, гдѣ-бы я ни былъ, образъ дѣвушки преслѣдовалъ меня: она вмѣстѣ со мною приходила къ Военному Министру, являлась мнѣ изъ-записьменнаго стола Президента и нѣжными взорами своими смѣши-

вала меня въ заученыхъ выраженіяхъ моихъ, такъ, что съ видомъ сострадания не рѣдко спрашивали, не страдаю-ли я еще отъ своей раны въ голову? Снова видѣть ее, было моею единственною цѣлію, моимъ пламеннымъ стремленіемъ. Какъ почталіонъ, съ утра до вечера, бѣгалъ я по улицамъ, смотрѣлъ въ окна, гдѣ только появлялись прекрасныя лица, но все напрасно. Каждый вечеръ приходилъ я въ звѣринецъ, сюда въ Веберову палатку.» — И я также! И я также! — вскричали Северинъ и Александръ. «Я очень хорошо видѣлъ васъ, но всякій разъ старался избѣгать,» сказалъ Марцеллъ. — Ну точь въ точь такъ какъ мы! — вскричали друзья, и всѣ трое въ одинъ голосъ: «Ахъ мы глупцы!« — «Все, все было тщетно — продолжалъ Марцеллъ — но я не переставалъ, я не зналъ покоя. Убѣжденіе, что незнакомка уже любитъ, что я погибну въ безнадежной горести, если узнаю ее и собственными глазами увижу свое несчастіе, буду свидѣтелемъ безутѣшной тоски ея по возлюбленномъ, ея грусти, ея вѣрности, все это болѣе и болѣе питало огонь души моей. Севериново трагическое объясненіе минувшаго явленія здѣсь въ звѣринцѣ, безпрестанно приходило мнѣ на умъ, и между тѣмъ какъ я видѣлъ въ судьбѣ этой дѣвушки все возможное несчастіе, до какого только можетъ довести любовь, самъ

я былъ еще несчастливѣе. Во время ночей, проведенныхъ безъ сна, и даже въ уединенныхъ прогулкахъ моихъ, сочинялъ я самые запутанные, чудные романы, гдѣ, само собою разумѣется, незнакомка, ея возлюбленный и я, играли главныя роли. Я вводилъ сцены, поражающія неожиданностью. Мнѣ пріятно было видѣть въ себѣ героя, покорнаго бѣдствію, въ которое вовлекла любовь! Вы ужь знаете, что я безъ памяти бѣгалъ по всему Берлину, желая найдти ту, которая владѣла всѣми моими мыслями, всемъ бытіемъ моимъ. Однажды утромъ, часу въ 12-мъ, очутился я на Новой Зеленой улицѣ и шелъ по ней, погруженный въ самого себя. Вдругъ подходитъ ко мнѣ молодой человѣкъ, хорошо одѣтый, и, вѣжливо приподнимая шляпу, спрашиваетъ, не знаю-ли я, гдѣ живетъ здѣсь Тайный Совѣтникъ Аслингъ. Я говорю, что не знаю; между тѣмъ фамилія Аслингъ какъ будто знакома мнѣ. Аслингъ. . . Аслингъ! Вдругъ приходитъ мнѣ на мысль, что увлеченный своею романическою любовью, вовсе забылъ я объ одномъ письмѣ къ Тайному Совѣтнику Аслингу, которое отдалъ мнѣ его раненый племянникъ, лежащій въ Дейцкомъ госпиталѣ, усердно прося меня доставить оное лично. Я рѣшился въ ту-же минуту исполнить, непростительнымъ образомъ забытое порученіе; я видѣлъ, какъ молодой человѣкъ, по

указанію сидѣльца ближайшей лавки, вошелъ въ большой домъ, и я послѣдовалъ за нимъ. Слуга вводитъ меня въ пріемную, прося немного подождать, потому что господинъ Тайный Совѣтникъ занятъ съ какимъ-то гостемъ. Онъ оставляетъ меня одного. Ни о чемъ не думая, разсматриваю я большіе эстампы на стѣнахъ; позади меня отворяется дверь. . . оборачиваюсь и вижу—ее! ее самоё, прелестную дѣвушку, которая очаровала насъ въ звѣринцѣ! Не въ силахъ описать вамъ, что я тогда чувствовалъ; знаю только, что у меня сперлось дыханье, что я не могъ произнести ни слова, ожидая каждую минуту безжизненно упасть къ ногамъ божественной. » — Ну, братъ — вскричалъ Александръ, нѣсколько смущенный — ты въ самомъ дѣлѣ былъ жалкій влюбленный! — «По крайней мѣрѣ — продолжалъ Марцеллъ — въ ту минуту чувство безумной любви не могло быть сильнѣе. Мое оцѣпенѣніе должно было явно выражаться на лицѣ моемъ и во всѣхъ пріемахъ, потому что Паулина съ удивленіемъ смотрѣла на меня; а такъ какъ я не сказалъ и полслова, то она, вѣроятно, приняла такой способъ обращенія за глупость или за невѣжество, и наконецъ, иронически улыбнувшись, спросила: «Вы вѣрно дожидаетесь батюшки?» Тутъ я образумился, стыдясь самого себя; собрался съ силами, вѣжливо поклонился, сказалъ свою фа-

милію и упомянулъ о письмѣ къ Г-ну Тайному Совѣтнику. Вдругъ Паулина громко и радостно вскричала: » Боже мой! Боже мой! извѣстія о моемъ двоюродномъ братѣ! Вы были у него, говорили съ нимъ? Я не вѣрю его письмамъ: онъ всегда пишетъ, что здоровъ совершенно! Скажите, ради Бога, не жалѣйте меня! не правда-ли, что онъ бѣдный изуродованъ?« Я увѣрялъ, напротивъ, зная то совершенно, что у него въ ногѣ раздроблена почти самая колѣнная чашечка, и, конечно, рана была опасна; хотѣли даже сдѣлать операцію; но, хотя опасность не совсѣмъ еще прошла, есть надежда, что крѣпкаго сложенія молодой человѣкъ, оставитъ свой костыль, съ которымъ долженъ еще проходить нѣсколько мѣсяцевъ. Привыкнувъ ко взорамъ Паулины, къ ея очаровательному присутствію, ободренный этимъ разсказомъ, я прибавилъ къ извѣстію о положеніи раненаго описаніе сраженія, гдѣ былъ я вмѣстѣ съ нимъ, служа въ одномъ батальонѣ, и гдѣ получилъ онъ рану. Вы знаете, что въ такомъ восторженномъ состояніи бываешь способенъ къ самымъ живописнымъ изображеніямъ, вдаешься въ слогъ болѣе, нежели сколько должно цвѣтистый, который всегда имѣетъ свое дѣйствіе на молодыхъ дѣвушекъ. И потому можете себѣ представить,

какъ распространялся я не только о выгодномъ положеніи арміи, объ искусномъ планѣ маневровъ, о внезапныхъ нападеніяхъ, о прикрытыхъ батареяхъ, о томъ, какъ наскакиваетъ и разсыпается кавалерія и т. п., но не забылъ даже и особенныхъ, разительныхъ для сердца и воображенія случаевъ, которые такъ часто представляются въ полѣ. Признаюсь, что многія происшествія, прежде едва обращавшія на себя мое вниманіе, становились, во время разсказа, чрезвычайными и трогательными, до такой степени, что Паулина то блѣднѣла отъ ужаса и трепета, то умилительно улыбалась сквозь слезы, которыми наполнялись глаза ея. «Ахъ — сказала она наконецъ, когда я замолчалъ на одну минуту — вы были такъ неподвижны, такъ углублены въ мысли, когда вошла я; война, вѣрно, возбудила въ васъ какое нибудь грустное воспоминаніе!» Какъ будто огненная стрѣла пролетѣла сквозь мою внутренность, и я весь вспыхнулъ отъ этихъ словъ Паулины. «Я думалъ тогда — сказалъ я, вѣроятно съ прежалкимъ вздохомъ — о счастливѣйшей минутѣ моей жизни, не смотря на то, что пораженъ былъ смертельно.» — Но теперь вы совершенно здоровы? — спросила Паулина съ примѣтнымъ участіемъ. — Можетъ быть, ненавистная пуля поразила васъ въ минуту знаменитѣйшей побѣды? — Я смѣшался,

однако заглушилъ это чувство, и не поднимая глазъ, но смотря въ землю, какъ обличенный плутишка, сказалъ тихимъ голосомъ: «Я имѣлъ уже счастіе видѣть васъ, сударыня!« Тутъ завязался странный разговоръ. — Я совсѣмъ не знала этого — начала Паулина. «Нѣсколько дней тому, былъ прекрасный весенній вечеръ. Съ двумя истинными друзьями праздновалъ я день нашего свиданія послѣ продолжительной разлуки!» — Признаюсь, это страхъ какъ пріятно! — «Я видѣлъ васъ, сударыня.» — Въ самомъ дѣлѣ? ахъ! это конечно въ звѣринцѣ! — «На другой день послѣ Троицы, въ Веберовой палаткѣ!» — Такъ, такъ, это правда; мы ѣздили туда съ батюшкой и матушкой! Тамъ было премного гуляющихъ, и очень, очень весело; но васъ я совсѣмъ не видала! — Я опять пришелъ въ замѣшательство, и собирался уже наговорить тьму глупостей, какъ вдругъ вошелъ Г. Тайный Совѣтникъ, которому Паулина съ радостью тотчасъ сказала, что у меня есть письмо отъ ея брата. Старикъ вскричалъ радостнымъ голосомъ: «Какъ! письмо отъ Леопольда! Живъ-ли онъ? Что его рана? Когда-то можно будетъ ему ѣхать?» Онъ взялъ меня за руку и повелъ въ свой кабинетъ. Паулина послѣдовала за нами; онъ велѣлъ подать завтракъ и не переставалъ меня спрашивать. Словомъ, битые два

часа долженъ былъ просидѣть я, и когда наконецъ всталъ съ мѣста, болѣе и болѣе возрастало мое замѣшательство, потому что Паулина сидѣла возлѣ меня и во все время съ дѣвическою простотою смотрѣла мнѣ въ глаза. Старикъ, радушно обнимая меня, просилъ посѣщать его, особливо во время чаю, когда только мнѣ вздумается. Вотъ теперь-то, какъ не рѣдко случается въ сраженіи, попался я въ самый огонь. Если-бы началъ я описывать вамъ свои мученія, когда я, часто увлекаемый непреодолимымъ стремленіемъ, спѣшилъ въ тотъ домъ, который казался мнѣ столь гибельнымъ, подходилъ къ самымъ дверямъ, брался за ручку, оставлялъ ее и опять уходилъ домой, потомъ снова возвращался, бродилъ около дому и наконецъ, съ нѣкотораго рода отчаяніемъ, входилъ туда, подобно бабочкѣ, которая не въ силахъ отстать отъ свѣчки и добровольно сжигаетъ себя, вы, право, стали-бы смѣяться; но вѣдь я признался вамъ, что самъ себя жалкимъ образомъ обманывалъ. Почти всякій вечеръ, когда я только посѣщалъ Г. Тайнаго Совѣтника, находилъ довольно многочисленное общество, и признаюсь, нигдѣ не проводилъ я такъ пріятно времени, какъ тамъ, не смотря на то, что подобно какому-то демону, мучилъ самого себя, повторяя безпрестанно: ты погибшій человѣкъ! Всякій разъ, возвращаясь домой, я чув-

ствовалъ себя влюбленнѣе и несчастливѣе. Изъ веселаго, свободнаго обращенія Паулины скоро замѣтилъ я, что дѣло вовсе не шло о несчастной любви, и нѣсколько разъ слышалъ я, какъ иные изъ гостей явно намекали, что она помолвлена и скоро будетъ свадьба. Вообще въ домѣ Тайнаго Совѣтника господствовала какая-то непринужденная веселость, которую онъ самъ, еще добрый, любезный весельчакъ, умѣлъ всегда поддерживать. Не рѣдко подавали поводъ къ смѣху и такія шутки, которыя, можетъ быть, имѣли въ виду личность, относясь, кажется, къ отсутствующимъ, и для меня, не посвященнаго во всѣ тайны общества, не могли имѣть никакой занимательности; а потому ихъ всегда старались прекращать.

« Такъ я помню, что однажды, послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою, явившись поздно вечеромъ, увидѣлъ я Совѣтника и Паулину, окруженныхъ молодыми дѣвушками и стоящихъ въ углу. Старикъ читалъ что-то, и громкій хохотъ раздался, когда онъ кончилъ. Къ удивленію моему, держалъ онъ въ рукѣ большой, огромнымъ кустомъ гвоздики украшенный бѣлый калпакъ, надѣлъ его, сказавъ нѣсколько словъ, и престранно кивалъ головою туда и сюда, отъ чего всѣ опять прегромко захохотали.»—Проклятый, проклятый! — вскричалъ Северинъ и сильно ударилъ

себя по головѣ. «Что такое? Что сдѣлалось съ тобою?» заботливо спросили друзья. — Ничего, ничего; продолжай, сдѣлай милость! Послѣ, послѣ! Ну, что далѣе? — Такъ возразилъ Северинъ съ горькимъ, внутренно удерживаемымъ смѣхомъ. Марцеллъ продолжалъ. «Потому-ли, что я былъ товарищемъ племянника, или потому что мой необыкновенный способъ обращенія, происходящій отъ безпрестанной восторженности, придавалъ какую-то особенную занимательность какъ моему разговору, такъ и мнѣ самому, но только старикъ очень полюбилъ меня въ короткое время; и надобно быть совершенно слѣпымъ, чтобы не замѣтить, какъ отличала меня Паулина предъ всѣми молодыми людьми, ее окружавшими.» — Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ Александръ смущеннымъ голосомъ. «Въ самомъ дѣлѣ это было такъ — продолжалъ Марцеллъ — и я не могъ не сблизиться съ нею, потому что она, какъ глубоко чувствительная дѣвушка, изъ всего, что ни говорилъ, что ни дѣлалъ я, съ удивительною тонкостью умѣла выслушивать полнозвучный гимнъ своей дивной прелести, и въ полной мѣрѣ чувствовать глубокое обожаніе, какое питалъ я къ ней, пламенѣя высокою любовію. Сколько разъ, по цѣлымъ минутамъ, держалъ я въ своихъ рукахъ ея нѣжную руку, и какъ часто она отвѣчала мнѣ легкимъ пожатіемъ!

Если иногда молодыя дѣвушки, въ избыткѣ радости, начинали кружиться подъ игру стараго фортопіано, она летала въ моихъ объятіяхъ, и я чувствовалъ, какъ пламенно волновалась грудь ея и сладостное дыханіе любви вѣяло на мои щеки. Я былъ внѣ себя! Огнемъ пылали губы мои... я поцѣловалъ ее!» — Боже мой! — вскричалъ Александръ, какъ безумный вскочилъ со стула и обѣими руками схватилъ себя за голову. «Стыдись, стыдись, женатый человѣкъ!» сказалъ Северинъ, сажая его на стулъ. «Клянусь всѣмъ, что ты еще влюбленъ въ Паулину; стыдись, стыдись, женатый человѣкъ, бѣдный, ярмомъ угнетенный супругъ!» — Продолжай, продолжай, сдѣлай милость — сказалъ неутѣшный Александръ. — Тутъ, вижу я, будетъ еще кой-чего послушать. — «По всему этому — началъ снова Марцеллъ — вы можете себѣ представить, въ какомъ положеніи былъ я. Тысяча мученій, казалось, раздирали меня. Я вооружился высокимъ героизмомъ, хотѣлъ за одинъ разъ выпить всю гибельную чашу яда и потомъ далеко отъ обожаемой провлачить остатокъ жизни. Это значитъ, другими словами, что я хотѣлъ открыться ей въ любви, и убѣгать ее, по крайней мѣрѣ до свадебнаго дня: тогда могъ-бы я, какъ говорится во многихъ книгахъ, скрываясь за церковной колонной быть свидѣтелемъ вѣнчальнаго обряда, и послѣ

убійственнаго: *да!* съ громомъ и стукомъ упасть безъ чувствъ на полъ, заставить сострадательныхъ людей вынести меня на воздухъ, и проч. и проч. Полный этихъ мыслей, не помня самого себя, побѣжалъ я однажды, раньше обыкновеннаго, къ Тайному Совѣтнику. Нахожу Паулину одну въ комнатѣ. Прежде нежели успѣла она испугаться моего разстроеннаго вида, бросаюсь я къ ногамъ ея, хватаю ея руки, прижимаю ихъ къ груди своей, признаюсь, что люблю ее до безумія, и, проливая ручьи слезъ, называю себя несчастнѣйшимъ, на мучительнѣйшую смерть осужденнымъ человѣкомъ, потому что она не можетъ быть моею, потому что рука и сердце ея отданы счастливому сопернику. Паулина смотритъ на мое изступленіе, потомъ заставляетъ меня встать, съ ангельскою улыбкою проситъ сѣсть возлѣ нея на софу и спрашиваетъ нѣжно-трогательнымъ голосомъ: «Что сдѣлалось съ вами? Любезный Марцеллъ! успокойтесь, ради Бога, ваше положеніе огорчаетъ меня!» Я повторилъ, съ меньшимъ изступленіемъ, все что говорилъ вамъ теперь. Тутъ Паулина возразила мнѣ: «Какъ только могло придти вамъ въ голову, что я ужь люблю, что я даже помолвлена? Это совершенно несправедливо, могу увѣрить васъ.» Я сказалъ ей на это, что въ ту минуту, какъ я

только увидѣлъ ее, былъ уже очевидно убѣжденъ, что она любитъ, и часъ отъ часу болѣе увѣрялся въ томъ. Я чистосердечно разсказалъ ей все, что происходило на другой день послѣ Троицы въ Веберовой палаткѣ. Едва успѣлъ я кончить, какъ Паулина вскакиваетъ съ мѣста и съ громкимъ хохотомъ начинаетъ прыгать по комнатѣ, вскрикивая: «Нѣтъ, ужь это слишкомъ затѣйливо! Что за мечты! что за фантазія! Нѣтъ, ужь это слишкомъ затѣйливо!» Я сижу, какъ окаменѣлый; Паулина подбѣгаетъ ко мнѣ, беретъ за обѣ руки и потрясаетъ ихъ, какъбы стараясь пробудить меня отъ глубокаго сна. «Послушайте — говоритъ она, едва удерживаясь отъ смѣха — молодой человѣкъ, котораго приняли вы за передатеся любовной записки, былъ сидѣлецъ изъ Брамигковой лавки; записка, имъ поданная, отъ самого Г-на Брамигка. Онъ, какъ человѣкъ услужливый и вѣжливый, обѣщалъ мнѣ выписать чудесную Парижскую шляпку, фасонъ которой я видѣла, и увѣдомить меня, какъ скоро она получится. Я желала имѣть ее на другой день послѣ того, какъ вы меня видѣли, собираясь ѣхать на чай въ одинъ домъ, гдѣ мы сговорились пѣть: вы знаете что здѣсь бываютъ такіе вечера, на которыхъ пьютъ чай для того только, чтобы пѣть, и поютъ, чтобы пить чай. Въ этотъ-то вечеръ хотѣлось мнѣ обновить свою шляпку. И

она дѣйствительно была получена; но по неосмотрительности отправлявшаго, до такой степени испорчена, что безъ совершенной передѣлки невозможно было носить ея. Вотъ роковое извѣстіе, которое заставило меня плакать. Я вовсе не должна была дать замѣтить это батюшкѣ; но онъ скоро открылъ причину моей глубокой горести и чрезвычайно какъ смѣялся надо мною. Вы уже давно замѣтили, что въ подобныхъ случаяхъ я имѣю привычку закрывать платкомъ щеку.» Паулина снова засмѣялась, но меня обдало холодомъ, потомъ пламень пробѣжалъ по моимъ членамъ и мнѣ послышался внутренній голосъ: «Смѣшная, глупенькая щеголиха!» — Ого! ужь это слишкомъ грубо и несправедливо! — прервалъ раздосадованный Александръ разсказывающаго. – Далѣе, далѣе — прибавилъ онъ равнодушно. «Я не въ силахъ — продолжалъ Марцеллъ — описать вамъ своего чувства. Для меня исчезла мечта, въ которую завлеченъ былъ какимъ-то злымъ демономъ; я узналъ, что никогда не любилъ Паулины, и что очарованіе, которое такъ сильно овладѣло мною, было невыразимо-безумный обманъ. Едва могъ я сказать слово, дрожалъ отъ досады всѣмъ тѣломъ, и когда испуганная Паулина спросила, что со мною дѣлается, сослался я на дурноту, которая не позволяла мнѣ оставаться долѣе, и, какъ звѣрь на травлѣ,

пустился со всѣхъ ногъ изъ дому. Проходя Жандармскою площадью, повстрѣчался я съ отрядомъ волонтеровъ, готовыхъ въ походъ; тутъ явно представился мнѣ способъ, примириться съ самимъ собою и забыть свою несносную исторію. Вмѣсто того, чтобы идти домой, я побѣжалъ въ Военную Канцелярію и снова записался въ службу. Чрезъ два часа все было готово; тогда я отправился домой, надѣлъ свой мундиръ, уложилъ сумку, взялъ саблю, кошелекъ и пошелъ къ хозяйкѣ, чтобы отдать ей подъ сохраненіе свой сундукъ. Въ то время, какъ я говорилъ съ нею, послышался шумъ на лѣстницѣ. «Ахъ, вотъ теперь-то ведутъ его!» сказала хозяйка, отворяя дверь. Я увидѣлъ, между двухъ человѣкъ, сумасшедшаго Нештельмана, сходящаго съ лѣстницы. На немъ была высокая корона изъ позолоченной бумаги; въ рукахъ несъ онъ длинную линейку, съ позолоченнымъ шаромъ на одномъ концѣ, вмѣсто скиптра. «Онъ опять сдѣлался Королемъ Амбоаны — сказала шопотомъ хозяйка — и въ послѣднее время столько напроказилъ, что братъ принужденъ отдать его въ больницу.» Проходя мимо, Нештельманъ узналъ меня, съ благосклонно гордымъ видомъ улыбнулся мнѣ и сказалъ: «Теперь, когда Болгары совершенно уже разбиты Полководцемъ моимъ, прежде бывшимъ Капитаномъ Тельгеймомъ, возвращаюсь я въ свое спо-

военное государство.» Не смотря на то, что я вовсе не имѣлъ намѣренія говорить, онъ прибавилъ однакоже, махая рукою: «Хорошо, хорошо, я знаю, что хочешь ты сказать, мой другъ! Ни слова болѣе: я былъ доволенъ тобою и сдѣлалъ, что могъ! Возьми эту бездѣлицу въ знакъ моей любви и милости!» Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана и всунулъ мнѣ въ руку двѣ гвоздичныя головки. Потомъ посадили его въ карету и увезли. Слезы навернулись у меня на глазахъ, когда захлопнули дверцу. «Пріѣзжайте опять къ намъ въ Берлинъ, здоровымъ, веселымъ, и съ крестами,» сказала хозяйка, радушно пожимая мнѣ руку. Съ разными горестными чувствами въ стѣсненной груди моей, пустился я въ путь ночью, и въ короткое время догналъ отрядъ. Веселыя военныя пѣсни пѣли товарищи. — И такъ ты увѣренъ, любезный другъ — спросилъ Александръ — что твоя любовь къ Паулинѣ была только обманъ самого себя? — «Увѣренъ, какъ въ томъ, что я существую — возразилъ Марцеллъ — и если ты хоть мало-мальски посовѣтуешься съ познаніемъ людей, то также найдешь, что мгновенная перемѣна чувствъ, которая произошла во мнѣ, когда я узналъ, что не имѣю соперника, была-бы невозможна въ противномъ случаѣ. Но я люблю теперь въ самомъ дѣлѣ, и не смотря на то, что тамъ смѣялся надъ твоимъ супружествомъ,

Александръ, потому что ты, не прогнѣвайся другъ, какъ pater-familias (*), кажешься мнѣ слишкомъ разгульнымъ, я надѣюсь однакоже скоро жениться на милой дѣвушкѣ, живущей въ странѣ, болѣе прекрасной нежели наша.» — Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ съ радостію Александръ. — Ахъ ты мой милый! — Онъ съ живостью обнялъ Марцелла. «Посмотрите пожалуйте,» сказалъ Северинъ, «какъ онъ радуется тому, что другой подражаетъ его глупости! Нѣтъ, что касается до меня, то при одной мысли о супружествѣ на меня находитъ ужасъ. Но теперь дайте-же и мнѣ угостить васъ, для забавы, своей исторіей съ дѣвицею Паулиною.» — Что-жь такое было у тебя съ Паулиною? — спросилъ съ досадою Александръ. «Да такъ, не Богъ знаетъ что,» возразилъ Северинъ. «Послѣ Марцелловой подробно-полной, съ психологическими взглядами и наблюденіями разсказанной исторіи, моя покажется очень незатѣйливой, сухой шуткой. Вы знаете, что тому назадъ два года, я былъ въ какомъ-то странномъ расположеніи духа. Самое физическое нездоровье легко могло быть причиною, что я сдѣлался тогда совершенно разнѣженнымъ духовидцемъ. Я плавалъ по безпредѣльному морю предощуще-

---

(*) Отецъ семейства.

ній и мечтаній. Думалъ, подобно Персидскому Магу, что понимаю пѣніе птицъ; въ бушеваніи лѣса слышались мнѣ то утѣшительные, то предвѣщательные голоса; я видѣлъ самого себя, носящагося въ облакахъ. Однажды, сидя на поросшемъ мхомъ возвышеніи, въ отдаленной, дикой сторонѣ звѣринца, пришелъ я въ состояніе, которое можно сравнить съ непонятнымъ забытьемъ передъ тѣмъ временемъ, какъ засыпаешь. Казалось, будто на меня вѣяло благоуханьемъ розы, и я скоро замѣтилъ, что это благоуханье было милое существо, къ которому я давно пылалъ любовью, самъ не зная о томъ. Я хотѣлъ взглянуть на нее тѣлесными глазами; но въ это время большая темнопунцовая гвоздика очутилась на лбу моемъ, и ея запахъ, какъ-бы огненными лучами сжигая благоуханье розы, привелъ въ смятеніе весь умъ мой, такъ, что горькое, мучительное чувство проникло меня и готово было излиться въ громкихъ, жалобныхъ звукахъ. Подобно какъ вечерній вѣтеръ легкими крыльями ударяетъ въ Эолову арфу и разрушаетъ очарованье, которымъ окованы были звуки и покоились во внутренности, какой-то голосъ разносился по лѣсу; то не были однако мои жалобы, но голосъ милаго существа, до котораго, какъ и до меня, мучительно коснулась гвоздика. Если можно объяснить мое сновидѣніе, какъ Индійскій миѳъ,

что роза и гвоздика значили для меня жизнь и смерть, и все дурачество, которое овладѣло мною за два года предъ симъ, происходило большею частію отъ того, что я влюбился въ прелестную незнакомку, которую, съ весьма любопытной стороны, мы знаемъ теперь за дѣвицу Аслингъ, и которая являлась мнѣ въ зѳирномъ благоуханьи розы. Вы помните, что я еще въ звѣринцѣ разстался съ вами, спѣша домой; но какое-то явное, опредѣленное предчувствіе говорило мнѣ, что если я, удвоивъ шаги, пойду въ Лейпцигскія ворота, а тамъ между липами, то успѣю догнать давно уже удалившееся семейство, или при выходѣ изъ звѣринца, или близъ замка. Вотъ я пустился что есть силы, хотя совсѣмъ не въ ту сторону, куда хотѣлъ, и на широкой улицѣ, куда зашелъ невольно, увидѣлъ я все семейство, увидѣлъ, какъ шла впереди и моя очаровательница. Я издали слѣдовалъ за ними, и такимъ образомъ въ тотъ-же вечеръ узналъ жилище своей возлюбленной. Вы, вѣроятно, будете смѣяться тому, что я на Зеленой улицѣ... говорю вамъ на Зеленой улицѣ... ощутилъ таинственное благоуханье розы и гвоздики. Да! вотъ до чего простиралось мое безуміе! Тутъ-то началъ я проказничать, какъ влюбленный мальчикъ, который, вопреки лѣсному уставу, портитъ прекраснѣйшія деревья, вырѣзывая на нихъ кудрявые вензеля, или, за-

вернувъ въ нѣсколько лоскутковъ бумаги высушенный листочекъ, упавшій изъ рукъ возлюбленной, носитъ его у сердца и т. п., то есть, я началъ, какъ это всегда водится, десять, двадцать разъ въ день ходить мимо дому, гдѣ жила она, и если видѣлъ ее подъ окномъ, то не кланяясь останавливалъ на ней свои взоры, которые, вѣроятно, казались довольно странными. Она замѣтила меня. Богъ знаетъ какъ могло придти мнѣ въ голову, что она понимаетъ меня, что даже, сознавая свое психическое на меня дѣйствіе и явленіе въ видѣ цвѣтовъ, она узнаетъ во мнѣ того, на кого враждебная гвоздика набросила мрачное покрывало, когда я, полный пламеннаго стремленія, хотѣлъ броситься къ ней, которая свѣтлой звѣздой любви явилась въ душѣ моей. Въ тотъ-же самый день я рѣшился написать къ ней записку. Я описалъ ей свое видѣніе; потомъ, какъ увидѣлъ ее въ Веберовой палаткѣ, и наконецъ, какъ узналъ мечтавшійся мнѣ образъ и увѣрился, что она уже любитъ, но что въ этомъ случаѣ какая-то грозная судьба носится надъ нею. Въ этомъ нѣтъ обмана — писалъ я — если и она, такимъ-же предощущеніемъ, узнала наше психическое родство, нашу любовь, и что, можетъ быть, теперь только мое видѣніе ясно откроетъ ей все, таившееся во глубинѣ собственной души ея. Но чтобы дать этому внутреннему

чувству радостно развиться, чтобы я могъ свободно сблизиться съ нею, я умолялъ ее, на другой-же день въ двѣнадцатомъ часу явиться подъ окошкомъ, и, какъ явный признакъ нашего взаимнаго счастія, приколоть къ груди свѣжую, цвѣтущую розу. Но если она, по какому нибудь враждебному обману, увлеклась любовью къ другому, если мое стремленье безнадежно и она совершенно отвергаетъ меня, то пусть въ тотъ-же самый часъ, вмѣсто розы, приколетъ къ груди гвоздику. Какъ глупо, безумно должно быть письмо мое, можете себѣ представить. Я отослалъ его съ такимъ надежнымъ человѣкомъ, что не сомнѣвался въ вѣрности доставленія. Полный глубокой грусти, смущенный душею, иду я на другой день на Зеленую улицу, приближаюсь къ дому Тайнаго Совѣтника, вижу кого-то въ бѣлой одеждѣ подъ окномъ... сердце мое начинаетъ сильно биться... останавливаюсь передъ самымъ домомъ... старикъ (онъ-то и былъ въ бѣломъ халатѣ) отворяетъ окно: на немъ высокій бѣлый калпакъ, къ которому приколотъ чрезвычайной величины кустъ гвоздики! Онъ весьма привѣтливо киваетъ головою, такъ, что цвѣты шевелятся во всѣ стороны, и съ сладкою улыбкою посылаетъ мнѣ поцѣлуй рукою. Въ эту-же минуту замѣчаю я Паулину, которая прячется за гардину и выглядываетъ. Она смѣется,

хохочетъ! Какъ околдованный, стою я безъ движенія; вдругъ пускаюсь бѣжать... бѣгу, какъ безумный! Вотъ вамъ! Думайте что хотите. Повѣрите-ли, что чрезъ эту затѣйливоколкую насмѣшку я совершенно вылечился. Стыдъ не давалъ мнѣ покоя. Я тогда-же записался въ военную службу, въ которую Марцеллъ вступилъ уже послѣ, и какой-то злобной судьбѣ угодно было, чтобы мы ни разу не встрѣтились съ нимъ въ походѣ.»

Александръ безъ памяти смѣялся надъ старикомъ юмористомъ. «Такъ эту-то сцену — сказалъ Марцеллъ — представлялъ тогда старикъ, и твое-то эксцентрическое письмо, вѣроятно, читалъ онъ.»—Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія — отвѣчалъ Северинъ — и не смотря на то, что теперь я очень хорошо вижу, до какой степени смѣшонъ мой поступокъ; даже совершенно оправдываю старика и долженъ благодарить его за такое дѣйствительное лекарство, но все еще проказы мои возбуждаютъ во мнѣ чрезвычайную досаду, и потому я по сю пору терпѣть не могу никакой гвоздики.

«Такъ и быть — сказалъ Марцеллъ — мы ужь довольно дорого заплатили за свое дурачество. Александръ, который, кажется, все еще влюбленъ въ Паулину, тогда какъ мы отдѣлались

отъ нея, поступилъ всѣхъ благоразумнѣе: вотъ почему и не надѣлалъ глупостей; но за то ему нечѣмъ и позабавить насъ.» — Онъ все-таки — вскричалъ Северинъ — долженъ разсказать намъ о своей женитьбѣ. — «Ахъ, любезный другъ — подхватилъ Александръ — что могу я сказать вамъ болѣе объ исторіи моей женитьбы, кромѣ того, что я увидѣлъ дѣвушку, влюбился, она сдѣлалась моею невѣстою и... женою. Тутъ одно только можетъ имѣть нѣкоторую занимательность, а именно, какъ поступила въ этомъ случаѣ покойная моя тетка.» — Что такое, что такое? — спросили друзья съ любопытствомъ. «Вы, думаю, помните—продолжалъ Александръ— что я съ большою неохотою оставилъ тогда Берлинъ, а особливо домъ свой, хотя онъ и опостылѣлъ мнѣ, по причинѣ ужаснаго привидѣнія. Вотъ какъ это было. Въ одно ясное утро, послѣ мучительно проведенной ночи, когда поднявшаяся топотня взадъ и впередъ по комнатѣ, казалось, угрожала и моему кабинету, утомленный, съ досадою въ душѣ, облокотясь объ окно и ни о чемъ не думая, смотрю я вдоль по улицѣ. Вдругъ, на искосокъ отъ меня, въ большомъ домѣ открывается окно и выглядываетъ прелестная дѣвушка, въ нарядномъ утреннемъ платьѣ. Какъ ни нравилась мнѣ Паулина, я находилъ однакожь это личико несравненно болѣе привлекательнымъ. Взоры мои неподвижно оста-

новились на красавицѣ; наконецъ и она взглянула въ мою сторону и не могла не замѣтить меня; я поклонился ей; она поблагодарила меня съ невыразимою прелестью. Черезъ старую Анну я тотчасъ узналъ, кто тутъ живетъ, и твердо рѣшился, какъ-бы то ни было, познакомиться съ этимъ семействомъ, и такимъ образомъ короче узнать прекрасную дѣвушку, которая не выходила у меня изъ головы. Странно, что съ тѣхъ поръ, какъ устремились къ ней всѣ мысли мои, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я теряться въ сладкихъ мечтахъ любви, страшное привидѣніе не являлось болѣе. Старуха Анна, съ которой я обходился сколько можно ласковѣе, сдѣлалась откровеннѣе и часто говорила со мной о покойницѣ; она была неутѣшна, видя, что тетушка, жившая такъ благочестиво, не имѣла покоя въ могилѣ; всю вину слагала она на вѣроломнаго жениха и на непреодолимую грусть покойницы съ роковаго дня, назначеннаго для свадьбы, дня, въ который женихъ не явился. Теперь съ большою радостью объявилъ я ей, что ничего не слышу болѣе по ночамъ. «Ахъ, Царь ты мой небесный!» вскричала она сквозь слезы: «лишь-бы прошелъ поскорѣе день Обрѣтенія Креста.» — Да къ чему говоришь ты объ этомъ праздникѣ? — спросилъ я торопливо. «Ахъ, Царь ты мой небесный!» продолжала Анна: «да вѣдь это, прости Господи, несча-

стный день, въ который назначена была свадьба. Вы знаете, сударь, что барышня скончалась ночь въ ночь 3-го Апрѣля. Черезъ недѣлю мы ее похоронили. Всѣ комнаты, кромѣ залы и кабинета, были запечатаны, такъ мнѣ и приходилось жить въ этихъ двухъ покояхъ; а ужь и сама не знаю, отъ чего нашелъ на меня такой страхъ, что и Боже упаси! Лишь только начало свѣтать, въ самый день Обрѣтенія Креста, какъ кто-то холодной рукой повелъ у меня по лицу, и я очень хорошо слышала голосъ покойницы, которая сказала: «Вставай, вставай, Анна! пора одѣвать меня, скоро пріѣдетъ женихъ!» Смертельно испугавшись, я вскочила съ постели и тотчасъ одѣлась. Все было тихо, и только рѣзкій сквозной вѣтеръ свистѣлъ въ каминѣ. Мими безпрестанно визжала и тосковала, Гансъ, ужь вовсе не по-кошачьи, громко стоналъ и жался отъ страха въ уголъ. Вдругъ послышалось, что кто-то открываетъ шкафы и комоды, шумитъ шелковыми платьями и поетъ утреннюю молитву. Ахъ, баринъ батюшка! Все это слышала я своими ушами, а никого не видала; тоска одолѣвала меня; я стала на колѣна въ углу комнаты и усердно молилась. Вотъ ужь кто-то пододвинулъ столъ, поставилъ стаканы, чашки, и началъ ходить по комнатѣ. Я не могла вовсе пошевелиться и — что тутъ долго разсказывать — всякій разъ, въ этотъ, прости Госпо-

ди, несчастный день слышала я, какъ покойница барышня расхаживала взадъ и впередъ, вздыхала и молилась, ровно до 10-ти часовъ; послѣ того, явно слышала я слова: «Ложись спать, Анна! теперь все кончено!» Тогда я безъ памяти падала на полъ, и въ этомъ положеніи находили меня утромъ домашніе, которые, такъ какъ я не откликалась, думали что со мной случилось что нибудь не доброе и отламывали двери. Никому еще, кромѣ васъ, сударь, по сю пору, не разсказывала я, что случалось со мною въ день Обрѣтенія Креста.»

«По всему, что самъ испыталъ я, мнѣ не возможно было сомнѣваться въ истинѣ словъ старухи Анны; я радовался, что не пріѣхалъ раньше и вмѣстѣ съ нею не былъ свидѣтелемъ этого ужаснаго происшествія. Именно въ то время, когда я выжилъ изъ дому привидѣніе, когда въ сосѣдствѣ сладостныя надежды начали лелѣять меня, долженъ былъ я ѣхать изъ Берлина: вотъ причина того разстройства, которое вы примѣтили во мнѣ. Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ я вышелъ въ отставку и возвратился. Мнѣ удалось очень скоро познакомиться съ семействомъ, жившимъ въ моемъ сосѣдствѣ, и, послѣ довольно короткаго знакомства, я находилъ часъ отъ часу привлекательнѣе дѣвушку, которая съ перваго взгляда показалась мнѣ столь

милою, столь прелестною, что только въ союзѣ съ нею могло процвѣтать счастіе моей жизни. Самъ не знаю почему я былъ увѣренъ, что она любитъ другаго, и эта мысль подкрѣпилась еще болѣе, когда рѣчь зашла какъ-то объ одномъ молодомъ человѣкѣ, при имени котораго дѣвушка, съ полными слезъ глазами, тотчасъ встала и удалилась. Не смотря на это, я непринужденно обращался съ нею, и не говоря ничего прямо, давалъ ей въ полной мѣрѣ замѣчать всю мою привязанность. Казалось, она каждый день болѣе сближалась со мною, съ невыразимо-милою радостью принимала всѣ знаки моего нѣжнаго вниманія, которое выражалось въ тысячѣ неважныхъ, но любимыхъ ея вещей.» — Никогда — прервалъ Марцеллъ разсказывающаго — никогда не ожидалъ-бы я этого отъ нашего неловкаго Александра! Какъ? духовидѣцъ, и въ тоже время услужливый любовникъ! Но теперь не льзя не вѣрить его разсказамъ, и я воображаю, какъ онъ бѣгалъ по всѣмъ лавкамъ, чтобы найти какой нибудь желаемый нарядъ, какъ, утомившись, приходилъ къ Буше, чтобы выбрать горшокъ прекраснѣйшихъ розъ или гвоздики. — «Пропадай ты съ этими проклятыми цвѣтами!» вскричалъ Северинъ, и Александръ продолжалъ разсказъ свой: «Не думайте, чтобъ я (здѣсь это было-бы не кстати) являлся въ домъ съ драгоцѣнны-

ня подарками; неложное, внутреннее чувство говорило мнѣ, что они вовсе не нужны; напротивъ, не желая блистать роскошью, я всегда приносилъ съ собою какой нибудь желаемый уборъ, новое стихотвореніе, недавно явившійся альманахъ, и т. п. Если я не приходилъ всякой день утромъ, такъ, хоть на полчаса времени, меня упрекали въ томъ. Словомъ, чтобы не утомлять васъ такими подробностями, мои отношенія къ этой дѣвушкѣ дошли до той невыразимо-пріятной, взаимной откровенности, которая ведетъ за собою признаніе въ любви и супружество. Я хотѣлъ уничтожить и послѣднее недоумѣнье. Однажды, какъ-то кстати, завелъ я рѣчь о томъ, что она, какъ мнѣ кажется, любитъ, или, по крайней мѣрѣ, любила другаго, и упомянулъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, подкрѣплявшихъ это мнѣніе; особливо говорилъ я о молодомъ человѣкѣ, при имени котораго навернулись у нея слезы. «Я должна признаться вамъ — сказала дѣвушка — что болѣе продолжительное знакомство съ тѣмъ человѣкомъ, который, какъ незнакомецъ, неожиданно вошелъ къ намъ въ домъ, могло-бъ быть опасно для моего спокойствія, что я даже замѣчала въ себѣ довольно сильную къ нему склонность, и потому не могу до сихъ поръ безъ участія, вызывающаго у меня слезы, вспомнить о несчастіи, которое на

вѣкъ разлучаетъ его со мною.» — О несчастіи, которое изгнало его изъ вашего дому? — спросилъ я съ любопытствомъ. «Такъ — продолжала она — никогда не видала я человѣка, который-бы до такой степени не умѣлъ владѣть самимъ собою и всѣми своими пріемами, разговоромъ, чувствами и мыслями. Не льзя не согласиться, что онъ, такъ какъ всегда утверждалъ батюшка, находился въ безпрерывно восторженномъ состояніи. Это приписывала я глубоко тронутой душѣ его, но не извѣстно чѣмъ: можетъ быть какимъ нибудь случаемъ во время войны, на которой онъ былъ; батюшка, напротивъ, относилъ это къ употребленію горячительныхъ напитковъ. Я не ошиблась: послѣдствіе оправдало меня. Однажды онъ засталъ меня одну и обнаружилъ такое состояніе души, которое сначала приняла я за пылъ страстной любви, но послѣ, когда онъ встрепенулся, какъ-бы отъ сильнаго холоду, и, съ дрожью во всѣхъ членахъ, произнесши нѣсколько невнятныхъ звуковъ, бросился изъ комнаты, я должна была почесть его сумасшедшимъ. Оно такъ и было. Однажды онъ назвалъ улицу и нумеръ дома, гдѣ жилъ, и это осталось у меня въ памяти. Прошло нѣсколько недѣль, онъ не являлся, и батюшка посылалъ узнать о немъ. Хозяйка, или, лучше сказать, дворникъ, который иногда служитъ нанимающимъ меблированныя комнаты

въ томъ домѣ, и котораго встрѣтилъ нашъ посланный, на вопросъ о молодомъ человѣкѣ отвѣчалъ, что онъ давно сошелъ съ ума и увезенъ въ больницу; что онъ, вѣроятно, помѣшанъ на лотереяхъ, потому что почиталъ себя Королемъ Амбы.» — Боже мой! — вскричалъ испуганный Марцеллъ — вѣдь это Неттельманъ! Амба... Амбоана. — «Можетъ статься — сказалъ тихо Северинъ — тутъ кроется какая нибудь путаница... и я догадываюсь! Но что далѣе? — Александръ, грустно улыбаясь, взглянулъ на Северина и продолжалъ: «Я успокоился. Скоро дошло до того, что милая дѣвушка сдѣлалась моею невѣстою и назначенъ день свадьбы. Я хотѣлъ продать домъ, потому что привидѣніе, нѣтъ, нѣтъ, да и появится; тесть отсовѣтовалъ мнѣ это, и я принужденъ былъ разсказать ему всю исторію страшныхъ появленій покойной тетки. И вотъ мой тесть, весельчакъ, какихъ мало, сдѣлался очень задумчивъ и сказалъ, чего никакъ не ожидалъ я: «Встарину мы были по просту благочестиво-вѣрующими, признавали награды и наказанія на томъ свѣтѣ; но за то боялись мудрить умомъ, и все шло своимъ порядкомъ; а вотъ нынче, въ вѣкъ затѣйливой мудрости человѣческой, и покойникамъ не хотятъ дать покоя! Оставьте-ка домъ-то за собою, да только не мѣшайте мнѣ: ужь я все улажу!»

Я удивился, когда старикъ назначилъ быть свадьбѣ въ большой комнатѣ моего дома, въ самый день Обрѣтенія Креста; я удивился еще болѣе, когда онъ велѣлъ прибрать комнату точь въ точь такъ, какъ убрала ее покойная моя тетка. Старуха Анна, съ грустью на лицѣ, тихо молилась и расхаживала взадъ и впередъ. Пришли: невѣста въ вѣнчальномъ платьѣ, священникъ... ничего необыкновеннаго не было слышно. Но лишь только послѣдній произнесъ благословеніе, какъ по комнатѣ раздался тихій, горестный вздохъ... Я, моя молодая подруга, священникъ и всѣ присутствовавшіе, по единогласному признанію, почувствовали въ душѣ что-то невыразимо пріятное, проникшее всѣхъ насъ электрическою теплотою. Съ того времени привидѣніе не являлось болѣе, и только развѣ нынче живое воспоминаніе о милой Паулинѣ вызоветъ для меня новое привидѣніе.» Александръ, сказавъ это, значительно улыбнулся и посмотрѣлъ вокругъ себя. «Не говори объ этомъ, сдѣлай милость!» вскричалъ Марцеллъ. «Я-бы вовсе не хотѣлъ теперь встрѣтить ее здѣсь: Богъ знаетъ, что сталось-бы со мною.» Между тѣмъ собралось много гуляющихъ; всѣ столы и стулья были уже заняты, кромѣ того мѣста, гдѣ, два года тому, сидѣло семейство Аслинга. «Какое-то странное предчувствіе тѣснится мнѣ въ душу — сказалъ

Северинъ — когда я смотрю на это роковое мѣсто: мнѣ кажется.....» Въ это самое время пришелъ Тайный Совѣтникъ Аслингъ, рука объ руку съ своею женою; за ними слѣдовала Паулина, съ тою-же прелестью, съ тою-же очаровательностью, какъ и два года тому назадъ. Она такъ-же точно, смотря въ сторону, кого-то искала, и вотъ остановила взоръ на Александрѣ, который всталъ съ мѣста. «Ахъ, да ты ужь здѣсь!» вскричала она съ радостью и подбѣжала къ нему. Онъ взялъ ее за руку и, обратясь къ товарищамъ, сказалъ: «Вотъ она, добрые друзья, вотъ моя милая Паулина!»

Ревель.
Декабрь 1831.

Съ Нѣмецкаго И. Бзсмкн.

Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, etc. — *De la Politique* et du Commerce des peuples de l'antiquité, etc. (*О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ Древнихъ народовъ*. Соч. Геерена).

(Окончаніе).

Тоже *однообразіе*, какое находимъ мы въ Политической исторіи Азіи, видимъ и въ исторіи Торговли Азіятской. Событія измѣняли частности, но не сущность ея, и торговля Азіи, съ древнѣйшихъ временъ, была постоянно одинакова.

Хотя Азія и не представляла странствователю такихъ препятствій, какія испытывалъ онъ въ Африкѣ, но мѣстность и природа Азіи заставляли однакожь его употреблять тѣ-же способы въ путешествіи, какіе употреблялъ онъ въ Африкѣ. Для продолжительнаго пути, отчасти по степямъ, и по землямъ населеннымъ дикими, кочевыми народами, путешественники собирались большими обществами. Верблюдъ, обитатель степей Аравіи, долинъ Киргизскихъ, и прибрежьевъ Каспія, служилъ средствомъ для проѣзда ихъ, и перевоза тяжестей. Рѣки Азійскія, протекая по обширнымъ степямъ и странамъ безлѣснымъ, при недостаткѣ желѣза, не

могли быть путями торговыми, ибо кораблестроенія не льзя было завести на нихъ нигдѣ. Посему вся Азійская торговля производилась сухопутно. Переходя странами, болѣе просвѣщенными, болѣе населенными, путешественники находили въ Азіи и болѣе удобствъ, нежели въ Африкѣ. Два главныя преимущества сей страны свѣта состояли въ *дорогахъ* и *каравансараяхъ*, или пристанищахъ, по дорогамъ устроенныхъ.

Отъ эпохи Персовъ до эпохи Монголовъ, въ Азіи повсюду были устроены дороги, иногда изумлявшія великостью труда и обширностью устройства ихъ . . . .
. . . .
. . . .
Караваны торговые не всегда слѣдовали по приготовленнымъ дорогамъ, часто избирая кратчайшіе объѣзды, но дороги много способствовали сообщеніямъ народовъ, такъ-же какъ и каравансараи, или мѣста для отдыха каравановъ устроенныя, и особенно умножившіяся со временемъ Мугаммеда, когда основаніе ихъ стали почитать дѣломъ богоугоднымъ. Это были огромнѣйшія зданія, въ коихъ иногда помѣщалось по нѣскольку тысячь людей и верблюдовъ. Но дорожные запасы должно было возить съ собою, ибо каравансараи совсѣмъ не были нашими гостинницами.

Замѣчаніе о единообразіи торговли Азійской, и о томъ, что она была всегда сухопутная, необходимо ведетъ къ тому заключенію, что политическія революціи долженствовали имѣть на нее сильное

вліяніе. Но перемѣны властей были мгновенны, и послѣ каждаго ужаснаго истребленія, когда потомъ побѣдители-народы вступали въ права законныхъ властителей, одинаково потребности торговли были ими чувствуемы, одинаково выгоды оной ощущаемы ими. Посему-то отъ Навуходоносора и Кира, до Чингисъ-Хана и Тимура, одинаково возстановлялась, и вновь каждый разъ процвѣтала торговля, послѣ бурь политическихъ, воспринимая даже всѣ прежніе пути, на коихъ, изъ пепла и крови, вновь возникали прежніе города, снова процвѣтавшіе отъ торговыхъ сношеній между народами.

Только одно событіе составляетъ рѣшительную эпоху измѣненія въ Исторіи Азійской торговли: открытіе Европейцами пути на востокъ, мимо Мыса Доброй Надежды. Нѣтъ сомнѣнія, что съ древнѣйшихъ временъ, существовало плаваніе въ Индію по Чермному морю. Но оно было незначительно, всравненіи съ сухопутною торговлею, переходившею черезъ порты Черноморскіе и гавани Средиземнаго моря, какъ издревле, такъ и во времена обладанія симъ путемъ Македонянами, Римлянами, Арабами и Венеціянами.

Но съ открытіемъ пути въ Индію, вокругъ Африки, торговля Азійская обратилась къ берегамъ Индійскимъ, и тамъ учредились складочныя мѣста Европы и Азіи. Сухопутная торговля все еще поддерживалась однакожь и послѣ сего важнаго переворота, нѣсколько времени. Желѣзный деспотизмъ Турковъ, безначалія въ Персіи, и опустошенія сѣверной Индіи Авганцами и Мараттами

ниспровергли и уничтожили наконецъ сухопутную торговлю Азійскую, преобратили въ пустыни цвѣтущія страны Эвфрата и Инда, и только развалины городовъ, отъ Индіи до Чернаго моря, напоминаютъ нынѣ прешедшія навсегда великолѣпіе, роскошь и жизнь общественную.

Изъ всѣхъ частей Азіи, Югъ, или Индія, отличается богатствомъ и многоразличіемъ произведеній, ибо не только все, что производитъ остальная Азія, съ немногими исключеніями, находится въ сихъ странахъ, но и то, что производитъ природа исключительно тамъ, кажется, заставляетъ насъ думать, что это любимая страна для ея обильныхъ созданій. Пряныя коренья, шелкъ, хлопчатая бумага, первоначально были произведеніемъ одной Индіи. Источникъ богатствъ безпрерывно переливался оттуда къ Западу, и вліяніе Индійской торговли на судьбу Человѣчества составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для изслѣдованій Исторіи. Намъ потребно узнать пути ея, и страны, служившія для нея мѣстами перехода, ибо постепенность, уменьшеніе и увеличеніе вліянія торговли на оныя, или смягчали, или ожесточали нравы, и умножали, или уменьшали образованность и богатство обитателей сихъ странъ. Оттолѣ распространились основанія торговли между Европейцами, и споспѣшествовали взаимному ихъ сближенію и образованію. Народы, отдѣльные отъ сего великаго оборота торговыхъ сношеній, если и успѣвали собственною силою выходить изъ младенчества общественнаго, то и за всѣмъ тѣмъ неда-

леко могли они возвыситься надъ первобытнымъ своимъ варварствомъ.

Имѣя уже основныя идеи о дѣйствіи, образѣ, и судьбѣ Азійской торговли, взглянемъ на мѣста, гдѣ были, такъ сказать, главные притоные и. Природа мѣстности опредѣляла сіи мѣста, и потому-то въ теченіе столькихъ вѣковъ оставались они всегда одни и тѣ-же, именно: страны Евфрата и Тигра, особливо Вавилонъ, страны Окса, преимущественно Бактра и Самарканда, и наконецъ прибрежія Чернаго и Средиземнаго морей. Вавилонъ былъ всегда мѣстомъ складки для Западной Азіи и, слѣдственно, Малой Азіи и Европы. Здѣсь перерабатывалось много Индійскихъ произведеній. Бактра и Самарканда (нынѣшняя Бухарія) были средоточіемъ торга Сѣверной Азіи, куда изъ Индіи шли товары къ Каспійскому морю, также изъ Китая и Тангута, черезъ степь Гоби, и Тибетскія горы. Здѣсь было торжище для кочующихъ обитателей средины и дикихъ жителей сѣвера Азіи; это поясняетъ намъ удивительное многоразличіе тамошнихъ обитателей. Прибрежія Средиземнаго моря, Финикія, и Малая Азія, были издревле складками для Европы и Азіи. Обитатели ихъ сдѣлались по сей причинѣ мореплавателями, и посредниками торговли трехъ материковъ. Серебро Испаніи, янтарь Пруссіи, мѣняли они на пряности Индіи и благовонія Аравіи. Ихъ земли казались по сей причинѣ богатѣйшими въ мірѣ, и до основанія еще Персидской монархіи, представляли онѣ безпрерывную цѣпь богатыхъ городовъ, отъ пролива Византій-

скаго до предѣловъ Египта, такъ, какъ нынѣ видимъ мы подобное протяженіе цѣпи богатыхъ и торговыхъ заселеній на берегахъ Сѣверной Америки.

Обозрѣніе главнѣйшихъ предметовъ древней торговли, въ сравненіи съ новѣйшею, можетъ пояснить намъ весьма многое, неизвѣстное въ ея исторіи. Находя исключительное произведеніе какой-либо страны въ томъ, или другомъ мѣстѣ, видимъ доказательство, что сія страна имѣла сношенія съ онымъ, хотя и не можемъ опредѣлить ни сущности, ни подробностей сего сношенія. Такъ кусокъ сахара, или горсть перцу, найденныя въ какомъ нибудь углу Англіи, или Голландіи, доказали-бы, что сіи страны имѣли торговыя сношенія съ Индіею и Америкою, если-бы утрачены были совершенно всѣ свѣдѣнія о заморской ихъ торговлѣ.

Сколь ни многоразличны произведенія Азіи, но ихъ можно однакожь свести на три слѣдующіе, главные, отдѣла: 1-е, драгоцѣнности, какъ-то: металлы (золото и серебро), дорогіе каменья, и жемчугъ; 2-е, предметы для одежды — шерсть, хлопчатая бумага, шелкъ, мѣха; 3-е, пряности и благовонія.

Издревле Азія изумляла обиліемъ золота, какое расточала она въ своихъ нарядахъ, домашнихъ вещахъ, посудѣ, конской сбруѣ, и въ драгоцѣнномъ оружіи. Не только Цари и вельможи, но даже простолюдины Азійскіе всегда полагали первою роскошью золото. Сличая описанія Ксенофонта и Шардена, видимъ, что сія роскошь не измѣнялась въ

теченіе вѣковъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ природы, мы знаемъ, что золото находится только въ горахъ, изъ коихъ вода вымываетъ его, и разноситъ отчасти на долины. Страны низменныя не представляютъ намъ обилія золота, не смотря на всѣ другія блага природы, на нихъ разсыпанныя. Разсматривая географію горныхъ протяженій Азіи, и сличая историческія преданія, видимъ, что востокъ Азіи былъ и остается главнымъ мѣстомъ нахожденія золота. Пактолъ и Меандръ влекли золотой песокъ въ струяхъ своихъ, но рудниковъ золотыхъ здѣсь не было. Золотоносные пески составляли также все богатство Лидіи. Кавказъ, на пространствѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, обилуетъ болѣе серебромъ, нежели золотомъ, и серебряные рудники обработывались здѣсь издревле, но золота туземнаго находили мало. Тавръ, до самой Бактріаны не былъ обиленъ золотомъ, и только при раздвоеніи цѣпи его, близъ Гоби, начинается золотоприносящая порода отраслей его. Отсюда рѣки влекутъ золото во всѣ окрестные пески; сюда приходили и данники древнихъ Персіянъ искать золота, для платы своимъ повелителямъ.

Протяженіе Тавра къ югу весьма обильно золотомъ: Тибетскія, Китайскія, Сіамскія, Кохинхинскія, Малаккскія горы приносятъ богатую дань его. Впрочемъ, Древніе не оставили намъ извѣстій о добываніи золота въ сихъ мѣстахъ: Географія Иродота оканчивалась степью Гоби, и окрестными горами. Обильныя золотомъ страны, по из-

вѣстіямъ Древнихъ, были, слѣдовательно, Лидія и горная часть нынѣшней Бухаріи. Здѣсь, какъ говоритъ Иродотъ, извлекали его изъ рудниковъ.

Но всѣ сіи мѣста не могли доставить золота въ такомъ количествѣ, какое во всѣ времена было разсыпано въ Азіи. Получали-ль его еще изъ юго-востока Азійскаго? Или добывали его въ Сибири?

Мы знаемъ, что золото есть въ Алтайскихъ горахъ. Русскіе золотые рудники начинаются только съ Байкала, и обильные источники сего металла должны скрываться въ горахъ, находящихся далѣе на востокъ. Соображая то, что говоритъ Иродотъ о Массагетахъ и Аримаспахъ, жившихъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Каспія; зная, что чѣмъ далѣе къ Востоку Азіи, тѣмъ значительнѣе становится произведеніе золота въ горахъ; вспомнивъ наконецъ, что въ Сибири открыты слѣды древнѣйшихъ рудниковъ, можемъ предположить, что именно востокъ и сѣверъ доставляли югу и западу Азіи золото, въ самомъ величайшемъ изобиліи. Для сего нѣтъ надобности предполагать въ тѣхъ странахъ древнѣйшее образованіе народа, ибо легко могли добывать сей драгоцѣнный металлъ самые грубые дикари.

Количество серебра, въ Азіи находившагося, и безмѣрное употребленіе его, доказываютъ, что обиліе онаго превосходило самое обиліе золота. Знаменитѣйшіе рудники серебряные были въ странѣ Халибовъ, въ западной части Кавказа, гдѣ и Генуэзцы добывали его впослѣдствіи, когда обладали Крымомъ и Азовскимъ моремъ. Въ

Бактріанѣ, Сибири, Китаѣ, на югѣ Азіи, были также изобильные рудники серебряные. Но, кажется, главный источникъ серебра составляла внѣшняя торговля. Финикіяне, обладая южною Испаніею, извлекали отшуда величайшее количество онаго, и распространяли его, посредствомъ торговли, въ Азіи.

Другіе металлы, менѣе драгоцѣнные, были извѣстны и обрабошываемы съ древнѣйшихъ временъ, и это подтверждается найденными въ Сибири слѣдами древнихъ рудниковъ, и извѣстіями Иродота.

Драгоцѣнные каменья употреблялись въ Азіи съ такою-же расточительностью, какъ золото и серебро, и употреблялись со временъ древнѣйшихъ. До владычества Персовъ находимъ мы слѣды сего въ книгахъ Моисея. Вавилоняне любили перстни; Мидяне и Персы носили дорогія запястья, цѣпочки изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и украшали ими оружіе, платье и конскую сбрую. Но какія преимущественно драгоцѣнные каменья были тогда вѣдомы? Намъ передали Древніе писатели названія *сарда*, *оникса*, *сардоникса*, *смарагда* (изумруда) и *сафира*. До сихъ поръ, мы не опредѣлили еще: какіе именно каменья означались сими названіями? Сафиръ, кажется, былъ тотъ самый камень, который мы называемъ Лазурикъ, или *Лапись-лазули*. Труднѣе опредѣлить Смарагдъ, и въ семъ названіи смѣшивали, по видимому, изумрудъ съ флуоровымъ шпатомъ. *Сардъ* означалъ родовое имя: каменья сего рода, краснаго цвѣта называли *Карніоломъ*, бѣловатаго *Ониксомъ*, двуличнаго

Сардониксомъ. Сюда относился и Халцедонъ. Множество драгоцѣнныхъ каменьевъ доставляла въ Азію караванная торговля Карѳагенянъ, изъ Африки. Изумруды добывали въ верхнемъ Египтѣ, и на островахъ Аравійскаго залива. Въ Азіи особенно обиловалъ ими весь востокъ. Алмазныя копи издревле были открыты въ Индостанѣ; впрочемъ, во времена Персовъ алмазъ еще мало былъ извѣстенъ. Мусшагъ, или Иммаусъ, должно почесть мѣстомъ нахожденія другихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. И въ XVII-мъ вѣкѣ, Бухарія производила еще ими важный торгъ. Жемчугъ всегда считался въ числѣ великихъ драгоцѣнностей на Востокѣ. Его скромный блескъ, простая красота, и правильность формы, болѣе привлекали Азійца, нежели ослѣпительный огонь яркаго алмаза. На западѣ жемчугъ вошелъ въ особенную моду наиболѣе при паденіи Римской Республики. Персидскій заливъ, Цейланъ, Индія вообще, были почитаемы мѣстами сборки жемчугу.

Познаніе различныхъ тканей, употреблявшихъ на одежды, и составлявшихъ важный предметъ древней торговли Азіи, для насъ довольно трудно. Множество извѣстій находимъ мы объ этомъ у Древнихъ Писателей, но всѣ они весьма неопредѣленны. Востокъ былъ всегда источникомъ драгоцѣнныхъ тканей. Кромѣ шелка и хлопчатой бумаги, онъ издревле обладалъ тончайшею шерстью, и драгоцѣннымъ льномъ. Цѣнность тканей умножали еще драгоцѣнные, прекрасные цвѣта, въ чѣмъ Азія всегда превосходила и превосходитъ всѣ другія части свѣта, имѣя удивительные матеріялы

для крашенія. Употребленіе на ткани хлопчатой бумаги существовало еще до владычества Персовъ. Иродотъ говоритъ уже о *древесной шерсти* Индійской, превосходящей шерсть животныхъ, и *Sindones Byssinae* Персовъ, вѣроятно, были бумажныя ткани. Производство хлопчатой бумаги быстро распространилось потомъ по Азіи.—Знали-ль въ глубокой древности употребленіе шелка? Вопросъ затруднительный. Ни Иродотъ, ни другіе древнѣйшіе писатели не говорятъ ничего о шелковомъ червѣ. Первый упоминаетъ о немъ Страбонъ. Впрочемъ, предположеніе, что шелкъ вошелъ въ употребленіе въ позднѣйшее время, и баснословное имя *Серики*, какъ первоначальной страны шелка, вовсе неизвѣстное Древнимъ, можно опровергнуть многими доказательствами. Изъ оныхъ видно, что Ассирія и Мидія въ глубокой древности обработывали шелкъ, и ткали изъ него матеріи; что славныя у Грековъ *Мидійскія* ткани были шелковыя, и что употребленіе шелка было издревле распространено въ Азіи.— Тончайшая шерсть, обработываемая Финикіянами, шла изъ Вавилона. Но въ Индіи и другихъ земляхъ также производили ее, весьма разнообразную, и въ великомъ количествѣ.— Народы, участвовавшіе въ древней торговлѣ, конечно, не имѣли нужды въ мѣхахъ, ибо обитали въ благорастворенныхъ климатахъ, но за то мѣха составляли предметъ ихъ роскоши, и за ними ѣздили купцы даже къ берегамъ Балтійскимъ. Впрочемъ, многіе народы Азіи, и даже отчасти Африки, употребляли вообще мѣховыя одежды, и потому торговля мѣхами была весьма обширна и важна.

Третій разрядъ товаровъ въ Азійской торговлѣ составляли благовонія и пряности. Аравія и Африка доставляли первыя. Онп были необходимостью въ частной жизни, и при религіозныхъ обрядахъ, въ Европѣ, и особенно въ Азіи. Главный предметъ въ разрядѣ пряностей составляла у Древнихъ корица, или киннамонъ.

Указывая на всѣ сіи замѣчанія, какъ на пособія для изысканія Историческихъ истинъ, и какъ на средства, могущія служить къ разсѣянію ограниченныхъ и произвольныхъ понятій, изъ коихъ многія остаются донынѣ въ Исторіи закоренѣлыми предразсудками, Геерень занимается только одною общностью взгляда. Всѣ подробности отдѣляетъ онъ къ частнымъ изображеніямъ народовъ.

Въ заключеніе излагаетъ Геерень понятія объ Азійскихъ древнихъ языкахъ. Мы извлечемъ изъ сихъ замѣчаній его только главныя идеи, такъ, какъ мы сдѣлали это излагая всѣ другія части Гееренова Вступленія.

Великое вліяніе различія, и взаимнаго отношенія языковъ, на сношенія и торговлю народовъ, заставляютъ насъ обратить Филологическій взглядъ на Азійскіе языки въ эпоху владычества Персовъ, какъ такую эпоху, которую должно почесть основною въ исторіи Политики и Торговли Азійской.

Два замѣчательныя явленія можно указать въ языкахъ Азійскихъ. *Первое*, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Азіи, съ древнѣйшихъ временъ, встрѣчалось величайшее множество различныхъ между собою языковъ, на небольшомъ пространствѣ земли,

такъ, что каждое изъ маленькихъ поколѣній, обитавшихъ на семъ пространствѣ, говорило своимъ отдѣльнымъ языкомъ, вовсе не похожимъ на другіе, сосѣдніе. Въ тоже время, на величайшихъ пространствахъ, рядомъ съ такими землями, народы многочисленные говорили однимъ, общимъ языкомъ. *Второе*, что въ Азіи находимъ мы совершенно мертвые языки, то есть, такіе, коими никто не говоритъ уже болѣе. Таковы священные языки: *Зендскій*, древнихъ Персовъ, и *Санскритскій*, древнихъ Индійцевъ.

То и другое явленіе объясняются исторіею Азіи, и именно: быстрыми, мгновенными завоеваніями народовъ-побѣдителей, и разсѣяніемъ, разселеніемъ разныхъ племенъ, которыя принуждены были идти подъ ихъ знаменами, оставлять родину, и поселяться потомъ въ отдаленныхъ отъ нея мѣстахъ, или, убѣгая отъ преслѣдованія побѣдителей, искать независимости и новой отчизны. Языкъ каждаго народа раждается и увеличивается только употребленіемъ его въ разговорѣ, хотя опредѣляется, и дѣлается правильнымъ, только посредствомъ письма и Литтературы. Языки мертвые, конечно, были нѣкогда живыми; цѣлые народы, вѣроятно, говорили ими, и это доказывается тѣмъ, что въ числѣ живыхъ языковъ Индіи и Персіи есть нарѣчія, явно сохранившія слѣды происхожденія своего отъ Санскритскаго и Зендскаго. Побѣдители вводили свой языкъ; языкъ побѣжденныхъ падалъ въ забвеніе, измѣнялся, и удалялся отъ своего источника. Онъ исчезалъ совершенно,

если не было у него письма и Литтературы, и если не былъ онъ Іерархическимъ языкомъ, то есть такимъ, на которомъ написаны были религіозныя преданія и догматы народа, хранимые и послѣ паденія народной самобытности. Посему исчезли языки: Хазарскій, Аварскій, Гуннскій, и сохранились Санскритскій и Зендскій. Судьба Латинскаго языка въ Европѣ поясняетъ намъ все сказанное здѣсь. Онъ сдѣлался мертвымъ, когда разрушилась Римская Имперія, и могъ остаться единственно Іерархическимъ, если-бы не была открыта нами, потомками варваровъ-разрушителей, богатая литтература его, и не сдѣлала его языкомъ ученымъ, и вмѣстѣ Іерархическимъ.

Сличая извѣстія Древнихъ, Гееренъ показываетъ, что въ юго-западной Азіи, въ эпоху Персовъ, существовали три главные языка: отъ Средиземнаго моря до Галиса *Фригійскій*; отъ Галиса до Тигра *Семитическій*, и отъ Тигра, до Окса и Инда, *Персскій*. Величайшее различіе языковъ являлось въ области языка Фригійскаго: Греческій въ приморскихъ поселеніяхъ Грековъ; Карійскій въ Каріи, Лидіи и Мизіи; Ѳракійскій въ Виѳиніи, и далѣе къ Черному морю; въ Пафлагоніи, Писидіи, Памфиліи и Киликіи говорили особыми языками. Особенно многоразличіе языковъ изумляло въ Кавказскихъ горахъ. Страбонъ сказываетъ, что на торжищахъ Діоскуріи (Греческаго города, на восточныхъ берегахъ Чернаго моря) можно было вдругъ услышать до семидесяти языковъ. — Гееренъ не рѣшаетъ задачи о Фригійскомъ языкѣ, то есть: происходилъ-ли онъ отъ Армянскаго, можетъ быть,

весьма древняго, нѣкогда сильнаго, и далеко распространеннаго, или, какъ говоритъ Иродотъ, Фригійцы вышли изъ Ѳракіи, въ глубокой древности, и отъ нихъ уже произошли Армяне (кн. VII, 73). — Къ числу нарѣчій Семитическаго относились языки: Каппадокійскій, Сирійскій, Ассирійскій, Халдейскій, Еврейскій и Самаританскій, Финикійскій и Арабскій. Глубокая древность скрываетъ отъ насъ—когда, и какой сильный, многочисленный народъ, говорившій *кореннымъ Семитическимъ* языкомъ, обладалъ сими странами! Но онъ былъ, сей народъ и исчезъ, незнаемый Исторіею, оставивъ слѣды измѣненнаго своего быта. Въ Аравіи онъ остался въ кочевомъ своемъ состояніи; въ Сиріи сдѣлался осѣдлымъ и земледѣльческимъ; въ Вавилоніи основалъ знаменитѣйшій въ древности городъ; на берегахъ Финикіи устроилъ гавани и флоты, упрочившіе ему всемірную древнюю торговлю.

Замѣчаніями о Скиѳскихъ языкахъ, и языкѣ Персскомъ, Гееренъ оканчиваетъ свой общій взглядъ на Азію.

Здѣсь и мы окончимъ извѣстіе наше о сочиненіи Геерена. Опредѣленный объемъ статьи не дозволилъ намъ представить болѣе подробностей, хотя и безъ того выписки наши были довольно обширны. Впрочемъ, мы надѣемся, что читатели извинятъ насъ въ этомъ, сообразивъ важность предмета. Мы уже сказали, въ началѣ, мнѣніе наше о твореніи Геерена. Безпристрастные, при указаніи недостатковъ сего писателя (см. Тел. IV, 515, 547), мы искренно отдаемъ справедливость его достоин-

ствамъ, и также искренно желаемъ, чтобы Русская публика болѣе ознакомилась съ нимъ, и чтобы наши сочинители Историческихъ книгъ изучали съ большимъ вниманіемъ *Идеи* Геерена, приготовляясь ими къ чтенію Вико, Нибуровъ и Тьерри. Послѣ сего не будутъ имъ казаться странными приложенія Европейскихъ идей и къ отечественной нашей Исторіи; мало по малу, исчезнутъ, можетъ быть, и тѣ жалкія созданія, коими, подъ именемъ Историческихъ книгъ и руководствъ, безпрестанно обременяютъ учебную литтературу нашу. Дай-то Богъ!

По послѣднимъ извѣстіямъ, мы видимъ, что третій томъ Французскаго перевода Гееренoвой книги (*Индія*) выданъ уже въ свѣтъ, и что остальные не замедлятъ. Скажемъ объ этомъ переводѣ вообще, что его можно почесть образцовымъ. Надобно намъ учиться у нынѣшнихъ Французовъ переводить такъ хорошо. Французскіе переводы твореній Вико, Нибура, Гердера, Крейцера, Савиньи, показываютъ, какъ далека нынѣшняя образованность Франціи отъ прежней. . . .

Н. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Хромоногій бѣсъ.* Соч. Лесажа. Переводъ Г. Пасынкова. Часть I. СПб. 1832. Въ т. Штаба Отдѣльнаго Корпуса внутренней стражи. 216 стр. in-12.

— *Хромый бѣсъ.* Соч. Лесажа. Перев. В. Волжскій. III части. СПб. Въ т. Смирдина. 1832. 228, 254 и 218 стр. in-12.

Имя Лесажа есть какъ-бы синонимъ веселости и остроумія. Кто не смѣялся, читая его *Жилблаза*, *Баккалавра Саламанхскаго*, *Гузмана*, *Хромоногаго бѣса*, *Найденный чемоданъ*? Надобно признаться, что у него всегда одинъ ладъ, на который онъ настроиваетъ разсказъ свой: всегда шутливость, нѣсколько грубая, однакожь закрытая маской важности. Лесажа уподобилъ-бы я такому разскащику, который смѣшитъ васъ не измѣняя своего лица, и какъ будто досадуя, что вы смѣетесь. Этотъ родъ остроумцевъ самый веселый и самый пріятный. Такова наружная, такъ сказать, сторона, или оболочка остроумія Лесажа. Въ философскомъ смыслѣ, онъ не скажетъ вамъ ничего новаго, ничего глубокаго, говоритъ почти все наслышное, но все умѣетъ представить и обставить такъ,

что вы забываете и заимствованія его и грубость простонародную — вы только смѣетесь.

Признаюсь, что вообще я не совсѣмъ согласенъ съ мнѣніемъ В. Скотта о Лесажѣ. Описывая жизнь Французскаго Романиста, В. Скоттъ изъявляетъ къ нему безграничное уваженіе и съ восторгомъ говоритъ о всѣхъ романахъ его, особенно-же о Жилблазѣ. Вотъ слова знаменитаго Біографа: « Кто читалъ сіе превосходное произведеніе, кто съ удовольствіемъ воспоминаетъ, какъ о пріятнѣйшемъ занятіи въ жизни своей, о томъ времени, когда онъ въ первый разъ пробѣгалъ жаднымъ взоромъ страницы онаго, тотъ конечно иногда съ охотою возвращается къ сему безсмертному творенію со всѣмъ жаромъ, со всѣмъ живымъ чувствомъ, которыя пробуждаетъ въ груди нашей воспоминаніе о первой любви, въ какомъ-бы возрастѣ мы ни были, когда мы въ первый разъ почувствовали очаровательную силу сего сочиненія... Если Грей справедливо утверждаетъ, что первое для него удовольствіе, небрежно разлегшись на диванѣ, безпрестанно читать новые романы, то во сколько разъ сіе наслажденіе еще-бы увеличилось, если-бы геній человѣка могъ произвести на свѣтъ другаго Жилблаза (*)! »

Люблю Лесажа, восхищаюсь романами его, и соглашаюсь, что это произведенія высокаго ума; но знаю и то, что всѣ романы Лесажа суть, больше

(*) Не имѣя на сей разъ подъ рукою подлинника, мы заимствовали сіи строки изъ перевода, помѣщеннаго, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Сынѣ Отечества. *Соч.*

или меньше, подражанія. У Французовъ долго была неистощимымъ и тайнымъ запасомъ Литтература Испанская. Изъ нея заимствовали многое величайшіе писатели Французскіе, Корнель, Мольеръ, Лесажъ; заимствовали и молчали объ этомъ. Одинъ разсерженный такою несправедливостью Испанецъ, написалъ даже книгу: *Жилблазъ, возвращенный своему отечеству*. Это Испанскій переводъ Жилблаза, съ указаніями, откуда что заимствовалъ Лесажъ. Можетъ быть въ этой книгѣ есть и натяжки; но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что Лесажъ вообще полною рукою бралъ у Испанцевъ и картины и вымыслы. Въ собственныхъ сочиненіяхъ своихъ, напримѣръ въ немногихъ драмахъ, онъ является писателемъ самымъ посредственнымъ. Не справедливо-ли заключить по этому, что Лесажъ былъ превосходный разскащикъ, но не творецъ? Взять чужое, передѣлать его по своему, осыпать солью остроумія, вотъ это было его дѣло. Замѣтьте еще какъ часто не вяжутся у него происшествія, какъ часто, въ самомъ Жилблазѣ, есть утомительныя и пустыя вставки. Прибавленная послѣ къ Жилблазу четвертая часть, наполнена повтореніями, и, подобно всѣмъ продолженіямъ сочиненій, имѣвшихъ необычайный успѣхъ, гораздо слабѣе первыхъ частей, отличающихся необыкновенною наблюдательностью, остроуміемъ и живостью картинъ.

Хромоногій бѣсъ не можетъ быть сравниваемъ съ *Жилблазомъ*, ни по внутреннему достоинству, ни по плану романа. Но за всѣмъ тѣмъ, это одна изъ остроумнѣйшихъ сатиръ на глупости, на пороки людей. И заглавіе, и основаніе, и ходъ

романа сего Лесажъ заимствовалъ у извѣстнаго Испанскаго Писателя, Гевары, который не зналъ себѣ соперника въ остроуміи, и даже однажды острымъ словомъ спасъ жизнь какому-то осужденному на смерть. Пріискъ былъ богатый, и Лесажъ воспользовался имъ мастерски.

Не почитаемъ нужнымъ излагать здѣсь содержаніе *Хромоногаго бѣса.* Оно или извѣстно читателямъ нашимъ, или можетъ быть извѣстно изъ двухъ Русскихъ переводовъ, нынѣ изданныхъ. Выпишемъ лучше мнѣніе В. Скотта о семъ романѣ.

« Нѣтъ въ свѣтѣ книги, которая-бы содержала въ себѣ столько глубокаго познанія человѣческаго характера, столь точно выраженнаго, какъ *Хромоногій бѣсъ.* Каждая страница, каждая строка представляетъ намъ отпечатокъ сего безошибочнаго чувства, сего точнаго развитія человѣческихъ слабостей; намъ кажется, будто какая-то вышняя сила прочла въ сердцахъ нашихъ, проникла въ потаеннѣйшія причины нашихъ поступковъ, и съ злобною радостью разрываетъ завѣсу, за которою мы стараемся скрыть наши дѣянія. »

Не справедливо-ли замѣчаніе наше о критикѣ В. Скотта?

У насъ на Руси выпало какое-то необыкновенное счастье *Хромоногому бѣсу*: онъ является въ одно время въ двухъ переводахъ. Прямо по-Русски! Не явится-ли еще и третій переводъ, потому что у насъ въ Литтературныхъ трудахъ не слѣдуютъ системѣ Экономистовъ: раздѣлять труды. У насъ куда одинъ, туда и всѣ.

Старшинство появленія въ свѣтъ принадлежитъ переводу Г-на Пасынкова. Жаль что окончаніе перевода сего еще не издано; но, судя по первой части, можно сказать, что и по достоинству переводъ Г-на Пасынкова заслуживаетъ предпочтеніе. Онъ чище, вѣрнѣе, и если можно такъ сказать, *литтературнѣе* перевода Г. Волжскаго, то есть въ немъ не видно руки подрядчика, а вездѣ видѣнъ литтераторъ, вполнѣ понимающій подлинникъ и владѣющій своимъ языкомъ. Сколько можно, онъ старался передать всѣ оттѣнки слога своего Автора и выполнилъ это удачно. Можно было-бы замѣтить и въ его переводѣ кой-что; но въ литтературныхъ трудахъ надобно смотрѣть на то, что составляетъ общій, отличительный характеръ. Въ переводѣ-же Г-на Пасынкова преимуществуетъ хорошее, и есть только маленькіе, частные недостатки относительно Русскаго языка.

Переводъ Г-на Волжскаго гораздо хуже. Онъ во многихъ мѣстахъ показываетъ неумѣнье чисто выражаться по-Русски. Сверхъ того, Г-нъ Волжскій вздумалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *передѣлывать* Лесажа, можетъ быть потому что не вездѣ понималъ его сочиненіе. Довольно странно, что въ семъ случаѣ мы сошлемся на *Русскій Инвалидъ*, гдѣ Г. Воейковъ сдѣлалъ ту услугу читателямъ, что выписалъ многія мѣста изъ обоихъ переводовъ и подлинникъ оныхъ. Тутъ ясно оказывается, что переводъ Г-на Пасынкова лучше. Спасибо Г-ну Воейкову, что онъ занялся изслѣдованіемъ о *Хромомъ* и *Хромоногомъ* бѣсѣ, хотя мы и не понимаемъ, что заставило его столь отечески позаботиться объ

этихъ Бѣсахъ, ибо Литтературою онъ не занимается.

Вообще эта книга обратила на себя вниманіе нашихъ Журналистовъ. Въ Сѣверной Пчелѣ сказано о трудѣ Г-на Волжскаго: «Переводчикъ исполнилъ свое дѣло весьма *отчетисто*, что доказываетъ уже и самое заглавіе книги, потому что до сихъ поръ Лесажева Бѣса у насъ называли (и еще весьма не давно, въ переводѣ Г-на Пасынкова, вышедшемъ въ одно время съ этимъ), *Хромоногимъ* бѣсомъ, какъ будто можетъ быть бѣсъ *хроморукій*!» Вѣроятно, это остроумно; только несправедливо. Слово *хромоногій* есть въ Русскомъ языкѣ и употребляется въ цѣлой Россіи; а что принято цѣлымъ народомъ, того презирать и исключать не для чего. Мало-ли у насъ есть выраженій и словъ, по видимому странныхъ, но они освящены употребленіемъ. Есть это и во всѣхъ языкахъ. Слово *хроморукій* безсмысленно, потому что нѣтъ идеи для него; но грамматически оно составлено правильно. Куда-же заведутъ насъ однѣ формы, если мы станемъ руководствоваться только ими, а не употребленіемъ и смысломъ! По правилу Замѣчателя, должны быть изгнаны слова: *бездушный, невѣжда, быстротечный*, и проч., ибо нѣтъ противоположныхъ словъ: *душный*, *вѣжда*, *медленнотечный*. По его должно говорить: *не имѣющій души*, не *вѣдающій*, *быстротекущій*. Не лучше-ли было-бы догадаться, что Г-нъ Волжскій ошибся, написавъ: *хромый*?

Винимся передъ читателями въ этихъ грамматическихъ мѣлочахъ. Но любовь къ языку нашему и

боязнь, чтобы не ввели его въ Академическую мѣрку, извинять насъ.

— *Исторія Вильгельма IV-го Короля Англійскаго и Людовика Филиппа Короля Французовъ.* Переводъ съ Французскаго. М. въ Универс. т. 1832. 57 стр. in-12.

На Русскомъ языкѣ, въ Русской Литтературѣ, книга о предметѣ не только современномъ, но можно сказать *садневномъ*, вотъ явленіе рѣдкое! Мы вообще не очень заботимся о томъ, что дѣлается въ Европѣ. Умираетъ-ли великій человѣкъ, совершается-ли переворотъ въ какой-либо наукѣ, выростаетъ-ли островъ изъ моря или какой нибудь исполинъ въ мірѣ нравственномъ, мы смотримъ на это какъ на горы въ лунѣ; намъ также и далеки и туманны всѣ подобные предметы. И пусть-бы, подобно какому нибудь Нѣмецкому ученому, углублялись мы въ отвлеченность, искали слѣдовъ какого нибудь исчезнувшаго съ земли народа, или отыскивали мѣсто рожденія Омира; тогда понятно было-бы равнодушіе Русское, какъ равнодушіе того Нѣмецкаго Профессора, который, услышавъ что подъ Іеной рѣшается судьба отечества его, отвелъ глаза отъ своихъ рукописей и протирая очки сказалъ: «So? das ist ziemlich interessant.» Но мы заняты со всѣмъ другими предметами. У насъ продажа имѣнія какого нибудь повѣсы, балъ Князя N. N., сплетня свѣтской ханжи, *партія* богатой наслѣдницы, вотъ наши новости, отрада любопытству нашему. Говорятъ, что изобрѣтеніе магнитной стрѣлки и открытіе Америки важныя событія; но для нашего общества не существуютъ они.

Намъ еще надобны магнитная стрѣлка и Коломбъ новаго рода, которые показали-бы намъ путь къ Европѣ и открыли-бы старый свѣтъ. Коломбъ трудился не для насъ.

Зная все это, читатели наши конечно удивятся, такъ-же какъ удивились мы, увидѣвъ книжку, гдѣ описана жизнь двухъ Королей, недавно вступившихъ на тронъ. Подобныя описанія принадлежность Журналовъ, и мы, въ качествѣ Журналистовъ, конечно упрекнули-бы себя за лѣность, пропустивъ безъ замѣчанія два предмета, имѣвшіе занимательность современную. Но, кромѣ того, что отъ Русскаго Журналиста не льзя требовать всего, что должны дѣлать Журналисты иныхъ странъ, мы еще имѣемъ и другія оправданія. Жизнь Вильгельма IV-го, нынѣшняго Короля Англійскаго, не представляетъ ничего, исторически занимательнаго; а о нынѣшнемъ Королѣ Французовъ было помѣщено въ Телеграфѣ, 1830 года, историческое извѣстіе, объемлющее почти всю жизнь его, до вступленія на престолъ.

Книжка, изданная нынѣ у насъ о сихъ двухъ Короляхъ, написана благородно и съ знаніемъ событій. Происшествія изложены въ ней кратко, однакожь ясно и отчетисто. Русскій переводъ ея хорошъ. Не находя въ біографіи Короля Французовъ почти ничего, что уже не было-бы извѣстно читателямъ нашимъ, мы выпишемъ изъ біографіи Вильгельма IV-го нѣкоторыя мѣста, изъ коихъ видны будутъ, какъ прекрасный характеръ и благородные поступки нынѣшняго Короля Англійскаго, такъ и изложеніе книги, о которой идетъ рѣчь.

Вильгельмъ IV-й родился въ Лондонѣ, 21 Августа 1765 года.

«14-ти лѣтъ, въ званіи Мичмана, онъ поступилъ на 80-ти пушечный корабль *Принцъ Георгъ*, подъ начальство Адмирала Джигби, и участвовалъ во многихъ битвахъ, съ тѣмъ неизмѣннымъ мужествомъ и неустрашимостью, которыя замѣтны въ немъ были съ самаго младенчества...... 17 Іюня 1785 года, послѣ дѣятельной службы, продолжавшейся 6 лѣтъ и 3 мѣсяца, онъ произведенъ въ Лейтенанты; черезъ 10 мѣсяцевъ въ Капитаны, а 3-го Декабря 1790-го въ Контръ-Адмиралы. Весьма замѣчательно то, что не смотря на высокое происхожденіе, при производствѣ его наблюдался строгій законный порядокъ. Онъ прослужилъ въ каждомъ чинѣ положенное время и во все продолженіе службы не получилъ никакой награды предпочтительно товарищамъ... 16-го Мая 1789 онъ занялъ мѣсто въ Палатѣ Перовъ, какъ Герцогъ Кларенсскій... Въ 1793 году, когда возгорѣлась война съ Франціею, онъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, вѣроятно потому, что передъ тѣмъ оказалъ себя, въ Палатѣ Перовъ, противникомъ Питта.

«... Въ продолженіе двухъ царствованій, Георга III-го и Георга IV-го, Герцогъ Кларенсскій не участвовалъ въ общественныхъ дѣлахъ. Будучи искреннимъ другомъ правъ своей родины, онъ не могъ одобрять правилъ Питта и Кастельре. Неутомимо противоборствуя имъ въ *Камерѣ* Перовъ, онъ узналъ однако, что имѣетъ дѣло съ соперниками смѣлыми и сильными, которые успѣли даже лишить его любви родительской.

« . . . Во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Герцогъ Кларенсскій, явный другъ великодушныхъ правилъ религіозной терпимости, не смотря на свою преданность къ Церкви Англиканской, принялъ дѣятельное участіе въ уравненіи Ирландскихъ Католиковъ. Согласіе въ правилахъ и видахъ касательно сего важнаго пункта, было главнѣйшею связью искренняго союза между Герцогомъ Кларенсскимъ и Георгомъ Каннингомъ. Обязанъ будучи безпрестанно касаться вопроса, противъ котораго возставали въ Палатѣ Перовъ большинство голосовъ и олигархическіе предразсудки, не принимавшіе отъ Министра-плебейца никакихъ предложеній, сколь-бы они ни были благоразумны и согласны съ правотою и народнымъ благомъ, Каннингъ всегда находилъ въ Герцогѣ Кларенсскомъ помощника твердаго, смѣлаго, неизмѣннаго. Мнѣніе Герцога было столь искренно, столь твердо въ основаніяхъ, столь независимо отъ лицепріятія и далеко отъ мѣлочныхъ разсчетовъ, что и по смерти Каннинга онъ дѣйствовалъ одинаково.

« . . . При Герцогѣ Веллингтонѣ, положеніе Герцога Кларенсскаго не измѣнялось; но поступки противъ него перваго Министра, и неприличіе, съ которымъ сей отказался платить расходы по званію Генералъ-Адмирала, сильно раздражили его, и онъ вышелъ въ отставку.

« . . . Между тѣмъ Георгъ IV-й приближался ко гробу. Герцогъ Кларенсскій, во все время продолжительной болѣзни своего брата, принималъ

живѣйшее участіе въ состояніи больнаго, не изыскивая однако случая видѣть его часто, и являлся только тогда, когда самъ больной требовалъ его. Герцогъ Веллингтонъ, напротивъ, оказалъ столько заботливости, суетливости и странныхъ услугъ, что Георгъ IV-й, который впрочемъ казался имъ довольнымъ, не могъ воздержаться, чтобы не сказать одной изъ окружавшихъ его особъ: «Не правда-ли, что Артуръ слишкомъ тревожится для «своего здоровья?»

«. . . Не многіе изъ частныхъ людей ведутъ столь *регулярно* жизнь, какъ этотъ Государь (Вильгельмъ IV-й): онъ встаетъ около 6-ти часовъ по-утру, занимается нѣсколько времени и завтракаетъ; послѣ того заставляетъ читать поданныя къ нему просьбы и записки, входитъ въ малѣйшія подробности частной жизни просителей, и нерѣдко самъ навѣщаетъ ихъ, когда они живутъ не далеко. Все равно какъ и прежде, когда онъ былъ Герцогомъ Кларенсскимъ, Вильгельмъ IV-й прогуливается по улицамъ одинъ, въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ брюкахъ. — Воздержность его необыкновенна. . .»

«. . . Отвращеніе къ этикету замѣтно было въ Королѣ, когда онъ былъ еще Герцогомъ Кларенсскимъ, и онъ избѣгалъ его со всѣми равно. Такъ недавно явился къ нему одинъ изъ старыхъ его друзей, для засвидѣтельствованія ему своего почтенія. «Жоржъ!» сказалъ ему Король: «Если тебѣ нечего дѣлать, отобѣдаемъ со мною! Только, сдѣлай милость, не церемонься.»

— *Повѣсти Михайла Погодина.* 3 части. М. 1832. Въ т. Селивановскаго. 210, 292, 250 стр. in-16.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда была издана повѣсть Г-на Погодина: *Черная немочь,* мы подробно изложили свое мнѣніе о неспособности его къ сему роду сочиненій. Но онъ не послушалъ добрыхъ совѣтовъ и продолжалъ печатать въ пріятельскихъ Журналахъ и Альманахахъ повѣсти своя. Теперь накопилось ихъ три томика. Не хотимъ повторять того, что уже было сказано, и, какъ намъ кажется, доказано, то есть, что Г-нъ Погодинъ не рожденъ быть романическимъ писателемъ, что у него нѣтъ ни воображенія, ни слога, ни теплоты душевной, и что отъ того повѣсти его натянуты, грубы, холодны. Всякій можетъ удостовѣриться въ этомъ, прочитавъ любую повѣсть его. Замѣтимъ нѣчто другое, прямо идущее къ предмету нашему.

Г-нъ Погодинъ почти не имѣетъ соперника въ разнообразіи трудовъ. Развѣ Б. М. Ѳедоровъ, единственный изъ Русскихъ писателей, можетъ сравняться съ нимъ въ этомъ. Г-нъ Погодинъ долженъ страшиться этого опаснаго соперника. Но кто еще можетъ оспоривать у него вѣнокъ всеобъемлемости? Г-нъ Погодинъ писалъ Драмы и сатирическія статейки, историческія сочиненія и легонькіе стишки, критическіе разборы и сказки, издавалъ Класическія сочиненія и статистическія записки,

Журналы и крохотныя книжонки, Альманахи и учебныя тетрадки, переводилъ Гёте и Эверса, Овидія и Добровскаго, Шатобріана и Шлецера, переводилъ даже съ такихъ языковъ, которыхъ онъ не знаетъ (напримѣръ Нѣмецкаго, что доказано Г-мъ Булгаринымъ, въ разборѣ перевода *Гёца*). Онъ и Политическій Экономъ и Историкъ, и Романистъ и Философъ, и Стихотворецъ, и Критикъ, и Статистикъ и Журналистъ!.... Это въ нѣкоторомъ смыслѣ нашъ Вольтеръ, который также писалъ все и обо всемъ, qui a tout dit. Г-нъ Погодинъ также писалъ обо всемъ: il a tout dit. Что значитъ это?

Есть два рода писателей. Одни пишутъ слѣдуя внутреннему призванію, отъ полноты ума и воображенія, которые требуютъ дѣйствія и поприща всемірнаго, ибо имъ тѣсно въ головѣ и въ груди одного человѣка. Другіе пишутъ слѣдуя врожденной способности человѣка подражать, или также почти врожденному чувству, пріобрѣсти посредствомъ писанья что нибудь, какое нибудь имя, мѣстечко, или *дружество съ Князькомъ*, какъ сказалъ И. И. Дмитріевъ. Писатели перваго рода дѣлаются великими Поэтами, Историками, Политиками, и проч. Это Байроны, Робертсоны, Смиты. Писатели другаго рода остаются въ потомствѣ памятниками безсилія умственнаго и душевнаго: это Прадоны, Тредьяковскіе, Щербатовы, мученики, а не писатели. Но нѣтъ возможности растолковать подобнымъ людямъ ихъ ничтожество. Они вѣчно пи-

шутъ, пишутъ и пишутъ. Еще благоразумны изъ нихъ тѣ, которые останавливаются или залѣниваются при первыхъ опытахъ. Но другіе воображаютъ что цѣлый міръ завиствуетъ имъ, показываетъ равнодушіе притворное, и что лишь потомство оцѣнитъ ихъ заслуги.

Желая добра Г-ну Погодину, мы напоминаемъ ему, что онъ уже сдѣлался маленькимъ Вольтеромъ, по множеству писаній своихъ. Пора-бы ему извѣдать силы свои, заняться тѣмъ родомъ сочиненій, къ которому чувствуетъ онъ себя способнымъ, и оставить пастушескіе, поэтическіе и многіе другіе вѣнки, или, чтобы не отваживаться на славу Тредьяковскаго, вспомнить, что не всякій рожденъ быть писателемъ.

ОБОЗРѢНІЕ

новыхъ открытій путешественниковъ.

(Окончаніе).

Въ два истекшіе года, Африка была предметомъ и театромъ самыхъ любопытныхъ изслѣдованій и смѣлыхъ трудовъ Англійскихъ путешественниковъ. Послѣднія, изданныя Географическимъ Обществомъ извѣстія, особенно обращаютъ наше вниманіе на области около Атласа, соприкасающіяся Имперіи Марокской, и на средоточную Африку, которой изслѣдованіе стоитъ уже многихъ жертвъ.

Самое полное извѣстіе объ Имперіи Марокской, и пограничныхъ съ нею странахъ, доставилъ Г-нъ Вашингтонъ, Лейтенантъ Англійскаго флота. Къ извѣстію его приложена карта, гдѣ превосходно обозначены всѣ земли отъ Мельцина, самой возвышенной точки Атласа, до Марокко, и отъ мыса Спартеля до мыса Бланко, на берегахъ Атлантическаго Океана. Главное достоинство сей карты, точность, съ какою путешественникъ начерталъ всѣ изгибы и всѣ неровности берега.

Пусть разсказываетъ за насъ самъ Авторъ, съ той минуты, когда выходитъ онъ, со своими провожатыми и сопутниками изъ тѣснинъ, ведущихъ къ долинѣ, въ которой находится столица.

«Вдругъ, говоритъ онъ, увидѣли мы Императорскій городъ, находящійся посреди обширной, покрытой пальмами долины. Вблизи возвышались его мечети, минареты и крѣпость, а далѣе, на заднемъ планѣ, вѣчные снѣга Атласа рисовались на лазури неба, въ вышинѣ 11,000 футовъ. Покуда мы въ молчаніи наслаждались этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, нашъ провожатый остановилъ всѣхъ, и его соотечественники всѣ вмѣстѣ начали молиться за здоровье своего Султана, помолившись напередъ Аллаху за счастливое окончаніе путешествія. Ночь провели мы подъ пальмовыми деревьями. На другой день, утромъ 10 Декабря, мы перешли черезъ рѣку *Тенсифтъ*, въ Альхантрѣ, по мосту на тринадцати аркахъ, и оставили за собою пальмовый лѣсъ, отдѣлявшій насъ отъ столицы. Чѣмъ ближе подходили мы къ ней, тѣмъ болѣе увеличивались передъ нами толпы и шумъ. Здѣсь стражи Султана, въ бѣломъ платьѣ; далѣе другія войска и всѣ мужчины города, числомъ болѣе 40,000 человѣкъ; манёвры кавалеріи, громъ пушекъ, фейерверочныхъ штукъ, шумъ музыки, безпрерывные залпы изъ ружей, смѣшанные съ рѣзкими криками женщинъ.... Такъ встрѣчали насъ въ Марокко. Въ полдень, когдо бѣлые флаги трепещутся надъ минаретами, и звучный голосъ Муэццина зоветъ пра-

повѣрныхъ къ молитвѣ, внятно повторяя для нихъ слова: «Богъ есть Богъ, а Мугаммедъ его Пророкъ,» мы, недостойные Назаряне, вошли въ Императорскій городъ. Насъ приняли въ павильонѣ, находящемся среди уединеннаго сада, гдѣ тѣнь и прохлада манили насъ къ отдыху, въ которомъ мы очень нуждались.

«Долина Мароккская, заслоненная отъ сѣвера цѣпью сланцовыхъ холмовъ, а отъ юга Атласомъ, простирается въ ширину на 25 миль. Къ востоку и западу протяженіе ея необозримо, а возвышеніе надъ поверхностью моря около 1500 футовъ. Почва ея состоитъ изъ песчанистаго мергеля, смѣшаннаго съ кремнемъ, изъ кварца, агата, порфира, сердоликовъ, и проч. Къ югу она покрыта кустами придорожной иглы, которую Мавры называютъ *сидра небрахъ*, а къ сѣверу возвышается на ней величественный пальмовый лѣсъ. Рѣка Тенсифтъ, вытекающая изъ горъ, окружающихъ долину со стороны сѣвера, слѣдуетъ въ теченіи своемъ около Марокко, отстоящаго отъ нея только въ четырехъ миляхъ, принимаетъ въ себя безчисленное множество ручьевъ, бѣгущихъ съ Атласа, и вливается въ Атлантическій Океанъ, въ пятнадцати миляхъ къ югу отъ Саффи и во ста миляхъ отъ Марокко. Она быстра, хотя не глубока; ширина ея триста саженъ. Почти вездѣ можно пройдти ее въ бродъ, только не весною.

«Марокко окруженъ валомъ, изъ крѣпкой глины, и съ отверстіями по нѣкоторымъ мѣстамъ. Основаніе вала кирпичное; вышина тридцать футовъ.

На каждыхъ пятидесяти шагахъ сдѣланы въ немъ четыреугольныя башни. Вся окружность города составляетъ шесть миль; въ него входятъ одиннадцатью двойными воротами. Народонаселеніе не соразмѣрно съ окружностью города. Въ немъ множество большихъ садовъ и не застроенныхъ земель, акровъ по двадцати и по тридцати. Дворецъ Султана внѣ города, съ южной стороны. Это настоящая крѣпость: четыреугольникъ, въ полторы тысячи саженъ длины и шесть сотъ ширины, раздѣленный на сады и павильоны. Тутъ-то живетъ Императоръ. Комнаты его устланы разноцвѣтными изразцами; всю мебель въ нихъ составляютъ подушки и ковры.

«Кромѣ садовъ при дворцѣ, у Султана есть еще другіе, чрезвычайно обширные, въ срединѣ столицы. Къ нимъ принадлежитъ и тотъ, въ которомъ жили мы цѣлый мѣсяцъ. Его называютъ: *Себтъ-эль-Мамонія*. Онъ занимаетъ пятнадцать акровъ. Это обширный зеленый лугъ, гдѣ смѣшанно представляются деревья масличныя, померанцевыя, гранатовыя, лимонныя, фиговыя, кедровыя, акаціи, шиповникъ, миртъ, жасминъ, и проч. Эти растенія образуютъ куполы надъ зеленью; надъ ними возвышаются стройные кипарисы, тополы и пальмы. Сквозь прогалины ихъ семей видны лишь снѣга Атласа и башни главной мечети. Однѣ игры газелей и журчанье водъ нарушаютъ спокойствіе этого очаровательнаго убѣжища, гдѣ соединено все, чего можно желать подъ палящимъ небомъ: тишина, свѣжесть и благоухающій воздухъ. Видъ съ плат-

формы нашего жилища былъ удивительный: тутъ открывался весь городъ и весь неизмѣримый долъ отъ запада къ востоку; а отъ юго-востока къ сѣверо-западу, величественная цѣпь Атласа развивала по горизонту свою завѣсу изъ вѣчныхъ льдовъ. Тамъ-то каждый день, при восхожденіи и захожденіи солнца, глядя на эту великолѣпную картину, мы горевали, что эти превосходныя, но невѣдомыя мѣста, гдѣ на пространствѣ немногихъ миль соединены всѣ климаты, гдѣ представляется такое обширное поприще для трудовъ естествоиспытателя и геолога, что эти мѣста заграждены отъ образованности непреоборимыми препятствіями.»

Исполнивъ свое порученіе въ Марокко, Г-нъ Вашингтонъ объѣхалъ сѣверъ Атласа. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ его извѣстія.

«На разсвѣтѣ мы начали взбираться на ближайшую гору. У подошвы ея рокоталъ потокъ, усѣянный по берегамъ масличными, рожковыми, орѣховыми деревьями, акаціями, кедрами (какихъ я уже и не видывалъ лучше въ тамошней странѣ), малорослыми пальмами и шиповникомъ. Эхо скалъ приносило къ намъ крики охотниковъ Шеллогскихъ (Шеллоги урожденцы сихъ горъ), и при каждомъ поворотѣ дороги, излучины дола и безмѣрная долина открывали намъ новыя красоты. Основаніе почвы известковое; въ ней попадается камешникъ, мѣлъ, кремнеземъ, агатъ, порфиръ, ляписъ лазули и сердоликъ. Чело горы увѣнчано скалами, которыя можно почесть исполинскими надгробными каменьями, потому что онѣ возвышаются прямо и отдѣль-

но. Индѣ, въ самыхъ романтическихъ мѣстахъ, разбросаны скверныя хижинки Шеллоговъ.

«Три часа подымались мы въ гору. Крутизна дорожекъ заставила насъ сойдти съ коней, оставить своихъ провожатыхъ и взять въ проводники горныхъ жителей. Въ этомъ мѣстѣ дорога опушена рожковыми и масличными деревьями, кедрами, дикимъ виноградникомъ и хмѣлемъ. На право и на лѣво возвышались надъ головами нашими громады песчанаго камня. На 500 футовъ ниже, съ ревомъ мчался источникъ по излучинамъ долины, и снѣга Атласа, казалось, исчезали передъ нами.

«Въ полдень мы остановились на вершинѣ коническаго холма, сланцовой породы, и въ первый разъ принялись за измѣренія. Это было 31°25½′ сѣверной широты. По барометру, мы стояли въ 4600 футахъ надъ поверхностью моря.

«Во время наблюденій своихъ мы были окружены толпою Шеллоговъ, которые глядѣли на насъ изумленными очами. По видимому, всего болѣе обращали ихъ вниманіе нашъ нарядъ, наши вызолоченныя пуговицы и наши наблюденія, производимыя инструментами. Они закричали отъ удивленія, увидѣвши что я влилъ ртути въ одинъ изъ нашихъ приборовъ, желая получить искуственный уровень. Смѣтливость и любопытство этихъ горцевъ странно противоположны съ безчувственностію Мавровъ. Они не очень высоки ростомъ, очень обыкновенны видомъ, но формы у нихъ атлетическія, пріемы свободные и видъ независимый,

какого не замѣтишь у жителей долинъ. Кажется что у нихъ не бываетъ зоба. Нашъ толмачь ни сколько не понималъ ихъ нарѣчія, а сами они не знаютъ Арабскаго языка. Къ счастію съ нами былъ Шеихъ Жидовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, и съ его помощью мы могли запомнить въ точности самыя употребительныя слова изъ языка Шеллоговъ. Ихъ хижины, выстроенныя изъ камня и глины, покрыты аспидными камнями. Главное занятіе ихъ охота. Они имѣютъ мало сношеній съ Арабами и Маврами долины, и тщательно обрабатываютъ всѣ окружныя земли, способныя къ произведенію растеній.

«Въ каждой деревнѣ тамъ множество Жидовскихъ семействъ, которыя удалились для избѣжанія отъ налоговъ и оскорбленій, угнетающихъ жизнь ихъ въ городахъ. Въ долинѣ десять деревень и 4000 жителей; изъ нихъ четвертая часть Жидовъ. Намъ сказывали, что въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ долины есть мѣдная руда, которую и разработывали. Нѣтъ сомнѣнія, что на цѣпи Атласа находится множество жителей, неизвѣстныхъ намъ, но коихъ нравы и характеръ достойны особеннаго вниманія.

«Выше того мѣста, гдѣ мы отдыхали, надобно всходить два часа по землѣ, почти голой, произращающей немного хилыхъ кедровъ. Дошедши до снѣговой области, мы продолжали путь до того, покуда проводники наши отказались идти далѣе. Въ самомъ дѣлѣ, мы могли быть ежеминутно погребены въ снѣгу, на которомъ, почти до самой

верхушки горы, нѣтъ никакого слѣда. Барометръ показалъ на этомъ мѣстѣ 6,400 футовъ вышины. Почва тамъ изъ красноватаго песчаника, и ея слои простираются отъ востока къ западу, безъ всякихъ признаковъ первобытныхъ скалъ, кромѣ обломковъ гранита и немногихъ жилъ кварца, перемѣшаннаго съ сланцомъ. Песчаная земля расположена горизонтальными слоями, въ видѣ остраго угла и круглой шапки. Впрочемъ, тутъ нѣтъ никакого слѣда волканическихъ изверженій, и во всѣхъ наружныхъ частяхъ Атласа не видно первобытнаго существованія кратера.»

Изъ Географическихъ открытій нашего времени, всѣхъ важнѣе то, коимъ наконецъ рѣшена задача о теченіи Нигера по срединѣ Африки. Открытіе совершилъ скромный путешественникъ, безъ всякихъ требованій на систему, шедшій прямо къ своей цѣли, и смѣло преодолѣвшій затрудненія и опасности, среди коихъ погибли всѣ предшественники его. Это Ричардъ Ландеръ, вѣрный слуга и достойный спутникъ несчастнаго Клаппертона, бывшій съ нимъ во время втораго путешествія его въ Соккату. Извѣстно, что онъ, съ любовью горестнаго брата принявши послѣдній вздохъ своего хозяина, вѣрно сохранилъ драгоцѣннѣйшее сокровище его, описаніе путешествія, обогащенное собственными его примѣчаніями. Извѣстно также, что возвратившись въ Лондонъ, онъ предложилъ Географическому Обществу продолжать открытія Клаппертона, касательно теченія Нигера, или *Коррага*, ибо таково настоящее назва-

ніе сей рѣки, несвойственно именовавшейся до сихъ поръ Нигеромъ. Въ наставленіи предписано было ему слѣдовать путемъ, коимъ шелъ его хозяинъ, до того мѣста, гдѣ можно будетъ плыть по рѣкѣ, и такимъ образомъ изслѣдовать ея теченіе водою, до самаго впаденія въ море или въ озеро Тсаадъ, ибо во всѣхъ ипотезахъ только два сіи собранія водъ назначали устьемъ ея.

Ричардъ Ландеръ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Джономъ, вышелъ на берегъ въ Бадагрѣ, 31 Марта 1830 года. Кромѣ немногихъ уклоненій, онъ шелъ прежнимъ путемъ до Буссы. Тамъ имѣлъ онъ случай открыть одну ошибку Клаппертона. Бусса находится не на островѣ, но на правомъ берегу Коррага. Клаппертонъ почелъ рукавомъ рѣки небольшую рѣчку Менаи, впадающую въ Коррагъ выше Буссы. Черезъ нее должно переправляться шедши въ городъ съ юга.

Дошедши до берега большой рѣки, Ландеръ удивился, что она такъ узка. Черныя скалы возвышались посреди водъ, между двухъ пропастей, гдѣ волны лились быстрыми клубами. Въ этомъ мѣстѣ можно перебросить камень съ одного берега на другой. «Скала, на которой сидѣлъ я, говоритъ путешественникъ, возвышается надъ тѣмъ проходомъ, гдѣ были зарѣзаны Мунго-Паркъ и несчастные спутники его.»

Въ Буссѣ Ландеръ и братъ его начали свое опасное плаваніе. Отъ этого города до Яури, рѣка усѣяна скалами, песчаными отмѣлями и низменны-

ми островами покрытыми тростникомъ; тутъ лодка их садилась на мѣль безпрестанно. Тотчасъ послѣ дождей, продолжающихся сряду двѣ недѣли, скалы покрываются высокою водою. Тогда по рѣкѣ можно плыть безъ опасности, во всю ширину ея русла.

Королевство Яури граничитъ къ востоку съ Королевствомъ Гауссою, къ западу съ Боргу, къ сѣверу съ Кюбби, къ югу съ Ниффе. Правленіе тамъ деспотическое и наслѣдственное. Послѣдній Султанъ былъ лишенъ владѣльческаго права, послѣ возстанія, которое самъ навлекъ онъ своими притѣсненіями и несправедливостью. Нынѣшній владѣлецъ господствуетъ уже тридцать девять лѣтъ. У него есть значительное войско, съ успѣхомъ отражающее безпрестанныя нападенія Феллатаговъ. Теперь онъ занимается, въ одной изъ областей своихъ, усмиреніемъ бунта, который былъ причиненъ отказомъ платить какія-то подати, и тяжелыми мѣрами, принятыми для полученія сихъ податей. Городъ Яури населенъ чрезвычайно. Онъ обведенъ высокою и толстою стѣною изъ глины; окружность его составляетъ отъ двадцати до тридцати миль. Для входа въ городъ есть восемь воротъ, укрѣпленныхъ по системѣ туземной. Лучшее мануфактурное произведеніе въ Яури родъ пороха, весьма плохаго. Кромѣ того тамъ дѣлаютъ сѣдла, ткани, и проч.; разводятъ и обработываютъ индиго, табакъ, лукъ, хлѣбъ и рисъ превосходнаго качества. Тамъ-же выкармливаютъ лоша-

дей, буйволовъ, барановъ, козъ; но не смотря на промышленность свою, жители отвратительны наружностью, и безпрестанно жалуются на несчастія современныя.

Вышедши изъ Лайябы, въ Королевствѣ Ниффе, Коррагъ величественно продолжаетъ свое теченіе, на двѣнадцать или четырнадцать миль, до Баіэбо, не будучи затрудненъ ни островами, ни скалами. Ширина его, въ долинѣ, гдѣ разсѣяно нѣсколько печальныхъ деревень, различна: отъ одной до трехъ миль. «Въ Баіэбо, говоритъ Ландеръ, увидѣли мы, 5-го Октября, въ первый разъ, большія лодки, съ шалашомъ посрединѣ, нагруженныя товарами.»

Далѣе открывается островъ Моджи, покрытый бѣднымъ произрастеніемъ, утыканный кустарникомъ и прямыми скалами, гдѣ въ заслоненныхъ терномъ расщелинахъ живутъ дикіе звѣри и хищныя птицы. Ниже Моджи видна громада скалъ, вышиною въ триста футовъ: онѣ возвышаются изъ воды; жители, называя сію гору Кезеемъ, оказываютъ къ ней суевѣрное уваженіе. Здѣсь рѣка обращается къ востоку, при подошвѣ цѣпи горъ, и течетъ далѣе на юго-востокъ, до Рабы, цвѣтущаго и многолюднаго города, гдѣ есть большое торжище невольниками. Отселѣ направляетъ она теченіе свое къ востоку. Ниже Рабы, принимаетъ она въ себя значительную рѣку, текущую отъ сѣверо-востока: это Кудонія, черезъ которую пере-

правился Ричардъ Ландеръ во время перваго своего путешествія, возвращаясь изъ Соккату. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья ея встрѣчается Эгга, городъ довольно значительный, гдѣ жители одѣваются въ Португальскія ткани, идущія изъ Бенина; это заставляетъ предполагать, что они имѣютъ сообщеніе съ берегами Океана, посредствомъ своихъ большихъ лодокъ. Отъ Эгги рѣка обращается къ югу, и черезъ четыре дни плаванія путешественникъ встрѣчаетъ устье другой большой рѣки, текущей съ сѣверо-востока и называемой Тшадда. Во время прибытія Ландерова, она была въ разливѣ и казалась шириною около трехъ миль. Имъ объяснили, что городъ Фунда, о которомъ говоритъ Клаппертонъ по случаю своего пребыванія въ Соккату, находится на берегу сей рѣки, въ трехъ дняхъ разстоянія отъ ея устья. Арабскій Шейхъ, увѣрявшій Клаппертона, что Коррагъ проходитъ въ Фундѣ и послѣ обращается къ востоку, говорилъ о Тшаддѣ. Сія-то ошибка заставила Маіора Денгама думать, что Шарри могла быть продолженіемъ Коррага.

Присоединивъ къ себѣ Тшадду, Коррагъ проходитъ сквозь цѣпь горъ, которыя постепенно возвышаются къ юго-востоку и оканчиваются у исполинскихъ прямыхъ горъ, ограничивающихъ горизонтъ Бенинскаго залива. Исчислено, что вышина ихъ простирается на двѣнадцать и тринадцать тысячь футовъ. Выходя изъ сихъ горъ, рѣка омываетъ стѣны города, называемаго Киррія. Тамъ-то начина-

етъ она образовывать великую дельту, простираясь къ юго-западу до устьевъ рѣки Формозы или Беннна, а къ юго-востоку до устьевъ прежняго Кальбари. Разстояніе между сими двумя устьями составляетъ 240 миль. Рукава дельты раздѣляются на необозримой долинѣ и часто наводняютъ ее. Вся эта страна есть не иное что какъ болото, гдѣ прозябаетъ ничтожный народъ. Тамъ Ландеръ нашелъ многихъ торговцевъ невольниками, занимающихся этимъ безчеловѣчнымъ и постыднымъ торгомъ.

И такъ, вотъ рѣшеніе задачи! Надобно благодарить за это духъ системы, столь долго поддерживавшій своими остроумными вымыслами вниманіе и любопытство публики. Съ той поры, какъ Мунго-Паркъ открылъ рѣку, названную имъ *Джоллибой,* всѣ Географы занимались изысканіемъ дальнѣйшаго ея направленія. Нѣмецкій Географъ Рейхардъ тотчасъ состроилъ на извѣстіи Мунго-Парка ипотезу, довольно остроумную, но неподкрѣпленную ничѣмъ. Онъ выдумалъ, что въ срединѣ Африки есть огромное озеро, откуда вытекаютъ и Джоллиба и другія внутреннія рѣки. Онъ исчислилъ количество воды въ озерѣ и въ рѣкахъ; количество, теряющееся отъ испаренія, отъ всасыванія, и проч., и другую различную убыль, а остальное слилъ въ Бенинскій заливъ. Г-нъ Макъ-Кинъ, послѣ него, состроилъ систему, также остроумную, но также лишенную всѣхъ доказательствъ. Одному Ричарду Ландеру обязаны важнымъ открытіемъ теченія Коррага до

самаго устья его, и онъ конечно заслужилъ *пятьдесятъ гиней*, Королевскую награду, выданную ему Географическимъ Обществомъ.

Коррагъ не есть-ли продолженіе Мунго-Парковой Джоллибы? Нѣтъ-ли чего нибудь общаго между Джоллибой, Коррагомъ и Нигеромъ?

На первый изъ сихъ вопросовъ отвѣчаемъ, не запинаясь: *да*; на второй: *нѣтъ*.

Неоспоримое мнѣніе, что Коррагъ и Джоллиба суть одно и тоже, подтверждается самыми положительными и согласными свидѣтельствами. Мандингскій священникъ, посланный удостовѣриться о жребіи Мунго-Парка, послѣ того какъ распространилось извѣстіе о его смерти, донесъ, что лодка Мунго-Парка опрокинулась въ Буссѣ, и онъ самъ, со своими спутниками, былъ зарѣзанъ въ этомъ мѣстѣ, дотолѣ неизвѣстномъ. Клаппертонъ, во время втораго путешествія своего, узналъ это мѣсто на берегахъ Коррага, и ему разсказали о несчастіи и смерти Мунго-Парка, съ тѣми-же подробностями, какія доставилъ Мандингскій священникъ; назначили мѣсто ужаснаго случая и сказали, что книги и бумаги Мунго-Парковы находятся у Султана Ниффескаго. Когда Ландеръ возвращался послѣ смерти Клаппертона, то Султанъ Бусскій далъ ему вычистить ружья, на которыхъ клеймо показывало, что они сдѣланы въ Лондонѣ. Но вотъ еще сильнѣйшее доказательство: старый Султанъ Бусскій подарилъ братьямъ Ландерамъ книгу логариѳмовъ и прекрасный молитвенникъ, на ко-

торыхъ означено имя Андерсона, одного изъ сопутниковъ Мунго-Парковыхъ. Въ первой изъ этихъ книгъ была вложена записка, съ приглашеніемъ на обѣдъ къ одному Джентлемену, въ улицу Страндъ. Слѣдовательно, если лодка Мунго-Паркова опрокинулась около Буссы, когда онъ изслѣдывалъ теченіе рѣки, то эта рѣка, все равно какъ-бы ни назвали ее сначала, была не иное что какъ Коррагъ.

Касательно Нигера, ни Иродотъ, ни Плиній, ни Птоломей не писали ничего, что имѣло-бы малѣйшее отношеніе къ Коррагу или Джоллибѣ. Иродотъ разсказываетъ по слуху, что молодые путешественники прошли пустыню Ливійскую, которая, по его мнѣнію, простирается отъ Египта до Мыса Солоенса, и что они шли *прямо на западъ* (*προς Ζηφυρὸν ανεμον*). Они могли-бы идти сто лѣтъ по этому направленію, и не встрѣтили-бы ни Джоллибы, ни Коррага. О великой степи Саарѣ Иродотъ не говоритъ ничего. Онъ разсказываетъ только, что за степью Ливійскою, которая простирается на Югъ отъ Мавританскаго Атласа, путешественники нашли городъ, на берегахъ большой рѣки, текущей отъ запада къ востоку. Слѣдуя по пути, означенному Греческимъ Историкомъ, можно встрѣтить лишь небольшія рѣки, вытекающія изъ цѣпи Атласа, къ югу отъ Алжира, изъ коихъ значительнѣйшую называютъ Африканцы *Гиръ*. Подъ этимъ именемъ находится она и на послѣдней картѣ Африки Карея. Объ этой-то рѣкѣ, вѣроятно, говоритъ и Плиній. Онъ разсказываетъ, что Римскій военачальникъ Светоній Паулинусъ,

первый перешедшій западную цѣпь Атласа, достигъ береговъ рѣки, текущей къ востоку и называемой Нигеръ; что эта рѣка скрывается въ пескахъ, является снова и опять исчезаетъ въ нихъ, послѣ чего продолжаетъ свое теченіе, раздѣляя Ливію отъ Эѳіопіи, и впадаетъ въ Нилъ. Вѣроятно, что Гиръ Леона Африканскаго есть не иное что какъ Нигеръ Плинія и *Нигеиръ* Птоломея. Впрочемъ, сей послѣдній говоритъ о за-Ливійской части Африканскаго материка, и всегда по сказаніямъ кормчихъ сѣверной части береговъ, находящихся къ западу отъ Египта. (Прежде всѣхъ Арабы, на своихъ верблюдахъ, прошли черезъ степь Саару.

Такимъ образомъ Нигеръ Древнихъ долженъ быть уничтоженъ на картѣ Африки.

Съ Французскаго. Б.

ГРАМАТЫ,

Великаго Князя Василія Іоанновича, и Царей Іоанна Васильевича, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Ѳеодоровича, Димитрія Самозванца, и Василія Іоанновича Шуйскаго, данныя Галицкимъ рыболовамъ (*).

Се язъ, Князь Великіи Василей Ивановичь, всея Руссіи, пожаловалъ есьми своихъ рыболовей Галицкихъ, Нестерка Ильина да Дему Тимохина, да Закара Ананьина, да Фимоника Федорова, да Нилку Иванова, да Михайля Деева, да Сеньку Мелентьева, да Онцыфорика Иванова, да Осиеца Онаньина, да Федьку Дворнирикова, да Петрушку Лаврентьева, да Петрушку Гридина, да Василья Захарова, да Ивашка Давыдова, да Ивашка Федорова, да Микишку Парфньева, да

(*) За доставленіе сихъ памятниковъ древности, Издатель Телеграфа усердно благодаритъ почтеннаго В. Н. Бартенева, который узнавъ о существованіи оныхъ, собственноручно списалъ ихъ, съ возможною точностію.

Олексѣйка Власова, да Данилка Гаврилова, да Лавра Борисова, да Левона Фофанова, да Илью Гридина, да Исака Матвѣева, да Тереха Матвѣева, да Еспа Васильева, да Илью Окулова, да Демида Иванова, да Петрушку Симанова, да Гридю Левонтіева, да Сенку Гридина, да Ѳисена Машукова, озеромъ Галическимъ, да корытинами, что около того озера, да рѣкою Вексою, до Сокольной Помчищы, опроче ловищъ Григорьевыхъ дѣтей, Морозовыхъ, а ловити имъ рыба въ томъ озерѣ, и вкорытинахъ, и въ рѣкѣ Вексѣ и всокольихъ помчищахъ, ледь, отледу доледу, а что ихъ ловля порѣчкамъ по падучимъ, и по тѣмъ рѣчкамъ ловятъ рыбу тѣжъ рыболове, по старымъ своимъ ловищемъ, отъ леду до леду, а давати имъ съ того озера и и съ рѣки Вексы, и съ рѣчекъ съ падучихъ, и съ корытинъ, и съ Сокольихъ помчищъ, за рыбную ловлю, ... згоду на годъ на мой дворецъ потретьятцать рублевъ, а проче подледные ловли; зимніе, а дати тѣмъ рыболовемъ тотъ оброкъ въ первые на Крещеніе Христово, лета семь тысячь пятаго надесять, а опричe тѣхъ рыболовей не ловити рыбы въ озере, и въ рѣчке въ Вексѣ, и въ падучихъ речкахъ. . . . никому, а хто учнетъ опричe тѣхъ рыболовей рыбу ловити въ озерѣ и въ рекѣ въ Вексѣ, и въ падучихъ рѣчкахъ, и я тѣмъ рыболовемъ велѣлъ имати изъ заповѣди доставити передъ своими Намѣстники, передъ Галическихъ, да ково утяжутъ, и Намѣстники наши на томъ велятъ взяти себе рубль, а другой рубль рыболовемъ. А дана Грамата *лѣта семь тысячь четвертаго надесять*, Марта въ 23 день.

На подлинной на оборотѣ написано тако: *Князь Велики Василей Ивановичь всея Русіи. Приказалъ Дворецкой Петръ Васильевичь.* На той Грамашѣ приложена печать краснаго сургуча. Новая скрѣпа: *Президентъ Алексей Скорняшниковъ.*

Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Руссіи, въ Галичи, Городовымъ Прикащикомъ Меншику, Окоемову сыну, Свиньину, да Федору, Матвѣеву сыну, Борнякову, и тѣмъ Городовымъ Прикащикамъ, которые впередъ по нихъ будутъ. Били намъ челомъ Галицкіе посадскіе рыболовя, Назарко Ивановъ сынъ, да Федосейко Андреевъ сынъ, да Агей Григорьевъ сынъ, Корытовъ, да Васька Петровъ сынъ, да Гришка Трофимовъ сынъ, да Федько Онаньинъ сынъ, да Оверкейко Онуфріевъ, да Васька Федоровъ сынъ, да Митька Савельевъ сынъ, да Курсанко Гавриловъ сынъ, да Федько Дмитревъ сынъ, да Харитонко Степановъ сынъ, да Селя Ермолинъ сынъ, да Сенька Лаврентьевъ сынъ, да Опашка Андреевъ сынъ, Мякишевъ, да Иванко Ивановъ сынъ, Лунина, да Сенька Андреевъ сынъ, Воскресенской, да Олешка Чепуринъ сынъ, да Иванко Ивановъ, Муреновъ, и во всѣхъ товарищевъ своихъ, Галицкихъ рыболовей мѣсто: сбираютъ-де съ насъ на вѣру съ Галицкаго озера, и съ рѣкъ съ Вексы, съ остроловицы и съ иныхъ рѣчекъ съ рѣчьки Середни, да съ рѣчки съ Едомши, да съ рѣчьки съ Шокши, да съ рѣчьки Святицы, да съ рѣчьки съ Липовки, да съ рѣчьки съ Пустыньки, съ Сокольихъ помчищъ, съ лѣтнія рыбныя ловли, обро-

ку и пошлинъ, съ году на годъ, по сороку по два рубли, и по четыре гривны; да стого-же озера и рѣкъ за нашу половину, съ зимнихъ рыбныхъ ловель, оброку и пошлинъ по осьми рублевъ, и по шестнатцати алтынъ; и того-де у нихъ оброку въ сборѣ только не сходится, потому, которые у нихъ кругъ того Галицкаго озера, и рѣкъ живутъ Княжіе, и Боярскіе, и монастырскіе, рыбу ловятъ на собя, а имъ-де и съ тѣхъ своихъ ловель оброку не даютъ, а ставятца имъ сильны, и съ тѣхъ-де ловцевъ они оброку сполна не сбираютъ, а доплачиваютъ нашъ оброкъ собою, и Грамоты у нихъ нашіе на то озеро и на рѣки нѣтъ, и стояти имъ на томъ озерѣ и на рѣкахъ непочему и въ тѣхъ-де и съ инныхъ людехъ ставятца имъ убытки великіе, и намъ-бы ихъ пожаловать, на то озеро и рѣки дати Грамота, которые въ томъ озерѣ, и въ рѣкахъ, учнутъ съ ними рыбу ловити, и съ тѣхъ-бы своихъ ловель наши оброки платили имъ, потому-жъ почему они промежъ себя по разводу платятъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а которые окольные ловцы въ томъ озерѣ и въ рѣкахъ учнутъ съ ними рыбу ловитъ, и вы-бъ на тѣхъ ловцевъ, въ нашъ оброкъ, съ рыбныхъ ловель доправливали, потому-жъ, почему они промежъ себя разведутъ, а которые ловцы сторонніе учнутъ въ томъ озерѣ и въ рѣкахъ рыбу ловити, а въ оброкъ въ нашъ съ ними тянутся не станутъ, и вы-бъ тѣхъ людей велѣли приводити къ собѣ, да ихъ въ нашей пенѣ, и въ томъ оброкѣ велѣли давати на поруки, съ записьми, да о томъ къ намъ отписывали, и мы вамъ о томъ велимъ Указъ свой учинитъ, тотъ оброкъ

съ озера и рѣкъ велимъ на нихъ насильныхъ людехъ, на однихъ, доправити вдвое, а прочеписи-бъ есте сея нашу Грамоту отдали рыболовемъ тѣмъ, которые въ сей нашей Грамотѣ имяны писаны, а собе-бы есте съ тое нашія грамоты списывали прошивень, слово въ слово. Писана въ слободѣ, лета 7082, Генваря въ . . . день.

На подлинной Граматѣ назади пишетъ тако: *Царь и Велики Князь всея Русіи.* Да на той-же Граматѣ пишетъ: *Діакъ Гаврило Станиславовъ.* На подлинной Грамотѣ приложена печать черкаго сургуча.

Отъ Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича, всеа Русіи, въ Галичъ Семенкѣ Кобелеву. Били намъ челомъ Галицкіе, зимнія рыбныя ловли ловцы, Ротка Онаньинъ, да Андрюшка Ондреевъ, да Ивашко Савельевъ, да Сенка Ивановъ, да Митка Кузминъ, да Олешка Ивановъ, да Афонька Афонасьевъ, да Васька Васильевъ, стоварищи, а сказали: ловятъ-де они рыбы вгалицкомъ озерѣ, да въ рѣкѣ Вексѣ по Сынковскіе сады, да въ рѣкѣ Остроловицѣ, да въ рѣкѣ Светицѣ, по Московскую дорогу, да въ рѣкѣ Ихленкѣ по чолску, да въ рѣкѣ Середней, по большіе омуты, да въ рѣкѣ Шекшѣ по бѣлой омутъ, да врѣкѣ Едомшѣ . . . . . починокъ, и на всѣхъ рѣкахъ, которые впали въ Галицкое озеро, и платятъ-де они съ тое рыбныя ловли въ нашу казну, въ четверть Діяка нашего Василья Щелкалова, оброку по осми рублевъ, и поштинадцати алтынъ, да въ

томъ-же-де въ Галицкомъ озерѣ, и въ рѣчькахъ отданы въ откупъ намѣстничи двѣ доли, зимняж-ь рыбные ловцы Галицкому Протопопу .... Ивану Федорову съ товарищи, а откупъ онъ съ тѣхъ двy доль платитъ въ нашу казну, въ четверть Діака нашего Василья Щелкалова, по девяти рублевъ, и по двацати по семи алтынъ, и въ тѣ-де зимнія рыбныя ловли вступаются Князи, и дѣти Боярскіе, и монастырскіе прикащики, а сказываютъ, что у нихъ тѣ воды написаны въ нашихъ въ жалованныхъ Грамотахъ, и будетъ такъ, какъ намъ рыбные ловцы Родка Онаньинъ, съ товарищи, били челомъ, а тѣми будетъ зимними рыбными ловлями прежъ сего владѣли они, Галицкіе рыбные ловцы, Родка Онаньинъ съ товарищи, которые въ сей нашей Граматѣ имяны писаны, а у помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ вотчинныхъ, и въ помѣстныхъ Граматахъ, и у монастырей въ нашихъ жалованныхъ Грамотахъ, тѣ рѣчьки не написаны, и на оброкъ никому не отданы, и ты-бъ тѣми рѣчками велѣлъ владѣти Галицкимъ рыболовемъ, Роткѣ Ананьину, съ товарищи. А будетъ тѣ рѣчьки у дѣтей Боярскихъ, и въ вотчинныхъ, и въ помѣстныхъ Граматахъ, или у монастырей въ нашихъ жалованныхъ, или въ оброчныхъ Граматахъ, и ты-бъ о томъ писалъ къ намъ, къ Москвѣ, въ четверть Діяка нашего Василья Щелкалова, и мы тебѣ о тѣхъ рѣкахъ велимъ Указъ учинить, а прочетъ сю нашу Грамату, и списать съ нее противень, слово въ слово, держалъ у себя, а сю нашу Грамату отдалъ-бы еси рыбнымъ ловцамъ, Роткѣ Ананьину, съ товарищи, и они ее у себя держатъ для иныхъ

нашихъ приказныхъ людей, и посланниковъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7093, Марта въ 25 день.

На подлинной Грамашѣ позади пишетъ тако: *Царь и Велики Князь всеа Русіи.*

Лѣта 7108, Генваря 11, Государь Царь, и Велики Князь, Борисъ Федоровичъ, всеа Руси, Галицкихъ рыбныхъ ловцовъ, Ротку Ованьина, съ товарищи, пожаловалъ, сее у нихъ Грамоты никому ни въ чемъ рудити не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити въ семъ потому, какъ въ сей Грамашѣ написано, а подписалъ Государевъ, Царевъ и Великаго Князя, Бориса Федоровича всеа Руси, Діякъ Семенъ Чередовъ, Дiякъ Василей Щелкаловъ. — На подлинной Грамашѣ приложена печать чернаго воска.

(До слѣдующей книжки).

СМѢСЬ.

— *Новыя зданія въ Москвѣ.* — Никогда древняя наша Столица не была украшаема такъ быстро, и такими огромными, прекрасными зданіями, какъ нынѣ, въ послѣдніе годы. Устройство фонтановъ учебнаго заведенія въ Слободскомъ дворцѣ, малолѣтнаго Кадетскаго Корпуса, Городской больницы за Калужскими воротами, и Екатерининской больницы на Петровкѣ, доказываютъ справедливость нашихъ словъ. Касательно учебныхъ заведеній, упомянемъ, что для учрежденія двухъ новыхъ училищъ, по особеннымъ назначеніямъ, купленъ уже домъ Апраксина на Знаменкѣ, и нанятъ домъ Князя Куракина въ Старой Басманной. Въ сихъ обоихъ мѣстахъ откроются новыя пріюты народному образованію. Домъ Пашкова (гдѣ былъ Театръ), на Моховой, купленъ Университетомъ, и, какъ говорятъ, будетъ соединенъ съ домомъ Университета аркою, через Никитскую. — Вскорѣ Москва будетъ имѣть и купеческую биржу, чего донынѣ недоставало для Московскаго купечества. Государь Императоръ пожаловалъ для сего предмета Московскимъ купцамъ 500,000 рублей.

Биржа будетъ построена на мѣстѣ нынѣшняго рыбнаго двора, въ переулкѣ, противъ Гостинаго двора. Мѣсто, конечно, не совсѣмъ удобно, для изящнаго строенія, но здѣсь болѣе имѣли въ виду пользу, нежели красоту. Отдаливъ биржу отъ Гостинаго двора, лишили-бы купцовъ возможности собираться въ оной. Рыбный дворъ, временно, переносится за Ильинскія ворота, гдѣ будетъ устроено, противъ мѣста яблочной складки, деревянное зданіе, для помѣщенія онаго. Но гдѣ окончательно будетъ устроено зданіе онаго, приносившее купечеству 16,000 рубл. ежегодно, еще неизвѣстно.

Публика извѣщена уже, Высочайшимъ повелѣніемъ, что Храмъ Христа Спасителя, который предположено было воздвигнуть на Воробьевыхъ горахъ, будетъ построенъ на берегу Москвы рѣки, тамъ гдѣ нынѣ Алексѣевскій монастырь. Впрочемъ, къ постройкѣ Храма еще нѣтъ никакихъ приготовленій.

Скажемъ о новомъ благотворительномъ заведеніи, которое предположено устроить въ Москвѣ. *Андреевская богадѣльня* (въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ, что близъ Воробьевыхъ горъ), принадлежащая Московскому купечеству, и содержимая на его счетъ, издавна оказывалась недостаточною, для помѣщенія многихъ, требовавшихъ призрѣнія и пристанища, страдальцевъ. Между тѣмъ, въ Московское купеческое общество поступило довольно

капиталовъ, пожертвованныхъ для устройства больницъ и богадѣленъ, разными благотворителями. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году купецъ Зубовъ, по духовной, передалъ обществу на сей предметъ 200 т. рублей. Изъ сихъ суммъ купечество рѣшилось устроить отдѣленіе Андреевской богадѣльни, и купило уже для помѣщенія онаго домъ Г-жи Полтарацкой, за Калужскими воротами, съ обширнымъ мѣстомъ, за 100 т. рублей. Немедленно приступлено будетъ къ дальнѣйшему устройству предположеннаго пристанища старости и нищеты.

— *Теоретическая и практическая метода для фортепіано, изданная Г-мъ Козловскимъ.* — Подъ симъ заглавіемъ, на Французскомъ и Польскомъ языкахъ, издана Г-мъ Козловскимъ книга, полезная для обученія на фортепіано. Извѣстны многія подобныя сочиненія. Изъ числа нихъ, въ послѣднее время признана превосходнѣйшею *Метода*, изданная знаменитымъ Гуммелемъ. Она извѣстна и въ Россіи. Но неудобство ея для насъ состоитъ въ томъ, что Гуммель писалъ не для нашихъ учителей, воспитателей и начальниковъ семействъ, которые имѣютъ надобность въ музыкальномъ руководствѣ. Напротивъ Г-нъ Козловскій, проживши нѣсколько лѣтъ въ Россіи, собственнымъ опытомъ узналъ, что потребно для исправленія и усовершенствованія нашего при обученіи на фортепіано. Отъ сего, въ

книгѣ его найдете многое, что и въ мысль не приходило Гуммелю. Есть подробности, которыя можно было-бы почесть излишними, не знавши, на какой степени находится у насъ музыкоученіе. Такова, напримѣръ, статья: *Къ родителямъ и учителямъ*, помѣщенная вначалѣ. У насъ, обыкновенно, обученіе на фортепіано оканчивается вытверживаніемъ болѣе или менѣе трудныхъ пьесъ. Это губитъ много дарованій; противъ этого-то возстаетъ Г-нъ Козловскій; онъ объясняетъ значеніе, цѣль Музыки, и предлагаетъ истинную методу. Въ механической части ея не можетъ быть много новаго: это плоды усовершенствованій, сдѣланныхъ въ игрѣ на фортепіано великими художниками, каковы Фильдъ, Гуммель, Мошелесъ, Калькбреннеръ, Рисъ, Герцъ, и проч. Но самая *метода* Г-на Козловскаго отличается ясностью, постепенностью и обдуманностью. Знатоки увѣряли насъ, что обучаясь по методѣ Г-на Козловскаго, можно сдѣлать легкіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ богатые слѣдствіями и прочные успѣхи. Посему-то мы обращаемъ вниманіе читателей нашихъ на книгу Г-на Казловскаго.

Въ концѣ сей книги помѣщенъ *Словарь терминовъ и изобрѣтеній музыкальныхъ*. Онъ отличается полнотою, какая только возможна при краткости. *Прибавленіе*, гдѣ исчислены лучшія сочиненія (ноты) для фортепіано, назначаемыя къ постепенному разыгрыванію, также весьма полезно. Авторъ справедливо говоритъ, что особы, живущія въ провинціяхъ, затрудняются въ выборѣ нотъ для уча-

щихся и часто покупають или очень трудныя или не самыя хорошія. Онъ указываетъ на самыя изящныя сочиненія, наблюдая при томъ постепенную трудность оныхъ.

Изданіе *Методы* Г-на Козловскаго было-бы великолѣпно, если-бы ноты въ ней были всѣ одинаково литографированы. Видно что Издатель не жалѣлъ издержекъ; бумага употреблена имъ превосходная; только художники не выполнили ожиданія его. Первые листы налитографированы прекрасно; послѣдніе ученически. Въ началѣ приложенъ чрезвычайно сходный съ оригиналомъ портретъ Фильда, сдѣланный очень хорошо.

Книга Г-на Козловскаго продается въ музыкальныхъ магазинахъ и книжныхъ лавкахъ.

ВОЗРАЖЕНІЕ

на статью Московскаго Телеграфа.

М. Г. Николай Алексѣевичъ!

При истинномъ уваженіи къ лицу, неохотно относимъ къ нему дѣйствіе, по видимому имъ совершенное, но недостойное его. Такъ я не могу повѣрить, чтобы, помѣщенныя въ 7-мъ №. Московскаго Телеграфа, замѣчанія на *Рѣчь мою — о необходимости отечественнаго воспитанія*, были написаны вами, хотя сіе и кажется имовѣрнымъ; даже не понимаю, какъ могли сіи замѣчанія получить мѣсто въ Журналѣ, вами издаваемомъ, ибо не много, и въ посредственныхъ періодическихъ изданіяхъ, можно найти разборовъ книгамъ, въ которыхъ-бы судьи оказали такое пренебреженіе и къ своему доброму имени и къ имени обсуживаемаго ими, какое оказано въ помянутыхъ замѣчаніяхъ. Отозваться о человѣкѣ съ похвалою за два обширныя произведенія, требующія многихъ и трудныхъ соображеній, и тутъ-же отказать ему въ здравомъ смыслѣ и способности для сочиненія краткой рѣчи, назначенной для единовременнаго прочтенія; исказить трудъ Сочинителя до того, чтобы не оставалось

въ немъ и тѣни написаннаго, и, послѣ сего искаженія, нещадно порицать того Сочинителя за легкомысленность, преувеличенія, несоблюденіе логическихъ правилъ, и тому подобное! . . . Нѣтъ, М. Г., все это недостойно васъ, недостойно Журнала вашего. Я остаюсь въ увѣренности, что Г-нъ Полевой не только не писалъ подобныхъ замѣчаній, но даже не читалъ ни Рѣчи моей, ни сужденій объ оной; и посему, въ защиту свою, сообщаю ему содержаніе первой, каково оно есть дѣйствительно у меня, и потомъ, какъ оно выражено въ отзывѣ М. Телеграфа. Увѣренъ, что по-сему одному вы будете смотрѣть на мой трудъ иными глазами. Удостойте меня вниманіемъ.

Предметомъ рѣчи моей избралъ я — *необходимость отечественнаго воспитанія*. Доказываю сію необходимость во-первыхъ тѣмъ, что достоинство частныхъ лицъ и народовъ требуетъ отъ нихъ самостоятельности въ ихъ дѣйствіяхъ; что частныя лица и народы необходимо впадаютъ, безъ сей самостоятельности, въ позорную и вредную для нихъ зависимость отъ силъ чуждыхъ; что Россія достигла уже того возраста, въ который должно ей стараться объ освобожденіи себя отъ безотчетнаго во всемъ заимствованія, и особенно по дѣлу воспитанія. Доказываю далѣе, что иностранные воспитатели, особливо недостойные своего званія, которыхъ, къ несчастію, болѣе чѣмъ достойныхъ, не могутъ насъ ознакомить съ нашимъ отечествомъ, поселяютъ холодность ко всему отечественному, для нихъ чуждому, хотя и заслуживающему любовь,

естественно восхваляя свое, болѣе имъ знакомое. Здѣсь, между прочимъ говорю, что было время, въ которое Рускіе (разумѣется, извѣстнаго класса), раздружились съ своимъ языкомъ, играми, нравами и обычаями отечественными, скрѣпляющими союзъ и единодушіе между всѣхъ сословій Государства. Затѣмъ я осмѣлился предложить, чтобы Россіяне высшихъ классовъ, обративши вниманіе на сіи предметы, *очистили ихъ отъ грубаго, привитаго къ нимъ вѣками невѣжественными*, и, вмѣсто забвенія оныхъ и заимствованія забавъ, насъ изнѣживающихъ, равно нравовъ и обычаевъ намъ чуждыхъ, постарались возобновить свои, для сближенія тѣмъ всѣхъ сословій и для удержанія характера народнаго. При семъ, для примѣра, показываю, что можно-бъ было, съ пользою и для высшихъ классовъ, возстановить, послѣ сообразнаго съ духомъ времени и вкусомъ улучшенія, нѣкоторыя игры и обыкновенія, остающіяся теперь только въ простомъ народѣ. Начало рѣчи содержитъ въ себѣ обращеніе вниманія слушателей къ подвигамъ Монарха на полѣ просвѣщенія; въ заключеніи выражаю желаніе, чтобы священная воля Государя — сохранить доблестный характеръ народа Русскаго и самобытность его со стороны умственной дѣятельности — исполнилась, и чтобы воспитанники Института, которыхъ назначеніе быть наставниками народными, выполнили надежды Отца-Монарха и чаянія всѣхъ добрыхъ сыновъ Отечества.

Что-же приписывается мнѣ въ Телеграфѣ? Заглавіе Рѣчи моей выставлено то-же — *о необходи-*

мости отечественнаго воспитанія; а въ замѣчаніяхъ сказано, что я избралъ предметомъ *любовь къ отечеству*, и средствами къ развитію сей священной любви предлагаю одинъ вопль противу иноземнаго воспитанія, приводя въ доказательство справедливости вопля сего или исключенія, или небывалое; средствами къ исправленію мимо-чужеземнаго воспитанія предлагаю *кулачные бои*, *борьбу*, *ристаніе на коняхъ*, и такъ далѣе, равно *попойки на могилахъ отцовъ*!!

М. Г.! Скажу еще разъ: вы не читали ни Рѣчи моей, ни замѣчаній на оную; иначе, при вашемъ благоразуміи, не допустили-бы послѣднихъ въ вашемъ Журналѣ; они написаны слишкомъ поспѣшно и весьма обидно для подсудимаго. Выписавъ нѣсколько моихъ періодовъ, Сочинитель замѣчаній примѣнилъ оные совсѣмъ не къ тому, къ чему они склоняются у меня, и такимъ образомъ цѣлый трудъ мой, лицамъ, незнающимъ его, представленъ со стороны, какой онъ вовсе не имѣетъ. Меня винятъ за преувеличенія, за представленіе предметовъ въ неистинномъ ихъ видѣ. Обвиненіе, также несправедливое, ибо были, есть и нынѣ тысячи такъ называемыхъ образованныхъ людей, которые не знали и не знаютъ достаточно отечественнаго языка, не знаютъ, чтò хорошаго есть въ ихъ отечествѣ, не знаютъ своихъ законовъ и, не только многихъ обрядовъ Вѣры, но даже важнѣйшихъ, существенныхъ догматовъ ея; и все это вредное для духа народнаго незнаніе есть слѣдствіе слѣпой привязанности къ иностранцамъ и иностранному и нехотѣнія имѣть,

при дѣтяхъ своихъ, достойныхъ Русскихъ наставниковъ. Исключенія, которыми винятъ меня, не съ сей стороны, а съ противной. Меня винятъ также за дурной слогъ: не оправдываю себя въ семъ отношеніи; можетъ статься, слогъ мой поустарѣлъ вмѣстѣ со мною. Скажу однако, что Сочинитель замѣчаній, касательно сего предмета, едва-ли не въ такой-же увѣренности написалъ это обвиненіе, въ какой мѣщанинъ областнаго города хвалился своимъ нарѣчіемъ предъ поученымъ Москвитяниномъ, говоря ему слѣдующимъ языкомъ: «*нашой рыци въ свици цышмо ниту.*» — Простите мнѣ, М. Г., это шуточное сравненіе и — находите мое оправданіе по всему прочему основательнымъ, или нѣтъ — не откажитесь помѣстить его въ вашемъ Журналѣ. Мнѣ желательно снять пятно, наложенное на меня предъ глазами вашихъ читателей. Не согласятся они со мною — вы и ваши правы; согласятся — это не умалитъ (ибо кто не погрѣшаетъ?) ни ихъ, ни, особенно, моего къ вашимъ талантамъ и отличнымъ трудамъ вашимъ на пользу общую уваженія, съ коимъ имѣю честь пребыть навсегда, и проч.

Матвѣй Талызинъ.

13 го Августа,
1832 года.
Санктпетербургъ.

№ 10 Май.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПОСТЕПЕННЫЙ ХОДЪ

и

нынѣшнее состояніе Архитектуры въ Англіи.

(Окончаніе).

Архитектура временъ Елисаветы составляетъ отдѣльный классъ, особенный родъ Архитектуры, который ни мало не кажется намъ дурнымъ. Это, всегда умное и часто гармоническое, смѣшеніе стариннаго Готическаго и Итальянскаго родовъ, уравненныхъ одинъ другимъ. Если Англо-Саксонскому стилю даютъ особенное и почетное мѣсто, то я спрашиваю, почему не пользоваться тѣмъ-же преимуществомъ смѣшанному стилю временъ Елисаветы? Архитектура Англо-Нордманнская есть переходъ отъ Готическаго къ Латинскому стилю; Архитектура Елисаветина времени показываетъ возвращеніе отъ Римскаго стиля къ

Готическому: характеръ этихъ эпохъ перехода и смѣшенія одинаковъ. Въ обѣихъ вижу я однѣ и тѣ-же странности: ярусы круглыхъ арокъ на Римскихъ колоннахъ; тму украшеній; колоннады спиралями; множество арабесковъ; камни, обсѣченные въ грань и съ острыми углами, словомъ, роскошь, напоминающую о живомъ, пламенномъ воображеніи и внутренней силѣ, кипѣвшихъ тогда. Это шестнадцатый вѣкъ Англіи. На твердой землѣ не было ничего похожаго на господскія жилища Англичанъ. Италіянскій манеръ, можно сказать, привитъ здѣсь къ стилю Архитектуры Англійской. Такъ геній Итальянскихъ сказочниковъ видѣнъ сквозь блестящій и высокій умъ Шекспира. Чистый Готизмъ и Палладіевскій стиль никогда не расшевелятъ такъ души моей: съ этими изваяніями и украшеніями, современными Спенсеру и Бакону, соединено столько очаровательныхъ, народныхъ воспоминаній! Во Франціи, въ Германіи, замки того-же времени замѣчательны только своею необыкновенною вышиною, множествомъ оконъ и малостью этихъ оконъ, подавленныхъ тяжелыми корнизами. Это другой стиль, безъ прелести и безъ величія. Вы подумаете, что это трехъ-палубный корабль съ открытыми люками.

Приблизивъ къ безсмертному генію Шекспира неправильное величіе Архитектуры сего вре-

мени, и фантастическое, прихотливое, высокое богатство ея, мы думаемъ, что не оскорбили имени Поэта. Подобно архитекторамъ, современникамъ своимъ, онъ многое заимствовалъ у иностранцевъ, и творческою силою своего генія удивительно преобразилъ разнородные элементы. Подобно имъ онъ великъ, и въ тоже время нисходитъ до малѣйшихъ подробностей. Лучъ Итальянскаго солнца блещетъ на тѣхъ изъ его драмъ, которыхъ дѣйствіе происходитъ въ Веронѣ и Венеціи. Высокія видѣнія, раждавшіяся въ этомъ, столь поэтическомъ и столь положительномъ умѣ, имѣютъ много сообразнаго съ полу-феодальною и полу-Итальянскою постройкою, которую мы защищали. Пуристы не понимали Шекспира и называли варваромъ; наши архитектурные Аристархи обвиняютъ въ своевольствѣ и дурномъ вкусѣ прелестныя и странныя зданія: Лонглитъ, Чарльтонъ, Воллатонъ, Бюрлейгъ, Кобгамъ, Бликкингъ. Одни и тѣ-же люди, съ циркулемъ въ рукѣ и съ микроскопомъ на глазу, мѣряютъ метръ и скандуютъ стихъ, измѣряютъ діаметръ и вышину колонны и замѣчаютъ ошибку въ костюмѣ. Они взвѣшиваютъ и планируютъ, безъ жалости, такъ-же какъ и безъ ума, движенія сердца человѣческаго! Это люди мѣлкіе: у нихъ никогда нѣтъ многообъемлющей критики общности и глубокаго наблюденія природы. Они

стараются силлогизмами доказать намъ, что мы виноваты чувствуя удовольствіе. Не побоимся сказать, что изъ этихъ тяжелыхъ и непріятныхъ зданій, которыя взгромоздили Уренъ и Ванбругъ на родной почвѣ, девять десятыхъ суть чудовища педантизма и безвкусія, всравненіи съ мнимо-варварскими зданіями Елисаветиной эпохи, или напримѣръ, всравненіи съ большою башнею Оксфордскихъ Школъ, не смотря на то что въ ней пять этажей различныхъ орденовъ, безчисленное множество изваяній, блистающія огромныя стекла и зубчатые пиластры. Этотъ стиль, есть слѣдствіе естественнаго и счастливаго соединенія стараго Готическаго, и, новаго соперника его, стиля Римскаго. Слѣдовавшая за тѣмъ Архитектура есть не иное что какъ Римскій стиль, обезображенный прихотями, странностями, глупостями Итальянскихъ художниковъ, которые болѣе ста лѣтъ изобрѣтали уродства и оказывали успѣхи только въ странномъ родѣ.

Архитектура шестнадцатаго столѣтія въ Англіи особенно отличается симметріею. Иногда, при Итальянскомъ стилѣ, господствуетъ въ ней нѣкоторое однообразіе, и посему-то мы предпочитаемъ зáмкамъ Лонглиту, Оудлей-Эндъ, и ихъ плоскимъ кровлямъ, ихъ правильной формѣ параллелограмма, зáмки Бюрлейгъ,

Чарльтонъ и Кобгамъ. Здѣсь гармоническій планъ приличенъ разнообразной кровлѣ, украшенной куполами, фризами, антаблементами, такъ-же какъ флигелямъ и башенкамъ, которыхъ странное сближеніе напоминаетъ волшебные замки и усиливаетъ живописное очарованіе, игру свѣта и случайности тѣни.

Садъ, принадлежность и необходимое дополненіе этихъ зданій, былъ любопытною ихъ частью. Исчезли прелестные сады! Но я люблю ихъ огромныя террасы, усыпанныя пескомъ, удобныя для пѣшеходства, украшенныя двойнымъ рядомъ рѣзныхъ балюстрадъ, статуями и вазами всѣхъ формъ; ихъ каменныя ступеньки, ихъ длинныя, величественныя лѣстницы, ихъ обстриженныя и вѣчно-зеленыя загороды, ихъ тѣнистыя, прозрачныя, безконечныя аллеи; ихъ лужайки, ихъ цвѣтники, гдѣ изъ распустившихся цвѣтовъ составлялись по землѣ звѣзды; ихъ длинныя полосы бархатной зелени, ихъ высокія, сѣдыя деревья, ихъ блещущіе фонтаны, ихъ водометы, съ какимъ-то свѣжимъ ропотомъ возвращающіеся съ вышины въ мраморные бассейны, наконецъ ихъ запутанные лабиринты и ихъ пустыни, служившія окончаніемъ *Баронскихъ парковъ* и соединеніемъ съ окружными полями. Какъ благодарю я немногихъ живописцевъ, сохранившихъ воспоминаніе объ этихъ садахъ! Въ прошедшемъ столѣтіи, толпа варваровъ, эти

Кенты, Броуны, Рептоны, пейзажисты-садовники, истребили благородные *вертограды забавы и чести,* какъ называли ихъ встарину. Справедливо оскорбленные дурнымъ, пошлымъ вкусомъ, который ввели въ Англію Голландцы, и этими солдатами, вырѣзанными изъ тисовъ, этими пѣшками шахматной игры, выдѣланными изъ деревьевъ, обезображенныхъ, измученныхъ, они впали въ противоположное излишество: они насильственно хотѣли обратить къ природѣ заблудшихся современниковъ. Въ народную страсть обратились эти безъискуственные сады, настоящіе дѣвственные лѣса, только созданные человѣкомъ, лишенные дикой красоты лѣсовъ, и прелести, которою украшаетъ искуство свои произведенія. Подъ окнами столовой явились огромные дубы и стали распространять свою тѣнь и сырость; домъ посреди зелени, какъ шатеръ Араба среди пустыни, казался тамъ затеряннымъ и пересаженнымъ будто изъ чуждой почвы. Къ счастью, эта мода прошла.

Въ Англіи остается очень немного садовъ, которые могутъ дать понятіе о живописномъ, монументальномъ стилѣ. Никогда не забуду, какъ; въ молодости моей, уединенно гулялъ я въ старомъ паркѣ Геддонскомъ, можетъ быть единственномъ, гдѣ вкусъ владѣльца и почте-

ніе его къ воспоминаніямъ стараго времени умѣли сохранить, во всей чистотѣ, живописный и ученый характеръ, изображенный мною выше сего. Вы прошли залы, гдѣ мебель, тканые обои, позолота, статуи, все принадлежитъ къ царствованію Елисаветы. Вы входите въ паркъ, и эти аллеи, выглаженныя какъ парке, это смѣшеніе правильности и прихотливости, невольно переносятъ васъ въ годы, между 1560 и 1590-мъ. Вы ожидаете, что сей часъ войдетъ Королева; при малѣйшемъ шорохѣ листьевъ воображаете вы, что она явится со своею блестящею свитою и роемъ Камеръ-Фрейлинъ, одѣтыхъ въ шелкъ и шитую золотомъ тафту. Вы думаете, что подъ этимъ круглымъ, зеленымъ сводомъ сберутся всѣ знатные господа и дамы, танцовать la gaillarde, при звукахъ какого нибудь Неаполитанскаго виртуоза, которому платятъ предорого.

Іоаннъ Данверсъ, житель Чельзи, вывезъ изъ Италіи и распространилъ въ Англіи эту моду изукрашенныхъ садовъ. Старый Оубрей жалѣетъ о нихъ искренно и отъ глубины души. Онъ говоритъ, что Баконъ любилъ ихъ и утѣшался ими до безконечности. Въ своихъ *Опытахъ* онъ даетъ наставленіе помѣщикамъ, которые захотятъ подражать этому стилю орнаментальнаго садоводства. Оубрей, въ сочиненіи, озна-

ченномъ нами, помѣстилъ подробное и полное описаніе сада въ Чельзи, по плану Кавалера Іоанна Данверса. Этотъ садъ занималъ неважное пространство: всего тридцать акровъ земли; тамъ была поляна въ четыре акра, пустыня или боръ въ шесть акровъ; подъ аллеями и высокими деревьями, правильно обстриженными, было четыре акра; остальное занимали огороды, фруктовые сады и цвѣтники. Клѣтки съ птицами, водометы, статуи, бюсты, каріатиды, вазы, колонны, танцовальныя и ванныя залы, посреди этой зеленѣющей сцены, приводили на память богатства архитектурныя, истраченныя на украшеніе замка, окруженнаго этимъ паркомъ. Что ни говори Попъ, а въ этомъ стилѣ нѣтъ ничего смѣшнаго: это любопытная, живописная, прелестная смѣсь сокровищъ произрастенія и чудесъ Искуства, это искусный переходъ, который соединяетъ, и такъ сказать миритъ мраморы палатъ и ихъ гармоническую симметрію, съ дубами сада и ихъ движущимися листьями, ихъ естественною неправильностью. Намъ кажется, что гораздо меньше вкуса и приличія, вдругъ изгнать изъ нашихъ парковъ и прелесть и пользу, истребить огороды и фруктовые сады, перебросить Китайскіе мостики черезъ сухія рѣки, приткнуть на верхушку искуственнаго холма нѣсколько ничтожныхъ колоннадъ мнимаго Грече-

скаго храма, и преобразить природу въ оперную декорацію, безъ отношенія къ нашимъ нравамъ и понятіямъ, къ нашей народности и воспоминаніямъ. А все это дѣлалось у насъ недавно. Да, мы жалѣемъ о старинной Англійской Архитектурѣ, вытѣсненной Итальянскимъ стилемъ, который уже нераздѣльно господствовалъ около семнадцатаго столѣтія.

« Много было тогда владѣльцевъ, этихъ уче-
« никовъ архитекторскихъ, воспитанниковъ Ви-
« трувія, умершихъ въ больницѣ! Сколько денегъ
« издержали они, для того, чтобы устроить себѣ
« неудобныя жилища! Сѣверные вѣтры: дуйте
« подъ этими длинными аркадами? Косматый
« иней, врѣзывайся въ эти обширныя колоннады!
« Какъ гордится хозяинъ, простужаясь за такія
« большія издержки! Съ какою гордостью дро-
« житъ онъ въ этихъ печальныхъ палатахъ! Те-
« бѣ, Витрувій, повинуется онъ! Этотъ ри-
« сунокъ древній. Самъ Палладіо изобрѣлъ этотъ
« портикъ. Но, вотъ владѣлецъ нашъ раззорил-
« ся: такъ хотѣли Древніе! Греческій капитель
« взялъ послѣднюю монетку его! *(Коуперъ)*. »

Съ этого времени можно считать паденіе нашей Архитектуры. Напрасно будутъ хвалить тотъ или другой стиль, и доказывать, по метафизическимъ началамъ, превосходство Эллинскаго Искусства надъ изобрѣтеніями новыми. Въ

Архитектурѣ прекрасны только приличіе и гармонія. Зданіе, безъ гармоніи съ климатомъ и обычаями того, кто живетъ въ немъ, какъ-бы ни было оно великолѣпно, все останется нелѣпостью. Попробуйте воздвигнуть Алгамбру въ Скандинавіи, и перенести эти мраморы, изваянные прозрачно какъ листья, подъ суровое небо, въ средину вѣчныхъ льдовъ. Открытая колоннада, портикъ, перистиль, Итальянская терраса явно въ несогласіи съ домосѣдными обычаями и перемѣнною температурою Англіи. Въ странѣ, гдѣ непремѣнно должно давать свободный входъ воздуху и защищаться отъ солнечныхъ лучей, эти характеристическія подробности Греческой или Авзонійской Архитектуры прекрасны, удивительны; но онѣ жестоко противорѣчатъ нашимъ приличіямъ и потребностямъ. Перенесите Пароенонъ на скалы Шотландіи, поставьте Колизей на берегу одного изъ тѣхъ озеръ, надъ которыми дымится вѣчное испареніе, и красота ихъ исчезнетъ, ибо для этихъ созданій необходимы: солнце, освѣщавшее ихъ при зарожденіи, и земля, изъ которой извлекли для нихъ мраморы и колонны.

Ближайшимъ слѣдствіемъ необдуманнаго принятія Итальянскаго стиля, были эти уродливости, обезчестившія наши дворцы и палаты, послѣ возстановленія образованности. Уже не

довольствовались заимствованіями у Браманте и Микель-Анджело ихъ портиковъ и пиластровъ: начали искать въ Голландіи, во Франціи, въ Бельгіи и Новой Италіи образцовъ дурнаго вкуса. Злоупотребленіе кривыхъ линій и витушекъ было доведено до послѣдней степени: стиль несносный, который въ такомъ-же отношеніи къ Архитектурѣ, въ какомъ акростихъ къ Поэзіи. Хотѣли не вытѣснить, а украсить Греческій стиль. Только и видны были завитки простые и оперенные, витыя колонны, составные пиластры, статуи на тумбахъ, хари, безобразные цвѣточки, репейки на выворотъ, раковины въ цвѣтахъ, цвѣты безъ образца въ природѣ, колонны, которыя не поддерживали ничего, капители безъ колоннъ, арки безъ всякой надобности, подобія портиковъ безъ портика, куполы остроугольные, остроконечные, искривленные, фестоны по всѣмъ стѣнамъ, прихоти воображенія, изваянныя изъ мрамора и вознесенныя подъ облака: смѣшная, жалкая пародія Эллинскаго стиля, который хотѣли уважать и хранить посреди этихъ арлекинскихъ попытокъ!

Не будемъ долго заниматься Архитектурою, модною во времена Карла II-го, Іакова II-го и Вильгельма III-го. Обратимся къ старинной, туземной Архитектурѣ, столь без-

разсудно составленной, и столь удивительно пользовавшейся матеріялами, столь хорошо приспособленной къ нашимъ обычаямъ и потребностямъ.

Люди, писавшіе и вполнѣ и поверхностно объ Исторіи Искусства, которое составляетъ предметъ нашей статьи, забыли вопросъ важный и основный. Человѣкъ находитъ въ каждой почвѣ различные элементы для зодчества: отъ ихъ-то особеннаго свойства всегда зависѣлъ стиль, принятой для постройки зданій. Хотятъ, чтобы у всѣхъ народовъ былъ одинъ образецъ въ Архитектурѣ, и не вспомнятъ, что не одинъ климатъ у всѣхъ, не одинаковы средства, и что архитекторы должны были подчиняться самымъ разнообразнымъ законамъ мѣстности.

Архитектура Древнихъ, кажется, началась въ Египтѣ и Халдеѣ, гдѣ лѣсу мало, но много песчанаго камня, который добывается легко, и много гранита, служащаго для постройки громадныхъ, прочныхъ зданій. Сначала выдѣлывали пещеры въ видѣ храмовъ: эти почтенные памятники разсѣяны во множествѣ по Индіи, Персіи, Аравіи, Киринеѣ, Сициліи и Великой Греціи. По обѣимъ сторонамъ входной двери изсѣкали пиластры, и вѣнчали эту аркаду грубымъ архитравомъ изъ мягкаго камня. Сіи пе-

щеры были первообразомъ Греческихъ храмовъ, удержавшихъ мрачный, темный, религіозный характеръ. Изъ равносторонныхъ камней строили стѣну; изъ плоскихъ и болѣе широкихъ, крышу: вотъ происхожденіе горизонтальной линіи антаблементовъ, и прямолинейной гармоніи, отразившейся во всей Архитектурѣ Древнихъ. Этой системы не измѣнили, а только украсили и увеличили ее.

Въ Сѣверѣ, напротивъ, мало камня и много лѣсу. Тамъ хижина изъ вѣтвей и гибкой ивы была первымъ жилищемъ человѣка. Досками своихъ лодокъ и подводною частью своихъ челноковъ крылъ онъ свои зданія: съ тѣхъ поръ остроугольная форма начала господствовать въ этой Архитектурѣ. Колья, вколоченные въ землю, сближенные вверху, острымъ куполомъ, были первымъ скелетомъ Готической постройки. Вѣтви, естественно согнутыя, были первообразомъ стрѣльчатаго свода. Стѣны дѣлали изъ глины и тонкихъ вѣтвей, или изъ драничекъ, обмазанныхъ глиною или известью. Таково начало двухъ родовъ построекъ: Архитектура Греческая, возникшая изъ каменныхъ скалъ, и Архитектура Сѣверная, изъ лѣсовъ.

Не думайте, чтобы этотъ первобытный характеръ обоихъ стилей изгладился со временемъ. Совершенно внѣшняя жизнь Древнихъ и

совершенно уединенная, домашняя жизнь Северныхъ народовъ дѣйствовали и различно измѣняли ихъ Архитектуры. Передъ Греческими храмами воздвигли портики, для того чтобы защитить людей отъ палящаго солнца. Архитекторъ Сѣверный никогда не терялъ изъ вида своего перваго образца, величественнаго святилища, лѣса, который старался выразить онъ. Эллинскій храмъ такъ созданъ, что на него должно глядѣть снаружи; Христіанская церковь, напротивъ, должна быть созерцаема внутри. Въ Греческой Архитектурѣ, всѣ украшенія относятся къ внѣшности; въ Готической все богатство сохранено для внутренности храма. Церковь Среднихъ вѣковъ, огромная, неправильная, если глядѣть на нее снаружи, едва можетъ скрыть эти основные недостатки умножая свои башенки, башни, ненужные бастіоны, сдѣланные для того, чтобы не видно было тяжелой, лишенной прелести плотничной работы. Надобно стать внутри: тогда-то васъ удивятъ эти огромные куполы, поддерживаемые снаружи толстыми подпорками и подставками. Тамъ надобно разсматривать этотъ другой каменный лѣсъ, эти красивыя колонны, возвышающіяся подобно тонкимъ стеблямъ, эти сплетенія вѣтвей, рисующихся надъ вашею головою и образующихъ легкіе висячіе своды, эти листья, облегающіе столбики и вѣнчающіе капители, нако-

вецъ эту прозрачность полу-свѣта, скупо допускаемаго, смягченнаго блестящимъ цвѣтомъ стеколъ, и проницающаго васъ священнымъ, тихимъ ужасомъ, который располагаетъ къ обожанію Всесильнаго, наполняя душу меланхоліею столь могущественною въ сумракѣ лѣсовъ.

Для чего на Югѣ передъ домами возвышаются террасы, а надъ домами Сѣверныхъ жителей кровли остроугольныя? Южные народы хотятъ наслаждаться свѣжестью воздуха прежде и послѣ восхожденія солнца. Народы Сѣверные защищаются отъ снѣга и инея этими кровлями, по которымъ скатывается тяжесть снѣжная, летящая на нихъ съ вышины. Въ Малой Азіи, въ Греціи, въ Италіи, есть родъ волканическаго песку (Pozzolana), изъ котораго дѣлается твердѣйшій цементъ, и террасы изъ пуццоланы такъ-же непроницаемы для влажности, какъ будто-бы онѣ были обложены мраморомъ и свинцомъ. Въ Сѣверѣ нѣтъ пуццоланы и потому надлежало употреблять черепицу, кирпичи, аспидъ, и складывать ихъ такъ, чтобы по нимъ скатывались дождь и снѣгъ. Окна защитили выдавшимися корнизами, а для защиты фундамента отъ сырости, расположили этажи такъ, чтобы верхніе выдвигались впередъ. Архитектура украсила какъ можно лучше эти странности, происшедшія отъ климата, и для того изобрѣтены

всѣ чудные выпуски, или мнимыя подставки, видимыя въ нашихъ старинныхъ церквахъ.

Монахи и большіе господа́ могли строить зданія изъ дорогихъ, чужеземныхъ матеріаловъ; но простые частные люди довольствовались матеріялами подручными. Въ южной части Англіи бо́льшая часть монастырей и школъ была построена изъ песчанаго Каэнскаго камня. Изъ всѣхъ областей Великобританіи, только въ Графствахъ Дорсетскомъ, Вильтскомъ и въ сѣверо-западныхъ частяхъ Графствъ Глостера, Оксфорда, Нортамптона, Линкольна, Іорка находится много зданій каменныхъ. Обширная полоса оолита проходитъ по симъ различнымъ странамъ; но дурное качество камня сего, слишкомъ рыхлаго, ломкаго, нетвердаго, было причиной, что множество прекрасныхъ зданій, между прочимъ и въ Оксфордѣ, подверглись разрушенію. Къ востоку отъ этой линіи простираются мѣловатыя возвышенія Графствъ Дорсета, Вильта (южная часть) Гантса, Биркса, Бокса, Кембриджа, Соррея и Кента. Голыши и мѣлъ представляли въ этихъ областяхъ не много средствъ для Архитектуры, и замѣчательныхъ зданій въ нихъ мало. Почва другихъ Графствъ, восточныхъ, главнѣйше состоитъ изъ наносной глины и камешнику; отъ того въ зданіяхъ тамъ употребляется кирпичъ. Но Лон-

донъ долго былъ городомъ деревяннымъ: онъ истощалъ Англійскіе лѣса, и надобно было принуждать гражданъ дѣлать постройки изъ кирпича и камня. Красный мергель находится всего болѣе въ западныхъ и центральныхъ Графствахъ, Девонскомъ, Ворстерскомъ, Шропскомъ, Чискомъ, Стаффордскомъ, Лейстерскомъ, Варвикскомъ, Ноттингамскомъ. Прежде ихъ покрывали обширные лѣса; потому большая часть домовъ тамъ деревянные, и только тамъ видимъ эти странныя и живописныя черныя зданія съ бѣлыми украшеніями: они рисуются на лазури неба, какъ крыло сороки, разцвѣченное двумя яркими оттѣнками. Камень, смѣшанный съ краснымъ мергелемъ, столь рыхлъ и непроченъ, что зданія, въ которыхъ употребляли его, едва представляютъ нѣкоторые слѣды древнихъ рѣзныхъ украшеній. Этотъ темно-красный камень, такъ сказать, расплылся отъ дѣйствія температуры: всѣ углы его округлились, всѣ выпуклости, отъ безпрестаннаго опаденія сдѣлались неправильными шарами; всѣ украшенія обезобразились. Церкви тамошнихъ округовъ представляютъ зрѣлище плачевное: архитекторъ, изучая сіи обломки, едва откроетъ въ нихъ первоначальный рисунокъ любопытныхъ арабесковъ, начертанныхъ старинным художникомъ. Въ Шотландіи, гдѣ тотъ-же родъ камня въ употребленіи и нынѣ, климатъ гораздо

разрушительнѣе и потому все опадаетъ еще быстрѣе.

Геологическое свойство почвы опредѣляло не только родъ матеріяловъ для постройки стѣнъ, но и форму, и образъ крыши. Въ лѣсныхъ округахъ употребляли драницы, какъ и нынѣ употребляютъ ихъ на Альпахъ и въ Германіи. Въ Вестморенлендѣ и Графствѣ Валлисскомъ, гдѣ есть аспидные пріиски, домы крыли аспидомъ, а въ тѣхъ Графствахъ, по коимъ проходитъ полоса оолита, описаннаго нами, употребляли родъ камня, круглаго и чрезвычайно красиваго, который называютъ туземцы *каменною черепицею* (Stone-tile). Въ Графствахъ восточныхъ дѣлали кровли изъ черепицы, а тамъ, гдѣ всего болѣе мѣлу, домы покрывали драницами, снопами и соломою.

Просимъ не удивляться этой, нѣсколько длинной и чисто геологической диссертаціи: глубокія и необходимыя отношенія между Архитектурою и почвою, носящею на себѣ ея зданія, были совершенно забыты. Характеристическіе признаки нашихъ старинныхъ зданій, происходятъ рѣшительно отъ матеріяловъ, которые были употреблены для нихъ. Кто-бы вздумалъ выдвигать первый этажъ впередъ, дѣлать его шире нижняго, распространять второй этажъ такъ, чтобы онъ прикрывалъ первый, и нако-

нецъ устроивать третій такимъ образомъ, чтобы линія кровли была шире основанія десятью или двѣнадцатью футами, если-бы не строили этихъ странныхъ деревянныхъ домовъ, которыхъ образцы и теперь еще есть въ Швейцаріи, Германіи, Англіи, Франціи? Надобно было защитить отъ дождя не только жителей, раздобаривавшихъ и сходившихъ съ лошадей подъ навѣсомъ, но и сохранить бревна фундамента; надобно было придать стокамъ такую длину, чтобы вода выливалась изъ нихъ далеко отъ нижняго этажа. Вотъ отъ чего явились эти, шутовски украшенные жолоба, эти фантазіи, драконы съ отверстою пастью, эти воздушные каналы, оканчивавшіеся змѣями и химерами, и всѣ эти великанскія хари, головы лошадиныя и волчьи, сирены и подпоры, поддерживавшія нижніе этажи и употреблявшіяся иногда не только для поддержки зданія, но и для того чтобы отдалять воду, падавшую съ верхнихъ этажей. Новые Архитекторы сдѣлали большую ошибку, примѣнивъ сіи *Атланты* къ каменнымъ зданіямъ: они тамъ не нужны; ихъ назначеніе быть подпорой, а не простымъ украшеніемъ. Для чего обременяютъ они ихъ стоками? Тутъ все это уже не иное что какъ излишества, вздорныя и смѣшныя, потому что они не нужны.

Мягкій, рыхлый камень, о которомъ говорили мы (оолитъ), такъ сказать, отливался

въ форму подъ рукой старинныхъ Архитекторовъ, принимая всѣ измѣненія, какія внушали имъ вкусъ и прихоть. Отъ этой-то особенной гибкости и мягкости произошла вся любопытная и тщательная рѣзьба въ зданіяхъ, въ парапетахъ, гдѣ видимъ сквозныя отверстія, зубцы, звѣзды, ромбоиды, кресты, овалы, и всю рѣзную работу, столь тонкую и мѣлкую, что издали вы почтете ее шитымъ газомъ, развѣшеннымъ по воздуху; зубцы съ тысячью граней, корнизы всѣхъ родовъ, геральдическія фигуры на верху кровли, окна, окруженныя цвѣтами и разными узорами, и многоугольныя башенки съ гербами.

Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ было нечего употреблять кромѣ кирпича, легкость давать этому веществу разнообразную форму, произвела дѣйствія новыя. Такъ воздвиглись, обремененные чудными барельефами замки: Гельмингамъ, Дюргамъ, Гамптонъ-Коуртъ, Чинсъ, Гингревъ, Гостендонъ, Стольтонъ. Трубы каминовъ украсились тысячью прелестныхъ странностей. Стѣны разцвѣтились различными оттѣнками. Начали располагать кирпичи въ затѣйливой симметріи, пріятной для глазъ; окна обложили живописно, съ тщательною изысканностію.

Нынѣ, желая построить замокъ старинный, надобно не смѣшивать всѣ стили этой Архи-

тектуры, а тщательно отделять один от другаго различные, отдельные роды, которые прежде отнюдь не почитались однородными. Укрепленный замок не был похож на Аббатство, Аббатство на Приорство, а Приорство на Баронский дом. Владельческое здание времен Елисаветы, украшенныя палаты, господский замок, в тысяче отношений были отличны от поместья старинных владельцев. Для чего-же новые строители наши, в пылу своей страсти к Готическому, сбросали, в безпорядке и без всякаго вкуса, все различные характеры, принадлежащие отдаленным эпохам? Они соединили махикулы с Итальянскими статуями, окно, украшенное листьями, с остроугольным сводом, зубцы крепости с углублениями соборных церквей, и бастионы цитадели с украшениями Приорства. Неужели думают, что стоит лишь очертить башенки, нарисовать зубчатую стену вокруг новаго здания, размножить осмиугольные, шестиугольные, десятиугольные бока, исковеркать камень всеми возможными образами, скопировать все изобретения старых времен, без выбора и раздумья, без внимания к различию веков и стилей, и Готическое здание готово?

Как смешны эти рухлые укрепленные замки, в которых с перваго взгляда видишь и но-

вое время и ничтожность! А ихъ тяжелые парапеты, надъ двойнымъ рядомъ оконъ съ зелеными жалузи; ихъ нижній этажъ, наровнѣ съ почвою; ихъ безполезный ровъ!.. Нѣтъ, у настоящей крѣпости всѣ окна внутрь. Она прочна, огромна, неприступна, она стоитъ на возвышеніи; безмѣрныя стѣны ея безъ всякихъ украшеній, безъ требованій на богатство или легкость стиля; словомъ, это непреоборимая преграда.

Домъ церковный имѣлъ свои отличительные признаки: тамъ царствовалъ Аббатъ въ митрѣ, сопровождаемый своею свитою съ плѣшивыми головами, и монахами въ длинныхъ одеждахъ. Тамъ все должно быть соглашено съ церковью, средоточіемъ монастырскихъ строеній. Я предпочту для нихъ остроугольныя окна четыреугольнымъ, стрѣльчатый сводъ аркѣ. Каланчи, башни съ фонарями, четыреугольники съ длинными пиластрами, мнѣ кажется, необходимы для сего рода строеній, который произошелъ отъ соборной церкви, своей естественной начальницы.

Хотите-ли подражать Архитектурѣ временъ послѣднихъ Генриховъ, той Архитектурѣ, которая легко сближается со всѣми потребностями новаго вкуса? Не забудьте широкихъ оконъ, глубоко вдавшихся въ стѣну; множества угловъ,

странныхъ, фантастическихъ; кривыхъ линій, разнообразящихъ осміугольную форму башенокъ; трубъ каминныхъ, скрытыхъ гербами; фестоновъ, перемѣшанныхъ съ ромбоидами и трефовыми фигурами; не забудьте, особенно, четыреугольника, необходимаго, непремѣннаго въ планѣ такого зданія. Эта Архитектура прилична не только для зáмка, но и для Пріорства, для жилища священника, даже для маленькаго домика и нарядной хижины. Кто, одаренный вкусомъ, не чувствовалъ тайнаго негодованія, видя подлѣ огромной церкви и почтенныхъ ея стѣнъ, поросшихъ плющемъ, подлѣ ея тысячи оконъ, различныхъ формъ, ея шпицовъ, похожихъ на иглу, домикъ Священника, складенный изъ краснаго кирпича, съ плоскою кровлею, съ прямыми окнами, которыя убраны цвѣтами въ горшкахъ? Всего легче привести въ гармонію оба эти зданія, не расточая украшеній, не придавая дому священника вышности, которая была-бы не прилична скромному и полезному назначенію этого жилища.

Богатство, прихоть, смѣшеніе стилей Готическаго и Италіянскаго, башни, куполы, бастіоны, фигурные парапеты, съ сквозными отверстіями, балюстрады, уставленныя статуями, множество оконъ, прямоугольныхъ, съ украшеніями, вотъ что составляетъ особенный стиль

временъ Елисаветы, стиль, гдѣ соединены изящество и величіе, всѣ прихоти самой свободной фантазіи и важная торжественность.

Мы разсмотрѣли главное расположеніе нашихъ старинныхъ зданій; но если займемся ихъ внутреннимъ расположеніемъ, то удостовѣримся, что Архитектура, теряя свой монументальный характеръ, не переставала у насъ дѣлать успѣховъ относительно домашней жизни и удобствъ ея. Наши предки жили пышно и очень дурно. Обыкновенно, въ срединѣ зданія была у нихъ большая зала. Съ порога замка или монастыря входили въ галлерею, гдѣ открывались пришедшему съ одной стороны кухни и служительскія комнаты, а съ другой большая зала (hall), отдѣленная отъ галлереи *экраномъ* (screen), или рѣзными ширмами, преузорочно сдѣланными, которыхъ створчатыя двери вели въ большую залу. Надъ экраномъ находилась галлерея минстрелей или менестрелей, замѣчательная по развѣшаннымъ на ней трофеямъ, рогамъ оленей, копытамъ ланей и древнимъ щитамъ. Войдите въ самую залу: она обширна; ея потолокъ, обремененный гербами, показываетъ вамъ всю наслѣдственную гордость фамиліи. Въ концѣ залы одна ступенька: надъ этимъ возвышеніемъ былъ балдахинъ, прямо напротивъ глубокаго окна. Другія окна, чрезвы-

чайно высокія, были расположены кругомъ стѣнъ въ равномъ разстояніи, и отдѣлялись одно отъ другаго фамильными портретами. На возвышеніи, въ глубинѣ залы былъ поставленъ столъ. Прозрачныя стекла, раскрашенныя, изображающія битвы, Святыхъ, подвиги владѣльца или его предковъ, кидали въ залу легкій свѣтъ. Столы, разставленные параллельно стѣнамъ, были назначаемы для вассаловъ и второстепенныхъ гостей. Среди потолка сдѣлано было отверстіе, въ видѣ фонаря, и черезъ него проходилъ дымъ, вылетавшій изъ камина, гдѣ съ трескомъ горящія вѣтви были навалены на желѣзную рѣшетку. Такъ устроены были неудобные камины прадѣдовъ нашихъ.

И теперь еще можно видѣть образцы этой Архитектуры въ нашихъ училищахъ и судебныхъ залахъ. Даже каминъ сохранился въ Кембриджѣ, посреди залы, и въ немъ донынѣ жгутъ земляной уголь, въ обширномъ brazero. Кто хочетъ составить себѣ точное понятіе объ Англійской кухнѣ времени Тудоровъ, и объ ихъ столовомъ приборѣ, тотъ сдѣлае[illegible]его лучше, если посѣтитъ церкви Христа и Троицы, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Еще разъ послушаемъ добраго Оубрея: его жалобы особенно основывались на гастрономическихъ привычкахъ нашихъ предковъ.

«Владѣльцы замковъ, говоритъ онъ, ѣли въ своихъ большихъ, Готическихъ залахъ, за высокимъ столомъ. Кушанье подавали имъ и принимали по командным словамъ. Тогда не знали вертеловъ. Молодые ребята жарили мяса, облизывали вилку желѣзную, котликъ, и дѣлались послѣ толстыми, жирными плутами, которые дрались за своихъ господъ. Слуги стояли въ большой залѣ, почтительно, и были готовы повиноваться первому слову. Въ этой-же залѣ бывали всѣ игры Рождественскія, пѣсни, пляски, интермедіи, маскарады, нравственныя представленія. Черезъ двѣнадцать дней послѣ Рождества, король дураковъ забавлялъ своихъ господъ. Бывало, страшно взглянуть на судебныя залы. Тамъ были развѣшаны открытые шлемы, наличники, верхнія кольчуги, копья, пики, панцыри, булавы, щиты.»

Капелла или часовня составляла также необходимую часть старинного господскаго жилища. Ею былъ занятъ правый флигель перваго двора; часто она была и отдѣльно отъ другихъ зданій. Не забудемъ также большой или уединенной комнаты, которую обыкновенно оставляли для пріемовъ или торжественныхъ случаевъ. Въ галлереѣ принимали гостей и играли въ тѣ игры, которыя назывались встари-

ну ombratiles. Окна, выдававшіяся снаружи, образовывали внутри большія углубленія, гдѣ стояли низенькія стулья, и куда удалялись разговаривать. Генеалогическія деревья, испещренныя разными красками и унизанныя гербами, фамильными портретами и картинами сраженій, украшали это мѣсто отдохновенія. Въ большихъ домахъ были также разговорныя комнатки, лѣтнія и зимнія, обложенныя панелями изъ блестящаго и хитро вырѣзаннаго дуба, или обитыя широкими шпалерами. Около времени Генриха VIII стали вырѣзывать изъ дуба тонкія обои. Тексты Священнаго Писанія были начертаны или написаны на рѣзной работѣ. Угловатые своды потолка, странно выдѣланные, были украшены пестрыми висячими сводами, листьями, цвѣтами, которые означали ихъ повороты. Разнообразіе ихъ сдѣлалось безконечно, когда гипсъ замѣнилъ дерево.

Круглая башня заключала въ себѣ винтообразную лѣстницу, которой каменныя ступени шли вокругъ столба, и всходъ слѣдовалъ по линіи стѣны, гдѣ лѣстница была изсѣчена или вдѣлана. Въ нѣкоторыхъ замкахъ, напримѣръ въ Амбоазскомъ, склоненіе этой спиральной линіи было такъ легко, что когда ступени лѣстницы были вынаты, то по ней безъ труда въѣзжали въ каретахъ. Около времени Елисаветы, лѣстницы

сдѣлались великолѣпны и отличались характеромъ особеннымъ. Тогда украшали ихъ тщательною рѣзною работою; всходъ красиво извивался, обремененный сиренами, виноградными листьями, головами животныхъ. Перила этихъ лѣстницъ и теперь служатъ предметомъ любопытства. На площадкахъ или мѣстахъ отдыха, украшенія отличались огромностью: колонны витыя или круглыя тотчасъ показывали, что вы на площадкѣ. Совѣтуемъ архитекторамъ, которые хотятъ подражать этому стилю, не забыть лѣстницы и ея многочисленныхъ украшеній, отличительныхъ признаковъ эпохи.

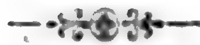
Но, если надобно подражать съ величайшею точностью украшеніямъ, и вообще внѣшности Архитектуры, то я никакъ не думаю, чтобы и во внутреннемъ расположеніи зданій, вновь строимыхъ, должно было имѣть образцомъ господскія жилища стараго времени. На что намъ ихъ большая зала? На что эта галлерея менестрелей? По нашему мнѣнію, лучше сдѣлать обыкновенную галлерею, вмѣсто корридора, о которомъ говорили мы; статуи, оружія, сундуки, могутъ служить ей украшеніемъ. Надобно, чтобы въ мебели и вещахъ былъ сохраненъ особенный характеръ той эпохи, къ которой принадлежитъ стиль зданія. Однакожъ, тяжелыя столы изъ простаго дерева, грубыя ска-

мейки, и рогожки, покрывавшія полъ, можно замѣнить мебелью такого-же вида, только поудобнѣе. Работникъ и крестьянинъ нашего времени пользуются физическимъ благосостояніемъ, слѣдствіемъ усовершенствованной промышленности; Короли и Королевы шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій не знали этого благосостоянія. Постели ихъ были неудобны; ихъ дворцы, въ этомъ отношеніи были хуже дома нынѣшняго мѣщанина.

Пышность жилищъ равнялась ихъ неудобству. Жесткія и дурно сдѣланныя постели были покрыты златыми тканями съ серебряными львами; голубой бархатъ и бѣлая камка, черный атласъ, блистающій золотыми гербами и розами, столовая посуда съ драгоцѣнными каменьями и сіяющія шпалеры передавались изъ рода въ родъ. Это было наслѣдственное богатство фамиліи. Не трудно было-бы примѣнить къ новому вкусу высокіе стулья изъ чернаго дерева, рѣзные и точеные, кровати для отдыха, ящички изъ слоновой кости, буфеты дубовые, столы, покрытые бархатомъ, ширмы съ фигурами, подушки, сложенныя одна на другую, въ видѣ оттомановъ, драпированные обои и богато выработанные разные сосуды, употреблявшіеся при Елисаветѣ и Іаковѣ. Уже мебельщики и обойщики наши совѣтуются съ антикваріями и

возобновляютъ нѣкоторыя изъ вещей той эпохи. Большой стулъ съ откидною спинкою опять входитъ въ употребленіе. Бархатная подушка съ живописью занимаетъ почетное мѣсто въ нашихъ будуарахъ. Мы, которые видимъ, какъ исчезаютъ всѣ слѣды прежней образованности, мы съ особеннымъ участіемъ находимъ въ нашихъ гостиныхъ послѣдніе признаки существованія нашихъ предковъ, и охотно предпочитаемъ ихъ курульнымъ стульямъ (изъ слоновой кости), на которыхъ не льзя сидѣть, мраморнымъ каминамъ, которые обваливаются, стульямъ изъ розоваго дерева, которые не прослуживаютъ года, и этимъ Итальянскимъ карнизамъ несноснаго вкуса, этимъ шиффоньеркамъ и психеямъ, которыя Европа одобрила и ввела въ употребленіе ихъ не прочное изящество.

Съ Французскаго. Б.



ПЕСЧИНКА.

I.

Огонекъ въ чердакѣ.

Вотъ честь женщины въ добрыхъ рукахъ!
А. Дюваль, *Молодость Ришелье.*

Господа! если вамъ угодно немножко послушать меня (а прежде всего позвольте доложить, что я никогда не лгу), то я разскажу происшествіе, случившееся нѣкогда въ одномъ замкѣ. Этотъ замокъ построенъ былъ на берегу рѣки, противъ моста, въ городѣ, котораго имя я забылъ — положимъ на часъ, что этотъ городъ назывался. . . .

(Дюрандъ, *Три горбуна,* фабула.)

Положимъ, скажу и я, что этотъ зáмокъ принадлежалъ Максимиліану XXIV-му, Ландграфу * * * му; что эта рѣка была Маинъ, своенравная рѣка, которой источники теряются въ необъятной цѣпи Фихтельскихъ горъ, и которая течетъ оттуда на западъ, утучняя въ своемъ бѣгѣ богатыя пажити, и ученою рукою насажденные, рядами возвышающіеся виноградники, Маинъ, который, омывая промышленный Бамбергъ, ученый Вирцбургъ, торговый Ганау, и вольный

Франкфуртъ, наконецъ оставляетъ свое имя близъ Маинца, и сливается съ Рейномъ, уже увеличеннымъ водами Неккара.

Положимъ еще, что имя города забыто съ намѣреніемъ, и что это былъ городъ О * * *. Не льзя найдти другаго, болѣе красиваго города въ тамошней сторонѣ. Прекрасный городъ, и въ него-то поведу я читателей съ моею сказкою. Право, я готовъ-бы вѣкъ прожить тамъ. Мужчины тамъ люди честные; женщины добродѣтельны, безъ жеманства; дѣвушки не сердятся при первомъ любовномъ словечкѣ, которое шепнутъ имъ, но — тотчасъ пересказываютъ такую рѣчь своимъ матерямъ. Поѣзжайте въ О * * * искать друга; но не думайте найдти тамъ любовницы, потому что тамъ есть старая кирха, куда, волею или неволею, надобно будетъ вамъ идти; есть и добрый пасторъ, къ которому надобно будетъ вамъ адресоваться: таковъ обычай въ О * * *; надобно жениться, если вы вздумаете сказать: *люблю тебя* — даже бѣдной дѣвушкѣ. Счастливая земля, гдѣ самое милое изъ всѣхъ человѣческихъ словъ, не служитъ всегдашнею игрушкою, и гдѣ супружество есть всегдашняя цѣль любви. Самый дерзкій столичный шалунъ не осмѣлится тамъ сдѣлать изъ чувства любви предмета своей забавы: онъ дорого заплатитъ за свою насмѣшку.

Молодые люди привыкли тамъ говорить всегда правду, и они знаютъ, какъ тяжело бываетъ признаніе въ любви на вѣсахъ семейственной чести. Потому, никогда не осмѣливаются они на нѣжное изъясненіе, не бывши напередъ хорошо увѣрены, что говорятъ его уже избранной ими изъ красавицъ, будущей доброй хозяйкѣ, которая всегда поставитъ на столъ добрый ужинъ, по окончаніи занятій своего мужа, будетъ хорошо ходить за нимъ, когда онъ сдѣлается боленъ, и тщательно станетъ воспитывать дѣтей своихъ, когда будетъ матерью. Справедливость и равныя права для всѣхъ: если дѣвушка, съ перваго слова о любви, можетъ уже почитать себя соединенною съ своимъ суженымъ, то мужчина въ правѣ требовать отъ суженой своей покорности и вѣрности, какихъ уже требуетъ мужъ отъ жены. Малѣйшее пятнышко на чести невѣсты достаточно для разрушенія всякаго обязательства, и мужчина свободенъ отказаться, если на нее пало даже самое легкое подозрѣніе.

Такимъ образомъ, видите вы, любезный читатель, что я хочу разсказать вамъ исторію не нашей стороны, и не того времени, въ которое мы живемъ. На этотъ разъ, мы оставимъ Францію, передвинемся за сто лѣтъ назадъ, и оживимъ, для пользы и удовольствія

нашего, одну изъ вѣтвей обширнаго генеалогическаго дерева, осѣняющаго Германію многолиственными поколѣніями Принцовъ и Принцессъ.

Для людей, искавшихъ только удовольствій и забавъ, замокъ О * * *, во времена Ландграфа Максимиліана XXIV-го, былъ веселымъ и пріятнымъ жилищемъ. Ландграфъ, на 20-мъ году наслѣдовавшій всѣ титулы и владѣнія своего родителя, на 22-мъ году женился, стараясь избавиться отъ прихотей несносной, надоѣвшей ему любовницы. Почти полгода послѣ того, былъ онъ влюбленъ въ свою супругу, а потомъ поселилъ ее въ прелестномъ замкѣ, за двѣ мили отъ своей столицы. Послѣ сего разлученія, походившаго на разводъ, и прерываемаго отъ времени до времени только путешествіями Ландграфа въ замокъ прекрасной его супруги, Максимиліанъ жилъ весело, съ молодыми, блестящими своими придворными, и возбуждалъ толки и переговоры между жителями города О * * *, о строгости нравовъ, о неизмѣнномъ уваженіи которыхъ къ узамъ супружества, я уже говорилъ выше сего.

Но всѣ толки и переговоры въ народѣ состояли однакожь изъ двухъ, трехъ словъ, сказанныхъ потихоньку, въ семейномъ кругѣ, когда двери были уже крѣпко заперты, и маленькіе дѣти спали уже крѣпко въ своихъ люлькахъ.

Пожатіе плечами, и косое словцо на счетъ поведенія Лэндграфа, никогда не переходили за кружокъ самыхъ искреннихъ людей. Самый ловкій иностранецъ не услышалъ-бы ни одной эпиграммы, даже самой невинной, изъ устъ обитателя города О***, и если-бы онъ вздумалъ испытывать общественное мнѣніе, всѣ единогласно изъявили-бы ему глубокое уваженіе, къ благородному характеру и безпорочнымъ нравамъ своего Ландграфа.

Не назовутъ-ли смѣшнымъ такого стараго предразсудка добрыхъ Нѣмцевъ, въ отношеніи къ ихъ повелителю? Но это особенный родъ народной гордости, которой не льзя не полюбить отъ чистаго сердца.

« Унижать того, кому повинуешься, и повиноваться ему, обративъ на него презрѣніе чужеземца, значитъ не заплатить ему за его ошибку, или несправедливость, но только обезславить самого себя. »

Да: «уважать повелителя своего, изъ уваженія къ самимъ себѣ» — вотъ правило, которымъ руководствовались жители города О***. Никогда брань и хула не присоединялись у нихъ къ имени Ландграфа, и самая злая критика ихъ оканчивалась желаніемъ сыновьямъ своимъ того, чего недоставало Максиміліану XXIV-му, и молитвою Богу, о дарованіи дочерямъ ихъ луч-

шей участи, нежели та, какую терпѣла Клементина, оставленная Ландграфиня Максиміліанова.

Да здравствуетъ веселье неприготовленное, которое вдругъ выхватываетъ насъ изъ важнаго размышленія, увлекаетъ отъ трудной работы, и спасаетъ отъ скуки — самаго труднаго дѣла для людей, которымъ нѣчего дѣлать! Да здравствуетъ Максиміліанъ XXIV-й, который вдругъ, однимъ словомъ, возвратилъ веселье на мрачныя лица своихъ придворныхъ! Они располагались уже оставить Ландграфа, въ 9-ть часовъ вечера, послѣ длиннаго дня, проведеннаго безъ выѣзда на охоту, и даже безъ карточной игры въ Зеленой залѣ — любимомъ убѣжищѣ Принца, потому любимомъ, что тамъ оставляли весь этикетъ, какой строго былъ наблюдаемъ во всѣхъ другихъ комнатахъ и залахъ Дворца. «Я поѣду одинъ, навѣстить Ея Свѣтлость, Принцессу Клементину,» сказалъ Ландграфъ, и уже онъ ѣхалъ черезъ дворъ замка своего, когда взоры его встрѣтились со взорами Рудольфа Гацфельда, самаго веселаго изъ юныхъ его друзей. Съ минуту Ландграфъ смотрѣлъ на него, улыбаясь. Рудольфъ не смѣялся: Максиміліанъ отнималъ у него веселый вечеръ.

«Мнѣ пришло въ голову, Господа,» сказалъ Ландграфъ — «вѣдь Ея Свѣтлость не ожидаетъ меня — что, если мы отложимъ поѣздку, и поужинаемъ всѣ вмѣстѣ? Какъ вы думаете? Браво! морщины Рудольфа разглаживаются — рѣшено — мы ужинаемъ вмѣстѣ!»

— Прекрасно, Принцъ! Вотъ первое порядочное слово, которое мы слышимъ отъ васъ сегодня. Я не даромъ думалъ, что Максимиліанъ хочетъ заняться чѣмъ нибудь скучнымъ, и отъ того такъ невеселъ: вы ѣхали къ Ландграфинѣ. . .

«Рудольфъ забываетъ, что мы еще не въ Зеленой залѣ. Подержите коня; а вы, Баронъ, постарайтесь, чтобы поскорѣе приготовили намъ ужинъ.»

Довольно смѣлая шутка Графа Гацфельда была чувствительна сердцу Максимиліана; она напомнила ему всѣ вины его передъ Принцессою. Но едва вошелъ онъ въ Зеленую залу, какъ всѣ угрызенія совѣсти прекратились. Ужинъ былъ тотчасъ готовъ. Веселый шумъ гостей, остроумная вольность разговора, возвратили Принцу его обыкновенную веселость. Онъ первый началъ шутить надъ страннымъ своимъ намѣреніемъ — ѣхать къ Ландграфинѣ, когда могъ болѣе полугода прожить безъ нея, и очень весело.

«Я хотѣлъ играть ролю мужа, когда надобно всего болѣе забывать объ этомъ. Браните меня, друзья мои, я пособлю вамъ, и, чтобы наказать себя, обязываюсь осушить — вотъ эту бутылку Шампанскаго!

— Прекрасное наказаніе — подхватилъ Рудольфъ — да, я, какъ милости, попрошу у васъ позволенія раздѣлить его. Мнѣ половину казни! — Рудольфъ протянулъ руку, держа стаканъ. «Мнѣ!» закричали другіе, протягивая руки съ своими стаканами.

«Прекрасно, вѣрные мои рыцари; но если только двое изъ васъ потребуютъ по половинѣ моей казни, то мнѣ ничего не останется.»

— Не должны-ли мы, Принцъ, жертвовать для васъ всѣмъ? Ваша Свѣтлость можете *заслуживать* наказанія, а мы должны *переносить* ихъ.

Эта забавная преданность умножила остроту и шумъ разговора. Хохотали такъ, что Метрдотель три раза, громко, долженъ былъ повторять: «Son Altesse est servie!»

«За столъ, Господа!» сказалъ Принцъ, садясь первый. Всѣ гости заняли мѣста вокругъ огромнаго стола, и тогда только замѣтили, что не доставало одного, всегдашняго товарища нечаянныхъ ужиновъ Ландграфа. Куверть его,

по обыкновенію, стоялъ на столѣ, но его самого не было.

« Оттона нѣтъ, Господа! Онъ необходимъ. Пошлите тотчасъ къ нему, и если его нѣтъ дома, велите искать его по всему городу.»

Десять слугъ, вдругъ посланныхъ, побѣжали къ дому перваго Министра Ландграфова.

Оттонъ, молодой человѣкъ, не старше Ландграфа, съ давняго времени другъ его, былъ первымъ Совѣтникомъ и вѣрнымъ участникомъ забавъ сего Принца. Но онъ не раздѣлялъ ихъ такъ, какъ Рудольфъ Гацфельдъ, съ безразсуднымъ упоеніемъ, съ радостью, похожею на безуміе. Во время самыхъ шумныхъ оргій, замѣтно было уныніе на лицѣ его, и часто съ горькою улыбкою отвѣчалъ онъ на веселыя шутки своихъ товарищей. Такая важность характера, едва разсѣявавшаяся отъ самыхъ свободныхъ шутокъ, веселила Ландграфа. Никогда не чувствовалъ онъ себя столь веселымъ, какъ тогда, когда встрѣчалъ угрюмое лицо, принужденный видъ, мрачный, сверкавшій взоръ Оттона, среди лицъ радостныхъ, среди взоровъ, блиставшихъ самою беззаботною веселостью. И такъ, присутствіе Оттона было необходимо для Ландграфа. Безъ него — не было тѣни въ картинѣ, не было искренняго чувства радости, и притомъ — какое торжество бывало

для Принца, когда онъ успѣвалъ обмануть трезвость своего друга какою нибудь хитрою уловкою, подмѣнивши, на примѣръ, графинъ воды графиномъ свѣтлаго, крѣпкаго вина! Впрочемъ, подобныхъ шутокъ не смѣли заводить далеко. Оттонъ объявилъ, что является на вечера Принца только изъ уваженія къ волѣ своего повелителя, но что онъ почтетъ себя освобожденнымъ отъ сей обязанности при первомъ оскорбленіи его строгихъ правилъ, и послѣ того навсегда могутъ почесть его исключеннымъ изъ числа гостей Зеленой залы. Не смотря на такое грозное объявленіе, Максимиліанъ продолжалъ однакожь подмѣнивать графины, и Оттонъ не переставалъ являться къ его ужинамъ. Даже, иногда онъ самъ наводилъ Принца на подобныя шалости. «Медвѣдь обживается, Катонъ объэпикуривается»—говорили при Дворѣ. Но медвѣдь плохо обживался; лицо его всегда оставалось мрачно, и взоръ не веселѣлъ. И такъ, Оттонъ имѣлъ, слѣдовательно, какую нибудь скрытную причину не отказываться отъ забавъ Принца, всегдашняго предмета его неудовольствій и замѣчаній? Можетъ быть!

«А!» сказалъ Максимиліанъ — «ужь не подтверждаются-ли мои подозрѣнія? Не попался-ли наконецъ мой благоразумный Министръ въ сѣти какой нибудь шалуньи моего Двора? Онъ

не открываетъ намъ своей тайны, но — мы вырвемъ ее!» И Максимиліанъ началъ исчислять дамъ, которыхъ можно было подозрѣвать въ подобной побѣдѣ.

— Вотъ будетъ забавно—сказалъ Рудольфъ—раздѣлить между нами этотъ реэстръ, и явиться, каждому изъ насъ, къ которой нибудь изъ дамъ, скромнымъ повѣреннымъ Оттона, назваться другомъ, который спѣшитъ предупредить Министра, что Его Свѣтлость приказалъ искать его вездѣ, за какимъ-то важнымъ, государственнымъ дѣломъ! —

« Браво!» закричали всѣ. — «Раздѣлимъ имена, и побѣжимъ искать его!»

Максимиліанъ хотѣлъ сказать что-то; но Рудольфъ спѣшилъ возразить: « Оттонъ не былъ откровененъ съ вами — нескромность была обязанностью его — и притомъ, если онъ завоевалъ принадлежность кого нибудь изъ насъ? . . .

— Справедливо — прибавилъ другой— открытіе это важно для всѣхъ насъ!

Подобный розыскъ, раздѣленный между двѣнадцатью посланниками, могъ задержать ужинъ не болѣе, какъ на одинъ часъ. Слѣдствія его должны были такъ позабавить Принца, что онъ тотчасъ рѣшился отпустить своихъ собесѣдниковъ.

Видите-ли вы, какъ побѣжали по знатнѣйшимъ домамъ столицы молодые придворные, съ таинственнымъ видомъ говоря, въ каждомъ изъ нихъ, горничнымъ дѣвушкамъ, что надобно извѣстить Его Превосходительство, перваго Министра, о скорѣйшемъ возвращенiи во Дворецъ? И когда горничная отвѣчаетъ, что Графа Оттона нѣтъ у ея госпожи, посланникъ лукаво смѣется, и старается золотомъ искусить вѣрность дѣвушки. Болѣе смѣлые изъ искателей успѣваютъ пробираться въ самыя тайныя комнаты Герцогинь и Графинь, и уходятъ увѣрившись, что *не первый Министръ* спрятался въ будуарѣ чувствительной вдовы, или нѣжной супруги путешественника, котораго ждетъ она съ часу на часъ, и нетерпѣливо. Друзья Ландграфа собрали множество самыхъ забавныхъ анекдотовъ, которыми надѣются повеселить его за ужиномъ; но — Оттонъ пропалъ, укрылся отъ ихъ разысканiй. Напрасно Графъ Гацфельдъ былъ такъ дерзко любопытенъ, что заставилъ отворить себѣ будуаръ прелестной Баронессы Редельгеймъ, напрасно едва не подрался онъ съ господиномъ Барономъ, который взбѣсился, что ему помѣшали играть въ вистъ съ своею супругою. Съ трудомъ успѣлъ Рудольфъ увѣрить Барона, что не встрѣтивъ никого изъ людей въ передней, онъ дерзнулъ идти далѣе, и узнать — не принялъ-ли какъ ни-

будь, случайно, Графъ Оттонъ участія въ вистѣ госпожи Баронессы. Мужъ учтиво проводилъ надоѣдалу, ворча: «Неужели при Дворѣ не знаютъ, что я никогда не видаюсь съ первымъ Министромъ...»

Пока друзья Принца бѣгали по городу, разсѣвая подозрѣнія на добродѣтель самыхъ знатнѣйшихъ дамъ Двора Максиміліанова, тревожа подозрѣніями мужей, бѣся жеманныхъ скромницъ, и, можетъ быть, заставляя многихъ завидовать таинственному предмету любви перваго Министра, Секретарь Оттона, скромный, вѣрный чиновникъ, осѣдлалъ лошадь, и окольными дорогами прискакалъ къ замку Принцессы Клементины. Онъ отдалъ тамъ запечатанную записку одной изъ Фрейлинъ Ландграфини, оставилъ свою лошадь, и пѣшкомъ отправился обратно въ столицу. Не отошелъ онъ и пяти сотъ шаговъ, какъ топотъ лошади, издали услышанный имъ по дорогѣ, успокоилъ этого вѣрнаго наперсника Оттонова. Онъ остановился, завидя кого-то ѣхавшаго верхомъ, узналъ Министра, спѣшившаго въ столицу, и побѣжалъ за нимъ изъ всѣхъ силъ, отъ времени до времени указывая дорогу Оттону, тихо, прерывчатыми словами, хотя ночь была претемная, и дорога совершенно безлюдная.

« Сюда — здѣсь на право — на лѣво — черезъ кустарникъ, черезъ ручей — чтобы не замѣтили слѣдовъ — прыгайте черезъ ровъ — слава Богу! Небойтесь — никто не узнаетъ — скорѣе исторгнутъ у меня жизнь, нежели вашу тайну — вотъ и городскіе огни — мы успѣемъ пріѣхать, пока еще ничего не узнали...»

Секретарь Оттона бѣжалъ подлѣ него, не отставая. Когда надобно было ѣхать черезъ рощи, онъ бралъ коня за узду, раздвигалъ вѣтви и сучья, не боясь изорвать свое платье и исцарапать лицо. Ничто его не останавливало — онъ брелъ черезъ ручьи, и поддерживалъ лошадь, когда она спотыкалась по каменьямъ. Оттонъ оборачивался въ ту сторону, откуда ѣхалъ, и бормоталъ сквозь зубы: « Какое несчастіе!.. Она могла умереть отъ испуга... Каково ей и теперь!.. Что сказать?.. Какую ложь выдумать? Ахъ! какъ ужасно обманывать!..»

Наконецъ, они приблизились къ городскимъ воротамъ. Оттонъ сошелъ съ лошади, и отдалъ ее своему Секретарю. Онъ былъ такъ задумчивъ, что даже не поблагодарилъ своего вѣрнаго вожатая, и пожалъ только ему руку, не говоря ни слова. Но взоръ его наградилъ все. Добрый Секретарь спасъ своего благодѣтеля — это была лучшая его награда.

Закутавшись въ плащъ свой, шелъ теперь Оттонъ по темнымъ улицамъ столицы, перебирая въ головѣ своей тысячу выдумокъ, и все не находя извиненія, какое можно было сказать Принцу. Между тѣмъ, онъ приближался уже къ самому за̀мку. Тогда наступалъ уже тотъ часъ, въ который самый трудолюбивый ремесленникъ города О*** складываетъ свои инструменты, скидаетъ передникъ, и удаляется изъ мастерской, послѣ 15-ти часовъ работы. Министръ видѣлъ, какъ на пути его потухали помаленьку огни въ кузницахъ, гасли лампады, умолкалъ стукъ молотковъ. Матери сзывали домой ребятишекъ, игравшихъ на улицахъ, двери запирались, и — все еще нерѣшительный, тщетно искалъ Оттонъ какой нибудь вѣроятной лжи. Ему оставалось только перейдти черезъ длинную, узкую улицу, чтобы явиться во Дворецъ, когда вдругъ, поднявъ глаза къ небу, какъ будто умоляя о счастливомъ вдохновеніи, онъ замѣтилъ въ третьемъ этажѣ дома, бѣдной наружности, дрожащій свѣтъ, блиставшій сквозь бѣлыя занавѣски окошка въ чердакѣ. У дверей этого дома сидѣлъ, и спокойно спалъ, мальчикъ семи, или восьми лѣтъ. Безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія, остановился Оттонъ, взглянулъ на окошко, которое одно только было освѣщено во всей улицѣ, приблизился къ ребенку — тотъ пробудился, и вскочилъ испуганный.

«Что ты дѣлаешь тутъ, плутишка?» спросилъ Оттонъ, погладивъ его по головѣ.

Мальчикъ протеръ глаза, и все еще боясь незнакомца, отвѣчалъ: «Жду маменьки — она пошла за ужиномъ для папеньки — ежели вамъ надобно повидаться съ нею — погодите немного— она тотчасъ придетъ.»

— А не знаешь-ли ты — спросилъ Оттонъ, указывая на освѣщенное окошко — кто живетъ— вонъ тамъ? —

«Очень знаю. Тамъ живетъ дѣвица Елена, швея. Она ждетъ своего брата, сосѣда нашего Гюга, и жениха своего, Ансельма Вернера — премилая дѣвушка — мнѣ не знать ея! Я и на свадьбѣ у нея буду, стало быть, я ее знаю.

— Правда, правда... да, вѣдь и я знаю ее— отвѣчалъ Оттонъ, которому вдругъ пришла въ голову новая мысль. Онъ бормоталъ про себя: «Молодая дѣвушка — одна — этотъ мальчикъ свидѣтель — тутъ и думать нечего! — Ты надѣешься, плутъ, что я не замѣтилъ твоей уловки?» сказалъ Оттонъ, громко. «Ты притворялся спящимъ, для того, чтобы лучше подкараулить меня?»

— Я, сударь?... Увѣряю васъ—да, посмотрите, я и теперь еще дремлю, стало быть, я спалъ.

«Ты меня не обманешь. Но, послушай: береги свои уши, если кому нибудь скажешь, что видѣлъ меня, какъ я вышелъ изъ этого дома!»— Мальчикъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. — «Да, ты меня видѣлъ, я знаю — но, вотъ что заставитъ тебя молчать — смотри-же...» Оттонъ вынулъ изъ кармана нѣсколько флориновъ; мальчикъ все еще глядѣлъ на него, не говоря ни слова, не смѣя взять денегъ, хотя ему и очень хотѣлось взять ихъ. Тутъ послышался шумъ шаговъ. Мальчикъ ободрился. — «Вотъ и маменька!» сказалъ онъ. При сихъ словахъ Министръ сунулъ въ руку его флорины, поспѣшно проговорилъ: «Смотри-же — никому не сказывай, что ты видѣлъ, какъ я вышелъ отъ дѣвицы Елены» — и поспѣшно пошелъ ко Дворцу.

Въ то-же время возвращались туда Рудольфъ Гацфельдъ, и другіе молодые придворные, раздосадованные плохимъ успѣхомъ поисковъ по городу. Издали узналъ Рудольфъ Министра, и побѣжалъ къ нему, крича друзьямъ своимъ: «Вотъ онъ! Ко мнѣ... теперь онъ не уйдетъ!» Въ одно мгновеніе, Оттонъ увидѣлъ себя окруженнымъ собесѣдниками Принца, осыпаннымъ вопросами, оглушеннымъ эпиграммами, осажденнымъ со всѣхъ сторонъ. —«Вы узнаете откуда я взялся, когда мы будемъ передъ Его Свѣтлостью,» отвѣчалъ онъ нескромнымъ вѣтрен-

никамъ. — Хорошо, хорошо! — возразилъ Рудольфъ — пойдемте къ Его Свѣтлости!» И съ радостнымъ шумомъ повели Оттона, такъ, что издали еще долетали въ Зеленую залу хохотъ и крикъ.

«Ну, что? Которую изъ нашихъ красавицъ надобно поздравить съ побѣдою?» спрашивалъ Ландграфъ, смѣясь. — «Какая Герцогиня была такъ ловка, что умѣла привадить къ себѣ дикаря?»

Эти слова, небрежно сказанныя Принцемъ, тяжкимъ бременемъ упали на сердце Оттона. Онъ задрожалъ и поблѣднѣлъ. Но, къ счастію, смятеніе его не было никѣмъ замѣчено. Оттонъ успѣлъ ободриться, и приготовился удовлетворительнымъ образомъ отвѣчать на вопросы веселаго Двора.

«По совѣсти»— отвѣчалъ Рудольфъ — мы неможемъ сказать Вашей Свѣтлости, гдѣ скрывается красота, завладѣвшая его сердцемъ. Всѣ наши старанія открыть ее, были безплодны. Ни въ какихъ чертогахъ не льзя было найдти ея — правда, что мы являлись только къ знатнымъ дамамъ.

— Можетъ быть, вы были-бы счастливѣе въ вашихъ поискахъ — сказалъ Оттонъ, стараясь весело улыбнуться — еслибы спустились ниже.

«Ниже, или выше?» вскричалъ не одумавшись Рудольфъ. Оттонъ потупилъ глаза; слова замерли на устахъ его.

Ландграфъ строго посмотрѣлъ на Гацфельда. «Господа!» сказалъ онъ. «Въ наши вздорныя шутки не будемъ вмѣшивать именъ почтенныхъ. Выше дамъ, у которыхъ вы должны были искать Оттона, находятся только Ея Свѣтлость, мать моя...» Рудольфъ едва удержался, чтобы не захохотать. Максимиліанъ продолжалъ: «Принцесса Іоанна, сестра моя, и Ландграфиня, моя жена...»

Урокъ, данный Принцемъ безразсудному Рудольфу, послужилъ въ пользу Министра. Онъ началъ просить извиненія своему молодому другу. Максимиліанъ прощалъ подобныя вины весьма легко. Сѣли за столъ. Послѣ первыхъ блюдъ, перемѣненныхъ въ молчаніи, Ландграфъ далъ знакъ служителямъ; они вышли, и тогда начался откровенный разговоръ, котораго не боялся уже теперь молодой Министръ Ландграфа, успѣвъ приготовиться къ нему.

«И такъ, неловкій народъ!» сказалъ Максимиліанъ, «вы не можете сказать мнѣ, кто предметъ таинственной любви нашего друга?»

— Нѣтъ, Принцъ! Но такъ, какъ онъ обѣщалъ не скрываться отъ Вашей Свѣтлости, вы можете спрашивать: Оттонъ все скажетъ.

«Избавьте меня!» сказалъ Оттонъ. «Право, мнѣ трудно будетъ сказать вамъ истину.»

— А почему? Мой веселый Дворъ не есть-ли *Дворъ любви*? Ты знаешь, Оттонъ, что между нами нѣтъ тайнъ въ этомъ родѣ шалостей... Мы обѣщали сказывать другъ другу все, для того, чтобы не встрѣтиться въ нашихъ волокитствахъ. — Онъ засмѣялся.

«Нѣтъ, Максимиліанъ, мы не можемъ быть съ вами соперниками. Знаю навѣрно, что вы не любите ту, кого люблю я.»

— Да, изъяснимся прямѣе; бросимъ этотъ уклончивый языкъ. Ты обѣщалъ быть откровеннымъ? приказываю тебѣ сдержать свое обѣщаніе.

«Неужели, Ваша Свѣтлость, въ самомъ дѣлѣ, безпокоитесь моею любовью? Повѣрьте-же, что если-бы я любилъ которую нибудь изъ дамъ, красотою и прелестью своею обольщающихъ кого нибудь изъ васъ — я назвалъ-бы ее немедленно, чтобы подозрѣніе не падало на другихъ.

— И такъ, твой идолъ не принадлежитъ къ Двору? Хорошо; вотъ это ясное, дѣльное показаніе. Далѣе!

«Нѣтъ! вы напрасно будете приставать ко мнѣ: остальной тайны моей я не скажу ни за что.

— А! понимаемъ: она дурна, безобразна — подхватилъ Рудольфъ. — Я всегда говаривалъ: Оттонъ большой чудакъ; если онъ вздумаетъ влюбиться, то посмотрите, что онъ влюбится въ урода, о которомъ никто изъ насъ и не подумалъ-бы. Я утверждаю, что *она* уродъ!

«Да, *она* уродъ!» воскликнули другіе собесѣдники, и начали перебирать всѣ степени уродства и безобразія, приписывая ихъ скрытой обладательницѣ Оттона.

— Слышишь-ли, рыцарь: оскорбляютъ красоту твоей дамы! Теперь, ты принужденъ будешь сказать ея имя, опасаясь нарушить рыцарскіе обѣты славы и чести!

«Воля ваша, это настоящее гоненіе!» говорилъ Оттонъ, внутренно обрадованный оборотомъ, какой принималъ разговоръ. «Почему вы знаете, что, можетъ быть, для нея, а не для себя, стараюсь я скрывать свою шалость? При подобномъ случаѣ, Господа, у каждаго изъ васъ есть чѣмъ похвастать; а мнѣ почти стыдно, что я влюбленъ въ созданіе, которое не можетъ назваться.... даже благородною...

— А! это купчиха! —

«Еще менѣе, Принцъ. Но, сдѣлайте милость, оставимъ нашъ разговоръ.

— И такъ, это мѣщанка?

« Еще менѣе. . .

— Неужели она служанка въ трактирѣ ? — вскричалъ Рудольфъ. — А впрочемъ, изъ нихъ есть красавицы.

« Рудольфъ забылъ, что между мѣщанкою и служанкою находится еще одно состояніе, гдѣ могутъ быть красавицы, и эти красавицы могутъ иногда заставить насъ забыть свое званіе, и влюбиться.

— Понимаю : она ремесленница—сказалъ Максимиліанъ. — Мнѣ давно говорили, что изъ нихъ есть премилыя ; надобно когда нибудь увѣриться въ этомъ.

« Но Ваша Свѣтлость, конечно, не станете хвалиться при Дворѣ побѣдою такого рода ?

— Правда, что сначала это покажется странно, но, любовью не повелѣваютъ, любезный Оттонъ.

«Для избѣжанія упрека въ странности, я лучше хотѣлъ молчать; да, Господа, молчать, что въ то время, когда вы искали меня у Графинь и Баронессъ, я былъ, у молодой швеи.... Но, ради Бога ! это останется между нами !

— Бѣдняжка ! куда къ чорту вздумалось ему заѣхать съ своею любовью ! – сказалъ Рудольфъ.— Ну, говорите-же : гдѣ живетъ красавица ?

«Никогда не узнаете вы этого! И безъ того уже есть надъ чѣмъ посмѣяться... Поговоримъ о другомъ...

— Нѣтъ! ея имя, ея адресъ! — сказалъ Максимиліанъ.

«Вы употребите это во зло, и я не потерплю этого. Любовь моя была глупость, прихоть, минутно пролетѣвшая; я разорвалъ уже мою вздорную связь: *она* выходитъ за мужъ... оставьте въ покоѣ бѣдную дѣвочку...

— Оттонъ! повѣришь-ли ты моему слову?— спросилъ Максимиліанъ. — Я клянусь тебѣ, за себя и друзей своихъ, что мы оставимъ тебя въ покоѣ, когда скажешь ты намъ имя твоей хорошенькой швеи?

«Но, для чего оно вамъ?

« Для чего! Мы всѣ пойдемъ, *incognito*, въ церковь, когда она будетъ вѣнчаться, и посмотримъ: умѣлъ-ли ты выбрать?"Да, Господа, мы пойдемъ всѣ! Однакожь, строго запрещаю вамъ— даже самую невинную шутку на счетъ малютки швеи. Надобно уважить несчастіе этой бѣдняжки: она потеряла любовь Оттона, и должна выйдти за какого нибудь честнаго мѣщанина. Но, имя ея? Требуемъ непремѣнно!

– Нечего дѣлать! Знайте, что ее зовутъ Еленою, и что она живетъ въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла.

«Чортъ побери, если я вздумаю когда нибудь искать любовницъ въ этомъ переулкѣ. . . настоящая западня!

Послѣднія слова Оттона умножили веселость собесѣдниковъ. Онъ долго колебался, пока передалъ насмѣшкамъ друзей имя дѣвушки, которое едва самъ помнилъ. Но, думая, что ему надобно сильное свидѣтельство о знакомствѣ въ улицѣ Бѣлаго Орла, Оттонъ рѣшился наименовать молодую швею. Ей не могло сдѣлаться ничего худаго отъ лжи перваго Министра: никто не зналъ ея; а между тѣмъ ея имя заставляло всѣхъ собесѣдниковъ Принца думать, что Оттонъ сказалъ имъ сущую правду о своемъ ночномъ странствованіи.

Съ шумомъ выпили за здоровье невѣсты, и за вѣчное ослѣпленіе ея будущаго мужа. Рудольфъ овладѣлъ послѣ того разговоромъ, и началъ разсказывать веселому обществу замѣчанія, собранныя имъ въ ночной прогулкѣ по домамъ знатнѣйшихъ дамъ столицы.

II.

Уличныя сплетни.

Сначала легкій шумъ перелетаетъ по землѣ, какъ ласточка передъ бурею, *pianissimo* бормочетъ, и плететъ, и сѣетъ на бѣгу ядовитыя замѣтки; онѣ попадаютъ въ тотъ, или другой ротъ, и *piano*, *piano*, искусно скользятъ вамъ въ ухо. Зло сдѣлано; оно растетъ, оно ползетъ, оно идетъ своимъ путемъ, и *rinforzando*, изъ рота въ ротъ, перескакиваетъ чертовски; потомъ вдругъ, не знаю какъ, вы видите, что клевета подымается, шипитъ, дуется, растетъ въ мгновеніе ока. Она бросается, летитъ, вертитъ, обхватываетъ, рветъ, увлекаетъ, блещетъ молніею, гремитъ громомъ, и, по милости Божіей, дѣлается всеобщимъ крикомъ, публичнымъ *crescendo*, общимъ *хоромъ* ненависти и гоненія. Какой чортъ устоитъ противъ этого?

Бомарше, *Севилскій Цирюльникъ*.

Ребенокъ, въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла, вертѣлъ въ рукахъ своихъ флорины, разсматривалъ, при блѣдномъ лунномъ свѣтѣ, изображенія, на нихъ бывшія, и уже думалъ о томъ, какъ истратить ему такое множество денегъ на будущей городской ярмаркѣ, гдѣ самыя лучшія куклы стоятъ не дороже двухъ крейцеровъ. Мать его подходила; бѣдный богачъ не зналъ, куда спрятать отъ нея свое богатство: кармановъ у него не было, чулковъ также, а въ

башмаки спряташь флориновъ было не льзя. «Иди, Фрицъ,» сказала ему машь. «Егоръ, отецъ швой, скоро возврашишся, ужинъ еще не готовъ, онъ разсердишся. Держи-ка вошъ эшу бушылку; возми-ка вошъ эту чашку!» Но бѣдный Фрицъ не смѣлъ прошянушь рукъ, чшобы пособишь машери: деньги ему мѣшали. «Бери же, Фрицъ! вѣдь я шебѣ говорю!»

— Не могу взяшь, маменька — у меня руки заняшы..,

«Вѣрно, игрушками? Брось ихъ въ шапку, и пойдемъ скорѣе.» Фрицъ снялъ съ головы свою шерсшяную шапку, со всевозможною осшорожносшію сложилъ въ нее драгоцѣнные флорины; но, шоропясь надѣшь шапку на голову, не замѣшилъ онъ, какъ одна изъ монешъ скользнула по землю, упала, и зазвенѣла на первой сшупенькѣ лѣсшницы. «Боже мой! Чшо эшо?» вскричала машь. «Тушъ съ неба деньги падаюшъ! Пусши-ка, пусши, Фрицъ я посвѣчу!» Она ошшолкнула сына, желая поближе разсмошрѣшь флоринъ, блисшавшій на сшупенькѣ лѣсшницы, и ошшолкнула шакъ сильно, чшо серебряный дождь пошелъ изъ-подъ его шапки, и машь, разсмашривая флорины, насчишала ихъ до пяшнадцаши. «Чудо, чудо!» кричала она. «Сынъ мой преврашился въ серебро!» На восклицаніе Фрицовой машери расхлопнулись двѣ сосѣдсшвен-

ныя двери. «Кто тутъ?» спрашивалъ въ тоже время голосъ сверху лѣстницы. «Эхъ! подите сюда, сосѣдки! Фрицъ околдованъ! флорины падаютъ у него изъ рота и изъ глазъ!» Сосѣдки не заставили повторять себѣ два раза этихъ словъ, прибѣжали, съ деревянными подсвѣчниками въ рукахъ, и остановились, изумленныя, при видѣ богатства, разсыпаннаго на полу! Фрицъ хотѣлъ говорить, но мать не давала ему сказать и объяснить, что деньги эти шли не изъ рукъ чорта, но получены отъ молодаго господина, съ условіемъ: никому не сказывать, что этотъ господинъ былъ въ гостяхъ у сосѣдки ихъ, швеи Елены. Наконецъ, одна изъ сосѣдокъ наклонилась, желая разсмотрѣть чортово сокровище; другая удержала ее, вскричавъ: «Ахъ! что ты! Вѣдь обожжешься!» Фрицъ успѣлъ въ это время схватить одну монету, и сказать: «Видите, что я не обжигаюсь? И тогда совсѣмъ не были онѣ горячи, когда богатый господинъ далъ ихъ мнѣ, вотъ съ минуту назадъ, не болѣе.» — Какъ? Какой господинъ? Говори скорѣе! — Фрицъ подобралъ въ это время всѣ флорины, и мать спрятала ихъ въ свой холстинный карманъ. Ребенка посадили на ступеньку, и онъ началъ разсказывать, какъ господинъ, закутанный въ большой плащъ, вышелъ отъ дѣвицы Елены, какъ онъ зѣвалъ въ это время на порогѣ, какъ этотъ господинъ

подошелъ къ нему, и далъ ему денегъ, съ тѣмъ, чтобы никому не сказывать о посѣщеніи этимъ господиномъ молодой швеи. Болтунъ Фрицъ не сказалъ ни слова о томъ, что этотъ господинъ разбудилъ его, и потомъ уже далъ ему денегъ, и просилъ молчать. Сосѣдки, опершись на перила лѣстницы, слушали ребенка, съ радостью, изумленіемъ, съ разинутыми ртами и выпученными глазами. И Фрицъ, ободренный участіемъ, какое принимали въ его разсказѣ добрыя кумушки, рѣшился еще болѣе прикрасить свои разсказы. « Мнѣ кажется, я видѣлъ даже, какъ дѣвица Елена съ нимъ прощалась; но, впрочемъ, это недостовѣрно. Да, надобно-же быть тутъ большой тайнѣ, когда хорошій этотъ господинъ далъ мнѣ столько денегъ... »

— Ну! и ты самъ хорошо видѣлъ, что этотъ господинъ вышелъ отъ Елены? — спрашивала его еще разъ мать.

« Вотъ еще: хорошо видѣлъ! За что-же и платить мнѣ, если-бы я не видалъ! О, это большой господинъ! нѣтъ сомнѣнія; люди, такіе, какъ мой батюшка, не носятъ плащей съ бархатнымъ воротникомъ.

— Онъ правду говоритъ — вѣдь дѣтское дѣло! Да, это, конечно, придворный господинъ. Но, какова-же эта дѣвица Елена? А! поди-ты, пожалуй! кто-бы подумалъ!

«Ну, я подумывала это издавна; она давно такъ смотрѣла, эта дѣвчонка...

— Наканунѣ свадьбы? А? Это ужасть!

«Если-бы покойница, мать ея, была жива, такъ кровавыми слезами оплакала-бы безпутство дочери...

— А отецъ-то? Да, онъ убилъ-бы ее! Вѣдь это былъ честный человѣкъ.

«Неужели бѣднаго Ансельма допустить до женитьбы на ней? Онъ-же мнѣ родня! Да, я изъ одного сохраненія нашей фамильной чести не дозволю!

— Но кто-бы это былъ этотъ господинъ? — возразила мать Фрица. — Елена никуда не выходитъ безъ брата, или безъ жениха своего!

«Да, зачѣмъ-же ей выходить,» отвѣчала одна изъ сосѣдокъ, «когда молодчикъ самъ къ ней приходитъ.»

— Его-то я не виню: онъ поступаетъ, какъ поступилъ-бы всякій молодой мужчина. Дѣвка должна сама себя беречь — прибавила другая.

«Разумѣется. Мужчинъ нечего винить. Мой покойный батюшка говаривалъ бывало: берегись курица, а пѣтуху что за дѣло!

Болтанье кумушекъ продолжалось-бы еще долго, если-бы Егоръ, отецъ Фрица, не возвра-

пился въ это время. «Что вы тутъ, сосѣдки? Бѣда какая, или диво?» спросилъ онъ.

— А такое диво — отвѣчала жена его — что Фрицъ нашъ разбогатѣлъ въ этотъ вечеръ, и нажилъ 15 флориновъ.

«Пятнадцать флориновъ?» сказалъ Егоръ. «Да, гдѣ-же онъ взялъ ихъ?»

Фрицъ охотно готовъ былъ снова разсказывать исторію, о свиданіи своемъ съ хорошимъ господиномъ въ плащѣ. Онъ уже и начиналъ ее, когда Егоръ перебилъ начало рѣчи его, словами: «А скажи-ка, жена, варится-ли мой ужинъ? Вѣдь это онъ, неготовый, стоитъ тутъ? Я ѣсть хочу. Фрицъ доскажетъ намъ, пока мы станемъ ужинать, и если флорины перешли къ нему неладно, такъ я завтра-же отдамъ ихъ тому человѣку, которому они точно принадлежатъ.»

— Отдать — ворчалъ Фрицъ, всходя по лѣстницѣ, съ бутылкою и чашкою въ рукахъ. — Довольно и того, что ихъ у меня отняли. Вѣдь я ихъ выработалъ, и выработалъ честно.

Между тѣмъ, когда въ Зеленой залѣ Ландграфа весело пили за любовь Министра къ мѣщанской красавицѣ, а въ квартирѣ бочара Егора кумушки-сосѣдки проклинали развратную дѣвушку, любовницу знатнаго человѣка, внимательная Елена считала минуты, вставала под-

слушивать каждый шумъ шаговъ по лѣстницѣ, и снова садилась за свою работу, говоря: «Ну, тѣмъ лучше: это еще не онъ! Но завтра, я ужь не буду его дожидаться; завтра Воскресенье; онъ цѣлый день останется со мною. А на той недѣлѣ?.. Да, на той недѣлѣ, полно ему работать: въ Понедѣльникъ свадьба — и онъ, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю долженъ просидѣть дома со мною!» Она начинала потомъ работать съ новымъ удовольствіемъ; рука ея бѣгала по пяльцамъ, и буква: Е свивалась подъ ея иголкою съ буквою: А Елена вышивала свадебный галстухъ своему жениху. Она не чувствовала грусти, которая такъ часто мучитъ сердца нашихъ дѣвушекъ передъ свадьбою, при мысли о будущей судьбѣ своей. Она очень хорошо знала добрый характеръ Ансельма, его дружбу, искреннюю и открытую, и потому никакое опасеніе не смѣшивалось съ ея мечтою о будущемъ благополучіи. Ансельмъ жилъ вмѣстѣ съ ея братомъ, и уже пять лѣтъ Елена была у нихъ полною хозяйкою. Послѣ свадьбы ея, ничему не должно было измѣниться въ мирномъ бытѣ молодой швеи. Если она и желала, чтобы поскорѣе наступилъ день ея свадьбы, то этого для того только, что ей обѣщали позволить танцовать сколько угодно, и притомъ въ первой парѣ. Какая радость для дѣвушки, которая любитъ танцы болѣе всего

въ мірѣ! Свадьбу хотѣли праздновать цѣлыхъ восемь дней. Послѣ того, все должно было придти въ опредѣленный порядокъ у обитателей чердака въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла: они стали-бы жить по семейному, какъ жили прежде. Только Ансельмъ долженъ былъ послѣ свадьбы переселиться изъ своей комнаты въ другую, а на его мѣстѣ надобно было поселиться Гюгу, брату Елены. И такъ, не страстное нетерпѣніе заставляло Елену прислушиваться къ шуму шаговъ на лѣстницѣ. Она привыкла ожидать своихъ гостей всякій вечеръ. Въ этотъ день, они предувѣдомили, что придутъ поздно: это была хлопотливая суббота, послѣдняя передъ свадьбою. Елена не только не безпокоилась о позднемъ отсутствіи брата и жениха, но, напротивъ, еще боялась, что они придутъ слишкомъ рано, когда она не успѣетъ еще кончить своей работы. Уже шесть дней скрывала она тайну шитья своего, а это было довольно тяжело: скрывать что нибудь отъ Ансельма, хотя и для того единственно, чтобы приготовить ему пріятную нечаянность. Уже почти половину тайны своей, она открыла своему жениху, облегчая сердце, и сказавъ однажды: «Вы не знаете, Ансельмъ, что я *для васъ* теперь работаю; но *что*, я не хочу говорить, и запрещаю даже вамъ глядѣть на мои пальцы. Вы очень удивитесь, ко-

гда увидите что такое это будетъ.» Напрасно Анселмъ преслѣдовалъ ее вопросами, послѣ сей полу-довѣренности; онъ не добился ни полслова болѣе.

Одиннадцать часовъ ударило на башнѣ, когда Елена кончила шитье галстуха Ансельмова. Въ это время Гюгъ, и будущій зять его, вошли въ улицу Большаго Бѣлаго Орла. Елена узнала голоса ихъ: возвращаясь, они весело пѣли, по своему обыкновенію.

«Пой, пой, бѣдный Ансельмъ!» говорили сосѣдки бочара Егора, все еще толковавшія о таинственныхъ посѣщеніяхъ знатнаго господина. Елена, на чердакѣ своемъ, также сказала: «Пой, пой, мой Ансельмъ! Ты скоро будешь еще веселѣе, когда увидишь, какой прелестный галстухъ вышила я тебѣ!»

Двое друзей взошли на свой чердакъ. Столъ былъ уже приготовленъ для ужина, и галстукъ, завернутый осторожно въ бѣлую бумагу, былъ положенъ Еленою въ оловянную тарелку ея жениха. «Вы хорошо поработали сегодня,» сказала она, «и я также. Разверните бумагу, господинъ Ансельмъ, и посмотрите на *сюрпризъ*, который я вамъ готовила.» Ансельмъ поспѣшилъ развернуть бумагу. Съ раскраснѣвшимися отъ удовольствія щеками, улыбаясь, смотрѣла Елена, какъ онъ удивлялся ея искусству. Въ вос-

торгѣ радости, Ансельмъ подошелъ къ невѣстѣ своей, желая поцѣловать ее.

« Ты позволишь, братъ?» сказалъ онъ Гюгу.

— Да, да, поцѣлуй ее — сказалъ братъ, зажигая свою трубку — всякой работѣ надобна плата, и ея работа стоитъ поцѣлуя. — Елена подставила свою щеку, и молодой женихъ напечатлѣлъ на щекѣ невѣсты одинъ изъ тѣхъ громкихъ, крѣпкихъ поцѣлуевъ, которые такъ мило схватывать на пухлыхъ, розовыхъ щечкахъ хорошенькихъ Нѣмочекъ.

« Добрый вечеръ, друзья мои!» Елена безпрестанно смѣялась, пока братъ ея Гюгъ, стряхнувъ пепелъ съ трубки своей, не началъ говорить важнымъ голосомъ. «Послушайте меня, дѣти. Когда покойный родитель мой — да будетъ память его благословенна на вѣки — шелъ въ горняя, онъ сказалъ мнѣ: Сынъ! оставляю на рукахъ твоихъ тяжелое бремя: ты долженъ воспитать дѣвушку, сестру твою, и сберечь ея доброе имя. Слова старика, котораго съ дѣтства научился я почитать, которому повиновался я, столько-же по любви, сколько по долгу моему, попали въ уши человѣка, не забывающаго своихъ обѣщаній. Я поклялся быть покровителемъ Елены, заступить ей мѣсто отца, и горжусь, говоря теперь, что добродѣтель и поведеніе сестры моей сдѣлали мнѣ иго мое весьма легкимъ.»

Внимательно слушала брата своего Елена, между тѣмъ какъ Ансельмъ, не менѣе внимательный, черпилъ ножикомъ по дубовому столу. Вдругъ Елена перебила рѣчь брата: «Съ чего вздумалось тебѣ говорить мнѣ комплименты?» сказала она. «Ты исполнилъ то, что обѣщалъ отцу своему; я, чѣмъ была обязана къ самой себѣ, къ тебѣ... къ Ансельму... Ну! скажемъ просто, что каждый изъ насъ *исполнилъ свой долгъ*, и станемъ говорить о другомъ.»

— Нѣтъ, сестра, я не все кончилъ. Отецъ еще говорилъ, и заказывалъ мнѣ, вотъ такъ: «Женщина должна принести мужчинѣ приданое; мужчина долженъ имѣть твердость душевную, и необходимыя средства пропитанія, для жены и для дѣтей. Знаешь-ли ты это, Гюгъ?» Слушай, сестра! это умирающій отецъ говоритъ съ нами: «Тебѣ извѣстно, сынъ мой, что у меня доставало душевной твердости; были и дарованія, не тѣ, которыя требуютъ силы рукъ, но было образованіе, необходимое для званія адвоката. Защищая добро другихъ отъ нападеній злобы и коварства, я забывалъ о своемъ добрѣ, не думалъ, что иногда надобно хлопотать и о сомнительныхъ правахъ богатаго и могущаго кліента, не слишкомъ заботясь о безпорочности адвокатскаго званія. Адвокату

надобны покровители, и въ мое время начинали уже поговаривать: «Только проигранная тяжба безчеститъ адвоката, а выигранная всегда дѣлаетъ честь ему.» Твой дѣдъ такъ не думалъ. Я хотѣлъ соблюсти въ плохое время такую-же, дѣдовскую строгость правилъ, и отъ меня стали отставать. . . Сначала прошла слава, что я выигрываю только такія тяжбы, о которыхъ и говорить не стоило. При каждомъ успѣхѣ моемъ, забывали, что часто противъ сильнаго соперника склонялъ я боязливое, нерѣшительное правосудіе. Наконецъ, судьи стали посмѣлѣе — да проститъ имъ Богъ! — и шесть разъ сряду одно сильное имя противной стороны было тяжеле на вѣсахъ ихъ, нежели правота, мною защищаемая. Презираемый богачами, торжествовавшими надъ моимъ краснорѣчіемъ, я разсердилъ тѣхъ, кого невольно раззорилъ своимъ заступленіемъ, и, стыдимый моими товарищами, я началъ понимать, что мѣсто честному человѣку приличнѣе въ мастерской, нежели въ судейской, если онъ хочетъ быть уваженъ другими. Тогда сказалъ я самъ себѣ: Сынъ мой будетъ ремесленникомъ, и я брошу адвокатское платье, а надѣну передникъ. Твоя добрая, почтенная мать недолго пережила мое позднее рѣшеніе!.. Я воспиталъ тебя, научилъ ремеслу дочь, и теперь отправляюсь въ далекій путь, съ горестью, что ни-

чего не оставлю ей, чѣмъ могла-бы она обогатить добраго ремесленника, котораго выберешь ты ей въ мужья, потому что, повторяю тебѣ: женщинѣ надобно приданое, а мужчинѣ твердость духа. .

Тутъ Гюгъ остановился, и помѣшалъ въ своей трубкѣ: это была его привычка, когда онъ хотѣлъ скрыть сильное движеніе сердца, а никогда безъ сильнаго движенія не говорилъ онъ объ отцѣ своемъ. У Елены навернулись на глазахъ слезы; Ансельмъ все еще держалъ ножикъ въ рукѣ своей, но онъ не чертилъ уже имъ по столу: слова друга заняли все его вниманіе. Когда Ансельмъ замѣтилъ, что будущій шуринъ его пересталъ говорить, то взялъ онъ его руку, крѣпко пожалъ ее, и сказалъ: «Братъ — я могу уже называть тебя этимъ именемъ — не говори мнѣ никогда о приданомъ! Развѣ не условились мы взаимно, съ давняго времени, каждую субботу откладывать лишнее противъ расходовъ, и развѣ не положились мы, когда будетъ у насъ достаточный запасъ, открыть общую механическую слесарню, подъ именемъ *Ансельма, Вернера и компаніи?*

— Да! — сказалъ братъ Елены — и эта слесарня. . . мы откроемъ ее съ будущей недѣли, если ты хочешь?

«Этого не льзя,» сказала Елена. «Я знаю небольшое состояніе Ансельма: оно очень не огромно, а у меня, когда я куплю себѣ подвѣнечное платье, ничего не останется отъ моихъ запасовъ.»

— Я противъ всего этого не спорю — сказалъ Гюгъ — да, моихъ-то запасовъ не знаете вы, друзья мои! Неужели вы думали, что я согласился-бы на замужство сестры моей, еслибы у меня не было возможности сдержать слово, данное мною отцу моему? «У Елены будетъ приданое,» сказалъ я ему, когда услышалъ грусть его о томъ, что онъ умираетъ, не оставляя тебѣ приданаго. Я долженъ былъ обѣщать это, чтобы кончину его сдѣлать спокойнѣе и счастливѣе его жизни. И какъ обѣщанія Гюга Иштеина не пустыя слова на воздухъ, чтобы утѣшить только ими умирающаго... Ну! я работалъ для сестры моей... Слава Богу! Ни работы, ни охоты моей, никогда не было недостаточно... Ну? вотъ, дѣти! — прибавилъ Гюгъ, вынимая изъ кармана кожаный кошелекъ — считайте талеры и рейхсъ-талеры, и скажите: этотъ сюрпризъ стоитъ-ли вышитаго галстуха?

Елена нѣсколько времени стояла, изумленная, передъ золотомъ, которое братъ ея разсыпалъ по столу. Потомъ бросилась она на шею доб-

раго Гюга, который, смѣясь, защищался отъ ея ласкъ. «Ну, ну! хорошо! ты довольна? этого только и хотѣлось мнѣ, и отецъ нашъ долженъ быть также доволенъ, если онъ видитъ все это... тамъ, тамъ... Да, я исполнилъ, кажется, двойную обязанность, имъ на меня наложенную... Теперь твой чередъ, Ансельмъ, работать для Елены, и думать о ея добромъ имени...

— Гюгъ! — сказалъ Ансельмъ — ты сдѣлалъ для насъ много, слишкомъ много! Любить Елену я могъ и безъ этого.

«Кончено! а такъ, какъ это вамъ не помѣшаетъ, то ни слова больше объ этомъ... закуримъ-ка трубку...

— Скоро часъ по полуночи — сказала Елена.— Вы устали. Пора спать...

« Правда! И такъ: добра ночь!

Черезъ четверть часа все замолкло, и сквозь бѣленькія занавѣски чердака въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла, не видно было никакого огонька. Добрая ночь счастливцамъ!

На другой день, какъ я ужъ говорилъ вамъ, было Воскресенье, веселое Воскресенье, съ сѣрымъ Нѣмецкимъ небомъ, туманнымъ солнцемъ, тяжелымъ воздухомъ окончанія лѣта, Воскресенье, наконецъ, котораго желаютъ мужчины,

чтобы весело собраться пить пиво и играть въ кегли, въ саду большой гостинницы, Воскресенье, о которомъ упоминаютъ въ своихъ молитвахъ молодыя дѣвушки: имъ можно въ этотъ день натанцоваться подъ деревьями сада. Въ залѣ гостинницы танцовать такъ не ловко, и такъ не весело. Отъ табачнаго дыма, отъ испареній бѣлаго пива темно въ глазахъ, кружится голова. Нехотя обмолвишься неучтивымъ словомъ, и часто толчки получаетъ лучшій другъ вашъ, когда вы сами не знаете, какъ началась ваша ссора. На чистомъ воздухѣ, дымъ табаку, запахъ пива, грубость слова, все разлетается. Да здравствуетъ чистый воздухъ, для веселой игры въ кегли! Да здравствуетъ чистый воздухъ, для танцованья въ кружку! Какой залы достанетъ для этого кружка? Лучшая изъ залъ Ландграфа не прельстила-бы молоденькихъ Нѣмочекъ, когда онѣ составляютъ танцовальный кругъ свой въ саду, и если-бы самъ Принцъ, лично, предлагалъ имъ тогда свою залу, онѣ присѣли-бы передъ нимъ, и сказали: «Покорно васъ благодаримъ, Ваша Свѣтлость, но въ залѣ вашей нѣгдѣ смѣяться!»

И такъ, день обѣщалъ быть прекраснымъ. Мужья откладывали въ карманы по немногу мѣлкой монеты, располагаясь проиграть ее въ кегли. Мальчики бѣгали уже по улицамъ, и молодыя дѣвушки одѣвались къ обѣднѣ. Но гдѣ ма-

тери? Почему, какъ обыкновенно заведено, онѣ не присутствовали въ этотъ день при воскресныхъ туалетахъ дочерей своихъ? Раздѣльными группами стояли эти добрыя матери подлѣ дверей домовъ своихъ, и, какъ замѣтно было, въ жаркомъ разговорѣ. Во всѣхъ улицахъ города былъ разговоръ самый живой; въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла особенно толпы говорящихъ были многочисленнѣе, и разговоръ жарче и живѣе. Супруга Егора бочара, мать маленькаго Фрица, не уставала пересказывать исторію о *пятнадцати* флоринахъ. Толпами сбѣгались слушать ее, и каждому, вновь приходящему, она повторяла разговоръ богатаго господина въ плащѣ, съ маленькимъ сыномъ ея. Каждый разъ текстъ разсказа украшался всѣми предположеніями, которыя создавались вокругъ ея, и отъ того каждый изъ ея разсказовъ былъ значительно умноженъ, и обогащенъ новыми прибавленіями. Проходящіе, черпая въ рѣчахъ ея запасъ, которымъ можно было пропитать любопытство сосѣдей каждаго изъ нихъ, несли въ свои углы то, что говорила бочариха, и сокровище злословія и клеветы не только не истощалось у нихъ дорогою, но оказывалось удивительно прираставшимъ, по мѣрѣ того, какъ разскащикъ отдалялся отъ улицы Большаго Бѣлаго Орла. Правъ былъ добрякъ Баснописецъ, сказавши:

«И такъ какъ число яицъ, благодаря молвѣ, возрастало безпрерывно, при переходѣ изъ устъ въ уста, то къ концу дня возрасло оно, отъ одного яйца до сотни и болѣе яицъ.»

Число флориновъ, данныхъ ребенку неизвѣстнымъ господиномъ, возрастало въ пропорціи яицъ, какую означилъ Баснописецъ. Тутъ говорили: «Ужь не въ первый разъ поймали этого знатнаго господина!» Тамъ прибавляли: «Да, и *кокетка* эта не перваго любитъ!» Позвольте замѣтить, что словомъ: *кокетка*, перевелъ я здѣсь слово гораздо болѣе сильное, гораздо болѣе выразительное, отъ котораго кровь бросается въ щеки стыдливости, и котораго никогда не произносятъ въ порядочномъ обществѣ. Но тутъ-ли только останавливаться злословію! Раздавались голоса, осуждавшіе глупость жениха и невнимательность брата, къ тому, что касается чести его сестры. Что онъ: пренебрегаетъ поведеніемъ своей сестры, или *участвуетъ* въ ея преступленіи? *Участвуетъ*! Но это роковое слово было произнесено только однимъ злымъ человѣкомъ, и не нашло себѣ отголоска. Этимъ словомъ хотѣлъ одинъ мерзавецъ выслужиться у всеобщаго негодованія... Мерзавцы есть вездѣ. Какъ не быть имъ и между добрыми Нѣмцами!

Наступилъ часъ обѣдни. Маменьки накрѣпко заказали дочерямъ не говорить ни слова съ швеею улицы Большаго Бѣлаго Орла, не подавать ей даже малѣйшаго знака вниманія, когда она придетъ въ церковь, не позволять ей потомъ вмѣшиваться въ танцы, и даже не ходить по той сторонѣ улицы, по которой пойдетъ развратная швея. Мужья приказали тоже самое женамъ своимъ. Молодежь условилась уходить отъ того мѣста, гдѣ сядутъ братъ, или жениха швеи. Съ такими, довольно несходными съ Христіанскимъ милосердіемъ расположеніями, все общество отправилось къ обѣднѣ. Ансельмъ, Гюгъ и Елена съ удивленіемъ замѣтили, какъ опрометью бросился отъ нихъ народъ, когда они вошли въ церковь. Ансельмъ и Гюгъ протянули руки къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, и, въ первый еще разъ ни одна рука не протянулась къ нимъ дружески, и руки всѣхъ спрятались! Ансельмъ нахмурилъ брови, но Гюгъ тихо сказалъ ему: «Терпѣніе! Не понимаю, что это значитъ, но мы все узнаемъ!» Елена также замѣтила, что ласковая улыбка ея знакомымъ дѣвушкамъ осталась безъ отвѣта. Угрюмые взоры женщинъ, насмѣшливые взгляды мужчинъ, заставили ее потупить глаза, хотя она вовсе не понимала, для чего на нее смотрѣли всѣ такимъ страшнымъ образомъ.

Пасторъ взошелъ на каѳедру. «*Изыдите изъ среды ихъ, удалитеся отъ нихъ, и не прикасайтеся къ нечистому*:» таково было начало проповѣди его. И едва только сіи слова поразили слухъ людей, бывшихъ въ церкви, то, какъ будто сила какая нибудь отодвинула отъ Елены всѣхъ, бывшихъ подлѣ нея. Елена осталась *одна*, и пасторъ загремѣлъ противъ грѣшныхъ и преступныхъ. «Уйдемъ,» сказалъ ей братъ. «Не понимаю, но здѣсь ничего намъ не изъяснятъ, а тамъ, внѣ церкви, должны сказать, или»... Не договоривъ угрозы, онъ увлекъ за собою Елену и жениха ея; взоры всѣхъ обратились на бѣдную дѣвушку, и выражали одно: *презрѣніе*!

Елена сѣла на лавочкѣ, подлѣ дверей церкви; ноги не держали ея; она дрожала, и была блѣдна. Ансельмъ ходилъ большими шагами, сложивъ руки на груди. Гюгъ подходилъ то къ сестрѣ, то къ будущему своему зятю, и поочередно спрашивалъ ихъ, что все это значитъ? Но ни онъ, ни она не могли выговорить ему ни одного слова. Два часа продолжалась проповѣдь и обѣдня, тяжкое, медленное наказаніе для бѣдной дѣвушки! Наконецъ, прежде другихъ, вышло изъ церкви множество молодыхъ дѣвушекъ. Елена начала звать ихъ, называть по именамъ.

Никто не отвѣчалъ ей, и всѣ Катхенъ, Гретхенъ, Минхенъ спѣшили идти, не глядя на Елену. Гюгъ бросился за ними и схватилъ одну изъ нихъ за руку. « Оставьте меня, господинъ Гюгъ! » говорила дѣвушка, стараясь вырваться. «Маменька запретила мнѣ говорить съ вашею сестрицею, и не велѣла даже глядѣть на нее! » Гюгъ хотѣлъ еще распрашивать, но замѣтилъ, что между тѣмъ будущій зять его горячо говоритъ со многими, окружившими его людьми. Оставивъ молодыхъ дѣвущекъ идти своею дорогою, Гюгъ бросился въ эту толпу, гдѣ говорили громко и жарко. Приближаясь, онъ услышалъ ужасныя слова: «Да, Елена негодяйка, мерзавка; она тебя обманываетъ; всякій вечеръ приходитъ къ ней любовникъ!»—Любовникъ! — вскричалъ Гюгъ въ бѣшенствѣ — кто смѣетъ это говорить? — «Я, я, я!» закричали вдругъ всѣ мужчины и женщины. — Но кто свидѣтель, кто свидѣтель?—спрашивалъ Гюгъ.— «И свидѣтелей представимъ, если угодно!» закричали ему. Пораженная вдругъ такимъ страшнымъ обвиненіемъ, Елена не могла найдти ни одного слова къ своему оправданію. Она зарыдала. Сложивъ руки, въ отчаяніи хотѣла она говорить, но, задушаемая слезами, не могла произнести ни одного слова. Между тѣмъ, братъ ея, съ глазами, сверкавшими отъ гнѣва, съ лицомъ,

горѣвшимъ отъ стыда и негодованія, подбѣжалъ къ ней, и уже трижды сказалъ: «Оправдайся, несчастная!» Но она продолжала рыдать, складывала руки, и слова умирали на губахъ ея. Ансельмъ, до тѣхъ поръ горячо поддерживавшій будущаго своего шурина, онѣмѣлъ, когда услышалъ, что обвинители Елены готовы, если надобно, представить свидѣтелей преступленія его невѣсты. Подозрѣніе запало въ его сердце, а Елена — *не оправдывалась*!

Ахъ! какъ хорошо понимаю я это молчаніе, это оцѣпенѣніе, овладѣвающее невинно-обвиняемымъ, и которое, увы! предубѣжденные судьи не разъ принимали за сознаніе въ преступленіи!..

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

РАЗБОРЪ КНИГИ:

Начальныя Основанія Всеобщей Химіи, составленныя по системѣ Г. Тенара, І. Варвинскимъ. Части: 1 и 2.—СПбургъ. Въ типогр. Алекс. Смирдина. 1832.

Читателямъ Московскаго Телеграфа, и вѣроятно всѣмъ любителямъ Химіи извѣстно, что Г-нъ Варвинскій издалъ недавно первую и вторую Части *Основаній Всеобщей Химіи, составленныхъ по системѣ Тенара.* Получивъ сію книгу, я намѣревался сообщить читателямъ полный разборъ оной, но былъ предупрежденъ въ томъ отзывомъ Г. Гесса, помѣщеннымъ въ Московскомъ Телеграфѣ, N° 4 за текущій годъ. Отвѣтъ Г-на Варвинскаго, сдѣланный Академику (Сынъ Отечества, 1832 N° 25.), убѣдилъ меня, какъ, вѣроятно, и всякаго другаго, что Г. Варвинскій нимало не хочетъ согласиться даже съ самыми важными замѣчаніями, сдѣланными ему Г-мъ Гессомъ. Посему полагаю, что нѣсколько подробный разборъ, высказывающій несообразности книги Г-на Варвинскаго, будетъ *полезенъ*, хотя не для него, но для другихъ читателей. И такъ намѣренъ я указать на главнѣйшія:

– На стр. 2 своей Химіи Г. В-ій говоритъ, что «Древніе принимали только четыре начала: *огонь*, *вода*, *воздухъ* и *земля*. Нынѣ», продолжаетъ онъ «извѣстно ихъ до 57, со включеніемъ невзвѣшиваемыхъ, и уже къ числу ихъ не относится ни вода,

ни воздухъ, ни земля, сложность коихъ доказана.» — *Учащійся* подумаетъ, что *огонь* относится къ числу началъ.

— Здѣсь-же Г. В. заключаетъ, что «ежели допустить, что сіи 54 вѣсомыя тѣла могутъ соединяться 2 съ 2, 3 съ 3, 4 съ 4, то *очевидно*, что они составить могутъ *всѣ* сложныя тѣла природы.» — *Во-первыхъ*: что Г. В. хотѣлъ выразить словами: *два съ двумя*, *три съ тремя* и. т. д? Онъ желалъ, вѣроятно, перевести слова: *deux-à-deux*, *trois-à-trois* и пр., а на Русскомъ діалектѣ они значатъ: *по два*, *по три*, и т. д. Переводъ-же Г. В-го приведетъ *начинающаго* въ величайшее недоумѣніе, ибо онъ подумаетъ, что тѣла не могутъ соединяться въ пропорціяхъ напр. 2 съ 3, 2 съ 5, 4 съ 2, и т. д. *Во-вторыхъ*: изъ сказаннаго здѣсь Г. В-имъ, для начинающихъ ни сколько *не очевидно*, что тѣла, соединяющіяся по два, по три, составятъ *всѣ* тѣла природы! Объ этомъ должно-бы сказать побольше.

— По всѣмъ доселѣ принимаемымъ явленіямъ должно полагать, что свѣтъ, дѣйствіемъ треугольной призмы, *разлагается* на 7 лучей. Г. В. помѣстилъ его въ число *началъ* (стр. 2)!

— Никто до сихъ поръ не переводилъ: *molécules intégrantes*, *интегральными* (!) частицами.—На стр. 4 Г. В. говоритъ, что, такъ-же какъ и въ простыхъ тѣлахъ,» *сѣрнистый свинецъ* есть *скопленіе множества* интегральныхъ частицъ, но всякая изъ оныхъ содержитъ *еще по двѣ*: одну сѣрную, а другую свинцовую!» Это уже слишкомъ древнее умозрѣніе.

— Стр. 5. Г. В. пишетъ, что «силу сцѣпленія можно нѣкоторымъ образомъ измѣрять тѣмъ

усиліемъ, каковое потребно *для раздѣленія* (!) интегральныхъ частицъ.» Далѣе продолжаетъ онъ: «*очевидно* (?), что присутствію сея силы должно приписать твердость тѣлъ; ибо стоитъ ее *уменьшить*, и тѣла будутъ жидкими, или *вовсе уничтожить*, и они будутъ газообразны!» Это слишкомъ уже скоро для начинающихъ.

— На той-же страницѣ Г. В. говоритъ о сродствѣ: «*Нынѣ* извѣстны о семъ слѣдующія положенія.»—Что разумѣлъ Г. В. подъ словомъ *нынѣ*? Со временъ изданія Химіи Тенара о семъ извѣстно гораздо болѣе. Пусть прочтутъ читатели сочиненіе Берцеліуса (или всѣ вышедшія послѣ Тенара), или даже статью Г. Варвинскаго (переводъ изъ Берцеліуса), помѣщенную въ Горномъ Журналѣ 1825 и 1826 годовъ. Зачѣмъ-же Г. В. не прибавилъ, или лучше не измѣнилъ словъ Тенара? Но это увидимъ впослѣдствіи.

— На стр. 6, Г. В. пишетъ: *Нерѣдко* тѣло АВ имѣетъ свойства различныя отъ началъ, его составляющихъ.» Это происходитъ не *нерѣдко*, а всегда! Выраженіе Г. В. кажется показываетъ, что онъ не вникнулъ въ то, въ чемъ состоитъ *отличительный признакъ* Химическаго соединенія!!.....

— Послѣ сего слѣдуетъ опредѣленіе Химіи:» Химія есть Наука, имѣющая предметомъ познаніе *всѣхъ явленій*, происходящихъ отъ *взаимнаго дѣйствія между частицами разнородныхъ тѣлъ.*»—Изъ такого опредѣленія никто не составитъ себѣ понятія о Химіи: *ударъ* (choc) двухъ тѣлъ будетъ также предметомъ Химіи! Мнѣ скажутъ, можетъ быть,

что сіе опредѣленіе находится у Тенара; но Тенаръ написалъ Химію еще въ то время, когда понятія о Наукѣ не были *столь ясны* какъ нынѣ, и опредѣленіе Тенара было въ то время сносно по недостатку другаго. Послѣ сего Химика, многіе занимались точнымъ опредѣленіемъ Науки, и въ семъ случаѣ первымъ безспорно поставить можно Берцеліуса: » La Chimie, » говоритъ онъ, « est la science qui fait connaitre la composition des corps et *la manière dont ils se comportent* les uns à l'égard des autres. » Посему Г. В. и здѣсь слѣдовало-бы отступить отъ оригинала.

— Г. В., на стр. 21, излагаетъ способъ, «*какъ можно опредѣлить вѣсъ атома тѣла.* Положимъ, » говоритъ онъ, » что тѣла А и В по соединеніи образовали двойной составъ АВ, въ которомъ чрезъ разложеніе найдено, что сіи тѣла соединены въ пропорціи 5 А и 4 В. по вѣсу. *Очевидно*, что атомъ А вѣситъ 5, а атомъ В вѣситъ 4, ибо *по предположенію* Г. Дальтона составъ АВ происходитъ чрезъ соединеніе одного атома В съ однимъ атомомъ А. » Смѣло увѣряю Г. В-го, что *никто* непойметъ этого! *Примѣры для объясненія*, приведенные Г. В-имъ, ни сколько не *объясняютъ* вышесказаннаго, ибо они суть только *повторенія*, а объясненій при нихъ нѣтъ.

— На стр. 27, Г. В., разсуждая о кристаллизаціи, говоритъ: « Подробности сея отрасли Естествознанія можно найти въ сочиненіи Гаюи о Кристаллографіи. » Неужели Г. В-му неизвѣстны сочиненія, гораздо лучшія Гаюи? Гаюи былъ творецъ Кри-

сталлографіи; но труды Вейса, Моса, Мичерлиха, Г. Розе, Гейдингера и другихъ, совершенно преобразовали сію науку. Зачѣмъ — же ссылаться на старую книгу?

— На стр. 39, у Г. В-аго значится: «стекло расширяется *скорѣе,* нежели твердые металлы, а расширеніе послѣднихъ бываетъ *быстрѣе* расширенія ртути.» Изъ этого всякой *изъ начинающихъ* заключитъ, что *стекло расширяется скорѣе или быстрѣе ртути!!* А это-неправда! Пусть-же Г. В. справится съ Тенаромъ (Thénad, Traité de Chimie, tome 1, page 17, 7-ème édit).

— На стр. 44, Г. В. назвалъ *парами* (vapeurs) всѣ газы, кои при извѣстномъ давленіи и охлажденіи превращаются въ жидкое состояніе. Это совершенно никѣмъ не принято!

— Стр. 113. Г. В. говоритъ, что «*по сіе время кислородъ не былъ полученъ въ отдѣльномъ состояніи.*» Сказанное Г. В-мъ можно понять двоякимъ образомъ: *или* онъ хотѣлъ сказать, что кислородъ не можетъ быть полученъ отдѣльно отъ невѣсомыхъ началъ, и въ такомъ случаѣ замѣчаніе Г. В., *сдѣланное при одномъ кислородѣ,* приведетъ начинающаго въ величайшее сомнѣніе; или—же Г. В. желалъ выразить, что кислорода нельзя отдѣлить отъ прочихъ вѣсомыхъ началъ, тогда оно показываетъ непростительное незнаніе предмета. Къ сожалѣнію, сей послѣдній смыслъ ближе къ словамъ Г-на В-го!

— Стр. 114. «Кислородный газъ,» говоритъ Г. В., «получается различными способами, напр. 1-е) чрезъ *накаливаніе* ртутнаго или *свинцоваго окисла*, либо *марганцовой перекиси* чистой, либо *смѣшанной съ сѣрною кислотою*, и проч.» Г-ну Варвинскому должно быть извѣстно, что чрезъ *накаливаніе свинцоваго окисла* не льзя получить кислороднаго газа: для сего должно употребить *перекисель* сего металла. Можетъ быть, Г. В. скажетъ, что онъ слѣдовалъ номенклатурѣ Г. Соловьева, который словомъ *окисель* означалъ вообще всѣ некислыя соединенія кислорода; но *во-первыхъ*, зачѣмъ-же сіе *не объявлено* въ Химіи Г-на В—го; а *во-вторыхъ*, при настоящемъ состояніи науки, сію терминологію уже принять невозможно. Далѣе: изъ приведенныхъ словъ значится, что кислородъ можетъ быть полученъ, чрезъ *накаливаніе марганцоваго перекисла съ сѣрною кислотою*. Сію смѣсь накаливать не льзя, а должно нагрѣвать, ибо сѣрная кислота есть жидкость, и отъ слишкомъ возвышенной температуры разлагается! Едва-ли все это не доказываетъ, что Г. В. весьма мало занимался опытностію.

— Всякій согласится, что въ учебной книгѣ не должно приводить какого либо мнѣнія, для того только, чтобы потомъ оное опровергнуть. Г. В. сдѣлалъ это при разсматриваніи горѣнія (стр. 116). Сначала толковалъ онъ теорію Лавуазье, а потомъ говоритъ (стр. 117), что «несправедливость сего положенія обнаруживается сама собою.!» Далѣе уже приводитъ мнѣніе другихъ Химиковъ.

– Послѣ сего, Г. В. заключаетъ уже, что «*горѣніе есть слѣдствіе соединенія тѣлъ, происходящаго съ отдѣленіемъ теплоты и свѣта.*» При семъ представляетъ онъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: «*Горѣніе, происходящее при соединеніи двухъ твердыхъ тѣлъ* (стр. 120). Ежели смѣшать въ колбѣ *порошокъ* (!) *сѣры* съ мѣдными опилками, и смѣсь *нагрѣвать*, то сіи два тѣла соединяются и произойдетъ отдѣленіе свѣта и теплотвора, слѣдственно горѣніе.» Неужели Г. В. не догадался, что въ семъ случаѣ, мѣдь соединяется съ *парами сѣры*, а не съ *твердою* сѣрою? Не есть-ли это новое доказательство малой опытности Г. В.?

– На стр. 122–123, Г. В. изъясняетъ Флогистическую теорію Сталя. «Для объясненія сей теоріи,» говоритъ онъ, «возмемъ слѣдующій примѣръ: мѣдь почиталась Флогистиками состоящею изъ *извести* (окисла) (?) и флогистона.» Г-нъ В. долженъ-бы былъ объяснить начинающимъ, что разумѣли Древніе подъ словомъ *chaux* (известь).

– На стр. 126, Г. В. говоритъ о Девіевой обезопасительной лампѣ. «Толщина проволоки, изъ которой дѣлается сѣтка, должна быть отъ $\frac{1}{40}$ до $\frac{1}{60}$ дюйма. *Очевидно* (!) что огонь чрезъ сію сѣтку можетъ *достаточно освѣщать*, но не можетъ чрезъ нее проникнуть и слѣдственно не можетъ случиться воспламененія въ упомянутой смѣси газовъ.» Изъ толщины проволокъ, кажется, ни сколько не очевидно то, что *хотѣлъ* сказать Г. В. Притомъ-же

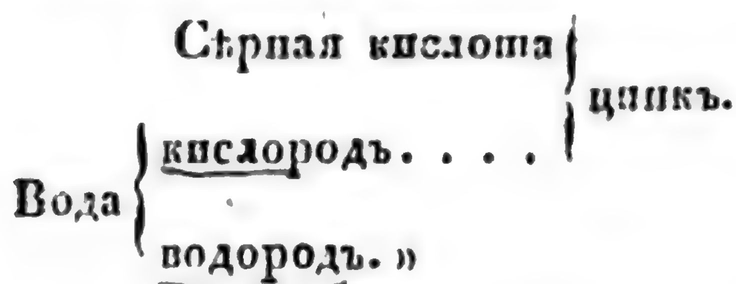
извѣстно, что лампа Деви *весьма слабо* освѣщаетъ, особенно въ довольно обширныхъ копяхъ. Въ *Dingler's Polytechniches Jurnal*, Г-нъ В. можетъ видѣть, какія огромныя старанія употребляютъ до сихъ поръ Англичане, дабы устроить въ сей лампѣ удобнѣйшіе *рефлекторы*, кои-бы все малое количество свѣта могли собирать на одинъ предметъ.

— При разсматриваніи физическихъ свойствъ водорода (стр. 127) Г. В. пишетъ: «По сему также свойству (т. е. легкости водорода) можно перепускать водородный газъ изъ одного сосуда въ другой, наполненный воздухомъ, *столь-же удобно, какъ ежели-бы сей сосудъ содержалъ въ себѣ воду* (!!).» Неужели Г-ну В. неизвѣстенъ самый простой химическій опытъ? Неужели Г-нъ В. никогда не замѣчалъ, что при перепусканіи водорода изъ одного сосуда въ другой, надъ нимъ опрокинутый и наполненный воздухомъ, никогда водородъ не получится чистый, но смѣшанный, по крайней мѣрѣ съ *половиною объема* воздуха!!...

— Стр. 129. «Впрочемъ водородный газъ, не смотря на великую горючесть его, *не воспламеняется*, проходя чрезъ тонкую металлическую сѣтку, хотя-бы даже и былъ смѣшанъ съ кислородомъ.» — Это не ясно, и даже неправда; ибо невоспламеняемость водорода зависитъ въ семъ случаѣ отъ многихъ причинъ, какъ-то: отъ толщины проволокъ, отъ величины скважинъ сѣтки, отъ употребленнаго для сѣтки металла, отъ продолженія опыта, и проч.

— При объясненіи теоріи добыванія водорода (который трудно добыть способомъ Г. В., ибо онъ приказываетъ для сего *налить на цинкъ или желѣзо сѣрную либо водородохлорную кислоту*, а куда положить смѣсь сію — неизвѣстно!), сказано: (стр. 132) «Бекерель нашелъ, что при раствореніи цинка, въ *слабой (воду содержащей)* кислотѣ сѣрной, металлъ обнаруживаетъ отрицательное, а кислота положительное электричество.» Изъ этого видно, что Г-нъ В. думаетъ, что крѣпкая сѣрная кислота не содержитъ въ себѣ воды!

— Вслѣдъ за симъ Г. В. пишетъ: «Теорія полученія водорода можетъ быть изображена слѣдующимъ образомъ:



Зачѣмъ-же Г-нъ В. объяснилъ въ началѣ книги своей формулы Берцеліуса, если онъ ихъ *нигдѣ* не употребляетъ? Неужели Г-нъ В. пренебрегаетъ столь важнымъ пособіемъ для изъясненія химическихъ разложеній? Неужто онъ счелъ вышеприведенное объясненіе лучшимъ? Изъ расположенія Г. В. ни сколько не видно *количество соединяющихся веществъ*, между тѣмъ какъ формулами показать сіе совершенно возможно. Кромѣ того, подобное расположеніе неудобно въ другомъ случаѣ: оно занимаетъ *много мѣста* и притомъ, часто, весьма запутанно. Вѣрно Г-ну В. неизвѣстно, что многихъ

новѣйшихъ изслѣдованій совершенно не льзя изъяснить безъ помощи формулъ Берцеліуса!

— На стр. 133, Г-нъ В., *выписавъ* изъ Тенара статью о Борѣ, не выпустилъ даже словъ: «*Впрочемъ сіе тѣло еще мало изслѣдовано*!» Это можно было сказать въ 1821 году; но Г-ну В., кажется, неизвѣстны опыты Берцеліуса и многихъ другихъ Химиковъ послѣ него! Сіе подтверждается еще и тѣмъ, что Г-нъ Варвинскій привелъ для полученія Бора самый невыгодный и неупотребительный способъ (чрезъ разложеніе борной кислоты потассіемъ) и ни слова не сказалъ о извѣстномъ и выгоднѣйшемъ способѣ Берцеліуса, хотя послѣ того онъ еще привелъ свои и Доберейнеровы опыты.

— Г-нъ В., *la nature d'un gaz* переводитъ *природою* (!!) газа, что можно видѣть, напр., на страницахъ 131, 139 и т. д.

— На стр. 141, у Г-на В. сказано, что «*будучи соединенъ съ другими веществами*, онъ (углеродъ) входитъ въ составъ сажи, органическихъ веществъ, каменнаго угля, *графита* и пр.» Неужели Г-нъ В. не знаетъ, что *графитъ есть чистый углеродъ*? Признаться, изъ приведенныхъ словъ я невольно заключилъ такъ, но на стр. *триста тридцать девятой* вижу, что Г-нъ В. знаетъ это! Что-же изъ сего заключить должно?...

— На той-же стр., Г-нъ В. говоритъ, что «*чистѣйшій уголь* приготовляется чрезъ выжиганіе дерева, и обработываніе полученнаго угля водоро-

дохлорною кислотою.» Едва-ли! Г-ну В., как химику, должно быть известно, что *нынѣ* (т. е. уже послѣ изданія Химіи Тенара) не получается углеродъ такимъ образомъ. Для сего употребляютъ напр. *сахаръ*, состоящій изъ углерода, кислорода и водорода. При накаливаніи его въ платиновомъ окислѣ два газа отдѣляются; остается одинъ углеродъ, который можно почитать за совершенно чистый.

— Стр. 145. Г-нъ В. пишетъ, что «Фосфоръ *составляетъ* молоки рыбъ и *мозговыя части животныхъ* (!).» Въ мозгѣ находится *весьма мало* фосфора, ибо по разложенію Вокелена (признанному Берцеліусомъ за лучшее, см. Lehrbuch der Chimie, tom. 6) въ ономъ находится:

Бѣлковины	7,00
Стеарины.	4,53
Елагены.	0,70
Фосфора.	1,50
Вытяж. мясист. частей	1,12
Кислотъ, солей и проч.	5,15
Воды.	50,00.

— По какой причинѣ Г-нъ Варвинскій отнесъ добываніе фосфора къ фосфорнокислымъ солямъ? Онъ сошлется, вѣроятно, на Тенара, а начинающіе не будутъ знать полученія столь важнаго тѣла до фосфорнокислой извести, т. е. до *третьей части* Химіи Г-на В.!

— На стр. 147 сказано: «Она (сѣра) плавится при + 107 или + 109°.» И только! Здѣсь-бы должно было упомянуть о весьма замѣчательныхъ явленіяхъ при плавленіи сѣры; ибо извѣстно, что при повышеніи температуры, уже расплавленная сѣра густѣетъ, а потомъ опять перемѣняетъ свое состояніе. Свойство сіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что наономъ основано нѣкоторое техническое употребленіе сѣры; притомъ-же Г-нъ В. не жалѣетъ мѣста въ своей Химіи для ненужныхъ предметовъ.

— Стр. 148. Г-нъ В. говоритъ, что сѣра въ кислородномъ газѣ и при + 150° «воспламеняется и горитъ синеватымъ пламенемъ, съ отдѣленіемъ удушливыхъ *паровъ* сѣрнистокислаго *газа.*» — Что такое *пары газа*? Вотъ слѣдствіе раздѣленія (принадлежащаго неоспоримо одному Г-ну В.) воздухообразныхъ тѣлъ на *пары* и *газы*!

— На стр. 151 напечатано: «Если нагрѣть Селеній въ стеклянномъ шарикѣ, *такого объема, чтобы онъ не могъ улетѣть* (? !), и потомъ *пустить* (!) въ шарикъ струю кислороднаго газа, то Селеній закипаетъ, поглощаетъ кислородъ и превращается въ *селеновую* (?) кислоту.» Въ семъ случаѣ *Селеній* превращается въ *селенистую*, а не въ *селеновую* кислоту. Если изъ другихъ ошибокъ Г-на В. не было еще ясно, что онъ вовсе не слѣдуетъ за успѣхами науки, то приведенное мѣсто сіе совершенно подтверждаетъ; ибо кислота, которая въ сочине-

нія Тенара (и другихъ старыхъ) называется *селеновою*, нынѣ всѣми называется *селенистою*. Причиною сей перемѣны номенклатуры было то, что Мичерлихъ открылъ кислоту, содержащую болѣе кислорода, и по составу соотвѣтственную кислотѣ сѣрной. Онъ назвалъ ее — *селеновою* (acide sélénique), а дотолѣ извѣстная кислота соотвѣтствующая сѣрнистой, получила названіе *селенистой*. Желательно, чтобы Г-нъ В. воспользовался симъ замѣчаніемъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ представитъ намъ въ третьей части, подъ заглавіемъ *селеновокислыхъ* солей описаніе *селенистокислыхъ*, а первыя, вѣроятно, вовсе выпуститъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Пѣснь о колоколѣ.* Твореніе Шиллера (пер. съ Нѣм. А. П. Глинки). М. 1832 г. въ т. Лазаревыхъ, 34 стр. in-12.

Мы давно уже говорили въ Телеграфѣ, что, по нашему мнѣнію, нѣтъ и не можетъ быть отдѣльной *Дидактической*, или *учительной* Поэзіи, такъже какъ не можетъ быть Поэзіи *физической, химической*. Все, что подъ симъ названіемъ донынѣ извѣстно, все это, болѣе или менѣе хорошія, *собранія статей*, мыслей, отрывковъ разнаго рода, написанныхъ одномѣрными стихами, собранныхъ воедино, и названныхъ произвольно: *Георгики, Сады, Мореплаваніе, Письмо о пользѣ стекла.* Это была *Классическая* шалость, въ которой позволялось поэту, взявъ темою что нибудь, наигрывать потомъ все, что приходило ему въ голову. Такъ, напримѣръ, сказавъ, что онъ пишетъ поэму: *Сельди,* поэтъ могъ начать свою поэму созданіемъ рыбъ и цѣлымъ

міротвореніемъ; описать потомъ изобрѣтеніе компаса (кстати, Финикію; еще кстати, говоря о соленьи сельдей, разныя соли); потомъ, говоря о плаваніи сельдей стадами, могъ онъ изобразить идею обществъ; далѣе, прощанье матроса съ женою (кстати, семейственную картину: слѣпой отецъ, старая мать, дитя въ колыбели); далѣе море, звѣзды, бурю, и проч. — Вотъ вамъ поэма: *Сельди*, и добродушный *Классическій* эстетикъ внесъ-бы ее въ число *дидактическихъ* поэмъ, въ твердомъ убѣжденіи, что сочинитель точно хотѣлъ показать читателямъ, *что такое сельди*, и *какъ солять ихъ*, и на этотъ предметъ сочинилъ *дидактическую* поэму.

Отвергая мысль, что можетъ существовать особый *отдѣлъ Дидактической Поэзіи*, и еще болѣе, что можно предписывать для него *извѣстныя формы*, мы вовсе не хотимъ однакожь отнимать у поэтовъ права разыгрывать пѣсни фантазіи ихъ на какой имъ угодно манеръ. Въ этомъ состоитъ главное преимущество нашей Эстетики, передъ Эстетикою нашихъ стариковъ. Прежде спрашивалось предварительно у поэта: *что* онъ хочетъ писать? Поэтъ долженъ былъ сказать, именно и ясно: Элегію, Идиллію, Героиду, Эклогу. Получивъ утвердительный отвѣтъ его, раскрывали передъ нимъ кодексъ *стихотворства*, и требовали, чтобы онъ въ Элегіи изволилъ распустить волосы, и плакать съ начала до конца; въ Идилліи благоволилъ переселиться въ Аркадію, и проч. и проч.

Теперь совсѣмъ не то. Требуютъ, чтобы поэтъ только создавалъ изящно, и вовсе не думаютъ предписывать ему опредѣленныхъ формъ, зная, что не эстетикъ предписываетъ ихъ поэту, а поэтъ эстетику. Можемъ допустить вдохновеніе и Дидактическое, только не хотимъ видѣть его спеленаннымъ въ пеленки Виргиліевъ и Делилей.

Такъ *Пѣснь о колоколѣ*, созданіе Шиллера, есть собственно *дидактическая поэма*, но удаленная отъ формы старыхъ дидаскальныхъ поэмъ. Поэтъ описываетъ *литье колокола*. Благочестивый, Нѣмецкій мастеръ благоговѣйно приступаетъ къ своему дѣлу. Поэтъ изображаетъ намъ работу его, и добрую бесѣду (gute Reden), которою мастеръ сопровождаетъ трудъ свой. Онъ заставляетъ его сказать съ самаго начала:

Zum Werke, das wir ernst bereiten,
Geziemt sich wohl ein ernstes Wort;
Wenn gute Reden sie begleiten
Dann fliesst die Arbeit munter fort.

Потомъ разсуждаетъ мастеръ о всемъ томъ, что бываетъ ознаменовано звономъ колокола: крещеніе дитяти, свадьба, похороны, пожаръ, возмущеніе народное. Яркими, поэтическими красками рисуетъ все это Шиллеръ; глубокое, прекрасное чувство одушевляетъ каждое его описаніе. Говоритъ-ли онъ о смерти, мысль безсмертія освѣщаетъ мрачную картину разлуки матери съ дѣтьми, и горесть ихъ, когда потомъ —

Безъ любви, войдетъ чужая
Къ сиротамъ въ отцовскій домъ!

Такова сія *дидактическая фантазія*, прелестное созданіе, въ которой колоколъ и литье его служитъ невидимою связью описаній поэта. Общность небольшой этой поэмы составляетъ цѣлое своимъ характеромъ и выраженіемъ, и это придаетъ неизъяснимую прелесть всему творенію.

Заставивъ говорить колокольнаго литейщика, самъ поэтъ скрылся, или, лучше сказать, закрылъ себя словами и мыслями мастера. Вы слышите бесѣду Нѣмецкаго художника, чувствуете добродушіе его, и религіозную важность, съ какою разсуждаетъ онъ о своемъ дѣлѣ, видите, и въ картинахъ, и въ словахъ, простоту, не переходящую за степень и объемъ понятій лица, выставленнаго поэтомъ. *Германъ и Доротея*, Гёте, *Луиза*, Фосса, и *Пѣснь о колоколѣ*, Шиллера, суть цвѣты, сорванные на одномъ полѣ, хотя они и разныхъ цвѣтовъ.

Трудно было передать въ переводѣ всю красоту, всю добродушную прелесть подлинника. Но мы порадуемъ читателей, сказавъ имъ, что Русскій, нынѣ изданный переводъ *достоинъ своего изящнаго оригинала*. Тѣмъ болѣе пріятно сказать намъ это, что трудъ сей предприняла и совершила дама (Авд. Павл. Глинка, супруга извѣстнаго поэта нашего Ѳ. Н. Глинки). Душа ея высказалась въ посвященіи труда памяти родителя, а превосход-

ство дарованія, и пламенная сила поэзіи, которую умѣла она понять у Шиллера, сверкаютъ, почти безпрерывно, во всемъ переводѣ. Переводчица хотѣла говорить съ нами даже и размѣрами подлинника, безпрестанно измѣняющимися. Стихъ Русскій повиновался ей свободно, не какъ невольникъ слушается господина, но какъ другъ повинуется просьбѣ дружняго сердца. Можно-ли не согласиться въ порывистой силѣ стиховъ, которыми переведено изображеніе пожара? Выписываемъ ихъ, какъ ручательство за нашъ отзывъ:

Чу! тревога!... Вотъ звонятъ,
Бьютъ въ набатъ!
Вотъ, какъ кровь,
Небо красно,
Не отъ зноя и жаровъ!
Какъ ужасно
Все дрожитъ,
Дребезжитъ,
Дымъ валитъ!
Въ верхъ столпъ огненный взлетаетъ....
Онъ бѣжитъ и возрастаетъ,
Все крушитъ, опламеняетъ!
Какъ въ горнилѣ, яркимъ блескомъ
Рдѣетъ воздухъ; бревны, съ трескомъ,
Упадаютъ; стеклы таютъ....
Дѣти, матери блуждаютъ!
Дымъ, обломки,
Вопли громки
Вихрей свисты заглушаютъ!
Всѣ бѣгутъ, кричатъ, трепещутъ —

Зарева, какъ солнцы, блещутъ...
Съ силой цѣпь гремящу мещутъ,
Цѣпь звяцаетъ,
Съ ней взлетаетъ
Вверхъ ведро — и, вотъ, дугою,
Бьетъ разсыпчатою волною
Водный токъ на встрѣчу зною!
Огнь все ярче и быстрѣй...
Ревъ животныхъ, и звѣрей —
Съ свистомъ, яростный Борей
Налетѣлъ — въ порывахъ дикихъ
Носитъ, вьетъ огонь — и крики
Слышны: «Житницы горятъ!»
Зерны брызжутъ и трещатъ;
Двери хлопаютъ, брянчатъ —
И губительная сила
Ломитъ балки и стропила!
Все скрыпитъ, шумитъ, грохочетъ,
Пламень роетъ — будто хочетъ
Горы съ стержней ихъ сорвать
И, какъ пухъ, съ собой умчать!
И до неба взросъ могучій,
И челомъ раздвинулъ тучи
Исполинъ!
Властелинъ,
Смертный предъ Творцомъ въ смиреньи,
Смотритъ, какъ его творенье
Безпощадно погибаетъ....
Въ пеплѣ все...
Въ домы, въ кровы,
Вихри ломятся суровы.
Ужасъ, страхъ въ пустыхъ окошкахъ
Ужъ гнѣздятся;

Облака, летя, глядятся
Сверху въ нихъ...

Всякій согласится, что не смотря на отступленія, или, лучше сказать, невольныя *уступки* силѣ подлинника — это передано твердою рукою, и превосходно! Сказать, что въ Русскомъ переводѣ нѣтъ мѣстъ не столь прекрасныхъ, что вездѣ съ такою-же близкою простотою, и надежною силою, схваченъ подлинникъ — не льзя. Но, вотъ еще примѣръ мастерскаго перевода, и вмѣстѣ съ тѣмъ гармонической звучности стиха. Колоколъ вылитъ. Мастеръ называетъ его: *Согласный*, и задумчиво благословляетъ трудъ свой:

Употребленъ, да будетъ онъ
На то, къ чему опредѣленъ!
Надъ низкою земною жизнью,
Въ шатрѣ небесномъ, голубомъ,
Пусть плаваетъ громовъ въ отчизнѣ,
Граница съ міромъ звѣздъ челомъ;
Пусть возвѣщаетъ онъ протяжно,
Какъ звѣздъ блестящій хороводъ
Гласитъ торжественно и важно
Свой гимнъ Творцу — и новый годъ
На лоно Вѣчности ведетъ.
Лишь то, что вѣчно, что прекрасно,
О, колоколъ нашъ, прославляй!
И, неусыпный, ежечасно
Намъ вѣсть о времени давай!
И ставъ орудіемъ судьбины,
Безчувственный, подобно ей,

Ты возвѣщай, съ своей вершины,
Игру премѣнной жизни сей!
Когда-же звукъ твой скоротечно,
Встревожа, слухъ нашъ поразитъ,
Учи, что въ мірѣ все не вѣчно,
И — все земное *отзвенитъ*!

Словомъ: мы принялись за Русскій переводъ *Пѣсни о колоколѣ*, какъ за трудъ дамы, но прочитавъ его, скажемъ, что это цвѣтокъ, пересажденный на дикое поле Русской Словесности душою истинно поэтическою.

Н. П.

— *Русскій Жилблазъ, похожденіе Александра Сибирякова*, или школа жизни. Сочиненіе Геннадія Симоновскаго. 2 ч. М. 1832. Въ т. Селивановскаго. IX, 249 и 234 стр. in-8.

— *Графиня Рославлева, или супруга героиня, отличившаяся въ знаменитую войну 1812 года.* Историко-описательная повѣсть XIX столѣтія (служащая продолженіемъ романа: *Ольга Милославская*). 2 ч. М. 1832. Въ т. Селивановскаго. 139 и 111 стр. in-8.

Нынѣшній годъ Русской Литтературы представляетъ намъ длинный рядъ оригинальныхъ романовъ, Историческихъ и современныхъ, которыхъ разно-

образіе заключается въ различныхъ названіяхъ и въ разноцвѣтныхъ обверткахъ. Нѣтъ правила безъ исключенія; но, говоря вообще, наши новые романы кажутся чѣмъ-то неумѣстнымъ, несвоевременнымъ. Я уподобилъ-бы ихъ мальчику, играющему несвойственную ему роль взрослаго человѣка Этотъ широкій галстухъ, этотъ искусственный видъ самоувѣренности, и обращеніе, свободное не по лѣтамъ, не скрываютъ его дѣтскаго лица и дѣтскихъ ухватокъ. Маленькій самозванецъ возбуждаетъ въ насъ какую-то жалость, а совсѣмъ не то чувство, которое хотѣлось-бы ему внушить. Скажемъ, не думая никого оскорблять, что мы съ такимъ-же ощущеніемъ глядимъ на романы Русскіе, издаваемые въ послѣднее время почти безпрестанно. Чего-же не достаетъ въ нихъ? Возраста сочинителямъ. Это бульварные франтики, слишкомъ рано оставившіе дѣтскіе воротнички и курточки, для высокаго жабо и Англійскаго фрака.

Главный недостатокъ большей части, или, лучше сказать, почти всѣхъ романистовъ нашихъ, что они имѣютъ невѣрное понятіе объ избранномъ ими родѣ сочиненій. Въ наше время, романъ есть самый высшій и слѣдственно самый трудный родъ поэтическихъ сочиненій, для котораго надобно имѣть сильную душу, глубокое чувство изящнаго, много воображенія, и, наконецъ, превосходный слогъ: тогда только можно успѣть въ этомъ родѣ. У насъ, напротивъ, за сочиненіе романа берется всякій, кто умѣетъ водить перомъ. Кажется, не нужно

доказывать, что Исторія и бытъ каждаго народа представляютъ неисчерпаемое богатство для поэта. Сколько, напримѣръ, силъ поэтическихъ въ нашей Россіи! Надобно только сосредоточить ихъ въ томъ предметѣ, который встревожилъ душу писателя. Но здѣсь-то и оказывается недостатокъ зрѣлости нашей. Мы не умѣемъ ни глядѣть поэтически, ни чувствовать, ни заставлять Русское сердце биться сильнѣе обыкновеннаго. Немощность наша оказывается во всемъ: у насъ нѣтъ даже слога, этой необходимой принадлежности каждаго оригинальнаго сочиненія. Повторимъ: романисты Русскіе слишкомъ молоды для созданій высокой Поэзіи; мало жили, мало чувствовали они, и отъ того-то сочиненія большей части изъ нихъ незрѣлы, ничтожны, жалки.

Можно понять достоинство двухъ сочиненій, коихъ заглавіе выписано вначалѣ сей статьи, если мы скажемъ, что они принадлежатъ къ числу самыхъ плохихъ Русскихъ романовъ. Первый изъ нихъ, *Русскій Жилблазъ*, кажется, писанъ не на задачу какого нибудь книгопродавца, который обѣщалъ Автору сотню рублей. Видно что это писано отъ сердца; но жаль что сердце Автора было пусто, или наполнено чѣмъ-то не похожимъ на Поэзію. Не постигаю страсти людей: писать безъ внутренняго завѣренія, безъ того чувства, которое должно говорить, что сочиненіе наше сыщетъ отзывъ въ сердцѣ читателя! Вѣроятно, это тяжкая работа, верига, налагаемая за какой нибудь грѣхъ на людей, впрочемъ добрыхъ. Они должны быть не-

премѣнно убѣждены, что трудъ ихъ не наградится ничѣмъ, что это просто трудъ, работа, въ которой не помогаютъ ни душа, ни сердце, ни умъ. Каково-же работать такъ одиноко, и на вѣрную неудачу!

Но, не умѣя растолковать себѣ побудительной причины къ сочиненію *Русскаго Жилблаза*, какъ вижу я цѣль Сочинителя *Графини Рославлевой*! Впрочемъ, похвалиться нечѣмъ: надобно зрѣніе очень недалекое, чтобы увидѣть эту невысокую цѣль. Контрактъ съ книгопродавцемъ заключенъ, или, по безсловному согласію, надобно взять отъ него нѣчто посущественнѣе писаной бумаги, а ему отдать *товаръ*, и...*Графиня Рославлева* поступаетъ въ типографію, а оттуда и въ большой свѣтъ книжной торговли. Въ этомъ романѣ нѣтъ не только ни малѣйшей занимательности, но и ни какой связи. Чудная смѣсь нелѣпостц, безвкусія и неумѣнья писать!

Между тѣмъ это два явленія изъ нашей Романтической Литтературы. Мы видимъ, что сочиненія сего рода являются у насъ не отъ внутренней силы, а отъ пустыхъ, мѣлкихъ причинъ, или и вовсе безъ причины. Это или подражанія, или труды совсѣмъ не литтературные. Каждое явленіе сообразно своему времени. У насъ еще нѣтъ жизни литтературной; однакожь мы живемъ, и для нашей жизни, покуда, надобны не книги, а насущный хлѣбъ и забавы въ родѣ билліярда и картъ. Вотъ корень: таковы и отрасли отъ него. Подождемъ, понадѣе-

ся. Лучшее всегда въ будущемъ; по крайней мѣрѣ пріятно воображать, что у насъ уже видятъ пустоту явленій настоящихъ; слѣдовательно хотятъ лучшаго. Это всегда служитъ залогомъ событій болѣе утѣшительныхъ, хотя-бы и въ романическомъ родѣ.

— *Краткая Латинская Грамматика Цумпта.* М. 1832. Въ т. Селивановскаго. IV и 266 стр. in-8.

Изученіе Латинскаго языка необходимо для желающихъ вступить въ какое либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Пользу сего языка знаетъ всякій, занимающійся науками. И такъ надобно учиться Латинскому языку. Но какъ? Вотъ вопросъ, который стараются разрѣшить уже нѣсколько столѣтій. По нашему мнѣнію, лучшая метода для первоначальнаго обученія есть метода Жакото; мы думаемъ также, что изученіе Грамматики незнакомаго языка безполезно притупляетъ способности. Впрочемъ, сему предмету мы намѣрены посвятить особенное, пространное Разсужденіе.

Всѣ Латинскія Грамматики можно раздѣлить на краткія, и болѣе полныя. Хотя Грамматика Цумпта и названа Краткою, однакожь она довольно огромна, и полнѣе многихъ Полныхъ Грамматикъ. Недавно извѣщали мы о Латинской Грамматикѣ Лефранка, которую находимъ полезнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ; Цумптова также можетъ служить полезнымъ пособіемъ. Въ Русскомъ переводѣ она примѣнена къ Русскому языку, что составляетъ въ ней новое достоинство.

— *Новооткрытая игра*: *Плутархъ для дѣтей*, руководствующая безъ пособія учителя къ легчайшему изученію Всеобщей Исторіи съ Географіею и Хронологіею. Составленная Христофоромъ Вахапскимъ. М. 1832. Въ т. Лазаревыхъ Института. Картонъ съ билетами и описаніемъ игры.

Это родъ *Лото*, гдѣ на билетцахъ и особенныхъ картонахъ напечатаны имена историческихъ лицъ, съ означеніемъ года ихъ рожденія. Жаль что Издатель далъ слишкомъ пышное заглавіе этой занимательной и полезной игрушкѣ, которая можетъ служить также пріятнымъ подаркомъ дѣтямъ. Но тѣмъ не менѣе, и особенно въ рукахъ умнаго наставника, она должна быть полезнѣе многихъ учебныхъ книжонокъ.

ПАРИЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ

ГЛУХО-НѢМЫХЪ (*).

La reconnaissance est la mémoire du cœur.

Massieu, sourd-muet.

Благодарность есть память сердца.

Масьё, глухо-нѣмой.

Посмотрите, какъ въ прекрасное, весеннее утро, время сиреней и розъ, сбираются въ Училище глухо-нѣмыхъ, изъ всѣхъ частей обширнаго Парижа, черезъ сады: Растеній (des Plantes), Пале-Рояльскій, Тюльерійскій и Люксанбургскій, родственники воспитанниковъ, маленькія общества пансіон-

(*) Сочиненіе Помье, наставника глухо-нѣмыхъ. Оно любопытно тѣмъ особенно, что въ немъ изъясняется теорія обученія глухо-нѣмыхъ. Кстати, прибавимъ здѣсь, что жителямъ Москвы должно обратить вниманіе на заведеніе для глухо-нѣмыхъ, недавно основанное въ Москвѣ, и заслуживающее ихъ одобреніе. *Изд. Телегр.*

скихъ учениковъ, обоего пола, иностранцы, туземцы, мѣщане, дворяне, Посланники, Епископы, Депутаты, Кардиналы, Перы, Принцы, Короли, одни пѣшкомъ, другіе въ богатыхъ, великолѣпныхъ экипажахъ, и всѣ нарядно одѣтые.

Эти веселые, любопытствующіе посѣтители, изъ всѣхъ сословій и званій общества, составляютъ въ залѣ Училища многочисленное собраніе, иногда болѣе 600 человѣкъ, между которыми увидите вы молодыхъ, прелестныхъ дамъ, блистательныхъ повелительницъ лучшаго общества, изъ всѣхъ земель Европы.

Войдемъ въ залу собранія. Съ одной стороны, направо, сидятъ юныя глухо-нѣмыя дѣвушки, отъ 5-ти и 6-ти до 15-ти и 16-ти лѣтъ, однообразно одѣтыя, въ платьяхъ ослѣпительной бѣлизны, въ шляпкахъ, въ голубыхъ поясахъ; съ другой, налѣво, находятся мальчики, въ платьяхъ сѣраго цвѣта, съ голубыми отворотами и лацканами, какъ пояса у дѣвушекъ.

Какая тихая радость видна на этихъ юныхъ, прекрасныхъ личикахъ! Какая живость, какое выраженіе въ физіогноміи обоего пола, быстрой, подвижной! Счастливая невинность прекраснаго времени жизни дышитъ въ ихъ скромныхъ взглядахъ, и видна въ знакахъ и движеніяхъ, мелькающихъ, какъ молнія, къ которымъ принуждены они прибѣгать для выраженія своихъ мыслей, потому, что они *никогда не говорили и не говорятъ*. Никогда звуки голоса братняго, рѣчь доброй, нѣжной мате-

ри, или голосъ еще сладостнѣйшій, не коснутся ихъ слуха, и не проникнутъ въ ихъ сердца. Никогда не будутъ они наслаждаться очарованіемъ гармоніи. Для нихъ — долины безъ эха, собранія людей — безъ голоса и отзыва; нѣтъ для нихъ журчанія ручейка, заманчиво приглашающаго къ задумчивости. Шорохъ листьевъ, падающихъ сквозь вѣтви, шелестъ платья, волнуемаго вѣтеркомъ, никогда не заставятъ сердца ихъ трепетать. Тщетно весною соловей, и пѣвцы прекраснаго времени, разливаются въ очаровательныхъ пѣсняхъ! И отдаленный шумъ, и религіозные звуки колокола, незамѣтно исчезающіе въ воздушномъ пространствѣ, какъ будто улетающіе въ небо съ послѣднимъ согласіемъ своимъ — всѣ сіи голоса, всѣ сіи звуки, всѣ сокровища мелодіи — какъ будто не существуютъ для бѣдныхъ дѣтей: на вѣкъ погруженныя въ бездну молчанія, они никогда не будутъ внимать имъ!

Но, вотъ братья Мартенъ, глухо-нѣмые, Марсельскіе живописцы; каждому изъ нихъ около двадцати годовъ: они близнецы; но мало сходства лѣтъ: одинаковый ростъ, одинаковое лицо, однѣ и тѣ-же привычки, одинакое изящество движеній. Одинъ точный Созія другаго. Они извѣстны въ Парижѣ, по своему искусству писать портреты; работа, начатая однимъ, оканчивается другимъ, такъ, что не замѣтите ни малѣйшей разницы. Ихъ безпрестанно принимаютъ одного вмѣсто другаго; они такъ похожи другъ на друга, что это бываетъ поводомъ къ самымъ забавнымъ ошибкамъ.

Два эти близнеца, любезные, молодые люди, прекраснаго обращенія, и, что еще дороже, отличнаго характера, самыми почтительными взорами сопровождаютъ, какъ вы можете замѣтить, высокаго роста, пріятную даму, въ которой есть не знаю что-то величественное, важное. Это ихъ землячка, уже немолодая, и между тѣмъ все еще увлекающая взоры собранія своею красотою. Это мать, свиту, или, лучше сказать, украшеніе которой составляютъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, живыхъ, милыхъ, шесть дѣвушекъ, шесть мальчиковъ, отъ 6-ти до 18-ти лѣтъ. И всѣ эти дѣти — глухо-нѣмыя отъ рожденія! Какая жестокая странность, и какъ изъясните ее вы, господа Философы, подстерегатели тайнъ Природы, хвастающіе тѣмъ, что сорвали покрывало съ лица ея, и увѣряющіе насъ, что для васъ нѣтъ уже тайнъ въ Природѣ? Ожидая чудесныхъ рѣшеній отъ вашей мудрости, порадуемся покамѣстъ, подивимся вознагражденію, какое позволяетъ Природа бѣднымъ смертнымъ. Не находите-ли вы чего-то Древняго въ благородныхъ чертахъ этого любезнаго, прекраснаго семейства? Обликъ, живость, глубокость взора, изящество, пріятность движеній, и особенно горячая, кипучая кровь, быстро обращающаяся подъ этою нѣжною, прозрачною, слегка оттѣненною жаромъ солнца кожею — не говоритъ-ли все это вамъ, что вы видите потомковъ Греческой колоніи, потомковъ Фокеянъ, основателей Марсели?

Едва только эта небольшая группа глухо-нѣмыхъ южной Франціи, путешественниковъ, прибывшихъ

въ столицу, потомковъ Аѳинскаго народа, замѣтила своихъ глухо-нѣмыхъ братьевъ и сестеръ, обитателей Парижа, въ первый разъ ими видимыхъ, какъ и завязывается жаркій разговоръ, начинается бѣглое движеніе рукъ, является улыбка. Бѣдные! Они кажутся соотечественниками, встрѣтившимися въ чужой землѣ, радостными при этой встрѣчѣ, давно знакомыми, хотя встрѣтились въ первый разъ. Разговоръ неистощимъ, говорятъ всѣ вмѣстѣ, всѣ вдругъ, однимъ языкомъ, безмолвнымъ языкомъ движеній, живописью предметовъ, которая одна и та-же вездѣ. Много разъ случалось мнѣ говорить этимъ языкомъ съ глухо-нѣмыми урожденцами Бостона, Рима, Петербурга: онъ одинъ для всѣхъ. Глухо-нѣмой, гдѣ-бы онъ ни родился, въ Китаѣ, Лапландіи, у антиподовъ, онъ не Рускій, не Лапландецъ, не Англичанинъ, не Китаецъ, не Американецъ — онъ *глухо-нѣмой*, гражданинъ міра, космополитъ, человѣкъ природы — *глухо-нѣмой*, однимъ словомъ.

Ударилъ часъ открытія засѣданія; громъ рукоплесканій показываетъ вамъ входъ наставника, окруженнаго своими главными воспитанниками, которые скромно становятся вокругъ него, на возвышеніи, передъ большою черною доскою. Глубокое молчаніе въ собраніи. Наставникъ начинаетъ говорить:

« Каждый изъ васъ, Мил. Государи, и Мил. Государыни, посѣтивъ смиренное убѣжище бѣдныхъ дѣтей, глухо-нѣмыхъ отъ рожденія, безъ сомнѣнія,

предается грустнымъ размышленіямъ о странности ихъ жребія.

«Вѣроятно, вы старались составить себѣ нѣкоторыя предположенія, о томъ, какія средства употребляетъ наставникъ, чтобы заставить себя понимать, чтобы научить чему нибудь столь странныхъ учениковъ, которые, какъ сказалъ нѣкогда безсмертный изобрѣтатель ихъ ученія, не *могутъ* понимать, а *не умѣютъ* говорить.

«Но если они глухи, за то они не слѣпы. Чего не можемъ мы вогнать въ двери, то вгонимъ въ окошко, по словамъ Аббата Л'Эпе. Если звуки, голосъ, выраженіе, слова, имъ неизвѣстны, то имъ еще остается свѣтъ, физіогномія, взоръ, цвѣта, движенія. И такъ — они выразятъ свои мысли знаками, движеніями. Языкъ глухо-нѣмыхъ будетъ дѣйствіе ораторскаго искуства, во всей его полнотѣ, существенно поэтическое и живописное, живописующее то, что оно видитъ, и украшающее то, что оно живописуетъ — родъ внѣшняго воображенія и этимологіи движеній.

«Слово не сообщаетъ мысли; единственно извнѣ оно отражаетъ ее на самое себя, такъ сказать, какъ отголосокъ, для того, чтобы мысль возпроизвела самое себя. Такимъ образомъ, бѣдное созданіе, безъ слуха и голоса, ограниченное своими естественными знаками, живущее почти отдѣльно, не наслаждается вполнѣ симъ драгоцѣннымъ и безконечнымъ преимуществомъ, если усиліемъ генія не усовершенствуетъ оно своихъ знаковъ, возвышая ихъ

само, или за него кто-либо другой, въ достоинство языка, который можетъ замѣнить ему слово.

«Посмотримъ, постараемся дать драматическую форму нашему разговору, и попытаемся сдѣлать выраженія наши понятными, показавъ въ дѣйствіи трудное искуство вести глухо-нѣмаго, отъ его природныхъ знаковъ къ знакамъ установленнымъ, то есть, отъ первобытнаго порядка къ условленному.

«Возмемъ для нашихъ дѣйствій эту хорошенькую собачку, и этихъ двухъ прелестныхъ, глухо-нѣмыхъ дѣтей. Поди сюда ты, милая малютка, и ты, рѣзвый мальчикъ, развлекающій собраніе быстротою своихъ движеній, и безпрерывною своею движимостью. Мы спросимъ у васъ *знаками*, у васъ, нашихъ изъяснителей, смотрящихъ на насъ большими вашими глазами, *имя* вотъ этого рѣзваго животнаго, которое такъ ласкается къ вамъ.

«Но, прежде, не угодно-ли кому изъ собранія кликнуть собачку, и поласкать ее, а потомъ посмотримъ не найдутъ-ли для этого какого нибудь *знака* наши глухо-нѣмые, которыхъ мы оборотимъ спиною, чтобы они ничего не видали.

Нѣсколько человѣкъ встаютъ въ одно время, и, какъ будто по условію, дѣлаютъ знаки, которые всѣ мы употребляемъ, когда кличемъ къ себѣ собаку.

Въ свою очередь, снова обращенные къ зрителямъ, маленькіе глухо-нѣмые дѣлаютъ тѣ-же самые знаки, къ большому удовольствію собранія. Протя-

нувъ правую руку, они легонько бьютъ по своему колѣну, и потомъ движутъ двумя пальцами, показывая ихъ собачкѣ, улыбаясь, и шевеля губами, какъ будто хотѣли лаять. Собачка не можетъ скрыть своей радости; она бросается къ милымъ дѣтямъ. Но посмотрите, что дѣлается въ то-же время на черной доскѣ: глухо-нѣмой, не участвовавшій въ этой сценѣ, и на котораго не обращали вниманія, по маленькому движенію самолюбія, предосудительному, если-бы оно было опасно, *пишетъ* на доскѣ, то, что онъ узналъ, можетъ быть, только въ эту минуту — слово: *собака*, подъ диктовку одного изъ маленькихъ дѣйствователей. Наставникъ, обрадованный симъ, довольнѣе понятіями своихъ учениковъ, нежели полководецъ своимъ войскомъ, доставившимъ ему побѣду. Мы сказали, что глухо-нѣмой, можетъ быть, только въ эту минуту узналъ то, что онъ пишетъ. Но, нѣтъ, этого *не можетъ быть*: онъ, вѣроятно, зналъ всю сущность, всѣ пріемы своего дѣла издавна, потому, что онъ умѣетъ *писать*, *именовать*, *описывать* и *опредѣлять* предметы, и особенно животныхъ.

Разумѣется, что знакъ: *собака*, такъ, какъ произвели его глухо-нѣмые, естественъ. Но есть аксіома въ знаніяхъ, по которой *не знакъ вызываетъ идею*, но *предметъ*. Иначе думать, значило-бы ниспровергать естественный порядокъ вещей: *предметъ*, *умственный образъ его*, *идея*, *знакъ*, *слово*, *имя*, *чтеніе голосомъ*, *чтеніе руками*. Все это объяснится далѣе.

Впрочемъ, сей знакъ недостаточенъ для позна-нія предмета, *собаки*, которой представляетъ онъ только очеркъ, а еще менѣе достаточенъ онъ, чтобы придать сему имени его цѣнность. Не сомнѣвайтесь: эта цѣнность имени извѣстна нашему глухо-нѣмому. Но какъ онъ изучилъ ее? Наставникъ его, при видѣ собаки, сдѣлалъ ему рисунокъ ея, не пренебрегая при томъ, какъ вещь необходимую, между рисункомъ и именемъ, о которомъ хочетъ онъ дать понятіе, изъясненій письменныхъ, при посредствѣ тѣлодвиженій, послѣдованія идей, и этимологіи — предметы неистощимые!... означеніе класса, къ которому собака принадлежитъ въ природѣ, и потомъ, пробѣгая взоромъ мысленнымъ все, что ее характеризируетъ — дыханіе, движеніе, сонъ, бдѣніе, питье, ѣду, всѣ необходимыя для бытія собаки принадлежности, а наконецъ — ея свойства, привычки, инстинктъ, характеръ, нравъ.

«Все это очень хорошо,» возражаетъ вдругъ одинъ изъ слушателей, находящихся въ собраніи, обращаясь къ наставнику, «но вы не растолковали намъ, какъ изъясняете вы своему воспитаннику *цѣнность* имени. Почему онъ знаетъ, что это имя есть имя этого, а не другаго предмета? Понимаетъ-ли онъ, что слово: *собака*, есть имя сего вѣрнаго животнаго, товарища нашего въ радости и въ горести, никогда насъ неоставляющаго? Нѣтъ! онъ этого не понимаетъ; потому, что слово: *собака*, приданное сему животному, совершенно произвольно. *Собака* — написанное, или выговоренное, это слово не есть даже для него слово,

ибо вы не показали ему азбуки, которая есть собраніе стихій слова!»

— Вы правы, М. Г. — отвѣчает наставникъ — исправимъ нашу погрѣшность. Установимъ условленность между нами и нашимъ воспитанникомъ. Предмета передъ нимъ нѣтъ; имя написано вокругъ рисунка; мы покажемъ рисунокъ нашему воспитаннику, и онъ тотчасъ принесетъ намъ предметъ. Но испытаемъ противное; сдѣлаемся мы сами учениками.

— Заступивъ наше мѣсто, ученикъ показываетъ намъ рисунокъ. Мы притворимся, что ошиблись, и принесемъ ему совсѣмъ другой предметъ. Посмотрите: вотъ онъ пожимаетъ плечами, съ жалостною усмѣшкою, и самъ приноситъ намъ предметъ рисунка.

— Вотъ условленность, до сего времени порядкомъ устроенная, благодаря Природѣ, насъ руководствующей. Но если, не показывая рисунка, сотремъ его, предмета также не покажемъ, и только оставимъ надпись, имя, то ученикъ нашъ затруднится, когда велимъ мы ему принесть предметъ, симъ именемъ представляемый. Между тѣмъ, повторяя сіе дѣйствіе нѣсколько разъ, мы продолжимъ его затрудненіе на такое только время, какое потребно ему понять, что *имя*, надпись, хотя и не похожая на рисунокъ, будетъ всегда употребляться нами вмѣсто онаго, и замѣнитъ предметъ, хотя и не походитъ на него. Тогда, ученикъ, понявъ замѣну, убѣжденный въ ея

справедливости, и весьма великой пользѣ, согласится на все это охотно. Вотъ условленность установленная, подкрѣпленная общимъ согласіемъ, слово, приданное цѣнности предмета, иная земля воздѣлыванію, и превратившееся въ *имя*. Такъ начинается *собственность*, и такъ пріобрѣтаютъ ее *трудомъ*.

— Постараемся теперь показать ученику стихіи слова, то есть, буквы, общность коихъ именуется *Азбукою*.

— Мы напишемъ сперва всѣ буквы азбуки на углу доски, какъ будто сложимъ ихъ въ какой нибудь магазинъ. Это будетъ для насъ палитрою живописи, въ которой станемъ мы искать красотъ, для изображенія всего, что поразитъ взоръ нашъ. Разумѣется, что предварительно всѣ сіи буквы ученикъ знаетъ и пишетъ по виду, и знаетъ ихъ наизусть. Это его игрушки.

— Мы пишемъ послѣ того имена, сложенныя изъ буквъ, но не многихъ. *Голосное произношеніе* ихъ производится ученикомъ, хоть онъ и не замѣчаетъ этого. Глухота не мѣшаетъ движенію орудій голоса въ человѣкѣ, и не лишаетъ глухаго, хотя невольно и безъ сознанія сего дѣйствія, произношенія и голоса, кои суть предметъ буквъ, и стихіи слова.

— Мы написали довольно именъ, стараясь употребить всѣ буквы, и исписать всю азбуку. Посредствомъ дѣятельности, времени, и особенно терпѣнія, мы достигли наконецъ до того, что познакомили ученика съ предметомъ, нашли для него

знакъ, заставили нарисовать изображеніе, написать имя, перевели все это на азбуку тѣлодвиженій, и, повтореніями, пріучили ученика къ быстротѣ дѣйствій. Что-же такое сдѣлали мы? Просто — мы передали ему слово, хотя и безъ слуха, которое какъ будто еще хочетъ противиться долгое время усиліямъ искусства. Говоря, что мы передали слово нѣмому, я выражаюсь не точно, ибо мы научили его только, произвольно, ученымъ образомъ, создавать произношеніе и голосъ, которые производитъ онъ машинально и безъ познанія сего дѣйствія. Мы указали ему сокровище, въ немъ самомъ сокрытое, и научили его пользоваться симъ сокровищемъ. Позвольте продолжить съ вами, Мм. Гг., далѣе постепенность нашего урока. —

(Окончаніе въ слѣд. №).

ГРАМАТЫ,

Великаго Князя Василія Іоанновича, и Царей Іоанна Васильевича, Θеодора Іоанновича, Бориса Θеодоровича, Димитрія Самозванца, и Василія Іоанновича Шуйскаго, данныя Галицкимъ рыболовамъ.

(Окончаніе).

Отъ Царя и Великаго Князя Θеодора Ивановича, всея Руссіи, въ Галичь, Семену Кобелеву. Били намъ челомъ Галицкіе, лѣтніе рыбные ловцы, Васька Смирдищевъ, да Гришка Копаныгинъ, да Харитонко Лапинъ, да Нефедко Вебревъ, да Лазарко Вощениковъ, да Афонько Никитинъ, да Агейко Корыповъ. . . . . . Дюрбеневъ, съ товарищи, и сказали: ловятъ-де они рыбу въ Галицкомъ озерѣ, и въ рѣчькахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро, въ рѣкѣ Вексѣ, по Сынковскіе сады, да въ рѣчькѣ Остроловицѣ, да въ рѣчькѣ Сляпицѣ, по Московскую дорогу, да въ рѣчькѣ Ихленкѣ, по Челму рѣку, да въ рѣчькѣ въ Середней, по Большіе омуты, да въ рѣчькѣ Шокшѣ, по Бѣлой омутъ, да въ рѣчькѣ Едомшѣ, по Безнинь починокъ, и во всѣхъ рѣчькахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро. А платятъ они съ тѣхъ рѣчекъ въ нашу казну,

16*

въ четверть дьяка нашего Василья Щелкалова оброку на годъ, по сороку по два рубля, по четыре гривны. Писана-де грамата у нихъ на тѣ воды была, да сгорѣла, въ тѣ поры, какъ храмъ Введенія Пречистыя Богородицы . . . . въ 29 году. И около-де тѣхъ рѣчекъ Княжіе, и боярскіе, и монастырскіе вотчины и помѣстья, и Князей-де, и дѣти боярскіе, и монастырскіе прикащики, и крестьяне, въ тѣ воды вступаются, и рыбу ловять сильно, а сказывають, что у нихъ тѣ воды въ нашихъ, въ помѣстныхъ, и въ вотчинныхъ граматахъ, и намъ-бы Галичамъ, рыбныхъ ловцовъ, Ваську Смердищева, съ товарищи, пожаловати велѣти имъ въ тѣхъ рѣчькахъ, которыя въ сей граматѣ писаны, и въ озерѣ рыбу ловить, и владѣть по прежнему, и будетъ такъ, какъ намъ Галицкіе рыбные ловцы Васька Смердищевъ съ товарищи, били челомъ, тѣми будеть они рѣчьками прежъ сего владѣли, и грамата у нихъ на тѣ воды была, и сгорѣла въ . . . году и ты-бъ Ваською Смердищеву, съ товарищи, которые въ сей граматѣ имены писаны, велѣлъ въ тѣхъ рѣчькахъ рыбу ловить по прежнему, и того беречь на крѣпко, чтобъ у нихъ въ тѣ рѣчьки Князья и дѣти боярскіе, и монастырскіе прикащики, и крестьяне, въ рыбныя ловли не вступали, и насильства имъ ни котораго нечинили. Абудеть на тѣ рѣчьки у Галичанъ, и дѣтей боярскихъ, или у монастырей, или у ково нибудь, наши жалованныя, или помѣстныя, или вотчинныя, или оброчныя грамоты, и ты-бъ съ тѣхъ граматъ списалъ противни, да тѣ противни за своею рукою и за печатью прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, вчетверть

дьяка нашего Василья Щелкалова . . . . . .
и мы потому велимъ указъ учинить, а прочетъ сю грамату, и списавъ съ нея противень, слово вслово, отдавалъ-бы еси Васькѣ Смердищеву, съ товарищи, и они ее у себя держатъ для иныхъ нашихъ приказныхъ людей. Писана на Москвѣ лѣта 7093, Марта въ 25 день. На подлинной граматѣ, назади пишетъ тако: *Царь и Велики Князь всеа Русіи.*

Лѣта 7108, Генваря въ 11-й день, Государь Царь, и Великій Князь Борисъ Өедоровичъ, всеа Руси, Галичанъ, рыбныхъ ловцовъ, Ваську Смердищева, съ товарищи, пожаловалъ: Сее у нихъ грамоты никому нивчемъ *рудить* не велѣлъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей граматѣ, а подписалъ Государевъ Царевъ, и Великаго Князя, Бориса Өедоровича, всея Руси, діякъ Семенъ Чередовъ. Діякъ Василей Щелкаловъ. На подлинной граматѣ приложена печать на черномъ воскѣ.

Отъ Царя и Великаго Князя Дмитрія Ивановича, всея *Россіи* въ Галичъ, Өедору Васильевичу Чередову, били намъ челомъ Галицкіе лѣтніе, рыбные ловцы, Офонька Смердищевъ, Первушка Калушкинъ, Онисимко Ефимовъ, сынъ Лукинъ, Софонко Саклієвъ, Терешка Грышавинъ, Гриша Рышковъ, и во всѣхъ Галицкихъ лѣтнихъ рыбныхъ ловцовъ мѣсто. А сказали: оброчныя у нихъ рыбныя ловли, въ Га-

лицкомъ озерѣ и въ рѣчькахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро, въ рѣчькѣ въ Вексѣ, *Посынковскіе и сады*, да въ рѣчькѣ Остроловицѣ, да въ рѣчькѣ Свешицѣ, дальные по Московскую дорогу, да въ рѣчькѣ Ихленкѣ, по Челму рѣку, по Московскую-жъ дорогу, да въ рѣчькѣ въ Середней, по Большіе Омуты, да въ рѣчькѣ въ Шокшѣ, по Бѣлой Омутъ, да въ рѣчькѣ Едомшѣ, по Безнинъ починокъ, и во всѣхъ рѣчькахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро; а платятъ они съ тѣхъ рѣчекъ въ нашу Казну, въ Галицкой чети, по оброчной граматѣ блаженныя памяти брата Нашего, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича, всеа Руси, оброку платятъ по сороку по два рубли, и по четыре гривны на годъ, и та-де оброчная грамата ветха, а се подписана на измѣнника нашего Борисово имя, Годунова, и по той-де оброчной граматѣ у нихъ въ рыбныя ловли Княжіе, боярскіе, и монастырскіе, и дѣтей боярскихъ прикащики, и крестьяне, вступаются, и рыбу ловятъ сильно, а сказываютъ что у нихъ тѣ воды въ нашихъ, въ помѣстныхъ и вотчинныхъ граматахъ написаны, и намъ бы ихъ пожаловати, на тѣ рыбныя ловли дати нашу-бъ оброчную, новую грамату. И будетъ такъ, какъ намъ Галичане, рыбные ловцы, Офонька Смердищевъ съ товарищи, били челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ, и ты-бъ рыбнымъ ловцамъ, Офонкѣ Смердищеву, съ товарищи, которые въ сей нашей граматѣ имяны писаны, велѣлъ тѣми рыбными ловлями владѣти, по прежнимъ, по оброчной граматѣ блаженныя памяти брата Нашего, Великаво Государя Царя, и Великаго Князя,

Федора Ивановича, всеа Россіи, и оброкъ въ нашу Казну платить никому невелѣлъ, и ихъ-бы еси берегъ, чтобъ имъ ни отъ кого обиды и продажи не было, никоторыми дѣлы, а прочетъ сю нашу грамату, и списавъ съ нее противень, отдалъ-бы еси Офонькѣ Смердищеву, съ товарищи, и они ее у себя держатъ для иныхъ нашихъ приказныхъ людей и посланниковъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7114 Генваря въ 16 день. На подлинной грамотѣ назади пишетъ тако: «Въ Галичѣ, Федору Васильевичу Чередову. Діякъ Андрей Алябьевъ. Справилъ діякъ Витохтовъ. Принесли грамату Галичане, посадскіе люди, Офонька Смердищевъ, да Первуйка Лущенинъ, да Иванъ Алентьевъ, съ товарищи.

Отъ Царя и Великаго Князя Василья Ивановича, всеа Руси, въ Галичъ, Федору Васильевичу Чередову, да Силиверсту Фомичу Сытину. Били намъ челомъ Галицкіе лѣтніе, рыбные ловцы, Офонька Смердищевъ, Петрушка Калашникъ, Онисимко Ефимовъ, сынъ Лукинъ, Софонко Саклісвъ, Терешка Грыжавинъ, Гришка Рыжаковъ, и во всѣхъ Галицкихъ лѣтнихъ рыбныхъ ловцовъ мѣсто. А сказали: оброчныя у нихъ и рыбныя ловли въ Галицкомъ озерѣ, и въ рѣчькахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро, въ рѣкѣ въ Вексѣ, по Сынковскіе посады, да въ рѣчькѣ Остроловицѣ, да въ рѣчькѣ Свяпицѣ, дальные, по Московскую дорогу, да въ рѣчькѣ Середней, по Большіе Омуты, да въ рѣчькѣ Шокшѣ, по Бѣлой Омутъ, да въ рѣчькѣ Едомшѣ, по Безнинъ починокъ, и во

всѣхъ рѣчькахъ, которыя текутъ въ Галицкое озеро. А платятъ они съ тѣхъ рѣчекъ въ нашу казну, въ Галицкой четь, по оброчной грамотѣ по сороку по два рубля, и по четыре гривны, на годъ; и у нихъ-де въ рыбныя ловли Княжіе, и боярскіе, и монастырскіе, и дѣтей боярскихъ прикащики, и крестьяне, вступаются, и рыбу ловятъ сильно. А сказываютъ, что у нихъ тѣ воды въ нашихъ помѣстныхъ, и въ вотчинныхъ граматахъ написаны, и намъ-бы ихъ пожаловать: на тѣ рыбныя ловли дать нашу оброчную грамату. И будетъ такъ, какъ намъ Галицкіе рыбные ловцы, Офонька Смердищевъ, съ товарищи билъ челомъ, и какъ къ вамъ ся наша грамата придетъ, и вы-бъ рыбнымъ ловцамъ, Офонькѣ Смердищеву, съ товарищи, которые въ сей нашей граматѣ имяны писаны, велѣли тѣми рыбными ловлями владѣть по прежнему, по оброчной граматѣ, и оброкъ въ нашу казну платить, и въ тѣ у нихъ рыбныя ловли вступатися никому невелѣли, ихъ-бы еси берегли, чтобъ имъ ни отъ кого обидъ и продажъ не было, никоторыми дѣлы, а прочетъ сю нашу грамату, и списавъ съ нее противень, отдали-бы еси Офонькѣ Смердищеву, съ товарищи, и они ее у себя держатъ, для иныхъ нашихъ приказныхъ людей и посланниковъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7114 Іюля въ 7 день. На подлинной граматѣ назади пишетъ тако: «Въ Галичъ, Федору Васильевичу Чередову, да Селиверсту Фомичу Сытину. Діякъ Василій Козловъ. Справилъ подьячей Михайло Тухинъ.

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.*—Фамилія Вернетовъ представляетъ удивительный и едва-ли не единственный примѣръ наслѣдственнаго дарованія въ трехъ поколѣніяхъ. Іосифъ, Карлъ и Горацій Вернеты, то есть дѣдъ, отецъ и внукъ почитаются въ числѣ превосходнѣйшихъ живописцевъ. Читатели наши видѣли уже въ очеркахъ нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній Горація Вернета, современника нашего. Доколѣ будетъ плѣнять душу вѣрное и пламенное выраженіе, до тѣхъ поръ, слѣдовательно всегда, будутъ предметомъ удивленія и восторга картины его: *Солдатъ-земледѣлецъ*, *солдатъ Ватерлооскій*, *Мазепа*, *Убитый трубачъ*, и множество другихъ. Отецъ Горація, Карлъ Вернетъ превосходствуетъ въ батальной Живописи и въ изображеніи коней. Картины его, представляющія битвы при Риволи, Маренго, Аустерлицѣ, Ваграмѣ, и проч., почитаютъ Французы святынею своей народной славы.

На сей разъ мы прилагаемъ къ Журналу нашему очеркъ съ картины Іосифа Вернета, родоначальника этого поколѣнія художниковъ. Клодъ Іосифъ Вернетъ родился 14 Августа 1714 года, въ Авиньонѣ. Отецъ его, Антоніо, былъ живописецъ и сначала единствен-

ный учитель своего сына. 18-ти лѣтъ отправился Іосифъ въ Римъ, и переѣзжая въ Италію моремъ, получилъ тѣ сильныя впечатлѣнія морскихъ видовъ и зрѣлищъ, которыя впослѣдствіи перенесъ онъ столь поэтически на полотно. Говорятъ, что буря ни мало не устрашала его. Однажды онъ упросилъ Капитана корабля привязать его къ мачтѣ, во время сильнѣйшей бури, и когда другіе трепетали, онъ наблюдалъ разъяренную стихію и восхищался величественнымъ зрѣлищемъ. Долго послѣ сего любимымъ предметомъ картинъ его были море и виды морскіе. Двадцать лѣтъ прожилъ онъ въ Римѣ и пріобрѣлъ тамъ прочную славу. Особенно славны были картины его, писанныя для Принца Боргезе, и для дворца Ронданини. Онъ былъ другомъ славнѣйшихъ художниковъ, жившихъ тогда въ Римѣ. Это были не одни живописцы. Напримѣръ Перголези находился въ самой дружеской связи съ нимъ, и даже часть своей знаменитой Stabat mater написалъ въ мастерской Вернета. Италія сдѣлалась вторымъ отечествомъ Французскаго живописца, и только блестящія предложенія Правительства Французскаго заставили его возвратиться на родную землю. Онъ долженъ былъ изобразить значительнѣйшія гавани Французскія, и изъ этихъ-то видовъ составилась знаменитая Вернетова галлерея, въ Луврскомъ Музеѣ. Вернетъ былъ чрезвычайно счастливъ въ выборѣ точки зрѣнія. Легкость, съ какою писалъ онъ свои картины, удивительна. Съ 1752 года, когда возвратился онъ во Францію, до 1789-го, года его смерти, не менѣе 200 картинъ, большихъ и малыхъ, написалъ онъ окончательно. Во всѣхъ, даже

самыхъ послѣднихъ, видна юношеская живость и отличная отдѣлка, которыя даютъ цѣну каждой картинкѣ его. Онъ изобразилъ всѣ морскія гавани Франціи, и эти картины составляютъ коллекцію безсмертную. Никто не умѣлъ лучше, естественнѣе его представлять близости моря, легкихъ движеній и тихихъ переливовъ едва колышащихся волнъ, и игры свѣта на нихъ, такъ-же какъ бури, со всѣми страшными явленіями ея. Академія избрала его въ Члены свои, а въ 1766 году и въ Совѣтники. Послѣ этого позволено ему было жить въ Луврѣ. Но тѣмъ ограничились всѣ награды. Впрочемъ, Іосифъ Вернетъ и не очень дорожилъ ими: ему пріятнѣе были уваженіе всѣхъ и дружба многихъ отличныхъ людей, которые любили въ немъ не только великаго художника, но и любезнаго, благороднаго, просвѣщеннаго человѣка.

На приложенномъ нами очеркѣ изображенъ славный замокъ Святаго Ангела, и мостъ, находящійся подлѣ него. Мостъ Святаго Ангела назывался прежде: Aelius, по другому имени Императора Адріана, который выстроилъ оный черезъ Тибръ, для свободнаго подъѣзда къ мавзолею, воздвигнутому напротивъ мавзолея Августова. Императоръ назначалъ сей мавзолей, то есть великолѣпныя палаты, мѣстомъ для своей гробницы. Папа Александръ VI, въ концѣ XV-го столѣтія, превратилъ палаты сіи въ цитадель. Замокъ Св. Ангела мѣсто историческое. Его исторія могла-бы составить занимательную книгу. Есть два мнѣ-

нія о названіи его. Одни говорятъ, что Григорій Великій, во время язвы, опустошавшей Римъ въ 597 году, увидѣлъ Ангела на высокой башнѣ Адріанова дворца, и возвѣстилъ окончаніе бѣдствія. Другіе, и гораздо вѣроятнѣе, полагаютъ, что названіе Св. Ангела произошло отъ бронзоваго изображенія, находящагося на самомъ высокомъ шпицѣ зàмка, по имени котораго называется и мостъ, ведущій къ нему. Нынѣшній видъ придалъ мосту сему Папа Климентъ IX. Онъ велѣлъ построить мраморные парапеты, желѣзную рѣшетку, и поставилъ на тумбахъ десять большихъ мраморныхъ изображеній Ангеловъ. Статуи сіи сдѣланы дурно, хотя надъ ними трудился Бернини со своими учениками.

Картина Іосифа Вернета представляетъ величественный видъ моста и зàмка Св. Ангела. Знатоки удивляются въ ней точности и живости всѣхъ изображеній. Не говоря уже объ архитектурныхъ зданіяхъ, которыя передъ глазами вашими, на картинѣ видите вы Итальянское небо, и струи Тибра, свидѣтеля всемірныхъ событій.

— *Нѣсколько замѣчаній на* Исторію Малой Россіи, *изд. Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.* — Въ 1й *части, гл. XIII, на страницѣ* 225, сказано: «Захарій Копистенскій, Архимандритъ Печерскій, умеръ въ 1626 году.» Но изъ книги, у меня находящейся :

«*Тріодіонъ, сіесть трипѣснецъ Святой Великой Четыредесятницы, отъ Елинскаго изслѣдованъ, благословеніемъ и тщаніемъ Преподобнаго и Православнаго отца К. Захарій Копистенскаго, Милостію Божіею Архимандрита Пегерскаго Кіевскаго, въ Кіоіновіи. С. Великія Чудотворныя Лавры Пегерскія Кіевскія Ставропигину* (сего слова нѣсколько буквъ въ концѣ вырвано) *Архіепископа Константинопольскаго, Патріарха Вселенскаго. Въ лѣто отъ созданія міра 7135, а отъ Рождества Христова 1627. Кгріопасха. Індикта* 11»— видно, что Захарій Копистенскій живъ былъ и въ 1627 году. Слова: *благословеніемъ* и *тщаніемъ*, то доказываютъ.

Въ *III-й гасти*, *примѣганія* 218, въ выноскѣ, сказано: «*Шестакъ*, монета, стоившая въ Малороссіи шестьдесятъ копѣекъ, въ половину противъ талера. *Котляревскій.*» Не знаю, въ какомъ вѣкѣ, и въ какихъ мѣстахъ Малороссіи, была такая цѣна монетѣ *шестакъ*, да и была-ли она, полно, монетою? Старожилы Малороссіяне, бывшіе Сумскаго полка Сотеннаго, а нынѣ Курской Губерніи уѣзднаго города Суджи, завѣряли меня, что въ Суджѣ, назадъ тому лѣтъ 60, въ *шестакѣ* щитали *двѣ Ляцкіи*; Ляцкихъ щиталось три въ копѣйкѣ, а шестаковъ три въ двухкопѣечникѣ; но особой монеты таковой цѣны тогда не было. Такимъ образомъ лѣтъ за 60 продавались, напр. восковыя свѣчи по полушкѣ, по *ляцкій* (не *Ляшеская*-ли, т. е. Польская, извѣстнаго въ то время достоинства монета?), по денежкѣ, по копѣйкѣ и проч. Полотна ткали отъ локтя: толстыя по *ляцкій*, а тонкія

(напр. въ 10 и 12 пасемъ) по копѣйкѣ, по *шестаку*, по шагу (по двѣ копѣйки). Изъ поговорки, употребляемой ткачами:

Стукъ да грякъ,
Три за *осьмакъ*.
Жинка иде,
Хлѣбъ несе,
Покрышку пшона,
Ще и кусокъ сала.

и другой, употребляемой простолюдинами въ укоризну безпечнаго человѣка, заботящагося болѣе о винѣ, нежели о платьѣ:

Лату на лату сажу,
А *осьмакъ* на горѣлку (пѣнное вино) щажу,

то есть:

Заплату на заплату нашиваю,
А деньги на вино сберегаю.

можно полагать, что была еще монета, или щеть, называвшійся *осьмакъ*, но какое ея было достоинство, я не могъ узнать.

Въ *I-й части, гл. XVII, стр.* 315, *подъ годомъ* 1651, сказано: «Кіевское Воеводство недостаточно было для помѣщенія притѣсненныхъ Украинцовъ. Хмельницкій исходатайствовалъ имъ дозволеніе селиться въ предѣлахъ Государства Россійскаго. Они перешли изъ-за Днѣпра въ Южныя страны Бѣлогородскаго вѣдомства, основали города Сумы, Харьковъ и другіе; составили потомъ пять Слободскихъ

полковъ: Острогожскій, Ахтырскій, Харьковскій, Сумскій и Изюмскій. Царь не только принялъ милостиво сихъ переселенцевъ, но даровалъ имъ почти всѣ преимущества Малороссійскихъ Козаковъ.» Но не упомянуто, были-ли тѣ мѣста до того уже кѣмъ-либо населены. Въ описи (имѣющейся у меня въ копіи) составленной 7172 (1664) года, по Указу Царя Алексія Михайловича, Герасимомъ Семеновичемъ Рагозинымъ, Сумскаго полка Сотенному городу Суджѣ, упоминается, что въ сіе время жившіе тамъ Черкасскіе Казаки имѣли по рѣкѣ Пслу и впадающимъ въ нее рѣкамъ рыбныя ловли, устроенныя плотины и на оныхъ мельницы; въ лѣсахъ бортневыя ухожья; въ самомъ городѣ и подгородникъ слободахъ 5 церквей, 782 двора жилыхъ и 24 шинковыхъ, винокурни, пивоварни и проч. Сіе заставляетъ сомнѣваться, чтобы Казаки, пришедшіе туда только съ показаннаго 1651 года, могли такъ обселиться, ежели не было тамъ коренныхъ жителей. Но если были, то кто они такіе? Откуда и когда пришли? Къ сожалѣнію, на картѣ Боплана, приложенной къ Исторіи Малой Россіи, кромѣ Ахтырки, ни одного города и другаго какого либо жилища не назначено, а оставлены мѣста, принадлежащія остальнымъ четыремъ полкамъ, совершенно впустѣ, между тѣмъ какъ можно полагать, что Ахтырка основаніемъ своимъ современна прочимъ полковымъ и сотеннымъ городамъ Слободскихъ полковъ. Недоумѣніе болѣе увеличивается отъ разрытія мною могильниковъ, находящихся въ Суджанскомъ уѣздѣ въ 13 верстахъ отъ г. Суджи, между селомъ Рождественскимъ, с. Горланью и р.

Псломъ, кои состоятъ изъ трехъ отдѣленій, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей одно отъ другаго отстоящихъ. Въ одномъ отдѣленіи, на распашной землѣ находящемся, разрыто мною 6, гдѣ оказались глиняныя банки, большею частію по одной, а въ иныхъ по двѣ, отъ 5 до 8 вершковъ вышиною и до 4 въ верхнемъ отверстіи, самой простой работы, съ находящимися въ нихъ жжеными костями. Во второмъ отдѣленіи, подъ лѣсомъ и въ лѣсу, изъ числа 8 разрытыхъ кургановъ, семь имѣли по одному человѣческому скелету, и изъ сихъ одинъ только былъ положенъ головою на востокъ, а прочіе, равно какъ и въ осьмомъ находящіеся три скелета, изъ коихъ одинъ означалъ женщину, по найденному на шеѣ монисту, другой мужчину, а третій дитя, лежащее на правой рукѣ мужчины, лежали бокомъ головою на западъ, а лицомъ обращены къ югу. Третіе отдѣленіе мною разрыто еще не было. Но и изъ сихъ уже видно различіе въ вѣроисповѣданіи и давнее житье въ сихъ мѣстахъ какого-то неизвѣстнаго народа. О семъ я уже имѣлъ честь извѣстить читателей *Историческаго и Статистическаго Журнала*, въ 1827 и 1828 годахъ, въ *Исторіи города Суджи*, и въ статьѣ *о Курганахъ и Могильникахъ Суджанскаго уѣзда*, и подъ статьею: *Почва земли*, писалъ въ *Статистикѣ Суджанскаго уѣзда*, изъ которой отпечатана одна статья въ Телеграфѣ на 1831 годъ. Желательно-бы было, чтобы Гг. Исторіографы и любители отечественныхъ древностей обратили на разысканіе сего особенное вниманіе.

Поелику-же изъ Грамашъ и другихъ акшовъ видно, чшо Малороссіяне Слободскихъ полковъ пользовались одинакими правами съ прочими, описанными въ Исторіи Малой Россіи, участвовали съ ними во многихъ походахъ, шерпѣли набѣгиТашаръ, разореніе отъ измѣнника Ивана Брюховецкаго и осадное сидѣнье, то, кажется, не лишнее-бы было присоединить Историческія о нихъ свѣдѣнія къ Исторіи Малой Россіи, чего къ сожалѣнію, не сдѣлано Г-мъ Издателемъ, или составить объ нихъ особую Исторію. Можно полагать, что по увеличивающейся теперь любви ко всему отечественному, нашлисябы ревностные помощники въ семъ полезномъ дѣлѣ.

При семъ желательно-бы было знать точныя границы прежней *Украины*, ибо въ Исторіи Малой Россіи, кажется, смѣшиваюшся слова: *Малороссія* и *Украина*, и точныхъ предѣловъ не означено; только изъ многихъ мѣстъ упомянутой Исторіи и другихъ акшовъ видно, что Украину составляли не земли нынѣшней Слободско-Украинской Губерніи, а мѣста отъ Кіева за Днѣпромъ находящіяся.

Уг. Дмитрюковъ.

№ 11. Іюнь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О НЫНѢШНЕЙ ТОРГОВЛѢ

Россіи съ Персіею.

До восшествія на престолъ Фетъ-Али-Шаха, Персія, безпрестанно раздираемая междоусобіями, или угнетаемая деспотизмомъ своихъ властителей, быстро смѣнявшихся одинъ другимъ, мало по малу утратила то благосостояніе, которымъ пользовалась при Шахѣ Аббасѣ Великомъ, покровителѣ просвѣщенія, торговли и промышленности. Однакожъ, хотя правленіе нынѣшняго Шаха и доставило спокойствіе Персіи, но мало способствовало къ народному благосостоянію, слѣдовательно, и къ государственному богатству. Правители, заботясь только объ удовлетвореніи чувственныхъ наслажденій, и о накопленіи сокровищъ, мало думаютъ о тѣхъ средствахъ, которыя могли-бы упрочить общее благо. Купецъ и земледѣлецъ суть послѣдніе предметы ихъ мы-

слей, и даже болѣе другихъ бываютъ подвержены притѣсненіямъ: если они въ избыткѣ, то на нихъ именно и обрушивается вся тягость налога. Торговля въ Персіи въ упадкѣ, и весьма естественно, потому что промышленность не можетъ процвѣтать при такомъ правленіи. Будущее также не обѣщаетъ Персіи благоденствія: смерть нынѣшняго Шаха, безъ всякаго сомнѣнія, повлечетъ за собою междоусобія, и нанесетъ новые удары торговлѣ и промышленности.

Между Персіянами есть нѣсколько купцовъ-капиталистовъ, но они, изъ опасенія, стараются не выказывать своего богатства вполнѣ: достаточно одной минуты прихоти, чтобы найдти предлогъ лишить каждаго изъ нихъ всей его собственности. Вотъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ, отъ чего купля товаровъ, а слѣдовательно и продажа оныхъ, рѣдко производится на наличныя деньги, но большею частію въ срокъ, отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцовъ. Прежде, классъ купцовъ въ Персіи отличался предъ другими классами народа большимъ благородствомъ и чистосердечіемъ; но теперь, по мѣрѣ того, какъ Правительство становится своевольнѣе, и, слѣдовательно, несправедливѣе, въ этомъ классѣ замѣчается менѣе честности и какая-то недовѣрчивость, почему, до правленія

болѣе прочнаго въ Персіи, не льзя ожидать, чтобы торговыя сношенія съ симъ государствомъ приняли твердое и надежное основаніе.

Торговля Россіи съ Персіею, въ послѣднее десятилѣтіе, подвергалась неоднократнымъ измѣненіямъ. До 1819 года, т. е. до водворенія въ Тавризѣ нашей Миссіи, Персіяне большую часть Европейскихъ товаровъ получали чрезъ Константинополь и Трапезунтъ; нашихъ купцовъ было тогда въ Тавризѣ только двое. Съ того времени, подъ покровительствомъ Миссіи, число оныхъ безпрестанно увеличивалось, и многіе Русскіе товары, по дешевизнѣ своей, вошли во всеобщее употребленіе по всей Сѣверной Персіи, вопреки мнѣнію Гамбы. Но это было не продолжительно. Транзитъ, предоставленный Закавказскимъ областямъ съ 1821 года, подорвалъ сбытъ нашихъ товаровъ, и мѣсто оныхъ, большею частію, заняли товары съ Лейпцигской ярмарки.

Изъ Персіи вывозятся въ Россію: *собственно для нея*, шелкъ, хлопчатая бумага, чернильные орѣхи, Кирманскія шали, Кирманская термолама, купоросъ, сарачинское пшено, кунжутное масло, сушеные фрукты; *исключительно для Грузіи и Мусульманскихъ провинцій*, разныя шелковыя матеріи, бурметье, кашанская термолама, коленкоръ (изъ Индіи), бязи, магмаръ,

(родъ бархата, съ цвѣтами, для подушекъ и тюфяковъ) ковры, хинина (которою Татары красятъ волосы), мѣха лисьи, табакъ, и, кромѣ сего, выгодно-бы было вывозить изъ Мазандерана чинаровое и орѣховое дерева, весьма красивыя для мебелей.

Русскіе товары идутъ въ Персію двумя путями: либо чрезъ Астрахань, на Ензили и Рештъ, либо чрезъ Тифлисъ, на Тавризъ. Къ товарамъ, которые весьма удобно могутъ быть сбываемы въ Персіи, принадлежатъ: сукно (болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ), ситцы, коленкоръ, кисеи, миткаль, бумажныя шали, на манеръ Персидскій, тафты Московскія, саржа, камлоты (сбываются въ большомъ количествѣ, особенно китайные, пестрыхъ цвѣтовъ); хрустальныя вещи, фарфоръ, галантерейныя вещи, зеркала, оконныя цвѣтныя стекла, чай, сахаръ, мѣха большіе хорьковые, канцелярное сѣмя (транзитомъ). Исключительно чрезъ Астрахань и Рештъ доставляются въ Персію: желѣзные товары, Сибирскаго издѣлія, какъ-то напр. подносы, кованые ящики, утюги для портныхъ, самовары, кофейники, чайники, и проч.

Впрочемъ, до сего времени не было обращено вниманія на многіе предметы, которые *могли-бы* имѣть хорошій сбытъ въ Персіи, напримѣръ: канительные позументы, Тульскія стальныя из-

дѣлiя, особенно ружья и пистолеты, цвѣточныя луковицы (Персiяне охотники до цвѣтовъ), канарейки (эти птицы въ большомъ уваженiи, и потому высоко цѣнятся, именно по 20 тумановъ, или 80 рублей серебромъ каждая; не безвыгодно было-бы привозить для нихъ и хорошiя клѣтки Русскаго издѣлiя).

При семъ случаѣ надобно замѣтить, что Персiяне отдаютъ большое преимущество тѣмъ Европейскимъ товарамъ, которые сообразнѣе съ ихъ причудливымъ Азiятскимъ вкусомъ. Чтобы припоровиться къ оному, то необходимо даже, чтобы фабриканты наши и ремесленники имѣли образчики тѣхъ Персидскихъ произведенiй, которыя намѣрены они замѣнить своими. Такъ, въ красномъ товарѣ Персiяне большое вниманiе обращаютъ на узоръ, а въ галантерейныхъ, стеклянныхъ, желѣзныхъ, и другихъ вещахъ, на внѣшнюю форму.

До сего времени торговля чрезъ Астрахань была въ рукахъ Персiянъ Рештскихъ, и ихъ родственниковъ, живущихъ нарочно для того въ Астрахани (*); а чрезъ Тифлисъ, исключи-

---

(*) Во время пребыванiя въ Ензиляхъ нашего Консула, въ этой торговлѣ участвовали и Русскiе купцы.

шельно въ рукахъ Армянъ, ибо Грузины не имѣюшъ ни малѣйшей склонносши къ шорговому промыслу. Армяне, народъ неприхошливый въ образѣ жизни, смышленый и дѣяшельный, могли-бъ бышь, съ шакими рѣдкими качесшвами, и съ познаніемъ Восшочныхъ языковъ, весьма полезными купцами для Россіи, если-бы не ограничивались мѣлочными видами, и если-бы врожденная въ нихъ сшрасшь къ обману и непозволенному барышу, не подрывала общаго къ нимъ довѣрія. Къ шому-же надобно прибавишь, чшо между Армянами мало капишалисшовъ, и даже шакихъ, кошорые могли-бы содержашь коммиссіонеровъ. Для закупки шоваровъ, они, большею часшію, сами ѣздяшъ на ярмарки, и, рѣдко имѣя наличныя деньги, занимаюшъ оныя, плашя до 20 и болѣе проценшовъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, пока они закупяшъ шоваръ и привезушъ оный на мѣсшо сбыша, слишкомъ за двѣ шысячи customersершъ, капишалы ихъ осшаюшся мершвыми, и сверхъ шого нарасшаюшъ еще огромные проценшы на долгъ.

Послѣ эшого не удивишельно, если купленный въ Россіи, или на Лейпцигской ярмаркѣ шоваръ, Армяне продаюшъ въ Персіи вшрое, и даже вчешверо дороже, прошивъ заплаченной самими ими цѣны. Вошъ на чшо особенно Русскіе купцы должны обрашишь вниманіе, и

наиболѣе въ нынѣшнее время, когда кончился срокъ десяти-лѣтнимъ торговымъ привиллегіямъ, дарованнымъ для Закавказскихъ провинцій въ Октябрѣ 1821 года; а предполагаемое учрежденіе складочныхъ мѣстъ по берегамъ Каспійскаго моря, доставитъ большія удобства для нашихъ торговыхъ сношеній. Въ такомъ случаѣ надобно будетъ принять мѣры противъ вывоза шелка изъ Гиляни въ Индію. Это составляетъ главнѣйшее произведеніе Персіи для мѣны, и сверхъ того важно для потребленія нашихъ фабрикъ.

Въ нашихъ Мусульманскихъ провинціяхъ, также какъ и во всей Персіи, изготовленіе шелковыхъ и бумажныхъ матерій производится не на фабрикахъ, но частно, городскими жителями, въ собственныхъ ихъ домахъ. Въ Шамахѣ, Елисаветполѣ и Шушѣ дѣлаютъ *мовь*, *дараи*, и *кассанъ*; изъ оныхъ, одна только мовь, которой нѣтъ и въ Персіи, вырабатывается въ большомъ количествѣ; она вошла въ общее употребленіе по Грузіи. Другія-же матеріи, дарая и кассанъ, расходятся большею частію на мѣстѣ; онѣ отличаются отъ Персидскихъ матерій того-же названія своимъ качествомъ: сіи послѣднія добротнѣе и чище выработаны. Жители Армянской Области, кромѣ *бязи*, другихъ матерій не изготовляютъ.

Въ Туркманчайскомъ трактатѣ, между прочимъ, постановлено: « Съ товаровъ, привози-

мыхъ въ Персію, или вывозимыхъ изъ сего государства, Россійскими подданными, а равно съ произведеній Персіи, привозимыхъ въ Россію чрезъ Каспійское море, или чрезъ сухопутную границу, и съ Россійскихъ товаровъ, тѣми-же путями вывозимыхъ изъ Имперіи Персидскими подданными, взимать пошлину, какъ и прежде, по 5 со ста, единожды навсегда, при ввозѣ или вывозѣ тѣхъ товаровъ, не подвергая уже оные послѣ сего никакой таможенной пошлинѣ.» Но правило сіе ни съ той, ни съ другой стороны, до сего времени, не могло быть соблюдаемо (*), по причинѣ существующихъ на пути *рахтаровъ*, какъ у насъ въ Мусульманскихъ провинціяхъ и Армянской Области, такъ и въ Персіи, гдѣ каждое Ханство пользуется особеннымъ таможеннымъ сборомъ. Взиманіе пошлины производится, либо съ вьюка, либо по оцѣнкѣ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ и тѣмъ и другимъ образомъ. Относительно оцѣнки есть особое правило, а именно: если купцу покажется она высокою, и онъ не пожелаетъ платить пошлины деньгами, то можетъ въ счетъ оной выдать слѣдующіе проценты товаромъ.

(*) Изъ сего исключается только одинъ Рештъ, гдѣ уже берется однообразная 5-ти процентная пошлина по оцѣнкѣ.

Весьма немногіе изъ Тифлисскихъ купцовъ ѣздятъ съ товаромъ во внутреніе города Персіи; почти всѣ останавливаются въ Тавризѣ, слѣдовательно, рахтарныя пошлины приходится имъ платить въ двухъ мѣстахъ Персіи: *Маранде*, и самомъ *Тавризѣ*; въ первой платятъ со вьюка 1 руб. 50 коп. серебр.; во второмъ 2 рубли по оцѣнкѣ товара, что составитъ гораздо менѣе 5%, и потому постановленіе трактата при нынѣшнемъ состояніи Персидской торговли нашей, не склоняется въ ея пользу.

По прочимъ важнѣйшимъ городамъ Персіи, сколько можно было узнать, существуютъ слѣдующія рахтарныя пошлины: *взимаемыя съ каждаго вьюка* — въ *Хоѣ* 3 р. серебр., *Міянѣ* 50 к. серебр., *Кашанѣ* 1 р. с., *Тегеранѣ* 2 р. с., *Зенгаѣ* 2 р. с., *Казбикѣ* 80 к. сер., *Эездѣ* 1 р. с., а *по оцѣнкѣ товаровъ*: въ Рештѣ, какъ уже сказано, по 5, въ Аспаганѣ и Ширазѣ по $2\frac{10}{20}$.

Въ верхней Персіи платятъ рахтарную пошлину сами купцы; въ средней и южной извощики, которые, въ случаѣ отвоза товара въ отдаленныя мѣста, берутъ за день по 50 к. серебр. съ каждаго вьюка; въ ближайшія-же мѣста они нѣсколько возвышаютъ эту цѣну, и берутъ за провозъ товара уже не по днямъ ѣзды, а съ вѣсу.

За провозъ товара сухимъ путемъ изъ Москвы, или съ Нижегородской ярмарки до Тифлиса платится съ пуда по 2 рубли серебромъ; водою-же по Волгѣ до Баки 4 р. 50 к. ассигн., и отъ Баки 2 рубли ассигн. съ пуда (*). Далѣе отъ Тифлиса до Тавриза съ вьюка (въ 12 или 14 пуд.) 12 рубл. серебр.— Въ послѣдніе годы, по причинѣ карантиновъ и большой перевозки хлѣба и аммуниціи, цѣна на перевозъ товаровъ далѣе Тифлиса чрезвычайно увеличилась. Отъ Тавриза до другихъ городовъ Персіи перевозятся товары извощиками, которые, какъ уже выше сказано, принимаютъ на себя плату *рахтарной* пошлины. За доставленіе въ Тегеранъ, съ каждаго Шахскаго батмана (въ 16 Росс. фунтовъ) берутъ они 50, или 60 к. сер., въ Испагань отъ 80 к. до 1 р. с., въ Кашанъ отъ 1 р. до 1 р. 20 к.

Для купца, кромѣ сихъ издержекъ, предстоятъ на пути еще многія другія. Онъ долженъ заплатить: 1), Оссетинскимъ владѣльцамъ, живущимъ по военно-Грузинской дорогѣ, десять рублей серебромъ за себя, и такую-же сумму

(*) Нынѣ плаваніе по Каспійскому морю безопасно только съ Мая по Ноябрь; но съ учрежденіемъ пароходовъ оно могло-бы быть производимо во всякое время года.

за извощиковъ; 2), рахтаръ съ каждаго вьюка въ Эривани 2 р., и въ Нахичевани столько-же; 3), за переправу чрезъ Араксъ, на Джульерскомъ паромѣ, въ полноводіе 20 к. сер., а въ другое время 10 к., и наконецъ, 4), рахтарныя пошлины въ самой Персіи, въ Марандѣ 1 р. 50 к. серебр. со вьюка, въ Тавризѣ по оцѣнкѣ 2 процента.

По сдѣланному исчисленію, доставка товаровъ съ Макарьевской ярмарки въ Тавризъ обходится, дорогихъ въ 4, дешевыхъ въ 12%.

Что-же касается до иностранныхъ товаровъ, то провозъ ихъ въ Персію, чрезъ Трапезунтъ и Арзерумъ, обходится въ 10%.—Недавно одинъ Французскій купецъ Сигфридъ (изъ дома Кеклена и комп.), провезъ товаръ свой въ Персію, транзитомъ, чрезъ Грузію; но непредвидѣнныя обстоятельства, и остановка на пути по Черному морю, за безвѣтріемъ, ввели его въ большіе расходы: провозъ до Тавриза стоилъ 22%, и кромѣ того онъ встрѣтилъ затрудненія въ сбытѣ своего товара. Столь неудачный первый опытъ врядъ-ли поощритъ другихъ къ подобному предпріятію, не смотря на всѣ краснорѣчивыя приглашенія Кавалера Гамбы.

При нынѣшнемъ, улучшенномъ состояніи военно-Грузинской дороги, чрезъ Кавказскія горы, товары изъ Россіи довозятся до самаго Тифлиса на телегахъ; отсюда-же, далѣе къ

Персіи, хотя и есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ арбовая дорога, какъ-то, напримѣръ, до Шуши, но не смотря на сіе перевозъ товаровъ большею частію производится на вьючномъ скотѣ. Между Тифлисомъ и Тавризомъ предпочитается до сего времени слѣдующій путь, какъ самый ближайшій: чрезъ Борчалы, Казахію, Делижанское ущелье, Эривань, Нахичевань, и за Джульерскою переправою на Араксѣ, чрезъ владѣнія Персидскія Маранду и Софіянъ. Вотъ подробный маршрутъ этого пути:

Тифлисскаго уѣзда.

Селеніе Телепы . . . 14 верстъ.

Селеніе Козы . . . . 11 верстъ.

Борчала.

Муганлы (въ 13 верст. отсюда Красный мостъ).

Казахіи.

Салаглы 26

Кущиканы 17

Караванъ-сарай 25

Эриванской Области.

Селеніе Рандамаль 60

Г. Эривань 40

Селеніе Ардаши 28

Сардараки. 28

Порашены. 38½

Нахичеванской Области.

Г. Нахичевань 56

Джульфская переправа. 25

Въ Персіи.

Георгерское ущелье .	примѣрно	……	125.
Маранди			
Тавризъ			

Всего . . . 493½ верстъ.

Дорога почти вездѣ ровная, и во многихъ мѣстахъ весьма удобная для проѣзда экипажей; она затруднительна только отъ Кущиканъ до границы Эриванской провинціи, особенно при переѣздѣ чрезъ Бомбанскій хребетъ горъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ сего хребта, называемомъ *Ешакъ Мейданъ* (Ишачья площадь), караваны подвергаются зимою большой опасности, особливо когда случится вьюга, и дорогу занесетъ глубокимъ снѣгомъ. Въ такое время почти всегда погибаетъ путъ по нѣскольку штукъ вьючнаго скота, особенно имаковъ (*).

(*) По случаю чумы, свирѣпствовавшей въ Армянской Области, и особенно, чтобы избѣжать карантиновъ, торговые караваны изъ Персіи въ Тифлисъ, и обратно, шли другимъ путемъ, который нѣсколько дальше, а именно: отъ Худо-Перинскаго моста на Араксѣ, чрезъ Карабазъ, Елисаветопольскій округъ и Татарскія дистанціи. Эта дорога, отъ Шуши до Тифлиса, удобна для проѣзда экипажей.

Со времени присоединенія къ Россіи Армянской Области, дорога сія совершенно безопасна; при Персидскомъ-же правительствѣ купеческіе караваны переправлялись чрезъ Бомбанскій хребетъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ. Отъ Делижанскаго ущелья до Эриванской границы, они провожаемы были Казацкими караульными, а далѣе, отъ границы до первой Эриванской деревни Эйчи, Персидскими; на этихъ мѣстахъ, весьма удобныхъ для притона разбойниковъ, нерѣдко дѣлали грабежи Айрюмцы, кочующіе около озера Гокчи.

Провозъ иностранныхъ товаровъ въ Персію, транзитомъ чрезъ Грузію, начался со времени дарованія торгова го транзита, въ Октябрѣ 1821 года. Наиболѣе зажиточные изъ Тифлисскихъ купцовъ, которые торговали прежде единственно товарами, привозимыми изъ Россіи, обратились тогда всѣ почти на Лейпцигскую ярмарку, и десять лѣтъ потомъ, пользуясь платежемъ легкой 5% пошлины, они наполняли Тифлисскій рынокъ и снабжали большую часть Персіи товарами иностранныхъ фабрикъ, въ подрывъ нашей отечественной промышленности.

Транзитный путь чрезъ Грузію, которымъ провозили иностранные товары въ Персію, начинался у лежащей на берегу Чернаго моря крѣпости Редутъ-Кале, и шелъ къ Тифлису чрезъ

всю Имеретію, а потомъ чрезъ Горійскій округъ (на разстояніи 340 верстъ); дорогу-же отъ Тифлиса къ Тавризу выбирали ту, о которой говорено выше. Слѣдственно всего транзитнаго пути до границы Аракса выходило около 735 верстъ.

При учрежденіи таможенъ и заставъ по сухопутной Персидской границѣ, должны обратить на себя особенное вниманіе два главные пункта на рѣкѣ Араксѣ: *Худоперинскій мостъ*, по которому идетъ дорога въ Грузію чрезъ Карабагъ, и *Джульерская переправа*, лежащая на главномъ пути отъ Тавриза къ Тифлису, чрезъ Нахичевань, Эривань и Казахію. Здѣсь должно сказать еще о двухъ пограничныхъ пунктахъ, которые въ настоящее время не заключаютъ въ себѣ большой важности: *первый*, гдѣ проходитъ дорога изъ Хойской провинціи въ Южный Эриванскій округъ Шерурь, и *другой* при переѣздѣ Талышинскихъ горъ, отъ Ардебиля къ нашей крѣпости Ленкорану. Изъ сихъ пунктовъ три, кажется, должны быть избраны для учрежденія таможенъ: *Джульерская переправа*, или лучше *Г. Нахичевань*, отстоящій отъ оной на 25 верстъ; Худоперинскій мостъ, и пограничное мѣсто на Джогломъ Ардебилѣ къ Ленкорану. На третьемъ пунктѣ достаточно будетъ одной таможенной заставы, ибо изъ Хои въ Эриванскую провинцію можно проѣхать еще другимъ

путемъ чрезъ Нахичевань, а потому и ходъ торговыхъ каравановъ можетъ быть отведенъ на сію дорогу; по оной переправа чрезъ Араксъ у Аббасъ-Абада.

Не зная подробно мѣстности около послѣднихъ пунктовъ, здѣсь можно говорить только въ разсужденіи тѣхъ таможенныхъ учрежденій, которыя предполагается устроить въ Нахичеванской Области. Съ этой стороны, весьма достаточно одной таможни въ Г. Нахичеванѣ; только при семъ нужно принять большія мѣры предосторожности, противъ тайнаго ввоза товаровъ.— Араксъ, по всему протяженію своему, вдоль Нахичеванской Области, имѣетъ много бродовъ, удобныхъ для перехода; полноводіе-же, когда они бываютъ закрыты, продолжается только съ небольшимъ два мѣсяца: Апрѣль, Май, и начало Іюня. Въ это время переправа на заграничный берегъ производится не иначе, какъ на паромахъ. Такихъ переправъ шесть: 1) начиная съ сѣверо-западной стороны Области, *Гагаьская*, у сел. Шахтахты; 2) *Буманская*, у селенія того-же имени; 3) *Аббасъ-Абадская*, у крѣпости; 4) *Дарашанская*, у Персидской деревни того-же имени; 5) *Джульфинская*, четырьмя верстами ниже сел. Джульфы, и 6) *Ябжинская* у сел. Ябжи, Ордубатскаго округа. Главные паромы, Джульфинскій и

Аббасъ-Абадскій, подымаютъ каждый до 300 пудъ. При такомъ положеніи нашей границы, необходимъ самый бдительный надзоръ таможенной стражи, вдоль всего берега Аракса, а чтобы еще вѣрнѣе предупредить тайный провозъ товаровъ, то было-бы не безполезно имѣть и на прочихъ границахъ Нахичеванской Области досмотрщиковъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ изъ оной дороги въ Эриванскую Область и въ Карабахъ. Въ первую идутъ двѣ дороги изъ Нахичевана, соединяющіяся въ Шарурскомъ округѣ; крайнія по этимъ дорогамъ селенія Нахич. Области, суть: Геурархъ и Карабагларъ. Отъ Карабага отдѣляется Нахич. Область отрогомъ Бомбанскихъ горъ; есть примѣты, что въ прежнія времена, при большихъ торговыхъ сношеніяхъ, караваны съ товаромъ переѣзжали чрезъ эти горы въ нѣсколькихъ мѣстахъ; начиная съ сѣверо-западной стороны: 1), *въ Даралагезескомъ Магалѣ*, мимо Селимова Караванъ-сарая, построеннаго на самой вершинѣ пограничныхъ горъ; отсюда идутъ дороги на озеро Ганчу, въ Елисаветпольскій округъ, и въ Шушу; 2), въ *Нахигеванскомъ Магалѣ*, черезъ селеніе Кара-бабу: это самая главная дорога отъ Нахичевана въ Шушу; во время последней войны съ Персіянами Руские улучшили ее, и она сдѣлалась съ того времени удобною для проѣзда экипажей; 3), въ *Аланджинскомъ Магалѣ*:

остатки караванъ-сараевъ, встрѣчающихся во многихъ мѣстахъ, вдоль рѣки Аланджа-Чая, служатъ доказательствомъ, что прежде былъ тутъ караванный путь, проходившій чрезъ пограничное селеніе *Казанги*; 4-й и 5-й, Ордубаскаго округа, въ Магалахъ *Биллевскомъ* и *Ордубатгайскомъ*: въ первомъ пограничное селеніе *Бистъ*, во второмъ *Нюсъ-Нюсъ*; въ обоихъ сихъ мѣстахъ дороги крутыя и каменистыя; онѣ затруднительны даже для проѣзда вьюковъ.

Съ окончаніемъ транзита Закавказскаго, провозъ иностранныхъ товаровъ транзитомъ, черезъ Грузію, или совсѣмъ долженъ прекратиться, или подвергнуться значительному уменьшенію. Весьма многіе изъ транзитныхъ товаровъ, будучи подведены подъ высокую пошлину Европейскаго тарифа, уже не выдержатъ совмѣстничества съ издѣліями Русской мануфактурной промышленности, и можно надѣяться, что сіи послѣднія, по дешевизнѣ своей и возрастающей добротѣ, войдутъ въ общее употребленіе по Сѣверной Персіи, какъ было сіе съ 1819 по 1821 годъ. Остается только желать, чтобы выгоды, отъ сего ожидаемыя, родили предпріимчивость въ Русскихъ купцахъ, и склонили-бы ихъ къ непосредственному сношенію съ Персіею. Въ такомъ случаѣ, Нахичевань, довольно важный пунктъ, при настоящемъ положеніи нашей тор-

говли, когда она вся почти находится въ рукахъ Тифлисскихъ Армянъ, долженъ будетъ уступить свое преимущество прибрежнымъ городамъ Каспійскаго моря, *Бакѣ* и *Ленкорану* (*): вотъ два мѣста, въ которыхъ учрежденіе складочныхъ магазиновъ было-бы весьма полезно. Отъ Ленкорана идетъ удобная дорога къ Тавризу, чрезъ Ардебиль; она могла-бъ быть чрезвычайно важною, для торговыхъ сношеній нашихъ съ Сѣверною Персіею. Но чтобы еще болѣе распространить сіи сношенія, то необходимо обратить особенное вниманіе на заливъ *Ензилейскій*, какъ самый надежный на всемъ западномъ берегу Каспійскаго моря; онъ могъ-бы служить *средоточіемъ* нашей торговли съ среднею и южною Персіею; отъ Ензили весьма небольшой переѣздъ моремъ въ Рештъ (около 20 верстъ), а отсюда идутъ дороги во всѣ главнѣйшіе города Персіи (**). Кромѣ того, самое Ханство Гилянское, и сосѣдній съ нимъ Мазандеранъ, суть тѣ области Персидскія, которыя наиболѣе изобилуютъ произведеніями для мѣновой торговли. Сколько извѣстно, Правитель-

---

(*) О *Ленкоранѣ* прилагается дополнительная статья.

(**) Отъ Решта до Тегерана караваны ходятъ въ 10 дней, а до Испагани въ 25 дней.

ство наше уже имѣло намѣреніе назначить въ Ресштъ съ своей стороны торговаго агента, но остановилось привести сіе въ исполненіе послѣ отзыва Тегеранскаго Двора, что по причинѣ неспокойнаго духа Гилянскихъ жителей, и замѣченной въ нихъ непокорности, онъ не можетъ отвѣчать за безопасность нашего агента. Такой отзывъ не имѣетъ никакого основанія: стоитъ только вспомнить, что въ семъ городѣ уже есть агентъ со стороны Англіи, и до сего времени пользуется совершенною безопасностію.

Извѣстно, что Правительство каждаго государства, въ обложеніи иностранныхъ товаровъ пошлиною, руководствуется раздѣленіемъ оныхъ на два разряда: въ *одномъ*, который долженъ пользоваться платежемъ легкой пошлины, заключаются такіе товары, которыхъ не имѣетъ государство, и которые между тѣмъ необходимо нужны для потребленія народной промышленности онаго, или которые, по цѣнности своей, могутъ служить для мѣновой и транзитной торговли; ко *второму* разряду, гдѣ полезнѣе увеличенная пошлина, принадлежатъ предметы роскоши, и такіе товары, которымъ подобные обработываются на фабрикахъ государства. Въ отношеніи торговли нашей съ Персіею, всѣ произведенія земли ея можно причислить къ *первому* разряду, какъ то, главнѣй-

шее: шелкъ, хлопчатая бумага, сарачинское пшено, сушеные фрукты, разныя красильныя и лекарственныя растенія; ко *второму* отойдутъ шелковыя, бумажныя и шерстяныя матеріи, выдѣлываемыя собственно въ Персіи, и также получаемыя ею изъ Индіи.

Персія получаетъ чрезъ Турцію слѣдующіе товары: сукна, бархатъ, атласъ, тафты, кисеи, часы и другія галантерейныя вещи, хрустальныя издѣлія, ружья, пистолеты, желѣзо, мѣдь, свинецъ, стальныя вещи, и разные мѣха. Какъ мы уже выше сего говорили, Россійскіе купцы успѣли было подорвать эту торговлю, но въ свою очередь были остановлены привиллегіями Закавказскими. Впрочемъ, если и продолжается привозъ Европейскихъ товаровъ въ Персію чрезъ Константинополь, то именно потому только, что Русскіе купцы собственно не обращаютъ на это вниманія. За исключеніемъ весьма немногихъ издѣлій, которыя отличаются превосходною выработкою, всѣ прочіе изъ Европейскихъ товаровъ могли-бъ быть замѣнены Русскими, которые, если-бъ были привезены нашими купцами, или ихъ коммиссіонерами, но только *не Армянами*, то въ скоромъ времени по дешевизнѣ своей были-бы предпочтены иностраннымъ товарамъ.

Дополнительныя свѣдѣнія о Ленкоранѣ.

Ленкоранъ, главный городъ Талышинской области, находится на самомъ берегу Каспійскаго моря, къ Югу отъ Баки. Мѣстоположеніе его весьма важно для торговыхъ сношеній Россіи съ Персіею, и представляетъ всѣ къ тому удобства. Къ Ленкоранской пристани подходятъ самыя большія суда, плавающія по Каспійскому морю; въ случаѣ непогоды, разгрузившись у города, они могутъ отходить для безопасной стоянки къ острову Бари, лежащему въ 6 верстахъ отъ берега.

При новомъ оборотѣ торговли нашей съ Персіею, именно когда собственно-Русскіе купцы примутъ въ ней непосредственное участіе, на Ленкоранъ должно обратить особенное вниманіе. Онъ можетъ быть средоточіемъ сношеній нашихъ съ Сѣверною и Среднею Персіею. Не говоря о самомъ легкомъ переѣздѣ изъ онаго, моремъ, въ囘Рештъ, и другіе прибрежные города, онъ пользуется еще весьма удобнымъ сухопутнымъ сообщеніемъ, съ важнѣйшимъ торговымъ городомъ Персіи, *Тавризомъ*. Туда идутъ отъ Ленкорана двѣ дороги, соединяющіяся у Ардебиля: одна, вьючная, проходящая къ югу, чрезъ пограничныя Талышинскія горы; другая арбовая; она простирается сначала къ сѣверу

отъ Ленкорана, на Муганскую степь, потомъ обгибаетъ Талышинскія горы, и идетъ къ Ардебилю чрезъ мѣстечко Мешкинъ. По первой караваны доходятъ до Ардебиля въ 4, а по послѣдней въ 10 дней.

При учрежденіи въ Ленкоранѣ таможни, надобно имѣть въ виду три пограничные пункта, для предупрежденія тайнаго провоза. Вьючная дорога у Талышинскихъ горъ пересѣкается рѣчкою Астарою; построенный чрезъ нее *каменный мостъ* можетъ быть *первымъ* пунктомъ, гдѣ нуженъ надзоръ таможенной стражи; *второй* пунктъ лежитъ къ сѣверу отъ Астары, на день ѣзды; тутъ есть дорога черезъ горы и другая мимо селенія Сіялалы; по оной важнѣйшее для надзора мѣсто должно быть выбрано у *Лакерскаго* моста, на рѣчкѣ Вазару. *Третьяго* пункта съ точностію опредѣлить не льзя. По арбовой дорогѣ, границу нашу съ Персіею составляетъ рѣчка Одинобазаръ, удобная для переѣзда, во всѣхъ почти мѣстахъ, слѣдственно тутъ вдоль рѣчки нужны будутъ разъѣзды таможенной стражи. Для мѣстопребыванія оной могутъ служить два селенія близъ Одинобазара, Кирилъ Агачъ и Археванъ. И теперь, идущіе по арбовой дорогѣ караваны всегда останавливаются въ сихъ селеніяхъ, какъ для отдыха, такъ и для запаса фуражемъ и провизіею.

Лѣтъ десять тому, чрезъ Ленкоранъ шла большая часть товаровъ изъ Россіи въ Персію, и обратно; теперь по этой дорогѣ ѣздятъ только Тавризскіе Персіяне, торгующіе съ Астраханью и Нижнимъ Новгородомъ.— До присоединенія Талышинскаго Ханства къ Россіи, *рахтарная* статья въ ономъ оставалась на откупѣ за 1000 тумановъ (4000 рублей серебромъ). Съ каждаго вьюка провозимаго товара взыскивалось по 40 к. серебромъ, на наши деньги, слѣдственно, по примѣрному исчисленію, можно положить, что чрезъ Ленкоранъ проходило въ годъ болѣе 15 т. вьюковъ.

Городъ сей, пользующійся столь выгоднымъ мѣстоположеніемъ, не имѣетъ впрочемъ никакихъ удобствъ для храненія товаровъ; при послѣднемъ нашествіи непріятеля и самый даже базаръ былъ разрушенъ. Въ семъ случаѣ, учрежденіе здѣсь складочнаго мѣста было-бы весьма важно, какъ для поддержанія теперешней торговли, такъ въ особенности для видовъ на будущее время.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Миръ съ Персіею и Турціею, усиленіе мануфактурной промышленности въ Россіи, и уничтоженіе Закавказскаго транзита, должны наконецъ обратить особенное вниманіе нашихъ производителей и капиталистовъ, на сбытъ Русскихъ товаровъ за Кавказомъ и тамошнюю торговлю съ Персіею и Азіятскою Турціею. Въ семъ случаѣ, каждый благомыслящій гражданинъ, конечно, приметъ на себя трудъ обстоятельно подумать о средствахъ, коими можно доставить отечеству новые, обильные источники сбыта, присвоить себѣ торгъ, коимъ завладѣли иностранцы издалека, пользуясь правами бывшаго транзита, и который огражденъ теперь отъ ихъ покушеній новымъ тарифомъ. Недостатокъ свѣдѣній о Закавказской мѣстности, долженствующихъ послужить основою для подобныхъ соображеній, побудилъ насъ испросить позволеніе печатать въ Телеграфѣ извлеченія изъ достовѣрныхъ описаній, собранныхъ тамъ на мѣстахъ, подъ распоряженіями бывшаго Губернатора Грузіи, Его Превосходительства, П. Д. Завилейскаго, разными, бывшими при немъ Чиновниками. Надѣемся, что почтенные производители наши оцѣнятъ, какъ сущность сихъ положительныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній, такъ и желаніе услужить имъ оными. Предлагаемая теперь статья извлечена изъ замѣчаній, собранныхъ Г-мъ Надворн. Совѣтн. Григорьевымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, желательно, чтобы Русскіе производители подумали наконецъ о патріотическомъ предпріятіи, которому положено начало учрежденіемъ *Закавказской торговой Компаніи.* Планъ и адресъ сей Компаніи извѣстны

изъ объявленій и статей, помѣщенныхъ въ Коммерческой Газетѣ, и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Не должно даже и предполагать той мысли, чтобы почтенныя особы, положившія начало сей Компаніи, искали въ ней какихъ-либо личныхъ прибылей. Единственная цѣль ихъ — дать, хотя начальныя средства Русскимъ производителямъ къ торговымъ сношеніямъ, сперва за Кавказомъ-собственно, а потомъ и далѣе. До сихъ поръ, отъ взаимныхъ недоразумѣній, не могли быть однакожь приведены въ исполненіе предпріятія Компаніи. Конечно, никто не осудитъ благоразумной осмотрительности въ дѣлахъ коммерческихъ; но и лишняя медленность можетъ быть вредна, во всѣхъ отношеніяхъ, для производителей нашихъ. Надобно вспомнить, что соперники наши не дремлютъ, пока мы думаемъ и не принимаемся за дѣло. *Изд. Телвер.*

ПЕСЧИНКА.

(*Продолженіе*).

Самъ не понимая что дѣлаетъ, Гюгъ держалъ руку сестры своей, сильно жалъ ее, и говорилъ: «Отвѣчай! Отвѣчай-же, Елена! Невозможно, чтобы ты была виновна... я не вѣрю этому! Говори, Елена! братъ твой умоляетъ тебя! говори, и я заставлю молчать твоихъ клеветниковъ!» Когда-же она, задыхаясь отъ слезъ, молчала, «Развѣ слезы оправданіе?» вскричалъ Гюгъ. «Спрашиваю тебя еще разъ: скажи мнѣ, что они *солгали*, что ты *невинна*, что ты еще сестра моя, моя Елена; посмотри на Ансельма: онъ также страдаетъ, какъ я... Онъ уже сомнѣвается!»— Сомнѣвается? — вскричала Елена, какъ будто это слово возвратило ей чувства. — Ахъ! я очень несчастлива, потому что, клянусь тебѣ, братецъ! я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя! — Сіи слова облегчили сердце Гюга отъ бремени, тяжко на немъ лежавшаго. Онъ вздохнулъ свободно, обратился къ окружавшимъ его, и сказалъ: «Ну, это я напередъ зналъ! Видите, что она невин-

на?» — Прекрасное доказательство! — заговорило все собраніе. Послышался даже коварный смѣхъ. Ансельмъ кусалъ себѣ губы. Гюгъ взялъ сестру свою за руку. «Мнѣ обѣщали представить свидѣтелей,» сказалъ онъ, удерживая свою ярость — «это должны будутъ сдѣлать сегодня-же! Проводивъ ее, я возвращусь сюда, и худо будетъ тому, кто ложно посвидѣтельствуетъ противъ Елены: онъ дорого мнѣ заплатитъ!»

Оживленный гнѣвомъ, Гюгъ пошелъ быстрыми шагами, увлекая съ собою Елену. Тяжкая мысль терзала ее; она не смѣла оглянуться; но когда вошла она съ братомъ въ чердакъ свой, на улицѣ Большаго Бѣлаго Орла, бѣдная увидѣла, что печальное предчувствіе было справедливо. «Мы возвратились *одни*, братецъ!» вскричала она, съ выраженіемъ отчаянія. «Одни! Ансельмъ не пошелъ съ нами!» Гюгъ обвелъ кругомъ себя мрачный взоръ... подошелъ къ двери, будто подслушивая, нейдетъ-ли кто нибудь... отворилъ окошко... смотрѣлъ на улицу... не было Ансельма! «Онъ уже бѣгаетъ отъ насъ,» проворчалъ Гюгъ, «а я еще не смѣю и подозрѣвать ее!..»

— Ахъ! ты правъ, милый братецъ! — сказала бѣдная Елена. — Повѣрь мнѣ: это клевета, не понимаю кѣмъ и для чего выдуманная; это

мщеніе, но за что, не знаю! Можетъ быть, это ошибка; ахъ! вѣрно, это ошибка, ошибка ужасная! Повѣрь мнѣ... на колѣняхъ умоляю тебя! клянусь тебѣ могилою отца, честью, Богомъ клянусь... Нѣтъ, милый братъ мой! нѣтъ, я не заслужила безчестія, какое сегодня оказали мнѣ люди!» Говоря все это, бѣдняжка, то бросалась на колѣни, то сжимала въ объятіяхъ своихъ добраго брата, который ворчалъ сквозь зубы: «Всѣ они говорили, что есть свидѣтели, доказательства... Боже мой! я вѣрю тебѣ, Елена, вѣрю, что ты невиновата; но для чего-же они тебя обвиняютъ? Никогда не было у насъ ни худыхъ сосѣдей, ни злыхъ враговъ; они должны-бы уважать насъ, и, напротивъ, наперерывъ нападаютъ на тебя!» Елена ломала себѣ руки, схватывала себя за голову, и могла говорить только одно: «Чѣмъ я прогнѣвала тебя, Боже мой! что Ты посылаешь мнѣ такое тяжкое наказаніе!»

Гюгъ хотѣлъ наконецъ оставить свою сестру, и возвратиться въ собраніе согражданъ своихъ, къ церкви, гдѣ, вѣроятно, они еще толпились, когда вдругъ растворилась дверь, и вошелъ Ансельмъ, блѣдный, убитый, съ мрачными взорами, едва въ силахъ вымолвить что нибудь. Прежде нежели будущій шуринъ его успѣлъ спросить о причинѣ такого ужаснаго состоянія,

Ансельмъ взялъ его за руку. «Прощай, братъ!» сказалъ онъ. «Я пришелъ къ тебѣ проститься! Немедленно оставляю я городъ. И все, что ты самъ можешь сдѣлать лучшаго, оставь и ты его, бѣги куда нибудь! я все узналъ; все слишкомъ явно доказано: сестра твоя обманула насъ обоихъ!» Горестно заплакала Елена. Ансельмъ спѣшилъ выйдти; но Гюгъ удержалъ его за руку. «Ты не шутишь, Ансельмъ?» сказалъ онъ.

— Боже мой! я самъ видѣлъ деньги, которыя дали этому маленькому Фрицу, чтобы онъ молчалъ!..

«Но что за связь между этимъ ребенкомъ и преступленіемъ сестры моей?

— Фрицъ видѣлъ вчера этого мерзавца, когда *онъ* приходилъ безъ насъ къ Еленѣ..

«Какое безстыдство!» вскричала Елена.

— Поздно оправдываться, сударыня! Весь городъ васъ обвиняетъ: не хотятъ васъ видѣть, не хотятъ быть съ вами, пока вы не оправдаетесь. Но знаете-ли вы, чего стоитъ мнѣ разлука съ вами.. Я любилъ васъ, любилъ искренно.. Но я не хочу быть мужемъ такой дѣвушки, у которой первый любовникъ не будетъ мужъ ея.

«Ансельмъ! подумай о томъ, что ты гово-

ришь!» сказалъ Гюгъ. «Ты отказываешься отъ руки Елены?»

— Да, и очень знаю, что я дѣлаю! Довольно наслушался я сегодня... голова у меня кружится, сердце мое разрывается! я бѣгу отсюда. Ту, которой передамъ я имя свое, люди должны уважать!

«Ахъ, господинъ Ансельмъ! И вы также могли подумать, что я виновна!»

— Противъ правды и явной улики нечего говорить! Всѣ порядочные люди обвиняютъ васъ.

«Знаете-ли вы, сударь,» сказалъ Гюгъ, удерживая гнѣвъ свой, «знаете-ли, что я болѣе имѣю довѣренности къ одному слову сестры моей, нежели къ болтовнѣ всѣхъ этихъ *порядочныхъ людей?*»

— А я думаю — сказалъ Ансельмъ — что безъ доказательствъ, и безъ причинъ, цѣлый городъ не обвинялъ-бы сестры вашей. Развѣ деньги, данныя Фрицу, не доказательство? Спросите самого Фрица, о человѣкѣ *въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ*... слышите-ли вы, Елена: человѣкъ *въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ*! Нечего говорить болѣе — прощайте — все кончено!

«Мы еще увидимся, Ансельмъ?»

— Никогда! — Это было послѣднее его слово.

Гюгъ еще хотѣлъ остановить его, но Ансельмъ захлопнулъ за собою дверь.

« Послушай, Ансельмъ! Неужели мы такъ разстанемся съ тобою? » кричалъ Гюгъ, отворивъ за нимъ дверь — но Ансельмъ былъ уже далеко.

— Я не переживу этого! — вскричала Елена. — Ахъ! я вижу, что онъ *не любилъ* меня. . .

III.

Испытаніе взоромъ.

Если ты боишься говорить, то, по крайней мѣрѣ, посмотри на меня. . . Не сказывай мнѣ своей тайны — я прочитаю ее въ глазахъ твоихъ!

Фердинандъ Вилльнёвъ, *Рукопись стараго Магистра.*

Бѣгите всѣ къ старинымъ воротамъ, смотрѣть на блестящій поѣздъ!

Викторъ Гюго.

Изъ всѣхъ ударовъ, поразившихъ сердце брата Елены, разлука съ Ансельмомъ была самымъ чувствительнымъ ударомъ. Въ порывѣ гнѣва, Гюгъ бранилъ его, вслухъ называлъ злымъ, неблагодарнымъ, но тайный голосъ въ сердцѣ его оправдывалъ друга. « Ансельмъ, » думалъ про

себя Гюгъ, «уступилъ не пустой болтовнѣ сосѣдей; онъ не искалъ только предлога, чтобы разорвать всѣ связи съ товарищемъ своихъ трудовъ, другомъ своего дѣтства, своимъ братомъ; нѣтъ! Когда весь городъ возопилъ, и погналъ невѣсту его изъ круга честныхъ людей, онъ изгналъ самого себя, какъ будто стыдъ ея падалъ на его голову! Онъ страдаетъ за безчестіе семейства, которое еще не его семейство. Онъ кажется самому себѣ презрительнымъ, когда презираютъ его невѣсту! Злой человѣкъ присоединилъ-бы свой голосъ къ обвинителямъ Елены; неблагодарный остался-бы въ томъ городѣ, гдѣ всѣ его любили, всѣ знали, гдѣ легко могъ онъ найдти другаго товарища и другое утѣшеніе. Его привычки, его личная польза, все удерживало его здѣсь, и онъ все оставилъ. Удалиться, бѣжать такимъ образомъ, надобно было сильное убѣжденіе, а послѣ убѣжденія совершенное отчаяніе, потому что Ансельмъ честенъ. А слезы, которыя тщетно старался онъ скрывать, довольно свидѣтельствуютъ за его сердце!» Елена не могла разсуждать такимъ образомъ, и притомъ только она знала, какъ безбожно и несправедливо ее винили! Но можно-ли оспорить обвиненіе, когда всѣ убѣждены въ непобѣдимой силѣ доказательствъ противъ Елены?

Послѣ долгаго молчанія, прерываемаго только рыданіями молодой швеи, сидѣвшей въ уголку чердака, на которыя братъ ея отвѣчалъ отъ времени до времени глубокими вздохами, Гюгъ началъ опять говорить.

«Въ послѣдній разъ, сестра!» сказалъ онъ, угрюмо взглянувъ на Елену — «въ послѣдній разъ скажи мнѣ: виновна ты, или невинна?» Елена хотѣла отвѣчать. «Остановись!» сказалъ Гюгъ. Онъ отворилъ дверцы стариннаго, огромнаго шкафа, взялъ на полкѣ его толстую книгу, переплетенную въ пергаментъ, и показалъ ее сестрѣ. «Ты знаешь эту книгу,» сказалъ Гюгъ: «это *Библія*, по которой отецъ училъ насъ читать. Всякая клятва, данная передъ такимъ свидѣтелемъ, вписывается *тамъ*, и тяжко упадетъ на насъ при послѣднемъ пришествіи Бога, если мы клялись несправедливо! Понимаешь-ли ты, что значитъ поклясться надъ сею книгою, здѣсь, на этой страницѣ, гдѣ означенъ день твоего рожденія, поклясться въ томъ, что на твоей душѣ нѣтъ грѣха?» Елена вдругъ отерла глаза свои, и твердымъ голосомъ отвѣчала: «Понимаю, и готова поклясться!» Устремивъ взоръ свой на глаза сестры, Гюгъ, слово за словомъ, сказывалъ клятву, и Елена повторяла всѣ слова оной, не блѣднѣя.

«Теперь,» сказалъ Гюгъ, «мнѣ нѣтъ надобности въ чужомъ свидѣтельствѣ; но Ансельма долженъ я убѣдить въ твоей невинности. Я пойду теперь, Елена, пойду распрашивать тѣхъ, кто говоритъ, что у нихъ есть доказательства. Не бойся ничего. Я не разсержусь! Хладнокровно взвѣшу всѣ ихъ слова, узнаю источникъ клеветы, и обѣщаю тебѣ быть спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока найду виновника твоего безславія!» Разувѣривши сестру свою, долго не смѣвшую отпустить отъ себя брата, ибо она страшилась всего, Гюгъ отправился.

Первое дѣло его было сыскать Фрица. Онъ нашелъ наконецъ этого мальчика, въ толпѣ дѣтей, и началъ допрашивать. Шалунъ столько разъ повторялъ со вчерашняго дня, что онъ очень хорошо видѣлъ, какъ прекрасный незнакомецъ, въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ, вышелъ отъ дѣвицы Елены, что и теперь не разсудилъ за благо отпираться отъ своихъ словъ. «Хорошо,» сказалъ Гюгъ, «узнаешь-ли ты этого человѣка, если увидишь его еще разъ?»

— Узнаю-ли? Почему-же мнѣ это знать — отвѣчалъ Фрицъ, въ досадѣ, что ему мѣшали продолжать игру съ товарищами.

«Но, вѣдь ты сказываешь, что говорилъ съ нимъ?

— Разумѣется, что если-бы онъ опять сталъ говорить со мною, то я узналъ-бы его. . . Да, не мѣшайте-же мнѣ! Вы видите, что теперь моя очередь — вѣдь я этакъ промахнусь! — Фрицъ игралъ въ кегли съ товарищами.

«Теперь я тебя оставлю. Но завтра ты долженъ идти со мною.»

— Куда-же, господинъ Гюгъ?

«Завтра ты узнаешь объ этомъ.»

Не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ словъ ребенка, но не смѣя допустить и малѣйшаго сомнѣнія о невинности сестры своей, Гюгъ мгновенно составилъ себѣ планъ дѣйствій, который рѣшился въ тоже время скрыть отъ своей сестры. Онъ возвратился къ ней. Видъ его былъ спокоенъ. Елена подумала было, что онъ оправдалъ ее передъ обвинителями.

«Ну, что, милый братецъ?»

— Ничего, Елена. Я узналъ всѣ свидѣтельства противъ тебя. Успокойся. Все это скоро кончится.

«Ахъ, дай Богъ! Посмотри: вотъ письмо отъ Ансельма. Я не вѣрила уже его дружбѣ, но я ошибалась. Посмотри, прочитай, и ты увидишь, что онъ также достоинъ сожалѣнія, какъ и мы.»

Гюгъ взялъ письмо, распечатанное его сестрою, и читалъ:

«Вотъ уже два часа, какъ я оставилъ нашъ городъ, два часа, какъ я сижу, думаю, горюю. Братъ мой Гюгъ проститъ мнѣ, что у меня недостало силъ остаться, и помочь ему объяснить это несчастное дѣло. Мнѣ невозможно было жить долѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ безпрестанно могъ я слышать вокругъ себя: «Вотъ Ансельмъ, обманутый женихъ!» Отправляюсь въ путь, куда нибудь далеко, гдѣ ни отъ кого ничего не услышу я о преступленіи Елены — преступленіи *мнимомъ* — хотѣлъ я сказать. Теперь, когда меня не оглушаютъ крикомъ своимъ сосѣди, когда я облегчилъ сердце свое слезами, все прежнее пришло мнѣ на память! Я вспомнилъ обо всѣхъ твоихъ заботахъ для меня, о дружбѣ, какую показывалъ ты мнѣ, въ теченіе пяти лѣтъ; вспомнилъ, что вчера еще хотѣлъ сдѣлать для меня Гюгъ; вспомнилъ даже о галстухѣ, вышитомъ Еленою, и говорю самъ себѣ то, что всегда долженъ-бы я былъ говорить: «*Невѣста моя, сестра добраго моего Гюга, не можетъ быть виновна!*» Но, мнѣ должно признаться: на минуту я повѣрилъ было ея преступленію! Да проститъ она меня! Что-жь мнѣ было дѣлать? Я стоялъ передъ свидѣтелемъ, которому дали деньги, за то, чтобы онъ молчалъ, и который говорилъ такъ явно! Богъ знаетъ, откуда взялись эти флорины, видѣнные мною у сосѣда Егора! Онъ такъ

любитъ гулять, что не могъ скопить самъ подобной кучи денегъ, и онъ такъ честенъ притомъ, что не сталъ-бы лгать; да и къ чему лгать Егору?.. Но, вотъ опять попалъ я въ это несчастное сомнѣніе... Нѣтъ! обѣщаю вамъ, что никогда болѣе не стану я думать объ этомъ проклятомъ дѣлѣ! Друзья мои!— всегда буду я называть васъ такъ, а не иначе — Друзья мои! когда только утвержусь я въ какомъ нибудь мѣстѣ, то извѣщу васъ немедленно. Думаю, что и вамъ, такъ-же, какъ мнѣ, не льзя болѣе оставаться на родинѣ. Получивъ мое увѣдомленіе, пріѣзжайте ко мнѣ. И въ другомъ городѣ можемъ мы осуществить все, что думали сдѣлать въ О * * *. О *прошедшемъ*, мы никогда, и ничего говорить не станемъ. Я буду всякій день молиться Господу Богу, чтобы онъ далъ мнѣ силы забыть все, что было и не было. Пожелайте мнѣ твердости духа; мнѣ нужна твердость духа, а вамъ она еще нужнѣе, если вы останетесь въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ я думалъ нѣкогда, никто изъ насъ не покраснѣетъ при взглядѣ соседа.»

— Мы поѣдемъ къ нему, милый братъ! не правда-ли? — сказала Елена, когда Гюгъ прочелъ письмо Анселъма.

«Да,» отвѣчалъ онъ — «и когда сестра моя будетъ оправдана,» прибавилъ къ этому Гюгъ тихо.

Хорошо обдумавъ планъ своихъ дѣйствій, и положивъ не говорить о немъ ни слова сестрѣ своей, Гюгъ взялъ книгу, чтобы отдалить всякій разговоръ, и началъ читать вслухъ. Сидя подлѣ окна, но не смѣя изъ него выглянуть на улицу, Елена слушала въ молчаніи чтеніе своего брата. Сильно билось ея сердце, и слезы, отъ времени до времени, навертывались на ея рѣсницахъ, особливо, когда она слышала молодыхъ подругъ своихъ, которыя толпами шли на танцы, и весело пѣли. Въ это время, Еленѣ было очень тяжело. «Кто изъ нихъ могъ-бы быть веселѣе, счастливѣе меня!» думала Елена. «И между тѣмъ, онѣ смѣются, поютъ, а я? Ахъ, Боже мой! чѣмъ я тебя прогнѣвала!»

Такъ прошелъ весь этотъ грустный день. Назавтра, утромъ, Гюгъ отправился, по обыкновенію, будто-бы на свою работу. Но, вмѣсто того, онъ явился къ отцу и матери Фрица.

«Вашъ сынъ,» сказалъ онъ, «былъ причиною всего зла; онъ долженъ пособить мнѣ исправить это зло. По числу денегъ, какое безчестный клеветникъ Елены далъ Фрицу, надобно думать, что это богатый человѣкъ, а по одеждѣ, какъ замѣтилъ ее Фрицъ, полагаю, такъ, какъ и вы, что это былъ знатный человѣкъ, вѣроятно — придворный Ландграфа. Позвольте-же мнѣ

взять съ собою Фрица. Я пойду, и стану съ нимъ караулить у Дворцовыхъ воротъ. Буду тамъ стеречь каждый день, каждый часъ, наблюдая за всѣми, кто входитъ во Дворецъ, и кто изъ него выходитъ. Богъ умилосердится надъ моею горестью, и я увѣренъ, что наконецъ я узнаю моего врага, и — если-бы это былъ самъ Свѣтлѣйшій Ландграфъ нашъ, Максимиліанъ — онъ долженъ будетъ торжественно признаться, что сестра моя нагло оклеветана!

— Эхъ, господинъ Гюгъ! Поберегите себя — сказала мать Фрица — вѣдь, если это какой нибудь сильный человѣкъ, не нажить-бы вамъ бѣды.

«Бѣда, или самая смерть» — отвѣчалъ Гюгъ, холодно — «но никакая человѣческая сила не воспрепятствуетъ мнѣ сдержать клятвы, данной мною моему отцу. Я клялся соблюсти честное имя сестры моей; могъ-ли я отвратить клевету? Нѣтъ! Но мой долгъ сыскать теперь клеветника, гдѣ-бы онъ ни былъ, кто-бы онъ ни былъ, и уличить его!»

— По крайней мѣрѣ — сказала робко бочариха — пожалуйте, не вмѣшивайте въ эту исторію насъ. Не наша вина, если у сестрицы вашей есть такіе знатные, богатые знакомцы. . . Мы

не вмѣшиваемся въ дѣла нашихъ сосѣдей, и все, чтобы ни случилось, до насъ не касается.

Слыша, какъ болтливая сосѣдка насмѣшливо намекаетъ о связи Елены съ неизвѣстнымъ господиномъ, Гюгъ чувствовалъ, что лицо его вспыхнуло отъ досады; но онъ имѣлъ надъ собою довольно власти, и укротилъ мгновенное движеніе гнѣва. «Будьте спокойны, добрая сосѣдка,» отвѣчалъ Гюгъ, «и вѣрьте, что вы будете въ сторонѣ. Вамъ надобно было робѣть, когда вы рѣшились распустить по городу худую славу о моей сестрѣ. Вы поступили-бы по христіански, когда-бы потихоньку извѣстили меня о вашемъ несчастномъ открытіи. Но, я васъ извиняю: не всякій хозяинъ своего языка, особливо, когда онъ шевелится отъ негодованія. Повторяю вамъ, останьтесь спокойны: объ васъ не будетъ ни словечка, если дѣло, какъ я полагаю, и дойдетъ до суда. Только, вотъ мое условіе: вы должны молчать, и отнюдь никому не сказывать о моемъ планѣ, и о томъ, что я хочу открыть виновнаго! Въ этомъ дѣлѣ есть какая-та тайна, которой я не могу теперь понять. . . Одного нескромнаго вашего слова будетъ достаточно для того, чтобы виноватый успѣлъ и могъ укрыться отъ моего преслѣдованія.

— Я буду молчать, любезный сосѣдъ, но вы потомъ все мнѣ разскажете, потому, что я принимаю искреннее участіе въ вашемъ горѣ... Такой прекрасный молодой человѣкъ! Ахъ! Господи! Ну! кто-бы подумалъ!

« И такъ, вы обѣщаете мнѣ молчать, любезная сосѣдка?»

— Положитесь на меня, такъ, какъ я полагаюсь на васъ, въ томъ, что вы мнѣ все потомъ разскажете.

« Охотно, и ничего не буду скрывать, кромѣ того, что можетъ повредить предположенному мною плану.

Утро въ замкѣ Ландграфа начиналось. Фрицъ, котораго, подъ страхомъ жестокаго наказанія, заставили дать слово, что онъ никому не скажетъ о причинѣ утренней прогулки своей съ сосѣдомъ, отправился съ Гюгомъ къ воротамъ Ландграфскаго Дворца.

Придворные, одинъ за другимъ, сбирались во Дворецъ. Камеръ-лакеи бѣгали и перебѣгали. Шумъ и движеніе показывали, что повелитель замка проснулся. Устремивъ неподвижные глаза на главную дверь парадныхъ сѣней, Гюгъ безпрестанно подзывалъ къ себѣ Фрица, игравшаго неподалеку отъ него, указывалъ ему на кажда-

го, вновь появлявшагося придворнаго, и каждый разъ, сказавъ: «Нѣтъ! это не онъ!» Фрицъ спѣшилъ къ своимъ игрушкамъ.

Послѣ четырехъ часовъ ожиданія, или, лучше сказать, четырехъ-часоваго страданія, потому, что происходившее въ душѣ Гюга было для него мученіемъ нестерпимымъ, Ландграфъ вышелъ изъ своего Дворца, сопровождаемый толпою придворныхъ. Гюгъ держалъ въ это время Фрица подлѣ себя, и показывалъ ему постепенно на всѣхъ окружавшихъ Ландграфа. Максиміліанъ сѣлъ на лошадь первый. Трепеща указалъ на него Гюгъ. «О, нѣтъ! это не онъ!» отвѣчалъ Фрицъ.

— Не этотъ-ли? (это былъ Рудольфъ Гацфельдъ).

«Нѣтъ!» повторилъ Фрицъ,

— Не этотъ-ли? (это былъ Баронъ Вальбекъ).

«Нѣтъ!» сказалъ снова Фрицъ.

— Не этотъ-ли? — Это былъ Графъ Оттонъ. Но на немъ не было тогда плаща съ бархатнымъ воротникомъ, и Фрицъ опять сказалъ: *нѣтъ*, какъ говорилъ онъ обо всѣхъ предшествовавшихъ Оттону, и какъ отвѣчалъ при вопросахъ обо всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ.

Лошадь Ландграфа пустилась въ галопъ; всѣ придворные поскакали за нимъ, и вскорѣ вся свита, и Ландграфъ, исчезли изъ глазъ брата Елены. «Пойдемъ домой!» сказалъ онъ Фрицу. «Но придемъ еще завтра,» прибавилъ Гюгъ спокойно.

Отъ завтра до завтра, восемь дней прошло, но Гюгъ не могъ отыскать человѣка, котораго искалъ съ такою настойчивостью. Уже онъ начиналъ отчаяваться въ успѣхѣ своего предпріятія. Между тѣмъ негодованіе, возбужденное противъ сестры его, не утихало; приключеніе 15-ти флориновъ все еще составляло безпрерывный предметъ разговоровъ для жителей города; матери продолжали приказывать дочерямъ своимъ не говорить съ Еленою; молодые люди не переставали смотрѣть на нее насмѣшливо, едва только бѣдная дѣвушка показывалась на улицѣ; начиналось шептанье, когда она входила въ лавку, и сидѣльцы едва удостоивали ее словомъ, когда она торговала у нихъ что нибудь. Всегда со слезами возвращалась она на свой чердакъ. Каждый вечеръ говорила она брату: «Мы скоро уѣдемъ отсюда, не правда-ли?.. Я не могу жить здѣсь долѣе. Чувствую, что мнѣ не вытерпѣть этого долгое время: это выше силъ моихъ!» И каждый вечеръ братъ отвѣчалъ ей: «Еще одинъ день, Елена! Ободрись: толь-

ко одинъ день еще остается тебѣ плакать!» Онъ старался льстить сестру свою надеждою, которою льстилъ самъ себя, хотя надежда эта не исполнялась. Въ восьмой день Гюгъ сказалъ самъ себѣ: «*Сегодня* открою я моего врага, или это будетъ доказательствомъ, что онъ не находится при Дворѣ Ландграфа!» Съ утра отправился онъ съ Фрицомъ, на обыкновенное мѣсто свое, подлѣ главнаго входа во Дворецъ; но на сей разъ не позволилъ Фрицу отходить отъ себя. «Вотъ,» сказалъ онъ ребенку, и видишь-ли ты этотъ талеръ? Онъ будетъ твой, и мать не отниметъ его у тебя, если ты будешь говорить каждому изъ господъ, на котораго я укажу: *Маменька благодаритъ васъ за ваши флорины!*» Глаза Фрица заблистали отъ радости, когда онъ увидѣлъ новенькій талеръ, блиставшій въ рукахъ Гюга. Онъ обѣщалъ говорить слова, какія ему приказывали, и, дѣйствительно, едва только приближался какой нибудь молодой придворный, по знаку Гюга Фрицъ бѣжалъ къ нему на встрѣчу, и говорилъ: «*Маменька благодаритъ васъ за ваши флорины.*» Многіе думали, что мальчишка одурѣлъ, смѣялись, и шли своею дорогою. Но одинъ изъ придворныхъ остановился, при словахъ Фрица, съ усмѣшкою посмотрѣлъ на него, сыскалъ въ карманѣ монету, и сунулъ ее въ руку ребенку. Гюгъ задрожалъ, смотрѣлъ внима-

тельно, и хотя Фрицъ и молодой этотъ придворный были отъ него отдалены на нѣсколько шаговъ, но онъ ясно услышалъ слова знаменитой особы: «Ахъ! шалунъ! Ты все разболталъ! Но, такъ и быть; мнѣ хотѣлось нескромности твоей; возьми себѣ вотъ это, но въ другой разъ будь скромнѣе!» Оттонъ — это былъ Оттонъ на сей разъ — поспѣшилъ послѣ того во Дворецъ. Но Гюгъ такъ хорошо замѣтилъ его, что не могъ уже никогда потомъ опознаться въ немъ. Судите о чувствахъ добраго брата, когда онъ, лицомъ къ лицу, увидѣлъ и узналъ клеветника Елены: онъ чувствовалъ, что вся кровь кипѣла въ его жилахъ, что его руки дрожали. Гюгъ готовъ былъ удавить злодѣя на мѣстѣ! Но онъ умѣлъ скрыть свое движеніе: нерукопашный бой долженъ былъ предложить Гюгъ, для отмщенія чести сестры своей. Онъ понималъ, что безполезный шумъ, и насиліе, не загладятъ зла, причиненнаго Еленѣ. Гюгъ удержался, и отдалъ Фрицу талеръ, когда тотъ съ радостью прибѣжалъ къ нему, говоря: «Вотъ вамъ молодой господинъ, въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ!»

— Хорошо! – отвѣчалъ Гюгъ. — Теперь можешь ты идти играть. Ты мнѣ болѣе не надобенъ! — Фрицъ не заставилъ повторять себѣ этихъ словъ два раза. Прыгая, побѣжалъ онъ къ

матери, сказать, что говорилъ съ богатымъ, хорошимъ господиномъ, который пригоршнями даетъ флорины дѣтямъ.

Для плана Гюгова необходимо надобно было удалить ребенка, когда онъ дастъ ему средства узнать господина въ плащѣ, съ бархатнымъ воротникомъ. Гюгъ не хотѣлъ въ присутствіи его спрашивать у часоваго объ имени своего врага. Это имя надлежало сначала знать только одному Гюгу, дабы хладнокровно соразмѣрить свое мщеніе съ важностью лица своего противника. Съ самаго начала, онъ рѣшился сразиться съ нимъ, каково-бы ни было званіе его при Дворѣ Ландграфа. Нѣсколько часовъ ходилъ Гюгъ передъ входомъ во Дворецъ, подстерегая, когда появится снова врагъ его. Наконецъ явился этотъ клеветникъ сестры Гюговой, со многими другими придворными. Часовые отдали имъ честь, и когда эта толпа придворныхъ удалилась на нѣсколько шаговъ, Гюгъ приблизился къ часовому, и спросилъ: кто таковъ, вотъ этотъ знатный господинъ, который отдалился отъ другихъ, и пошелъ въ боковую аллею? — « Это Его Сіятельство, Графъ Оттонъ фонъ-Шпульгенъ, первый Министръ Его Свѣтлости, Ландграфа, » отвѣчалъ часовой.

— Первый Министръ! — повторилъ Гюгъ, съ чувствомъ радости и негодованія — первый Ми-

нистръ! Ну! пусть онъ будетъ *первый Министръ*!.. Спасибо, пріятель! — И гордый своимъ открытіемъ, Гюгъ отправился на свой чердакъ.

Онъ скрывалъ всѣ свои поиски отъ Елены; онъ промолчалъ также и объ открытіи своемъ. Гюгъ рѣшился, не начиная еще говорить и дѣйствовать, имѣть неоспоримое доказательство, что сестра его не участница перваго Министра. Увѣрительный видъ, веселый тонъ, какой замѣтенъ былъ у Оттона, во время разговора его съ Фрицомъ, могли найдти въ сердцѣ Гюга путь къ тайному сомнѣнію въ невинности Елены. Клятва надъ Библіею, конечно, не изгладилась еще въ душѣ брата ея. «Но,» думалъ Гюгъ, «можетъ быть, сестра моя, устрашенная величестью преступленія, въ ту минуту, когда требовалъ я признанія, не нашла въ себѣ довольно силъ выдержать гнѣвный взоръ своего брата; можетъ быть, она подумала, что искреннее раскаяніе достаточно будетъ изгладить грѣхъ ложной присяги!» Рѣшась узнать совершенную истину, Гюгъ легъ спать, но не спалъ. Всю ночь обдумывалъ онъ тысячи плановъ. Наконецъ, испытаніе самое простое, но слѣдствія коего не могли быть сомнительны, представилось уму его. Онъ почелъ это мыслію, ниспосланною къ нему свыше, и положилъ увѣриться въ истинѣ на слѣдующій-же день.

«Трубите въ рога, готовьте своры, полетимъ по слѣдамъ ихъ, мои добрые охотники! Надобно отличиться предъ дамами!» Такъ говорилъ Максимиліанъ XXIV-й, возбуждая своихъ молодыхъ придворныхъ, и безъ того уже оживленныхъ присутствіемъ всего, что почиталось самымъ щегольскимъ и прекраснымъ между дамами Двора Ландграфова. Прелестно одѣтыя, въ модныхъ амазонахъ, Принцесса Клементина и придворныя дамы, скакали на лихихъ лошадяхъ, среди толпы придворныхъ, наряженныхъ въ щегольскія охотничьи платья. Лай собакъ, ржаніе лошадей, крикъ охотниковъ, сопровождавшихъ Принца и его свиту, пробудили рано и внезапно добрыхъ обитателей города О***, жившихъ около Дворца. Было еще около шести часовъ утра.

«Дворъ поѣдетъ на охоту,» говорили тѣ, которымъ нечего было дѣлать. «Надобно одѣваться, и идти смотрѣть на охоту Его Свѣтлости.»

— Надобно идти, посмотрѣть, какъ охотится Его Свѣтлость—сказалъ братъ Елены.— Вотъ, уже давно, какъ ты лишена всякаго удовольствія; пойдемъ: это разсѣетъ тебя немного. — Елена сначала отказывалась; но какъ эта прогулка входила въ планъ брата ея, то онъ рѣшительно настаивалъ. Привыкнувъ

слушаться его, Елена согласилась, хотя никакое развлеченіе не могло развеселить ея сердца, растерзаннаго удаленіемъ Ансельма.

Гюгъ испытывалъ чувство страха, начиная испытаніе, которое могло разрушить всю надежду его на мщеніе. Но, рѣшась на всѣ опасности неровной битвы, для возмездія за позоръ, нанесенный невинной сестрѣ его, онъ рѣшилъ въ это время: что дѣлать, если Елена его окажется виновною? «Ни одного упрека не услышитъ она отъ меня; я не скажу ей ни одного слова; но, я удалюсь тогда отъ нея! Пойду, сыщу Ансельма, и съ нимъ вмѣстѣ стану оплакивать наше посрамленіе!.. Елена не увидитъ меня болѣе, никогда не увидитъ! Что касается до капитала, сбереженнаго мною на ея приданое — я все оставлю ей! Съ этимъ пособіемъ, можетъ она переѣхать куда нибудь, и дожить честно остальной вѣкъ свой, въ такой сторонѣ, гдѣ никто не будетъ знать ея безславія...» Таковы были предположенія добраго ремесленника. Не смотря на испытанную твердость своего характера, онъ трепеталъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ назначенъ былъ съѣздъ охотниковъ: здѣсь должно было совершиться судьбѣ его! Можетъ быть, ему должно будетъ сказать здѣсь, навсегда, сестрѣ своей, предмету любви и стараній его: *прости!* Да,

онъ смущался невольно, и, не въ состояніи преодолѣть своего чувства, сжималъ руку Елены судорожнымъ движеніемъ.

Печальная, недовольная тѣмъ, что ее противъ воли принуждали принять участіе въ разсѣяніи, когда каждый шагъ по улицѣ города стоилъ ей дорого, Елена остановилась съ безпокойствомъ, замѣтивъ смятеніе своего брата. «Здоровъ-ли ты, Гюгъ?» спрашивала она. «Воротимся домой. Что намъ за радость, идти смотрѣть придворную охоту? Клянусь тебѣ, что у меня вовсе нѣтъ на это желанія!» При словахъ: «Воротимся домой,» Гюгъ едва не готовъ былъ тотчасъ воротиться; но сомнѣніе, тревожившее его, было ужасно: онъ хотѣлъ рѣшить судьбу свою, и лучше вытерпѣть Божіе наказаніе до конца, и умереть потомъ съ отчаянія и позора, нежели страдать въ сомнѣніи и неизвѣстности. Оправясь кое-какъ, пробормоталъ онъ нѣсколько словъ, желая оправдать передъ Еленою свое смущеніе, и продолжалъ идти, говоря: «Мнѣ надобно немного развлечься; тебѣ также... это будетъ полезно... увидишь, что мы возвратимся домой счастливѣе и веселѣе...»

— Счастливѣе! — повторила Елена, со вздохомъ. — Нѣтъ! не здѣсь мое счастіе!

«Разумѣется — *можетъ быть!*» возразилъ братъ ея, боясь, не сказалъ-ли уже слишкомъ много, ибо онъ не хотѣлъ, чтобы Елена подозрѣвала цѣль ихъ прогулки. По расположенію Гюга, для полнаго испытанія, Елена должна была нечаянно увидѣть своего клеветника, или... участника въ преступленіи!

Уже давно началась охота Ландграфа и Двора его, когда братъ и сестра пришли въ ближній лѣсъ. Звукъ роговъ охотничьихъ, и выстрѣлы, вдалекѣ сверкавшіе, руководили путемъ ихъ въ этомъ лѣсу. Но шумъ умолкъ наконецъ въ глубинѣ лѣса, и Гюгъ остановился на перекресткѣ, не зная, куда ему идти. Тутъ нѣсколько придворныхъ, изъ свиты Принца, проскакали мимо. Сдерживая горячую свою лошадь, Рудольфъ Гацфельдъ пріостановился, взглянулъ на Елену, сказалъ: Voilà une jolie fille! и далъ шпоры лошади. Но спутникъ его сдержалъ лошадь свою подлѣ Гюга и Елены. Гюгъ чувствовалъ, что холодъ пробѣжалъ по его жиламъ: это былъ Графъ Оттонъ! Елена, потупившая глаза при мимолетномъ комплиментѣ молодаго придворнаго, подняла ихъ на другаго, который, казалось, хотѣлъ что-то сказать ея брату. Гюгъ не сводилъ глазъ съ лица Елены, и не замѣтилъ на немъ никакого смятенія и чувства. «Поберегитесь, друзья мои!» сказалъ Гюгу

Министръ. «Его Свѣтлость сей часъ здѣсь поѣдетъ, и лошади могутъ ушибить васъ.»

— Благодаримъ, М. Г. — отвѣчалъ Гюгъ, хладнокровно.

Сказать что нибудь еще, Гюгъ не имѣлъ силы. Сердце его сильно билось отъ радости. Елена схватила брата своего за руку; они отошли въ сторону, и весь Дворъ проскакалъ мимо ихъ. Но едва охота миновала тотъ лужокъ, гдѣ остановились Гюгъ и сестра его, какъ братъ Елены поднялъ руки къ небу, и вскричалъ: «Благодарю Тебя, Боже мой! Сестра моя невинна!» Елена не понимала, отъ чего происходилъ благочестивый восторгъ ея брата; но еще болѣе изумилась она, когда Гюгъ горячо обнялъ ее, и воскликнулъ: «Прости! я все еще подозрѣвалъ тебя!»

— Но, почему-же теперь ты знаешь, что подозрѣнія твои были несправедливы?

«Я узналъ неоспоримое этому доказательство. Тотъ, кого ты видѣла, кто разговаривалъ съ нами... это *онъ*, это нашъ врагъ! Я подглядывалъ за твоими взорами, я прислушивался къ твоему дыханію, и во взорахъ твоихъ я видѣлъ только чистоту души твоей, и голосъ твой былъ спокоенъ, какъ голосъ невинности... Еще разъ — прости меня, Елена: мнѣ

надобно было это испытаніе, для того, чтобы я могъ существовать... Вотъ уже девятый день, какъ я не живу!...

Узнавъ, что была такъ близко подлѣ человѣка, опозорившаго ея доброе имя, Елена едва не лишилась чувствъ. Это было дѣйствіе разсудка послѣ опасности. «Мы сей часъ воротимся домой,» сказалъ ей братъ ея. «Теперь надобно избавить тебя отъ мученія жить еще въ O***. Моего убѣжденія не могу я передать моимъ сосѣдямъ, цѣлому городу, и потому долгъ мой избавить тебя отъ несправедливаго ихъ презрѣнія. Сегодня-же, вечеромъ, я провожу тебя во Франкфуртъ, къ дядѣ Фуртцу. Слухъ о нашемъ несчастіи еще не дошелъ до него. Я найду какой нибудь предлогъ, и оставлю тебя у него на нѣсколько дней. Эти дни... будь спокойна... я употреблю съ пользою... Ты вскорѣ возвратишься сюда, ты возвратишься требовать того уваженія, которое никогда не должны были нарушать къ тебѣ!..»

Елена согласилась на все, что говорилъ ей братъ. И въ тотъ-же вечеръ, она была во Франкфуртѣ, а первый Министръ получилъ учтивую просьбу: позволить слесарю Гюгу Иттенну, явиться къ нему завтра, на особенную аудіенцію.

IV.

Аудіенція.

Подойди... чего ты требуешь? — Правосудія!..

Байронъ, *Марино Фаліеро.*

...И этотъ братъ — *я*, *я*, пріѣхавшій сюда, вооруженный моимъ правомъ съ твердымъ намѣреніемъ — сорвать маску съ злодѣя, кровавыми чертами изобразить душу его на лицѣ его! И этотъ злодѣй — *вы*....

Бомаршэ, *Записки.*

Обитатели столицы Ландграфа различно изъясняли возвращеніе супруги Ландграфовой въ замокъ О***. Люди, добрѣе другихъ, полагали, что причиною этого было возвращеніе нѣжности Максимиліана къ Принцессѣ; старые, злые холостяки спорили напротивъ, что это была просто прихоть женщины, захотѣвшей разсердить своего мужа упрямствомъ. Нѣкоторыя изъ дамъ, желавшія, чтобы Принцесса никогда не возвращалась, все относили къ забавной ея ревности. Но мѣщане, купцы, ремесленники, не участвовали въ тайнахъ Двора; а самый Дворъ вообще имѣлъ глупость думать, что Ландграфиня возвратилась только для того, чтобы присутствіемъ своимъ удержать старыхъ, угрюмыхъ дворянъ, которые хотѣли уѣхать въ свои помѣстья, раздраженные оскорбленіемъ

какое нанесено было ихъ старинным домамъ обыскомъ, въ ночь пиршества Ландграфова. Мы сказывали уже читателямъ нашимъ, что Рудольфъ, и его шаловливые товарищи, дерзнули искать двадцати-шести лѣтняго Министра, безыменнаго выскочку, какъ называлъ его Баронъ Редельгеймъ, даже въ будуарахъ стыдливыхъ Герцогинь и скромныхъ Баронессъ, изъ которыхъ у иной было по 15-ти, и по 20-ти извѣстныхъ предковъ въ родословной.

Мы сказали, что Оттона называли иные *выскочкою безыменнымъ;* но тутъ была ошибка: *выскочка* былъ онъ, это правда, но *не безыменный*, ибо родовое имя его издавна славно было въ Дессау, и другихъ мѣстахъ Германіи. Дѣдъ его, Ульрихъ Шпульгенъ, умѣлъ соединить уваженіе ученыхъ, довѣренность знатныхъ, и почтеніе народа, будучи въ одно время и знаменитымъ Медикомъ и Протестантскимъ Пасторомъ. Оттонъ, воспитанный симъ почтеннымъ человѣкомъ, съ раннихъ лѣтъ оказывалъ большую склонность къ ученымъ занятіямъ; но, честолюбивый болѣе дѣда своего, онъ безпрерывно возвышалъ цѣль, къ которой стремилось его честолюбіе, по мѣрѣ того, какъ умножались его познанія. Задумчивый мечтатель, жадный къ ученію, онъ въ тоже время жаждалъ возвышенія. Оттонъ не понималъ, какъ

могъ ученый человѣкъ, подобный Ульриху Шпульгену, находившійся въ перепискѣ со всѣми Европейскими Академіями, довольствоваться скромнымъ мѣстомъ Пастора, въ забытомъ уголкѣ Германіи, гдѣ болѣе было ремесленниковъ, нежели знатныхъ людей, когда имя его могло доставить ему почетное мѣсто при Вѣнскомъ Дворѣ. Онъ дивился также, что человѣкъ, по своему краснорѣчію достойный проповѣдывать Государямъ, соглашается на пребываніе въ бѣдномъ приходѣ, гдѣ его изумительное краснорѣчіе могло быть оцѣняемо только въ нравственномъ отношеніи. «Что пріобрѣтаете вы здѣсь, отъ вашего краснорѣчія, и вашихъ знаній, дѣдушка?» говаривалъ иногда Оттонъ своему дѣду. — Добродѣтели, кои утверждаетъ въ сердцахъ проповѣдникъ слова Божія, развѣ малая награда для него, и онъ не долженъ благодарить за то Бога? — отвѣчалъ старикъ. «Но литтературныя достоинства вашихъ проповѣдей; богатый прекрасными мыслями, цвѣтущій слогъ вашъ, и глубина выраженій... кто понимаетъ здѣсь все это, хоть немного?» — Слушай, любезный внучекъ мой! — возражалъ старикъ, улыбаясь — когда работаемъ мы для Бога, то надобно работать, какъ можно лучше, и если здѣсь не оцѣняютъ: но понимаютъ то, что я говорю, скажи, пожалуй: для чего мнѣ, вмѣсто богатаго, хорошаго слога, пи-

сать проповѣди мои слогомъ дурнымъ?»—Впрочемъ, хотя Докторъ Шпульгенъ крѣпко держался за то, что онъ называлъ *своею свободою* (а подъ этимъ понималъ онъ трудъ, часто занимавшій его съ ранней зари до глубокой ночи), онъ не отказывался однакожъ отъ честолюбія, когда рѣчь доходила до его внучка. Отецъ Максиміліана сдѣлался опасно боленъ, и Докторъ Шпульгенъ имѣлъ счастіе, изъ глубины уединенія своего, снабдить полезными совѣтами истиннаго своего друга, придворнаго Доктора Ландграфова. Узнавъ о своемъ спасителѣ, Принцъ писалъ къ Доктору Шпульгену, и предлагалъ ему значительныя выгоды, если онъ согласится переѣхать въ О***. Дѣдъ Оттона отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

По титулѣ.

«Простите мнѣ, В. С., если я откажусь отъ вашего благосклоннаго предложенія. Уже давно отказался я, въ подобномъ случаѣ, отъ предложеній самого Августѣйшаго нашего Императора, и не желалъ-бы теперь подать ему поводъ думать, что какіе нибудь разсчеты заставили меня предпочесть покровительство ваше его покровительству. Предложенія, и Его Императорскаго Величества, и Вашей Свѣтлости, для меня равно драгоцѣнны. Но въ нынѣшней

паствѣ моей есть больные духомъ и тѣломъ, требующіе моего пособія, и мнѣ грустно было-бы измѣнить ихъ надеждамъ. Впрочемъ, у меня есть внукъ, Оттонъ Шпульгенъ, которому надобенъ пріютъ въ жизни: онъ можетъ быть Адвокатомъ, Лекаремъ, Профессоромъ Математики. Могу увѣрить также, что онъ хорошій живописецъ, и музыкантъ, достойный идти по слѣдамъ І. С. Баха. Если В. С. можете сдѣлать что нибудь для него, то все это я приму такъ, какъ-бы вы сдѣлали для самого меня.»

«Простите, В. С., что я еще попрошу васъ сдѣлать для меня одолженіе. Говорятъ, что въ вашей библіотекѣ есть драгоцѣнный, собственноручный яко-бы, списокъ сочиненія Цезаря Нострадамуса: *Гиппіада, или Готтфридъ и Рыцари* (de Caesar de Nostredame, gentilhomme provençal . . . 1662 года). У меня есть также драгоцѣнный, и, какъ говорятъ, автографическій списокъ сего рѣдкаго творенія; но въ немъ не достаетъ листа, и желалъ-бы я дополнить мою драгоцѣнность. Въ ручательство, что рукопись не пропадетъ у меня, я предлагаю Вашей Свѣтлости взять подъ залогъ мое небольшое помѣстье ***.

Письмо это, начатое и конченное извѣстными формулами, было представлено Ландграфу

Оттономъ, котораго отправилъ дѣдъ вручителемъ своего отвѣта. Ландграфъ, не требуя никакого залога, отправилъ рукопись къ старику, а подателя письма удержалъ при Дворѣ своемъ, гдѣ вскорѣ сдѣлался онъ наставникомъ и другомъ молодаго Принца Максимиліана. Наставникъ и ученикъ были почти одинакаго возраста. Хотя характеры ихъ совершенно различались, но между ними утвердилась такая дружба, что Ландграфъ, столько философъ, что позволялъ плебею быть товарищемъ забавъ и ученья Принца, но строгій наблюдатель, въ тоже время, аристократическихъ предразсудковъ, просилъ Императора облечь титуломъ *Графа* молодаго наставника его сына. Долго разсуждавъ, и рѣшивъ наконецъ, что въ особѣ внука не вознаградитъ онъ дѣдушки, оказавшаго услуги ему самому, когда этотъ старикъ еще живъ, Императоръ исполнилъ желаніе Ландграфа, возвыся въ Графское достоинство Доктора Ульриха Шпульгена, распространивъ оное и на все потомство его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, бѣдные того городка, гдѣ жилъ Ульрихъ, оплакали кончину своего наставника и цѣлителя, а внукъ его назвался *Графомъ Оттономъ Шпульгеномъ*.

Почти въ то-же время, и Максимиліанъ наслѣдовалъ владѣнія и титулы своего отца. Оттонъ сдѣлался первымъ совѣтникомъ юнаго Ланд-

графа. Эта почесть стоила дорого первому Министру умершаго Ландграфа старика. Баронъ Редельгеймъ, привыкшій въ теченіе тридцати лѣтъ быть первымъ Министромъ, принужденъ былъ уступить сладостную привычку эту новому молодому временщику. Думали, что въ утѣшеніе за эту бѣду отставленный Министръ женился на одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ Ландграфства, и забылъ объ Оттонѣ и своемъ Министерствѣ. Но, мы увидимъ, что ненависть живуща въ сердцѣ Нѣмецкаго Барона.

Если молодой Ландграфъ слушался совѣтовъ молодаго Министра во всемъ, что касалось до государственныхъ дѣлъ, онъ не былъ такъ послушенъ въ томъ, что относилось къ его собственнымъ удовольствіямъ. Максимиліанъ смѣялся надъ строгими правилами своего друга. Однакожъ, онъ не засмѣялся, когда однажды Оттонъ пришелъ къ нему, со слезами на глазахъ, и сталъ говорить: «Утомленные капризами Графини Фридерики, В. С. рѣшаетесь вступить въ супружество. Это мнѣ извѣстно. Но то, что можно-бы почесть обращеніемъ къ благоразумію, есть только новая, величайшая шалость, которой я не могу вытерпѣть, и которая никогда не совершится при мнѣ... Завтрашній день, тайно, вы хотите обвѣнчаться — видите, В. С., что я хорошо знаю все. Осо-

ба, которую хотите вы возвести въ высокое званіе супруги вашей, есть дочь Банкира Вольфа. Если вы ее любите, женитесь на ней, Принцъ. Но, я предвѣщаю вамъ, что Дворъ вашъ удалится отъ васъ; что народъ будетъ презирать Ландграфиню вашу. Вѣрю добродѣтели и достоинствамъ дѣвицы Вольфъ; но, прежде всего, я долженъ блюсти священный залогъ вашей славы, вами самими ввѣренный мнѣ. Изволите совершить преднамѣренное вами супружество, и я, немедленно, положу къ стопамъ вашимъ знаки чести, коими вы облекли меня, откажусь отъ всякаго величія... даже отъ дружбы вашей, и сокроюсь въ уединеніе оплакивать стыдъ, коимъ вы себя покроете.» Максимиліанъ думалъ нѣсколько времени, кусалъ губы, наконецъ нетерпѣливо воскликнулъ: «Ты всегда являешься только ссориться со мною... Ну, хорошо, миръ, миръ! Жени меня, какъ ты знаешь, только, ради Бога, избавь отъ этой несносной Фридерики!» Старый Министръ, о которомъ мы упоминали, взялся услужить въ этомъ случаѣ Принцу. Отставленная любовница Ландграфа обладала несмѣтнымъ богатствомъ, присоединеннымъ къ знатному, старинному роду, и Баронъ, лишившійся своего Министерства, попросилъ позволенія соединить свою грусть съ печалью Графини Фридерики. Это значило устроить его богатство.

Счастливый тѣмъ, что разрушилъ безразсудное намѣреніе Принца, но зная притомъ слабый, легкомысленный характеръ его, Оттонъ спѣшилъ сыскать ему достойную супругу, знатностію рода равную Ландграфову роду. Выборъ его палъ на Принцессу Клементину. Какъ было обѣщано, Максимиліанъ согласился въ этомъ дѣлѣ съ своимъ Министромъ. Клементина была прелестна, молода, привлекательна. Ландграфъ совершенно влюбился въ нее передъ свадьбою.

Прелесть, красота, свѣтлый и кроткій умъ Принцессы, сдѣлали также сильное впечатлѣніе и на Министра, которому препоручено было ѣхать къ отцу Клементины, и заключить надлежащіе договоры свадебные. Оттонъ не зналъ что дѣлать, когда юная Принцесса дружески подошла къ нему, и спрашивала его о характерѣ будущаго своего супруга, съ тою любезною свободою разговора, тою добродушною простотою обхожденія, которыя неизвѣстны во Франціи, и переходятъ въ Германіи изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ будто для смягченія Германской, аристократической гордости. Съ сей минуты, Оттонъ не былъ уже счастливъ на высокой степени, куда возвело его счастіе. Не разъ проклиналъ онъ то время, когда Максимиліанъ послушался его представленій, и сказалъ

ему: «*Жени меня, какъ ты знаешь.*» Если-бы дочь Банкира Вольфа, противъ воли Министра, сдѣлалась супругою Ландграфа, ему надобно-бъ было сражаться только съ ненавистью женщины. Но теперь, противъ любви, любви самой пламенной и пагубной, долженъ онъ былъ бороться каждое мгновеніе. И какъ будто нарочно старался Максимиліанъ терзать его сердце. Въ первые мѣсяцы своего супружества, онъ любилъ повторять Клементинѣ, всякій разъ, когда Министръ бывалъ у него въ ея присутствіи: «И онъ, именно онъ, выбралъ тебя между другими. Онъ угадалъ твои добродѣтели, умѣлъ оцѣнить твою красоту; наше счастіе есть его твореніе! Знаешь-ли ты, Клементина,» прибавлялъ Принцъ, смѣясь, «что если-бы я былъ на его мѣстѣ, то, видя тебя такою милою и доброю, не отдалъ-бы тебя другому? Но онъ мудрецъ — онъ вѣрный другъ — и любовь его должна слѣдовать вычетамъ Философіи. Онъ влюбится обдумавши напередъ.» Принцесса всегда смѣялась этимъ шуткамъ своего супруга, а между тѣмъ, каждое слово Принца вонзалось въ сердце Оттона, какъ убійственный кинжалъ! Еще тяжеле бывало мученіе его, когда Принцесса, для забавы супруга, принимая на себя удивленный видъ, говорила ему: «Какъ это, Графъ: вы будете философствовать, когда вздумаете любить, даже Принцессу? Знаменитое имя, увлекатель-

ность красоты, не достаточны будутъ просто тронуть ваше сердце? Возможно-ли! Максимиліанъ обманывается; признайтесь, что вы полюбили-бы, не спрашиваясь Философіи?» Въ совершенномъ замѣшательствѣ, Оттонъ не могъ отвѣчать ничѣмъ, кромѣ невнятныхъ словъ. «Я сказывалъ тебѣ, что онъ медвѣдь,» тихо говорилъ Ландграфъ Клементинѣ. Однажды Оттонъ услышалъ, что она промолвила: «Какъ жаль!» Онъ не умѣлъ истолковать этихъ словъ; но радостный трепетъ пробѣжалъ по тѣлу его: Принцесса думала, что онъ несчастливъ, жалѣла объ его участи... этого было довольно для его растерзаннаго сердца.

Въ шесть мѣсяцевъ пролетѣла любовь Ландграфа. Грустная Принцесса открыла эту несчастную тайну тому человѣку, который, одинъ въ мірѣ, могъ порадоваться охлажденію сердца Максиміліанова къ его супругѣ. Оттонъ съ жаромъ заступился за Клементину. Но Максиміліанъ искалъ уже новыхъ удовольствій, новаго разсѣянія. Онъ рѣшительно просилъ Министра не надоѣдать ему болѣе, и велѣлъ объявить Принцессѣ, что если столица не имѣетъ счастія ей нравиться, то онъ отдаетъ въ ея полное распоряженіе замокъ Босежуръ, не подалеку отъ столицы. Клементина плакала, настаивала въ намѣреніи остаться еще нѣкоторое время

съ своимъ супругомъ, безпрерывно надѣясь, что любовь его возвратится. Такъ прошелъ цѣлый годъ. Принцесса являлась въ публику съ веселымъ, счастливымъ лицомъ; но въ уединенныхъ комнатахъ своего отдѣленія, во Дворцѣ, предавалась она горести и отчаянію. Оттонъ, только одинъ Оттонъ былъ повѣреннымъ несчастнаго ея супружества, умолялъ ее надѣяться, старался утѣшить Клементину, плакалъ вмѣстѣ съ нею. Когда двое несчастныхъ сближаются, соединяя свою скорбь, свои слезы, когда рука одного съ нѣжностію жметъ руку другаго, и сердце женщины отвѣчаетъ участіемъ страстному сердцу мужчины — погибель недалеко! Въ нежданную минуту забывчивости, голова тихо склонится на грудь несчастнаго друга, поцѣлуй вспыхнетъ на устахъ, и — годы раскаянія не возвратятъ бѣдственной ошибки....

Совсѣмъ не для того, чтобы своимъ присутствіемъ загладить слѣдствія неосторожной шалости Максимиліана и его товарищей, не изъ прихоти, не изъ ревности возвратилась Клементина въ столицу, послѣ долгаго отсутствія. Не потому возвратилась она, что Максимиліанъ раскаялся въ своей вѣтренности, такъ, какъ не вѣтренность его заставила ее прежде удалиться въ свой замокъ. Положеніе Отто-

не внушало ей опасенія. Пламенная любовь къ нему, трепетъ за опасность, ему угрожавшую, необходимость видѣть его каждый день, быть всегда вмѣстѣ съ нимъ, такъ, чтобы честь и самая жизнь Министра были безопасны — вотъ что заставило Клементину оставить свой замокъ, и пріѣхать въ столицу. Для Максимиліана было все равно, гдѣ-бы ни жила Клементина. Онъ былъ ей совсѣмъ чужой.

Прошеніе брата Елены подали Министру, когда онъ возвратился съ охоты. Гюгъ нарочно не упомянулъ, для чего проситъ онъ аудіенціи у Графа Шпульгена. Но Оттонъ былъ такъ счастливъ, съ тѣхъ поръ, когда возвратилась Клементина, что и не думалъ отказать ни въ какой просьбѣ, готовъ былъ удовлетворить всѣ жалобы, всѣ требованія. Онъ приказалъ немедленно впустить въ кабинетъ свой, на другой день, утромъ, слесаря Иттеина, когда только явится этотъ проситель. Въ восемь часовъ утра явился Гюгъ. « Введите его, » сказалъ Министръ, едва только доложили ему, и бѣдному слесарю отворились двери въ кабинетъ перваго Министра.

Походка Гюга была тверда, взоръ его былъ спокоенъ; однакожь дрожащій голосъ измѣнялъ внутреннему его движенію. Не постигая настоящей причины сего измѣненія голоса, Оттонъ

старался показаться просителю, какъ можно привѣтливѣе. «Сядьте, мой любезный, и пожалуйте ничего не опасайтесь» — сказалъ Графъ» — «я люблю и уважаю честныхъ людей во всякомъ званіи, и если ваша просьба справедлива, вѣрьте, что я сдѣлаю все, что мнѣ возможно, такъ, что, надѣюсь, мы разстанемся довольны другъ другомъ.»

— Надѣюсь и я, Ваше Сіятельство, что мы разстанемся довольны другъ другомъ: не милостей, не помилованія пришелъ я просить у васъ, Графъ, но — правосудія!

«Оно будетъ вамъ оказано. Ни одинъ честный человѣкъ, никогда, не уходилъ отъ меня, безъ того, чтобы справедливость его не получила полнаго удовлетворенія. Пожалуйте, будьте откровенны; вы не раскаетесь въ этомъ.

— Благодарю, Ваше Сіятельство, за милостивое ободреніе, и скажу все открыто, какъ человѣкъ честный, который надѣется говорить также съ честнымъ человѣкомъ.

Министръ не много изумился. «Что хотите вы сказать, Г-нъ Иштеинъ? Развѣ обо мнѣ будетъ рѣчь въ вашемъ дѣлѣ?

Твердымъ голосомъ заговорилъ тогда Гюгъ: — Да, объ васъ, Ваше Сіятельство, объ васъ,

дерзкою ложью доведшемъ честное семейство до отчаянія . . . прошу не прерывать меня — вы сейчасъ все поймете! .. Молодая дѣвушка, которой вы не знаете, которой даже имя неизвѣстно вамъ, противъ которой вы не могли имѣть ни малѣйшей причины къ ненависти, сдѣлалась теперь предметомъ презрѣнія цѣлаго города. . . И отъ чего? Отъ того, что вамъ, сильному вельможѣ, защищенному общимъ уваженіемъ, угодно было однимъ словомъ посрамить доброе имя несчастной этой дѣвушки!

Оттонъ старался въ это время вспоминать, и наконецъ сказалъ: « Вы ошибаетесь, мой любезный. Вѣроятно, не со мною, не съ Графомъ Оттономъ фонъ-Шпульгеномъ, хотѣли вы говорить. Богъ свидѣтель мнѣ. . .

— Не клянитесь всуе, Ваше Сіятельство! я могу дополнить слабость вашей памяти. Вѣрю, что вы легко могли позабыть вашу клевету, насмѣшку, шутку... и что за важное дѣло для васъ честь простой ремесленницы, какой нибудь швеи въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла!

Сіи слова поразили Министра, напомнивъ ему огонекъ въ чердакѣ, дитя, спавшее на порогѣ, деньги, данныя этому дитяти, подъ предлогомъ, что ими куплено его молчаніе. Гюгъ за-

мѣшилъ смущеніе Оттона. « Ваше Сіятельство, конечно, припоминаете теперь все, что восемь дней тому сказали вы на счетъ сестры моей!

— Ахъ! это была ваша сестра! — проворчалъ Графъ, и потомъ прибавилъ въ замѣшательствѣ: — Но чего-же вы хотите? Что могу я сдѣлать для васъ?

« Сперва хочу я представить вамъ всю великость зла, мнѣ причиненнаго, а потомъ, вы сами скажете мнѣ, угодно-ли вамъ загладить его.

— Загладить? Да, мой любезный, я признаюсь, что непростительно виноватъ — быстро сказалъ Графъ. — Но, ради Бога, все это останется между нами... я полагаюсь на вашу скромность! Скажите: сколько требуете вы отъ меня?

« Не деньги-ли вы предлагаете мнѣ, Ваше Сіятельство?» гордо спросилъ Гюгъ. « Или вы думаете, что всѣми сокровищами Принца можно окупить честь бѣдной сестры моей? Не знаю, за сколько продается доброе имя знатной дамы, но у насъ этого не вѣсятъ на золото!»

Оттонъ подходилъ въ это время къ бюро своему, вѣроятно, для того, чтобы немедлен-

но отсчитать, чего потребуетъ отъ него слесарь. Услышавъ отвѣтъ Гюга, онъ остановился, и сказалъ: «Вы честный человѣкъ, Г-нъ Иштеннъ, и ни за что въ мірѣ не желалъ бы я произносить когда нибудь имя вашей сестрицы....

— Вѣрю вамъ, Ваше Сіятельство, потому что всѣ говорятъ о вашемъ благородствѣ, вашемъ великодушіи. Надобно, чтобы какое нибудь важное обстоятельство, котораго я вовсе не понимаю, принудило васъ оклеветать мою сестру. Но когда вы избирали имя, на которое должно было упасть безславію, вы, конечно, не знали, что отецъ мой пожертвовалъ всѣми благами жизни, оставилъ почетное званіе для труднаго ремесла, умеръ въ бѣдности, и все потому, что хотѣлъ соблюсти безпорочнымъ имя, вами обезславленное! Вы не знали также, что несчастная дѣвушка, погубленная вашею ложью, составляла предметъ самой нѣжной заботливости брата, поклявшагося умиравшему отцу быть покровителемъ, опорою сестры своей, блюсти, какъ драгоцѣнный залогъ, ея доброе имя! И когда я уже десять лѣтъ исполнялъ клятву, данную моему отцу; въ то время, когда я думалъ быть вознагражденнымъ за всѣ мои труды, отдавая мою Елену лучше-

му моему другу, какъ дѣвушку его достойную... являетесь вы, и однимъ словомъ губите всѣхъ насъ! Другъ мой, женихъ сестры моей, убѣжалъ въ отчаяніи... Елена принуждена скрываться, какъ преступница, отъ презрѣнія цѣлаго города... А я... да, я умеръ-бы отъ стыда и горести, если-бы не рѣшился, не рѣшился непремѣнно и твердо — возвратить доброе имя сестрѣ моей! Да, Ваше Сіятельство, я рѣшился на это! Если вы откажете мнѣ въ добровольномъ правосудіи — я найду средства принудить васъ!

«Г-нъ Иштеинъ!» отвѣчалъ Министръ, внимательно выслушавъ все, что говорилъ братъ Елены. «Ваши упреки не равняются еще упрекамъ, какіе я самъ себѣ дѣлаю, слыша васъ. Вѣрьте, что если-бы во власти моей было удовлетворить васъ тѣмъ, чего вы заслуживаете, я сдѣлалъ-бы все, все, хотя-бы и долженъ былъ для этого потерять уваженіе людей, мнѣніе которыхъ ставлю я выше всего въ мірѣ. Но если вы требуете публичнаго объявленія о моей лжи — это невозможно! Вы видите, что откровенность моя равна вашей. На вашемъ мѣстѣ, я поступилъ-бы такъ, какъ вы; на моемъ мѣстѣ вы сдѣлали-бы тоже, что я.

— То есть, Ваше Сіятельство, ограждаете

себя знатностію вашего сана, и думаете оскорблять насъ, людей ничтожныхъ, безнаказанно? Но знаете-ли вы, что если вамъ угодно будетъ принудить меня, то мщеніе мое всюду найдетъ васъ? Позвольте мнѣ спросить въ послѣдній разъ: согласитесь-ли вы, въ присутствіи свидѣтелей, которыхъ я назначу, объявить, что никогда вы даже не видали сестры моей? Согласитесь-ли признаться передъ ними въ клеветѣ своей, и объявить: гдѣ именно были вы 15-го Сентября, въ 10 часовъ вечера? Только этимъ признаніемъ убѣдятся всѣ, что вы не у сестры моей были.

Пораженный словами Гюга, Графъ затрепеталъ, невольно упалъ въ кресла, и сказалъ измѣнившимся голосомъ: «Никогда, никогда! Это не возможно!.. Возьмите все, что я имѣю, но больше ничего не требуйте — извольте выйдти!»

— А! вы блѣднѣете! И такъ тутъ скрывается тайна, тайна ужасная? Хорошо: я открою, я обнаружу ее... Вы принуждаете меня къ войнѣ противъ васъ? Нечего дѣлать: война!.. Съ сего часа, я отъ васъ не отстану, буду преслѣдовать васъ повсюду, буду слѣдить каждый шагъ, каждый взглядъ вашъ! Ежеминутно будете вы чувствовать тяжесть моего мщенія,

и, какъ ни высоко стали вы, вамъ не избѣгнуть отъ меня! Ненависть уравняетъ меня съ вами, и мое преслѣдованіе кончится только въ тотъ день, когда сестра моя будетъ оправдана. До свиданія, Ваше Сіятельство. . .

Гюгъ вышелъ, Министръ повелъ рукою по лбу, и сказалъ тихо: «Онъ исполняетъ свою обязанность, но я — могу-ли я измѣнить своей.»

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

РАЗБОРЪ КНИГИ:

Начальныя Основанія Всеобщей Химіи, составленныя по системѣ Г. Тенара, І. Варвинскимъ. Части: 1 и 2.—СПбургъ. Въ типогр. Алекс. Смирдина. 1832.

(Окончаніе.)

— За симъ слѣдуетъ статья о хлорѣ. Замѣтимъ здѣсь, что Г-нъ В. при каждомъ веществѣ приводитъ исторію открытія онаго (которая для начинающихъ совершенно безполезна), но какимъ образомъ? Вотъ примѣръ (стр. 152): «Хлоръ открытъ Шеле въ 1774 году; и *названъ имъ былъ морскою обезгорюченною кислотою* (acide marin deplogistiqué). *Основатели новой химической терминологіи* (?) дали ему названіе *окисленной соляной кислоты* (acide muriatique

oxigéné). » Кто-же далъ ему названіе *хлора*? О семъ ни слова! Г. В. прямо начинаетъ: « свойства *хлора* и проч. » Зачѣмъ-же было приводить названія древнія, если не упомянуто о нынѣшнемъ? Такъ-ли должно излагать исторію точной науки?

— Далѣе Г-нъ В. объясняетъ теорію полученія хлора (стр. 156) и опять не знаками, но способомъ одинаковымъ съ упомянутымъ при водородѣ. Пусть взглянетъ кто нибудь на объясненіе, Г-на В., полученія хлора вторымъ способомъ (чрезъ смѣшеніе *хлористаго содія* съ марганцовымъ перекисломъ и сѣрною кислотою)! Знаками объяснить сіе весьма легко. Г-нъ-же В. совершенно запуталъ оное скобками.

— На стр. 157 и др. *Economie animale* переводится Г-мъ В. — *экономіею* (!?) животныхъ.

— Потомъ слѣдуетъ іодъ. При объясненіи добыванія хлора Г-нъ В. принялъ теорію Берцеліуса и Нѣмецкихъ химиковъ (*голондныя соли*), а добываніе іода толкуетъ (на стр. 160) по теоріи *водородо-хлорнокислыхъ солей*!! Какой-же теоріи *держится* Г-нъ В.? Вѣроятно, *той* и *другой*!!..

— Г-нъ В. *золотуху* называетъ *шкрофулемъ*!! Стр. 160.

— При бромѣ (стр. 163) опять принято существованіе — *бромнокислаго* кали!

— При добываніи азота (стр. 164) сказано: « Азотъ получается *многими* (??) способами: 1) чрезъ *отдѣленіе кислорода изъ воздуха*, или 2) пропуская струю хлора чрезъ водный растворъ

амміака и т. п. (?!).» Можно-ли посему наставленію добыть желаемый газъ? Къ несчастію, подобнымъ образомъ описано полученіе *всѣхъ* тѣлъ!..

Кстати замѣтить здѣсь о употребленіи Г-мъ В. словъ: и т. п. (и тому подобное). Во многихъ случаяхъ Г. В. ставитъ ихъ совершенно не у мѣста, такъ, что оныя невольно возбуждаютъ смѣхъ. Приведемъ только *два* примѣра.

1) На стр. 223 сказано: «Въ сихъ различныхъ состояніяхъ мышьякъ находимъ былъ во *Франціи*, Германіи, Англіи, *Сибири* и т. п. (!!).»

2) При настоящемъ состояніи науки, неизвѣстно *ни одного* способа полученія азота, *подобнаго* двумъ вышеприведеннымъ. Это, вѣроятно, неизвѣстно Г-ну В.?

Скажемъ теперь нѣчто о планѣ Химіи Г-на Варвинскаго. Въ Предисловіи сказано, что Г-нъ В. слѣдовалъ Тенару, «*заимствуя дополненія* какъ изъ *новѣйшихъ* Журналовъ, такъ и изъ сочиненій Фуркроа, Деви, Томсона, Берцеліуса, Дюма и *многихъ другихъ.*» Не говорю уже, что никакимъ образомъ не льзя помѣстить *нынѣ* цирконій въ прибавленіи къ *тѣламъ простымъ не металлическимъ*; но я принужденъ замѣтить Г-ну В., что слѣдовать Тенарову распредѣленію металловъ есть сущая невозможность! Г-нъ В. *совершенно* слѣдовалъ системѣ Тенара, и вотъ какъ онъ отговорился въ семъ отношеніи при металлахъ 1-го отдѣленія (стр. 178): «я слѣдовалъ раздѣленію Г-на Тенара *по той причинѣ* (?!), что хотя помянутые металлы и

получены, *но свойства ихъ еще не опредѣлены съ такою удовлетворительностію* (!), чтобы по онымъ можно ихъ было отнести къ которому либо изъ прочихъ отдѣленій.» Можетъ-ли сказать это Г-нъ В., пользовавшійся *новѣйшими* Журналами и всѣми сочиненіями! Зачѣмъ Г-нъ Варвинскій не справился съ Химіею Дюма (Traité de Chimie appliquée aux arts): онъ нашелъ-бы тамъ (tome 2, page 68), какимъ образомъ *можно* измѣнить Тенарово расположеніе металловъ. И такъ *сноснѣе*-бы было, если-бъ Г-нъ В. принялъ расположеніе Дюма. *Замѣтимъ еще*, что Г-нъ В. привелъ въ семъ мѣстѣ Тенарово расположеніе для того, дабы показать, какимъ образомъ (стр. 177): «Металлы, основываясь *на сродствѣ ихъ съ кислородомъ*, могутъ быть раздѣлены на 6 отдѣленій.» Вѣрное раздѣленіе!!..

— Тутъ-же Г-нъ В. говоритъ, что «металлы втораго отдѣленія способны поглощать кислородъ при *самой высокой* (не опечатка) температурѣ.» Г-нъ В. самъ себѣ противорѣчитъ, ибо на стр. 192 у него значится: «Сухой кислородный газъ при *обыкновенной температурѣ* поглощается потассіемъ, и вѣроятно (по аналогіи (!)) баріемъ, литіемъ, стронціемъ и кальціемъ.» — Вскорѣ является опять неправда: на стр. той-же значится, что «кислородъ не поглощается *содіемъ*.»

— Стр. 181. «Прежде полагали,» пишетъ Г-нъ В., «что металлы исключительно суть тѣла, тяжелѣйшія воды; но *новѣйшими* (!) *изслѣдованіями* доказано сему противное; ибо находятся металлы лег-

чайшіе воды.» — Это можно было сказать около 1807-го года. Опять повторяю, что Г. В. долженъ-бы былъ измѣнять слова Тенара.

— Г. В. пишетъ (стр. 195) между прочимъ, подъ заглавіемъ: *Металлы и нѣкоторыя тѣла*: «Доберейнеръ нашелъ, что (3) *сѣрнистый окисель* (металлъ?!) и *недокисель платины* поглощаютъ всѣ горючіе газы, но не дѣйствуютъ на газы кислородный и углероднокислый. Кромѣ того, сіи *окислы* (?!) находясь въ прикосновеніи съ воздухомъ и будучи смочены *алкоголемъ* (!) превращаютъ его въ воду и уксусъ.» — Неужели Г-нъ В. не знаетъ, что это *не окислы*, а *чистые металлы*! Либигъ давно уже доказалъ, что черный порошокъ, почитаемый *недокисломъ платины* (платиновая чернь), есть чистый металлъ. Притомъ и въ заглавіи у Г-на В. тоже значится. Простительна-ли такая частая небрежность въ книгѣ, назначенной для начинающихъ! Можно-ли въ одномъ мѣстѣ говорить одно, а въ другомъ мѣстѣ другое, объ одномъ и томъ-же предметѣ? Не доказываетъ-ли это, что Г-нъ В. не имѣетъ твердо пріобрѣтенныхъ познаній, но принимаетъ первое ему встрѣтившееся мнѣніе, не замѣчая ни времени, въ которое оно писано, ни теоріи, принятой сочинителемъ!..

— На стр. 197. Г. В., изъясняя причину дѣйствія платины на нѣкоторые газы, въ концѣ говоритъ такъ: «Можетъ быть (и сіе предположеніе наиболѣе вѣроятно), что губчатая платина, какъ скважистое тѣло, *сгущаетъ* сіи два газа» и проч.

Нынѣ доказано уже совершенно, что сего быть не можетъ, ибо опыты Доберейнера и Гесса (см. Mémoires de l'Académie des sciences de St.Pétersbourg, или Annales de Chimie et de Physique, tome XXIV, p. 380) совершенно доказали, что *губчатая платина не поглощаетъ кислорода.*

— Вскорѣ за симъ слѣдуетъ *добываніе металловъ.* Г-нъ В. на стр. 198 говоритъ: «Нѣкоторые изъ нихъ, *необходимые въ общежитіи*, извлекаются изъ ихъ естественныхъ соединеній въ огромномъ количествѣ и особенными процессами, составляющими предметъ Металлургіи.» Можно-ли молчать о добываніи употребительныхъ металловъ? Почему-же добываніе неупотребительныхъ металловъ нашло мѣсто въ Химіи Г-на В.? Притомъ, Металлургія есть нечто иное какъ часть Химіи.

— Послѣ сего слѣдуетъ описаніе металловъ перваго отдѣленія. Здѣсь описанъ, неизвѣстно по какой причинѣ, одинъ *алуминій.* Въ отвѣтѣ Г. Гессу, Г-нъ В. сказалъ, что это произошло *отъ обстоятельствъ книгопечатанія* (!?).

— На стр. 204 сказано, что «литій еще не *былъ* полученъ въ *отдѣльномъ состояніи* (!!). «Пусть справится Г-нъ В. съ сочиненіями, вышедшими послѣ Тенаровой Химіи.

— Стр. 205. При поглощеніи кислорода потассіемъ образуется на немъ кора *окиса*, а не *закиси.*

— Далѣе Г-нъ В. пишетъ (стр. 206): «Потассій полученъ быть можетъ, чрезъ разложеніе воднаго кали Вольтовымъ столбомъ, или чрезъ нака-

ливаніе воднаго кали съ желѣзомъ.» Нынѣ *нигдѣ* не получается потассій сими невыгодными способами: металлъ сей добывается способомъ Бруннера, изъ виннокаменнокислаго кали, о коемъ у Г-на В. ни слова.

— Г-нъ В. на стр. 213 говоритъ, что полосы желѣза, находясь «*подъ угломъ* 70° (?) пріобрѣтаютъ сами собою магнитное свойство.» — Г-нъ В. долженъ знать, что это происходитъ *только тогда*, когда сей уголъ находится въ плоскости магнитнаго меридіана.

— На стр. 216 сказано: «Добываніе желѣза изъ его соединеній въ большомъ количествѣ *составляетъ предметъ* Металлургіи; въ *маломъ-же видѣ* (?) оно получается чрезъ накаливаніе желѣзнаго окисла или углероднокислаго соединенія онаго съ углемъ.» — Вѣроятно Г. В. хотѣлъ представить способъ полученія желѣза въ маломъ видѣ для химическихъ изслѣдованій; но для сей цѣли не слѣдуютъ представленному имъ способу, а сплавляютъ обыкновенно желѣзо съ его окисломъ, какъ то показалъ Бролье.

— При хромѣ опущены новые опыты, не находящіеся у Тенара.

— При описаніи серебра ни слова не сказано о добываніи сего металла.

— На стр. 258, подъ заглавіемъ: *Отдѣленіе платины*, Г. В. представляетъ, вмѣсто дѣйствительнаго способа отдѣленія платины, *аналитическій способъ разложенія* платиновыхъ рудъ, гдѣ плати-

на *не отдѣляется* (какъ означено въ заглавіи), но количество оной опредѣляется чрезъ *потерю вѣса* (стр. 203), чего, вѣроятно, Г-нъ В. не замѣтилъ. Кажется, здѣсь было-бы лучше привести способъ Соболевскаго. Я долженъ однакожъ упомянуть о томъ, что Г-ну Варвинскому сіе было уже замѣчено прежде (Сынъ Отеч. 1832, № 25), и что онъ, въ непомѣщеніи способа Соболевскаго, отговорился тѣмъ, что оный принадлежитъ къ Металлургіи; но — предлагаю другой вопросъ читателямъ. Зачѣмъ-же Г-нъ В., исчисляя труды ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ платины, не помѣстилъ Соболевскаго, коего труды принесли Россіи неоспоримо великую пользу?

— Послѣ платины слѣдуетъ иридій, а за симъ *прибавленіе къ металламъ*. Въ семъ *прибавленіи* описаны глицаній, иттрій и торій. Гдѣ-же помѣстилъ Г-нъ В. *магнезій* и *ванадій*? Свойства перваго изъ сихъ двухъ металловъ опредѣлены такъ-же удовлетворительно, какъ и глицанія и иттрія (особенно Либигомъ, который также показалъ весьма простой способъ добыванія его); а о ванадіи слѣдовало-бы, покрайней мѣрѣ, упомянуть, тѣмъ болѣе, что Г-нъ В. описалъ уже *торій*. Я сказалъ уже, что въ отвѣтѣ Академику Гессу, Г-нъ В. говоритъ, что все это вкралось отъ *особенныхъ обстоятельствъ книгопечатанія*; но, какія здѣсь могутъ быть *обстоятельства*, если Г-нъ В. *уже помѣстилъ магнезій* и *ванадій* въ числѣ простыхъ тѣлъ, на стр. 2?..

— Послѣ того слѣдуетъ Глава III, о соединеніи не металлическихъ тѣлъ между собою. Худое расположеніе книги Г-на В. было причиною пустыхъ повтореній въ вышеприведенной главѣ, на страницахъ 297, 313, 325 и проч.

— Первыя соединенія, описанныя въ главѣ III, суть *водородистыя*. На стр. 282-й, при *углеводородистыхъ* соединеніяхъ, Г-нъ В. говоритъ, что, «судя по атомическому составу сихъ одиннадцати тѣлъ, нѣкоторыя изъ нихъ должны составлять одно и тоже, не смотря на различный образъ соединенія ихъ началъ. Такъ напримѣръ, по показанію Г-на Дюма:

	Углер.	водор.
Одноуглеводородный газъ содерж.	1 . .	2.
Двууглеводородный	2 . .	2.
Углеродистый водородъ. . .	4 . .	4.
Розовое масло.	8 . .	8.
Нафта	6 . .	5.
Полуторноуглеродистый водородъ	6 . .	4.
Двухъуглеродистый водородъ	6 . .	3.
Сладкое винное масло . . .	4 . .	3.
Очищенный скапидаръ . . .	10 . .	8.
Нафталинъ	5 . .	2.»

Не говорю уже о запутанности именъ сихъ; но замѣчу еще слѣдующее: «Изъ *всѣхъ сихъ* соединеній,» продолжаетъ Г-нъ В., «въ особенности заслуживаетъ вниманіе *газообразный составъ* (!), назы-

ваемый *углеводороднымъ газомъ.*» Гдѣ-же въ помянутой таблицѣ составъ сей? Если Г-нъ В. назвалъ симъ именемъ, какъ общимъ, оба первые газа, то сіе должно было объяснить прежде, а не говорить утвердительно, что «*вообще принято* (*неправда!*), что видоизмѣненій сего газа находится два.»

— При дѣйствіи не металлическихъ тѣлъ на двухъ-углеводородный газъ, пропущено дѣйствіе брома (стр. 285).

— При углеродистой сѣрѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, вошла статья: *о водородоксантовой кислотѣ.* Зачѣмъ-же Г-нъ Варвинскій не отнесъ ея къ кислотамъ?

— За симъ слѣдуетъ глава IV: *О соединеніи не металлическихъ тѣлъ съ металлами.* Если-бы Сочинитель вздумалъ придерживаться избраннаго имъ плана, то здѣсь слѣдовало-бы ему помѣстить всѣ окислы, кои не суть соляныя основанія, либо кислоты; но вѣроятно, слишкомъ явное неудобство, заставило его отступить отъ предначертаннаго имъ расположенія. Не доказываетъ-ли и это невыгоды системы Тенара?

— О сѣрныхъ соляхъ Берцеліуса, столь важномъ предметѣ, сказано у Г-на В. только мимоходомъ (стр. 360).

— Какимъ образомъ, на стр. 413, въ статью: *Амальгамы* вошли: 4) Сплавъ олова и свинца, 5) Сплавъ олова и мѣди, 6) Сплавъ олова и желѣза, 7) сюрьмы и свинца, 8) Сплавъ цинка и мѣди,

9) Сплавъ мышьяка и платины, 10) Сплавъ серебра и мѣди, 11) Сплавъ мѣди и золота и — наконецъ, опять *амальгама* — 12) ртути, цинка и олова? Неужели все это амальгамы?

Излишнимъ считаю распространяться здѣсь о номенклатурѣ, употребляемой Г-мъ В. Не говоря о ея неудобствахъ, замѣчу только, что она даже ошибочна и въ словопроизводствѣ. Такъ наприм. отъ словъ: *теллуръ* или *селенъ*, Г-нъ В. производитъ не *теллуристый* и *селенистый*, а теллуровистый и селеновистый!! Г-нъ В. не можетъ въ семъ случаѣ сослаться на *мышьяковистый* (отъ *мышьяка*): слово сіе всѣми принято, и притомъ не можетъ быть произведено иначе. Слова-же Г-на В. суть безполезныя и ошибочныя *нововведенія*.

(*О Второй Части впредь*).

А. Комаровъ.

Августа 15,
1832.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Краткій Курсъ Словесности, приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ.* Василья Плаксина. СПб. 1832. Въ т. Гинце. VIII и 197 стр. in-8 (*).

Риторику преподаютъ почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Можетъ быть это было причиной, что до сихъ поръ у насъ никто не осмѣливался сдѣлать вопроса: Существуетъ-ли Риторика, не какъ сборъ условныхъ правилъ, но какъ наука? Г-ну Плаксину принадлежитъ честь, что онъ первый у насъ рѣшился объяснить сей вопросъ. Книга его служитъ доказательствомъ, что мыслящій человѣкъ не страшится никакого авторитета, когда рѣчь идетъ о томъ знаніи, которому посвящаетъ онъ жизнь свою. Съ любопытствомъ, съ участіемъ прочитали мы книгу Г-на Плаксина,

(*) Продается въ С.Петербургѣ, въ книжныхъ лавкахъ И. И. Заикина, по 4 р. за экземпляръ. Съ пересылкою въ другіе города по 5 рублей.

и спѣшимъ познакомить съ нею нашихъ читателей.

Трудно, если не совершенно невозможно, творить разрушая. Но въ такомъ положеніи былъ Г. Плаксинъ, ибо онъ долженъ былъ прежде всего доказать самому себѣ неосновательность прежней Риторики, и потомъ приступить къ созданію ея вновь. Посему не будемъ взыскательны. Примемъ въ соображеніе важность труда, вспомнимъ, что другіе писали о Риторикѣ, и посмотримъ, что сдѣлалъ Г-нъ Плаксинъ.

Риторика, по опредѣленію почти всѣхъ писавшихъ о ней, имѣла цѣлію *убѣждать, трогать, увлекать*. Какъ хорошо достигала она своего назначенія, можно судить потому, что въ цѣлыхъ поколѣніяхъ учившихся ей, едва-ли нѣсколько человѣкъ обладали краснорѣчіемъ; едва-ли изъ тысячи одинъ дѣлался хорошимъ писателемъ. Много вѣковъ безплоднаго опыта надобно было для убѣжденія, что Ораторское Искуство есть только видъ Поэзіи, что оно имѣетъ источникомъ своимъ вдохновеніе, и что, слѣдовательно, къ нему такъ-же хорошо какъ и къ Стихотворству примѣняется извѣстное выраженіе: *поэты родятся*; прибавимъ: и воспитываются обстоятельствами.

Къ Риторикѣ пріобщали также наставленіе о формахъ различныхъ родовъ сочиненій, то есть показывали, что значитъ Романъ, Письмо, Исторія, и прочіе роды сочиненій. При этомъ никогда не было и требованія сдѣлать изъ учащагося романиста, письмописателя, историка; слѣдовательно,

это былъ сборъ условныхъ правилъ, которыя измѣняетъ каждый геніяльный писатель. Жаль только, что не ограничивались въ этомъ случаѣ простыми объясненіями, какія находятся въ Словаряхъ, или собраніемъ образцовъ, какіе есть, напримѣръ, для прошеній и записокъ, подаваемыхъ въ Присутственныя мѣста. Это было-бы не худо и нынѣ, когда у насъ иные писатели не умѣютъ дать заглавія и расположенія книгѣ.

Кто не согласится однакожъ, что всѣ такія подробности, пустыя, условныя, и по большой части ничтожныя, отнюдь не составляютъ, не только Науки, но даже и Знанія? На нихъ основанная Риторика должна была разсыпаться прахомъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ наше время она стоитъ немного повыше Алхиміи, которая хотѣла научить дѣлать золото, такъ-же какъ Риторика хотѣла научить быть писателемъ. Посмотрите, напримѣръ, что говоритъ Г-нъ Плаксинъ о *Риторикѣ Кошанскаго*, еще недавно признанной лучшею изъ всѣхъ книгъ, изданныхъ по сей части на Русскомъ языкѣ: «*Общая Риторика Кошанскаго*, есть образецъ само-«управства Сочинителя въ Наукѣ; она, кромѣ «прекрасныхъ примѣровъ, и то, по большей ча-«сти, не кстати приведенныхъ, есть совершен-«но лишнее и даже вредное явленіе въ Литтера-«турѣ; она рѣшительно ниже всѣхъ Риторикъ (стр. 153-я).»

Перебирая всѣ другія, извѣстнѣйшія Риторики, Г-нъ Плаксинъ не находитъ ни одной изъ нихъ удовлетворительною.

Излишне было-бы означать въ подробности, что именно охуждаетъ онъ въ сихъ Риторикахъ. Надобно только вспомнить, что всѣ онѣ (исключая книги Гг. Талызина и Галича), были основаны на тѣхъ ложныхъ началахъ, которыя означили мы выше сего. Слѣдовательно, осуждая ихъ *всѣ*, Г-нъ Плаксинъ осуждаетъ основанія оныхъ, а не подробности, которыя могли быть изложены лучше или хуже. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ: онъ ниспровергнулъ все зданіе, которое называлось Риторикою.

Послѣ сего естественно является любопытный вопросъ: чѣмъ Г-нъ Плаксинъ замѣнилъ разрушенное имъ столь смѣло? На чемъ самъ онъ основалъ Риторику?

Онъ, какъ показываетъ самое заглавіе книги его, рѣшился вообще обнять Словесность, въ которой Риторика составляетъ хотя небольшое, однакожь необходимое звѣно. Въ семъ обширномъ объемѣ, ему должно было показать необходимость Словесности, какъ стремленія человѣка выразить свой внутренній міръ, и за тѣмъ объяснить законы, на основаніи коихъ проявляется сіе стремленіе. Наконецъ должно было дать понятіе, въ какомъ состояніи находится Словесность, принимаемая какъ теорія Слова, какъ Исторія уже сдѣланнаго по сей части, и какъ собраніе правилъ, коими долженъ руководствоваться писатель, или, чтобы выразиться иначе: Словесность въ идеѣ, въ прошедшемъ и будущемъ.

Сдѣлавъ сіе предначертаніе, основанное не на предразсудкахъ, укорененныхъ временемъ, а на истинной сущности предмета, Г-нъ Плаксинъ увлекся однакожь старинымъ повѣрьемъ, и въ сочиненіи о Словесности занялъ слишкомъ много мѣста разсужденіями о томъ, что отвергаетъ онъ самъ. Въ его сочиненіи — гдѣ, какъ мы сказали, Риторика должна занимать весьма небольшую часть — четверть всей книги наполнена мало-полезными изъясненіями Общей Риторики. Напротивъ Частная Риторика, этотъ, если можно такъ сказать, *обрядникъ*, который необходимо знать всякому пишущему, сжатъ и обремененъ частностями, не всегда нужными. Гораздо полезнѣе было-бы распространиться въ изъясненіи различныхъ родовъ сочиненій, нежели разсуждать о повѣствовательной, дидактической, убѣждательной прозѣ, о слогѣ высшемъ, среднемъ и низшемъ. Первое необходимо, особливо при обученіи первоначальномъ; второе есть только *предметъ любопытства*, *извѣстіе* о томъ, какія оковы схоластицизмъ налагалъ на писателя.

Касательно частностей, можно было-бы замѣтить многое, съ чѣмъ мы несогласны, или что даже противорѣчитъ нашему убѣжденію. Но тогда надлежало-бы написать цѣлую книгу. Замѣтимъ, только для примѣра, немногое.

«Мыслящія силы вообще называются *умомъ*, *смысломъ* (стр. 3-я).» Кажется, не должно было-бы дѣлать синонимами сіи двѣ, совершенно различныя способности человѣка.

«Если мы что знаемъ, то это потому, что чувствуемъ (тамъ-же).» Можно *чувствовать* и *не знать*.

«Дѣйствіе воображенія есть *представленіе* или *частное понятіе*.» Это непонятно.

«Даръ слова имѣетъ два назначенія: необходимое «удовлетвореніе общежитію, житейскимъ надоб«ностямъ, и свободное, безкорыстное удовлетво«реніе чувству изящнаго; отсюда происходятъ двѣ «отрасли Словесности: *Проза* и *Поэзія*, коихъ «различіе состоитъ въ томъ, что первая, проис«текая изъ разсудка и разума, говоритъ симъ мы«слящимъ способностямъ о мірѣ дѣйствительномъ, «объ истинахъ существенныхъ, для пользы жи«тейской или нравственной; а вторая, происходя «изъ фантазіи и чувствъ, дѣйствуетъ на вообра«женіе и чувства посредствомъ вымысловъ, обле«ченныхъ въ изящныя формы. (стр. 57-я).» Здѣсь большая сбивчивость. *Проза* есть только способъ выраженія, и противоположное съ нею есть *Стихотворство*, ибо Поэзія можетъ быть не только въ Прозѣ, но и въ безсловномъ событіи. Нужно-ли доказывать сіе примѣрами? Арабъ, который воображаетъ *Бонаберджи* являющимся на вершинѣ Пирамидъ; видъ Кавказа, надъ которымъ при свѣтѣ солнца разражаются тучи и блещутъ молніи; единодушный подвигъ Россіянъ въ 1612-мъ году и сожженіе Москвы въ 1812-мъ — неужели это не Поэзія самая возвышенная? Неужели прозаическія описанія Наполеона собственныхъ его походовъ, *Мадонна*

Жуковскаго, Notre-Dame de Paris В. Гюго, *Аммалатъ-Бекъ* Марлинскаго — не Поэзія? Приводимъ эти указанія для того, чтобы убѣдить Г-на Плаксина въ ошибочности его раздѣленія. Онъ писалъ на Русскомъ языкѣ, гдѣ Греческое слово Поэзія имѣетъ одно, опредѣленное значеніе. Но если подъ именемъ *Поэзіи* онъ разумѣлъ *Стихотворство*, то слѣдующее объясненіе показываетъ опять что-то противорѣчивое: «Прозаикъ, понимая природу, списываетъ ее; поэтъ, находя міръ непонятнымъ, творитъ изъ него свой идеальный, чувственно-совершенный.» Совершенно напротивъ! Поэтъ потому-то и пишетъ, что понимаетъ описываемое имъ лучше всякаго прозаика. Поэта можно назвать безотчетнымъ философомъ. Онъ снимаетъ всѣ покровы съ таинствъ природы. Прозаикъ въ понятіяхъ, хотя-бы выражался онъ и стихами, есть не иное что какъ простой описатель. Онъ описываетъ всякій предметъ такъ-же, какъ хладнокровный топографъ описываетъ какое-либо мѣстоположеніе.—Замѣтимъ, мимоходомъ, что Авторъ весьма несправедливо называетъ Риторику наукой. Мало этого: онъ величаетъ именемъ науки и Піитику, и Грамматику!

Въ сужденіяхъ о писателяхъ, споровъ не можетъ быть, и не должно быть. Мы не будемъ ни подтверждать, ни отрицать, напримѣръ, что Г-нъ Броневскій, Авторъ морскихъ описаній, можетъ служить образцомъ: всякій судитъ по своему! Но нельзя не отмѣтить слѣдующихъ явныхъ ошибокъ.

Г-нъ Плаксинъ думаетъ, что Г-нъ Никольскій сочинилъ: *Разсужденіе о механическомъ составѣ язы-*

ковъ. Это сочиненіе не Г-на Никольскаго, а Француза Бросса; Г-нъ Никольскій только перевелъ его.

« Критики *Шишкова* имѣли весьма значительное « вліяніе въ нашей Литтературѣ; особливо: *О лег-* « *чайшемъ способѣ возражать на критики*, можетъ « почесться лучшимъ образцомъ и теоріею Критики. « Жаль, что сей Критикъ вдавался въ крайность « Славянизма (стр. 161-я).» Не понимаю, какъ Авторъ могъ въ этихъ немногихъ строкахъ сдѣлать такъ много ошибокъ. Книжечка, о которой упоминаетъ онъ, писана не А. С. Шишковымъ, а противъ него. Сочинитель ея не только *не вдавался въ крайность Славянизма*, но возставалъ противъ Славянизма. Она можетъ почесться не теоріею Критики, но образцомъ остроумія и ѣдкости, облеченныхъ языкомъ и духомъ образованнаго общества.

Изъ немногихъ замѣчаній нашихъ можно видѣть, что книга Г-на Плаксина болѣе достойна хвалы по намѣренію, нежели по исполненію. Общій планъ ея прекрасенъ; исполненіе и подробности не соотвѣтствуютъ оному. Однакожь мы не обинуясь признаемъ ее одною изъ лучшихъ книгъ по своей части, и на этомъ основаніи рекомендуемъ всѣмъ преподавателямъ и любителямъ Словесности. Это заря, которая предзнаменуетъ ясный день въ нашихъ понятіяхъ о Словесности.

К. П.

— *Стихотворенія Александра Полежаева.* М. 1832. въ т. Лазаревыхъ Института Восточн. язык. 283 стр. in-12.

Среди пустыхъ, бездушныхъ произведеній современнаго стихотворства, отрадно встрѣтить цѣлый томъ Стихотвореній внушенныхъ чувствомъ истиннымъ, неподдѣльнымъ, незаимственнымъ. Подобно самому человѣку, бывающему въ разныхъ расположеніяхъ, въ разныхъ обстоятельствахъ, въ разныхъ тревогахъ душевныхъ, стихотворенія писателя также всегда носятъ отпечатокъ мѣстный, временный; но основныя силы души неистребимы, и отъ нихъ-то писатель бываетъ всегда одинаковъ, не смотря на то что окружающія его обстоятельства, люди, даже воздухъ перемѣняются безпрестанно.

Въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ Г-на Полежаева замѣтны были необыкновенная легкость и живость стихосложенія. Сквозь туманъ юношеской пылкости, которая не дозволяетъ глубоко проницать въ предметы, у него всегда видна была душа, сильная, пламенная. Надобно пожалѣть, если обстоятельства не допустили его образовать свое дарованіе, не дали ему ближе разглядѣть общество и проникнуть въ таинства современнаго духа. Да! пусть души вялыя ищутъ вдохновенія въ чуждой Древности, или въ сочиненіяхъ геніевъ другихъ міровъ. Для поэта истиннаго, вдохновеніе всегда вблизи его, дома, въ той странѣ, которая видѣла его рожденіе, и воспитала, возлелѣяла его способности. Кто не находитъ поэзіи въ пред-

метахъ близкихъ, родныхъ ему, тотъ напрасно будетъ размахивать крыльями надъ отчизной Петрарки и Данте: тамъ ожидаетъ его жребій Икара.

Г-нъ Полежаевъ увлекался современнымъ направленіемъ Поэзіи и подражалъ Байрону, Ламартиву. Тамъ могъ онъ показать только гибкость своего дарованія. Переводы или подражанія его слабы всравненіи съ подлинниками, но хороши какъ стихотворенія Русскія. Кажется однакожь, что страсть къ подобнымъ преложеніямъ миновалась, и безвозвратно. Боже мой! Двадцать лѣтъ назадъ: что это было за время! Ни одинъ Французскій пѣвунъ, хотя-бы безголосый, не могъ разинуть рта безъ того, чтобы у насъ, въ землѣ Пѣвца о походѣ Игоревомъ, также не растворилось нѣсколько ртовъ: одни отъ удивленія, другіе отъ желанія вторить. И сколько мѣлочныхъ дарованій ушло при этомъ въ поэты! Переводъ пѣсенки, едва сносный, давалъ право на имя литтератора, и не рѣдко усыплялъ дарованіе. Насталъ вѣкъ желѣзный. Да, мы Римляне, закованные въ броню, всравненіи съ отцами нашими, Аркадскими пастухами Поэзіи. Какую славу пріобрѣлъ-бы Г-нъ Полежаевъ за свои переводы! Теперь, мы указываемъ на нихъ какъ на удачныя упражненія въ Стихотворствѣ, не болѣе.

У Г-на Полежаева есть другія, болѣе сильныя права на вѣнокъ поэта. Его собственныя стихотворенія, особенно послѣднія, писанныя на Кавказѣ, дышатъ чувствомъ истинно поэтическимъ. Такова участь поэтовъ! Это страдальцы, обречен-

цы волненія и борьбы собственныхъ чувствъ. Дорого покупаютъ они вдохновенія свои, которыхъ напрасно ищутъ въ гостиныхъ паркетные каламбуристы. Чтобы узнать свѣтъ, надобно глядѣть не на декорацію его, а на внутренній механизмъ, движимый страстями. Право на это надобно пріобрѣсти не обѣдами въ свѣтлыхъ столовыхъ, и не балами, гдѣ все блещетъ и плѣняетъ взоръ. Прочь всѣ заимственные лучи!.. Тогда-то увидите вы этого ненагляднаго героя, именуемаго человѣкомъ, увидите прежде всего въ самихъ себѣ, и *для разнообразія, для дополненія картины*, въ другихъ. Только въ этомъ положеніи начинается и оканчивается воспитаніе поэта. Преображенный, свободный отъ земныхъ ослѣпленій, онъ смѣло пускается въ область Поэзіи. Всѣ явленія міра найдутъ отзывы въ душѣ его.

Не достигши высоты, на которой стоятъ исполины Поэзіи, Г-нъ Полежаевъ заслуживаетъ однакожь вниманіе, какъ поэтъ, полный чувства, испытанный страстями и жизнію. Теперь-то можетъ развиться его дарованіе и облекать звучными стихами, столь легкими для него, помыслы высокіе. Залогомъ сего служитъ напечатанный томъ его стихотвореній. Въ подтвержденіе всего сказаннаго нами, выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ стихотворенія его: *Ночь на Кубани*. Обращаясь къ самому себѣ, Поэтъ говоритъ:

Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ,

И на зарѣ весеннихъ лѣтъ
Его ничтожество измѣрилъ;
Кто погубилъ, подобно мнѣ,
Свои надежды и желанья,
Предъ кѣмъ разрушились вполнѣ
Грядущей жизни упованья;
Кто сиръ и чуждъ передъ людьми,
Кому дадутъ изъ сожалѣнья,
Иль ненавистнаго презрѣнья,
Когда нибудь клочекъ земли....
Одинъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
Моей тоски не обвинивъ,
Душевнымъ чувствамъ не измѣнитъ,
И скажетъ: такъ, ты несчастливъ!
Какъ братъ къ потерянному брату
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ,
И раздѣлитъ мою утрату!..
. . . .
Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя!
Я буду онъ! Онъ будетъ я!
Въ одномъ изъ насъ сольются оба!
И пусть тогда вражда и злоба,
И мечъ, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой!

Мы нарочно выписали отрывокъ изъ такого стихотворенія, гдѣ виднѣе душа Поэта въ нынѣшнемъ

его положенія, а не въ томъ, когда написалъ онъ свое стихотвореніе *Иманъ-Козелъ*, нѣкогда напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, и надѣлавшее довольно шуму. Впрочемъ, оно помѣщено и въ собраніи его стихотвореній. Если голосъ нашъ можетъ быть услышанъ Поэтомъ, мы посовѣтуемъ ему не унижать своей лиры тѣми фантазіями, которыя надоѣли намъ въ нынѣшней пишущей братіи. Изъ *Посвященія* его видимъ, что онъ живетъ среди Кавказа. Да оживитъ его священный воздухъ горъ, и да явится онъ намъ, въ будущихъ стихотвореніяхъ своихъ, тѣмъ пѣвцомъ, какого мы предвидимъ въ немъ и предсказываемъ самимъ себѣ. Замѣтимъ четыре прелестные стиха въ *Посвященіи*:

Пою разсѣянный, унылой,
Въ степяхъ далекой стороны,
И пробуждаю надъ могилои
Давно утраченные сны!

Это отзывъ души!... Но прекрасные, поэтическіе отзывы не гибнутъ. Это можетъ утѣшать Поэта и въ далекой сторонѣ, и въ глубокой грусти.

— *Первоначальная Географія*. Часть первая. *Предварительныя понятія и Европа*. СПб. 1832. въ т. III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. XVI и 379 стр. in-8.

По всѣмъ частямъ знанія, у всѣхъ образованныхъ народовъ издается множество книгъ. Причина понятна. Кромѣ того, что область знанія без-

прерывно увеличивается, каждый смотрит со своей точки зрѣнія. Особенно въ наше время, многое зависитъ отъ методы въ изложеніи наукъ и знаній. Въ Географіи, напримѣръ, казалось-бы, не льзя сказать много новаго; но загляните въ книгу, о которой объявляемъ мы, и вы согласитесь, что взглядъ Автора ея и новъ и вѣренъ.

Мы признаемъ книгу сію одною изъ лучшихъ для первоначальнаго обученія Географіи. Она отличается отъ другихъ подобныхъ сочиненій тѣмъ, что въ ней описываются Земной Шаръ, Части Свѣта и Государства только въ отношеніи къ естественнымъ раздѣленіямъ. Всѣ другія подробности Географическія и Статистическія отдѣлены. Авторъ справедливо говоритъ, что, «будучи вводимы въ учебныя книги вкратцѣ, сіи отрывки понятій не удовлетворяютъ учащагося, а между тѣмъ отвлекаютъ, или лучше сказать не довольно обращаютъ его вниманіе на изученіе *Карты*, хорошее знакомство съ коей есть единственное основаніе всѣхъ Географическихъ познаній.»

Желаемъ всевозможнаго успѣха сей книгѣ, какъ для пользы учащихся, такъ и для того, чтобы это побудило неизвѣстнаго намъ Автора довершить свой трудъ изданіемъ слѣдующихъ частей.

— *Политическая Экономія или Начала Науки о богатствѣ.* Сочиненіе Іосифа Дроза, Члена Французской Академіи. Перевелъ съ Французскаго Б. Ю. Корфъ. СПб. 1832. въ т. III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. XVI и 298 стр. in-12.

Извѣщаемъ о выходѣ въ свѣтъ сей книги. Переводъ ея хорошъ. Мы принуждены ограничить сими словами извѣстіе наше, ибо по нѣкоторымъ причинамъ не можемъ входить въ разбирательства, касающіяся Политической Экономіи.

ПАРИЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ

ГЛУХО-НѢМЫХЪ.

(Окончаніе).

— Оставимъ нашихъ воспитанниковъ пользоваться нашими открытіями, говорить и разговаривать между собою свободно; потомъ прислушаемся къ нимъ, подслушаемъ ихъ внимательно, замѣтимъ: не будетъ-ли въ знаки ихъ вмѣшиваться какой либо звукъ, какое нибудь произношеніе, не услышится-ли голосъ, такъ, какъ изъ огнива и кремня вылетаютъ искры, хотя огниво и кремень производятъ ихъ непроизвольно, безъ сознанія? Слушаемъ, и узнаемъ, что у нихъ есть *голосъ*, есть какіе-то *звуки*, и они явно поражаютъ наше ухо; глазъ видитъ движеніе органовъ для произнесенія сихъ звуковъ, хотя все это смѣшанно, безъ порядка. Мы замѣчаемъ даже ударенія голоса, признаки живыхъ ощущеній, чувствъ, коими одушевлены глухо-нѣмые.

— Заставимъ явиться передъ собраніе эту молодую особу, которая производитъ звуки: А, Е, и слоги: МИ, ТИ. Послѣ многихъ опытовъ, мы достигли до того, что она повторяетъ ихъ, и произноситъ явственно. Она не знаетъ еще того, чѣмъ обладаетъ, она не чувствуетъ этого драгоцѣннаго сокровища; но, хотя и на вѣкъ погруженная въ глубокое молчаніе, она со временемъ почувствуетъ, или, лучше сказать, научится различать въ смѣшанныхъ движеніяхъ горла, когда она производитъ извѣстные звуки, и когда не производитъ ихъ. Она будетъ употреблять ихъ, и по ловкости, свойственной ея полу, станетъ производить ихъ по волѣ, заставитъ *слушающихъ* выразумѣвать ее.

—Теперь, въ одно время, станемъ писать, и заставимъ произносить: Е, МИ, А, ТИ. Если мы достигли до того, что заставили произнесть все это, указывая на написанное нами, то мы уже дали урокъ Азбуки. Наша воспитанница сдѣлала важный шагъ въ наукѣ слова и чтенія.

«Да,» говоритъ, улыбаясь, одинъ изъ строгихъ слушателей,» ваша воспитанница далеко подвинулась съ этимъ сорочьимъ языкомъ, этою совершенною безтолковщиною!»

— Почему-же, М. Г., вы такъ полагаете? спрашиваетъ Наставникъ. — Согласитесь, что воспитанница наша очень хорошо понимаетъ извѣстное ей слово, которое впрочемъ и не имѣетъ надобности въ изъясненіи, потому, что у нея есть сестры, братья, подруги.

Истинное диво наша *азбука*! Она кажется последнимъ усиліемъ человѣческаго генія. Это чудное изобрѣтеніе — свести всѣ стихіи слова къ ограниченному, извѣстному количеству, и представить ихъ ограниченнымъ, извѣстнымъ числомъ знаковъ — есть величайшее дѣло ума человѣческаго! Не скажемъ-ли, что одинъ и тотъ-же великій умъ изобрѣлъ голосовую азбуку, письменные знаки, систему цифръ, и разложеніе свѣта на извѣстные цвѣта?

Въ органѣ слова, этомъ сокращеніи всѣхъ музыкальныхъ орудій, человѣкъ получилъ отъ Создателя голосъ, ударенія его, пѣніе и слово, что все употребляетъ онъ, раздѣльно или вмѣстѣ. Человѣкъ можетъ подражать крику всѣхъ животныхъ, скорбѣть съ несчастливцемъ, веселиться съ счастливымъ, рыкать со львомъ, ворковать съ голубемъ, пѣть съ утреннею птичкою, свистать съ вѣтромъ пустынь, гремѣть съ громомъ, жаловаться съ своею подругою, и говорить съ человѣкомъ.

Языкъ дѣйствій, изображая идеи движеніями, придавая формы мысли, нѣкоторымъ образомъ *говоря предметами*, соединяетъ отвлеченныя идеи, вызванныя изъ самыхъ высокихъ областей ума, подъ владычествомъ воображенія и чувства. Это основаніе естественной Мнемоники постоянно заставляетъ идти вмѣстѣ *отвлеченное* и *видимое*.

Спросите нашего воспитанника, не давая ему времени размыслить. Пусть онъ покажетъ вамъ слово: *одинъ*. Онъ тотчасъ представитъ вамъ свою палку, свою шляпу. Вы замѣтите ему, что онъ показываетъ вамъ *одинъ предметъ*, но не число:

одинъ, отдѣленное, уединенное отъ всякаго предмета. Онъ покажетъ вамъ тогда свой палецъ — тоже возраженіе съ вашей стороны. Онъ старается выйдти изъ затрудненія, проводя вамъ одну линію по воздуху. Но эта линія не оставляетъ никакого слѣда, да если-бы она и была впечатлѣна, постоянна, видна на рисункѣ, дѣло кончилось-бы все тѣмъ-же, что онъ не можетъ вамъ показать числа: *одинъ*, отдѣльно, объединенно отъ предметовъ. Тогда убѣждается онъ, что не льзя отдѣлить *отвлеченнаго* отъ *видимаго*, и, можетъ быть, не возможно понять одно безъ другаго.

Поприще для живописи — *пространство*, поприще для языка дѣйствій — *время*. Между тѣмъ, сіи два рода выраженія часто сближаются.

Дѣлая знаки *будущаго*, *настоящаго*, *прошедшаго*, изъ собранія сихъ трехъ періодовъ времени, воспитанникъ составляетъ знакъ самаго *времени*.

Отрицаетъ-ли онъ прошедшее потрясеніемъ головы — у него нѣтъ начала; отрицаетъ-ли онъ будущее — у него нѣтъ конца. Очертивъ на воздухѣ, указательнымъ пальцемъ, кругъ, означающій *безконечность* во всѣхъ смыслахъ, онъ обрѣзалъ крылья времени, изобразилъ свернутую въ кольцо змѣю, знаменующую въ живописи символъ *вѣчности*.

Глухо-нѣмой употребляетъ кисть живописца для выраженія *смѣха* и *плача*. Въ первомъ случаѣ ему довольно обернуть пальцемъ, нѣсколько разъ, быстро, полукружіе рта поставя его концами къ верху; для втораго онъ оборачиваетъ ихъ къ низу.

Какой-то Принцъ посѣтилъ, говорятъ, однажды Флорентійскую галлерею, и видя Амура, плачущаго въ углу одной изъ картинъ, просилъ живописца заставить его смѣяться. Желаніе подобнаго человѣка приказъ; двумя чертами кисти Амуръ началъ смѣяться.

Если ученикъ подражаетъ дѣйствію живописца, такъ, какъ будто-бы въ правой рукѣ у него была кисть, а палитра на мизинцѣ лѣвой, и если онъ переноситъ дѣйствіе живописи къ уму, указывая на лобъ, и какъ будто погружая указательный палецъ свой въ верхушку головы, когда физіогномія его притомъ оживлена, онъ, такъ сказать, заставилъ разцвѣсть передъ вами *воображеніе*: онъ показалъ его взорамъ вашимъ.

Если онъ, быстро, и нѣсколько разъ, ударяетъ себя въ лобъ указательнымъ пальцемъ, дабы показать вамъ обиталище ума; потомъ направляетъ пальцы къ небу, живо шевеля ихъ, и изображая тѣмъ пламя, вылетающее изъ верхушки головы, когда физіогномія его выражаетъ вдохновеніе, не изобразилъ-ли онъ вамъ *генія*?

Пусть воспламенитъ онъ воображеніе, и этотъ очарователь украситъ вамъ самую природу своими вымыслами, и *поэзія* видна будетъ передъ вами.

Могущество ума, овладѣвающее душами, посредствомъ *доказательства* и *убѣжденія*, господствующее надъ сердцемъ, являющееся взорамъ въ блескѣ движенія, выраженіи слова, исправности писанія,

есть *краснорѣчіе*. Оно предполагаетъ пособіе поэзіи, работу генія, обработку ума.

Выражаютъ-ли вамъ знаками сердце, стремящееся къ одному предмету, съ сильнымъ желаніемъ, простирая въ тоже время руки впередъ, какъ будто для привлеченія его, и сопровождая сіе дѣйствіе движеніемъ физіогноміи неизъяснимымъ — такъ оно выразительно — показывающимъ, что довѣренность сердца полагаютъ въ будущемъ — во всѣхъ сихъ знакахъ, вы узнаете *надежду*, *цвѣтъ благополучія*. Дѣйствительно: мы находимъ въ этой утѣшительницѣ смертныхъ, въ одно время, *желаніе*, *вѣрованіе*, *ожиданіе*.

Желаніе можетъ ослабѣть, заснуть; даже тогда, это *сонъ сердца*, или, однимъ словомъ, *равнодушіе*. Но желаніе никогда не погасаетъ; это былабы смерть души. Желаніе, напротивъ, есть ее пища. Между отчаяніемъ и жизнію существуетъ рѣшительное противорѣчіе, и этотъ раздоръ ихъ, какъ выразилъ чрезвычайно краснорѣчиво Боссюэтъ, есть *сцѣпленіе обманутыхъ надеждъ*. Надежды наши безпрерывно обманываются, но безпрерывно и обновляются желаніемъ, перелетающимъ отъ одного предмета къ другому, на крыльяхъ времени.

Ненасытное желаніе, и безжалостное время, изъ подъ косы коего безпрерывно сверкаетъ жизнь, даже во мракѣ смерти, трудятся для вѣчности.

Если физіогномія глухо-нѣмаго оживляется, какъ цвѣтокъ, распускающійся при благодѣтельномъ сіяніи солнца, когда при томъ онъ тихо опирается

сердцемъ на свою руку — что онъ выразилъ? Нѣжное, оживляющее чувство, природу, жизнь души, *любовь*.

Дабы очистить огнь ея, если онъ присовокупитъ движеніе пальца, направленное къ небу, самъ преклонясь въ то-же время съ благоговѣйнымъ обожаніемъ, онъ выразитъ вамъ *любовь къ Богу*.

Если, съ знакомъ любви, онъ улыбается какому-то предмету, который, кажется, легонько качаетъ онъ на рукахъ — вы видите мать, лелѣющую дитя. Если пальцемъ онъ проведетъ линію, означающую отношеніе сердца матери къ сердцу дитяти, или отъ сердца дитяти къ сердцу матери — вамъ изображены два взаимныя отношенія: *любовь материнская* и *любовь дѣтская*.

Если это отношеніе существуетъ между двумя особами, безъ различія пола, съ перемѣннымъ движеніемъ обѣихъ рукъ, означающихъ симпатію, *взаимность*, съ какимъ-то стремленіемъ взаимнаго почтенія, переходящимъ изъ сердца въ сердце—кто не узнаетъ *дружбы*?

Извѣстенъ анекдотъ о двухъ славныхъ комедіянтахъ, которые когда-то обѣдали за однимъ столомъ, и были приглашены собраніемъ гостей показать опытъ своихъ дарованій. Одинъ изъ нихъ, произнесеніемъ прекраснаго отрывка поэтическаго, возбудилъ сострадание и ужасъ во всѣхъ душахъ, поразилъ ихъ страхомъ, и заставилъ плакать. Другой, на котораго обратились потомъ взоры всѣхъ присутствовавшихъ, тихо приближается къ ра-

створенному окну, держа салфетку свою на рукахъ, какъ будто ребенка, тихо качаетъ ее, нѣжно улыбается ей, и краснорѣчивыми тѣлодвиженіями, и выраженіемъ физіогноміи, показываетъ материнскую нѣжность, неописуемую ни какими человѣческими словами. Вдругъ дитя выпадаетъ изъ рукъ его въ окно. . . Съ смертною блѣдностью, съ отчаяннымъ взоромъ, онъ слѣдуетъ въ паденіи за предметомъ любви своей, хочетъ схватить его, и въ благородной, трогательной физіогноміи своей, показываетъ все отчаяніе матери, все, что только можетъ выразить человѣкъ, у котораго исторгаютъ его сердце! . . .

Для дополненія системы знаковъ, надобно-бы прибавить къ ихъ изслѣдованію, описанію, и изобрѣтенію буквъ письменныхъ, краткую теорію человѣческихъ физіогномій. Дѣло — почти невозможное! Можно противопоставить любовь ненависти, смѣхъ плачу; можно подраздѣлить насмѣшку на презрительную и коварную; можно устепенить ряды чувствованій, побужденій, страстей главнѣйшихъ. Но никакого человѣческаго искуства не будетъ достаточно, если оно захочетъ описать всѣ мимолетные оттѣнки, которые, какъ молніи, перелетаютъ на лицѣ, когда страсти обуреваютъ душу, подобно вихрямъ, волнующимъ бурное море.

Ученіе никогда не должно быть отдѣляемо отъ *воспитанія*. Раздѣленіе ихъ есть порокъ нашего вѣка. Какая нелѣпость! Почитать голову бѣднаго ребенка мѣстомъ складки, гдѣ безъ различія, кое-

какъ, сбрасываютъ всякую всячину, не заботясь объ его сердцѣ, направленіи его воли, добрыхъ наклонностяхъ, отъ которыхъ зависитъ будущее его благополучіе! Не значитъ-ли это упорно хотѣть, чтобы человѣкъ ходилъ на головѣ, оставляя сердце его, душу и волю, прихотямъ случая? Таковъ однакожь человѣкъ, обрубленный нынѣшнимъ воспитаніемъ.

Воспитаніе и ученіе, друзья дѣтства, должны быть неразлучными спутниками человѣка, по крайней мѣрѣ, въ юности его. Если не льзя дать первому возрасту понятія о величіи его жребія, безсмертіи души, вѣчности будущей жизни, то, по крайности — дайте ему хоть предчувствіе всего этого.

Беру какой нибудь художественный предметъ, на примѣръ, вотъ эти *часы*. Спрашиваю, знаками, у этого восьми, или девятилѣтняго воспитанника: сіи часы чье произведеніе — мухи, обезьяны, пчелы, жирафа, муравья, слона, или нашей маленькой собачки, способствовавшей нашимъ изъясненіямъ?

Воспитанникъ краснѣетъ отъ негодованія. Онъ отвѣчаетъ насмѣшливо, хотя и безъ гнѣва, но утвердительно: *нѣтъ*!

Постараемся успокоить его, объяснивъ, что вопросъ этотъ сдѣланъ не въ шутку, и клонится къ его наученію.

Наставникъ. Чье созданіе эти часы?

Воспитанникъ. Это произведеніе часовщика.

Наст. Что значишъ: *часовщикъ*?

Восп. Человѣкъ, который дѣлаетъ часы, и т. д. Сего примѣра достаточно, для убѣжденія, что проходя такимъ образомъ съ воспитанниками, посредствомъ знаковъ, и продолжительнаго ряда вопросовъ, всѣ предметы искуствъ, всѣ произведенія человѣческой промышленности, можно показать имъ идею *Души*, могущества, превышающаго инстинктъ животныхъ.

Наконецъ, обращаясь къ солнцу, спрашиваю у воспитанниковъ: этотъ неистощимый источникъ, безпрерывно разливающій во вселенной потоки свѣта и теплоты, оцвѣчивающій всѣ предметы самыми яркими цвѣтами радуги, произведеніе-ли рукъ человѣческихъ?

Всѣ отвѣчаютъ: *нѣтъ*.

Сего втораго примѣра достаточно, дабы показать источникъ множества вопросовъ о предметахъ природы, и о томъ, какъ доводится воспитанникъ до идеи *Бога*, Создателя, безмѣрно высшаго самыхъ великихъ геніевъ, принадлежащихъ къ числу слабыхъ смертныхъ, созданій его.

Достигнувъ 16-ти и 18-ти лѣтняго возраста, воспитанники, умѣющіе писать, знающіе грамматику роднаго языка, и всѣ формы рѣчи, могутъ отвѣчать письменно на многіе вопросы.

Когда они хорошо вѣдаютъ явленія жизни животныхъ, всѣ способности и дѣйствія души человѣческой, связь явленій природы и произведеній

искуства, могутъ восходить отъ дѣйствія къ причинѣ, до первоначальной вины, независимой, неколеблемой ничѣмъ, безмѣрной, вѣчной, всемогущей, то они обладаютъ стихіями новыхъ картинъ, которыя могутъ задавать самимъ себѣ.

Представляю теперь вамъ, ММ. ГГ. моихъ старшихъ воспитанниковъ. Мы можемъ дѣлать имъ всякаго рода вопросы, о чемъ-бы то ни было.

Вопросъ. Что такое: *вѣчность*?

Массьё. Безъ рожденія и безъ смерти, юность, безъ дѣтства и старости; сегодня, безъ завтра и вчера. Кругъ безъ послѣдованія; безвозрастность (le non-âge).

В. Что такое: *трудность*?

Массьё. Возможность, съ препятствіемъ.

В. Что такое: *искренность*?

Клеркъ. Нѣчто естественное, свободное, доброе, безъ хитрости, безъ закрытія и изворотовъ въ словахъ и дѣйствіяхъ. Крестьяне и мужики, большею частію, простяки, потому, что ихъ умъ необработанъ. Дѣти и молодые люди, благорожденные и благовоспитанные, искренны, потому, что сердце ихъ не испорчено.

В. Что такое: *идея*, *мысль*, *сужденіе*, *выводъ* и *метода*?

Бертье. *Идея*, слѣдствіе вниманія, рисуетъ предметъ въ умѣ; *мысль* соединеніе идей, и сравненіе

ихъ, для сужденія; *сужденіе* опредѣляетъ ихъ сходство и несходство; *выводъ* соединяетъ сравненія, сужденія, и выводитъ одно изъ другаго. *Метода* есть искуство дѣлать что либо по правиламъ.

В. Что такое въ человѣкѣ *пріятность*?

Газанъ. Нѣчто, чего мы сами не знаемъ, что-то небесное, разлитое въ тѣлѣ, въ движеніяхъ, въ знакахъ, во всемъ человѣкѣ. Это подарокъ, милость Божія.

В. Что такое: *стыдливость*?

Газанъ. Стыдливость, самая трогательная изъ добродѣтелей, румянитъ лицо честнаго человѣка, а еще болѣе молодой дѣвушки, пріятною краскою. Это законное отвращеніе отъ худаго, смѣшанное съ милымъ румянцемъ, при видѣ того, что оскорбляетъ цѣломудріе.

В. Что такое: *милосердіе*?

Бертье. Величественное прощеніе.

В. Какое различіе между прекрасною и милою женщиною?

Газанъ. Прекрасная обладаетъ сильнымъ очарованіемъ возбуждающимъ въ насъ удивленіе. Она заставляетъ наши взоры останавливаться на ней, привлекая ихъ благородными качествами, правильностію тѣла своего, и пріятнымъ смѣшеніемъ розъ и лилій въ цвѣтѣ его. Милая нравится намъ, и увлекаетъ насъ, хорошенькою фигурою, и милымъ въ дви-

женіямъ. Это игрушка, которую мы любимъ, не удивляясь ей. Быть прекрасною можно однимъ образомъ, милою тысячами.

В. Какое различіе между *прекраснымъ* и *великолѣпнымъ*?

Газанъ. Въ искуствахъ, и въ созданіяхъ ума, для *прекраснаго* надобны правильность, благородная простота, величіе; *великолѣпное* придаетъ всему необыкновенный блескъ, соединеніемъ совершенствъ и соразмѣрностей, чему не льзя не удивляться. Соедините *прекрасное* съ *великолѣпнымъ*, будетъ *величественное*, которое восхититъ, плѣнитъ, увлечетъ васъ. При всемъ этомъ, всегда найдете вы его самымъ естественнымъ.

В. Что такое: *благополучіе*?

Газанъ. Вкушать наслажденія жизни есть только удовольствіе. Благополучіе — миръ удовольствій съ совѣстью.

В. Признаете-ли вы важность таинствъ въ Христіанской вѣрѣ?

Газанъ. Жалкій вопросъ! Человѣкъ, горделивый червякъ, думающій проточить машину вселенной, взползти на верхъ таинственнаго храма Вѣры, дорыться до основаній нашей духовности, и открыть то, что тамъ скрыто. Все затворяетъ передъ нимъ дверь таинствъ. Тщетныя усилія, сущая глупость! Онъ скопляетъ себѣ отвлеченныя знанія, онъ, атомъ въ безконечности недостаю-

щихъ ему свѣдѣній! Можетъ-ли онъ послѣ сего спрашивать у меня, товарища своего невѣжества и скудоумія, признаю-ли я важность таинствъ Христіанской вѣры?

Наставникъ раскланивается съ собраніемъ, говоря: «Мм. Гг. и Мм. Гг-ни! благодарю васъ отъ имени *глухо-нѣмыхъ*, за посъщеніе, которымъ вы насъ удостоили. Засѣданіе наше кончилось.»

ДРЕВНІЯ РУССКІЯ СКАЗАНІЯ,

о

походѣ Александра Македонскаго въ Индію и на Востокъ.

«Чѣмъ глубже рыть, тѣмъ лучше руда,» говорилъ ученый Нѣмецъ, прочитавъ Шлецерова Нестора, и принимаясь самъ за чтеніе Русскаго подлинника Несторовой лѣтописи. Такъ и въ Словесности. Никакія созданія новыя, какимъ-бы блескомъ дарованія ни были они ознаменованы, и какого-бы глубокаго изысканія не носили они на себѣ отпечатокъ, не будутъ достаточны къ проявленію древней народности. Надобно самимъ намъ узнавать преданія, были, небылицы, сказанія, повѣрья нашихъ стариковъ; надобно знакомиться съ

стариною, не черезъ толмачей, но лично. Трудъ вознаградится сторицею, если мы постараемся понять нашу простую, добродушную, довѣрчивую, но умную старину, имѣвшую свои достоинства, и недостатки, добродѣтели и слабости. Безъ всего этого, не узнать намъ никогда, не только стихій древней народности нашей, но даже и стихій народной литтературы вообще.

Увѣренные въ этомъ, мы постоянно представляемъ читателямъ нашимъ матеріялы для познанія Древней Руси, во всѣхъ отношеніяхъ. И теперь съ симъ-же намѣреніемъ предлагаемъ имъ *Древнія Русскія сказанія, о походѣ Александра Македонскаго въ Индію.* Мы списали ихъ, почти слово въ слово, изъ *Хронографовъ,* или Всеобщей Исторіи, переведенной на Славянскій (бывшій тогда книжнымъ въ Руси) языкъ, въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ стараясь при томъ въ переложеніи нашемъ сохранить всю характеристику разсказа нашихъ стариковъ. (*О Хронографахъ* вообще, см. Разсужденіе П. М. Строева, въ *Трудахъ и лѣт. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, т. IV, кн. I, стр. 116—121, и *Ист. Русск. народа*, т. I, LXXIII).

Александръ, «безсмертный миѳическій символъ побѣдителя на Востокѣ,» какъ сказали мы въ другомъ мѣстѣ, играетъ столь-же важную ролю въ древней Русской, исторической и литтературной Миѳологіи, какъ и у Восточныхъ народовъ. Какъ на Востокѣ, онъ является у насъ также предме-

шомъ философическихъ, поэтическихъ описаній, и задачею Исторіи, въ смѣси съ Библейскими и всякими преданіями. Столь сильно отозвалось въ вѣкахъ сближеніе Европы съ Азіею, первое, въ лицѣ Искандера совершившееся! Въ предлагаемомъ теперь отрывкѣ, читатели увидятъ вмѣстѣ поэзію и философію нашихъ стариковъ: это собственно описаніе пребыванія Александра въ землѣ *блаженныхъ Рахмановъ*, идеальной Утопіи нашихъ предковъ. Мы объясняли уже географическую Миѳологію Руси, и идею нашихъ предковъ о *Рахманахъ* (т. е. Индійскихъ *Браминахъ*, или *Брахманахъ*), говоря въ Телеграфѣ (1830 г.) о древнихъ Русскихъ Космографіяхъ. — Здѣсь источники поэзіи и романа Русскаго! Ни въ поэзіи, ни въ романѣ не оживитъ для насъ Руси тотъ, кто не исчерпаетъ ея самобытныхъ матеріяловъ. Пока сочинитель неознакомленъ со всѣмъ этимъ, до тѣхъ поръ онъ будетъ намъ выдавать героическія и любовныя сказки, гдѣ, усиліемъ его дарованія, дѣйствуютъ мечтательныя лица, имъ созданныя, но не настоящіе *Русскіе*. Впрочемъ, рѣчь объ этомъ можетъ быть долга. Довольно, если читатели увидятъ, въ разсказѣ нашихъ стариковъ о Македонскомъ Царѣ Александрѣ, живой оттѣнокъ быта прежняго, какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и если это заохотитъ, хотя нѣкоторыхъ изъ одаренныхъ талантами людей, не пугаться толстыхъ, пыльныхъ книгъ старинныхъ, и ветхихъ хартій, оставленныхъ предками на память потомкамъ.

Потомъ пошелъ Александръ въ Индію Великую. Услышавъ о томъ Индійскій Царь Поръ, послалъ къ Александру сказать: «Повелѣваю тебѣ отойдти, разрушающему грады! Ты человѣкъ худой и малый, а я непобѣдимый Царь и Богъ. Не можешь ты мнѣ противиться; потому и рати моей не посылаю я противъ тебя. Ничтожна для меня земля твоя, и ничего нѣтъ въ ней достойнаго моему царскому видѣнію. У насъ-же всѣ блага, какихъ нѣтъ по всѣмъ другимъ мѣстамъ вселенной.»

«Слышалъ я словесное твое извѣщеніе,» написалъ къ нему Александръ, и знай, что имъ-то и подвигъ ты насъ на большую брань. Говоришь, что ничего нѣтъ въ Элладѣ, а въ Индіи всѣ блага, все зрѣнія Царскаго достойное. Потому-то и хотимъ мы все это отнять у васъ. Брань-же сотворимъ съ тобою, не какъ съ Богомъ, но, какъ съ человѣкомъ.»

Прочитавъ сіе, Поръ разъярился ужасно, собралъ множество Эѳіоповъ и варваровъ, отъ разныхъ народовъ, приготовилъ множество звѣрей и слоновъ. Сильно устремился на брань Александръ. Множество погибло тогда Персовъ и Грековъ. Убитъ былъ подъ Александромъ знаменитый конь его, Буцефалъ. Тогда Александръ началъ совѣщаться съ Поромъ о томъ, чтобъ биться имъ самъ на самъ, а людей своихъ пощадить. Поръ весьма обрадовался, ибо онъ былъ высокъ, пяти лактей ростомъ, а Александръ только трехъ лактей. Нача-

лась битва. Вдругъ возшумѣли въ это время въ полкахъ Пора. Онъ оборотился, желая узнать, отъ чего происходитъ шумъ. Тогда Александръ устрѣлилъ его въ ногу, и, соскочивъ съ коня, ударилъ его копьемъ въ ребро, сшибъ съ коня и убилъ. Одолѣвъ такимъ образомъ Пора, завладѣлъ онъ всею Ѳѳіопіею, и замыслилъ идти къ Рахманамъ.

И пришелъ Александръ сперва къ острову Прованскому, гдѣ живутъ люди, называемые: *долгожитые*, ибо есть у нихъ старики лѣтъ по полтораста. Царь у нихъ Индійскій, и всѣ Цари той страны ему покоряются, какъ стратиги. Къ этому острову прилежитъ другихъ островов до тысячи, и всѣ ихъ обдержитъ Чермное море. Тутъ-же находится и *Желѣзная матка*, которая привлекаетъ къ себѣ желѣзо. Ежели идетъ мимо корабль, сколоченный желѣзными гвоздями, то старается держаться подаль отъ матки, а тамошніе всѣ корабли строятся съ деревянными гвоздями. Пять рѣкъ великихъ находится на Прованскомъ островѣ, и по онымъ кораблями ходятъ. Сказываютъ, что никогда безъ овощей сей островъ не бываетъ, ибо, когда одинъ овощъ цвѣтетъ, то другой уже наливается, а третій зрѣетъ. Есть еще тамъ много финиковъ, и Индійскихъ орѣховъ, величиною съ дыню. Раждается тамъ и каменіе драгое, и жемчугъ, а въ землѣ золото. И нѣтъ въ сей землѣ убогихъ, но всѣ богаты; питаются-же молокомъ, Сарацинскимъ пшеномъ, и овощами. Тутъ-же есть всякія райскія

птицы, чудныя, и запахъ отъ нихъ повсюду разносится благоуханный. Жители тамъ ни волны, ни льна не ткутъ, одежды не имѣютъ, и лядвія только покрываютъ овчинами, а золотомъ они пренебрегаютъ. Къ бою крѣпки. Есть еще у нихъ овцы волосатыя, безъ волны, весьма молочныя, и хвосты у этихъ овецъ плоскіе, а ѣдятъ онѣ мясо. Свиней-же, отъ самой Ѳиванды, во всей Индійской сторонѣ вовсе нѣтъ, ибо тамъ очень знойно. Говорятъ, что Индійскаго моря широта простирается до горъ Араратскихъ, на коихъ находится Ноевъ ковчегъ. Тутъ-же есть еще въ морѣ скалы, которыя пожираютъ въ себя лучи солнечные, и отъ того зачинается въ нихъ бисеръ. Сей бисеръ достаютъ такъ, что повергаютъ въ море *ахаты*, и гдѣ ахатъ остановится, наткнувшись на скалу, значитъ, что тутъ мѣсто бисера; ловцы бросаются въ море, и его достаютъ. Живетъ еще тамъ звѣрь аспидъ, и, говорятъ, что онъ вылѣзаетъ изъ моря на берегъ, сушиться; въ это время ловятъ его, для цѣленія и красоты. Скажемъ и о перцѣ: онъ раждается въ Индійской землѣ, въ области Вифандской. Люди тамъ малы и худосильны, живутъ въ пещерахъ каменныхъ, и лазить умѣютъ по высотамъ и пещерамъ, ибо мѣста у нихъ весьма гористы. Дерева перечныя весьма низки, хотя на нихъ перецъ великій раждается. Когда онъ созрѣетъ, испекшись на солнцѣ, жители изъ пещеръ выходятъ, неся на себѣ солому и дрова сухія, и зажигаютъ все это вокругъ горы, на которой родится перецъ, со всѣхъ сторонъ. Земля

тамъ всегда помрачена, и полна змѣй и всякихъ гадовъ. Отъ огня скрывается всякій гадъ въ глубокія ямы. Тогда надъ сими ямами снова возгнетаютъ огонь, и отъ того весь гадъ изгибаетъ, а потому гадовъ, заваливъ въ ямахъ, сожигаютъ, чтобы не возсмердилась земля. Потомъ, мужчины и женщины начинаютъ перечныя деревья трясти, и собирать перецъ, носить его въ свои пещеры, и куплю имъ дѣять съ приходящими кораблями.

Александръ довольно почудился сей землѣ, и озимѣлъ тушъ, въ области Вифаидской. Тогда пришелъ къ нему нѣкто, по имени Каланъ, и сказалъ ему о великомъ островѣ Рахманскомъ, и о самыхъ Рахманахъ, какъ они живутъ, ходятъ наги, и не имѣютъ у себя никакого земнаго богатства, а только овощи благіе и дерева сладкія. «Желаю видѣть человѣковъ сихъ, только не вѣдаю пути въ ихъ землю,» отвѣчалъ Александръ. — Царь Александръ! — сказалъ ему Каланъ — я бывалъ въ той землѣ; если хочешь, то можешь и ты ее видѣть. Рахманы богатство могли-бы имѣть, но по волѣ отмещаются его, и ничего имѣть не хотятъ. Такой удѣлъ взяли они себѣ свыше, отъ Божьяго суда, на дѣлѣ его исполняютъ, и живутъ наги, отметаясь всего земнаго. Нѣтъ у нихъ скота, ни оратвы, ни желѣза, ни зданій, ни огня, ни вина, ни ризъ, и ничего, что на дѣло приключается, или на наслажденіе служитъ. Воздухи въ землѣ ихъ сладки, и весьма добрые. Чтутъ они, безпрестанно возвышая духъ свой, Бога вышняго, и молятся

смотря на небо, а не на востокъ. Ѣдятъ они, что случится: *младигія* дубовыя, зелья дикія, которыя сами изъ земли растутъ, а воду пьютъ изъ Океана; живутъ-же въ *дрязгахъ*, и спятъ на листьяхъ. Мужчины обитаютъ у нихъ въ Океанской части, по одну сторону Гангріи, райской рѣки, ибо сія рѣка течетъ въ Океанъ, а жены ихъ живутъ по другую сторону Гангріи, въ Индійской части. И приходятъ у нихъ мужи къ женамъ въ Іюлѣ и въ Августѣ мѣсяцахъ, ибо сіи мѣсяца у нихъ студенѣйшіе, и солнце тогда на сѣверъ высится. Поживъ съ женами 40 дней, мужья опять уходятъ къ себѣ. Когда жена родитъ двоихъ дѣтей, то мужъ на женскую сторону уже не приходитъ, и къ женѣ своей не приближается, но онъ и она живутъ въ воздержаніи. Если-же она является неплодною, то до пяти лѣтъ приходитъ къ ней мужъ, а потомъ налагаетъ вѣчное воздержаніе, и болѣе не является къ женѣ. Отъ всего этого и число Рахмановъ не велико. Рѣку-же Рахманскую трудно переходить. Говорятъ: живетъ тутъ звѣрь *отонъ-туритонъ*, сильный и гордый, обитаетъ на водѣ и на сушѣ, прямо противъ перехода рѣки, и такъ великъ тотъ звѣрь, что слона цѣлаго проглатываетъ. Когда наступаетъ Рахманамъ время идти къ женамъ, то звѣря сего не видно; онъ на сорокъ дней уходитъ прочь, по волѣ судебъ. Говорятъ, что въ то-же время и рѣка Нилъ наводняется, въ преполовеніе жатвы, и напояетъ Египетъ, когда солнце зритъ на Сѣверный поясъ, и другія рѣки отъ него изсякаютъ, а Нилъ наполняется, ибо солнце отъ него нахо-

дится тогда далеко. Когда-же Рахманы во свояси возвратятся, то и отонъ-туритонъ приходитъ опять къ рѣкѣ Гангріи, отъ Эллиновъ *Индосъ* называемой. Надобно тебѣ знать, что одна рѣка течетъ изъ Эдема, но раздѣляется на четыре рукава. Первый есть *Фисонъ*, по Рахмански *Гангрія*. Оный обходитъ всю землю Эвиладскую, Малую и Великую Эѳіопію, и Эвулейскую страну, или средину Индіи. Изъ Эѳіопіи Великой идетъ сія рѣка на югъ и на западъ, по сю сторону Гадира, гдѣ есть великій Океанъ, обошедшій всю землю. Вторая рѣка *Геонъ*, а по Египетски *Нилъ*, идетъ сквозь Малую Эѳіопію, и земли Анувитскую и Аксонитскую, а потомъ, черезъ Ѳиваиду и Египетъ, вливается въ море. О семъ и Пророкъ Іеремія сказалъ: «Что вамъ въ землѣ Египетской пить мутную воду Геона!» Третья рѣка *Тигръ*, грядетъ въ страны Ассирійскія, препитываетъ страны восточныя, и, понырнувъ въ землю, исходитъ у Арменъ, вскипаетъ снова въ землю, и пробивается опять въ Ассирской странѣ. Четвертая рѣка *Евфратъ*, также уходитъ въ землю, выходитъ у Арменъ, и напояетъ Персидскую страну. Есть въ сихъ рѣкахъ змѣи великіе, такъ, что до 70 лактей величество ихъ бываетъ, а муравьи тамъ обитаютъ въ пядь, и скорпіоны въ локоть, потому и трудно бываетъ ходить въ тѣхъ мѣстахъ. Впрочемъ, не повсюду есть сіи животныя, или ядовитые звѣри, но только въ пустыняхъ, гдѣ и стада слоновъ многія пасутся. —

Слыша все сіе Александръ отъ Калана, еще более началъ дивиться землѣ Рахманской, и хотѣлъ ее непремѣнно видѣть. Услышали Рахманы, что Царь Александръ идетъ къ нимъ, и послали къ нему старѣйшихъ своихъ любомудрцевъ, съ грамамами. Александръ принялъ ихъ грамату, и прочелъ слѣдующее:

«*Посланіе Рахмановъ къ Александру Царю* (нагомудрцы сіи написали къ нему, какъ къ простому человѣку). Если къ намъ идешь ты биться, то ничего не успѣешь, ибо нечего тебѣ у насъ взять. Если-же хочешь ты того, что мы имѣемъ, то надобна тебѣ молитва, и долженъ ты прибѣгнуть не къ намъ, но къ Вышнему Промыслу. Если-же хочешь узнать кто мы, то знай, что мы человѣки, привыкли любомудрствовать, и не сами себя мы сотворили, но Вышній Промыслъ. Тебѣ подобаетъ брань творить, а намъ любомудрствовать.»

Прочитавъ сіе, Царь Александръ умилился, съ миромъ отпустилъ посланныхъ, и сказалъ: «Съ миромъ хочу я идти къ вамъ.» Перешедъ рѣку райскую, Фисонъ, пришелъ Александръ въ Рахманскую землю съ миромъ, и увидѣлъ тамъ лѣса многіе, и древа многія, красныя и плодомъ украшенныя. Рѣку-же райскую увидѣлъ онъ обходящую всю ту землю, и въ ней воду сладкую, свѣтлую, и бѣлую, какъ молоко. Финиковыхъ деревъ увидѣлъ тамъ множество, полныхъ плодовъ; на виноградныхъ-же лозахъ висѣло по 1000 гроздовъ винограда добраго. И

увидѣлъ Александръ Рахмановъ, нагихъ, неодѣтыхъ, подъ кущами и въ вертепахъ сѣдящихъ, а недалеко отъ нихъ женъ и дѣтей, какъ стада на паствѣ.

Тогда вопросилъ ихъ Александръ: «Или града вы не имѣете?» — Рахманы отвѣчали: «Вотъ вмѣстилище наше, вотъ и градъ нашъ. Здѣсь мы почиваемъ, на землѣ, погребаясь въ сонъ, ибо земля насъ родила, земля кормитъ, и въ землѣ послѣ смерти мы лежимъ, въ вѣчномъ снѣ, ожидая пробужденія отъ Вѣчнаго Промысла. —

Александръ въ другой разъ ихъ вопросилъ: «Кого больше: живыхъ, или мертвыхъ?» Рахманы отвѣчали: Мертвыхъ, ибо невидимаго на землѣ болѣе, нежели видимаго. —

Александръ въ третій разъ вопросилъ: «Что крѣпче: смерть, или животъ?» Рахманы отвѣчали: Животъ, ибо когда солнце восходитъ, то лучи его бываютъ свѣтлы, а заходящаго солнца лучи немощные. Таково и житіе человѣческое.

Александръ еще вопросилъ: «Что больше — земля или море?» Рахманы отвѣчали: Земля, ибо все море землею поддерживается. Онъ еще вопросилъ: «Какое изъ всѣхъ животныхъ лукавѣе?»— Человѣкъ— отвѣчали Рахманы. — «Какъ?» возразилъ Александръ. — Не ты-ли самъ съ собою борешься, чтобы мы съ тобою боролись. Какое-же другое животное можетъ это сдѣлать? А вѣдь ты звѣрь! По

смотри, сколько звѣрей водишь ты за собою! А для чего? Свой животъ изводя, другихъ животъ изводишь. — Александръ не разгнѣвался, но улыбнулся, и спросилъ: «Что-же есть царство мое?» — Обидливая сила — отвѣчали Рахманы — неправедное дерзновеніе, времени помогающу бремя злата. — «Что было начало времени: ночь, или день?» спросилъ потомъ Александръ. — Рахманы отвѣчали: Ночь, ибо все во мракѣ чрева родится, и къ свѣту идетъ, пріять свѣтъ. — Тогда у другаго Рахмана спросилъ Царь: «Которая сторона добрѣе: правая, или лѣвая?» — Правая — отвѣчалъ Рахманъ — и солнце на правой сторонѣ восходитъ, а въ лѣвую идетъ, и женщина дѣтище свое сперва правымъ сосцемъ питаетъ. — «Есть-ли у васъ имѣніе?» спросилъ Александръ. Рахманы отвѣчали: Имѣніе наше — земля, древо плодоносное, свѣтъ солнца и луны, звѣздный ликъ, вода. Когда хотимъ ѣсть, идемъ къ плодовитому дереву, и рвемъ самородный его плодъ, на мѣсто коего новый намъ готовится. Захотимъ-ли пить, идемъ къ рѣкѣ, пьемъ воду, и веселимся. Имѣетъ еще каждый изъ насъ жену, и живетъ съ нею, пока родится два чада, одно замѣна отца, другое матери. Скажемъ мы тебѣ, Александръ, о тебѣ самомъ, что нѣтъ никакого мужества убивать людей, но разбойничье это дѣло. Вотъ истинное мужество: бороться съ непогодою нагимъ тѣломъ, похотѣніе чрева унять, внутреннія рати побѣдить, не одолѣваться похотью на восхотѣніе славы, богатства и сладостей. Побѣди все это, убей все это. Если все это по-

бѣдишь, не будешь тебѣ потребности со внѣшнимъ *котораться* (ссориться). Мы, Рахманы, побѣдили внутреннихъ ратниковъ, и ко внѣшнимъ не котораемся, но пребываемъ въ великомъ покоѣ, почиваемъ на листвіяхъ, смотря на лѣса и небеса, слушая сладкій гласъ птицъ и клечтаніе орла, одѣваемся листвіемъ, живемъ въ воздухѣ, плоды ѣдимъ, воду пьемъ, и Богу славу поемъ. Безъ печали живемъ мы, и будущія радости тихо желаемъ; ничего не слушаемъ, что не ведетъ къ успѣху души; немного говоримъ, и много перемалчиваемъ. Вы-же говорить никогда не перестаете, и что нелѣпо творить, то творите. У васъ никто и Философа неузнаетъ, если онъ молчать будетъ. Вашъ умъ языкъ, и на устахъ смыслъ. Золото и серебро вы собираете; рабовъ вамъ много надобно; великіе домы, чины и саны вы строите, и скотами нечистыми себя почитаете, если не нарядитесь. Даже умершіе, идя на войну съ червями, еще облекаете вы себя въ золото. Безъ страха все вы творите, а сотворивъ страху покоряетесь, сами на себя, какъ враги, все вы сказываете, и языкомъ владѣя, отъ него падаете. Лучше-бы молчать вамъ, и не обличать себя. Отъ овецъ, какъ отъ плѣнницъ, берете вы волну, какъ кумиры украшаетесь одеждою, какъ жены златомъ величаетесь. Сотворенные по образу Создавшаго васъ, обладаетесь вы гнѣвомъ, подобно лютымъ звѣрямъ. Соберете-ли много имѣнія, начнете о немъ величаться. А что имѣніе? Тѣнь безсущная! Золото души не возставляетъ, и тѣла не питаетъ; но душу топитъ, и тѣло су-

шитъ. Мы истину вещей проразумѣли, и что въ самомъ дѣлѣ надобно, о томъ печемся. Хотимъ ѣсть — беремъ зелья; хотимъ пить — идемъ къ рѣкѣ, а золото попираемъ. Золото не уставитъ жажды, не утолитъ голода, не исцѣлитъ раны, не излечитъ недуга, не исполнитъ сытости, а, напротивъ, дивно возставляетъ похотѣнія. Вжаждетъ-ли человѣкъ — напьется воды, и пройдетъ жажда; ѣсть-ли захочетъ — поѣстъ, и насытится. Не явно-ли послѣ сего, что вовсе чуждо человѣку желаніе золота хотѣть, ибо похотѣніе перестаетъ, когда сытость человѣкъ почувствуетъ, а похотѣніе золота бываетъ безъ сытости? И вы еще имъ красуетесь, славитесь, ставите себя больше другихъ, когда его нѣкую частицу пріобрѣтете! Вотъ Каланъ, лживый другъ вашъ, въ какой у васъ чести; но для насъ онъ не годился, и съ презрѣніемъ былъ отъ насъ отпущенъ. Что мы попираемъ, то вамъ чудно является; такъ поступаетъ и любосребряный Каланъ, вашъ другъ, а не нашъ, полный безумія, изгнанный нами! Какъ тѣнь мимо течетъ, такъ и онъ скоро исчезнетъ. Много людей ради славохотѣнія потеряли жизнь, полные безумія. Такъ и сей Каланъ. Посему не былъ онъ достоинъ насъ, не для любви Божіей, но для имѣнія окаянную свою душу убивающій!

Все это выслушалъ Александръ, и сказалъ Рахманамъ: «Просите у меня, чего вы хотите, и я все вамъ дамъ.» Тогда всѣ Рахманы возопили: Дай намъ безсмертія! — «Симъ я не владѣю,» отвѣ-

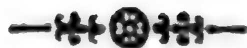
чалъ Александръ, «самъ я смертенъ. — Если ты смертенъ — сказали Рахманы — для чего-же ты столько трудишься, желая все взять? Куда хочешь ты все это унести? Не оставишь-ли ты все послѣ себя, какъ и прежде тебя, во владѣніе другимъ? — «Все это строится отъ Вышняго Промысла,» отвѣчалъ имъ Александръ. «Его повелѣніемъ, сами себѣ служа, другимъ мы служимъ. Не возстанетъ пыль, если не дхнетъ вѣтеръ. Не подвижется и человѣкъ, если Промыслу неугодно. Я хотѣлъ-бы перестать ратовать, но не я далъ себѣ нравъ мой, а Владыка. Если-бы у всѣхъ насъ былъ одинакій нравъ, что-же было-бы тогда? Празденъ былъ-бы міръ, по морю-бы не ѣздили, земли-бы не воздѣлывали, браковъ-бы не было, и дѣти не родились.» — Потомъ спросилъ Алекандръ: «Имѣете-ли старѣйшину?» — Имѣемъ Игумена, именемъ Дейдамія, наставника и учителя нашего — отвѣчали Рахманы. — Теперь онъ лежитъ въ дрязгѣ, на листвіяхъ; миръ подлѣ него, и земля сосцы свои доитъ ему, какъ мать. — «Хотѣлъ-бы я облобызать его,» сказалъ Александръ. Тогда указали ему Дейдамія, на землѣ, во множествѣ мягкаго листвія лежащаго, и предъ нимъ положены были смоквы, дыни, и другіе овощи.

Пошелъ туда Александръ, и прошелъ мимо, не замѣтивъ его, ибо Дейдамій лежалъ въ густой чащѣ дрязговъ, и мирно почивалъ на листвіяхъ. Александръ послалъ къ нему друга своего, Онисикрата, говоря: «Иди къ великому учителю Рахманскому,

Дейдамію, и либо самого его приведи, или узнай, гдѣ онъ лежитъ, тотчасъ скажи мнѣ, и я самъ къ нему пойду.» Вскорѣ отыскалъ Онисикратъ великаго Дейдамія, и сказалъ ему: «Радуйся учитель Рахманскій, благословенный Богомъ! Великій Царь Александръ, всѣмъ человѣкамъ владыка, зоветъ тебя къ себѣ, и много добра дастъ тебѣ, и даровъ. Если-же не пойдешь, то голову тебѣ отсѣчетъ.» Дейдамій улыбнулся, не поднялъ даже головы своей отъ листвій, но насмѣшливо лежалъ, и отвѣчалъ такъ: «Единый только Богъ есть великій Царь; отъ него укоризна не является, но свѣтъ, миръ и жизнь, вѣдѣніе, тѣло и душа человѣка. Онъ всѣхъ насъ пріемлетъ, Владыка и Богъ мой, если къ нему приступимъ право. Онъ убійства отвращается, и брани не творитъ. Но Александръ не Богъ — человѣкъ смертенъ, перстъ и бреніе. И какой онъ Владыка всѣхъ? Поставилъ-ли онъ престолъ свой въ *Полеспорѣ*? Перешелъ-ли рѣку *Тивснаву* и рѣку *Никусолу*? Положилъ-ли жизнь во адѣ? Прешелъ-ли весь путь солнца? Извѣстно-ли въ Скиѳіи имя его? Еще и за Гангріею рѣкою много естъ земель — пустъ перейдетъ ихъ, и дойдетъ туда, гдѣ уже земля не можетъ человѣка носить. Александръ обѣщаетъ мнѣ дары, но мнѣ ихъ не надобно. Мнѣ потребны хлѣвина и листвіе, земное быліе и вода. Видишь: лежу въ своемъ домѣ, и затворилъ очи на все другое. Золота и видѣть я не хочу, да не погублю санъ свой; земля все мнѣ приноситъ, какъ мать млеко своему младенцу, и потому не нуждаюсь я идти къ

Александру. Если и главу мою отсѣчетъ, души не погубитъ, а главу только молчащую отниметъ. Душа моя пойдетъ ко Владыкѣ, а перстное тѣло, какъ сосудъ утлый, въ землю, откуда взято. Давно сказано: судія всѣмъ обида. Стонъ обидимыхъ мука обидящимъ, а доброта неизрѣченная самимъ обидимымъ. Пусть повелѣваетъ Александръ тѣми, кто хочетъ золота, а смерти боится. Рахманыже золота не хотятъ, а смерти не боятся. Иди къ Александру, и скажи: Дейдамій даровъ твоихъ не требуетъ, и потому къ тебѣ нейдетъ. Если хочетъ онъ видѣть меня, пусть придетъ сюда самъ.»

(Окончаніе впредь).



СМѢСЬ.

— *Отвѣтъ на возраженіе Г на Талызина.* — Важность предмета, который избралъ Г. Талызинъ для своей *Рѣчи*, и желаніе неизвѣстнаго намъ, по безъ сомнѣнія благонамѣреннаго Корреспондента, который хотѣлъ знать мнѣніе наше о сей *Рѣчи*, заставили насъ написать замѣчанія, напечатанныя въ 7-й книжкѣ Московскаго Телеграфа, на стран. 411–416-й. Возраженіе Г-на Талызина (въ 9-й книжкѣ М. Тел.) показываетъ, что наше благое намѣреніе не понято. Ни мало не оскорбляясь этимъ, мы, напротивъ, благодаримъ Г-на Талызина, что онъ даетъ намъ случай пояснить и болѣе развернуть мысль нашу. Но, прежде всего, надобно оправдаться въ нѣкоторыхъ нарѣканіяхъ почтеннаго Возражателя.

Слишкомъ неискренно говоритъ онъ, когда старается увѣрить себя и читателей, что мы писали о его *Рѣчи* не читавши ея. Къ чему это подозрѣніе? Предоставимъ дѣтямъ подобныя хитрости, и будемъ разсуждать какъ должно совершеннолѣтнимъ.

И на чемъ основываетъ Г-нъ Талызинъ свое подозрѣніе? На томъ, что заглавіе Рѣчи его гласитъ *о необходимости отечественнаго воспитанія*, а мы наиболѣе говоримъ о любви къ отечеству. Но воспитаніе должно-же имѣть какую нибудь цѣль. Говорить только о необходимости отечественнаго воспитанія, значитъ не сказать ничего, ибо кто не увѣренъ въ сей необходимости? Надобно показать, какими средствами можно развить, конечно не необходимость, а самую любовь къ отечественному. Г-нъ Талызинъ то и сдѣлалъ: онъ предложилъ средства; мы сказали, что эти средства не хороши. Вотъ все дѣло. Говорили-ли мы, что Г-нъ Талызинъ написалъ Рѣчь *о любви къ отечеству*? Вотъ слова наши: «Что можетъ быть выше, свя«тѣе, прекраснѣе любви къ отечеству, и *слѣд«ственно воспитанія, развивающаго эту любовь*, «эту страсть душъ благородныхъ и народовъ ве«ликихъ.» И на этихъ-то словахъ Г-нъ Талызинъ основалъ все свое обвиненіе!

Но объ одномъ-ли этомъ писали мы? Доказывая необходимость отечественнаго воспитанія, Сочинитель Рѣчи привелъ такіе примѣры, которые назвали мы исключеніями и небывалымъ. Подтверждаемъ это и теперь, ибо увѣреніе Г-на Талызина, что *есть* то или другое злоупотребленіе въ воспитаніи нашемъ, не доказываетъ ничего. Воспитаніе-ли, или лучше сказать отчужденіе-ли отъ отечественнаго виною, что у насъ не было ни Исторіи, ни Грамматики, ни образцовъ языка?

Отчужденіе-ли виною, что Французскій языкъ сдѣлался необходимостью во всемъ мірѣ, и что для него необходимы Французскіе учители? Г-нъ Талызинъ за все худое винитъ иностранцевъ, къ которымъ будто-бы имѣютъ у насъ слѣпую привязанность. Но иностранцы-ли виноваты, что нерѣдко юноши, выходящіе изъ высшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, не умѣютъ безъ ошибокъ написать росписки въ жалованьѣ? Иностранцы-ли виноваты, что эти юноши также худо знаютъ и чужіе языки? Неужели иностранцы виноваты и въ томъ, что многіе не знаютъ у насъ ничего? Нѣтъ, причина всего этого конечно скрывается въ чемъ нибудь другомъ. Вообще Г-нъ Талызинъ слишкомъ преувеличенно представилъ злоупотребленія, происходящія отъ иностранцевъ, и слишкомъ безотчетно рѣшился обратиться къ старинѣ. Сей-то послѣдній пунктъ составляетъ главный предметъ нашего спора, и имъ-то должны заняться мы съ особеннымъ вниманіемъ. Касательно всѣхъ другихъ спорныхъ пунктовъ, приглашаемъ читателей сообразить наши замѣчанія и возраженіе Г-на Сочинителя *Рѣчи*. Зачѣмъ повторять то, что уже сказано нами и не опровергнуто Г-мъ Сочинителемъ?

Были, есть, и конечно всегда будутъ, не только любители старины, но и люди, желающіе возвратить ее. Желаніе понятное, если вспомнимъ, что каждый вѣкъ имѣетъ свои недостатки, свои невыгоды, свои бѣдствія, которыя будучи близки

къ современникамъ, кажутся имъ всегда слѣдствіемъ искаженія того, что было хорошаго, славнаго, блестящаго въ вѣкахъ предшествовавшихъ. Сіи люди забываютъ, что предки ихъ терпѣли неудобства и невыгоды своего вѣка, отнюдь не меньшія, но, почти навѣрно, большія, ибо усовершенствованіе обществъ и политическаго быта есть неоспоримая истина. Они забываютъ также, что недостатки каждаго вѣка бываютъ неразлучны съ совершенствами его, ибо зло необходимо въ мірѣ, потому что есть въ немъ добро. Въ наше время есть множество неудобствъ и недостатковъ, но за то есть, и гораздо болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ, усовершенствованій, которыя куплены тяжкимъ трудомъ многихъ поколѣній, кровію и слезами. Неужели должно погубить всю сію опытность, все добро, пріобрѣтенное вѣками, для того, чтобы помѣняться съ нашими предками нѣкоторыми выгодами и взять съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ тяготы? По счастью, это болѣе чѣмъ неблагоразумно: это невозможно.

На что намъ, напримѣръ, тѣлесная сила, послѣ изобрѣтенія пороха, и при усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, при необъятной силѣ машинъ, дѣйствующихъ за милліоны людей? Наша сила не въ рукахъ и мышцахъ, а въ головѣ и сердцѣ. Предки наши употребляли свою животную силу на то, чтобы терзать другъ друга; мы употребляемъ для этого необходимаго зла пушки и ружья. Мы заключились въ кабинеты и въ

домы, для того, что намъ нѣтъ надобности цѣлую жизнь сражаться съ стихіями, какъ дѣлали предки наши. Мы должны забывать о тѣлѣ своемъ, для того, чтобы сосредоточивать всю жизнь свою въ умственной дѣятельности. Говорятъ, что отъ этого терпитъ здоровье наше и сокращается жизнь. Во-первыхъ, доказать это трудно, ибо и въ наше время міръ наполненъ здоровыми и долговѣчными людьми; во-вторыхъ, пожертвованіе тѣлесными силами не значитъ ничего, если это нужно для крѣпости силъ умственныхъ. Желѣзное здоровье, конечно, преимущество большое. Можетъ быть гимнастическія упражненія и вольный воздухъ усовершаютъ его. Но что-же дѣлать, когда всѣ обстоятельства, всѣ занятія, вся жизнь наша требуютъ другаго? Противъ судьбы, которая управляетъ дѣлами міра, идти не льзя.

Послѣ сего, справедливо-ли требованіе Г-на Талызина, который желаетъ *кулачныхъ боевъ, борьбы, ристаній на коняхъ, бѣганія въ запуски, быстрыхъ устремленій на крутизны, смѣлыхъ скачковъ съ высотъ въ глубокіе потоки?* Предоставляемъ врачамъ рѣшить, крѣпче-ли будетъ отъ этихъ упражненій здоровье тѣлесное, но, указывая на современное общество, утверждаемъ, что для него, для общества, это безполезно и даже невозможно. Безполезно потому, что и безъ такихъ ужасныхъ игръ дѣти много занимаются Гимнастикой по естественному влеченію своего возраста, а юношество Русское отличается розовыми щеками и

тѣлесною силою; невозможно потому, что эти игры надобно продолжать во всю жизнь, если хотѣть отъ нихъ пользы, а во всю жизнь, и даже въ извѣстные годы, скакать и бѣгать, нѣтъ ни у кого ни досуга, ни охоты, ни возможности. Сверхъ того, это было-бы на счетъ дѣятельности въ другихъ упражненіяхъ, которыя составляютъ необходимость при настоящемъ состояніи общества. Какимъ образомъ, напримѣръ, прикажете вы чиновнику, проработавшему шесть или восемь часовъ за письменнымъ столомъ, начинать *скочки* и *устремленія на крутизны?* Онъ радъ что послѣ своихъ трудовъ можетъ, сидя на диванѣ, освѣжить умъ книгой или разговоромъ съ близкими сердцу. Далѣе, неужели купецъ долженъ запереть свою лавку, свою контору, или оставить свои занятія на биржѣ, и пускаться *въ кулачный бой* или *въ запуски*? Этимъ онъ разстроитъ свои занятія. Не забудьте также что онъ членъ современнаго общества; ему надобны: отдыхъ, развлеченіе умственное, усовершенствованіе. Къ кому-же еще относится требованіе Г-на Талызина? Къ людямъ ученымъ? Къ литтераторамъ? Ихъ и такъ упрекаютъ въ недѣятельности по занятію; они и безъ этого слишкомъ много думаютъ о своемъ тѣлѣ. Свѣтскіе люди? Но развѣ неизвѣстно, что это классъ людей небольшой, и котораго ни что не заставитъ перемѣнить образа жизни. Да онъ и не въ силахъ перемѣнить его, ибо иначе онъ уже войдетъ въ какой нибудь другой классъ. Оставимъ его прыгать на балахъ: тамъ его настоящее мѣсто. Не говоримъ ни о во-

енныхъ, ни о ремесленникахъ, ни о мужикахъ: о нихъ конечно не думалъ Г-нъ Сочинитель Рѣчи.

Слѣдственно, чтобы согласиться съ мнѣніемъ Г-на Сочинителя, напередъ должно измѣнить всѣ занятія, всѣ дѣла, все общество настоящаго времени. Г-нъ Талызинъ конечно не станетъ спорить, что это невозможно.

Забвеніе родныхъ обычаевъ также есть не преступленіе, не порокъ, а необходимое слѣдствіе измѣненій, которыя производитъ время. Подъ именемъ *нравовъ* и *обычаевъ*, Г-нъ Талызинъ конечно не разумѣетъ тѣхъ добродѣтелей, коими всегда гордились и отличались Руские. Любовь къ отечеству, уваженіе къ старшимъ, почтеніе къ религіознымъ обрядамъ, никогда не упадали въ сердцахъ соотечественниковъ нашихъ. Какимъ блестящимъ образомъ доказано это въ 1812 году, когда офицеры наши, *говоря по-Французски* клали свою голову за отечество; когда ни одинъ голосъ не возвысился противъ Градоначальника, обратившаго въ пепелъ Древнюю Столицу; когда ни одинъ воинъ не имѣлъ мысли не повиноваться тому безсмертному Вождю, котораго такъ несправедливо подозрѣвали въ нелюбви къ Россіи и въ разныхъ упущеніяхъ; когда всѣ храмы Бога наполнены были усердными молельщиками, да пошлетъ Онъ побѣду на гордаго врага; наконецъ, когда по единому слову Александра всѣ готовы были нести свои богатства, свою жизнь въ жертву отечеству! Нѣтъ!

Рускіе не переставали и не перестали быть достойны своего славнаго имени.

Въ чемъ-же еще упрекаетъ ихъ Сочинитель Рѣчи? Мы сказали ему въ разборѣ нашемъ, во что обратился обычай поминовенія родителей. Такъ измѣняются и всѣ обычаи старины, сообразные только современнымъ обстоятельствамъ. Онъ говоритъ, что на могилахъ отцовъ должны мы учиться быть Рускими. Нѣтъ, этого мало. Надобно расширить это училище. Мы призваны быть *Рускими настоящаго времени*, а могильные камни не научатъ насъ этому. Есть живой памятникъ, который должны изучать мы: это сама Россія. Ея требованія, ея направленіе, ея болѣзни и силы должны мы узнать, чтобы сдѣлаться истинно-Рускими. Не нужно каѳедръ, чтобы заставить насъ любить предковъ нашихъ: это любовь, врожденная человѣку, и мы не хотимъ даже думать, чтобы въ Россіи нашелся одинъ преступникъ, который не уважилъ-бы отцовъ своихъ, даровавшихъ ему все. Но Россія настоящая: вотъ та Академія, въ которой нужны у насъ Платоны и Сократы.

Прошедшее погребено въ вѣкахъ и прахѣ: его не воскресить намъ. Мертвый не будетъ живымъ: эту аксіому принуждены мы повторить для того только, что Г-нъ Талызинъ, кажется, не вѣритъ ей. Онъ хочетъ ворошить прошедшее, хочетъ, чтобы Исторія повторяла себя. Онъ не соображаетъ ни настоящаго порядка дѣлъ, ни силы времени. Онъ не видитъ ни возрастающей образованности,

ни удобствъ и выгодъ, какія она даровала намъ; не видитъ совершеннаго преображенія общества, и только жалѣетъ о забытіи нѣкоторыхъ обычаевъ, замѣненныхъ другими, имѣющими свои недостатки и свои выгоды, жалѣетъ о нѣкоторыхъ обрядахъ, неисполнимыхъ въ настоящее время. Во всемъ этомъ находитъ онъ *слѣдствіе слѣпой привязанности къ иностранцамъ и иностранному*, и потому старается обратить насъ *къ прошедшему Русскому*. Коснемся и этого щекотливаго вопроса.

Въ нѣкоторыя Историческія эпохи, народы сближаются и составляютъ одно, многочисленное семейство, соединенное какою нибудь силою, дѣйствующею на всѣхъ одинаково. Христіанство уравняло народы и сдѣлало ихъ братьями. Не смотря на всѣ мѣстныя отличія, Христіанскіе народы составляютъ одно, многочисленное семейство. Посмотрите, напротивъ, какой анахронизмъ представляетъ въ Европѣ единственное иновѣрное Государство — Турція. Христіанство: вотъ гдѣ заключается та общая связь, которая сближаетъ Англичанина съ Итальянцемъ и Француза съ Рускимъ. Разныя Историческія событія могутъ задерживать ходъ нѣкоторыхъ Государствъ, и оставлять ихъ назади въ просвѣщеніи, составляющемъ истинную силу нашего времени. Но Провидѣніе также дало, всякому отставшему Государству силу и способность стремиться къ сравненію съ ушедшимъ впередъ. Въ такомъ отношеніи находимся мы съ нѣкоторыми Европейскими Государствами.

Никакія распри и случайныя разстройства не могутъ разрушить сближенія нашего съ ними, ибо основаніемъ его служитъ религія, уравнявшая всѣхъ, не различающая ни Французовъ, ни Рускихъ: тѣ и другіе Христіане. . . . .
. . . . Двинутые могучимъ Петромъ по пути, который назначило намъ Провидѣніе, мы почти сравнялись съ просвѣщеннѣйшими народами. По крайней мѣрѣ образованная часть народа одинакова и въ Россіи, и въ Англіи, и во Франціи. Вслѣдствіе этого, между Рускимъ и другимъ Европейцемъ 1832 года, гораздо болѣе сходства, нежели между Рускими 1832 и 1532 года. Одни живутъ вмѣстѣ, слѣдственно чувствуютъ, мыслятъ, дѣйствуютъ въ одинакомъ обществѣ, въ одинакихъ обстоятельствахъ, нравахъ и обычаяхъ; другіе не имѣютъ ничего общаго, ибо жившіе на Русской землѣ за триста лѣтъ, уже давно обитаютъ въ лонѣ Бога. Удивляться-ли послѣ сего, что мы болѣе сходны въ общественной жизни, въ нравахъ и обычаяхъ, съ современными чужеземцами, а не съ предками нашими, и что мы болѣе сочувствуемъ живымъ людямъ, нежели холодному праху?

Заключимъ: паденіе старыхъ обычаевъ, частныхъ, временныхъ, никакъ не показываетъ паденія нравственности, любви къ отечеству и къ отечественному. Жалобы на отчужденіе отъ старины не согласны ни съ просвѣщеніемъ вѣка, ни съ требованіями времени, ни даже съ любовью къ отечеству, которая велитъ Дамъ блюсти настоя-

щее, дѣйствовать въ настоящемъ. Mининъ не жалѣлъ объ удѣльныхъ обычаяхъ, когда Поляки были въ Москвѣ. Русскіе офицеры не надѣвали охабней и троеклинокъ, когда Наполеонъ шелъ въ сердце Россіи. И теперь, не будемъ жалѣть о конскихъ ристаніяхъ и кулачныхъ бояхъ, когда намъ предстоитъ подвигъ на поприщѣ просвѣщенія. Любовь къ отечеству доказывается не въ мѣлочахъ, а въ общемъ стремленіи, въ подвигахъ цѣлой жизни. Пусть дѣти Россіи воспитываются на хлѣбахъ и соусахъ, приготовленныхъ по правиламъ Французской кухни, но пусть будутъ они Рускими въ душѣ и сердцѣ.

Г-нъ Талызинъ недоумѣваетъ, кто писалъ разборъ его *Рѣчи*? Кто? Журналъ, называемый *Московскій Телеграфъ*. Для чего нужна ему личность? Пора отставать намъ отъ этого стариннаго обычая, который укоренился съ тѣхъ временъ, когда у насъ не было мнѣній общихъ. Г-нъ Талызинъ видитъ мнѣніе Журнала, который разумѣется не можетъ быть писанъ однимъ человѣкомъ. Мнѣніе Журнала есть мнѣніе многихъ людей, согласныхъ въ образѣ мыслей.

Книженка, подъ заглавіемъ:

Русскія Сказки,

изъ преданія народнаго, изустнаго, на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому приноровленныя и поговорками ходячими раскрашенныя Казакомъ Владиміромъ Луганскимъ, съ эпиграфомъ:

И много за моремъ грибовъ,
Да не по нашему кузову.

на сихъ дняхъ поступила въ печать. Она содержитъ въ себѣ пять слѣдующихъ Сказокъ:

1-я Сказка о Иванѣ, молодомъ сержантѣ, удалой головѣ безъ роду безъ племени, сиротѣ безъ прозвища.

2-я Сказка о Судѣ Шемякиномъ и о воеводствѣ его и о прочемъ.

3-я Сказка о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ, равно и о третьемъ единоутробномъ ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ, и о новомъ княжествѣ и княженіи.

4-я Сказка Новинка-диковинка, или невиданное диво неслыханное чудо.

5-я Сказка Сила Калинычъ, душа горемычная, или Русскій солдатъ ни въ аду, ни въ раю.

Казакъ Владиміръ Луганскій, который приходится съ родни памятному, можетъ быть, читателямъ Сѣверной Пчелы лицу одного съ нимъ имени, тѣшилъ неоднократно земляковъ и собивачниковъ своихъ, сказывая имъ, въ длинныя темныя ночи, за бивачнымъ огнемъ, сказки, которыхъ наслышался отъ дѣда, отъ бабки, отъ кумы Соломониды и даже отъ свата Демьяна; а сватъ Демьянъ слылъ, и на Волгѣ, мастеромъ своего дѣла. Къ казачьимъ бивакамъ подходили иногда и кавалеры *нестанигные*, то есть, рядовые строевыхъ полковъ, которыхъ огни лежали по сосѣдству съ первыми, и даже случалось, что Казакъ Луганскій замѣчалъ въ числѣ подсѣвшихъ слушателей *Московскихъ офицеровъ*, т. е. офицеровъ строевыхъ войскъ. Это и подало ему мысль собрать, на попытку, пятокъ Сказокъ своихъ, положить ихъ на грамоту, переслать родичу своему и тёзкѣ, во престольномъ градѣ здравствующему, для отпечатанія, къ чему и приложилъ сотенку другую рублишковъ, тамъ и сямъ по походамъ собранную. Онъ, малый грамотный, написалъ при этомъ случаѣ къ свату письмо, въ которомъ говоритъ, между прочимъ, что намѣреніемъ его при этомъ было, чтобы народныя наши замысловатыя и плоскія шутки, притчи, повѣрья, поговорки, были доведены до свѣдѣнія градообитателей, ибо ему послышалось гдѣ-то, что они высокоумными бреднями заморскими набили оскомину и себѣ и другимъ; и будто-бы пришла такая пора, что ихъ иногда позываетъ почитать затѣй доморощенныхъ. . . Правду-ли онъ говоритъ,

нѣтъ-ли, не знаю; а еще менѣе отвѣчаю за точность простодушнаго и забавнаго заключенія его: что, понеже у слушателей его круга и сословія доставало ума и охоты слушать Сказки его, то онъ полагаетъ найдти того и другаго у господъ чиновныхъ и почетныхъ, по крайней мѣрѣ столько-же! Я даже нахожу, что примѣненіе и заключеніе это не совсѣмъ прилично; ибо, кто что ни говори, *господа* всегда останутся *господами, а простонародное* всегда пахнетъ *простонароднымъ*, т. е. пенькою, дёгтемъ и сосновымъ лѣсомъ! Но дѣло сдѣлано: сватъ выслалъ мнѣ тарабарскую рукопись свою и деньжонки, а я тиснулъ ее, и надѣюсь, при посредничествѣ общаго нашего благодѣтеля, Александра Филипповича Смирдина, выставить ее жителямъ столицъ нашихъ, губернскихъ, уѣздныхъ и даже заштатныхъ городовъ, на показъ и на продажу, за наличныя деньги: этого требуетъ сама справедливость, ибо сватъ и тёзка мой заплатилъ за напечатаніе наличными-же.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить почтенныхъ читателей Сѣверной Пчелы, да и прошу всепокорнѣйше Г-дъ Издателей прочихъ временныхъ листовъ и Журналовъ нашихъ — къ какому-бы царству Природы имя сихъ послѣднихъ не принадлежало — оказать мнѣ и свату-тёзкѣ моему услугу, и намекнуть въ свою очередь почтеннымъ читателямъ своимъ о великомъ письмовномъ событіи семъ, предпріимчивостію оборотливаго свата-тёзки мое-

го и подручниковъ его, при помощи Всевышняго, нынѣ уже довершаемаго.

Впрочемъ, поступившій нынѣ въ печать *первый пятокъ* Русскихъ Сказокъ присланъ Казакомъ Луганскимъ, для перваго только опыта; если онъ удастся, и читатели оправдаютъ сколько нибудь предположеніе Сочинителя, то онъ стращаетъ насъ, что у него есть еще огромный запасъ ихъ, которыя онъ, въ случаѣ потребы, немедленно *ухнетъ* на бумагу; почему и считаю обязанностію предостеречь почтенныхъ читателей отъ этой угрозы, указавъ имъ средства къ застрахованію себя отъ подобнаго наводненія.

Сватъ и тёзка мой дѣлаетъ еще, въ письмѣ своемъ, окончательную приписку, въ которой говоритъ, что ему совѣтовали было открыть предварительно подписку на книженку свою; но, какъ между Казаками существуетъ обычай, заповѣдывающій *священную неприкосновенность* собственности каждаго изъ нихъ, между собою, т. е., другимъ словомъ: дозволяется пользоваться только *за чертой*, у чужихъ, а подписчики на изданія книжныя бываютъ всегда только приближенные, добросовѣстные люди, то онъ, какъ добрый Казакъ, и не рѣшился прибѣгнуть къ сему средству, а предпочелъ лучше пустить товаръ свой въ ходъ лицомъ, во всѣ четыре стороны; а пріятелямъ своимъ и собивачникамъ раздастъ, на счетъ покупщиковъ за чертой, по книженкѣ Сказокъ своихъ, даромъ, въ го-

стинецъ. За это, а равно и за умѣренную цѣну книженки–ибо не приходится и по рублю за сказку–я его похвалилъ и пожелалъ ему, въ обращеніи земляковъ и землячекъ нашихъ отъ ереси заморской, благаго успѣха.

Отставной Флота Лейтенантъ
и Докторъ Медицины,

Владиміръ Луганскій.

СПб. 30 Авг. 1832 г.

№ 12. Іюнь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О СИСТЕМѢ НАУКЪ,

приличной

ДѢТСКОМУ ВОЗРАСТУ

Отрывокъ первый (*).

Средства всякаго рода, употребляемыя человѣкомъ или природою, для раскрытія или усовершенствованія способностей какого либо существа, могутъ назваться воспитаніемъ въ обширномъ смыслѣ. Но такъ какъ человѣкъ и природа суть двѣ силы на земномъ шарѣ, не рѣдко обнаруживающія себя различнымъ образомъ; то справедливо дѣйствія сихъ двухъ силъ означаются, большею частію, различными словами. Такимъ образомъ слово *воспитаніе* относится обыкновенно, въ тѣсномъ смыслѣ, толь-

(*) Г. Докторъ Ястребцевъ намѣренъ вновь издать свое сочиненіе *Объ умственномъ воспитаніи*, переработанное и умноженное нѣсколькими дополненіями. Главныя изъ сихъ послѣднихъ составляютъ предлагаемые здѣсь отрывки, въ которыхъ соблюдено Правописаніе Сочинителя. *Изд.*

ко къ средствамъ, которыя придуманы самимъ человѣкомъ для своего усовершенствованія.

И однако человѣкъ совершенствуется, то есть возрастаетъ тѣломъ и душою, не отъ однихъ только средствъ, о пріобрѣтеніи которыхъ онъ самъ старался, но и отъ такихъ, о которыхъ вовсе не помышлялъ, или которыхъ пріобрѣсть не доискивался. Кому же онъ обязанъ за сіи послѣднія? Природѣ. Слѣдовательно и природа воспитываетъ человѣка (*).

Природа воспитываетъ не только человѣка, но и всѣ существа, ею произведенныя; съ той самой минуты, въ которую существо является на сценѣ міра, оно начинаетъ воспитываться природою, или, другими словами, его способности раскрываются и совершенствуются ея попеченіемъ.

Сіе *естественное* раскрытіе и совершенствованіе способностей происходитъ, или безъ всякаго усилія со стороны существа, въ которомъ оно совершается, или съ его собственными усиліями. Животное получаетъ напр. ор-

(*) Воспитываетъ человѣка и еще третій наставникъ: *случайность*, т. е. счастье или несчастье, здоровье или болѣзнь, разные непредвидимые, хорошіе или худые, примѣры, и т. д. Но, для краткости, мы относимъ здѣсь *случайность*, какъ цѣпь обстоятельствъ, не зависящихъ отъ человѣка, къ природѣ.

ганъ зрѣнія, постепенно совершенствующійся, безъ своего содѣйствія; но оно должно приложить собственныя старанія, чтобъ выучиться употреблять сей органъ. Вообще животныя также учатся многимъ предметамъ, какъ и человѣкъ; четвероногія учатся ходить, бѣгать, птицы летать, и т. д. Какъ бы скоро они ни выучивались тому, что̀ надлежитъ знать имъ; какъ бы скоро ни достигали полнаго своего совершенства: однако слабость первыхъ опытовъ ихъ показываетъ, что у нихъ есть своя эпоха ученія.

И человѣкъ учится *естественно* весьма многимъ предметамъ, прежде нежели поступитъ въ руки педагога. Принявъ въ разсужденіе первоначальную слабость силъ его, и множество предметовъ его изученія, должно согласиться, что *естественное* воспитаніе производитъ чудесные успѣхи. «Если раздѣлимъ — говоритъ, не безъ «основанія, краснорѣчивый, впрочемъ парадок-«сальный, *Руссо* — все знаніе человѣческое на «двѣ части, изъ которыхъ одна свойственна «всѣмъ людямъ, а другая только ученымъ; то «найдемъ, что сія послѣдняя часть весьма мала «сравнительно съ первою.» Конечно, дикій человѣкъ, оставленный самъ себѣ или природѣ, пріобрѣтаетъ, со дня рожденія своего до возмужалаго возраста, удивительное усовершенство-

ваніе своихъ способностей; но должно ли заключить изъ этого, что естественное воспитаніе достаточно для человѣка?

Нѣтъ, далеко нѣтъ. Природа воспитываетъ только низшія способности, общія человѣку съ животными. Въ какой бы степени она ни развила сіи способности, онѣ все будутъ животныя. До высшихъ качествъ, человѣческихъ, она не касается. Если и въ дикомъ сынѣ природы блестятъ иногда сіи высшія качества; то это значитъ, что они человѣчески были въ немъ воздѣланы. Безъ человѣческаго воздѣлыванія они остались бы въ такомъ-же безжизненномъ состояніи, въ какомъ находится сила растительная въ зернѣ, брошенномъ на камень. Воспитаніе по преимуществу есть усовершенствованіе высшихъ способностей человѣка.

Мы старались опредѣлить значеніе воспитанія вообще; теперь займемся воспитаніемъ собственно человѣческимъ, разсмотримъ его подробнѣе, и раздѣлимъ на главные его роды.

Воспитаніе, какъ сказано выше, состоитъ въ раскрытіи и усовершенствованіи способностей. Итакъ каждой способности должно отвѣчать свое особенное воспитаніе; и сколько находится первыхъ, столько должно быть видовъ послѣдняго.

Безчисленны способности человѣческія. Древніе называли человѣка микрокосмомъ. Новые философы подтвердили это названіе, и доказали его справедливость. Поэтому въ человѣкѣ долженъ заключаться цѣлый, такъ сказать, міръ способностей.

Но всѣ ихъ можно подраздѣлить на три главные рода. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; душа — изъ ума и воли: отсюда происходятъ трояків силы человѣка: тѣлесныя, умственныя и нравственныя. Соотвѣтственные симъ силамъ роды воспитанія будутъ: воспитаніе *физическое*, *умственное* и *нравственное*.

Кто не знаетъ, что не только тѣлесныя и душевныя, но умственныя и нравственныя качества совершенно различны между собою? Есть люди съ проницательнымъ умомъ, и обширными свѣдѣніями, но съ худою нравственностію, или слабою душою. У другихъ, съ превосходными душевными способностями, нѣтъ крѣпости въ силахъ тѣлесныхъ. Не случается ли видѣть, что нѣкоторые, при дверяхъ гроба, когда составъ тѣла приходитъ уже въ разрушеніе, показываютъ удивительную силу души? Иногда люди простые, которыхъ умъ не озаренъ свѣтильникомъ познаній, украшаются душою добродѣтельною. Иногда чувство религіозное, чувство, возвышающее человѣка отъ земли до неба,

сильно развито въ душѣ измозженнаго тѣлесными страданіями. Наблюденія медицинскія показали, что нѣкоторые больные, отличавшіеся, во время болѣзни ихъ, кротостью, возбуждавшею сугубое сострадание къ ихъ положенію, становились, по выздоровленіи, своенравными, взыскательными, несноснаго нрава; что также болѣзнь не рѣдко дѣлала людей благоразумнѣе, рѣшительнѣе, словомъ умственно или нравственно лучше, нежели каковы они были во время здоровья; и напротивъ. Все это показываетъ, что законы тѣла и души различны. Различны также законы ума и воли. Одно изъ главныхъ различій сихъ законовъ состоитъ въ томъ, что умъ, какія бы человѣкъ ни употреблялъ усилія, можетъ только постепенно и медленно постигать тѣ истины, для пріобрѣтенія которыхъ онъ назначенъ, и которыя доставляютъ ему царское, такъ сказать, достоинство въ природѣ; а воля, однимъ мгновеннымъ порывомъ, можетъ достигнуть до изумительной высоты нравственнаго совершенства. Знакъ: что никогда непоздно сдѣлаться добродѣтельнымъ, хотя и можно опоздать быть ученымъ; что всѣ, и каждое мгновеніе, могутъ быть великодушными, милостивыми и проч., хотя и не всѣ — знающими; что нравственныя достоинства необходимѣе просвѣщенія: иначе Богъ не устроилъ бы такъ ума и воли въ душѣ человѣческой.

Соединеніе вмѣстѣ, въ равной и высокой степени развитія, тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ чрезвычайно рѣдко, хотя всѣ желалибы имѣть его. Какъ будто законъ природы противится такому совершенству въ слабомъ смертномъ. То по крайней мѣрѣ достовѣрно, что сіи три коренныя силы могутъ возрастать въ различныхъ между собою содержаніяхъ. Слѣдовательно онѣ не зависимы однѣ отъ другихъ до нѣкоторой степени.

Говоримъ *до нѣкоторой степени*; ибо нельзя ихъ совершенно раздѣлить между собою; онѣ составляютъ въ человѣкѣ одно общее цѣлое, и каждая необходима для прочихъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ метафизическія доказательства этого; ибо мы предположили себѣ предметомъ, въ семъ сочиненіи, не воспитаніе вообще, а одно умственное воспитаніе дѣтскаго возраста, и то касательно только системы наукъ. Предоставляемъ другимъ обозрѣть въ подробности воспитаніе съ высокой точки зрѣнія. Для насъ достаточно коснуться только слегка общности законовъ, управляющихъ воспитаніемъ. Итакъ объяснимъ просто эмпирическою физіологіею, и опытомъ, взаимную зависимость душевныхъ и тѣлесныхъ силъ.

Органы и силы въ организмѣ человѣческомъ (подъ организмомъ человѣческимъ разумѣемъ

всего человѣка, душевнаго и тѣлеснаго вмѣстѣ) находятся въ такомъ равновѣсіи, что ни одинъ, или ни одна, изъ нихъ не могутъ слишкомъ развиться передъ прочими, безъ того чтобъ прочіе не страдали отъ этого, посредственно или непосредственно. Они всѣ должны возрастать въ одинакомъ взаимномъ содержаніи; иначе усовершенствованіе одного будетъ происходить на счетъ другаго. Разовьется ли наприм. слишкомъ дѣятельность нервной системы, это худо для пищеварительной; возметъ ли слишкомъ верхъ животная жизнь, это худо для растительной, и т. д. Одна неправильность повлечетъ за собою другую, другая третью, до тѣхъ поръ, пока разстройство частное не сдѣлается общимъ; и тогда подвергается опасности, иногда погибели, и тотъ органъ, или та сила, которыя сначала возрасли было такъ неумѣренно передъ прочими. Это не всегда скоро происходитъ, иногда весьма медленно; но то вѣрно, что это происходитъ. Въ организмѣ, какъ въ политическомъ равновѣсіи государствъ, всякая важная перемѣна одной части отзывается въ цѣломъ; въ немъ каждый членъ можетъ вредить всѣмъ прочимъ, не только по причинѣ ухудшенія своего, но и по причинѣ слишкомъ быстраго улучшенія. Законъ природы, слѣдовательно и необходимости, требуетъ, чтобы всѣ части цѣлаго вмѣстѣ раскрывались, вмѣстѣ

совершенствовались. Равновѣсiе есть великiй законъ! Благосостоянiе тѣла, души, обществъ политическихъ, всего мiра, на немъ основано.

Взглянемъ теперь на то, что показываетъ опытъ. Извѣстно *Ювеналово* изрѣченiе: *здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ* (mens sana in corpore sano), изрѣченiе, котораго справедливость подтверждается ежедневно. Замѣтимъ, что здѣсь *умъ* отвѣчаетъ душѣ вообще, и относится столько же къ волѣ, сколько къ разуму. Кто не испыталъ надъ собою, или не видалъ, по крайней мѣрѣ, надъ другими, что значительныя страданiя одной какой нибудь части тѣла сообщаются обыкновенно всему тѣлу, и что за болѣзнью тѣла слѣдуетъ и самое разстройство силъ умственныхъ и нравственныхъ? Не нужно распространяться объ этомъ; это пошлая, такъ сказать, истина; но пошлая потому именно, что она слишкомъ явная истина. Отъ чего большая часть великихъ предпрiятiй, великихъ дѣлъ, совершается людьми въ полной силѣ возраста, вообще около тридцати лѣтъ? *Наполеонъ*, требовавшiй отъ сухопутнаго полководца почти сверхъестественныхъ качествъ души, прибавилъ къ описанiю совершеннаго полководца, что лучшее время онаго есть тридцати-лѣтнiй возрастъ. Послѣ сего возраста (не говоримъ объ исключенiяхъ изъ правила),

энергія всякаго рода ослабѣваетъ, падаетъ: раскройте исторію. Но это не противорѣчитъ ли тому, что мы говорили прежде о возможности весьма различнаго развитія тѣла, ума и воли, въ одномъ и томъ же человѣкѣ? Не противорѣчитъ. Сіи способности конечно могутъ развиваться въ различной мѣрѣ, но неиначе какъ однѣ на счетъ другихъ, и то до нѣкоторой только степени, не далѣе: вотъ сила правила. Слишкомъ великое развитіе какихъ либо способностей человѣка есть какъ бы сверхъестественное состояніе, родъ болѣзни. И то правда, что совершеннаго здоровья нѣтъ, здѣсь, для человѣка. Эта патологическая истина относится не только къ тѣлу, но и къ душѣ, ко всему человѣку, и къ самому человѣчеству.

Посмотрите, какъ велико отношеніе ума къ религіи. Какое имѣетъ обыкновенно понятіе о религіи человѣкъ необразованный? Онъ почти вовсе не знаетъ ея. Это правда, онъ молится Богу, въ извѣстныя, положенныя времена; носитъ имя Христіанина: но въ душѣ своей онъ почти язычникъ, почти невѣрующій, не намѣренно, а по невѣденію. Спросите большую часть крестьянъ нашихъ, что они знаютъ относительно вѣры. Сколько услышите нелѣпостей, предразсудковъ, суевѣрія! Но, скажутъ, здѣсь нужно не столько знаніе, сколько чувство. Со-

гласенъ; но какое чувство найдете вы у сихъ людей? Не ищите вы у нихъ чувства. Оно покрыто въ душѣ ихъ такою же грубою корою, какъ и понятія разума. Кромѣ нѣкоторыхъ наружныхъ формъ благочестія, они не чувствуютъ надобности другихъ, еще высшихъ, обязанностей религіи. И какъ чувствовать имъ обязанности живой вѣры, безпредѣльной признательности, глубокаго благоговѣнія, когда они не могутъ постигать ихъ? А безъ этого что̀ такое Молитва? Человѣкъ, покланяющійся Создателю въ Его Храмѣ, но не имѣющій ничего въ умѣ или сердцѣ своемъ, достоинъ ли исполнять высокую сію обязанность? Не родъ ли это какъ бы лицемѣрія? Люди, ревностные можетъ быть, можетъ быть благонамѣренные, но ослѣпленные, вы, которые гоните, именемъ религіи, просвѣщеніе, какъ язву для нея, какъ причину разврата и безбожія, не гоните ли этимъ самымъ религію, не водворяете ли разврата и безбожія? Обратитесь къ вашей совѣсти, спросите ее, довольна ли она тѣмъ невѣжествомъ и его слѣдствіями, на которыя вы осуждаете своего ближняго! Разберите, хладнокровно, дѣло это. Вы ужаснетесь! Вы ужаснетесь, если боитесь отвѣтственности передъ Богомъ!

Возвращаемся къ нашему предмету.

Итакъ совершенство, идеалъ воспитанія состоитъ въ современномъ и пропорціонально-равномъ развитіи стихій, входящихъ въ составъ его.

Сіи стихіи, какъ мы видѣли, суть тѣлесныя, умственныя и нравственныя способности. Казалось бы, съ перваго взгляда, что усовершенствованіе сихъ способностей достаточно для человѣка, во всѣхъ случаяхъ его жизни; ибо онѣ составляютъ всего его, и онъ не можетъ, ни на одно мгновеніе, выйдти изъ сферы ихъ: однако нѣтъ. Общество, въ которомъ живетъ человѣкъ, и долженъ жить непремѣнно, имѣетъ свой кругъ дѣйствія, и требуетъ для себя особеннаго воспитанія. Съ отличными физическими и нравственными качествами можно быть худымъ членомъ общества. Конечно, воспитаніе *общественное* основывается на тѣхъ же силахъ, которыя служатъ предметомъ человѣческаго воспитанія вообще; но оно развиваетъ ихъ своимъ особеннымъ образомъ, даетъ имъ свое особенное направленіе. Это необходимо; ибо человѣкъ въ обществѣ отличенъ отъ человѣка въ самомъ себѣ, по многимъ отношеніямъ. Предметъ сей весьма важенъ; объяснимся.

Человѣкъ назначенъ быть самымъ совершеннымъ существомъ въ природѣ. Преимущество сего совершенства состоитъ, здѣсь на землѣ,

въ томъ, что онъ можетъ употреблять, посредственно или непосредственно, въ пользу тѣла или души, все что находится внѣ его. Это естественное его право въ обширномъ смыслѣ. Только онъ долженъ пользоваться симъ правомъ такъ, чтобъ ближній его могъ также имъ (правомъ) пользоваться; потому что оно дано не одному какому нибудь человѣку, а всѣмъ людямъ безъ исключенія.

Но что значитъ употреблять въ свою пользу? Усвоивать себѣ, для благосостоянія своего. Орудія усвоенія суть способности; вещи усвоенныя — богатство въ обширномъ смыслѣ. Такъ какъ природа состоитъ изъ двухъ частей: вещественной и невещественной; то и богатство бываетъ: вещественное и невещественное.

Богатства невещественныя, относясь болѣе къ душѣ, нежели къ тѣлу, расширяя кругъ дѣйствія ума, облагороживая побужденія воли, освобождая, сколько возможно, отъ грубыхъ попеченій физическихъ, были признаны, въ первые вѣка образованія человѣческаго, одни истинными богатствами отъ тѣхъ людей, которые превышали прочихъ душевными качествами. Мудрецы первыхъ временъ должны были высоко оцѣнить достоинство невещественныхъ богатствъ, не только по внутреннему ихъ зна-

ченію, но и потому, что многія изъ сихъ богатствъ могутъ пріобрѣтаться безъ всякаго стѣсненія ближняго. Стѣсняетъ ли напр. мудрецъ своего ближняго, когда онъ размышляетъ о величіи или красотѣ природы, и находитъ въ этомъ наслажденіе? Что онъ дѣлаетъ при семъ размышленіи? Употребляетъ природу въ свою пользу; слѣдовательно усвоиваетъ ее душѣ своей: но усвоиваетъ ее съ невещественной стороны. Если бы, напротивъ, онъ усвоилъ себѣ что нибудь изъ природы вещественно; то не стѣснилъ ли бы онъ симъ поступкомъ ближняго своего въ естественномъ его правѣ? Нѣтъ сомнѣнія. Богатства вещественныя могутъ переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного владѣтеля къ другому; и въ переходѣ семъ измѣняются, портятся, истребляются: богатства невещественныя не переходятъ изъ рукъ въ руки, но сообщаются, подобно пламени, не угасая отъ сообщенія. Все это должно было возвысить, во мнѣніи философовъ, послѣднія, и унизить первыя. За униженіемъ слѣдуетъ презрѣніе. Презрѣніе богатства вещественнаго должно было сдѣлаться правиломъ мудрости.

Но это было великое заблужденіе философовъ, или, какъ Кузен называетъ всякое заблужденіе, неполное, одностороннее прозрѣніе истины. *Прозрѣніе истины*; потому что богатства не-

вещественныя дѣйствительно, безъ всякаго сравненія, выше вещественныхъ. *Неполнде прозрѣніе истины*; потому что богатства невещественныя имѣютъ свою важность, и необходимы для невещественныхъ. Это доказалъ великій наставникъ человѣчества, опытъ. Послѣ разныхъ испытаній, человѣчество увидѣло, что прежде всего надобно обезпечить матеріяльное свое существованіе, и что за симъ обезпеченіемъ приходятъ, такъ сказать, сами собою всѣ прочія улучшенія. Подлинно, за физическимъ благосостояніемъ слѣдуетъ и самое нравственное. Древніе философы-законодатели внушали, и принуждали, искать счастія, не во внѣшнихъ предметахъ, а внутри самого себя: они не достигли своей цѣли; потому что законы, ими составленные, несогласны съ природою человѣческою. Безъ внѣшнихъ предметовъ, то есть безъ того, что составляетъ довольство, человѣкъ не имѣетъ ни охоты, ни способности, заниматься внутреннимъ своимъ состояніемъ; онъ становится *грубъ* по всѣмъ отношеніямъ, не только по тѣлу, но по уму и сердцу. Древніе законодатели не постигли этого; и со всѣмъ своимъ желаніемъ улучшить родъ человѣческій, сдѣлали гораздо болѣе вреда ему, нежели пользы; потому что преградили ему, на долгое время, настоящій путь къ совершен-

ствованiю. Только въ новыя времена, *Смиѳъ* (*), *Бенѳамъ* и подобные, основавшiе на внѣшнихъ

(*) Пользуемся, по примѣру нѣкоторыхъ, буквою ѳ для представленiя англiйскихъ буквъ th. Мы говорили уже нѣкогда публикѣ о надобности употреблять нѣкоторыя средства, кромѣ находящихся въ нашей азбукѣ, для правильнѣйшаго, сколько возможно, изображенiя иностранныхъ словъ, передаваемыхъ по русски безъ перевода. Согласно съ этимъ, отличаемъ и здѣсь, въ словахъ, взятыхъ изъ иностраннаго языка, букву г особеннымъ знакомъ, всякой разъ, когда она выговаривается какъ латинская буква h, и оставляемъ ее просто, безъ всякаго значка, когда она отвѣчаетъ латинскому g. Мы слѣдуемъ, въ семъ случаѣ, наставленiю Палласа, который чувствовалъ недостатокъ, въ русской азбукѣ, буквы, отвѣчающей латинскому h, и предложилъ писать русскiй г съ седилью когда г выговаривается какъ лат. h (см. *Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчiй*; Часть, I; Explicatio litterarum alphabeti Rossici). Но такъ какъ седиль имѣетъ, въ нѣкоторыхъ европейскихъ азбукахъ, свое особенное назначенiе; то мы замѣнили сей значекъ надбуквеннымъ греческимъ, такъ называемымъ, *густымъ придыханiемъ* (ʽ), отвѣчающимъ, какъ извѣстно, латинскому h; пишемъ напр. Гигiена. Для изображенiя французскаго носоваго n (напр. въ словѣ *Cousin*) мы употребляли, въ первомъ изданiи сей книжки, русскiй *н* съ прибавленiемъ

предметахъ, на непосредственной пользѣ все благосостояніе человѣка, самую силу и достоинство его души, сдѣлались истинными благодѣтелями людей. Отнынѣ *польза* составляетъ, и должна составлять, главную пружину дѣятельности человѣческой. Но тѣ превратно поняли бы сіе ученіе, которые заключили бы, что оно основано на грубомъ эпикуреизмѣ. Рѣчь идетъ не о томъ, что̀ составляетъ достоинство человѣка, но о томъ, какъ можно его достигнуть. Религія и нравственность составляютъ, безъ сомнѣнія, высшую цѣль совершенствованія человѣческаго; но сія цѣль не достигается химерическою утопіею древнихъ философовъ.

къ нему апострофа (н'), полагая, что буква *n* произносится здѣсь, какъ думаютъ нѣкоторые французскіе грамматисты, не вполнѣ, а усѣченно, и что усѣченіе это можетъ изобразиться прилично апострофомъ. Но извѣстный египтологъ нашъ, И. А. *Гульяновъ*, доказалъ мнѣ, изустно, что во французской носовой буквѣ *n*, кромѣ *словесной*, какъ онъ называетъ, *стихіи*, выражаемой русскимъ *н*, находится еще часть *стихіи*, выражаемой буквою *г*; такъ что французскій *n* есть скрытно — сложная буква, отъ которой стихія *г* не совсѣмъ еще отдѣлилась. Поэтому мы пишемъ теперь н̆, вмѣсто прежняго *н'*, въ непереводимыхъ французскихъ словахъ.

Читатель, надѣемся, извинитъ насъ за это длинное замѣчаніе, принявъ въ разсужденіе, что отчетливость нужна во всякомъ случаѣ.

Впрочемъ несправедливо было бы обвинять сихъ философовъ; они поступали, какъ должны были поступать, разумно и благонамѣренно. Только многостолѣтняя опытность, которой не льзя было имѣть имъ, могла открыть ихъ заблужденіе, невольное, неизбѣжимое. Какое пространство времени, съ его уроками и бѣдствіями, должно было пройдти, прежде нежели умъ человѣческій могъ сказать, со *Шторхомъ*: « Безъ денегъ общество было бы не только бѣд-« но, но и необразованно; т. е. не только оно « было бы лишено богатства, но и просвѣще-« нія! »

Просвѣщеніе, какъ умственное такъ и общественное, произведенное философами, было неполное, одностороннее; потому что основывалось на неполномъ понятіи онаго. Но какъ могли философы произвесть просвѣщеніе? Развѣ кромѣ ихъ, не было другихъ людей съ собственною волею и разумомъ? Развѣ современники философовъ не могли поступать иначе, какъ по ихъ предписаніямъ?

Массы народа ничего не производятъ сами собою: такъ какъ каменьщики не строятъ домовъ; ихъ строятъ архитекторы. Подъ массою народа разумѣемъ не только нисшій классъ онаго въ обществѣ; но и вообще всѣхъ тѣхъ, которые не отличаются отъ прочихъ особен-

ною умственною силою и дѣятельностью. Массы народа осуждены идти всегда подъ чужимъ руководствомъ; потому что, безъ чужаго руководства, онѣ не знали бы куда идти. Онѣ это чувствуютъ (ибо имѣютъ для сего довольно разсудка, почти инстинкта), и располагаютъ своими дѣйствіями по плану, не ими составленному, не имъ собственно принадлежащему. Умъ ихъ покоряется слѣпо другому уму, сильнѣйшему, чѣмъ ихъ собственный. Надъ нисшею народною массою, т. е. надъ необразованнѣйшею, стоятъ другія массы людей, образованнѣе ея; но сіи сами, въ свою очередь, находятся подъ вліяніемъ другихъ умовъ, которые еще выше; и сія умственная іерархія восходитъ наконецъ до того малаго числа умовъ избранныхъ, гдѣ родятся идеи, дѣлающіяся, въ послѣдствіи, общественнымъ мнѣніемъ. Могущество общественнаго мнѣнія извѣстно; но оно, говоримъ мы, происходитъ первоначально отъ немногихъ мыслителей. Ихъ то отвлеченія превращаются въ дѣйствительность. Они кажутся недѣятельными, погрузившимися только въ умозрѣнія; и однако двигаютъ душами съ силою непреодолимою. Повелѣвая не столько настоящимъ, сколько будущимъ, они образуютъ участь человѣческую. Напрасно матеріяльная сила захотѣла бы бороться съ ихъ силою невещественною; рано или поздно, но

неизбѣжимо, идея становится существенностію.

Такимъ образомъ древніе философы могли создать всю цивилизацію своего времени; и должны были создать ее, какъ сказано выше, неполною, одностороннею. Духъ сей цивилизаціи былъ выраженъ на храмѣ Апполлона дельфійскаго славнымъ *Анаксагоросымъ* изрѣченіемъ: *познай самого себя*, изрѣченіемъ, которое не имѣетъ уже, въ новыя времена, прежняго великаго значенія; потому что оно слишкомъ тѣсно для новой цивилизаціи, и не можетъ служить ей основаніемъ.

Новая цивилизація утверждается на основаніи, гораздо обширнѣйшемъ, на познаніи людей; оттого многія древнія истины совершенно преобразились. Мы будемъ доказывать ниже, что благотворительность можетъ производить, въ обществѣ болѣе вреда, нежели многіе изъ пороковъ; и однако благотворительность есть прекрасная добродѣтель въ сердцѣ человѣка. Что измѣнило такъ ея свойство? Познаніе людей. Приведемъ другой примѣръ. Прощеніе обидъ есть высокая добродѣтель: но человѣкъ въ обществѣ часто не имѣетъ права приводить въ исполненіе сію добродѣтель; онъ можетъ, и долженъ, сожалѣть въ душѣ своей о непріятелѣ, и однако обязанъ, для пользы ближняго или соотечественника, искать его наказанія, и

не успокоиться до тѣхъ поръ, пока непріятель не получитъ сего наказанія. И такъ далѣе. Вообще: неопредѣленность *множества* управляется другими законами, нежели опредѣленность *единства*. Нуль въ высшей математикѣ имѣетъ уже совсѣмъ не то значеніе, какое имѣетъ въ простой ариѳметикѣ. И въ философіи мы находимъ напр., что *вѣчное есть ничто природы* (*); но это не обыкновенное ничто, а то, изъ котораго Богъ сотворилъ, какъ учитъ *Моисей*, небо и землю. Такъ различны, противоположны, стороны одной и той же вещи, когда она разсматривается съ двухъ точекъ зрѣнія, съ ограниченной и неограниченной! Новая цивилизація постигла это; и все древнее измѣнилось. *Познай себя и общество*: вотъ правило новыхъ временъ, правило, въ которомъ познаніе самого себя, такъ сказать, помножается познаніемъ людей. Какъ ни обширно такое правило, оно однако есть приготовленіе только къ другому, еще обширнѣйшему: *познай человѣчество.* Но объ этомъ послѣ.

Возвращаемся къ тому, съ чего начали, къ тому именно, что законы общества требуютъ особеннаго для себя воспитанія, или, справедли-

---

(*) « Das Ewige ist das Nichts der Natur. » *Oken.*

вѣе сказать, они требуютъ особенныхъ приложеній воспитанія: ибо воспитаніе не можетъ быть ничѣмъ другимъ какъ развитіемъ тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей; только способности сіи должны быть, по законамъ общества, приспособлены къ его пользѣ; при чемъ можетъ иногда страдать польза человѣка частнаго.

Чтобы не пропустить ничего изъ раздѣленія воспитанія, я долженъ еще упомянуть о такъ называемомъ *свѣтскомъ* воспитаніи. Это также прикладное воспитаніе, т. е, приспособленное къ обществу; но оно приспособлено не къ тѣмъ высокимъ требованіямъ общества, которыми развивается человѣчество; а къ требованіямъ внѣшнихъ знаковъ благовоспитанности. Оно состоитъ, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ пріемахъ, непринужденныхъ, красивыхъ, въ нѣкоторыхъ предосторожностяхъ рѣчи и поступковъ, называемыхъ приличіями, въ знаніи и исполненіи, сколько надобно, правилъ моды, и пр., и пр. По существу своему, оно ничтожно; ибо учитъ только тому, чѣмъ казаться, а не тому, чѣмъ быть; казаться напр. красивымъ, снисходительнымъ, услужливымъ, и проч.; оно есть ничто иное какъ призракъ, маска истинной благовоспитанности, сообщающей человѣку дѣйствительно помянутыя качества: однако

и оно нужно. Королева *Христина* говорила о *Сомезѣ*, что онъ зналъ на всѣхъ языкахъ слово: стулъ, но не зналъ, какъ на него садиться; *Сомезу* не дурно было бы знать и послѣднее.

Остановимся здѣсь, и повторимъ короткими словами, безъ дальнѣйшихъ объясненій, главныя раздѣленія воспитанія.

По числу коренныхъ способностей человѣка, воспитаніе можетъ быть трехъ родовъ:

Физическое,
Умственное,
Нравственное.

Къ физическому воспитанію относятся:

Г*игіена*,
Гимнастика.

Къ умственному:

Обученія промышленностныя (воспитаніе промышленностное),
Искуства, и словесность, изящныя (воспитаніе эстетическое, изящно-искуственное, изящно-словесное),
Науки собственно (воспитаніе ученое, сціентифическое).

Къ нравственному:

Нравственность собственно (воспитаніе нравственное),

Религія (воспитаніе религіозное).

Къ прикладному воспитанію принадлежатъ:

Общественное или *гражданское*,

Свѣтское.

Здѣсь заключается полный кругъ воспитанія человѣческаго. Каждая изъ частей онаго имѣетъ свои особенные законы; и что хорошо для одной, то можетъ быть дурно для другой: хотя всѣ онѣ, для совершенства своего, требуютъ непремѣнно взаимнаго вспомоществованія. Не будемъ больше говорить объ общемъ ихъ единствѣ, и вліяніи одной на другую. Перейдемъ къ той частности, которую мы избрали предметомъ своего разсужденія. Впрочемъ многія положенія, которыя скажутся здѣсь о умственномъ воспитаніи, могутъ относиться и къ воспитанію вообще.

Второй отрывокъ.

Сила просвѣщенія въ послѣдніе вѣка, въ послѣдній вѣкъ особенно, сдѣлала великіе успѣхи, и дала, необыкновенное дотолѣ, движеніе всему свѣту, касательно понятій и нравовъ. Сіи успѣхи безпрестанно возрастаютъ какъ бы геометрическою, какъ мы выше сказали, прогрессіею.

По мѣрѣ ихъ возрастанія, животный человѣкъ вытѣсняется отвсюду умственнымъ, и принужденъ страдать въ свою очередь. Это справедливо не только въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ цѣлымъ народамъ. Непросвѣщенные народы уступаютъ по неволѣ свое мѣсто просвѣщеннымъ; вспомнимъ о дикихъ сосѣдахъ Англо-Американцевъ. Сколько уже краевъ земнаго шара, назначенныхъ первоначально отъ природы въ жилище *цвѣтнымъ* поколѣніямъ человѣческимъ, занято теперь *бѣлымъ* поколѣніемъ, т. е. просвѣщеннѣйшимъ, слѣдовательно сильнѣйшимъ! *Бѣлый* человѣкъ, audax *Japeti* genus, какъ называетъ его *Горацій*, завоевываетъ себѣ міръ. Думаемъ, что, со временемъ, останется на земномъ шарѣ одно только человѣческое поколѣніе, Кавказское, или даже, можетъ быть, та только отрасль сего поколѣнія, которая разовьется сильнѣе прочихъ. Если это такъ будетъ, то который изъ европейскихъ, или азіятскихъ, народовъ населитъ землю? Не теперь можно человѣчески сдѣлать вѣрное заключеніе объ этомъ предметѣ; вѣроятно, человѣчество испытаетъ еще многія перемѣны въ силахъ его народовъ, прежде нежели который нибудь изъ сихъ народовъ рѣшительно возобладаетъ надъ всѣми другими. Впрочемъ Библія уже рѣшила сей вопросъ, обѣщавъ всю землю сѣмени *Авраама* (Бытія, книга 1-я: XII, 2,

3, 7; XVII, 6, 8; XVIII, 18, XXII, 17; XXVI, 4). Замѣтимъ, что безпримѣрная характерность Іудейскаго народа, неизгладимая его пребываемость, вопреки всѣмъ враждебнымъ, разрушительнымъ вліяніямъ, разсѣяніе по земному шару, какъ бы для того, чтобы собирать нечувствительно всѣ роды цивилизаціи, для удобнѣйшаго ихъ потомъ соединенія въ одно цѣлое, общее — могутъ служить намеками будущей участи Евреевъ для историка.

Третій отрывокъ.

Припомнимъ, какіе предметы входятъ въ кругъ умственнаго образованія. Сіи предметы, какъ мы видѣли, на стр. , суть:

Обученія промышленностныя,

Искуства, и словесность, изящныя,

Науки собственно.

Здѣсь вся энциклопедія. Но полная энциклопедія есть наука, не отдѣльныхъ людей, а рода человѣческаго. Для людей возможны только нѣкоторые отрывки сей великой науки.

Если сіи отрывки, различныхъ между собою родовъ, приспособлены одни къ другимъ такъ, что объясняя и пополняя себя взаимно, обращены къ одной какой нибудь цѣли; то составляютъ систему наукъ, или, точнѣе, систему ученія. Свѣдѣнія, не связанныя между собою взаимною необходимостью, и не устремленныя къ одной общей цѣли, не составляютъ *системы*, какъ бы они многочисленны ни были, и остаются, такъ сказать, безжизненными: это груды матеріяла, хаосъ, rudis indigestaque moles; система оживляетъ ихъ, приводя въ одно стройное цѣлое.

Не трудно понять, что лучшая система ученія должна быть такою совокупностью разныхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ энциклопедіи, которая въ самое короткое время, и самымъ легкимъ образомъ, доводитъ до предполагаемой цѣли. Если къ симъ свѣдѣніямъ присоединены будутъ излишнія, т. е. такія, которыя затрудняютъ достиженіе цѣли, останавливая на себѣ, безъ необходимости, стремящагося къ ней; то система, принявшая ихъ въ себя, не имѣетъ права назваться хорошею. Система будетъ дурна также, если не войдутъ въ составъ ея *всѣ* свѣдѣнія, необходимыя для полнаго успѣха. Итакъ система ученія, чтобъ быть совершенною, должна избѣгнуть упрека, какъ въ излишествѣ,

такъ и въ недостаткѣ, ея свѣдѣній. Но какъ избѣгнуть сего упрека, и не пропустить ничего истинно нужнаго, не допустивъ ничего излишняго? Вопросъ важный, такъ сказать, органическій; ибо на немъ основана причина успѣха.

Въ новыя времена, когда кругъ наукъ сдѣлался весьма обширнымъ, родилась, въ общественномъ мнѣніи, необходимость усовершенствовать *методу* ученія, для того чтобы сколько возможно легче пріобрѣтать необходимыя свѣдѣнія. Много было предложено различныхъ методъ, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, и до сихъ поръ продолжаютъ онѣ предлагаться. Повсемственное требованіе общества, и поощреніе Правительствъ, обращаютъ вездѣ дѣятельность ума на предметъ сей. Во Франціи, въ 1828-мъ году, когда *Ватимениль* былъ министромъ Просвѣщенія, составлена была особая коммисія для сличенія и разобранія методъ. Но какъ ни полезно изысканіе того, что нужно для скорѣйшаго успѣха въ наукахъ; однако еще полезнѣе заняться напередъ тѣмъ, какимъ наукамъ надобно учиться. *Система* наукъ должна предшествовать *методѣ* ученія. Метода есть ничто иное какъ средство для пріобрѣтенія свѣдѣній; какая же польза въ методѣ, если не опредѣлены еще, или худо опредѣлены, тѣ

свѣдѣнія, для которыхъ она служить должна, какъ орудіе? Сперва нужно разобрать, *чему* учиться, потомъ уже — *какъ* учиться.

Совершенство системы ученія требуетъ, какъ мы видѣли, что бы въ ней заключалась *полнота свѣдѣній, безъ излишества*. Замѣтимъ сперва, что мы говоримъ здѣсь, и будемъ говорить еще, о системѣ ученія, какъ бы алгебраическимъ способомъ, въ общихъ формулахъ, безъ приложеній дѣйствительныхъ. Само по себѣ разумѣется, что система ученія, для каждаго особеннаго человѣка, должна имѣть свою особенность, и приспособляться къ его индивидуальнымъ надобностямъ; и что слѣдовательно сколько будетъ людей, столько должно быть системъ для умственнаго ихъ образованія. Но вся сія безчисленность системъ управляется одними общими законами. Итакъ погрузимся въ ихъ метафизику. Это нужно для того, чтобъ дѣлать потомъ выводы для приложеній, не на удачу, не слѣпо, или по прихоти, а по убѣжденію разума, по необходимости.

Повторимъ еще: совершенство системы ученія требуетъ, что бы въ ней заключалась *полнота свѣдѣній*, *безъ излишества*. Спрашивается: какія же свѣдѣнія нужны, и какія излишни или ненужны? Нужны, безъ сомнѣнія, только свѣдѣ-

нія *полезныя*, т. е. тѣ, которыя могутъ служить къ удовлетворенію нуждъ. Еслибъ кому нибудь нѣкоторыя обстоятельства, родъ жизни, собственныя способности, вообще наружныя или внутреннія средства, препятствовали употребить въ свою, душевную или тѣлесную, пользу свѣдѣнія какой нибудь науки: то какъ бы сія наука ни была превосходна, какія бы прекрасныя истины, или высокія свѣдѣнія, ни заключала въ себѣ; однако она была бы для него совершенно излишнею, или, лучше сказать, вредною; ибо убила бы понапрасну часть его жизни, вытѣснивъ собою занятія другія, для него полезнѣйшія. Итакъ не всѣ науки полезны для всякаго; и каждый долженъ учиться тому только, что̀ согласно съ его нуждами, избѣгая всего, что̀ не отвѣчаетъ симъ нуждамъ.

Безчисленны и разнообразны нужды человѣческія. Но что̀ необходимо одному, въ томъ часто другой не имѣетъ никакой надобности; у всякаго свои обязанности. Есть однако обязанности общія для всѣхъ, обязанности которыхъ никто избѣгнуть не долженъ. Онѣ состоятъ въ томъ, чтобъ быть полезнымъ *человѣчеству*, *отечеству* и *самому себѣ*.

Долгъ къ самому себѣ требуетъ того, чтобъ раскрывать свои тѣлесныя, умственныя и нравственныя способности, и удовлетворять имъ

Тотъ недостоинъ былъ бы имени человѣка, кто съ намѣреніемъ погубилъ бы въ себѣ сіи способности. Такое самоубійство осуждается здравымъ смысломъ и нравственностью. Человѣкъ, въ которомъ способности его не раскрыты, представляетъ собою только подобіе человѣка. Но вина въ семъ случаѣ, если не онъ самъ причиною своего несчастія, лежитъ на отвѣтственности тѣхъ, которые могли вывести его изъ жалкаго состоянія, и пренебрегли это сдѣлать.

Долгъ къ отечеству требуетъ того, чтобъ дѣлиться съ нимъ своими способностями. Для этого надобно образовать свои способности такъ, чтобъ онѣ наиболѣе могли принести пользы отечеству, хотя бы и страдали отъ того собственныя свои выгоды. Безумно жертвовать своими выгодами безполезно для отечества; еще безумнѣе жертвовать ими ко вреду его: но жертвовать ими къ его пользѣ согласно столько же съ вѣчными законами разсудка, какъ и съ законами человѣческими; ибо отечество необходимо для каждаго изъ сыновъ его. Что есть отечество? Оно не есть земля только, на которой человѣкъ живетъ; оно есть идея, развивающаяся въ религіи, въ государственномъ тѣлоустройствѣ, законахъ, искуствахъ, языкѣ, наукахъ, нравахъ, того народа, къ которому человѣкъ принадлежитъ, и для физическаго

благосостоянія котораго служитъ извѣстная доля водъ и земель съ ихъ животными, растительными и минеральными произведеніями. Сіи произведенія, кромѣ физической пользы (*), имѣютъ еще пользу нравственную, содѣйствуя, своимъ образомъ, къ развитію общей идеи народа; потому заключены сугубо въ кругѣ той симпатіи, которая объемлетъ все принадлежащее къ отечеству, все ему споспѣшествующее, все отечественное. Мы видѣли уже (стр.), что гдѣ чувство, тамъ и долгъ. Но видѣли также, что долгъ основывается не на одномъ только неопредѣлительномъ расположеніи сердца, а на положительныхъ началахъ разсудка. И патріотизмъ можетъ быть также ложнымъ, или недостигающимъ своей цѣли, какъ неумѣстная благотворительность. Между благотворительностью и патріотизмомъ много подобнаго. Презрѣнна притворная благотворительность; презрѣнна и притворная любовь къ отечеству: но та и другая неизъяснимо облагороживаютъ душу, когда онѣ чисты.

(*) Благодарность народа почти благоговѣетъ передъ всѣмъ тѣмъ, что необходимо для поддержанія физической жизни.

Долгъ къ человѣчеству требуетъ того, чтобъ принести себя на жертву ему. Это высокій долгъ! Кто не уважитъ словъ, произнесенныхъ въ Россійской Академіи однимъ изъ знаменитыхъ членовъ ея: «Хорошо писать для Россіянъ; «еще лучше писать для всѣхъ людей?» Кто не согласится съ словами, еще примѣчательнѣйшими, тѣмъ же и тамъ же сказанными: «и «жизнь наша и жизнь имперій должны содѣй-«ствовать раскрытію великихъ способностей «души человѣческой (*)?» Человѣчеству служатъ всѣ, даже и тѣ, которые вовсе не думаютъ объ этомъ. Не ищетъ ли каждый, почти непроизвольно, сообщить другимъ все что̀ произошло новаго въ душѣ его, все что̀, по его самочувствію, расширило, улучшило его умъ или сердце. Всякое важное открытіе, всякое высокое чувство, все кажущееся намъ усовершенствованіемъ существа нашего, пріобрѣтеніемъ для способностей, становится для насъ тяжестью, если мы не раздѣлимъ его съ другими, со всѣми. Одна ли слава заставляетъ пи-

(*) Рѣчь *Карамзина*, произнесенная, 5-го декабря 1818 года, въ Собраніи Россійской Академіи.

сателя искать публичности? (*) Одна ли слава влечетъ даже завоевателя на поле сраженія, къ ужасамъ войны? Нѣтъ, прежде славы, еще есть въ душѣ побужденіе, образовать міръ по своему, перенести себя самое въ сей міръ, и вмѣстѣ съ нимъ въ одно соединиться. Всѣ сіи частныя покушенія людей излиться въ общее, и возвысить общее до высоты собственной, необходимы для человѣчества; потому что безъ нихъ человѣчество не могло бы совершенствоваться. Усилія слабыя, или вредныя, побѣждаются усиліями сильными или полезными; и родъ человѣческій подвигается безпрестанно къ той степени совершенства, которая назначена ему свыше. Постепенное развитіе человѣчества есть тотъ высокій выводъ историческій, который постигнутъ умомъ, и провозглашенъ, въ новыя времена. Теперь мы ясно понимаемъ, что прошед-

---

(*) Журналистика хлещетъ бичемъ критики ту бездарную толпу писателей, которые наводняютъ литтературу незначущими своими произведеніями. Она дѣлаетъ хорошо; потому что не надобно хвалить не заслуживающаго похвалы. Но журналистика не должна удивляться сему пустоцвѣту литтературы; не должна негодовать на него: потому что онъ основанъ на одномъ изъ свойствъ души человѣческой. Уничтожьте въ человѣкѣ расположеніе публиковать вздоръ, и вы уничтожите вмѣстѣ этимъ

шіе вѣки трудились для насъ, и что мы, въ свою очередь, трудимся для вѣковъ будущихъ. Безъ предшественниковъ нашихъ мы не могли бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ теперь пользуемся; и потомство наше, только съ нашею помощью, будетъ наслаждаться своими выгодами. Человѣкъ опредѣленъ для человѣчества, и настоящее опредѣлено для будущаго; все для вѣчности.

Но что человѣкъ дѣлалъ до сихъ поръ по инстинкту, то будетъ дѣлать нѣкогда по произволенію. Прежде однако надобно ему постигнуть ту высокую истину, что жизнь индивидуальная должна быть принесена на жертву общей жизни; надобно убѣдиться въ сей истинѣ; надобно рѣшиться поступать согласно съ нею; надобно наконецъ научиться поступать

и самую возможность успѣховъ разума; однимъ ударомъ вы убьете и *Коперника* и *Разрушителя коперниковой системы* (Библіографіи извѣстно русское сочиненіе: *Разрушеніе коперниковой системы, соч. священника I. А.* Москва, 1815). Здѣсь не мѣсто входить въ объясненія, почему, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, появляются во множествѣ тѣ или другіе роды негодныхъ сочиненій; довольно замѣтить, что они указываютъ на высокую черту души человѣческой, стремиться къ общности, погружаться въ человѣчество.

такъ. Постигнуть истину, убѣдиться въ ней, обратить теорію въ практику, и учиться этому, суть разныя степени совершенства образованія человѣческаго. Высшая изъ нихъ конечно будетъ та, когда человѣкъ пріобрѣтетъ умѣнье жертвовать собою произвольно въ пользу человѣчества. Тогда достигнется цѣль земнаго его пребыванія. Она еще далеко не достигнута; любовь къ личной жизни во всей еще ея силѣ. Душа смущается отъ мысли считать ни вочто собственное свое благо, и искать его только въ благѣ общемъ. Но дума, въ глубинѣ своей, чтитъ сію великую жертву, удивляется ей, одобряетъ ее, хотя бы и не имѣла силъ, которыхъ сія жертва требуетъ. Сей внутренній голосъ души въ пользу пожертвованія себя человѣчеству есть порука будущаго ея совершенства; это неугасимая искра священнаго огня, которая сдѣлается нѣкогда пламенемъ. Но теперь еще сія искра рдѣетъ среди мрака, какъ первая полоса зари, предвозвѣстницы солнца, которымъ ночь превратится въ день (*).

(*) О высокой истинѣ личнаго пожертвованія въ пользу человѣчества, читатель можетъ найдти много поучительнаго въ книгѣ: Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters; dargestellt von *Iohann Fichte*, in Vorlesungen, gehalten zu Berlin, im Jahre 1804—1805. Berlin, 1806 in-8 min.

Три обязанности, изображенныя теперь нами, именно обязанности: быть полезнымъ человѣчеству, отечеству и самому себѣ, служатъ основаніемъ всѣмъ прочимъ; всѣ прочія обязанности составляютъ только приложеніе сихъ трехъ главныхъ. Поэтому система ученія была бы не полною, если-бы не заключала въ себѣ всѣхъ свѣдѣній, нужныхъ для человѣчества, отечества и личности учащагося.

Кромѣ свѣдѣній самостоятельныхъ, составляющихъ истинное *знаніе*, есть еще свѣдѣнія вспомогательныя, которыя необходимы для пріобрѣтенія *знанія*; таковы на примѣръ: чтенье, писанье, иностранные языки, и т. д. Очевидно, что все это орудія для *знанія*, а не собственно *знаніе*. — Сверхъ того и самыя самостоятельныя свѣдѣнія могутъ служить необходимою ступенью для другихъ, т. е. быть вспомогательными.—Нѣтъ сомнѣнія, что вспомогательныя свѣдѣнія должны также войдти непремѣнно въ систему ученія.

Соединивъ оба сіи рода свѣдѣній, и самостоятельныя и вспомогательныя, что̀ получаемъ? Получаемъ опять полную энциклопедію. Но полная энциклопедія не возможна ни для кого. Слѣдовательно система ученія должна, по необходимости, ограничиться, не вообще полезными свѣдѣніями, а *возможно* полезными.

Исключимъ же изъ энциклопедіи, для системы ученія, *невозможныя* свѣдѣнія.

Къ *невозможнымъ* принадлежатъ конечно тѣ свѣдѣнія, которыя несовмѣстны съ тѣлесною или душевною организаціею учащагося. Силы человѣка различны въ различныхъ періодахъ его жизни; и что можетъ сдѣлать одинъ возрастъ, того не можетъ сдѣлать другой. Напрасно вы стали бы учить метафизикѣ трехлѣтняго младенца; какъ бы вы не старались ему растолковать ея, онъ ея не пойметъ: метафизика невозможна для него. Это очевидно. Итакъ въ *систему ученія* должны входить свѣдѣнія *только совмѣстныя съ организаціею учащагося*, а всѣ несовмѣстныя съ нею должны быть исключены изъ нея.

Далѣе: возможныя, по организаціи, свѣдѣнія не всѣ могутъ быть пріобрѣтены каждымъ; потому что не достало бы цѣлой жизни для ихъ пріобрѣтенія. Достанетъ ли напримѣръ жизни для одного только изученія всѣхъ, живыхъ и мертвыхъ, языковъ? Это приводитъ насъ къ заключенію о другаго рода *невозможности* нѣкоторыхъ свѣдѣній; о невозможности ихъ, не по несообразности съ организаціею учащагося, а съ временемъ, которое онъ можетъ употребить для нихъ Итакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія *только совмѣстныя съ воз-*

можнымъ пожертвованіемъ времени учащагося, а всѣ несовмѣстныя съ нимъ должны быть исключены изъ нея.

Мы видимъ здѣсь необходимость исключить изъ *системы ученія* нѣкоторыя свѣдѣнія, не смотря на то, что они совмѣстны съ организаціею учащагося. Какія исключимъ? Было бы противно здравому смыслу не дать преимущества свѣдѣніямъ полезнѣйшимъ предъ прочими. Поэтому свѣдѣнія не столь полезныя, какъ прочія, становятся также, своимъ образомъ, въ разрядъ невозможныхъ; ибо здравый смыслъ отвергаетъ ихъ. Итакъ въ *систему ученія* должны входить свѣдѣнія *только наиполезнѣйшія*, а всѣ не столь полезныя должны быть исключены изъ нея.

Какія свѣдѣнія наиполезнѣйшія? Пользу ихъ, какъ мы видѣли, должно искать относительно: 1) себя или личности, 2) отечества, 3) человѣчества и 4) также относительно ихъ самихъ собственно, какъ *орудій*. Опредѣлимъ, какія свѣдѣнія полезнѣе прочихъ, по симъ четыремъ отношеніямъ.

1) Наиполезнѣйшія науки *относительно личности* человѣка. Цѣль личнаго воспитанія состоитъ въ раскрытіи и усовершенствованіи тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ спо-

собностей человѣка, такъ чтобъ быть: по тѣлу, здоровымъ и крѣпкимъ — по уму, просвѣщеннымъ и умнымъ — по волѣ, добрымъ и благочестивымъ. Средство для этого состоитъ въ томъ, чтобъ:

Упражнять тѣлесныя и душевныя способности; потому что способности погибаютъ отъ неупражненія, а отъ упражненія совершенствуются. Оставьте руку вашу, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, безъ всякаго движенія; сей произвольный параличь руки кончится дѣйствительнымъ параличемъ ея. Тоже можно сказать и о всѣхъ прочихъ душевныхъ и тѣлесныхъ способностяхъ. Упражненіе, напротивъ того, увеличиваетъ ихъ силу, и можетъ довести ее до высокой, удивительной степени.

При этомъ не надобно забывать, что воспитаніе только раскрываетъ и совершенствуетъ способности, а не даетъ ихъ. Большая ошибка, учить дѣтей тому, къ чему они не имѣютъ способности. Можно ли напримѣръ выучить прекрасно танцовать того, кому природа отказала въ граціи? Кто неспособенъ къ наукамъ, тотъ лучше сдѣлаетъ, если посвятитъ себя, не имъ, а какому нибудь художеству или ремеслу, къ которому онъ наиболѣе сроденъ. Природа дала каждому человѣку способность къ чему нибудь полезному; старайтесь рас-

крыть сію способность, и откажитесь отъ тахихъ, въ которыхъ вамъ уже отказано. Трудно узнать въ ребенкѣ будущія его способности. Часто родители обманываются на этотъ счетъ; часто они (съ сожалѣніемъ мы просимъ ихъ замѣтить это) предполагаютъ въ дѣтяхъ своихъ необыкновенныя способности изъ живости рѣчей ихъ, и въ неумолкаемомъ лепетаніи видятъ признаки будущаго ихъ генія. Случается, что сначала такія дѣти и дѣйствительно оказываютъ большіе успѣхи въ ученьи: но потомъ они начинаютъ тупѣть; перестаютъ любить науки, получаютъ даже къ нимъ непобѣдимое отвращеніе; и безпрестанно болѣе и болѣе, такъ сказать, глупѣютъ, обманувъ совершенно надежды и мечты родительскія. Тогда какъ другіе напротивъ, не обнаруживавши сперва ничего блистательнаго, казавшіеся, долгое время, неспособными къ наукамъ, вдругъ начинаютъ учиться отлично; пользуются ревностно внезапнымъ почти и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей; ищутъ успѣховъ, какъ удовольствій; и, въ короткое время, далеко обгоняютъ тѣхъ, которые прежде были впереди ихъ. Такіе примѣры часты. Есть знаменитый примѣръ: *Наполеонъ* въ Бріеньскомъ училищѣ не блисталъ передъ прочими товарищами своими звѣздою; блисталъ, и затмѣвалъ *Наполеона Бурьенъ*; но *Бурьенъ* вышелъ въ послѣдствіи

времени человѣкомъ обыкновеннаго ума (какъ доказалъ это собственными своими *Записками*); а *Наполеонъ* перегналъ и товарищей своихъ, и современниковъ. Вообще молчаливыя и характерныя дѣти, кажущіяся обыкновенно непроницательному наблюдателю тупыми, обѣщаютъ больше, нежели живыя, бойкія на словахъ и повидимому даровитыя. По трудности опредѣлить напередъ будущія способности въ маловозрастныхъ (и за возрастнаго не всегда можно ручаться) остается вѣрнаго только то, чтобы стараться извлечь наибольшую пользу изъ настоящихъ способностей, принявъ всѣ возможныя предосторожности для будущихъ. Другаго дѣлать нечего.

Между тѣлесными органами особенно важны для души органы чувствъ. Поэтому нужно особенно:

Совершенствовать органы чувствъ; ибо отъ нихъ чрезвычайно много зависитъ физическое и моральное благосостояніе человѣка. Всякое чувство есть источникъ безчисленныхъ наслажденій; съ потерею какого нибудь чувства теряется для человѣка какъ бы часть вселенной. Между чувствами важно особенно чувство зрѣнія: его впечатлѣнія, какъ доказываетъ физіологія, суть самыя ясныя и постоянныя изъ всѣхъ другихъ чувственныхъ впечатлѣній; они почти

всегда наполняютъ душу человѣческую, не оставляютъ ее даже во снѣ; чего не льзя сказать съ такою справедливостью о прочихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ.

Но такъ какъ жизнь человѣка заключена въ бо̀льшемъ или мѐньшемъ пространствѣ времени; и какъ съ каждою частицею сего пространства силы человѣка измѣняются: то должно измѣняться и самое упражненіе силъ сихъ; для малыхъ силъ нужно малое упражненіе, для большихъ большое; словомъ, надобно:

Упражнять душевныя и тѣлесныя способности соразмѣрно съ ихъ силами; иначе сіи способности потеряются также, какъ и отъ недостатка упражненія. *Ничего слишкомъ:* вотъ условіе и законъ всего полезнаго. Теплота нужна для сохраненія жизни въ тѣлѣ; но теплота, доведенная до степени огня, смертельна для жизни. *Милонъ Кротонскій* имѣлъ большую силу, носилъ на плечахъ быка, и убивалъ его кулакомъ сразу; но захотѣвши разодрать дерево, погибъ. Извѣстно, что *слишкомъ* ученые дѣти живутъ недолго; *Pico della Mirandola*, чудо памяти, труда и учености, который, на 23-мъ году возраста своего, показалъ, съ дѣтскою хвастливостью, и обширность, и неосновательность, своихъ знаній, вызовомъ защищать

противъ всѣхъ ученыхъ, изданныя имъ, 900 предложеній *о всѣхъ предметахъ наукъ* (de omni re scibili), умеръ 32-хъ лѣтъ, въ дряхлости.

Несоразмѣрность упражненій съ силами упражняющагося можно раздѣлить на два рода: 1) на чрезмѣрно продолжительное упражненіе, и 2) на чрезмѣрно тяжелое. И тò и другое излишество почти одинаково вредны.

Теперь приложимъ къ наукамъ собственно тò, чтò говорили здѣсь о воспитаніи вообще. Очевидно, что наиполезнѣйшія свѣдѣнія для личнаго умственнаго воспитанія будутъ тѣ, которыя отвѣчаютъ возрасту учащагося, т. е. тѣлеснымъ и душевнымъ его способностямъ.

Такимъ образомъ (чтобъ объяснить примѣромъ) отвѣчаетъ юношескому возрасту, изъ числа натуральныхъ наукъ, геологія практическими своими геогнозированіями. Сей возрастъ не только требуетъ, какъ дѣтскій, тѣлеснаго движенія, изощренія чувствъ и памяти, но еще большаго упражненія самой души. Для дѣятельности юноши не довольно экскурсій въ видѣ прогулокъ; ему нужны онѣ съ препятствіями, которыя должно побѣдить, съ опасностями, на которыя должно рѣшиться, съ лишеніями разнаго рода удовольствій, которыя надобно пре-

зрѣть. Этого требуетъ душа его, созрѣвшая къ сильнымъ впечатлѣніямъ, къ возвышеннымъ намѣреніямъ; этого она требуетъ, чтобы приготовиться для полнаго развитія тѣла, ума и воли ея. Сіи препятствія, сіи опасности, сіи лишенія, при тѣлесномъ и умственномъ трудѣ, все это соединяется въ геогностическихъ путешествіяхъ. Геогностъ, для успѣховъ своихъ, долженъ рѣшиться: странствовать часто по непроложеннымъ дорогамъ, иногда безъ экипажа, даже безъ лошади; быть готовымъ встрѣтить дикаго звѣря или ядовитую змѣю; терпѣть иногда жажду, иногда голодъ, зной, или стужу; онъ долженъ посѣщать подземныя пещеры — иногда онѣ величественны и прекрасны, но иногда ужасны —; онъ долженъ иногда взбираться, по утесамъ, надъ пропастями, на неприступныя почти мѣста горъ, или опускаться въ жерла вулкановъ, дышащихъ сѣрною кислотою, смрадными испареніями. Но всѣ сіи труды не остаются безъ награды. Внутреннее сознаніе своей отважности и терпѣнія, обогащеніе разума новыми понятіями, надежда сдѣлать полезныя открытія, и пріобрѣсть извѣстность или даже славу, чувствованія души въ то время, когда природа представляется передъ нею въ своемъ величіи, или ужасахъ: это великія наслажденія!

Заключимъ: итакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, *только отвѣчающія способностямъ учащагося*, а всѣ неотвѣчающія имъ должны быть исключены изъ нея.

2. Наиполезнѣйшія науки *относительно отечества*. Мы сказали, что отечество состоитъ въ идеѣ, развиваемой жизнью какого либо народа. Раскроемъ мысль эту.

Человѣчество развивается постепенно. Цѣль сего развитія та, чтобъ достигнуть до возможнаго совершенства. Совершенство человѣчества должно состоять, какъ можно вывести Философически, въ томъ, чтобъ *умѣть произвольно*, т. е. по убѣжденію собственнаго его разума, быть тѣмъ, чѣмъ предопредѣлено ему быть свыше. Если разсмотримъ внимательно слова: *умѣть произвольно*, то найдемъ, что сіи слова предполагаютъ разныя *испытанія*. Можно ли въ самой вещи, безъ разныхъ испытаній, *умѣть произвольно* сдѣлаться совершеннымъ? Слѣдовательно человѣчество, въ развитіи своемъ, пытается, т. е. приводитъ въ исполненіе какую нибудь *идею* для достиженія своего совершенства. Оно пробуетъ разныя идеи, и будетъ пробовать ихъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ до совершенства; тогда только, когда совершенство достигнется, испытанія его кончатся, какъ уже ненужныя.

Хотя идеи, испытываемыя человѣчествомъ, смѣняются, уступая мѣсто однѣ другимъ: однако каждая изъ нихъ необходима; ибо открываетъ часть истины, и приближаетъ человѣчество къ высокой его цѣли.

Нужно ли замѣтить, что мы разсуждаемъ теперь не о такихъ идеяхъ, которыя развиваются въ головѣ или сердцѣ того или другаго человѣка; но о такихъ, которыя никому не принадлежатъ исключительно, а принадлежатъ великимъ массамъ людей, обществу? Очень можетъ случиться, что никто изъ цѣлой массы или общества не будетъ имѣть никакого понятія о сей идеѣ, не смотря на то, что всѣ будутъ содѣйствовать ея развитію. Положимъ, что въ какомъ либо государствѣ должна исполниться идея сплавленія вмѣстѣ многихъ племенъ. Оно, для сего, должно быть, по необходимости, между прочимъ, воинственнымъ. Нужно ли каждому изъ членовъ сего государства знать сію идею, чтобъ умѣть ей содѣйствовать? Нѣтъ. Все необходимое для развитія этой идеи проникнетъ всюду въ такое государство, проникнетъ и въ законы, и въ нравы, и въ воспитаніе, словомъ во всѣ его составы; и однако никто, можетъ быть, не пойметъ этого.

Мы не беремъ на себя объяснять того, какимъ образомъ начинаются сіи *человѣчественныя*

идеи, какое ихъ отличіе отъ идей лично-человѣческихъ, и тому подобнаго; скажемъ то одно, что тамъ только можетъ быть отечество, гдѣ развивается какая нибудь человѣчественная идея. Вотъ причина, почему не всякой народъ имѣетъ свое собственное отечество. Если народъ не можетъ развивать особенной какой нибудь идеи въ пользу человѣчества; то онъ не можетъ составлять и отечества. Есть по этому народы вовсе безъ отечества, какъ большая часть дикихъ племенъ: есть, напротивъ, племена, составляющія многія или разныя отечества; ибо въ нихъ развиваются многія или разныя идеи. Мы видимъ изъ этого важность отечества, и обязанность служить ему. Служа отечеству, мы служимъ самому человѣчеству.

Отечество существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ его идея; а существуетъ она до тѣхъ поръ, пока развивается. Какъ скоро разовьется вся, отечество прекращается; ибо источникъ его жизни, идея, изсякъ. Для него останется тогда одна жизнь, и въ своемъ родѣ безсмертная, въ исторіи. Народъ же или народы его, или, такъ сказать, изныватъ въ ничтожествѣ, или образуются въ другія отечества.

Государство сильно, когда отвѣчаетъ идеѣ отечества; оно слабѣетъ, и идетъ даже къ своей погибели, какъ скоро противится ей. Конечно завоеванія не составляли идеи Франціи, когда и при *Наполеонѣ* она чуть не погибла отъ завоеваній. Она однако не погибла; это знакъ, что стихіи ея идеи сильно проникли въ народъ французскій: сокрушилась только та сила, которая устремлялась преобразовать сію идею. Вулканическій островъ океана поглотилъ остатки великаго представителя сей силы, несогласной съ идеею французскаго отечества. Понятно послѣ этого, почему слишкомъ быстрыя завоеванія непрочны; почему въ могилѣ *Александра* Македонскаго, великаго генія по многимъ отношеніямъ, погребена была та колоссальная монархія, которая изумила міръ и обширностью своею, и быстротою разрушенія.

Спрашивается: чтобъ опредѣлить наиполезнѣйшія науки для отечества, необходимо ли нужно знать его идею? Нѣтъ сомнѣнія, что было бы весьма полезно знать сію идею; потому что знавши ее, можно вѣрнѣе судить о томъ, какія науки согласны съ цѣлью отечества: но

Во первыхъ: трудно, и не всегда возможно, постичь ее; ее трудно опредѣлить и тогда,

когда она много уже обнаружила себя; а какъ предугадать ее, въ самомъ началѣ ея развитія? Между тѣмъ отечество подвигается впередъ безпрерывно; оно не остановится *для* того, чтобы подождать, пока кто нибудь откроетъ его идею, и приспособитъ къ сей идеѣ воспитаніе.

Во вторыхъ: если трудно постичь сію идею; то легко придти въ заблужденіе насчетъ ея, и почесть за настоящую идею отечества свое собственное предположеніе. Всякій видитъ, какая опасность угрожала бы отечеству, если бы воспитаніе въ немъ расположено было по какому нибудь несправедливому предположенію сего рода. Къ счастію, здравый смыслъ такъ возмущается противъ этого, что едва ли кто нибудь, въ нынѣшнія времена, кромѣ мечтателя, захотѣлъ бы привести въ исполненіе столь важный планъ, основанный на невѣрныхъ только догадкахъ.

Въ третьихъ: знать идею отечества недостаточно для опредѣленія воспитанія; потому что идея сія, развиваясь, измѣняетъ безпрестанно наружный видъ свой. Отъ одного поколѣнія она требуетъ, можетъ быть, болѣе физической силы, нежели умственной; отъ другаго напротивъ; и притомъ требуетъ она,

можетъ быть, что бы физическая или умственная сила была обращена, въ одномъ вѣкѣ, на такой предметъ, на который она не должна быть обращена въ другомъ вѣкѣ. Возмемъ напр. опять предположеніе наше о такомъ отечествѣ, котораго идеею было бы: сплавить многія различныя племена. Можно думать, что сіе отечество было бы воинственнымъ. Но *съ кѣмъ*, *въ какія времена*, и *гдѣ* (на морѣ или на сушѣ), оно будетъ воевать? Сколько разныхъ приготовленій! Далѣе: одними ли завоеваніями сплавливаются народы? Завоеванія не составляютъ ли только малую часть сего дѣла? Далѣе: другія отечества, развивая свои собственныя идеи, не дѣйствуютъ ли безпрестанно на наше; и не должно ли наше брать свои мѣры противъ сихъ вліяній, обращая ихъ въ свою пользу, или отклоняясь отъ вреда ихъ? Но обстоятельства, которыми могутъ измѣняться жизненныя явленія отечества, безчисленны. Ихъ не льзя уничтожить, въ пользу идеи, и однимъ шагомъ, прямо, достигнуть до ея цѣли. «*Ничто такъ не* «*кривитъ исторію*, сказалъ одинъ глубокій ис«торикъ нашего времени, *какъ логика* (*).»

(*) «Rien ne fausse plus l'histoire que la logique.» *Guizot.*

Тоже можно отнести и къ отечеству. Подъ логикою здѣсь разумѣется та непреклонность выводовъ, которая не смотритъ на множество разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, дающихъ иногда совершенно другой оборотъ дѣлу. Не всякое полезное начало, такъ какъ и не всякое вредное, производитъ непремѣнно всѣ тѣ полезныя, или вредныя, слѣдствія, какія можетъ выводить изъ него логика. Итакъ планъ дѣйствія въ пользу отечества долженъ быть располагаемъ по обстоятельствамъ. Самые сильнѣйшіе геніи, напримѣръ *Наполеонъ* (мы любимъ приводить его въ свидѣтельство; потому что великій человѣкъ открываетъ великія истины), соображали всегда свои поступки съ своенравіемъ обстоятельствъ. Конечно надобно имѣть опредѣленный планъ для дѣйствованія; но сей планъ долженъ имѣть ту степень упругости, которая, позволяя ему сохранять собственный видъ его, уступаетъ однако, сколько должно, всѣмъ наружнымъ впечатлѣніямъ. Это необходимое правило практическаго благоразумія.

Сіе правило благоразумія должно быть приложено и къ наукамъ. Отечество требуетъ такихъ только наукъ, которыя могутъ служить для удовлетворенія нуждъ его. Нужды его, съ теченіемъ времени, измѣняются; слѣдовательно должны измѣняться и соотвѣтственныя имъ

науки. Чтобъ приготовиться къ удовлетворенію нуждъ, должно знать ихъ, или предвидѣть. Мы можемъ знать настоящія нужды, и предвидѣть не слишкомъ отдаленныя, т. е. тѣ, которыя зависятъ непосредственно отъ настоящихъ, и составляютъ какъ бы ихъ продолженіе. Правда, мы можемъ предвидѣть иногда и весьма отдаленныя нужды, но только, такъ сказать, логически, а не исторически, т. е. безъ всѣхъ тѣхъ посредствующихъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ отдалить или приблизить эпоху удовлетворенія сихъ нуждъ; слѣдовательно мы можемъ предвидѣть ихъ только въ неопредѣленной дали, какъ количество алгебраическое. Итакъ хотя казалось бы, что полезно приготовляться и къ нимъ; но еще полезнѣе приготовляться къ нуждамъ самымъ непосредственнымъ, настоящимъ, или зависящимъ отъ настоящаго времени, которыя не пощадятъ насъ, которыя случатся не въ отдаленной, можетъ быть, будущности, а существуютъ теперь, или явятся скоро. Займемся сперва настоящимъ, потомъ уже примемъ наши мѣры для будущаго. И не можемъ мы, хотя бы и хотѣли, удовлетворить будущему, не удовлетворивъ сперва настоящему, и всему, что случится передъ симъ будущимъ. Должно уступить закону необходимости.

Слѣдуя сему закону, мы ничего не потеряемъ. Необходимость есть вѣрнѣйшая и кратчайшая дорога къ пользѣ; это великое средство, употребляемое Провидѣнiемъ для достиженiя высшихъ цѣлей. Чтобы увѣриться въ этомъ, взглянемъ напр. на дѣйствiя государственныхъ обществъ. Главное старанiе государства состоитъ, по необходимости, въ самосохраненiи. Для самосохраненiя оно должно употреблять столько общественныхъ силъ, сколько нужно. Чѣмъ больше непрiятелей угрожаютъ его самосохраненiю; тѣмъ, конечно, больше оно должно употреблять сихъ общественныхъ силъ. Иногда для сего нужно все количество ихъ; такъ что онѣ не могутъ быть употреблены ни на что другое, безъ опасности государства. Такое время есть время гибельное для наукъ и художествъ вообще; ибо оно все поглощается войною. (Къ войнѣ относимъ и всѣ приготовленiя для нея). Но случаи сiи весьма рѣдки. Обыкновенно часть силъ общественныхъ можетъ оставаться свободною отъ военнаго употребленiя. Сiя часть силъ можетъ быть очень великою. Самосохраненiе государства требуетъ непремѣнно того, чтобы употребить ее какъ нибудь: потому что она, по существу своему, не можетъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствiи; и если не дать ей

какого нибудь направленія, то она сама себѣ изберетъ его, и, можетъ быть, изберетъ опасное. Какое дать ей направленіе? Такое, чтобъ оно служило къ обогащенію государства; это необходимо для государства. Отсюда поощренія въ пользу фабрикъ, торговли, наукъ и художествъ всякаго рода, т. е. поощренія въ пользу человѣчества. Государство имѣло въ виду только свои выгоды, искало только ихъ пріобрѣтенія; а нашло гораздо болѣе, нашло средства совершенствовать человѣчество. Провидѣніе провело для человѣка, *какъ одинокаго такъ и общественнаго*, дорогу къ совершенству — а это дорога жизни — какъ бы между двумя каменными скалами. Всякій разъ, когда онъ захочетъ отклониться отъ нея (онъ можетъ это сдѣлать), встрѣтитъ для себя непреодолимыя препятствія, и болѣзненное чувство извѣститъ его о дурномъ его направленіи. Если онъ не уважитъ сего извѣщенія, и будетъ продолжать свое упорство; то ничего больше не сдѣлаетъ, какъ то что погибнетъ.

Покоримся же съ довѣренностью закону необходимости;

« Чтобъ ни было — Незримой
« Ведетъ насъ къ лучшему концу
« Стезей непостижимой.

Поступая согласно съ настоящими нуждами отечества, мы будемъ содѣйствовать самому исполненію его идеи, хотя бы и не знали, въ чемъ состоитъ она. Только идея оживляетъ отечество; только она одна дастъ ему прочное могущество. Если отечество цвѣтетъ, то это вѣрный знакъ, что его идея, какая бы она ни была, развивается въ полной силѣ; иначе оно приходило бы въ упадокъ.

Поэтому наиполезнѣйшія отечеству свѣдѣнія будутъ тѣ, которыхъ требуетъ настоящее и предвидимое его положеніе. Сіе положеніе составляетъ для отечества тоже, что возрастъ для человѣка; оно опредѣляетъ вообще его способности, съ которыми и должно сообразоваться.

Итакъ въ систему ученія должны входить свѣдѣнія, *только соотвѣтственныя состоянію отечества*, а всѣ несообразныя съ симъ состояніемъ должны быть исключены изъ нея.

(Будетъ продолженіе).

ПЕСЧИНКА.

(Окончаніе).

V.

Корчма золотаго оленя.

> Если есть столь низкіе люди, что измѣнятъ мнѣ, то моя добродѣтель, по крайней мѣрѣ, мнѣ не измѣнитъ. Вы увидите ее блистающею на краю пропасти, увѣнчанною славою, презирающею наказанія; она заставитъ Августа позавидовать крови, которую прольетъ онъ, заставитъ трепетать его, когда онъ будетъ губить меня!
>
> Корнель, *Цинна.*

Цѣлый мѣсяцъ прошелъ послѣ ужасной угрозы Гюга, и все еще ни одинъ изъ ударовъ, коими грозило его мщеніе, не поколебалъ могущества Оттонова. Министръ переставалъ уже опасаться, хотя въ первые дни послѣ аудіенціи не безъ трепета слышалъ онъ, что братъ Елены избѣгаетъ отъ всѣхъ розысковъ полицейскихъ, какіе были сдѣланы для открытія его убѣжища, и взятія его самого.

Гюгъ не возвратился въ свой чердакъ, въ улицу Большаго Бѣлаго Орла; онъ не былъ и съ сестрою своею во Франкфуртѣ. Нѣкоторые изъ жителей города О*** сказывали, что онъ встрѣтился съ ними на дорогѣ во Франкфуртъ; другіе говорили, что видѣли его на пути въ Обернбургъ; тѣ разговаривали съ нимъ, когда онъ шелъ по лѣсу; иные кланялись съ нимъ на городскомъ мосту. Иногда въ одинъ и тотъ-же день, въ одинъ и тотъ-же часъ, Гюгъ являлся вдругъ во многихъ мѣстахъ, и повсюду проводилъ и обманывалъ онъ слѣдившихъ за нимъ шпіоновъ.

Гюгъ не оставлялъ О***. Онъ былъ привычный житель сего города; всѣ обычаи, вся жизнь его обитателей были ему совершенно извѣстны. Онъ зналъ, въ какое время дня бывали пусты его улицы, въ которомъ часу, и гдѣ именно, можно ему было ходить безъ всякой опасности, и какими путями могъ онъ послѣ того выходить въ поле и входить опять въ городъ, не бывши примѣченнымъ нескромными свидѣтелями. Скрытый въ домѣ одного вѣрнаго друга, ежедневно отправлялся онъ въ ближній лѣсъ, обдумывать тамъ планъ своего мщенія, и никогда не возвращался въ свое убѣжище, не расспросивши подкупленнаго слугу Министра, о томъ, гдѣ провелъ этотъ день господинъ

его, для чего оставался онъ долго во Дворцѣ Ландграфа, въ которомъ часу возвратился домой? Но все это ни сколько не подвигало впередъ его предпріятія. Что узнавалъ онъ о поведеніи и дѣлахъ Оттона, то было велико, благородно, великодушно. Министръ выѣзжалъ ранѣе обыкновеннаго — но его вызывало какое нибудь благотвореніе; онъ оставался долго во Дворцѣ — но для того только, чтобы убѣдить Ландграфа издать какой нибудь законъ, необходимый для счастія его подданныхъ. Отвсюду Гюгъ слышалъ благословенія бѣдныхъ и страждущихъ, и никто не произносилъ имени Оттонова безъ восторга.

Между тѣмъ, въ нѣсколькихъ душахъ таилась скрытная ненависть къ Министру, и не одинъ Гюгъ поклялся погубить его. Обманутое честолюбіе, скрытная зависть наблюдали за каждымъ дѣйствіемъ любимца Ландграфова, и каждое изъ нихъ отравляли вымышленными клеветами и злобными предположеніями, за недостаткомъ прямыхъ доказательствъ о преступленіяхъ Оттона. Злоба угадывала даже самую скрытную его тайну. Тщетно Клементина при другихъ заставляла сердце свое молчать, тщетно не хотѣла она измѣнить страсти своей даже неосторожнымъ взоромъ, изучала самое выраженіе голоса, и Оттонъ показывалъ ей, въ

присутствіи другихъ, видъ самой холодной почтительности. Взоръ зависти впивался въ тайную мысль любовниковъ, и повсюду открывалъ слѣды страсти, которую старались они скрывать. Не было подслушано ни одно нескромное слово, не былъ замѣченъ даже ни одинъ неосторожный взглядъ, а между тѣмъ, въ тайныхъ бесѣдахъ при Дворѣ, шептали, что Максимиліанъ мужъ невѣрный и — обманутый! Старый Баронъ Редельгеймъ, супругъ отставленной любовницы Ландграфа, изъявлялъ благородное негодованіе о томъ, что человѣкъ столь ничтожный, какъ Графъ Оттонъ, дерзаетъ наносить такое ужасное безчестіе древнему роду!

Тайному заговору аристократовъ противъ Министра недоставало только, для рѣшительныхъ дѣйствій, преданнаго человѣка, одной изъ тѣхъ душъ, которыя не пятятся назадъ ни при какой опасности, одного изъ тѣхъ людей, которые умираютъ не открывая тайны, которыхъ ничѣмъ не купишь, и не перекупишь ни за что. Такихъ людей называютъ, смотря по обстоятельствамъ, орудіями, злодѣями, героями. Въ свѣтѣ еще не условились въ настоящемъ названіи многихъ предметовъ...

Брату Елены не было надобности въ правотѣ или неправотѣ товарищей: онъ искалъ только

враговъ Министра, которые захотѣли-бы употребить его на погубленіе Оттона. Кто кого ищетъ прилежно, тотъ съ тѣмъ и встрѣчается, рано или поздно. И слесарь Иттеинъ скоро встрѣтился съ знатными врагами Оттоновыми.

Въ своихъ ежедневныхъ прогулкахъ ко Дворцу, Гюгъ признакомился къ лицамъ Графовъ и Барововъ, составлявшихъ Дворъ Максимиліана. Бродя потомъ по лѣсу, часто сталкивался онъ съ людьми, лица которыхъ напоминали ему первѣйшихъ чиновниковъ Ландграфа. Такое странное сходство лицъ не могло избѣжать отъ его наблюдательнаго взора. Въ лѣсу онъ всегда встрѣчалъ притомъ этихъ людей переодѣтыхъ. Мало по малу, онъ хорошо изучилъ имена каждаго изъ тѣхъ, кого, почти ежедневно, встрѣчалъ въ мѣстахъ и одеждахъ совершенно различныхъ. Увѣрясь наконецъ, что глаза его не обманываютъ, Гюгъ сообразилъ, что должна быть тайная, важная причина, по которой, переодѣтые, и обыкновенно при наступленіи ночи, собираются знатнѣйшіе люди Двора Ландграфова въ бѣдной корчмѣ *Золотаго Оленя*, находящейся въ лѣсу, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, близъ малопроѣзжей дороги. Гюгъ вспомнилъ, что Баронъ Редельгеймъ принужденъ былъ уступить свое Министерство любимцу Максимиліа-

на. «Только мертвый прощаетъ своему преемнику.» Гюгъ зналъ эту старинную поговорку Министровъ, и безъ труда догадался, что Оттонъ значитъ что нибудь въ этихъ таинственныхъ совѣщаніяхъ. Не щадя себя, онъ рѣшился проникнуть тайну заговорщиковъ, собиравшихся въ корчмѣ Золотаго Оленя. Въ тотъ-же день, не боясь никакой опасности, Гюгъ пустился въ глушь лѣса, слѣдуя по тѣмъ дорожкамъ, гдѣ замѣчалъ идущихъ въ корчму мнимыхъ поселянъ и егерей, и вдругъ смѣло вошелъ въ эту корчму. Тутъ находилось уже довольно гостей. Разговоръ въ одно мгновеніе прервался, едва явился Гюгъ; головы наклонились къ столамъ, большія шляпы надвинулись на глаза. Между пятнадцатью, или двадцатью человѣками, сидѣвшими за пивомъ и виномъ, слышны были только легкое жужжаніе словъ и чоканье стаканами. Гюгъ спокойно сѣлъ, спросилъ пива, и старался завести разговоръ; но на всѣ вопросы его, отвѣты были короткіе; посѣтители перешептывались и не обращали на Гюга вниманія. Раздосадованный худымъ успѣхомъ начала, онъ рѣшился быть отважнѣе. «Тьфу!» вскричалъ онъ, крѣпко стукнувъ оловяннымъ стаканомъ объ столъ — «какое гадкое пиво! Оно годится только на то, чтобы утопить въ немъ перваго нашего Министра!» Недовѣрчиво переглянулись между собою другіе гости. «Да,»

продолжалъ Гюгъ, «если-бы нашлись добрые люди, и согласились купить для этого полную бочку — чортъ возьми! я бѣднякъ, а охотно далъ-бы свою долю!» Шопотъ пролетѣлъ между собесѣдниками. По знаку, данному однимъ изъ нихъ, всѣ встали. Гюгъ продолжалъ съ досадою: «Думаю, что нашлись-бы охотники не скупиться на такое доброе дѣло!» — Всѣ, кромѣ Гюга, молча, хотѣли идти вонъ, и всѣ вдругъ остановились, когда Гюгъ, обратясь къ одному изъ переодѣтыхъ, сказалъ: «Какъ вы объ этомъ думаете, Ваше Сіятельство, Графъ Урсель?»

Ударъ былъ направленъ столь вѣрно, что долѣе скрываться не было возможности. Заговорщики толпою обратились къ Гюгу, и въ одинъ голосъ вскричали: «Измѣна! Это шпіонъ!»

— Э! Ваше Сіятельство, Графъ Штольбергъ,» отвѣчалъ Гюгъ спокойно — «какой шпіонъ! Развѣ не видите вы, что судьба посылаетъ вамъ самаго вѣрнаго товарища!

По приказанію Барона Редельгейма, тотчасъ замкнуты были всѣ двери корчмы. Нѣсколько шпагъ и пистолетовъ устремлено было на Гюга, и одинъ изъ переодѣтыхъ началъ говорить безстрашному слесарю: «Если ты насъ обманываешь, если ты окружилъ насъ шпіонами, и хочешь поймать, то знай, что мы имѣемъ сред-

ства уйдти отсюда не бывъ замѣченными, а ты погибнешь, прежде нежели успѣешь подать знакъ своимъ сообщникамъ!»

Гюгъ посмотрѣлъ на него беззаботно, и отвѣчалъ: «Жизнь свою отдаю охотно тѣмъ, кто хочетъ погубить перваго Министра, только прошу не жертвовать ею безполезно. Впрочемъ, вы можете обыскать меня. Я пришелъ безъ оружія, увѣренный, что вы мнѣ его дадите — не для того, чтобы зарѣзать кого нибудь — благородные люди, подобные вамъ, не рѣшатся на такое предпріятіе — но для того, чтобы защититься, если вы препоручите мнѣ какое нибудь опасное дѣло.

Казалось, что заговорщики совѣтуются между собою. Наконецъ, старый Баронъ, до тѣхъ поръ не говорившій ни одного слова, спросилъ у Гюга: «Но, что ручается намъ за твою вѣрность? Мы тебя не знаемъ.»

— И я васъ не больше знаю — горячо возразилъ Гюгъ — не знаю и того, зачѣмъ вы собираетесь здѣсь; могу ошибаться въ цѣли вашего собранія, и только одна догадка привела меня сюда. Можетъ быть, я ошибся, а между тѣмъ я въ вашей власти. Кто-то изъ васъ упомянулъ уже о моей погибели; но, вы сами видите: робѣю-ли я? Между тѣмъ, жизнь моя для меня чего нибудь стоитъ! Я честный человѣкъ,

и справедливое желаніе мстить привело меня къ вамъ. Признаюсь, что охотнѣе избралъ-бы я другое средство изгладить позоръ, нанесенный мнѣ вашимъ и моимъ врагомъ, но когда нѣтъ другаго — готовъ пользоваться чѣмъ могу!

Сіи слова, произнесенныя съ грубою откровенностью, отличающею Нѣмецкихъ ремесленниковъ, казалось, удовлетворили собраніе. Баронъ крѣпко пожалъ руку Гюга Иштеина, въ знакъ дружбы и братства. «Разумѣется: на жизнь и на смерть?» спросилъ его братъ Елены. Не смотря на аристократическую гордость, и другія знатныя руки коснулись мозолистой руки слесаря. Въ такихъ случаяхъ всегда такъ ведется. Неравенство званій исчезаетъ, общая опасность всѣхъ уравниваетъ, и не знатному тогда только бѣда, когда знатный торжествуетъ черезъ него, или когда бѣднякъ, завѣренный въ безопасности, согласится принять весь отвѣтъ на себя. Въ первомъ случаѣ, его кидаютъ, какъ вещь не нужную; въ другомъ онъ узнаетъ, что неблагодарность идетъ рядомъ съ увѣреніями знатныхъ.

Спрошенный о причинѣ ненависти своей къ Министру, Гюгъ подробно разсказалъ исторію о пятнадцати флоринахъ, расторгнутой свадьбѣ Елены, разлукѣ съ другомъ своимъ, безславіи и бѣгствѣ сестры своей. Всѣ показали видъ,

что сострадают его несчастіямъ. Но когда Гюгъ дошелъ до своего переговора съ Министромъ, и рѣшительнаго отказа его: открыть, гдѣ онъ былъ 15-го Сентября, въ 10-ть часовъ вечера, злобная радость заблистала во всѣхъ глазахъ, и, какъ будто у всѣхъ заговорщиковъ былъ одинъ ротъ, всѣ вдругъ воскликнули: «Онъ былъ у Клементины!»

— У Клементины? — вскричалъ изумленный Гюгъ. — А! теперь я понимаю эту ужасную тайну; теперь я знаю: сестра моя погублена для спасенія другой. . . Но честь женщины всегда честь, и Министръ поступилъ — какъ негодяй!

«Разумѣется. Надобно принудить его открыть преступленіе.

— Бѣдная! мнѣ жаль тебя. . . Говорятъ всѣ, что она такъ добра, такъ несчастлива съ своимъ мужемъ — сказалъ Гюгъ. — Да! мнѣ не хотѣлось-бы погубить ее!

«Ты уже не хочешь оправдать своей сестры?

— Хочу. Но, погубить женщину, которая не сдѣлала ни мнѣ и никому никакого зла... вдругъ двѣ жертвы... *Его* — охотно; *ее*... Гюгъ остановился.

«Ты не думаешь о томъ,» сказалъ Баронъ, «что для спасенія виновной женщины, онъ по-

губилъ твою невинную сестру? И не самъ-ли ты, сей часъ, говорилъ, что честь женщины всегда честь, не смотря на званія? Да, знаешь-ли, что ты не можешь и отказаться: ты нашъ, ты принадлежишь къ заговору. Обѣщаю тебѣ, если я опять вступлю въ Министерство, что участь твоя будетъ обезпечена.

— Прошу у васъ одной милости: дайте только мнѣ слово, если я погибну служа вамъ, господа, что вы постараетесь возвратить доброе имя моей Еленѣ! За эту цѣну, я иду на все, и вы можете располагать моею жизнію! — Всѣ поклялись ему въ этомъ, и въ замѣну сего Гюгъ обѣщалъ, что на другой день, въ восемь часовъ вечера, будетъ находиться подлѣ рѣшетки Дворцоваго парка, на берегу рѣки. Тотъ, кто выйдетъ къ нему, долженъ произнести условленный пароль: *Громъ и молнія.* Напрасно спрашивалъ Гюгъ, что̀ это значитъ, и что̀ должно будетъ тамъ дѣлать. Ему отвѣчали только: «Завтра, Министръ принужденъ будетъ изгладить безчестіе, какимъ покрылъ твое семейство. Вотъ все, что можемъ тебѣ сказать.» Но, это, въ самомъ дѣлѣ, было *все*, чего желалъ Гюгъ. Его предупредили еще, что предпріятіе, къ которому онъ былъ назначенъ, довольно опасно; что онъ, можетъ быть, отваживаетъ жизнь свою, рѣшаясь на его ис-

полненіе. «Вы клялись мнѣ» — отвѣчалъ Гюгъ — «что и послѣ смерти моей у Елены будутъ покровители. Ни о чемъ другомъ не хочу я спрашивать. Завтра: мщеніе или смерть!» — Наступала ночь. Заговорщики разстались.

Между тѣмъ какъ, возвратясь тайно въ свои чертоги, знатные люди сбрасывали съ себя платья поселянъ и егерей, и надѣвали свои дворянскія одежды, Гюгъ осторожно пробирался окольными тропинками, желая выйдти на берегъ рѣки, спокойно катившей свои волны ко Франкфурту. Онъ слѣдовалъ по ея теченію, стараясь не быть замѣченнымъ. Отъ времени до времени, слышалъ онъ однакожь за собою шорохъ шаговъ. Встревоженный этимъ, опять поворотилъ Гюгъ въ чащу лѣса, обошелъ кругомъ одного уединеннаго домика, но преслѣдователь его повторилъ все это вслѣдъ за нимъ. Изъ глубины души, Гюгъ молилъ себѣ покровительства небеснаго, рѣшился дать пройдти досадному сопутнику, и для того остановился. Сопутникъ его также остановился. «Ну, слѣдовательно этотъ незнакомецъ имѣетъ до меня дѣло,» сказалъ Гюгъ. «Онъ одинъ: бояться нечего, и надобно узнать, что ему за надобность во мнѣ.» Сжавъ кулаки, Гюгъ пошелъ прямо на своего преслѣдователя; тотъ ожидалъ его. «Не за мною-ли ты идешь, прія-

тель?» спросилъ Гюгъ, стараясь, при слабомъ лунномъ сіяніи, распознать незнакомца.

— Да, за тобою — отвѣчалъ незнакомецъ.— Неужели такъ скоро разучился ты узнавать своихъ пріятелей? — Братъ Елены узналъ въ эту минуту своего сопутника: это былъ одинъ изъ заговорщиковъ, собиравшихся въ корчмѣ Золотаго Оленя. «Зачѣмъ идешь ты такъ далеко съ нашею тайною?» спросилъ его заговорщикъ.

«Хочу еще разъ обнять сестру мою: можетъ быть, въ послѣдній разъ! Вѣдь это не запрещено мнѣ, надѣюсь?

— Нѣтъ! но ты позволишь мнѣ проводить тебя. Наша обязанность присматривать за тобою, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ имѣть довольно доказательствъ твоего усердія, и не станемъ тебя подозрѣвать.

«И такъ, вы не вѣрите просто людской честности?

— Мы сперва увѣряемся въ ней, а потомъ готовы отдавать справедливость честнымъ людямъ, и... наказывать бездѣльниковъ! — Незнакомецъ показалъ Гюгу дуло пистолета.

«Послушайте, Графъ Урсель: двадцать шпагъ, и столько-же пистолетовъ, было на меня устремлено, но не испугали меня, съ часъ

тому назадъ. Вы сами это видѣли. И такъ, спрячьте, пожалуйте, эту бездѣлку — она между нами вовсе не нужна. Если вы слишкомъ часто будете мнѣ показывать ее, то я подумаю, что вы не полагаетесь на свою храбрость. Между людьми, намъ подобными, надобно честное слово, а не угроза. Я вамъ клянусь, что иду къ сестрѣ моей. Послѣ сего, если дѣла ваши позволяютъ вамъ сопутствовать мнѣ — прошу покорно, а не то — до свиданія завтра!

— Я обѣщалъ друзьямъ моимъ слѣдовать за тобою, до того мѣста, гдѣ ты остановишься, и не могу тебя оставить.

«Справедливо. Что обѣщано, то надобно исполнить. Но, пойдемте-же вмѣстѣ, и станемъ говорить безъ недовѣрчивости.» Графъ Урсель дошелъ послѣ того съ Гюгомъ до Франкфурта; но тамъ, увѣрясь, что Гюгъ не думаетъ обманывать, оставилъ его, напоминая только, что завтра, въ 8-мь часовъ вечера, близъ рѣшетки Дворцоваго парка, къ рѣкѣ, будутъ его ожидать. Гюгъ подтвердилъ свое обѣщаніе, и поспѣшилъ къ своему родственнику, гдѣ жила Елена.

Нѣжно обняла Елена брата своего, и услышала отъ него только одно слово: «Надѣйся.» Ночь прошла спокойно. На другой день, вѣрный

своему обѣщанію, Гюгъ разстался съ сестрою, когда увидѣлъ, что приближается назначенный часъ. Ему надобно еще было пройдти добрыхъ мили полторы. Прощанье было горестно. Нѣсколько разъ обнималъ Гюгъ молодую дѣвушку, за которую такъ безразсудно жертвовалъ, можетъ быть, своею жизнію. Елена испугалась выраженія его взоровъ, и усилія скрыть свои чувства, выражаемаго всѣми чертами его лица. Но братъ еще разъ разувѣрилъ ее, и послѣднее его слово было тоже, что и первое: «*Надѣйся!*»

Въ шесть часовъ вечера, онъ ожидалъ уже на условленномъ мѣстѣ Графа Урселя, или кого другаго изъ участниковъ тайны. Незнакомецъ какой-то подошелъ наконецъ къ нему. «Вы-ли Гюгъ Иштеинъ?» тихо спросилъ этотъ незнакомецъ.

— Я – отвѣчалъ Гюгъ, немного смутясь при видѣ неизвѣстнаго ему человѣка.

«Пойдемте со мною,» сказалъ незнакомецъ.

— Съ вами? — спросилъ Гюгъ. — Но условленныя слова?

«*Громъ и молнія*» – прошепталъ незнакомецъ. Братъ Елены не останавливаясь послѣдовалъ послѣ сего за нимъ. Они вошли въ какое-то подземелье.

VI.

Спальня.

> Подъ этими сводами, подъ этими башенками, убѣгая дневнаго свѣта, страстные любовники приходятъ иногда нѣжно переговаривать о любви своей. Но не забывайтесь, милыя дѣвушки, юные любовники, берегитесь, берегитесь — бѣлое привидѣніе глядитъ за вами, бѣлое привидѣніе васъ подслушиваетъ!
>
> *Евгеній Скрибъ*, La Dame blanche.

По неровному полу узкаго, подземельнаго корридора, шли нѣсколько минутъ Гюгъ и его путеводитель. Издали долетали къ нимъ человѣческіе голоса, и надъ головами ихъ слышны были шаги. Гюгъ хотѣлъ спросить у своего путеводителя, куда онъ ведетъ его. «Тише!» сказалъ незнакомецъ. «Мы идемъ близъ кладовыхъ Его Свѣтлости. Если кто нибудь спроситъ насъ, молчите; я буду за васъ отвѣчать.» Они перешли потомъ по двору, на который выходили двери Ландграфской кухни. Былъ часъ обѣда. Слуги бѣгали, кричали, суетились. Среди общаго смятенія, незнакомецъ и Гюгъ прошли незамѣтно. «Сюда,» сказалъ незнакомецъ, и они взошли на лѣстницу, слабо освѣщенную красноватымъ свѣтомъ фонарей,

повѣшенныхъ въ каждомъ этажѣ. По мѣрѣ того, какъ они всходили, Гюгъ видѣлъ, съ одной стороны, сквозь огромныя окна лѣстницы, берегъ рѣки и входъ въ паркъ; съ другой стороны взоръ его терялся въ длинныхъ корридорахъ, примыкавшихъ къ большимъ галлереямъ, освѣщеннымъ люстрами, свѣтъ коихъ отражался на мраморѣ и паркетахъ. «Вотъ,» говорилъ тихо путеводитель Гюга, «комнаты Его Свѣтлости; здѣсь библіотека; тамъ, внизу на право, галлерея къ комнатамъ Принцессы; прямо, противъ насъ, знаменитая Зеленая Зала; тутъ комнаты отдѣльныхъ чиновниковъ. Всходите выше. Вотъ мы въ корридорѣ Фрейлинъ Ландграфини — далѣе, далѣе?..» Гюгъ все еще не зналъ, чего хотятъ отъ него, и дивился, попавшись въ зàмокъ Ландграфа. Но нѣкогда было спрашивать, а еще менѣе отказываться. Безмолвно шелъ онъ за своимъ чичероне, пока тотъ далъ знакъ остановиться. Передъ ними была маленькая дверь послѣдняго корридора. Незнакомецъ посмотрѣлъ на всѣ стороны, желая видѣть: нѣтъ-ли кого нибудь посторонняго. «Мы одни,» проворчалъ онъ, «хорошо!» Потомъ приблизился онъ къ двери, и тихо сказалъ: «Я.» Дверь отворилась. «Войдите поскорѣе», — продолжалъ незнакомецъ, толкая поспѣшно Гюга въ комнату, гдѣ находилась только одна дама, закрытая покрываломъ.

— Это-ли тотъ господинъ, котораго мы ожидали? — спрашивала дама. Незнакомецъ отвѣчалъ утвердительно, сѣлъ, просилъ Гюга также сѣсть, и внимательно слушать, что станетъ говорить ему дама. Она начала:

«Вамъ извѣстно, что издавна есть сильныя подозрѣнія о связи перваго Министра съ Клементиною. Но по возвращеніи Клементины въ замокъ, ни однажды не видали у нея Министра. Между тѣмъ, люди, достойные всякаго довѣрія, согласно говорятъ, что голосъ Оттона часто бываетъ слышанъ въ комнатахъ Клементины, въ такіе часы, когда всѣмъ извѣстно, что она сидитъ одна, запершись въ своей комнатѣ. Много разъ, стараясь узнать истину, нечаянно прибѣгали къ Клементинѣ, подъ разными предлогами. Лицо ея показывало сильное движеніе; чувство страха примѣтно ее волновало; но Графъ Оттонъ всегда убѣгалъ, и никакъ не могли открыть, какимъ средствомъ избѣгаетъ онъ отъ поисковъ самыхъ тщательныхъ. Есть, въ этомъ не льзя сомнѣваться, тайный ходъ, извѣстный только Оттону и Клементинѣ, и этотъ ходъ должны вы открыть. На вашу скромность надѣются люди, которые хотятъ только сорвать маску съ лицемѣра, безсовѣстно называющаго себя вѣрнымъ другомъ Его Свѣтлости.

— Но, я не вижу, что пользы отъ этого открытія для добраго имени моей сестры?—спросилъ Гюгъ, внимательно выслушавъ слова дамы, закрытой покрываломъ.

«Какъ?» отвѣчала она. «Развѣ вы не понимаете? Послѣ этого мы легко принудимъ Графа признаться, что вечеромъ 15-го Сентября онъ былъ въ замкѣ Босежурѣ? Мужъ мой,» продолжала она, «разсказалъ мнѣ о вашихъ несчастіяхъ, и повѣрьте мнѣ, что если вы услужите намъ, то, въ свою очередь, мы услужимъ вамъ еще болѣе.

— Время проходитъ — сказалъ путеводитель Гюга. — Клементина можетъ неожиданно возвратиться въ свои комнаты. Надобно-же растолковать этому храброму молодцу, чего ожидаемъ мы отъ его приверженности.

«Да, говорите, говорите!» возразилъ Гюгъ. «Я обѣщалъ вчера, на жизнь и на смерть! Вы увидите, что я умѣю держать свои обѣщанія.»

Дама продолжала: «Сегодня большой обѣдъ въ замкѣ. Клементина возвратится въ свои комнаты не ранѣе десяти часовъ вечера, и васъ провожу я туда немедленно. Вы спрячетесь тамъ, въ указанномъ мною мѣстѣ; вамъ легко будетъ замѣтить, какою тайною дорогою придетъ Ми-

нистръ. Вы пробудете скрытымъ отъ всѣхъ до самаго утра. Тогда приду я за вами, и выведу васъ. Открытіе ваше мы передадимъ кому слѣдуетъ, и честь сестры вашей будетъ публично признана безсовѣстнымъ обманщикомъ.

— Только сорвать маску съ этого общаго злодѣя, Министра-пирожника, и отмстить ему за оскорбленіе людей истинно-благородныхъ хотимъ мы!.. сказалъ, съ лицемѣрною скромностію, незнакомецъ.

«А если меня откроютъ?» замѣтилъ Гюгъ.

— Кто? Графъ Оттонъ? — спросила дама.

«О, нѣтъ! съ нимъ, я знаю, что мнѣ дѣлать! Но сама Клементина, или кто нибудь изъ ея дамъ, или людей?

При этомъ вопросѣ, незнакомецъ поблѣднѣлъ; дама подъ покрываломъ изъявила ужасъ, и пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ.

«Хорошо,» сказалъ Гюгъ, «понимаю: обо всѣхъ васъ я долженъ молчать; не правда-ли? Мнѣ надобно позволить себя взять, потомъ налгать на себя... дать себя осудить, и все молчать...

— Мы спасемъ васъ! — сказала дама, съ особенною живостію.

«Да, да, мы спасемъ васъ!» прибавилъ незнакомецъ.

— Разумѣется: если это будетъ возможно— отвѣчалъ Гюгъ, улыбаясь. — Хорошо! Но, ради Бога, одна просьба: не забудьте тогда моей сестры!

«Мы клянемся въ этомъ!

Тутъ кончились разговоры трехъ заговорщиковъ. Дама встала, взяла Гюга за руку, свела его, по маленькой лѣстницѣ, въ галлерею, ведущую къ комнатамъ Клементины, прошла съ нимъ въ самыя дальныя отдѣленія, не встрѣтивъ никого, ни изъ дамъ, ни изъ служителей, ибо всѣ были тогда заняты въ другихъ отдѣленіяхъ замка. «Г-нъ Иштеинъ!» сказала новая путеводительница Гюга, когда они пришли въ послѣднюю комнату отдѣленія Клементины,» вотъ спальня. Возьмите этотъ ключъ, отъ стеклянной двери, вотъ этого кабинета, подлѣ спальни; тутъ все будетъ вамъ видно; спрячьтесь въ этотъ кабинетъ . . . прощайте! Смѣлость — скромность! Да поможетъ вамъ Богъ!» Она пожала руку Гюга, и удалилась.

Болѣе трехъ часовъ прошло, и никакой шумъ, никакое движеніе не развлекли во все это время размышленій Гюга... Они были тяжелы! Гюгъ видѣлъ себя принужденнымъ исполнять низкую

должность шпіона, служить орудіемъ подлой интригѣ нѣсколькихъ честолюбцевъ, ненавидѣвшихъ добродѣтельнаго, великаго человѣка, несчастнаго только, если онъ точно былъ преступникъ. Не такъ думалъ Гюгъ заступиться за честь сестры своей! Не такими средствами прежде располагалъ онъ достигнуть благородной цѣли своего мщенія! Не таковы были думы его, когда стоя лицомъ къ лицу противъ клеветника Елены, онъ говорилъ ему: « Война смертельная между нами! » Онъ хотѣлъ тогда сражаться съ нимъ оружіемъ, достойнымъ благороднаго человѣка. Его стремленіе было прекрасно; но дѣйствіе, къ какому оно довело его, оскорбляло душу Гюга, и возмущало его сердце. Шпіонствомъ, доносомъ будетъ онъ мстить за клевету! Исторгнувъ тайну несчастной женщины, не подавшей ему никакого повода къ ненависти, губя эту женщину, онъ хочетъ доказать невинность сестры своей! Раздраженный противъ самого себя, Гюгъ готовъ былъ оставить свое скрытное убѣжище. « Нѣтъ! » думалъ онъ: « я не долженъ былъ принимать подобнаго предложенія! Шпага противъ шпаги, кровь за кровь: такъ долженъ былъ я требовать возмездія отъ врага своего! И когда онъ былъ-бы у ногъ моихъ, побѣжденный, умирающій, тогда я имѣлъ-бы право предлагать ему условія за его жизнь! Но закрасться тайно,

подобно разбойнику и убійцѣ, поразить, вмѣстѣ съ своимъ злодѣемъ, доброе, несчастное созданіе... Нѣтъ! это не значитъ требовать правосудія, но воздавать преступленіемъ за преступленіе!»

И Гюгъ снова хотѣлъ уйдти изъ замка, оставить другимъ открытіе несчастной тайны Графа Оттона, бѣжать скорѣе... Тутъ послѣднія слова отца пришли ему на память; кликъ негодованія, изъявленный противъ Елены цѣлымъ городомъ, отозвался въ его ушахъ; онъ видѣлъ себя оставленнаго своими друзьями; Ансельма, въ отчаяніи, бѣгущаго изъ родины; вспомнилъ, что въ это самое время сестра его принуждена далеко отъ родины скрывать стыдъ свой; подумалъ объ оскорбленіяхъ, какія вновь ожидаютъ ее, если она явится въ О*** неоправданною. Передъ какимъ судилищемъ могъ онъ принесть жалобу на врага столь сильнаго, каковъ былъ Графъ Оттонъ фонъ-Шпульгенъ? Могъ ли онъ съ шпагою въ рукахъ отмстить ему за честь сестры? Нѣтъ! люди столь знатные не отвѣчаютъ на вызовъ людей мѣлкихъ! Гюга схватятъ, и въ тюрьмѣ никто не будетъ слышать воплей его горести и отчаянія. Только чудомъ могъ до сихъ поръ Гюгъ избѣгать шпіоновъ Министра. Дѣлаясь самъ шпіономъ противъ него, онъ сражался съ нимъ равнымъ оружіемъ. Ни-

какого другаго средства не оставалось брату Елены. Онъ ясно видѣлъ это, задушилъ голосъ совѣсти, и бросился въ маленькій кабинетъ, потому что услышалъ шорохъ шаговъ въ галлереѣ.

Это была Клементина, съ нѣсколькими, сопровождавшими ее дамами. Всѣ онѣ вошли въ комнату. Между голосами сопутницъ Клементины, Гюгъ узналъ голосъ дамы, которую видѣлъ закрытую покрываломъ. Приложивъ глазъ свой къ замочной щелочкѣ, онъ убѣдился что не обманывается. Эта дама безпрестанно смотрѣла на дверь кабинета, пока другія заботились около Клементины, снимали съ нея вуаль, ожерелье, серьги. Клементина сбросила съ себя парадное свое платье, и простой, домашній уборъ замѣнилъ великолѣпіе. Послѣ нѣсколькихъ словъ съ своими дамами, Клементина отпустила ихъ всѣхъ, долго прислушивалась къ шуму шаговъ ихъ по длиннымъ галлереямъ; потомъ осторожно заперла дверь, и бросилась въ кресла, съ совершеннымъ отчаяніемъ. «Боже мой!» говорила она тихо «Какой вечеръ! Сколько опасностей! Какія страданія! Для чего злобные взоры этого стараго Барона безпрестанно были обращены на меня? Что говорятъ всѣ эти знаки, которые замѣтила я между врагами Графа? Отъ чего происходилъ ихъ торжествующій видъ? А

этотъ Рудольфъ Гацфельдъ, безпрестанно забавлявшійся намеками о какой-то швеѣ... ремесленницѣ... Богъ знаетъ о комъ! Какъ насмѣшливо глядѣлъ онъ на Оттона... Какъ страдалъ тотъ... Я хотѣла говорить съ нимъ... услышать отъ него хоть одно утѣшительное слово... и его уже не было... Ландграфъ, съ такимъ заботливымъ видомъ, увлекъ его въ свой кабинетъ... Что все это значитъ? Неужели подозрѣваютъ!... Ахъ! это ужасно! Ничего не знать... трепетать... умирать отъ страданій, неизвѣстностей...» Нѣсколько минутъ прохаживалась Клементина, въ глубокой задумчивости. «Да, только одно средство!» сказала она наконецъ, рѣшительно. Потомъ дернула за золотое кольцо снурка, висѣвшаго подлѣ камина. Черезъ нѣсколько мгновеній постучались у дверей ея комнаты, и вошло нѣсколько дамъ. «Вы нездоровы? Скажите, ради Бога!» спрашивали онѣ.

— Да, я почувствовала себя что-то дурно— отвѣчала Клементина — но, теперь все прошло; я напрасно васъ обезпокоила. Чтобы не тревожить всѣхъ въ другой разъ, одна изъ васъ, Беатрикса, вы останетесь со мною... Я позову другихъ, когда мнѣ будетъ надобно... Идите!

Другія дамы просили позволить имъ раздѣлить ея уединеніе; но по знаку Клементины должны бы-

ли оставить съ нею одну Беатриксу. Только что удалились онѣ, Клементина бросилась въ объятія Беатриксы. «Единственный, милый другъ мой!» сказала она. «Ты видишь меня въ совершенномъ отчаяніи!»

— Скажите: что съ вами сдѣлалось?

«Все открывается: подозрѣніе ужасно усилено! Всѣ старанія, всѣ заботы мои скрыть тайну безполезны; я удостовѣрилась въ этомъ сегодня; во всемъ видѣла я какое-то смятеніе, и трепещу, когда объ этомъ только подумаю... Ты одна знаешь все, ты одна можешь мнѣ пособить избавиться отъ ужаснаго безпокойства, въ какомъ теперь ты находишь меня! Видно, что Оттонъ не придетъ сегодня...

— Какъ: сегодня? – сказала Беатрикса. — Неужели онъ опять бывалъ у васъ, уже послѣ возвращенія вашего изъ Босежура? Ахъ, Клементина! Что вы мнѣ говорили, что вы мнѣ обѣщали! Вы хотите погубить себя. . .

«Да, да, онъ бывалъ здѣсь... я не нашла силъ слѣдовать твоимъ совѣтамъ, столь благоразумнымъ, столь необходимымъ для моего спокойствія: обѣщаніе, данное тебѣ, нарушено мною! Ты потребуешь отъ меня новой клятвы, я опять поклянусь тебѣ, и опять нарушу клятву мою. Только онъ одинъ любилъ меня, только одинъ

Оттонъ понялъ, какою страстью могу я платить за сердце, безъ раздѣла мнѣ отданное! Во всю жизнь мою, я встрѣтила только одинъ взоръ, одушевленный истинною любовью: этотъ взоръ былъ его; знала только одну истинно-высокую душу: эта душа была его! Онъ пожертвовалъ мнѣ своею жизнью, онъ любитъ меня, не смотря на опасность, ежеминутно ему угрожающую... Я была такъ молода, я чувствовала необходимость быть любимою! Все говорило мнѣ объ его добродѣтеляхъ, величіи его характера, когда въ то-же время супругъ мой забывалъ меня, презиралъ уже... а я была еще безъ пятенъ на моей совѣсти, и такъ любила его!.. Беатрикса! я не оправдываюсь; но мнѣ кажется, что я менѣе виновна, когда говорю себѣ: только любимою хочу я быть!

— Хорошо, Клементина — сказала растроганная Беатрикса — скажите: чего-же вы требуете отъ меня?

«Теперь полночь; всѣ въ замкѣ спятъ; не можешь-ли ты сходить къ Оттону, спросить тамъ Вольфрага, Секретаря его, отдать ему письмо мое... Только вы двое, ты и Вольфрагъ, знаете нашу тайну, и ни одинъ изъ васъ не измѣнитъ, въ этомъ я увѣрена!

— Но, Клементина... идти... теперь!...

«Ахъ, Беатрикса! не отказывай мнѣ! Ты возвратишь мнѣ жизнь. . . болѣе нежели жизнь: я трепещу за безопасность Оттона!» Беатрикса замолчала. Клементина поспѣшно написала нѣсколько строчекъ, запечатала письмо свое, и хотѣла отдать ей, когда вдругъ перемѣнила свое намѣреніе, «Нѣтъ!» сказала она, «нѣтъ! это безполезно: подай мнѣ письмо... я все обдумала... не надобно идти.»

— Ахъ, Клементина! вы хотите наконецъ выслушать мою просьбу, вы отказываетесь...

«Да, да,» быстро сказала Клементина. «Ты можешь идти къ себѣ; ступай! Добрая ночь! До завтра!» Она толкала Беатриксу къ дверямъ, не смотря на желаніе, какое изъявляла эта дѣвушка остаться. «Поди, сдѣлай милость, поди скорѣе, Беатрикса! Я требую, я хочу! . . .» И снова Клементина осталась одна въ своей комнатѣ.

Гюгъ не проронилъ ни одного слова, ни одного знака Клементины. Онъ видѣлъ письмо, написанное, запечатанное, отданное Беатриксѣ, потомъ взятое и положенное на геридонъ, за которымъ сидѣла Клементина, писавши его. Гюгъ не понималъ причинъ внезапной перемѣны въ ея намѣреніяхъ. Вдругъ тайная дверь, закрытая большимъ зеркаломъ, повернулась... тайна

Графа Оттона была въ рукахъ Гюга... Да, это былъ онъ самъ, Графъ Оттонъ! Тайною этою дверью, Оттонъ вошелъ въ комнату Клементины!

«Съ вами былъ кто-то?» спросилъ онъ, когда дверь снова затворилась за нимъ, такъ, что никакого слѣда не было замѣтно.

— Со мною была Беатрикса; я отослала ее... Милый другъ! я такъ была разстроена... Какой вечеръ!... Ахъ! сердце мое разрывается...

«Успокойтесь, Клементина: этотъ вечеръ довершилъ мое возвышеніе. Вчера еще былъ я на краю пропасти; сегодня мнѣ не кого болѣе опасаться: всѣ враги мои, всѣ наши шпіоны, въ моихъ рукахъ! Я убѣдилъ Максимиліана подписать приказъ о задержаніи ихъ, и въ эту минуту Баронъ и Графиня Фридерика, Графъ Вультенъ, Штольбергъ, и всѣ знаменитые заговорщики Золотаго Оленя, находятся на пути въ крѣпость Оттергеймъ. Еще съ утра отданъ былъ мною приказъ, чтобы ихъ содержали тамъ, какъ можно крѣпче. Ихъ жалобы и оправданія не выйдутъ изъ крѣпости, и еслибы, сверхъ всякой вѣроятности, они успѣли донести на меня... на насъ... въ этомъ доносѣ увидятъ только безсильную клевету отчаянія.»

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Оттонъ, ра-

дость начинала блистать въ глазахъ Клементины; грудь ея, волнуемая тысячью чувствованій и страданій, утихала, и когда Графъ кончилъ разсказъ о своей побѣдѣ, Клементина нѣжно сказала ему: «Милый другъ! что-же будетъ съ тобою, если они снова получатъ свободу?»

— Я думалъ только объ васъ, Клементина, только о вашей безопасности. Они могли погубить насъ: я это зналъ; надобно было рѣшиться на отчаянное средство. Я открылъ Максиміліану мнимую ихъ измѣну, разсказалъ о сборищахъ въ корчмѣ Золотаго Оленя, и, какъ милости, просилъ, чтобы въ избѣжаніе огласки заперетъ всѣхъ заговорщиковъ въ крѣпость, безъ суда. Онъ колебался, даже еще сегодня, когда боясь, чтобы кто нибудь изъ нихъ не избѣжалъ его гнѣва, пригласилъ ихъ всѣхъ за столъ свой. Я успѣлъ наконецъ побѣдить нерѣшительность его: онъ подписалъ... Ничего не опасайтесь: теперь никогда не выйдутъ они изъ крѣпости.

Но не всѣ враги Оттона были въ крѣпости: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, Гюгъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ взоромъ Графа. При извѣстіи о взятіи заговорщиковъ, чувство страха оледенило его душу. Но быстро сообразивъ всю обширность этого бѣдствія, братъ Елены успокоился. Мысль, что

возмездіе за оскорбленіе сестры будетъ теперь зависѣть единственно отъ него самого, заставила биться отъ чувства гордости сердце его, сначала сжатое страхомъ. Во глубинѣ души благословлялъ онъ Провидѣніе, предоставившее собственнымъ его силамъ весь подвигъ отмщенія за клевету. Позоръ шпіонства исчезъ въ его глазахъ. Онъ думалъ только о томъ, какъ выйдти въ свой чередъ побѣдителемъ, изъ опаснаго положенія, въ какое поставили его заговорщики Золотаго Оленя.

Успокоенная разсказами Графа, Клементина почти развеселилась, спрашивала, какъ гордый Баронъ и его нѣжная супруга встрѣтили офицера, посланнаго для взятія ихъ. Она смѣялась даже, слушая пересказы Графа объ удивленіи отставнаго Министра и отчаяніи Фридерики. «Ни одинъ изъ враговъ моихъ не уцѣлѣлъ,» продолжалъ Оттонъ. «Я отваживалъ жизнь мою въ этомъ отчаянномъ дѣлѣ; но чего-бы не сдѣлалъ я изъ любви къ вамъ, Клементина, для сохраненія вашей чести!»

— А честь сестры моей? Развѣ для нея, Ваше Сіятельство, ничего не хотите сдѣлать?— сказалъ Гюгъ, быстро отворивъ дверь кабинета.

«Ахъ! я погибла!» вскричала Клементина, и, почти безъ чувствъ, упала въ кресла.

Пораженный изумленіемъ, Оттонъ отступилъ на два шага при появленіи брата Елены; но вскорѣ опамятовался, схватился за шпагу свою, и хотѣлъ поразить шпіона. Взводя курокъ пистолета, Гюгъ поспѣшилъ предупредить его, говоря: «Остерегитесь, Ваше Сіятельство, покушаться на жизнь мою! Шумъ, какой произведу я защищаясь, можетъ привлечь сюда много лишнихъ свидѣтелей!»

— Оттонъ! ради Бога! удержитесь, не убивайте этого человѣка... здѣсь, въ моей комнатѣ... за чѣмъ-бы онъ ни пришелъ сюда, я его прощаю! Пусть онъ идетъ, только молчитъ! — Говоря сіи слова, Клементина удерживала руку Графа, все еще державшаго свою шпагу. Гюгъ стоялъ неподвижно, прицѣлясь въ него пистолетомъ. Наконецъ, Оттонъ уступилъ необходимости, положилъ шпагу свою на кресла; Гюгъ опустилъ пистолетъ.

— Кто привелъ тебя сюда? —

«Тѣ, которыхъ вы послали въ Оттергеймскую крѣпость.»

— Чего требуешь ты за свое молчаніе? —

«Возвратите честь моей сестрѣ.

— Безчеловѣчный! развѣ ты хочешь погубить для этого честь болѣе драгоцѣнную?

«Сыщите средство удовольствовать меня, не вредя никому. Я согласенъ молчать. Но я жертвовалъ своею жизнію для полученія вашего правосудія, и не выйду отсюда, пока не буду удовлетворенъ.»

— Чего хочетъ этотъ человѣкъ? Ради Бога! Чего онъ хочетъ?—спрашивала Клементина, трепеща отъ ужаса.

«Вечеромъ, 15-го Сентября, Графъ былъ въ замкѣ Босежурѣ,» сказалъ ей Гюгъ. «Надобно было выдумать какую нибудь ложь, для оправданія своего отсутствія передъ тѣмъ человѣкомъ, который искалъ его между тѣмъ по всему городу. И Графъ выдумалъ прекрасно: сберегая честь другихъ, онъ обезславилъ невинную сестру мою, сказалъ, что былъ у нея! Теперь, я требую удовлетворенія.» Оттонъ хотѣлъ взяться за шпагу. «Безъ шума, Графъ,» продолжалъ Гюгъ. «Извольте выдумать какой нибудь предлогъ, какое нибудь извиненіе, которое публично доказало-бы, что сестра моя оклеветана вами, и я, клянусь вамъ всѣмъ, что есть для меня священнаго, буду молчать!»

Оттонъ ходилъ по комнатѣ большими шагами. «Онъ требуетъ смерти моей, этотъ человѣкъ. . .» говорила Клементина, закрывъ глаза рукою. «Оттонъ! вы не можете, вы не должны

ничего говорить! Дайте ему золота, отдайте ему всѣ мои брильянты... Возьми, возьми ихъ, и откажись отъ ужаснаго своего мщенія!

— Я отказался уже отъ подобныхъ предложеній Графа. Золото не заставило-бы меня безстрашно пускаться на подобныя предпріятія — отвѣчалъ Гюгъ. Онъ приблизился въ это время къ геридону, на которомъ лежало письмо, написанное Клементиною къ Оттону. «Графъ!» продолжалъ Гюгъ, «кончимъ эту тягостную сцену, которой никогда не началъ-бы я, безъ крайней необходимости. Спрашиваю въ послѣдній разъ: угодно-ли будетъ Вашему Сіятельству дать мнѣ честное слово, что завтра, въ собственномъ вашемъ домѣ, вы позволите мнѣ явиться съ нѣсколькими моими друзьями, и передъ ними объявите, что вы никогда не знавали, никогда не видали сестры моей. Если къ этому присовокупите вы, какое вамъ будетъ угодно, доказательство, что вы не были у нея 15-го Сентября, въ 10-ть часовъ вечера, то я уйду отсюда немедленно, и не открою ничего!

— Хорошо — сказалъ Графъ — обѣщаю все это сдѣлать.

«Что вы говорите, Оттонъ!» сказала съ ужасомъ Клементина.

— Не опасайтесь... я все придумалъ.

«Но, Ваше Сіятельство,» возразилъ Гюгъ, вспомните, что я найду васъ всюду, если вы еще разъ не сдержите вашего слова. И тогда, я не пощажу ничего и — никого.

— Ты можешь надѣяться на мое слово. Ступай!

«Но я всего могу здѣсь опасаться, Ваше Сіятельство. Прошу васъ защитить меня, и указать мнѣ дорогу. Я послѣдую за вами.»

— Проведите его, Оттонъ — сказала Клементина. — Мнѣ надобно остаться одной. . . этотъ человѣкъ ужасаетъ меня! . .

Графъ взялся за свою шпагу. Гюгъ снова прицѣлился пистолетомъ.

— Но для чего-жь оружіе!— вскричала Клементина, едва не лишаясь чувствъ.

«Его Сіятельство берется за шпагу свою,» отвѣчалъ Гюгъ. «Будьте спокойны, Ваша Свѣтлость: я не посягну на жизнь Графа, если онъ не покусится на отнятіе моей. Но при малѣйшемъ его движеніи, я выстрѣлю, не въ васъ, Графъ, но для того, чтобы сбѣжались люди. Я скажу тогда откровенно, кто провелъ меня сюда; вы должны будете сказать, зачѣмъ и какъ пришли вы. . . Для собственной вашей безопасности, надобно удалиться отсюда безъ всякаго шума: мнѣ не такъ тяжко будетъ, если меня увидятъ здѣсь, какъ вамъ.

Оттонъ вложилъ свою шпагу въ ножны, и хладнокровно сказалъ: «Пойдемъ!» Онъ тронулъ пружинку въ рамѣ зеркала; дверь отворилась; потаенный фонарь былъ скрытъ въ углу тайнаго перехода. Графъ взялъ его, и Гюгъ, держа наготовѣ пистолетъ, послѣдовалъ за Графомъ, по скрытной лѣстницѣ. Черезъ нѣсколько секундъ, оба они очутились за рѣшеткою парка. Только что увидѣлъ себя Гюгъ на свободѣ, какъ бросился бѣжать, вскричавъ: «Завтра явлюсь я къ вамъ!» И онъ исчезъ въ темнотѣ, столь быстро, что Графъ не успѣлъ вымолвить ни одного слова.

Едва только Клементина осталась одна, какъ вдругъ что-то вспомнила... Со страхомъ взглянула она на геридонъ: письма, писаннаго ею, тамъ не было! Она поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать, не могла, и едва успѣла только дернуть золотое кольцо снурка, привязаннаго къ звонку... Дамы, прибѣжавшія къ ней, нашли ее безъ чувствъ...

VII.

Якорь спасенія.

Il faut garder une poire pour la soif.

Старинная пословица.

Въ семь часовъ утра, Гюгъ шелъ по самой глухой улицѣ. Онъ хотѣлъ собрать нѣсколько друзей своихъ, и потомъ идти съ ними къ Министру. Вдругъ окружило его нѣсколько человѣкъ полицейскихъ. Сначала онъ хотѣлъ было защищаться, но увидѣлъ не возможность противиться множеству, и, безъ сопротивленія, былъ увлеченъ въ карету, гдѣ ожидали его четыре человѣка, пока товарищи ихъ подстерегали Гюга.

«Куда везете вы меня?» спросилъ Гюгъ у своихъ сопутниковъ. Ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ. Смотря въ окно кареты, Гюгъ видѣлъ, что карета скакала по дорогѣ въ Оппергеймъ. «Ну, мы ѣдемъ въ крѣпость! хорошо; я это предчувствовалъ;» сказалъ Гюгъ, «и, вѣроятно, вы получили на мой счетъ самыя строгія предписанія?» — Да, самыя строгія! — отвѣчалъ одинъ изъ полицейскихъ.

«Прекрасно, и не могло быть иначе! Право, товарищи! у насъ славный Министръ, и очень

хорошо знаетъ свое дѣло. Все исполнено, какъ должно: въ семь часовъ утра меня велѣно было схватить, а раньше полудня я не могъ его видѣть!» Шутливость, съ какою говорилъ все это Гюгъ, развеселила и сопутниковъ его. Роли перемѣнились: Гюгъ не спрашивалъ болѣе ничего, но его стали спрашивать. «Ты, пріятель, кажется, малый-то славный! За что это попался ты къ намъ?»

— Если-бы я и сказалъ вамъ, такъ вы мнѣ не повѣрили-бы. Впрочемъ, это и не моя тайна.

«А! такъ у тебя есть и товарищи!

— Нѣтъ! изъ уваженія къ тому, кто велѣлъ взять меня, я молчу.

«Э! ну, это слишкомъ нѣжно съ твоей стороны!

— Вы сами разсудите, что совсѣмъ не годится, за часъ, или за два, которые просижу я въ тюрьмѣ, засадить его самого въ тюрьму на вѣкъ. Это не великодушно будетъ съ моей стороны!

«Это сумасшедшій,» говорили тихонько другъ другу полицейскіе. «Есть-ли совѣсть посылать сумасшедшаго въ тюрьму? Его надобно-бы отослать въ домъ безумныхъ.

Гюгъ продолжалъ шутливо: «Признайтесь: вы мало видывали такихъ веселыхъ арестантовъ, какъ я? не правда-ли?

— Правда, товарищъ!

«Вотъ видите, а это потому, что немного сыщется такихъ, которые держали-бы въ своихъ рукахъ честь и жизнь того, кто кидаетъ ихъ въ тюрьму.» Полицейскіе взглянули другъ на друга, и одинъ изъ нихъ ударилъ себя въ лобъ. Гюгъ понялъ причину. «Вы забыли обыскать меня, кажется? Впрочемъ, напрасный трудъ. Но, если это непремѣнно надобно, прошу не церемониться, господа, и исполнять свою должность.» Онъ выворотилъ всѣ свои карманы, и позволилъ ощупать и осмотрѣть все свое платье. «Видите: я правду говорилъ; у меня ничего нѣтъ, кромѣ полдуюжины флориновъ. Прошу сдѣлать мнѣ удовольствіе, распить ихъ за мое здоровье.» Это растрогало Полицейскихъ, и самый чувствительный изъ нихъ сказалъ даже: «Какъ можно такого молодца подвергать такому тяжелому наказанію!»

— Такъ, стало-быть, что нибудь очень тяжелое приготовляютъ мнѣ тамъ?

«Вѣчная тюрьма, товарищъ: только! Да, вѣдь это можетъ долго продлиться, при Министрахъ, которые лѣтъ по тридцати сидятъ на своихъ мѣстахъ. Только съ перемѣною Министра можетъ кончиться твоя вѣчность. Твои

знакомые позабудутъ тебя, пока ты выйдешь изъ крѣпости.

— Мои знакомые? Вздоръ! я надѣюсь сегодня обѣдать съ ними.

«Развѣ ты не знаешь, что никого не станутъ пускать къ тебѣ, и никто не узнаетъ даже гдѣ ты?

— Я самъ пойду къ нимъ, сегодня-же — возразилъ горячо Гюгъ. Полицейскіе опять взглянули другъ на друга, и повторили: «Онъ сумасшедшій!»

Черезъ полчаса скорой ѣзды, карета остановилась на первомъ дворѣ крѣпости. Ворота съ шумомъ затворились за пріѣхавшими. Гюгъ вышелъ изъ кареты, сопровождаемый своими сопутниками. Нѣсколько солдатъ приняли его съ рукъ на руки, и привели передъ Коммендантa. Старый служивый, внимательно прочитавъ предписаніе Министра, хотѣлъ уже приказать отвести Гюга въ башню, когда Гюгъ попросилъ Коммендантa позволить ему остаться съ нимъ наединѣ, для сообщенія важной тайны. Коммендантъ смѣрялъ его взоромъ съ головы до ногъ. «Обыскали-ль арестанта?» спросилъ онъ. Полицейскіе отвѣчали утвердительно. «Хорошо,» сказалъ Коммендантъ, «оставьте насъ однихъ; двое изъ васъ должны стать у дверей комнаты, и явиться по моему знаку.» Все бы-

ло исполнено по приказанію. Гюгъ и Коммендантъ остались одни.

«Ну, послушаемъ, говори!» сказалъ Коммендантъ. «Вотъ, ты уже двадцатый арестантъ со вчерашняго дня. И всѣ они хотѣли открыть мнѣ весьма важныя тайны, и вся важность ограничивалась увѣреніемъ, что они невинны, что они жертвы измѣны. Пустые разсказы, вовсе безъ пользы, потому что не въ моей власти освободить кого нибудь!»

— Я не отниму безполезно вашего времени, господинъ Коммендантъ! Я не въ свою пользу хочу говорить, но въ пользу Графа Оттона, нашего перваго Министра, который приказалъ посадить меня въ крѣпость.

«Въ пользу Его Сіятельства, говоришь ты? Это дѣлаетъ честь твоему характеру,» отвѣчалъ Коммендантъ, улыбаясь. «Немного видалъ я подобныхъ тебѣ арестантовъ, въ теченіе десяти лѣтъ, какъ завѣдываю крѣпостью! Ну, говори-же, что хочешь ты сдѣлать полезнаго для Его Сіятельства?

— Это должно быть тайною между имъ и мною. Честь запрещаетъ мнѣ открыть вее, пока самъ Графъ не прикажетъ мнѣ этого. Если вы позволите мнѣ отправить къ нему письмо...

«Дурака что-ли ты нашелъ? Ты хочешь просить помилованія: вотъ вся твоя тайна!

Приказаніе, полученное мною на счетъ твой, очень ясно, такъ, что ты можешь остаться спокоенъ, и я не позволю тебѣ переписываться съ Его Сіятельствомъ.

— Это послѣднее ваше слово, господинъ Коммендантъ? Вамъ рѣшительно неугодно, чтобы я писалъ къ Графу?

« Разумѣется. Если я позволю это всякому арестанту, такъ Его Сіятельство только и долженъ будетъ читать ваши прошенія. Я стоилъ-бы за такую глупость чистой отставки. Нечего болѣе разсуждать: изволь-ка отправляться на свою квартиру!

— Еще одно слово, господинъ Коммендантъ. Если увѣренія честнаго человѣка имѣютъ какую нибудь цѣну въ вашихъ глазахъ, то я вамъ клянусь честью, что все счастіе, самая жизнь Графа Шпульгена, и жизнь еще одной особы, которую не хочу я наименовать, находятся въ величайшей опасности въ эту минуту, когда я съ вами говорю. Если сегодня не получитъ Графъ моего письма — завтра онъ погибъ!

Увѣрительный тонъ, съ какимъ говорилъ арестантъ, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на Комменданта. «Берегись, если ты меня обманываешь! Я повторю всѣ твои слова Его Сіятельству.

— И такъ, вы позволяете мнѣ писать? — спросилъ радостно Гюгъ Иппенинъ.

« Да, но съ условіемъ, что я самъ посмотрю твое письмо.

— Это государственная тайна, господинъ Коммендантъ!

« Но я долженъ знать всю переписку моихъ арестантовъ.

— Въ такомъ случаѣ, я ничего не хочу писать. . . Завтра, вы принуждены будете отпустить меня, когда Графъ Шпульгенъ займетъ мѣсто въ тюрьмѣ, которую для меня приготовили. Вы споспѣшествуете, противъ своего желанія, погибели Его Сіятельства, и, можетъ быть, отставка будетъ наградою за слишкомъ точное исполненіе вашихъ обязанностей.

« Можно подумать, » сказалъ Коммендантъ, « что въ твоихъ рукахъ всѣ тайны дѣлъ государственныхъ, и ты вершишь ими по своей волѣ.

— Надобно вертѣть только главною тайною, господинъ Коммендантъ, и всѣ другія отъ того завертятся. Эту главную тайну я имѣю въ моихъ рукахъ. Изъ тюрьмы моей могу я управлять ею по своей волѣ, и низвергать людей, гораздо выше меня поставленныхъ. Я хочу толь-

ко предувѣдомить Министра объ опасности, угрожающей ему, а потомъ мы посмотримъ, угодно-ли будетъ ему избѣжать ея. Скажу вамъ однимъ словомъ: если получивъ мое письмо, Графъ Шпульгенъ не прикажетъ немедленно освободить меня, вы можете поступать со мною такъ строго, какъ вамъ будетъ угодно. . .

« Пиши,» сказалъ Коммендантъ, завлеченный откровенностью арестанта.

Гюгъ сѣлъ съ одной стороны стола; Коммендантъ началъ писать къ Министру съ другой стороны. Онъ извинялся передъ Его Сіятельствомъ въ снисхожденіи, какое оказалъ арестанту, и въ оправданіе свое приводилъ, слово въ слово, разговоръ съ Гюгомъ. Впрочемъ, письмо Комменданта для насъ нелюбопытно, а вотъ что написалъ Гюгъ:

« Когда такой знатный человѣкъ, какъ вы, обѣщалъ что нибудь такому бѣдняку, какъ я, то онъ спѣшитъ отдѣлаться отъ этого бѣдняка. Такъ всегда поступаетъ умный человѣкъ. Но если такой бѣднякъ, какъ я, получилъ обѣщаніе такого знатнаго человѣка, какъ вы, и оставилъ его не требуя ручательства въ обѣщаніи, то онъ дуракъ. Къ счастію, я не совсѣмъ довѣрялъ вашему слову, и вотъ почему заготовилъ себѣ ручательство, въ которомъ,

безъ сомнѣнія, вы отказали-бы мнѣ. Разставаясь вчера съ вами, я унесъ изъ комнаты, гдѣ мы видѣлись, письмецо дамы, имя которой я умалчиваю. Это письмецо написала она, и хотѣла отослать къ вамъ, за нѣсколько минутъ до прихода вашего. Это письмецо, и еще нѣсколько подробностей о свиданіи нашемъ въ прошедшую ночь, находятся теперь у одного моего друга, и онъ препроводитъ все это прямо въ руки супруга дамы, если я, хотя одинъ день, не появлюсь къ нему самъ лично. И такъ, остерегитесь, Ваше Сіятельство. Ваша тайна не принадлежитъ уже мнѣ. Если я останусь здѣсь, то другъ мой представитъ отданный ему мною, запечатанный пакетъ, и супругъ дамы узнаетъ содержаніе его. Вы видите, что я поступаю откровенно. Будьте и съ вашей стороны откровенны. Если-бы я не догадался захватить письмеца, то погибъ-бы навсегда въ крѣпостной тюрьмѣ, и сестра моя, обезславленная вашею клеветою, двояко была-бы несчастлива, ибо вы рѣшились погубить во мнѣ единственную ея подпору. День правосудія наступилъ, Графъ! Изъ мрака темницы, ничтожный человѣкъ, простой слесарь, песчинка, повелѣваетъ вами, уничтожаетъ васъ! Надобно, чтобы или вы погибли, или сестра моя была оправдана. Удержите меня здѣсь на однѣ сутки, и завтра-же все будетъ открыто. Шпіоны ваши не сы-

щутъ мѣстопребыванія человѣка, обладающаго моею тайною, а я смѣю увѣрить васъ, что никакія пытки не исторгнутъ изъ меня его имени.»

Гюгъ Иттенъ.

Не прошло двухъ часовъ послѣ отправленія сего письма, какъ Коммендантъ Оттергеймской крѣпости получилъ повелѣніе освободить арестанта. Вольфрагъ, Секретарь Министра, поспѣшно прискакалъ съ этимъ приказаніемъ. «Вотъ, господинъ Коммендантъ, не правду-ли я вамъ говорилъ?» сказалъ Гюгъ.

— И такъ, Его Сіятельство теперь спасенъ?

«Еще не совсѣмъ. Это будетъ отъ него зависѣть.» Боясь открытія тайны, Вольфрагъ перервалъ сей разговоръ, и поспѣшилъ выйдти изъ крѣпости съ братомъ Елены.

— Послушайте, господинъ Иттенъ — сказалъ Вольфрагъ, идя вмѣстѣ съ нимъ, по дорогѣ въ О * * * — Графъ Шпульгенъ, начальникъ мой, полагаетъ, что ваша угроза была только хитрость, для полученія свободы. Онъ надѣется впрочемъ, что вы человѣкъ благонамѣренный, и не захотите употребить во зло письма: оно повредитъ — не Графу, но — такой осо-

бѣ, которую вамъ должно уважать, какъ даму, и еще болѣе...

« Благодаренъ Его Сіятельству за доброе мнѣніе обо мнѣ; но не въ то время, когда онъ такъ вѣроломно не сохранилъ своего слова, стану я щадить кого-бы то ни было. Трусость непростительная будетъ съ моей стороны, если я уступлю, достигая уже къ моей цѣли. Вчера я требовалъ только простаго изъясненія; теперь хочу оправданія сестры моей, оправданія полнаго. Скажите начальнику вашему, что не правдоподобнымъ только извиненіемъ буду я теперь доволенъ, но объясненіемъ обстоятельнымъ, гдѣ именно былъ, въ замкѣ Босежурѣ, или въ другомъ мѣстѣ, Графъ Оттонъ, въ тотъ вечеръ, когда оклеветалъ сестру мою, съ прибавленіемъ притомъ, что онъ имѣлъ важныя причины скрывать свое отсутствіе изъ города...

— Не этого ожидалъ я отъ васъ, особливо послѣ того, что сегодня происходило.

« Я могу сказать вамъ, М. Г., что происходило сегодня: безъ всякой недовѣрчивости, готовился я идти въ домъ Министра; онъ обѣщалъ оказать мнѣ правосудіе. И пока собиралъ я свидѣтелей, меня велѣно было схватить, бросить въ тюрьму, гдѣ осужденъ я былъ умереть, забытый всѣми.

— Но, при первомъ вашемъ отношеніи къ нему, вы были свободны.

« При первой моей угрозѣ, скажите лучше. Неужели онъ думаетъ, что исполнилъ свою обязанность, если велѣлъ меня выпустить изъ тюрьмы? Но, въ противномъ случаѣ, онъ самъ погибъ-бы завтра! Опасность, которою угрожалъ я, носится еще надъ его головою; письмо всегда можетъ быть передано по своему назначенію. Повторяю вамъ: Графъ долженъ поспѣшить представленіемъ неоспоримыхъ доказательствъ, что онъ не былъ въ улицѣ Большаго Бѣлаго Орла, въ то время, когда, по его словамъ, находился онъ у сестры моей. Прошу подумать объ этомъ. Извиненіе, которое не докажетъ ясно, что клевета была необходима на тотъ разъ, для сокрытія важной тайны объ отлучкѣ Графа изъ столицы, не удовольствуетъ меня; я принужденъ буду употребить противъ Графа орудіе, которое находится теперь въ рукахъ моихъ!

— Вы хотите подвергнуть опасности жизнь его!

« Я подвергалъ и свою жизнь опасности, М. Г. Онъ хочетъ спасти честь драгоцѣнной для него женщины — я отмщаю за честь сестры моей. Наши обязанности равны, и — ничто въ мірѣ не воспрепятствуетъ мнѣ исполнить мой

долгъ! Впрочемъ, еще новая мысль: вашъ начальникъ богатъ, могущъ... пусть онъ купитъ свидѣтелей: я и этимъ буду доволенъ...

— Могущъ! — сказалъ Секретарь. – Да, за часъ до сего времени, онъ былъ еще столько могущъ, что однимъ словомъ могъ освободить васъ изъ тюрьмы...

«Такъ, какъ могъ и бросить меня въ тюрьму — прибавилъ Гюгъ.

— Но теперь онъ не имѣетъ уже никакой власти! — Гюгъ остановился, видя, что глаза Вольфрага наполнились слезами. — Да, господинъ Иштеинъ — продолжалъ Вольфрагъ — благороднѣйшій, великодушнѣйшій изъ людей добровольно отказался отъ всякой власти! Безъ вашего упорства, онъ еще держалъ-бы бразды государственнаго правленія, для счастія другихъ; но – вы принудили его оставить ихъ...

«Я?» сказалъ Гюгъ, съ чувствомъ радости. «Но, что я сдѣлалъ для этого?»

— Онъ торжествовалъ надъ всѣми своими врагами; только одинъ врагъ оставался, и этотъ одинъ – были вы. Пока несчастный споръ происходилъ между вами въ комнатѣ Клементины, лазутчики подслушивали у дверей. Они услышали мужской голосъ. Напрасно Беатрикса

клялась, что только она одна была съ Клементиною. Къ счастію, поздно увѣдомленный, поздно послалъ за Графомъ Оттономъ Максимиліанъ. Но, однакожь посланные не застали Графа Оттона дома, и встрѣтили его, когда онъ возвращался къ себѣ. Приведенный къ Максимиліану, что могъ онъ сказать?

«Ему стоило опять наговорить на сестру мою!» отвѣчалъ Гюгъ, улыбаясь.

— Онъ такъ и сдѣлалъ.

«Безстыдный человѣкъ!

— Клементина была ни жива, ни мертва; надобно было обмануть Максимиліана. Но за всѣмъ тѣмъ, онъ худо повѣрилъ отговоркамъ своего друга, сильное подозрѣніе осталось въ душѣ его. Достаточно было одного слова обратить это подозрѣніе въ достовѣрность. И когда получено было письмо ваше, и угрожало ему ужасною гласностію дѣла, онъ рѣшился отъ всего отказаться. Несчастіе должно щадить, Г-нъ Иттеинъ! Графъ добровольно отказался отъ славы, почестей, отъ всего! Максиміліанъ прислалъ уже ему увольненіе, и полную отставку; Графъ уѣзжаетъ сегодня-же. Отдайте бѣдственное письмо несчастному, который *былъ* первымъ Министромъ, сильнымъ Графомъ Шпульгеномъ. Человѣкъ, возвысившійся на первую сте-

пень знатности своимъ благородствомъ, своими дарованіями — теперь ничто, потому что вы этого хотѣли. Довольны-ли вы, Г-нъ Иштеинъ? Вы сказали: «Министръ будетъ ниспровержень» — и онъ ниспроверженъ! Вы не можете отказать ему теперь въ отдачѣ письма: оно погубитъ уже не его, но другую, совсѣмъ не оскорбившую васъ, несчастную особу.

«Если-бы я удовлетворялъ только ничтожному чувству гордости,» отвѣчалъ Гюгъ, твердымъ голосомъ, «если-бы только желаніе унизить сильнаго врага одушевляло меня въ преслѣдованіи Графа, то, признаюсь, мое мщеніе было-бы теперь удовольствовано! Но возмездіе, какого, съ такимъ упорствомъ, требую я отъ Графа, равно потребовалъ-бы я отъ купца, мѣщанина, отъ подобнаго мнѣ ремесленника. Отъ нихъ искалъ-бы я его просто судомъ. Вчера я не могъ ожидать правосудія, обвинивъ передъ судомъ Министра; теперь оружіе наше уравнялось. Я обѣщаю вамъ не дѣлать никакого употребленія изъ письма, но отдамъ его тогда только, когда сестра моя будетъ оправдана судебнымъ порядкомъ отъ клеветы. Письмо останется у меня залогомъ правой моей жалобы.»

— Какъ, Г-нъ Иштеинъ? Его паденіе, его бѣдствіе, не удовлетворяютъ васъ?

« Но, если-бы онъ стоялъ еще выше, и упалъ-бы еще ниже, если-бы онъ былъ теперь еще несчастнѣе, развѣ сестра моя не будетъ одинаково презираема цѣлымъ городомъ? Несчастіе Графа возвращаетъ-ли ей доброе имя? Оставивъ теперь всякое преслѣдованіе, исполню-ли я клятву, данную отцу моему? Желаю всякаго благополучія Графу, желаю, чтобы онъ по прежнему, и, если можно, еще выше былъ при Дворѣ Ландграфа. Все это не возбудитъ во мнѣ, увѣряю васъ, никакой зависти. Но за то, въ какомъ-бы онъ ни былъ положеніи, пока сестра моя не оправдана, я долженъ, и буду его преслѣдовать! »

— Вы злой человѣкъ, Г-нъ Иштеинъ! — сказалъ Вольфрагъ, поспѣшно удаляясь.

« Вы одобрили-бы меня, если-бы я преслѣдовалъ какого нибудь бѣдняка. Виноватъ-ли я, что врагъ мой Графъ и Министръ? Я не искалъ для вражды моей Графа и Министра, а сразился съ тѣмъ, кто самъ вызвался на мою непріязнь.

Вольфрагъ отправился въ столицу, извѣстить своего начальника о рѣшительномъ намѣреніи брата Елены. Гюгъ пошелъ по дорогѣ Франкфуртской. Вскорѣ былъ уже онъ подлѣ Елены, ожидавшей его въ ужасномъ безпокойствѣ. Гюгъ не хотѣлъ ничего говорить, ни о сценѣ въ ко-

мнашахъ Клементины, ни о своемъ непродолжительномъ заключенiи въ крѣпость; но, въ первый разъ извѣстилъ онъ тогда свою Франкфуртскую родню о причинѣ удаленiя изъ О***, наименовалъ виновника клеветы, заставившей его бѣжать, вмѣстѣ съ сестрою, сказалъ о низверженiи Министра, и о томъ, что онъ хочетъ преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ въ Городскомъ Судѣ. Если онъ умолчалъ передъ своими родными о самыхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ борьбы своей съ Графомъ Шпульгеномъ, за то ничего не скрылъ отъ Ансельма, въ письмѣ, отправленномъ къ нему въ тотъ-же день. «Не мы,» писалъ онъ къ нему, въ заключенiе письма, «не мы поѣдемъ теперь изъ О***, искать тебя гдѣ нибудь, вдалекѣ отъ родины; но ты возвратишься къ намъ, на родину, гдѣ твоя невѣста, совершенно оправданная, прiобрѣтетъ снова уваженiе тѣхъ людей, которые слишкомъ поторопились презирать ее, положась на болтовню дитяти. Признаемся: мы было сами всему повѣрили; но скоро истина будетъ признана всѣми. Еще нѣсколько недѣль, и мы станемъ думать, что намъ грезился непрiятный сонъ; мы снова условимся съ тобою о заведенiи своемъ, если процессъ не слишкомъ раззоритъ наши запасы. Впрочемъ, пусть весь запасъ нашъ перейдетъ на судебныя издержки, мы можемъ утѣшиться,

зная, что у насъ остается честь, вѣрное счастіе, и здоровыя руки, которыя вознаградятъ трату денегъ, на добро употребленныхъ.»

На другой-же день, Гюгъ располагался идти, и подать жалобу на Графа Оттона Шпульгена. Уже онъ выбралъ себѣ и адвоката. Хотѣли садиться за ужинъ; завязался сильный споръ: Франкфуртская родня уговаривала Гюга не приступать къ опасному процессу; Гюгъ не соглашался оставить своего намѣренія. Въ это время, вдругъ дверь отворилась; вошелъ какой-то незнакомецъ; Гюгъ узналъ въ немъ Секретаря Министрова. Вольфрагъ просилъ Гюга позволить ему переговорить съ нимъ наединѣ. Они вышли въ ближнюю комнату. «М. Г.,» сказалъ тогда Вольфрагъ, «послѣ нынѣшняго утра, въ судьбѣ моего начальника произошла ужасная перемѣна. Изъ сильнаго, знаменитаго вельможи, онъ сдѣлался теперь бѣглецомъ, долженъ, какъ преступникъ, скрываться, и это послѣднее его несчастіе есть ваше дѣло!

— Говорите яснѣе, М. Г. — Я хотѣлъ только еще начинать судебное его преслѣдованіе...

«Такъ; но Графъ чувствовалъ, что жалобу вашу будетъ сопровождать подробное изслѣдованіе; что надобны будутъ вѣрныя доказательства на этотъ несчастный вечеръ 15-го Сен-

тября; открытіе истины могло убить Клементину. Спасая честь ея, онъ отказался отъ почестей, отъ отечества; для спасенія жизни, онъ рѣшился пожертвовать ей и самымъ именемъ своимъ. Вамъ нечего уже жаловаться на Графа Шпульгена: онъ погибъ, онъ существуетъ только для одного меня! Только я одинъ буду отнынѣ вездѣ ему сопутствовать, постараюсь дружбою усладить его печальное существованіе, и доказать ему моею приверженностью, что я чувствую благодѣянія, какими осыпалъ онъ меня во время своего благоденствія.»

Вольфрагъ едва могъ говорить: такъ полно было его сердце. Невольно тронутъ былъ Гюгъ, не могъ удержаться, и не сказать: «Да, онъ былъ добрый вельможа, достойный Министръ... Но, еще вчера клеветалъ онъ на сестру мою, еще сегодня хотѣлъ онъ лишить ее брата... Это преступленія, М. Г., преступленія, какихъ не прощаютъ!

— Онъ искупилъ ихъ; повѣрьте, что онъ искупилъ ихъ ужасною цѣною! Позвольте мнѣ докончить, и сказать вамъ все, что сдѣлалъ Графъ для возвращенія сестрѣ вашей чести, которою вы такъ дорожите, и которая стоила Графу слишкомъ много.

«Вчера она стоила-бы ему только нѣсколькихъ словъ, такъ какъ за двѣ недѣли онъ отнялъ ее у насъ нѣсколькими словами.

— А теперь, онъ отдалъ за нее — болѣе, нежели жизнь, М. Г. — За вашу честь онъ отдалъ свою честь. Нынѣшнимъ утромъ, пожертвовавъ вашему мщенію званіемъ Министра, онъ надѣялся вашего снисхожденія. Но, когда возвратился я, и сказалъ о вашемъ упорствѣ, когда Графъ увидѣлъ, что рано или поздно тайна должна открыться, онъ вскричалъ въ совершенномъ отчаяніи: «Головы моей требуетъ этотъ врагъ — онъ ее получитъ!» — По выраженію взора его, я увидѣлъ, что Графъ рѣшился на что нибудь отчаянное; но я не смѣлъ его спрашивать. «Слѣдуй за мною, Вольфрагъ!» сказалъ онъ. — Иду, куда идете вы, хоть на край свѣта — вы всегда найдете меня готоваго... Но Графъ не слушалъ меня — онъ былъ, какъ сумасшедшій. Вмѣстѣ отправились мы въ Оттергеймскую крѣпость. Слухъ объ отставкѣ Графа недостигъ еще туда, и всѣ двери отворились передъ нимъ. Онъ прошелъ прямо въ ту комнату, гдѣ былъ заключенъ Баронъ Редельгеймъ, и находились въ это время всѣ посланные въ крѣпость заговорщики Золотаго Оленя. Они поблѣднѣли при его появленіи, и не замѣтили, ни дикаго отчаянія

въ его глазахъ, ни того, что я трепешалъ. «Зачѣмъ пришли вы? Не порадоваться-ли нашему несчастію?» спросилъ Баронъ. Упреки, укоризны посыпались со всѣхъ сторонъ. Молча выслушалъ Графъ всѣ оскорбительныя слова враговъ своихъ, и когда первое движеніе негодованія ихъ прошло, сказалъ: — Прошу выслушать меня. Если всѣ вы хотите черезъ часъ быть свободными, и съ торжествомъ возвратиться ко Двору Максимиліана, это зависитъ отъ васъ. — «Еще злая насмѣшка!» вскричалъ Баронъ. — Повторяю вамъ — отвѣчалъ Графъ — это зависитъ отъ васъ! — «Но, что-же надобно намъ дѣлать,» спросила Графиня Фридерика, «для возвращенія милости Ландграфа?» — Погубить меня, Графиня! И, думаю, вашей ненависти ко мнѣ достанетъ согласиться на мое предложеніе — горячо возразилъ мой начальникъ. Арестанты, съ изумленіемъ поглядѣли другъ на друга, не смѣя вѣрить слышанному. Я угадывалъ все, и, не смотря на мои усилія, готовъ былъ плакать. «Вы должны отправить къ Максимиліану просьбу, которую сей часъ составлю я вамъ, и эта просьба погубитъ меня, но, *только одного меня*! Вы дадите мнѣ слово, что никогда и ничего не будете говорить противъ содержанія этой просьбы, и что подпишете ее всѣ.» Потомъ, обернувшись ко мнѣ: «Пиши, Вольфрагъ, что я буду диктовать,»

сказалъ Графъ, « а васъ прошу слушать внимательно. » Со слезами взялъ я перо — мнѣ должно было писать смертный приговоръ Графа! Всѣ заговорщики окружили столъ, къ которому сѣлъ я, и, казалось, взвѣшивали каждое слово, выговоренное Графомъ. Онъ диктовалъ мнѣ:

« Вѣрные ваши подданные, жертвы робкой измѣны, надѣясь, что вопль истины достигнетъ до васъ, повергаютъ къ стопамъ вашимъ обличеніе величайшаго преступника. Графъ Оттонъ фонъ-Шпульгенъ, худо понимая нашу преданность къ особѣ вашей, старался вовлечь насъ въ ужасный заговоръ, угрожавшій вамъ гибелью. . .

— Мы никогда не согласимся подписать этого! — вскричалъ Баронъ. — Мы сообщники заговора? Никогда, никогда! — повторили другіе. — « Прошу позволить мнѣ кончить, » хладнокровно сказалъ Графъ. «Погибну только одинъ я!» Онъ продолжалъ диктовать:

« Мы притворно раздѣляли его умыселъ; но только для того, чтобы имѣть ясныя доказательства его преступленія, и представить ихъ вамъ. Злодѣй былъ ослѣпленъ. Онъ не видалъ, что вмѣсто раздѣленія его преступныхъ замысловъ, мы были охранителями вашими, готовыми жертвовать за васъ жизнію. Прикажите допросить Графа Шпульгена; узнайте, что

онъ спѣшилъ погубить насъ, и лишилъ всякаго средства изъяснить вамъ истину, потому единственно, что съ ужасомъ увидѣлъ наконецъ сѣти, разставленныя ему нашею къ вамъ преданностію,»

— Подпишете-ли вы это? Откажете-ли мнѣ послѣ сего въ этой ужасной услугѣ? — спросилъ Графъ. — Я жертвую своею жизнію! Дайте мнѣ средство пожертвовать ею! — Графиня Фридерика плакала, такъ, какъ я: она поняла все... «Оттонъ!» сказала она, «я удивляюсь вамъ, я благоговѣю передъ вами! Человѣкъ, способный къ такой высокой страсти, достоинъ быть любимъ женщиною, кто-бы она ни была!» Арестанты еще думали, читали, не смѣли подписывать. «И вы еще колеблетесь?» сказалъ Графъ. «Передъ вами вѣрное средство пріобрѣсть снова благоволеніе Ландграфа, быть главными при Дворѣ — и что еще для этого надобно? Не мое-ли собственное признаніе, что вы ничего не знали, что я былъ начальникомъ заговора, и тайныхъ собраній въ корчмѣ Золотаго Оленя? Не бойтесь: я не измѣню вамъ!» Онъ немедленно написалъ собственноручно два письма: одно къ Максимиліану, другое — къ вамъ, Г-нъ Иштеинъ. — «Ко мнѣ?» вскричалъ Гюгъ, до слезъ растроганный словами Вольфрага. Онъ схватилъ письмо Графа, и читалъ слѣдующее:

«Навсегда убѣгая изъ той страны, гдѣ недостоинъ я жить, не хочу, М. Г., оставить на совѣсти моей того, что я оклеветалъ невинную вашу сестру. Симъ объявляю, что я никогда не видалъ и не зналъ ея. Ложный слухъ, распущенный мною о преступной ея со мною связи, прикрывалъ преступленіе болѣе важное, о которомъ вы вскорѣ узнаете. Двадцать благородныхъ свидѣтелей, невинно страдавшихъ въ Оттергеймской крѣпости, засвидѣтельствуютъ, что вечеромъ 15-го Сентября былъ я съ ними въ корчмѣ Золотаго Оленя. Да проститъ мнѣ та, которую клевета моя безчестила въ глазахъ честныхъ людей.

Графъ Оттонъ фонъ-Шпульгенъ.

Чувство удивленія къ человѣку, котораго преслѣдовалъ онъ такъ жестоко, овладѣло душею Гюга, когда Гюгъ прочелъ это письмо. «Ахъ! если у него нѣтъ пристанища, пусть идетъ онъ ко мнѣ, пусть требуетъ всего, самой жизни моей!» вскричалъ Гюгъ.

— Онъ требуетъ *только письма Клементины.* Теперь отдадите-ли вы его?

«Вотъ оно!» сказалъ Гюгъ. «Оно всегда было со мною; я не распечатывалъ, и не отдавалъ его никому... Но, скажите, что-же сдѣлалось съ просьбою?

— Ее подписали всѣ, и отправили по назначенію. Въ то-же время, Максимиліанъ получилъ письмо Графа, подтверждавшее просьбу его враговъ, и показанія ихъ. . .

« Гдѣ-же Графъ теперь?

— Онъ скрылся; я спѣшу въ его тайное убѣжище. — Вольфрагъ вышелъ. Гюгъ бросился за нимъ. Завернувшись въ плащъ, Оттонъ ходилъ взадъ и впередъ неподалеку, и нетерпѣли водожидался вѣрнаго Вольфрага. Видя, что за нимъ бѣжитъ еще кто-то, Оттонъ ужаснулся.

« Графъ!» сказалъ Гюгъ — « я не хотѣлъ довести васъ до такого несчастія!»

— М. Г.—отвѣчалъ Графъ — каждый изъ насъ исполнялъ свою обязанность, и каждый получилъ достойную плату: вы — угрызеніе совѣсти; я — гибель! — Онъ удалился.

Въ самый день бѣгства Оттонова, возвращены были ко Двору арестанты Оттергеймской крѣпости. Оттона судили заочно. Отдадимъ справедливость Барону и друзьямъ его: по ихъ просьбѣ Графъ Шпульгенъ былъ осужденъ только на вѣчное изгнаніе. Клементина ничего этого не узнала: смерть уже избавила ее въ это время отъ несчастій и страданій. Ансельмъ возвратился въ О * * *; Еленѣ снова дали мѣсто въ кирхѣ, въ общественныхъ танцахъ, и

въ добромъ мнѣніи. Гюгъ положилъ письмо Графа подлѣ листочка Библіи, на которомъ означенъ былъ день рожденія сестры. Но никогда не открывалъ онъ послѣ сего Библіи безъ того, чтобы слезы не навернулись въ его глазахъ, и вздохъ не вылетѣлъ изъ его груди. «*Честь женщины дорого стоитъ!*» говаривалъ онъ (*).

(*) Сочиненіе Французскаго автора, который скрываетъ настоящее свое имя, подъ именемъ *М. Реймона*. Мы читали въ Сѣверной Пчелѣ, что книга, изъ которой взята нами сія повѣсть (*Daniel le lapidaire*, ou les contes de l'atélier, 2 т. Парижъ, 1832 г.) вполнѣ переводится на Русскій языкъ. Извѣстіе пріятное; читатели могутъ судить о книгѣ по образчику. *Изд. Тел.*

Путешествіе ко святымъ мѣстамъ, въ 1830 году. *Двѣ части.* Съ эпиграфомъ: *Благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ.* СПб. 1832 г. въ т. III-го Отд. собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, in-8, IV и 298, VI и 244 стр. съ планомъ Іерусалима.

Сердечными желаніями успѣха въ пути и благополучнаго возвращенія напутствовали мы юнаго соотечественника нашего, когда услышали, что по возстановленіи мира съ Турціею, отложивъ мечь воина, онъ взялъ посохъ Паломника, и отправился поклониться святому Гробу Спасителя. Читатели припомнятъ пѣснь, какую прислалъ тогда поэтъ-воинъ, при отправленіи своемъ въ далекій, трудный путь (Телеграфъ, 1830 г. т. XXXI, стр. 314). Вѣра подкрѣпила силы его, и сохранила его среди опасностей. По возвращеніи своемъ, онъ разсказываетъ теперь своимъ соотчичамъ видѣнное, слышанное, испытанное имъ. Разсказъ этотъ особенно любопытенъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи, путешествіе по Европѣ не можетъ, ни быть для насъ предметомъ подобнаго любопытства, ни имѣть равной важности. Что хотѣлъ-бы сказать путешественникъ, то, или уже давно сказано, или не можетъ быть сказано, или не можетъ быть даже замѣчено, схвачено въ быстрой прогулкѣ путеше-

ственника. Остаются собственные взгляды странствователя; но много-ли такихъ людей, которымъ не сказанное еще никѣмъ прежде ихъ внушили-бы самые высокіе предметы природы, или человѣческаго общества — снѣга Альпійскіе, развалины Римскія, гражданственность Англійская, дикость Испанская? Избави насъ Богъ отъ поэтическихъ думъ и мыслей, какія многимъ внушаютъ Римъ и Греція; избави также отъ мыслей, просѣянныхъ сквозь рѣшето справокъ и цитатъ, и отъ описаній и открытій, заготовленныхъ по возвращеніи путешественника въ его кабинетъ! Европа живетъ не на площадяхъ и не на улицахъ, и узнавать ее надобно не переѣздомъ изъ одного города въ другой. Но Востокъ иное дѣло. Онъ весь наружѣ, весь на показъ, и живетъ внѣшнею жизнію, какъ молодой наслѣдникъ стараго отца. Жизнь эта не заключена въ тишинѣ кабинетовъ и въ пыльныхъ бумагахъ. Востокъ непремѣнно надобно видѣть, чтобы понять, и видя его понять можно многое, даже въ быстромъ обзорѣ. Кромѣ того, мы такъ мало слышимъ о Востокѣ. Путешествіе въ самую Испанію сдѣлалось прогулкою, а въ Лондонъ изъ Петербурга можете съѣздить въ концертъ — такъ поѣздка эта легка и недорога. Совсѣмъ другое Востокъ, гдѣ подлѣ развалинъ древняго образованія кочуютъ орды и чума, и жизнь общественная проявляется въ дикихъ, странныхъ формахъ.

Что сказали мы о Востокѣ вообще, то, частно, можемъ примѣнить къ Палестинѣ. Какъ въ Египетъ безпрерывно пріѣзжаютъ торговцы Европейскіе,

такъ въ Іерусалимъ всегда стремятся поклонники, со всѣхъ сторонъ свѣта. Въ рѣдкомъ № Московскихъ Вѣдомостей не найдете вы извѣстія объ отъѣзжающихъ въ Іерусалимъ поклонникахъ Русскихъ. Но что̀ они, большею частію, старики и старухи, люди низшихъ состояній, и необразованные, скажутъ намъ? Одно, всепоглощающее чувство вѣры въ смиреніи ведетъ ихъ, часто заставляя въ пути питаться милостынею! Іерусалимъ все еще остается особенно любопытнымъ для насъ, по самой рѣдкости *Русскихъ*, и вообще *новыхъ* извѣстій о нынѣшнемъ его состояніи.

Правда, издревле имѣемъ мы, и можемъ представить нѣсколько описаній Іерусалима, и рядъ ихъ продолжается до нашего времени. Еще въ XII-мъ вѣкѣ *Даніилъ Игуменъ* былъ тамъ, бесѣдовалъ съ Готфридомъ, царствовавшимъ тогда въ Іерусалимѣ, и оставилъ описаніе (оно донынѣ не издано). Трифонъ Коробейниковъ описалъ Іерусалимъ въ XVI-мъ вѣкѣ (это описаніе было напечатано много разъ). Подробное описаніе, сдѣланное Сухановымъ, Келаремъ Троицкой Лавры, по которому Никонъ выстроилъ Воскресенскій Новый Іерусалимъ, относится къ половинѣ XVII-го вѣка. Пѣшеходъ Григоровичъ — Маркъ-Павелъ нашего простонародія (*шестое* изданіе его книги, СПб. 1819 г.), и Мелетій, монахъ Саровскій, писавшій подъ руководствомъ извѣстнаго Іерарха Никифора Ѳеотокія (напеч. свою книгу въ М. 1800 г.), описывали Палестину въ XVIII-мъ вѣкѣ. Не упоминая о двухъ неважныхъ путешествіяхъ нашего времени (Вишня-

кова и Новикова, изд. въ М. 1813 г., и Бронникова, изд. въ М. 1824 г.), укажемъ на любопытные отрывки изъ путешествія просвѣщеннаго соотечественника нашего, которому, вѣроятно, важнѣйшія, государственныя занятія не позволяли издать его вполнѣ. Мы говоримъ о *Д. В. Дашковѣ*, помѣщавшемъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* отрывки изъ своего путешествія.

Кромѣ сихъ отрывковъ, почти все, что прежде и нынѣ писано объ Іерусалимѣ Рускими, состоитъ или изъ сухихъ топографическихъ подробностей, или изъ благочестивыхъ возгласовъ и разсказовъ. Читаете Коробейникова, или Мелетія, и ни сколько не одушевляется передъ вами святое мѣсто страстей Господнихъ, колыбель нашего спасенія.

Противоположное этому представляетъ книга, изданная новымъ странствователемъ нашимъ. Онъ посѣтилъ святыя мѣста и описываетъ ихъ, какъ поэтъ, какъ просвѣщенный наблюдатель, и какъ Христіанинъ. Прибавимъ къ этому свѣжесть извѣстій и прелесть новости описаній. Если мы скажемъ еще, что Авторъ умѣлъ уравнять объемъ разсказа о самомъ себѣ съ описаніемъ того, что не было сказано другими объ Іерусалимской топографіи; если мы скажемъ читателямъ, что хотя главный предметъ книги составляетъ *Іерусалимъ*, но Авторъ описываетъ также путешествіе свое до Іерусалима и изъ Іерусалима обратно, то они, конечно, согласятся, что мы хотимъ указать имъ на книгу, точно достойную особаго вниманія.

Именно въ достоинство книги этой поставляемъ мы, какъ-то, что Авторъ не собою, но тѣмъ, что видѣлъ, занимаетъ читателя, такъ и то, что онъ повѣствуетъ видѣнное и замѣченное имъ, а не составляетъ своего путешествія изъ выписокъ. Послѣ Шатобріана, который для Русскихъ читателей высшаго разряда составляетъ то-же, что Григоровичъ для низшаго (*), можете читать новое путешествіе въ поученіе себѣ, и съ любопытствомъ.

Авторъ находился въ Дѣйствующей арміи, бывшей подъ начальствомъ Графа Дибича. Кратко описываетъ онъ вначалѣ переходъ черезъ Балканы, занятіе Адріанополя, и миръ съ Турціею. « Тогда расположенный грустію и навыкомъ долгихъ лишеній (стр. 14) къ предпріятію тяжкому, рѣшился я (говоритъ онъ) слѣдовать наконецъ давнишнему влеченію сердца, и преодолѣвъ любовь къ родинѣ, которая меня къ себѣ манила, пуститься въ новый, дальній путь, отъ раннихъ лѣтъ начертанный въ моихъ мысляхъ, къ священной цѣли, которой уже не могъ миновать на жизненномъ поприщѣ. »

При такомъ скромномъ упоминаніи, Авторъ не говоритъ намъ того, что не скрываютъ знавшіе

(*) Книга Шатобріана: Itinéraire de Paris à Jérusalem, etc. переведена была дважды на Русскій языкъ, Княземъ П. И. Шаликовымъ (М. 1815 г. 3 ч.) и Свящ. Іоанномъ Граціанскимъ (СПб. 1815 г. 3 ч.).

его товарищи. Юная, пылкая душа увлекла его, сына родителя, уважаемаго по заслугамъ и душевнымъ свойствамъ, подъ знамена браноносныя, отъ тихихъ занятій ученіемъ и отъ досуговъ поэзіи. Судьба хранила юнаго поэта среди ужасовъ брани, и среди гибели, которая окружала воиновъ нашихъ въ войнѣ съ Турками. Онъ былъ утѣшителемъ собратіи, страдавшей, умиравшей окрестъ него, и чувство Религіи всегда одушевляло его, и при одрѣ страдальцевъ, и въ кровавыхъ сѣчахъ. Это глубокое чувство повело его впослѣдствіи ко Гробу Господню. Трогателенъ разговоръ Автора съ Героемъ Забалканскимъ, у котораго просилъ онъ позволенія отправиться для поклоненія Святымъ мѣстамъ. Въ Бургасѣ простился нашъ странникъ съ товарищами, и наканунѣ 1-го Января 1830 года, изъ Сизополя отплылъ, на Русскомъ военномъ кораблѣ, въ Царьградъ.

Февраля 8-го, изъ Царьграда, на Венеціянскомъ кораблѣ, отправился путешественникъ нашъ въ Египетъ. Здѣсь, осмотрѣвъ Александрію, по Нилу прибылъ онъ въ Каиръ, видѣлся съ Магометомъ-Али, взглянулъ на Пирамиды, на остатки Мемфиса, и по Сирійской степи пробрался въ Палестину. Кратко описывая все до сего главнаго предмета своего странствованія (стр. 1—203), Авторъ занимаетъ большую половину своего сочиненія (стр. 203–298, 1—160) описаніемъ Іерусалима и его окрестностей. Онъ возвратился черезъ Акру, Тиръ, Бейрутъ, откуда отправился моремъ въ Смирну. Корабль его приставалъ еще къ Кипру. Изъ Царьграда отправился путешественникъ прямо въ Одессу.

Не ищите подробныхъ, систематическихъ описаній въ двухъ небольшихъ книгахъ, въ которыхъ заключается взглядъ на столь многое и разнообразное. Это, говоря собственно, замѣтки. Но многое изъ сихъ замѣтокъ поясняетъ обстоятельства лучше длинныхъ повтореній стараго, или общихъ мѣстъ.

Постоянно хранилъ въ сердцѣ своемъ нашъ странникъ память о родинѣ. Имя *Рускаго* доставляло ему уваженіе всюду. Русь оглушила теперь Востокъ громомъ побѣдъ, и фаталическое преданіе Востока, о томъ, что Рускіе возмутъ Царьградъ и низложатъ Турцію, получило почти положительную достовѣрность въ глазахъ Мусульманъ послѣ Адріанопольскаго мира. Нашему страннику, *Бензаде Московскому*, часто не смѣли противорѣчить, въ такихъ случаяхъ, гдѣ ничто другое не могло убѣдить гордаго Турка, ни деньги, ни просьбы. Передъ пріѣздомъ его въ Іерусалимъ разнесся даже странный слухъ объ немъ. Говорили, будто онъ начальникъ отряда Рускихъ, назначеннаго завоевать Іерусалимъ, и это встревожило Мусульманское начальство Іерусалима. Эмиръ племени Мугаммедова, показывая ему домъ свой, сказалъ со вздохомъ: «Будьте къ намъ благосклонны. Чувствуемъ, что здѣсь все ваше, или будетъ вашимъ. Но, да исполнится воля Судьбы!» Іерусалимскій Мусселимъ вѣжливо разговаривалъ съ нимъ о родинѣ своей, Абхазіи. Услышавъ, что этотъ Мусселимъ родомъ изъ Сухумъ-Кале, нашъ соотечественникъ поздравилъ его землякомъ. «Какъ: давно-ли?» спро-

силъ изумленный чиновникъ. Узнавъ, что родина его уже подвластна Россіи, онъ изъявилъ радость, что видитъ Рускаго. *Народъ Московскій далеко оставилъ за собою всѣ племена Франковъ* — прибавилъ онъ.

Трогательны всѣ мѣста, гдѣ Авторъ разсказываетъ о предметахъ, напоминавшихъ ему на Востокѣ милую родину. При церкви Св. Гроба, въ Іерусалимѣ, онъ нашелъ нѣсколько Русскихъ монаховъ и послушниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ нѣкогда вахмистромъ въ Конной Гвардіи, рѣшился, послѣ отставки, посвятить себя Богу, уѣхалъ въ Іерусалимъ, и остался тамъ навсегда монахомъ. Онъ живо еще помнитъ Русь и былую службу свою. Вотъ забавный случай: садясь на лошадь, чтобы ѣхать съ путешественникомъ нашимъ къ Іордану, онъ никакъ не могъ приладить по ногамъ короткихъ Арабскихъ стременъ, и съ досадою говорилъ: «Послалъ-бы я васъ, бусурмановъ, на ординарцы къ командиру нашей Конной Гвардіи, такъ онъ научилъ-бы васъ порядку, а то вамъ здѣсь своя воля!»— Другой Русскій монахъ, Паисій, бѣжалъ еще изъ Запорожской Сѣчи; теперь ему 80 лѣтъ, и онъ служитъ переводчикомъ для Рускихъ. Нѣсколько человѣкъ бѣжало изъ плѣна у Турковъ и Персіянъ, и осталось въ Палестинѣ. «Всѣ они, составивъ себѣ особенный, странный языкъ, смѣсь Греческаго и Русскаго, для объясненія съ Духовенствомъ, приняли на себя различныя должности, и такимъ образомъ *живутъ*, хотя и скудно, среди всеобщаго голода и нищеты. Иной печетъ просфоры и хлѣбы,

другіе смотрятъ за маслинами, огородами, лошаками. Въ обители Св. Саввы, изъ 17 монаховъ, *половина Рускихъ*. «Всѣ они преклонныхъ лѣтъ, и облеклись въ схиму, по даннымъ обѣтамъ за исцѣленія отъ тяжкихъ болѣзней, или чумы.» Но въ келліяхъ у нихъ, Авторъ видѣлъ картинки, изображающія событія 1812 года. Иноки смотрятъ на эти картинки, вспоминаютъ иногда Россію, и утѣшаются памятью былаго, отрекшись міра, и стоя при дверяхъ могилы, безъ всякой уже надежды увидѣть когда нибудь свою родину. Въ этой-же обители Авторъ видѣлъ портретъ Мазепы, писанный масляными красками, съ гербомъ его, и Латинскою надписью. Преданіе говоритъ, что Мазепа приходилъ въ Іерусалимъ, испрашивать разрѣшенія въ проклятіи отъ четырехъ Патріарховъ, а въ лаврѣ Св. Саввы оставилъ богатые дары, и на память портретъ свой, прося братію молить о спасеніи его души. — На дорогѣ изъ Іерусалима въ Наблусъ, Виѳлеемскій Арабъ встрѣтилъ нашего путешественника, ѣхавшаго со многими другими. Узнавъ, что онъ Рускій — «Московскій Бейзадей!» сказалъ Арабъ, «я Христіанинъ. Скажи мнѣ: скоро-ли Царь вашъ освободитъ Святую землю? Мы всѣ его. О, да избавитъ онъ насъ отъ ига языческаго.» — Въ Египтѣ, близъ Пирамидъ Сахарскихъ, кладбища Мемфисскаго, путешественникъ остановился въ хижинѣ отшельника, Француза. Этотъ пустынникъ былъ нѣкогда воиномъ Наполеона, участвовалъ въ грозномъ походѣ 1812 года, видѣлъ пожаръ Москвы и испыталъ ужасы Русской зимы.

Имя *Наполеона* неизгладимо врѣзалось въ Пирамиды Египта и въ степи Сирійскія. Тамъ все еще говорятъ объ его походѣ, его имени, на ряду съ именами Римлянъ и Восточныхъ завоевателей. Востокъ облекъ и Наполеона въ свой миѳическій покровъ. «Нашествіе Наполеона сдѣлало эпоху въ Египтѣ, подобно какъ въ Россіи 1812-й годъ.» Тамъ еще помнятъ Клебера. Идя однажды по улицамъ Александріи, Авторъ встрѣтился съ нищимъ, слѣпымъ Арабомъ. Проводникъ сказалъ слѣпцу, что это Франкъ, и слѣпецъ, чисто по-Французски, проговорилъ ему: «Гражданинъ! дайте милостыню бѣдному Арабу!» — Авторъ не упоминаетъ о преданіи, существующемъ въ Египтѣ, будто геній, извѣстный нѣкогда на землѣ подъ именемъ: *Бонамберджи* (Бонапарте), является нынѣ на вершинахъ Пирамидъ, сзываетъ и обозрѣваетъ воздушные полки свои. Такъ у насъ въ Россіи, простолюдины донынѣ не вѣрятъ, что Наполеонъ умеръ, и думаютъ, что онъ только скрывается, и явится нѣкогда снова, въ новой ужасающей силѣ, и всѣ Цари земные соберутся опять сражаться съ нимъ. Сколько поэзіи въ такихъ народныхъ повѣрьяхъ! Прекрасна мысль нашего путешественника, въ то время, когда онъ завидѣлъ «зубчатыя стѣны многобашенной Акры, и ея легкіе минареты. Это *одинъ конецъ* той завѣтной черты,» думалъ онъ, «которую Востокъ поставилъ предъ исполиномъ Запада; *другой конецъ* ея въ Кремлѣ, и объ эту завѣтную черту разбился колоссъ его величія!»

Послѣднія событія на Востокѣ заставляютъ насъ съ особеннымъ вниманіемъ читать все, что

говоритъ Авторъ о нынѣшнемъ состоянiи Египта и Сирiи. Жаль, что онъ не изобразилъ намъ замѣчательнаго Ибрагима-Пашу, котораго видѣлъ въ Александрiи. Мугаммедъ-Али пригласилъ его къ себѣ, на другой день по прибытiи его въ Каиръ. Вечеромъ отправился къ нему нашъ *Бейзадей*, со многими факелами, и съ двумя ясакчи, которые еще не перестали въ Египтѣ носить имя Янычаръ. «Во вратахъ крѣпости Эль-Азабъ (говоритъ Авторъ) встрѣтилъ я малолѣтнаго внука Мугаммеда-Али, Аббаса-Пашу, ѣдущаго на молитву въ мечеть Гассана, при свѣтѣ многочисленныхъ огней, озарявшихъ пышную свиту и богатоубранныхъ лошадей. Они мелькнули и исчезли, и дикiя башни цитадели снова погрузились въ густой мракъ, который уже не прерывался до самаго дворца. Множество коней и лошаковъ, коихъ владѣльцы сидѣли на совѣщанiи въ государственномъ диванѣ, наполняли дворъ, и ихъ черные саисы, вмѣстѣ съ стражами Паши, толпились у крыльца. Я взошелъ въ верхнiя залы. Тамъ, передъ прiемною комнатою Мугаммеда-Али, придворные его сидѣли на колѣняхъ, на разостланныхъ по всему полу цыновкахъ, и творили послѣднюю молитву рамадана, молясь вмѣстѣ и о благоденствiи Паши, который, по своему сану, былъ избавленъ отъ общей мольбы, и спокойно сидѣлъ въ концѣ обширной залы, куда ввели меня, по окончанiи духовнаго обряда. Крѣпкое сложенiе обѣщаетъ еще долгую жизнь шестидесятилѣтнему Пашѣ, если только не прервутъ оной Царяградскiя Парки. Умное и прiятное выраженiе

лица, и сѣдая окладистая борода, даютъ маститому старцу величавую наружность, которая становится еще привлекательнѣе при его ласковыхъ рѣчахъ и вѣжливомъ обращеніи. Чалма и одежда носятъ отпечатокъ любви его къ роскоши, и ярко горитъ алмазами вся принадлежащая ему утварь. Онъ рѣдко окружаетъ себя многочисленнымъ дворомъ своимъ; болѣе склонный къ обществу Франковъ, любитъ бесѣдовать съ ними о своихъ заведеніяхъ и торговлѣ, вывѣдывая новости политическія, и въ ихъ кругу нашелъ я его при моемъ представленіи. Всѣ стояли. — Еще издали привѣтствовалъ меня Паша, и посадилъ близъ себя на бархатномъ диванѣ, обкладенномъ парчевыми подушками, который окружалъ всю залу, устланную Египетскими, тонкими цыновками. Ему поднесли, на колѣняхъ, блестящій алмазами кальянъ, и намъ обоимъ подали кофе, въ чашкахъ усѣянныхъ бриліянтами. Придворный драгоманъ служилъ между нами посредникомъ. Я просилъ его изъяснить Пашѣ, какъ сладостно для меня быть въ областяхъ его эхомъ нашего великаго народа, исполненнаго уваженія къ свѣтлому преобразователю сихъ древнихъ странъ, котораго благодатная рука, какъ второй Нилъ для Египта. — Мугаммедъ-Али, благодаря меня за привѣтствіе, сказалъ, что онъ всегда радуется посѣтителямъ Египта, особенно Рускимъ, въ которыхъ всегда находилъ людей отмѣнно пріятныхъ и благородныхъ, жалѣя только, что отдаленіе Россіи доставляло ему слишкомъ мало случаевъ знакомиться съ ея урожденцами, ибо и самые

наши Консулы всегда избираемы были изъ иностранцевъ. — Въ свою очередь благодарилъ я Пашу, за то выгодное мнѣніе, которое онъ имѣетъ о моихъ согражданахъ, увѣряя его, что довольно было и немногихъ Русскихъ путешественниковъ, чтобы распространить въ Россіи молву о благосклонномъ пріемѣ и покровительствѣ, которымъ пользуются въ Египтѣ иностранцы. — Правда, я люблю чужеземцевъ, отвѣчалъ онъ, и вѣрно, во все теченіе моего владычества, никто изъ Франковъ не пожалуется въ Европѣ на притѣсненіе отъ Мугаммеда-Али. Тогда пожелалъ онъ знать причину моего пріѣзда. — Я богомолецъ, отвѣчалъ я. Иду поклониться Св. Гробу въ Іерусалимъ; но приставъ въ Александріи къ берегамъ Египта, хотѣлъ я на пути своемъ подивиться древнимъ чудесамъ его, и представиться его нынѣшнему владыкѣ, о которомъ столько слышалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ у него средствъ и позволенія видѣть всѣ знаменитыя древности, какъ Египетскія, такъ и Арабскія, и покровительства его въ пустынѣ. — Все вамъ будетъ открыто, сказалъ Паша; что-же касается до Бедуиновъ, то не страшитесь ихъ набѣга; я совершенно успокоилъ пустыню, и самъ ручаюсь за вашу безопасность. — Тогда начался живой разговоръ о событіяхъ послѣдней войны Турецкой, о положеніи Султана, въ отношеніи Союзныхъ Державъ, объ успѣхахъ нашего оружія и условіяхъ мира. Мугаммедъ-Али судилъ обо всемъ очень здраво и откровенно, старался узнать о числѣ войскъ и больныхъ, не вникая въ мѣлкія подробно-

сіи битвъ, и всего болѣе дивился рѣшительности Султана объявить войну тремъ сильнымъ державамъ, когда, по словамъ его, едва-ли Востокъ, ежедневно совершенствуемый, по нынѣшнему своему направленію, чрезъ сто лѣтъ будетъ только въ силахъ бороться съ второстепенною державою Европы О семъ пророчествуетъ онъ своимъ внукамъ, чтобы въ свое время, они отдали справедливость дѣду, при которомъ еще недавно правовѣрные умѣли только кричать: *нѣтъ божества кромѣ Аллаха и Мугаммедъ его пророкъ!* — Не могу описать всѣхъ подробностей пріятной бесѣды, которая продолжалась около часа, оставивъ навсегда глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей. Благосклонный Паша сдержалъ данное слово, и на другой-же день явился ко мнѣ одинъ изъ его стражей, во все время отъ меня не отлучный. Вмѣстѣ съ тѣмъ были открыты для меня всѣ мечети столицы, и самый Мекасъ или Нилометръ, на островѣ Роудѣ, не всѣмъ показываемый; но, къ сожалѣнію, я не успѣлъ воспользоваться симъ послѣднимъ позволеніемъ.»

Нашъ путешественникъ обозрѣвалъ потомъ многочисленный таборъ воиновъ Паши, на берегу Нила. «Послѣ мертвой тишины лѣваго берега Нила, наполненнаго только великими воспоминаніями развалинъ — страненъ былъ внезапный переходъ въ шумный станъ сей, гдѣ дикими толпами тѣснятся, вокругъ разсѣянныхъ вдоль рѣки шатровъ, войска Паши, ни въ какое время года не измѣняя кочующей жизни своей. Здѣсь, съ перваго шага,

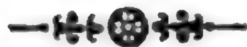
пропадаетъ очарованіе древняго Египта, и его новые обладатели являются въ своемъ истинномъ видѣ. Черныя, смуглыя, бѣлыя лица воиновъ пестрѣютъ вмѣстѣ съ ихъ разнообразными одеждами. Совершенный безпорядокъ царствуетъ въ семъ обширномъ полчищѣ, которое только въ строю заслуживаетъ названіе регулярнаго. Франки, посвятившіе себя его образованію, должны влачить горькую жизнь въ семъ невѣжественномъ кругу, не пользуясь уваженіемъ ни подчиненныхъ, ни самого Паши, который пренебрегаетъ ими, какъ наемниками, назначивъ большую плату, не всегда исправно выдаваемую; въ теченіе знойнаго лѣта, одинъ только наметъ защищаетъ ихъ отъ горящаго неба Египта. По ловкой осанкѣ, легко можно отличить ихъ отъ сей грубой толпы; но ихъ немного мелькаетъ на пространствѣ всего лагеря, который тянется до самаго Каира. Около ста тысячь войска поддерживаетъ могущественное имя Мугаммеда-Али; въ числѣ оныхъ до 50,000 одной пѣхоты, 10,000 артиллеріи и матрозовъ, и столько-же конницы. Въ бытность мою, Паша набиралъ еще нѣсколько конныхъ полковъ, изъ Негровъ и Нубійцевъ, особенно способныхъ къ сему роду службы; но мнѣ не удалось видѣть коней ихъ, потому, что въ весеннее время года они всѣ выпускаются на зелень, столь рѣдкую въ Египтѣ. До 30,000 Бедуиновъ готовы поднять оружіе на рубежѣ степи, при первомъ вызовѣ Паши, ибо ихъ Шейхи находятся въ столицѣ. Вообще, войска Египетскія, обучаемыя нынѣ на Европейскій ладъ, къ которо-

му легче привыкають ловкіе и живые Арабы, нежели тяжелые Турки, могутъ смѣло состязаться съ полчищами Африки и Азіи.»

Ибрагимъ-Паша почти не выходилъ изъ Александрійскаго арсенала, во время пребыванія въ Александріи нашего соотечественника. «Онъ занимался прилежно устроеніемъ флота и войскъ, какъ будто Египетъ готовился къ сильной борьбѣ.» Въ Каирской цитадели, гдѣ живетъ самъ Мугаммедъ-Али, въ арсеналѣ работало до 1000 человѣкъ: лили пушки, ковали оружіе, готовили конскую сбрую. Мугаммедъ ласково простился съ нашимъ путешественникомъ, бесѣдовалъ съ нимъ болѣе часа, и, по видимому, оставилъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ обласканнаго имъ Русскаго странника. Конечно, для великихъ событій на Востокѣ, потребны, желѣзные люди подобные Мугаммеду, и трудно судить о немъ, потому, что онъ является теперь однимъ изъ мощныхъ орудій Провидѣнія. Но, намъ кажется, что все, сдѣланное Мугаммедомъ, всѣ плоды его дѣятельнаго генія: жизнь, возбужденная среди дикихъ развалинъ и степей, каналы, сады, торговля, крѣпости — слишкомъ уже закрыли въ глазахъ нашего соотечественника сущность дѣяній Египетскаго Паши. Отдавая справедливость его уму и трудамъ, почему не сказать въ то-же время, что Мугаммедъ возвысился кровью и измѣною, живетъ, какъ тиранъ, и мыслитъ не о благѣ — которое изведетъ Провидѣніе изъ самыхъ злодѣйствъ его, безъ всякаго сомнѣнія — но объ удовлетвореніи

только своего ненасытнаго властолюбія и эгоизма? Для этого роетъ онъ каналы, велитъ учиться, торговать, воевать, и наконецъ дерзаетъ положить свой мечъ и свою голову въ чашку тѣхъ вѣсовъ, у которыхъ въ другой чашкѣ лежитъ дряхлая мощь Оттоманской Имперіи. Впрочемъ, съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и нашъ путешественникъ. «Уважаемый въ Сиріи, грозный въ Аравіи и покоренной Афрекѣ, Мугаммедъ-Али (говоритъ онъ) высоко стоитъ между владыками Востока, и сталъ-бы еще выше, если-бы угнетенный трудами и налогами народъ не стоналъ подъ игомъ жестокой монополіи обогащающей одну только казну Паши, недостаточную для его исполинскихъ замысловъ, ибо, склоняясь къ старости, онъ самъ хочетъ насладиться своими успѣхами, мало надѣясь на будущее тамъ, гдѣ ничего не принялъ отъ прошедшаго.»

(Окончаніе впредь).



СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Досуги Инвалида.* Часть первая. Въ двухъ книгахъ: въ *первой* VIII и 198 стр., во *второй* 280 стр. in-8. М. 1832. Въ т. Степанова.

Сочинитель сей книги, В. А. Ушаковъ, не написалъ своего имени на заглавномъ листкѣ, но вписалъ его, собственноручно, подъ дозволеніемъ Цензора, въ каждый печатный экземпляръ Первой Части *Досуговъ Инвалида.* Новое средство извѣщать о себѣ. Для меня, однакожь, дорого совсѣмъ не средство, а самое извѣщеніе. Пріятно знать напередъ, съ кѣмъ будешь имѣть дѣло, и потому-то я люблю видѣть на челѣ книги имя автора, напечатанное черными или красными чернилами, курсивными или прописными буквами, усовершенствованными Дидотовскими литтерами, или, въ первобытной простотѣ, заставляющей чтить Гуттенберга, написанное рукою самого творца книги. И не то нужно мнѣ, чтобы знать: Баккалавръ-

ли Университета, Дѣйствительный-ли *Штатскій* Совѣтникъ, или Профессоръ *Енціклопідіи* трудился для моего удовольствія или пользы. Скажите имя автора для того, чтобы я могъ судить, какова будетъ бесѣда съ нимъ. Можетъ быть, зная прежніе подвиги его, я откажусь отъ чести посвятить ему нѣсколько часовъ времени. Съ извѣстными людьми, сказано имя, сказано все. Я не заглядывая въ книгу куплю Записки Дидерота или новую Комедію Грибоѣдова, и, если угодно, откуплюсь отъ Записокъ Г-на N. N., или отъ новѣйшей Комедіи ШЗ. Авторъ глупой книги отымаетъ у меня первую драгоцѣнность: время. «Страница, которая не заставитъ меня подумать о чемъ нибудь, въ какомъ-бы родѣ ни была она, хуже воровства! Воръ крадетъ деньги, но деньги вещь наживная; а время кто мнѣ отдастъ? Я лучше буду строить зáмки въ дыму трубки моей, чѣмъ молотить пустую солому.» Это сказано, конечно, по Шекспировой мысли, только не совсѣмъ. Я прибавилъ-бы: Глупый писатель хочетъ отъ меня денегъ за свою книгу: очень радъ! Но на что ему мое время? Самъ онъ не дѣлается отъ него богаче, а у меня беретъ то, чего не можетъ возвратить.

Виноватъ! Увлекся примѣромъ В. А. Ушакова, который не врагъ отступленій... Къ дѣлу.

Имя сего Писателя напомнило мнѣ *Киргизъ-Кайсака*, и слѣдовательно нѣсколько пріятныхъ впечатлѣній. Я развернулъ первую книгу *Досуговъ*

Инвалида, и нашелъ въ ней повѣсть, наименованную: *Матушка-Мадамъ*. Что это такое?

Одинъ молоденькій офицеръ пріѣхалъ въ Русскую армію во время осады Очакова. Зима была холодная; осада длилась. Чадолюбивая мать молодаго офицера стосковалась по немъ и начала звать его домой, отдохнуть. Онъ не поѣхалъ. Она отправила просительныя письма къ разнымъ особамъ, и между прочимъ къ Князю Потемкину. Тутъ-же приложила она письмо отъ одной знакомой *Мадамы*. Князь призвалъ къ себѣ молодаго офицера, и, что называется, *вымылъ ему голову*, повторяя нѣсколько разъ слова: *Матушка* и *Мадамъ*, *Матушка-Мадамъ* (*). Это заставило насмѣхаться надъ молодымъ офицеромъ. Его начали дразнить словами: *Матушка-Мадамъ*. Послѣ взятія Очакова, онъ, раненый, возвратился къ Матушкѣ, и та хотѣла было женить его на богатомъ уродѣ, но при помощи дяди, извѣстнаго въ романахъ и комедіяхъ моряка-резонёра, онъ избавился отъ этой бѣды, уѣхалъ опять въ армію, наконецъ вышелъ въ отставку и доживалъ свой вѣкъ Губернскимъ Предводителемъ. На многихъ страницахъ Матушка-Мадамъ бьетъ служанокъ, бранитъ мужа, ругаетъ сына и чуть не сводитъ его съ ума.

(*) Не Князь Потемкинъ, а Крыловъ изобрѣлъ, или, точнѣе сказать, взялъ съ природы это названіе. См. *Модную Лавку*.

Исключая любопытныя разсужденія Инвалида о бракѣ и безбрачномъ состояніи, о преимуществѣ стараго времени, когда всѣ жили для того, чтобы жить и не думали умничать, о новѣйшихъ философахъ, которымъ достается порядкомъ; исключая еще остроумныя насмѣшки надъ высшими взглядами и надъ Трансцендентальною Философіею, исключая похвалы Князю Потемкину и выговоры Наполеону... Я разсказалъ все, что можно найдти въ *Матушкѣ-Мадамъ*.

Развертываю другую книгу: *Марихенъ*. Таково ея заглавіе; а содержаніе?

Если-бы почтенный Авторъ вздумалъ помистифировать читателей, и написалъ въ заглавіи своей книги: *Переводъ изъ Августа Лафонтена*, то, прочитавши *Марихенъ*, всякій повѣрилъ-бы ему. Это романъ, во всѣхъ отношеніяхъ Лафонтеновскій. Правда, въ немъ недостаетъ милой простоты, иногда плѣнительной и въ семейной жизни и въ романахъ Лафонтена. За то характеры, страсти, картины, самое повѣствованіе, о нѣкоторыхъ семейственныхъ происшествіяхъ и несчастіяхъ, совершенно во вкусѣ Лафонтена. Не беру на себя труда развивать запутанную нить этого романа. Любопытные могутъ прочесть всю книгу: смиренное мнѣніе мое передъ ними.

И только? Нѣтъ, надобно еще дать себѣ отчетъ въ этомъ явленіи. Въ самомъ дѣлѣ: какъ могъ Авторъ *Киргизъ-Кайсака* написать двѣ повѣсти,

столь мало достойныя имени его? Философія, душа, слогъ его, не измѣнились, но сочиненія новыя, какъ произведенія Искуства, стали гораздо ниже прежнихъ произведеній... Знаю, какую бурю воздвигну на себя, но, для пользы Искуства, скажу все, что думаю. Г-нъ Ушаковъ безпрестанно бранитъ и гонитъ *высшіе взгляды*; но онъ, какъ видно, еще не испыталъ, что лишь съ ними можно быть творцемъ возвышеннымъ. Неудача его можетъ послужить тому доказательствомъ. Вспомните, что дарованіе даетъ Богъ, но образовываетъ его самъ человѣкъ. Какое образованіе дадите вы себѣ? Разумѣю здѣсь не то образованіе, которое можно пріобрѣсти въ Губернской Гимназіи: нѣтъ, образованіе, пріобрѣтаемое въ великой школѣ свѣта. Гдѣ мысли ваши? Куда ведетъ направленіе ваше? Человѣкъ гибокъ: онъ можетъ возвыситься до полубога и упасть очень низко. Поддайтесь убаюкиванью самолюбія, мѣлкимъ требованіямъ; не отдаляйтесь отъ тысячеглаваго чудовища, толпы, и всѣ произведенія ваши будутъ мѣлки, безжизненны, холодны, хотя въ тоже время правильны по линейкѣ, добры по Гражданскому Уложенію, и умны какъ Сарептскіе законы. Не говорю этого ни на чей счетъ, но указываю на перспективу *нисшихъ взглядовъ*. Слѣдствія неизбѣжны.

Еще одинъ вопросъ желалъ-бы я *потревожить* здѣсь, потому что Авторъ *Досуговъ Инвалида* какъ будто вызываетъ на него вниманіе читателя.

Что̀ разумѣетъ онъ подъ словами: *правильный*

слогъ? Онъ преслѣдуетъ безграмотныхъ, не умѣющихъ писать: и по дѣломъ! Но къ грамотнымъ-ли причислитъ онъ какого нибудь варвара-Семинариста, который, будучи Рускимъ, не напишетъ: *Моя будить пошла гулять*, но выразитъ эту мысль такъ: «*Въ пренапряженномъ умосостоянiи, имѣю я благое намѣренiе понасладить свою плоть гулянiемъ.*» Грамматическихъ ошибокъ тутъ нѣтъ; но правильно-ли это? Не варваризмъ-ли вся эта фраза? Подойдемъ ближе къ вопросу нашему. Правильно-ли пишетъ соблюдающiй однѣ формы Грамматическiя, соглашенiе словъ, падежи, точки и запятыя, но не думающiй о выборѣ словъ, о гармонiи, о приличiи? Кажется, нѣтъ. Онъ не грѣшитъ противъ Грамматики, изданной для Народныхъ Училищъ, но грѣшитъ противъ Грамматики Вкуса, Приличiя, грѣшитъ противъ языка и противъ всего, что необходимо для писателя.

Въ этомъ отношенiи, слогъ Автора *Досуговъ Инвалида* неправиленъ. Вообразите, напримѣръ, что у него, свѣтская дѣвушка, Монастырка, Графиня, говоритъ свѣтскому человѣку, Князю: «Стыдись, *мой отставной женихъ*! Стыдись, «*господинъ невѣрующiй*! Прочитайте, *мой Сiя*«*тельный*! Если сердце васъ не увѣряетъ, то «*авось* повѣрите бумагѣ! (*Марихенъ*, стр. 252-я)» Ошибокъ Грамматическихъ тутъ нѣтъ. Таже дѣвица пишетъ: «Я *взирала* на Княгиню не съ почте«нiемъ, а съ благоговѣнiемъ... И въ самомъ дѣлѣ, «милая Августа, у кого, *въ особенности* у мужчи«ны, достанетъ душевной силы на то, чтобы въ

«теченіе семнадцати цвѣтущихъ лѣтъ своей жиз-«ни, постоянно стремиться къ одной цѣли, не «смотря ни на какія препятствія, и наконецъ до-«стигнуть оной, *поставить на своемъ*, востор-«жествовать!.. Это можетъ сдѣлать только жен-«щина и *мать*!...» Предлагаю на судъ образованныхъ читателей: можетъ-ли такъ писать дѣвушка, Графиня, Монастырка? Въ словахъ ея слишкомъ виденъ Авторъ, который любитъ примѣшивать къ своимъ рѣчамъ славянизмы и приказныя выраженія. Сличите съ выписаннымъ слѣдующія, собственныя его слова: «По симъ-то причинамъ я «и принялся за Литтературу, *сирѣчь*, началъ со-«чинять; *каковое* занятіе породило для меня цѣ-«лое племя литтературныхъ враговъ, готовыхъ «утопить меня въ моей чернильницѣ. Но такъ какъ «это дѣло несбыточное, то *азъ*, *яко истый* Хри-«стіанинъ, прощаю моимъ врагамъ, и желаю имъ «всякаго блага и всякой потѣхи.... Сверхъ того «доставитъ онъ (трудъ В. А. Ушакова), чита-«телямъ удовольствіе побранить меня, а ватагѣ «моихъ литтературныхъ враговъ чистѣйшее на-«слажденіе, при выходѣ книги общимъ хоромъ *за-«лаять*, *заржать*, *захрюкать*, *какъ цѣлый сонмъ «вашихъ Малороссійскихъ вѣдьмъ и чертей.*» (Посвященіе Досуговъ Инвалида).

Видимъ какъ прощаетъ враговъ своихъ Авторъ. Но мы увѣрены, что насъ не причтетъ онъ къ сонму ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели тотъ врагъ намъ, кто по внутреннему убѣжденію не похва-

лишь нашей книги? Книга не человѣкъ. Человѣка можно уважать, и въ тоже время замѣтишь недостатки его книги.

— *Стихотворенія Панкратія Сумарокова.* СПб. 1832. Въ т. Плюшара. XXXII и 160 стр. in-8.

Жизнь Панкр. Пл. Сумарокова была предметомъ многихъ догадокъ, разсказовъ и — выдумокъ. Въ самомъ дѣлѣ она необыкновенна. «Настоящій романъ!» скажетъ прочитавъ ее человѣкъ, называющій романомъ всѣ событія странныя, не похожія на жизнь тысячей тысячь. О Панкр. Сумароковѣ не льзя повторить: «Только лишь въ газетахъ осталось: выѣхалъ въ Ростовъ.» Нѣтъ, судьба загнала Панкр. Сумарокова въ Сибирь, въ заточеніе, и тамъ заставила развиться необыкновенныя способности его, блиставшія и тогда, какъ онъ былъ еще Конно-гвардейскимъ офицеромъ. Это можетъ быть единственный человѣкъ, издававшій въ Сибири не только книги, но и Журналъ. Вообще, съ большимъ любопытствомъ, съ участіемъ — и не безъ пользы для молодыхъ людей — можно прочесть жизнеописаніе Панкр. Сумарокова, напечатанное при семъ изданіи Стихотвореній его, и написанное прекрасно: съ чувствомъ, съ необыкновеннымъ простодушіемъ и съ такою откровенностью, которая говоритъ сердцу. Жаль что многія опечатки безобразятъ это замѣчательное произведеніе.

Чтобы оцѣнить достоинство Панкр. Сумарокова, какъ стихотворца, надобно вспомнить время, въ которое онъ жилъ. Тогда хорошій стихъ былъ такая-же рѣдокость, какъ въ наше время хорошая мысль. Но, не смотря на нѣкоторую жесткость и неповоротливость языка, можно сказать, что стихи Панкр. Сумарокова необыкновенно хороши. Онъ какъ будто соперничалъ съ Дмитріевымъ, и, надобно прибавить, не всегда падалъ; но извѣстности его вредили: во-первыхъ, несчастное удаленіе отъ той сферы, гдѣ были раздаваемы литтературные вѣнки, во-вторыхъ грубость многихъ выраженій и мыслей въ стихахъ, особенно поражавшая жителей осмнадцатаго столѣтія. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, онъ гораздо ниже Дмитріева, который нигдѣ и никогда не измѣнялъ тону и языку хорошаго общества. Если-бы надобно было продолжить сравненіе, то мы сказали-бы, что Дмитріевъ умный свѣтскій человѣкъ, а Панкратій Сумароковъ умный Русскій мужичекъ. Особенно въ Сатирахъ и Эпиграммахъ Панкр. Сумарокова видѣнъ Русскій умъ, который выразился-бы гораздо чище и сильнѣе, если-бы не былъ съ юныхъ лѣтъ возлелѣянъ Французскими гувернёрами и вспоенъ Французскою водицею. Заемное пристрастіе къ чужеземному остроумію вредило ему всего болѣе. Но онъ зналъ Французовъ только изъ книгъ, и потому-то они имѣли вліяніе на его умъ, а не на образованность нрава, которой недоставало ему и недостатокъ ея отражался грубостью.

Время состарѣло стихи Панкр. Сумарокова; но и теперь можно съ удовольствіемъ вспомнить его Эпиграммы и прочесть нѣкоторыя другія сочиненія. Правда, что въ Эпиграммахъ онъ иногда не колетъ, а бьетъ дубиной, не насмѣхается тонко, а хохочетъ съ какимъ-то цинизмомъ, но никакъ не льзя отрицать, что въ немъ было много остроты и мѣткости. Эпиграммы его имѣютъ еще то достоинство, что онѣ не сочинены, а сказаны экспромтомъ: прочитайте ихъ, вы удостовѣритесь въ этомъ. Также замѣчательны Сказки его, исполненныя живости и остроумія. Нужно-ли упоминать, что во многихъ сочиненіяхъ П. Сумарокова есть заимствованія изъ Французскихъ авторовъ? Въ его время не любили жить своимъ умомъ. Однакожь онъ составляетъ, во многихъ отношеніяхъ, пріятное и достопамятное исключеніе изъ этого жалкаго правила.

Замѣтимъ, что и *Стихотворенія* его напечатаны также со множествомъ ошибокъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ портятъ стихи, а въ иныхъ отымаютъ и весь смыслъ. Взгляните на Эпиграмму 3-ю, на стр. 160-й.

— *Разскащикъ*, или избранныя повѣсти иностранныхъ авторовъ, изданныя Николаемъ Гречемъ. 5 частей. СПб. 1832. Въ т. Издателя. 250, 291, 299, 279 и 262 стр. in-8.

Въ прошедшемъ 1831-мъ году были изданы, въ трехъ частяхъ, прекрасныя повѣсти Цшокке, напечатанныя нѣкогда въ *Сынѣ Отечества*. Публика приняла

ихъ благосклонно. Это побудило Н. И. Греча издать и другія, напечатанныя въ *Сынѣ Отечества* повѣсти разныхъ авторовъ: Гоффмана, Ваш. Ирвинга, Ламоттъ-Фуке, Крузе, и проч. Къ нимъ прибавлены и нѣкоторыя новыя. Выборъ и переводъ всѣхъ ихъ по большей части очень хорошъ; слѣдственно можно предречь и этому собранію успѣхъ. Даже читавшій повѣсти сіи, съ удовольствіемъ повторитъ ихъ. Да и многіе-ли имѣютъ случай читать повѣсти въ Журналѣ? Иной не выписываетъ Журнала, другому недосугъ, третій любитъ читать періодически одно *дѣльное*. Но *все-ли одного полезнаго искать?* Бываютъ часы, когда именно хотимъ читать вымыслы. Тогда возьмите пять томовъ *Разсказщика*: онъ и развеселитъ васъ, и растрогаетъ, и займетъ пріятно на нѣсколько часовъ.

— *Монфермельская молочница*, романъ Поль-де-Кока. Переводъ Н. Ш. 5 частей. СПб. 1832. Въ т. Плюшара. 180, 182, 166, 165, 163 стр. in-12.

— *Андрей Савояръ*. Романъ Поль-де-Кока. Переведенный съ Французскаго Н. П—мъ и Ѳ. С—мъ. 5 частей. СПб. 1831 и 1832. Въ т. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи. 172, 185, 194, 201, 228 стр. in-12.

Мы уже имѣли случай сказать свое мнѣніе о романахъ Поль де Кока, этого Романиста безъ сильныхъ чувствованій въ сердцѣ и безъ глубокихъ мыслей въ головѣ. Въ то время, когда вокругъ насъ, въ цѣломъ мірѣ разыгрывается разительная, высокая драма, его вымыслы кажутся кукольною коме-

дією. Впрочемъ, видно что не всѣ такого мнѣнія о романахъ Поль де Кока. Многимъ онъ кажется моднымъ писателемъ. Даже люди съ дарованіемъ, не жалѣя времени, переводятъ его романы. Таковы переводчики *Монфермельской молочницы* и *Андрея Савояра*. Кому нечего дѣлать, кто хочетъ *убить время*, тому совѣтуемъ оставить вистъ и взяться за вновь переведенные романы. Убейте время этимъ чтеніемъ: вы все еще будете въ выигрышѣ. По крайней мѣрѣ вы останетесь дома, и не проиграете ничего, кромѣ небольшой доли времени, и нѣсколькихъ рублей, заплаченныхъ за романъ. Вы прочитаете книгу, правда безъ мыслей, но чисто написанную. Не безпокойтесь: сердце ваше не забьется отъ нея; страшныхъ сновъ не будетъ.

Послѣ этого мы увольняемъ себя отъ извѣстій о будущихъ переводахъ романовъ Поль де Кока, ибо, вѣроятно, дѣло не кончится этими двумя романами: переведутъ ихъ еще нѣсколько. Поль де Кокъ написалъ множество сочиненій сего рода, и во всѣхъ одинаковъ, а мы не умѣемъ перемѣняться въ мнѣніяхъ нашихъ, и не умѣемъ радоваться пустотѣ, которая не существуетъ въ природѣ, но занимаетъ много мѣста во многихъ книгахъ.

ЭСКИМОСЫ.

Въ № 23-мъ Телеграфа 1831 г., мы помѣстили изслѣдованіе одного изъ ученыхъ Французскихъ путешественниковъ, Г-на Лессона, объ *исполинахъ*, или великорослыхъ обитателяхъ южной оконечности Америки. Въ соотвѣтственность сей статьѣ, почитаемъ любопытнымъ помѣстить здѣсь замѣчанія того-же Лессона о *пигмеяхъ*, или малорослыхъ обитателяхъ Сѣверной оконечности Американскаго материка.

Они вообще извѣстны подъ именемъ *Эскимосовъ*. Сюда причисляются *сѣверные Гренландцы*, *Эскимосы-собственно*, или обитатели Лабрадора, и *Эскимосы западные*, бродящіе при устьѣ рѣки Мекензія и рѣки Мѣдной, на полуостровѣ Мельвиллѣ, по берегамъ и островамъ Баффинова пролива и Ледовитаго, Сѣверо-Американскаго Океана. Европейцы приняли названіе Эскимосовъ изъ языка Абенаковъ; оно значитъ: *ѣдуны сырой рыбы*.

Составляя крайнюю сѣверную оконечность Америки, обширныя полярныя страны, въ большей части своего пространства, представляютъ намъ ужасающее зрѣлище пустынь, гдѣ ни одно дерево не оттѣняетъ земли, гдѣ мѣлкій мохъ и немного бѣдныхъ растеній составляютъ всѣ прозябаемая,

и гдѣ человѣкъ живетъ въ пещерѣ, вырытой имъ въ грудахъ снѣга, часто не зная даже, что такое есть дерево, и думая, что кромѣ его нѣтъ на землѣ болѣе обитателей, и все остальное пространство земли составляютъ безлюдные, вѣчные льды и снѣга. Почти никогда не таютъ громады льдовъ въ этомъ царствѣ вѣчной зимы. Но и тамъ живетъ человѣкъ, униженный, бѣдный, малорослый, почти животное, но — все однакожь *человѣкъ*! Не подвигаясь никуда отъ береговъ, не имѣя даже оленей, какъ водоземное животное плавая около береговъ въ лодкахъ, онъ ловитъ рыбу, и бьетъ обитателей моря, китовъ, тюленей, моржей, для своей пищи, одежды, освѣщенія, самой постройки жилища. Ревностные проповѣдники Слова Божія дошли и туда, узнали языкъ этихъ полу-человѣковъ, перевели имъ Священное Писаніе. Съ изумленіемъ смотритъ на нихъ географъ, не постигая: откуда и какъ зашли сюда эти *люди-рыбы*, по ихъ собственному названію? Съ любопытствомъ наблюдаетъ ихъ физіологъ, видя въ нихъ крайнюю степень человѣческаго рода. Малорослость ихъ естественно раждаетъ вопросъ: не они-ли, не этотъ-ли малорослый, униженный, загнанный къ полюсу выродокъ Человѣчества, подалъ мысль о существованіи *пигмеевъ*, или цѣлаго народа карлъ? Называя Эскимосовъ *Гиперборелми*, вотъ что говоритъ о нихъ Лессонъ:

«Мы видѣли особенное поколѣніе людей на южной оконечности Американскаго материка, отличенное великорослостью, хотя оно живетъ среди

народовъ обыкновеннаго роста, и даже недалеко отъ жалкихъ Пешересовъ. На сѣверной оконечности материка Американскаго, мы найдемъ, напротивъ, обитателей, безъ различія одинаковыхъ, и раздѣленныхъ только на второстепенныя породы, но имѣющихъ одинакую физіогномію, и одинъ образъ жизни и нравовъ.

«Народы, вообще называемые *Эскимосами*, и обрѣченные судьбою жить въ вышнихъ широтахъ сѣвера, до высочайшей степени подвержены вліянію, какое можетъ имѣть климатъ на человѣка, и на всякое живое произведеніе природы. Ихъ физіогномія, ихъ обычаи, все доказываетъ, что они происходятъ отъ Монгольскаго рода. И между тѣмъ, умаленные ростомъ, сгорбленные отъ жестокихъ холодовъ ледовитаго пояса сѣвернаго, или обитаемаго, они претерпѣли всѣ измѣненія, какія можетъ произвесть на человѣка продолжительное дѣйствіе холодной температуры, не представляя однакожь собою рѣшительнаго примѣра малорослости, долгое время приписуемой обитателямъ береговъ Лабрадора, и земель арктическаго круга, коихъ многіе преимущественно называли Эскимосами, и почитали уродливыми карлами. Родъ Монгольскій, въ самыхъ умѣренныхъ странахъ первоначальной своей родины, вообще роста средняго. Отродія его, разсѣянныя по Гренландіи, Лапландіи, и по сѣверной оконечности Америки, подверженныя вѣчному холоду, могли умалиться въ ростѣ, между тѣмъ какъ, напротивъ, похожіе на нихъ, говорящіе сходными языками народы, оби-

тая въ странахъ болѣе привольныхъ, сохранили прежній ростъ, не измѣняя общему родовому типу.

« Сходство обычаевъ, и искуства, извѣстныя Эскимосамъ, показываютъ явную связь ихъ съ Самоядами, Остяками, и даже Камчадалами и Алеутами. Среди сихъ сѣверныхъ поколѣній замѣтно только одно особое поколѣніе, Чукчей, явно чуждое имъ, болѣе великорослое, живущее по берегамъ Берингова пролива.

« Всѣ народы, именуемые *Полярными*, издревле раздѣленные, и не имѣющіе между собою никакого сообщенія, не должны быть дѣлимы въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Они естественно составляютъ одно семейство, которое естествоиспытатели могутъ назвать *Гиперборейскимъ*. Вотъ характеристическія отличія сего семейства: ростъ не болѣе 4½ футовъ; плотность тѣла, безъ толщины; ноги короткія, но прямыя и весьма мощныя; голова круглая, и, по величинѣ, несоразмѣрная съ туловищемъ. Замѣчательнѣйшее въ лицѣ ихъ есть то, что оно широко, коротко, и плоско ко лбу; носъ раздавленный, но не широкій; щеки скулистыя, вздутыя, ротъ большой, волосы лежащіе плотно, черные, грубые и жирные; борода рѣдкая. Фабрицій, въ своей Фаунѣ Гренландской, замѣтилъ, что « обитатели сѣвера тѣмъ бѣлѣе, и волосы ихъ тѣмъ русѣе, чѣмъ далѣе на сѣверъ живутъ они; » но что « исключеніе изъ нихъ составляютъ обитатели странъ близъ полярнаго круга, какъ-то: Лапландцы, Самоядцы, люди небольшаго

роста, темнокожіе и черноволосые; для странной противоположности, природа помѣстила подлѣ нихъ великорослыхъ, лимфатическихъ Финновъ, такъ, какъ подлѣ Гренландцевъ разселила она племя русыхъ Исландцевъ.» Въ самомъ дѣлѣ, цвѣтъ кожи Гиперборейскаго племени красно-желтый, сальный.

«Обычаи Гиперборейцевъ сходны, почти всюду, гдѣ ихъ наблюдали. Населяя страны, въ коихъ природа кажется умирающею, погребенные подъ вѣчными полярными снѣгами, по инстинкту должны были они обратиться къ рыболовству и звѣроловству, единственнымъ средствамъ жизни, и пріобрѣли въ сихъ занятіяхъ значительныя свѣдѣнія. Суровость климата, во время большей части года, принуждаетъ ихъ рыть подземельныя убѣжища, и собирать въ сіи кладовыя запасъ, на все то время, когда они не могутъ упражняться въ звѣроловствѣ и рыболовствѣ. Въ продолженіе безконечныхъ полярныхъ ночей, когда только сѣверныя сіянія освѣщаютъ ихъ, скрывшись подъ снѣгомъ и льдомъ въ своихъ *юртахъ*, они питаются запасомъ, сушеною рыбою, китовымъ мясомъ, и пьютъ китовый жиръ, какъ напитокъ драгоцѣнный, освѣщая имъ въ тоже время свои подснѣжныя жилища во время ночей, по нѣскольку мѣсяцевъ продолжающихся. Зимняя одежда ихъ состоитъ изъ кожъ животныхъ, коихъ мѣха сшиваютъ они жилами. Одежда лѣтняя дѣлается изъ нерпичьихъ кишокъ, сшитыхъ весьма искусно, и похожихъ на лакированную ткань. Впрочемъ, кругообразныя лѣтнія обиталища ихъ покрыты кожами оленей. Изъ тюленьей кожи, на легкихъ связ-

какъ дѣлаютъ они маленькіе пироги, называемые *байдарами*, футовъ по 12-ти въ длину, но весьма узкіе. Устройство сихъ лодокъ приноровлено къ быту туземцевъ, ибо легкіе суденышки сіи способны къ быстрому ходу, безъ руля. Въ отверстіе, находящееся въ верхней покрышкѣ байдары, садится Эскимосъ, привязываетъ себя къ лодкѣ особеннаго рода фартукомъ, окружающимъ тѣло его со всѣхъ сторонъ, и кажется однороднымъ съ своею лодкою, управляя оною удивительно ловко, легко подымая ее, когда она пойдетъ бокомъ, и готова перевернуться. Эскимосы умѣютъ обработывать сѣрый, пористый камень, и дѣлаютъ изъ него горшки и котлы, украшая ихъ различными фигурками. Они дѣлаютъ себѣ украшенія изъ прекраснаго нефрита, называемаго Лабрадорскимъ камнемъ, и думаютъ даже о щегольствѣ, по своему, намазывая волосы рыбьимъ жиромъ. Вообще они ловки на охотѣ лисицъ и соболей, мѣхами которыхъ торгуютъ, или одѣваются сами. Отважно бросаютъ они острогу въ кита. Къ ихъ стрѣламъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, или изъ крѣпкаго камня, привязаны бываютъ надутые пузыри, отъ сопротивленія коихъ китъ истощаетъ силы, и всплываетъ издыхать на поверхности моря. Тутъ поражаютъ его снова, и дѣлятъ добычу, на долго доставляющую Эскимосамъ пищу, питье, матеріялъ для постройки и освѣщеніе.

« Суевѣрные до крайности, при нѣкоторыхъ различіяхъ, они вообще имѣютъ общія всѣмъ имъ религіозныя идеи. Но нравственность почти неизвѣ-

стна имъ. При многоженствѣ, они безъ стыда предаютъ позору своихъ женъ и дочерей, почитая женщинъ существами низшими, съ которыми мужчина, полный властелинъ, можетъ поступать, какъ ему угодно. Эскимосы, имѣющіе сообщеніе съ Европейцами, привыкли къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ. Между обитателями Лабрадора и Гренландіи находятся миссіонеры изъ Моравскихъ Братьевъ, но труды ихъ увѣнчаваются малымъ успѣхомъ. Нѣкоторые изъ юго-Гренландскихъ Эскимосовъ имѣютъ стада оленей, и ѣздятъ на собакахъ, или ходятъ въ дорогу на лыжахъ. Впрочемъ, здѣсь родъ Эскимосовъ смѣшанъ съ иноплеменными родами.

« Намъ остается сказать о малорослости Эскимосовъ. Видимъ, что природа отъ времени до времени производитъ людей малорослыхъ, какъ будто забавляясь произведеніемъ несовершенныхъ созданій, или человѣка въ миніатюрѣ. Таковъ былъ извѣстный Бебе, совершеннѣйшій изъ карлъ, о которыхъ дошли до насъ преданія, ибо почти всегда карлы бываютъ уродливы, и малый ростъ ихъ есть слѣдствіе болѣзни. Напротивъ, Бебе былъ стройное, красивое и здоровое сокращеніе человѣка. Преданіе о существованіи цѣлаго народа пигмеевъ должно отнести рѣшительно къ числу басенъ. Такъ, въ послѣднее время узнали мы, что извѣстіе Коммерсона о пигмеяхъ Мидагаскарскихъ совершенно ложно. Эскимосы вообще ниже средняго роста. Но должно-ли полагать это прихотью при-

роды, или думать, что дѣйствіе чрезвычайнаго холода противится естественно развитію организма и сжимаетъ тѣло человѣческое? Кажется, что послѣднее достовѣрно. Способность произрастанія уменьшается въ природѣ, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ. Вѣчные льды есть одно, чѣмъ наконецъ означаетъ она себя; число земныхъ животныхъ уменьшается и постепенно исчезаетъ.

Царство растеній представляетъ намъ въ сихъ странахъ еще сильнѣйшее доказательство вліянія климата. Искривленное, сжатое въ своихъ формахъ, замерзающее на девять десятыхъ частей года, оно является намъ мѣлко и ничтожно; сѣверная береза перерождается въ странѣ Эскимосовъ въ слабую траву...»

ГРАМАТА,

данная Княземъ Андреемъ Владимировичемъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, въ 1446-мъ году.

(Почтенная особа, доставившая намъ сей любопытный актъ, сказывала, что онъ списанъ былъ ею изъ собранія болѣе нежели двадцати граматъ, относившихся къ событіямъ Литвы, Волыни и Кіева, и хранившихся, нѣсколько лѣтъ тому, у одного любителя Отечественныхъ древностей. Гдѣ теперь это собраніе, не извѣстно. Печатая сію грамату, не можетъ не изъявить желанія, чтобы и другія, вмѣстѣ съ нею находившіяся, были доведены до свѣдѣнія просвѣщенной публики. Хранить подобныя сокровища подъ спудомъ, право, хуже скупости. *Изд. Телегр.*)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, рабъ Божій, Князь Андрей Владимировичъ пріѣздилъ есмь въ Кіевъ, съ своею женою, и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя, и поклонилися есмо Пресвятому Образу ея, и Преподобнымъ Отцѣмъ Антонію и Ѳеодосію, и прочимъ Преподобнымъ и Богоноснымъ Отцамъ Печерскымъ, и благословились есмы у Отца нашего Архимандри-

та Николы, и у всѣхъ Святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу Князя Владимира Олькгердовича, и дядь своихъ гробомъ, и всѣхъ Святыхъ старцевъ гробомъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: колико то гробовъ, а вси тыи жили на семъ свѣтѣ, а пошли всѣ къ Богу; и помыслилъ есмь: по малѣ и намъ тамо пойти, гдѣ отцы и братіи наша, и подумалъ есмь съ своею Княгинею, и съ отцемъ своимъ Николою Архимандритомъ Печерскымъ, и съ Святыми старцы, и своими бояры, и отписалъ есмь своей женѣ Княгинѣ Маріи, и своимъ дѣтемъ и ее дѣтемъ свою отчину, и свою выслугу, иже есмь выслужилъ на своихъ Государехъ, своею вѣрною службою, на Великомъ Князи Витовтѣ, и на Великомъ Князи Жигимонтѣ, и на своемъ Государи, Великомъ Князи Казимирѣ, имѣніе *пръвое* (первое?) Айноу Словенескъ, Могылное, Каменецъ, Лосожескъ, Племници, Полоное, а также что есмь подовалъ имѣнія бояромъ своимъ, а кто всхочетъ женѣ моей, и дѣтемъ моимъ служить, и они служатъ съ тыхъ имѣній женѣ моей, и дѣтемъ моимъ, а кто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и азъ тые имѣніа далъ женѣ своей, и дѣтемъ своимъ, а вся тая имѣнія полячилъ и далъ есмь женѣ своей Княгини Маріи, и сыну своему Князю Глѣбу, и дочьцѣ своей Княжнѣ Овдотіи, а притомъ были Отецъ нашъ Никола Архимандритъ Печерскый, Уставникъ Іона Философъ, Ключникъ Давыдъ, Келарь Герасимъ, и иныхъ господы нашее старцевъ много, и наши бояре, и наши маршалкы, Князь Глѣбъ Дмитріевичъ, бояринъ нашъ Александръ Самотечинъ, Иванко Давыдовичъ,

и ины бояре наши и слуги притомъ были. А кто се слово наше нарушитъ, а имѣтъ въ тые имѣніа вступатися, разсудится со мною предъ Богомъ, и буди ему клятва, отъ Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, и отъ Пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Маріа, и отъ всѣхъ Святыхъ Ангелъ, и отъ Пророкъ и Апостолъ, и отъ четырехъ Евангелистъ, и отъ Святыхъ Отецъ, иже на седьми Соборѣхъ бывшихъ, и ото всѣхъ Мученикъ, и Преподобныхъ, и Богоносныхъ Отецъ Антоніа и Ѳеодосіа Печерскыхъ, иже есмь то вѣрнѣ выслужилъ у своихъ господарей. А писана въ Кіевѣ, въ обители царстѣй, въ Печерскомъ монастыри, Пресвятыя Богородица, и Преподобныхъ Отецъ Антоніа и Ѳеодосіа, въ лѣто 6954, мѣсяца Іюня въ 16, на память Священномученика Тихона, а писалъ Старецъ Пахнотій Дихачевъ братъ.

На подлинной печать, съ изображеніемъ, въ видѣ церкви, и надписью вокругъ: *Печать Князя Андрѣа Владимеровича.*

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Ж. Б Грёзъ родился въ 1726-мъ году. Еще ребенкомъ, онъ оказывалъ страсть къ Живописи: стѣны отцовскаго домика и всѣ бумаги бывали исписаны его картинами, которыя у дѣтей всегда похожи на фантастическія фигуры Фаустовскаго шабаша. Запрещенія отца не дѣйствовали на ребенка. Наконецъ Грандонъ, портретный живописецъ, выпросилъ его у родителя и увезъ въ Ліонъ. До тѣхъ поръ, Грёзъ жилъ въ Турнюсѣ, гдѣ онъ родился. Подъ руководствомъ Грандона онъ вскорѣ сдѣлалъ большіе успѣхи. Когда учитель его пріѣхалъ въ Парижъ, ученикъ былъ съ нимъ и началъ ходить въ Академію Живописи. Профессоры не ожидали многаго отъ Грёза; но онъ изумилъ ихъ, выставивши свою картину: *Отецъ семейства, изъясняющій Библію.* Это необыкновенное произведеніе пріобрѣло величайшую славу: оно всѣмъ извѣстно. Не говоря о множествѣ списковъ и эстамповъ съ него, вы увидите эту картину, въ различныхъ размѣрахъ, вездѣ, начиная отъ великолѣпныхъ альбомовъ и Гобеленевыхъ обоевъ, до ученическихъ тетрадей и Екатеринбургскихъ подносовъ. Немногія произведенія Живописи пользуют-

ся досихъ поръ такою всеобщею извѣстностью. Это настоящій родъ, въ которомъ превосходствовалъ Грёзъ. Милыя, невинныя лица, простыя, но занимательныя положенія фигуръ, предметы домашней жизни, изъявленія тихой любви, дружбы, привязанности: вотъ предметы большей части картинъ его. — Слава Грёза пробудила вражду. Начали искать недостатковъ и унижать красоты въ картинахъ его. Онъ рѣшился съѣздить въ Римъ и взглянуть тамъ на великіе образцы. Путешествіе сіе не принесло ему пользы, и даже повредило нѣсколько, ибо онъ утратилъ нѣчто изъ простодушія, отличавшаго первыя произведенія его, и не могъ пріобрѣсти силы, которой не было въ душѣ его. Онъ самъ убѣдился въ этомъ и хотѣлъ возвратиться къ истинному роду своему; но рука его уже ослабѣла, и въ послѣдніе годы своей долгой жизни Грёзъ не произвелъ ничего замѣчательнаго. Онъ былъ Членомъ Парижской Академіи Живописи, но суетное желаніе заставило его искать званія Члена именно по Исторической Живописи. Для этого написалъ онъ картину: Императоръ Северъ, укоряющій своего сына Каракаллу, который хотѣлъ умертвить его. Картина не заслужила одобренія и Грёзъ не былъ Членомъ по Исторической Живописи. Онъ умеръ въ 1805-мъ году, почти 80 лѣтъ.

Грёзъ довольно извѣстенъ у насъ въ Россіи, но извѣстенъ слишкомъ односторонно. У насъ воображаютъ его какимъ-то сантиментальнымъ живописцемъ, который не писалъ ничего кромѣ дѣтскихъ

головокъ. Правда, что Грёзъ превосходствовалъ въ изображеніи головъ и лицъ, хотя его упрекаютъ въ семъ отношеніи однообразіемъ; но онъ умѣлъ давать лицамъ и фигурамъ своимъ выраженіе, сообразное общему предмету картины. Какая истина въ картинѣ, съ которой очеркъ приложенъ къ сей книжкѣ Телеграфа! Картина сія извѣстна подъ именемъ *Отцовскаго проклятія*. Что можетъ быть разительнѣе этого несчастнаго отца, котораго лицо изображаетъ весь гнѣвъ раздраженной души! Находятъ, что положеніе его нѣсколько изысканно. Мы не думаемъ этого. Человѣкъ, одушевленный страстью въ высокой степени, принимаетъ всегда положеніе необычайное, такъ сказать героическое, которое не похоже на то, что видимъ ежедневно. Намъ кажется, напротивъ, неестественнымъ положеніе и лицо сына, который, въ столь страшную для него минуту, взмахнулъ руками довольно безстрастно. Всѣ другія фигуры, и особенно мать, удерживающая сына, и дѣти, умоляющія отца не произносить роковыхъ словъ, превосходны.

Картина сія находится въ Парижскомъ Музеѣ. Ширина ея 5 футовъ, вышина 4. Съ нея былъ снятъ эстампъ Гальяромъ.

— *Памятникъ Державину въ Казани.* — Общество Любителей Отечественной Словесности, учрежденное при Казанскомъ Университетѣ, предположило воздвигнуть въ Казани, мѣстѣ рожденія знаменитаго Поэта Гавріила Романовича Державина,

памятникъ сему безсмертному соотечественнику нашему, пѣвцу Бога и Фелицы, одному изъ величайшихъ Лириковъ всѣхъ временъ и народовъ. Мысль сія удостоилась Высочайшаго одобренія, и уже по волѣ Его Императорскаго Величества, чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, открыта по всему Государству подписка на сооруженіе сего памятника.

Общество препоручило и намъ, извѣстить въ Журналѣ нашемъ о семъ предпріятіи, достойномъ просвѣщенія современнаго. Мы увѣрены, что всякій, кто наслаждался твореніями Державина — а кто изъ Рускихъ не обязанъ ему многими минутами наслажденія? — всякій поспѣшитъ принять участіе въ предпріятіи достойныхъ согражданъ знаменитаго Поэта.

Приношенія на памятникъ Державину должно отсылать *въ Казань, Обществу Любителей Отечественной Словесности, при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.*

— *Объ изданіи сочиненія Н. С. Арцыбышева.* — Общество Любителей Отечественной Словесности при Казанскомъ Университетѣ, извѣщаетъ, что отъ имени его предполагается издать первые два тома, или четыре книги *Повѣствованія о Россіи*, сочиненіе извѣстнаго Историческими разысканіями, Члена сего Общества и другихъ, Н. С. Арцыбышева. Два тома *Повѣствованія* оканчиваются царствованіемъ Іоанна IV-го, и будутъ состоять не

менѣе какъ изо 100 печатныхъ листовъ. Все сочиненіе составитъ четыре тома, или восемь книгъ, и заключится кончиною Императрицы Елисаветы Петровны. Первые два тома уже одобрены Цензурою. Пятая книга третьяго тома приводится къ окончанію.

Желая обезпечить себя въ издержкахъ, потребныхъ на изданіе сей книги, Общество открыло подписку на оную. Подписная цѣна первымъ двумъ томамъ, на хорошей Московской бумагѣ, въ бумажномъ необрѣзномъ переплетѣ, 25 рублей ассигнаціями. Желающіе могутъ относиться съ деньгами и требованіями въ Казань, къ Члену и Секретарю означеннаго Общества, Ординарному Профессору Г. С. Суровцову, отъ котораго будетъ извѣщено какъ о выходѣ изъ печати книги, такъ и о взносѣ денегъ отъ Г-дъ подписчиковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XLV-й части.

При сей Части Телеграфа находятся: два очерка съ картинъ Іосифа Вернета и Грёза; два изображенія мебелей: ящикъ съ подарками жениха, и коммодъ; шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 9.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПАРИЖА.

Le petit métier est la providence du parisien, qui n'est pas riche.

Парижъ набитъ такимъ промышленнымъ народомъ, который принадлежитъ только этому большому городу, и никуда не годится за его заставою. Это промышленность канавъ, перекрестковъ, чердаковъ и лужъ, промышленность удачи, у которой есть свои надежды, свои цехи, свое управленіе, промышленность лоскутьевъ, старыхъ гвоздей, битыхъ стеколъ, эпическихъ поэмъ и водевилей. Обо всемъ этомъ хочу я поговорить, не шутя, и съ уваженіемъ, ибо во всемъ этомъ могутъ быть, и есть, честность, трудъ, законныя потребности, все это даетъ средства жить цѣлымъ семействамъ, посылаетъ дѣтей въ училища, даритъ приданое дочерямъ, и часто — даже мѣстечко на кладбищѣ Отца Лашеза, если промышленникъ

былъ богатъ, счастливъ, уважаемъ, и сдѣлалъ духовную не для неблагодарныхъ.

Мѣлкая промышленность владычествуетъ въ этомъ большомъ городѣ, который называютъ: *Парижъ.* Все такъ дорого въ немъ, всякое званіе, даже званіе самое ничтожное. . . . Сколько надобно денегъ, чтобы завести хоть маленькую лавочку, когда теперь нѣтъ никакой лавки безъ зеркалъ на стѣнахъ, и безъ конторки краснаго дерева! Хозяева домовъ въ Парижѣ такіе грубіяны; векселя теперь такъ трудно учесть! А между тѣмъ — надобно жить, надобно, какъ нибудь, спасти себя отъ распутства и богадѣльни! Да здравствуетъ-же мѣлкая промышленность, безъ лавокъ, безъ свидѣтельствъ на торговлю, безъ спроса съ хозяевами домовъ, безъ векселей, безъ барышей, промышленость на чистомъ воздухѣ, ходячая, опустившая руки въ карманы, съ корзиною на спинѣ, или небрежно раскинушая на уголкѣ улицы, промышленность ходячаго торговца, поджидающая мимоходящаго покупателя! Въ часъ по полуночи, когда весь Парижъ засыпаетъ, кое-какъ, наскоро, съ угрызеніями совѣсти, или развлекаемый мгновенными наслажденіями, засыпаетъ, точно такъ, какъ будто Домовой давитъ его, начиная со стукомъ каретъ и оканчивая съ крикомъ разнощиковъ — слышите-

ли вы на рынкахъ чрезвычайно дѣятельное движеніе? Тамъ не спятъ. Мѣлкая промышленность работаетъ. Со всѣхъ сторонъ, съ маленькими тѣлежками, сбирается торговый народъ, который цѣлый день потомъ производитъ торговые обороты лукошкомъ картофеля, дюжиною связокъ моркови, пучкомъ луку, нѣсколькими дюжинами яицъ. Пока большіе торговцы съѣстными припасами остаются неподвижно на своихъ мѣстахъ, надменно поджидая поваровъ изъ знатныхъ домовъ, или горделивыхъ кухарокъ купеческихъ — вотъ движется мѣлкая промышленность, рано вставшая, и доставляетъ поэту и бѣдняку дневное пропитаніе. Безъ моркови, картофеля, и полу-свѣжихъ припасовъ мѣлкой промышленности, бѣдняки умерли-бы съ голода. Имъ нѣкогда идти на рынокъ, гдѣ все могутъ они достать лучше и дешевле; они сидятъ на своемъ пятомъ этажѣ, ждутъ судьбы своей, не только на каждый день, но даже на каждый часъ. Такъ созданъ великій Парижъ, работающій и ожидающій. Вся жизнь второстепеннаго Парижа проходитъ въ покупкѣ обѣда у перекупщика. Утромъ, когда молочница приготовила свое молоко, и величественно возсѣла подлѣ своей собачки, и своего жестянаго кувшина — посмотрите, какъ идутъ къ ней цѣпочкою — женщины, небрежно одѣтыя, полусонныя, съ платками на головахъ; дѣвочки,

замѣняющія матерей, дрожащія отъ холода, съ растрепанными волосами; горничныя служанки, тяжелые холостяки, насмѣшливые слуги, должностные люди — хоть имъ и совѣстно показаться въ этой разноцвѣтной толпѣ. Шумный рой этихъ голодныхъ пчелъ окружаетъ жестяной кувшинъ, молочница обдѣляетъ каждому его долю, скупою рукою, и обдѣленіе это продолжается до самаго полудня. Но знаете-ли, что эта молочница никогда не доитъ своей коровы? У нея даже и нѣтъ коровы, такъ-же, какъ у этой торговки яицами нѣтъ ни одной курицы: все, что перепродаютъ онѣ, все это онѣ сами перекупили, и мужья ихъ, дѣти ихъ, совсѣмъ не земледѣльцы, не мызники: сынъ молочницы писаремъ у маклера, а мужъ караулитъ палки и шляпы въ игорномъ домѣ!

Но вотъ — полдень! Проснулся Парижъ: шумъ восходитъ до небесъ, все движется, и мѣлкая и крупная промышленность соперничаютъ. У всякаго занятія въ Парижѣ есть свой соперникъ, и своя каррикатура. Высоко или низко, честно или безчестно, позволено или запрещено какое нибудь занятіе — только поищите прилежнѣе — и вездѣ найдете вы, подлѣ оборотовъ, основанныхъ на огромнѣйшихъ капиталахъ, обороты мѣлкіе, торговлю маленькую, купца разнощика. Взгляните пристальнѣе

на Парижъ: подлѣ Восточной шали — вѣчнаго предмета насмѣшекъ для водевилистовъ — продаются шали Терно; подлѣ шалей Терно — обновленные лоскутья ветхаго туалета знатной дамы; подлѣ нихъ, еще ниже — торговка съ картономъ въ рукѣ, гдѣ найдете вы истасканныя кружева, изношенныя платья, и — даже чепчикъ распутной женщины! Мѣлкая промышленность настоящій Протей: она ни отъ чего не краснѣетъ, гнется и перегибается на всѣ лады, готова раздѣться до нага, чтобы потомъ ее одѣли за это, готова, если надобно, валяться въ грязи, не боится ни какого стыда, ни какого ростовщичества, скользитъ повсюду, сплетничаетъ вездѣ, толкаетъ, давитъ, не спитъ ни днемъ ни ночью, готова морить, и плясать, если ей велятъ. Вы слыхали о браминѣ, пятнадцать лѣтъ глядѣвшемъ на свой носъ, въ фанатическомъ изступленіи, безъ сна, безъ ѣды, безъ питья? Въ Парижѣ, за самую бездѣльную плату, возмутся выполнить вамъ ролю этого брамина, потому, что всѣ подобныя вещи перешли теперь въ область самой мѣлкой промышленности.

Но пойдемъ-те погулять по городу. Выходя изъ дома, вамъ необходимо надобно пройдти мимо каморки дворника (la loge du portier). Это жилище — родъ впадины, въ нижнемъ эта-

же, въ которую иной пожалѣетъ помѣстить свою собаку, если она порядочная собака. Вообразите себѣ пространство въ 7, 8 футовъ — никакъ не болѣе! И тутъ иногда обитаетъ цѣлое семейство: отецъ шьетъ башмаки, мать читаетъ романы, дочь, въ надеждѣ вступить на сцену Французскаго Театра, декламируетъ стихи, старшій сынъ, будущій композиторъ Амбигю, играетъ на скрыпкѣ, младшій, опредѣленный уже тереть краски у Делакруа, или готовить мѣдныя дощечки у Жоганно, отдыхаетъ послѣ работы. И весь этотъ міръ художниковъ живетъ тутъ, мыслитъ, работаетъ, творитъ, обуревается страстями, и все это дѣлаетъ онъ мимоходомъ, оберегая домъ, и поднимая дверную защелчку, при первомъ звонѣ колокольчика въ воротахъ. Знаете-ли вы, гдѣ гнѣздятся всѣ эти люди? Когда появились на бѣлый свѣтъ всѣ эти дѣти, какъ они выросли, какъ нашли они *victum* и *vestitum*, въ затруднительномъ своемъ положеніи? Отецъ семейства получаетъ за свою должность 300 франковъ жалованья, и — все тутъ! А между тѣмъ, дѣти воспитываются, у отца ихъ есть два фрака, у матери мериносовое платье, у дочери золотая цѣпочка, у старшаго сына пара сапоговъ. Чудо промышленности, терпѣнія, труда, и непоколебимой воли! И это чудо

найдете вы подлѣ воротъ каждаго порядочнаго дома въ Парижѣ.

Но, я не задержу васъ долго у воротъ. Вы выходите. Поберегитесь — не толкните этого человѣка, который согнулся подлѣ канавы. Это *царапатель* (regratteur): онъ царапаетъ и перечищаетъ грязь на мостовой. Не лоскутьевъ ищетъ онъ, не собираетъ сора съ каменьевъ, не ловитъ клочковъ старой бумаги, носимыхъ вѣтромъ — лоскутья, соръ, старыя бумаги, все это товары, слишкомъ высокіе для нашего промышленника! Онъ стоитъ гораздо ниже. — Просто: онъ ищетъ гвоздей, выпадающихъ изъ лошадиныхъ подковъ, или кусочковъ желѣза, которые треніе по мостовымъ выбиваетъ изъ колесныхъ шинъ. Онъ перемываетъ городскую грязь, этотъ трудолюбивый человѣкъ, такъ, какъ другіе человѣки перемываютъ золотоносный песокъ Мексиканскій; онъ счастливъ, если найдетъ какой нибудь безголовый гвоздикъ, какъ счастливъ бываетъ Бразильскій Негръ, когда найдетъ дорогой алмазъ. Посмотрите на него: какое тягостное положеніе! Какъ онъ нагнулся надъ своею добычею! Какъ играетъ онъ съ Фортуною! Сколько волненія въ душѣ его! Какъ сильно бьется его сердце! Бѣднякъ — увы! рудникъ не изобиленъ! Іюльская революція отослала много лошадей на пашню, и столько каретъ уничтожила, что съ трудомъ теперь

царапатель улицъ находитъ съ чѣмъ идти ему за городъ, прогулять Воскресенье и Понедѣльникъ за заставою. Въ бывалыя времена, онъ оставался тамъ и на Вторникъ!

Когда вы поберeглись отъ царапателя, и отъ грязи, которую разбрасываетъ онъ на всѣ стороны, съ вами, лицомъ къ лицу, сталкивается *коммиссіонеръ квартала* (commissionaire du quartier).

Этотъ коммиссіонеръ обыкновенно бываетъ здоровый весельчакъ, съ широкою грудью, черноволосый, съ огромными плечами. Видя его, чувствуете, что это человѣкъ на своемъ мѣстѣ, который ни кому не долженъ, которому должны многіе, и у котораго есть маленькій запасъ на черный день. Кто такой, и что такое этотъ *коммиссіонеръ?* Это, для меня мой слуга; для васъ вашъ слуга; для всѣхъ — слуга всякому. Онъ принадлежитъ ко всѣмъ домамъ квартала; въ каждый домъ входитъ, изъ каждаго выходитъ онъ, свободно. Его зовутъ зимою пилить дрова; лѣтомъ выносить цвѣты на воздухъ; ему даютъ отнести письмо, или записку; онъ садится на козлы, и правитъ лошадьми, когда вы хотите ѣхать на встрѣчу вашей супругѣ, а кучеръ вашъ напился пьянъ. Его имя всѣмъ извѣстно. Всѣ знаютъ откуда онъ, сколько ему лѣтъ, сколько лѣтъ его отцу

и матери. Онъ другъ кухаркѣ, врагъ дворнику, независимъ, какъ слуга, у котораго много господъ, дѣятеленъ и уменъ, какъ земледѣлецъ, засѣвающій свое поле; онъ дѣлаетъ много, дѣйствуетъ мало, шагомъ исходитъ онъ всякій день нѣсколько миль, и никогда, ничего, никому лишняго не скажетъ. Скромный, трезвый, всегда готовый въ дорогу, всегда готовый услужить, онъ равно услужливъ въ дѣлѣ и въ шалости. Парижская улица не была-бы полна, если-бы на ней не было коммиссіонера, овощной лавочки, и виннаго погребка.

Далѣе, на Новомъ мосту, или на Гревской набережной, безъ лавокъ, безъ свидѣтельствъ, только съ значками, толпится цѣлое поколѣніе промышленниковъ, всегда занятыхъ, во всѣхъ направленіяхъ бродящихъ между толпою, и никому не мѣшающихъ. Одинъ, облокотясь на свою скамеечку, проситъ васъ, за копѣйку, позволить ему возвратить блескъ вашей затмившейся обуви. Другой, хриплымъ голосомъ, зоветъ вашу собачку, и, во чтобы то ни стало, хочетъ остричь ее. Испуганная собачка ваша, съ лаемъ, прижимается къ вамъ, а между тѣмъ — вотъ продаютъ вамъ сѣрныя спички, вотъ предлагаютъ булавки, а этотъ старикъ питается продажею ячменнаго сахара! Посмотрите на эту широкую кумушку: она носитъ на себѣ цѣлую

кухню; тутъ у нея печь, готовая жарить, говядина, готовая быть изжаренною, и жаркое, во всѣхъ видахъ. На десять шаговъ вокругъ разносится запахъ отъ жирной колбасы, золотовиднаго картофеля, котлетки изъ свѣжей свинины — лакомыхъ кушаньевъ Гревской площади! Но что я говорю? Прелестный мерланъ, камбала, гужонъ — кушанья, годныя для общества болѣе избраннаго, поочередно зовутъ къ себѣ аппетитъ прохожаго. Мясная лавка ходитъ рядомъ съ кухнею; подлѣ нея и свѣжая рыба, готовая въ походной кухнѣ замѣнить изжаренную. Часъ по полудни. Парижанину пора приниматься за завтракъ. По утру онъ выпилъ уже чашку сливокъ; въ полдень надобно ему съѣсть на четыре копѣйки картофеля, или чего нибудь жаренаго, которое подаютъ ему въ печатномъ листочкѣ. Онъ съѣдаетъ свою порцію на чистомъ воздухѣ, облокотясь на мостовыя перилы, смотря на штуки мимоходящаго фокусника, и между тѣмъ можетъ пробѣжать политическія новости и литтературныя извѣстія. Такимъ образомъ, всѣ наслажденія соединены въ одно время, въ одинъ, блаженный для Парижанина часъ. Вода журчитъ въ рѣкѣ, солнце свѣтитъ въ небѣ, птичка поетъ въ ближнемъ домѣ набережной *des Orfèvres*, лодочникъ наигрываетъ пѣсню, жаркое шипитъ, и политическія новости вчерашняго дня къ его услугамъ. Еще три

дня пройдетъ, пока эти новости долетятъ до жителя близъ воротъ Марсельскихъ, и онъ прочитаетъ, вставши по утру, то, что прочиталъ уже, мимоходомъ, ремесленникъ на набережной Гревской, за походнымъ своимъ обѣдомъ.

Не думайте, чтобы вся эта промышленность годилась вездѣ и для всякаго. Нѣтъ! мѣлкая промышленность Парижа есть достояніе только Парижанина; она годится только для Парижа; только Парижанинъ пойметъ ее, полюбитъ, сумѣетъ оцѣнить настоящею цѣною всѣхъ этихъ мѣлкихъ торгашей! Мѣлкій торгашъ есть созданіе существенно-Парижское, необходимость существенно-Парижская. Только Парижанинъ умѣетъ остановить, въ палящій лѣтній зной, добраго продавца *коко*, разговориться съ нимъ, пока онъ вытираетъ свой посеребреный стаканъ, заставить налить его вровень съ краями, и выпивъ свой участокъ, и наговоривъ съ этимъ добрякомъ, по крайней мѣрѣ, на два су, потребовать отъ него сдачи съ десяти сантимовъ. Продавецъ, добрый малый, улыбается, сдаетъ два сантима съ пяти, и, учтиво раскланявшись, начинаетъ снова кричать свое: *coco à la glace*! Настоящее провидѣніе жаждущихъ солдатъ и нянекъ!

На мѣстѣ Парижанина, вообразите себѣ какого нибудь провинціяла, съ его презрительною

улыбкою, прихотливаго и избалованнаго. Онъ гордо пройдетъ мимо благодѣтельнаго напитка, не захочетъ отвѣчать на ласковое привѣтствіе старой Гебы, призывающей его, и черезъ часъ послѣ того засядетъ въ какомъ нибудь дрянномъ трактирѣ, портитъ желудокъ кружкою тяжелаго пива.

Одинъ только Парижанинъ, только онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ, умѣетъ говорить съ рыбною торговкою, быть ласковымъ съ торговкою устрицами, и не разсердить ходячей кухарки, торгуясь съ нею. Парижанинъ образованъ, учтивъ, говоритъ тихо, избѣгаетъ всякаго несогласія, и — въ тоже время, онъ ни отъ чего не краснѣетъ: среди бѣла дня волочится за *гризеткою*, которая нравится ему; среди улицы обѣдаетъ; свободно заходитъ къ погребщику, и пьетъ: это Діогенъ, умывшій руки свои миндальнымъ мыломъ. Не думайте, чтобы таковъ былъ провинціялъ — о, нѣтъ! провинціяльный житель спѣсивъ — это образчикъ избалованнаго чудака. Онъ презираетъ легкими удобствами жизни. Я показалъ вамъ, какъ онъ хотѣлъ лучше умереть отъ жажды, нежели выпить на улицѣ стаканъ коко. Посмотрите теперь, какъ входитъ онъ въ одну изъ тѣхъ вонючихъ гостинницъ, гдѣ обѣдаютъ за 24 су съ человѣка. Провинціялъ нашъ величаво садится за столъ, хо-

лодно опрятный. Онъ глотаетъ свои четыре блюда, не говоря ни слова, и послѣ тоненькаго куска говядины, заячьей похлѣбки, негодной яичницы, чего нибудь молочнаго, и какихъ нибудь глотковъ жидкаго, онъ выходитъ, съ угрюмымъ видомъ, съ пустымъ желудкомъ, съ началомъ несваренія, и не понимаетъ, что на Гревской площади, или на какомъ нибудь красивомъ бульварѣ, онъ, весело и шутя, пообѣдалъ-бы на половину истраченныхъ имъ денегъ. Что дѣлать! Когда провинціялъ обѣдаетъ, то хочетъ, чтобы первое блюдо его были салфетка и серебряная ложка!

Парижанинъ, лѣтомъ живущій на открытомъ воздухѣ, дышащій, наслаждающійся солнечнымъ сіяніемъ, зимою грѣется въ галлереяхъ Пале-Рояля, и на каждый часъ у него своя забава, за каждымъ шагомъ подстерегаетъ его толпа рабовъ, готовыхъ исполнять всѣ его желанія, при малѣйшемъ знакѣ. Парижанинъ позволяетъ себѣ быть столько счастливымъ, сколько хотятъ сдѣлать его счастливымъ. У него нѣтъ никакихъ заботъ въ жизни. Для него придуманъ лабиринтъ промышленности, который испугалъ-бы всякаго другаго. Если только Парижанинъ захочетъ, то ему дадутъ на копѣйку сахару, продадутъ крылышко дичины, ножку куропашки, головку фазана. У Парижанина есть

все, чего онъ хочетъ. Скажите, гордые богачи земные: что такое есть у васъ, чего не было-бы у него? Этотъ беззаботный шалунъ веселъ, такъ какъ вы, добръ, какъ вы, богатъ, какъ вы. Вы надѣваете газовое ваше платье, госпожа Герцогиня; вы небрежно кидаете розу въ ваши волосы; прелестная лента окружаетъ вашу талію. Но – завтра, а, можетъ быть, еще и сегодня, цвѣточница Женни надѣнетъ ваше газовое платье; небрежно перебросить въ свои волосы цвѣтокъ съ вашей головы; ваша лента обхватитъ талію Женни— только она принуждена будетъ подвинуть далѣе по лентѣ пряжку — у нея талія лучше вашей.

Такъ бываетъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается, работается, изобрѣтается въ Парижѣ, и ввозится въ Парижъ. Вся эта работа, вся эта изысканность, вся эта роскошь — для Парижанина. Призываютъ Штауба, заказываютъ ему пару платья, выбираютъ шелковистую ткань, назначаютъ цвѣтъ пуговицъ, качество подкладки, надѣваютъ къ этому платью жилетъ, привезенный изъ Англіи, и сапоги работы Сакосскаго; шляпа къ этому наряду вѣситъ едва три унціи. Прекрасно, милый *данди*! Ступай на пытку въ твоемъ новомъ платьѣ, жми ноги твоими сапогами, задыхайся въ твоемъ жи-

лет, и держи въ рукѣ твою шляпу, боясь испортить прелестную уборку твоихъ волосовъ.— Черезъ восемь дней послѣ того, идетъ продавецъ стараго платья. — *Старое платье! Старое платье! Купите платья, продайте платья!*— О, Сакосскій! О Штаубъ! ваши сапоги, правда, немного поразношенные, переходятъ на ноги торгаша контра-марками; ваше платье надѣто на фигуранта Театра Гимназіи, которому платятъ по 20 су въ день, съ условіемъ, что онъ всегда будетъ чисто одѣтъ.

Кстати, я упомянулъ о торгашѣ контра-марками, и фигурантѣ Театра. Поговоримъ объ нихъ.

Продавецъ контра-марокъ есть торгашъ драматическими удовольствіями для Парижанина. Парижанинъ, какъ встарину знатные люди, имѣетъ полную привиллегію ходить въ театръ даромъ, и это дѣлается слѣдующимъ образомъ: первую пьесу сыграли; богачъ пришелъ — ему скучно — онъ дремлетъ, и идетъ вонъ. Онъ бросаетъ просто, или продаетъ контра-марку свою спекулянту, который за этимъ только и стоялъ у театральныхъ дверей. Тотчасъ подбѣгаетъ къ нему и покупщикъ, или торгашъ самъ сыскиваетъ покупщика. «Угодно-ли видѣть, какъ танцуетъ Г-жа Дюпонъ? — Угодно-ли видѣть игру дѣвицы Жоржъ въ 5-мъ актѣ? —

Одри начинаетъ, и онъ сегодня прелестенъ! Не угодно-ли?» — И вотъ, мой Парижанинъ, съ сигаркою въ зубахъ, размышляетъ, небрежно торгуется, беретъ контра-марку, и за цѣну свѣчки, которую надобно-бъ было сжечь ему въ это время, еслибы онъ остался дома, видитъ все лучшее въ спектаклѣ, пренебреженное богачемъ. Вотъ онъ апплодируетъ, смѣется, свищетъ, забавляется — для него только существуетъ Опера въ Парижѣ, для него только процвѣтаютъ Искуства и Поэзія во Франціи.— Счастливый человѣкъ! онъ всталъ беззаботно, и съ утра готовъ у него обѣдъ — для него курица нанесла яицъ, корова надоила молока, комисіонеръ принесъ свои крючки, чистильщикъ сапоговъ приготовилъ лучшую ваксу, портной сшилъ прекрасныя платья, которыя вы видите— для него работаютъ подрядчики, освѣщаются лавки, открываются театры. Счастливое, три краты счастливое дѣйствіе мѣлкой промышленности Парижа!

(Окончаніе въ слѣд. №).

ОБОЗРѢНІЕ

современныхъ Русскихъ Журналовъ.

Мы давно слышали, что въ Петербургѣ издаются *Литтературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. Но, мало-ли что издается и дѣлается на свѣтѣ! Отъ многаго избави насъ Боже! Мы, право, не желали видѣть вблизи холеру, когда темные слухи извѣщали насъ, что она свирѣпствуетъ въ Индіи. Пришлось однакожъ быть свидѣтелями этого бѣдствія; пришлось намъ увидѣть и *Литтературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, издаваемыя Г-мъ Воейковымъ. И еще съ какимъ трудомъ достали мы это сокровище, котораго въ Москвѣ нѣтъ почти ни у кого! Нашелся экземпляръ (NB, новенькій, не читанный) въ Библіотекѣ для чтенія. По обязанности надобно было пересмотрѣть его.

Изданіе, достойное Г-на Воейкова: вотъ лучшая характеристика всего, что издается подъ вліяніемъ этого писателя. Но, право, мнѣ кажется, что онъ шествуя пріобрѣтаетъ новыя силы. Какъ можно дойдти до этой точки, на которой теперь находится Издатель *Литтературныхъ Прибавленій*? Какъ до такой степени не дорожить своимъ именемъ? Вотъ что не для всякаго можетъ быть понятно!

Чувствую, что мои литтературныя сѣтованія и сожалѣнія не у мѣста при газетѣ Г-на Воейкова, въ которой литтературнаго только одно заглавіе. Желая вездѣ отыскать какую нибудь мысль, можно было-бы предположить, что Г-нъ Воейковъ хотѣлъ издавать газету сатирическую, въ родѣ *Корсера* и *Фигаро*. Только не его дарованію предлежитъ такой подвигъ. Не его права надобно имѣть на роль пересмѣщника. Надобно быть сильнѣе. Безъ этого, насмѣшки будутъ шутовство. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Впрочемъ, давно зная литтературные подвиги Издателя мнимо-*Литтературныхъ Прибавленій*, мы и не дивимся, что онъ издаетъ такую газету. *Корсеръ* и *Фигаро* издаются для публики образованной, а *Литтературныя Прибавленія*, можетъ быть, для ресторацій и харчевенъ. Вездѣ есть публика. Можетъ быть тамъ и вкушаютъ остроты Г-на Воейкова, какъ entremets, между настойкой и закуской. Мы на дѣлѣ видимъ, что образованные люди не читаютъ этой газеты, наполненной пустѣйшими анекдотцами, литтературными вздорцами, сплетнями, и совсѣмъ не литтературною бранью на нѣкоторыхъ, презирающихъ газету Г-на Воейкова писателей.

Но вотъ что достойно замѣтки въ лѣтописяхъ литтературныхъ. Въ этой-то газетѣ, у *Г-на Воейкова*, помѣщаютъ свои сочиненія нѣкоторые Литтераторы!!.. Тамъ находимъ имена Г-дъ Якубовича, Глѣбова, Ознобишина, Познанскаго, Трилуннаго, Романовича, Башилова, и нѣкоторыхъ другихъ. Г-нъ Воейковъ перепечатываетъ стихи Пушкина, Жуковскаго, Дельвига, Языкова, но сочиненія упомянутыхъ писателей являются у него въ первый разъ, слѣдовательно идутъ прямо отъ сочинителей. Думайте послѣ этого объ усовершенствованіи Литтературы, ожидайте чего нибудь отъ большей части писателей нашихъ! Не можетъ быть, чтобы эти люди не знали общественнаго мнѣнія; знаютъ, и не хотятъ уважать его. Имъ все равно, гдѣ-бы ни напечатать, только напечатать свои сочиненія, хотя-бы въ .... *Литтературныхъ Прибавленіяхъ*. Публика знаетъ цѣну этихъ *Прибавленій*: она не читаетъ ихъ; а Литтераторы готовы быть въ нихъ сотрудниками. Слѣдовательно публика выше Литтераторовъ. Бѣдная Литтература, гдѣ есть это явленіе, и нѣтъ высокихъ, помышленій, нѣтъ благороднаго презрѣнія къ ничтожеству!

Анонимъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les coiffures en cheveux de moyenne hauteur sont restées le plus en majorité, les grecques ne convenant pas à tous les visages. Les cheveux plats en bandeaux ne sont pas abandonnés par de très jeunes femmes.

Un chapeau de crêpe rose avec un bouquet de pensées d'un jaune peu foncé, est une des plus élégantes coiffures pour demi-toilette.

Un charmant chapeau qui a été remarqué à l'Opéra, était en crêpe rose, la passe un peu inclinée; sur le haut de la forme, était posé un bouquet de thym des montagnes, cette fleur violâtre et brune ressortait sur le rose tendre, et avait cela de tout particulier, qu'elle se voit fort rarement.

Les pélerines de mousseline, et sutout de jaconas et de batiste, brodées d'une guirlande au-dessus de l'ourlet, et garnies de dentelle, sont celles qu'on peut choisir de meilleur goût pour le matin. Les formes très-étudiées à longues dents ou les doubles jockeis mêlés aux garnitures, sont infiniment moins bien que ce qui n'a de recherché que le luxe de l'étoffe ou des dentelles.

La mousseline blanche très-claire est une des étoffes qui s'emploient le plus pour les robes de toilette : une jolie façon est à corsage froncé, *à la Vierge*, garni au cou d'une dentelle haute de deux doigts, qui badine et ne doit pas retomber. Le cou reste dégagé et l'on peut mettre une chaine dont le premier tour se serre, et l'autre retombe jusqu'à la ceinture. Une écharpe de gaze ou crêpe, très-légère, convient mieux à ces robes qu'un châle ou un sautoir.

(*) Въ Парижѣ до 15-го Августа (н. ст.)

Une autre façon, plus négligée, est à corsage plat, décolleté. La pélerine ou fichu est à quatre pointes, celles des épaules sont plates, celle du devant et derrière sont froncées de quelques plis qui font la gerbe. Si la robe est tout unie, le fichu doit au moins être garni d'une dentelle.

La couleur cerise a conservé quelque faveur dans les accessoires de toilettes. Quant aux chapeaux, ils sont tout à fait passés. Les petites cravates, les écharpes, sont toujours fort bien, surtout si cette nuance est jointe à celle du vert, du blanc, ou du marron.

On parle beaucoup des gants de tricots, et beaucoup de journaux les vantent, et parce qu'ils sont encore une nouveauté, on s'efforce de répéter qu'ils sont à la mode. *A la mode* veut dire ce qui est adopté par le monde qui la donne, et nous pouvons assurer que les gants de Suède ou nos gants français en peau de chevreau sont les seuls qui soient toujours bien portés. Du moins ceux-ci laissent à une petite main délicate toute son élégance et ne la défigurent pas comme les gants de tricots qui n'ont de réel avantage que de conserver plus de frais pendant l'extrême chaleur.

On fait pour le matin des tabliers de gros-de-Naples à quadrilles. Maintenant la forme la plus simple est la plus distinguée. Des ourlets plats tout autour: des poches sans dents, sans découpures, plates, arrondies du bas.

Прически средней вышины вошли въ общее употребленіе, потому что Греческія идутъ не ко всякому лицу. Самыя молодыя дамы не оставили и тѣхъ прическокъ, въ которыхъ волосы бываютъ убраны въ видѣ гладкихъ полосъ.

Парижскія моды.

Для полунаряда, самый лучшій головной уборъ шляпка изъ розоваго крепа, съ букетомъ pensées, желтаго, нѣсколько густаго цвѣта.

Въ Оперѣ замѣчена прелестная шляпка изъ розоваго крепа, съ наклоненными, только не много, полями. На верху тульи былъ у нея букетъ горнаго тиміана: этотъ цвѣтокъ, фіолетовый и темный, отличался на нѣжно-розовомъ, и былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что онъ употребляется рѣдко.

Пелеринки кисейныя, и особенно жаконетовыя и батистовыя, у которыхъ надъ рубчикомъ вышита гирлянда, а уборка кружевная, почитаются самыми изящными для утренняго наряда. Слишкомъ изысканныя формы, съ длинными зубцами, или двойныя жокеи, съ уборкою, совсѣмъ не такъ модны какъ то, гдѣ вся изысканность въ богатствѣ ткани или кружевъ.

Бѣлая кисея, чрезвычайно прозрачная, употребляется всего болѣе для нарядныхъ платьевъ. Прекрасный фасонъ: съ лифомъ въ складкахъ, à la Vierge, убраннымъ вокругъ шеи кружевомъ, шириною въ два пальца, которое развѣвается, но не упадаетъ. Шея остается открытою. При этомъ можно надѣть цѣпочку, которой первый оборотъ стягивается, а остальное падаетъ къ поясу. Шарфъ изъ газа или крепа, самаго легкаго, при этомъ платьѣ гораздо лучше нежели шаль или длинный платокъ на перекрестъ.

Другой фасонъ, попроще, съ гладкимъ лифомъ и нѣсколько открытою грудью. Пелеринка или косынка съ четырьмя углами, которые на плечахъ гладки, а на груди и на спинѣ въ нѣсколькихъ складкахъ, образующихъ снопъ. Если платье одноцвѣтное, то

косынка должна быть по крайней мѣрѣ убрана кружевомъ.

Вишневый цвѣтъ все еще употребляется, не къ главныхъ принадлежностяхъ наряда. Только шляпокъ вишневыхъ вовсе не дѣлаютъ; но галстучки и шарфы носятъ, особенно если этотъ цвѣтъ соединяется съ зеленымъ, бѣлымъ или каштановымъ.

Много теперь говорятъ о вязаныхъ перчаткахъ. Это не болѣе какъ новость, а Журналы хвалятъ ихъ и повторяютъ что это мода. *Мода* значитъ то, что принято въ свѣтѣ, который изобрѣтаетъ моды, а мы (говоритъ Парижскій Журналистъ) можемъ увѣрить, что въ модѣ однѣ перчатки Шведскія и Французскія кожаныя. Онѣ, по крайней мѣрѣ, оставляютъ нѣжную ручку во всей ея прелести, и не обезображиваютъ, какъ вязаныя перчатки, отъ которыхъ только та выгода, что онѣ сохраняютъ свѣжесть въ лѣтніе жары.

Для утренняго наряда дѣлаютъ передники изъ гроденапля съ квадратами. Нынѣ форма самая простая есть самая лучшая. Гладкіе рубчики кругомъ; карманы безъ зубчиковъ, безъ вырѣзокъ, плоскіе и округленные снизу.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Шляпка басттовая. — Платье изъ вышитой кисеи.

Мужчина. Фракъ съ бархатнымъ воротникомъ. Жилетъ изъ козьяго пуху. Панталоны изъ Англійскаго тику или нанковые, и тиковые штиблеты.

Въ Парижѣ 10 Августа (нс.) 183..

Digitized by Google

Въ Парижѣ 15 Іюля (н.с.) 1832 г.

Кн. (10). Моск. Телегр. 1832 г.

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 10.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПАРИЖА.

(*Окончаніе*).

Мѣлкая промышленность есть провидѣніе небогатаго Парижанина. Она спасаетъ его отъ скуки и отчаянія; она сравниваетъ состояніе его со всѣми состояніями въ мірѣ; она даетъ ему средства удовольствовать всѣ свои желанія. Мѣлкой промышленности Парижанинъ одолженъ своимъ благосостояніемъ, своимъ домомъ, своими слугами, своимъ экипажемъ. Давно-ли еще, кромѣ всего другаго, мѣлкая промышленность предложила всякому Парижанину огромныя кареты, въ двѣ, въ три лошади, всегда готовыя къ его услугамъ, всегда готовыя изъѣздить Парижъ во всѣхъ направленіяхъ? Беззаботный, лѣнивый добрякъ Парижскій! Ты ни о чемъ не думалъ, а мѣлкая промышленность взялась за тебя хлопотать: придумала ливрею для омнибу-

совъ, установила число и шерсть лошадей, заботилась о всѣхъ мѣлочахъ твоего экипажа. И вы, конечно, повѣрите, что когда Парижанинъ важно разляжется на мягкихъ подушкахъ омнибуса, и горделиво упретъ подбородокъ на костяной набалдашникъ своей трости, право, ему нечего завидовать своему сосѣду, прежде бывшему Маркизу, который, желая ѣздить въ каретѣ, долженъ купить лошадей, нанять сарай и конюшню, заплатить кучеру и лакею, приготовить сѣна, и — не смотря на то — всего чаще ѣздитъ въ наемномъ фіакрѣ.

Благодаря мѣлкой промышленности, нѣтъ въ Парижѣ ни одной вещи, у которой не было-бы двухъ цѣнъ, двухъ крайнихъ цѣнъ, самой высокой и самой низкой: средины не бываетъ, хотя, очень часто, высокая и низкая цѣна, въ сущности своей одно и тоже. Такъ продаютъ дичину на Новомъ бульварѣ, и у Г-жи Шеве; играютъ въ рулетку въ *залѣ Принцевъ*, сплошь раззолоченной, великолѣпной пещерѣ, гдѣ совершается раззореніе столькихъ несчастливцевъ — играютъ въ рулетку и на Новомъ мосту. Если Итальянскій бульваръ гордится Оперою, бульваръ Турецкой кофейни обладаетъ также Оперою, и болѣе нежели Оперою: тамъ Фюнамбулы, и Дебюро — чудный кривляка! Ахъ! Боже мой! Кто можетъ сказать, что на балахъ въ

улицѣ Антенской менѣе веселья, нежели на балахъ въ улицѣ Куртиль? Какую разницу находите вы въ побѣдѣ надъ кокеткою, въ ленты и шелки закутанною, и въ преслѣдованіи *гризетки*, черноглазой, ловкой, съ маленькою ножкою? Да, *гризетка* настоящее Парижское созданіе, полузавядшій цвѣтокъ Парижской корзины, честь садовъ и великолѣпныхъ магазиновъ Парижа, поэзія Парижскаго студента, что-то милое, чего не льзя назвать ни порокомъ, ни добродѣтелью: это мѣлкая промышленность, веселая, рѣзвая, беззаботная, созданная для Парижа, и только въ Парижѣ могущая быть осуществленною! Да, да, понимаете-ли, что порокъ и добродѣтель, страданіе и наслажденіе, любовь и раскаяніе, вездѣ и во всемъ—для Парижанина одно и тоже.

Парижанинъ уравненъ со всѣми, кто-бы ни пріѣхалъ жить въ его городѣ: онъ уравненъ забавами, счастіемъ, любовью. Онъ раздѣляетъ всѣ праздники, всѣ наслажденія, всю роскошь. Разница, что сдѣлавшись боленъ, одинъ лежитъ въ своей постелѣ, другой въ больницѣ; но и здѣсь уравненіе: лекарство одно и тоже, и въ чертогахъ богача и въ больницѣ, лекарь одинъ и тотъ-же. Между чертогами и больницею не колеблется въ визитахъ своихъ славный Дюпюитренъ, и еще, напротивъ, къ Парижанину, къ

Парижскому Парижанину, больному въ его госпитали, онъ спѣшитъ прежде богачей.

И не только мѣлкая промышленность прилагается къ необходимостямъ жизни, къ потребностямъ роскоши, которыя также необходимость — нѣтъ! она вездѣ, она заботится о самыхъ странныхъ прихотяхъ, самыхъ неожиданныхъ требованіяхъ сердца и ума человѣческаго, о тѣхъ требованіяхъ, которыя могутъ пріидти въ голову только богатаго и сильнаго человѣка, которыя въ другихъ землахъ позволяетъ себѣ только богачъ, и которыя позволяетъ себѣ Парижанинъ въ Парижѣ всегда, вездѣ, безъ всякой причины, только потому, что онъ знаетъ о томъ, чего хочетъ, хочетъ, потому, что знаетъ; ему одно время для жизни, и онъ Парижскій Парижанинъ.

Напримѣръ: Катерина хочетъ писать къ Ивану, который находится въ Шартрѣ. Катерина не знаетъ грамоты. Но за четыре копѣйки, Катерина посылаетъ къ Ивану письмо, прекрасно написанное, пречувствительное, безъ ошибки въ правописаніи, на веленевой, раздушенной бумагѣ, запечатанное сургучною печатью, съ гербомъ. Пріятель Ивана, когда Иванъ получитъ это письмо, не шутя спрашиваетъ его: не новая-ли Г-жа Севинье пи-

шетъ къ нему? — Еще примѣръ: у васъ есть дядюшка, Членъ Филотехническаго Общества, и этотъ дядюшка любитъ стихи? За день до именинъ его, заплатите пятнадцать копѣекъ, и — вы получите прекрасную пѣсню, сочиненную нарочно для дорогаго вашего именинника. И въ этой пѣснѣ будетъ его имя, и оно будетъ рифмовать съ послѣдующими стихами, если вы не пожалѣете прибавить еще пять копѣекъ. Знаете-ли вы, что въ Парижѣ есть театръ, подлѣ Люксанбургской рѣшетки, гдѣ какой-то Маркизъ, за 12-ть франковъ сочиняетъ цѣлый водевиль, и съ куплетами? За мелодраму беретъ онъ по 25-ти франковъ, и недавно заплатили ему за модную пьесу изъ жизни Наполеона — сорокъ франковъ!

Есть люди, которые продадутъ вамъ четверть Мелодрамы, играемой на театрѣ *Амбигю.* На набережной *aux Volailles*, вы найдете кучу писателей, составляющихъ цѣлый томъ романа за билетъ въ 50 франковъ. Они учтутъ этотъ билетъ своему книгопродавцу, по 15 на сто, и когда романъ явится въ свѣтъ, то окажется, что книгопродавецъ не въ большихъ барышахъ отъ ихъ работы.

Цѣлое семейство живетъ въ нижнемъ этажѣ, въ самомъ нездоровомъ мѣстѣ Парижа. Смотря на членовъ этого семейства, никакъ не угадае-

ше: какимъ ремесломъ занимаются всѣ они? Всѣ они выходятъ изъ квартиры своей въ извѣстное время дня. Всѣ они презираемы своими сосѣдями. Въ кануру свою возвращаются они позднею ночью, что-то учатъ, чему-то учатся. Когда глава семейства выходитъ, то увлекаетъ съ собою всѣхъ — и стараго отца своего, и больную мать — даже маленькое дитя, въ колыбели, не бываетъ забыто — и иногда даже собаченка Азоръ, и сорока Марго, составляютъ товарищей его прогулки. Что за Цыганское семейство? Узнайте, что глава семейства есть театральный *фигурантъ*. Вся жизнь его проходитъ въ томъ, что онъ представляетъ безмолвныя роли, никогда не достигая до званія актера, никогда не думая произнести хотя-бы одно слово на сценѣ. И знаете-ли, что этотъ человѣкъ перенесъ въ жизни своей всѣ ужасы, всѣ страданія Драмы? Да, именно: когда Римляне были въ модѣ на театрѣ, онъ, Римлянинъ, въ тогѣ и пурпуровомъ плащѣ, простудилъ правую руку, потому, что являлся съ голыми руками на сцену. Крестьяне, эти добрые *Колены* Комической Оперы, были пагубны его лѣвой ногѣ, потому, что онъ выбѣгалъ при этихъ роляхъ на сцену въ тоненькихъ, перкалевыхъ панталонахъ, съ синими и розовыми бантиками на колѣняхъ. Появленіе Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* во Франціи было также роковою

эпохою его жизни. Драки разбойниковъ на сценѣ надѣлали ему много бѣдъ: однажды разрубили ему голову деревянною саблею; въ другой разъ выстрѣлили ему цѣлый пистолетный зарядъ въ лицо. Потомъ пошли и поползли по театрамъ чудовищи, дьяволы, адскіе огни — и ему надобно было мазаться краснымъ и чернымъ цвѣтомъ, являться съ змѣями въ рукахъ, бросаться въ бездны подпольныя. Между тѣмъ природа болѣе и болѣе требовалась въ драмѣ: его заставили ѣздить по сценѣ на лошади, его втащили на крышу горящихъ домовъ, велѣли ему изломать всѣ свои члены, покрыли его ранами и болячками, клеймили его горячимъ желѣзомъ, сѣкли плетьми. Напослѣдокъ, когда отъ такихъ усовершенствованій театры начали пустѣть, сбавили плату несчастнаго фигуранта, заставили его самого, на свой счетъ, покупать бѣлила, румяна, сажу, что все прежде выдавалось ему даромъ. Тутъ надобно ему было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Фигурантъ размножилъ ихъ всѣми манерами: онъ вытащилъ на сцену жену, дѣтей, вывелъ сестру, брата, одѣлъ стараго отца Сенаторомъ, Дожемъ, Перомъ Франціи; старая мать его получила мѣсто въ драмахъ Революціонныхъ и Наполеоновскихъ. Все сдѣлалось фигурантомъ театра вокругъ этого человѣка: сорока, которую видите вы въ клѣткѣ, на его

окошкѣ, играетъ ролю въ *Сорокѣ-воровкѣ*; собака его была недавно превосходна въ *Монтаржиской собакѣ*. Въ мрачной, нездоровой, сырой канурѣ бѣднаго фигуранта вы найдете сокращеніе всего драматическаго искусства нашего времени.

Все это, нѣтъ спора, мѣлкая промышленность, если только есть что нибудь крупное на бѣломъ свѣтѣ. Кропать куплеты, расщипывать по клочкамъ комедію, чтобы изъ нея выкроить водевиль, являться передъ комитетомъ чтенія, собираться вчетверомъ, чтобы разродиться совокупно жалкимъ театральнымъ уродцемъ, и, когда бѣдное созданіе готово къ розыгрышу на сценѣ, стоять на колѣняхъ передъ бѣдняками, которые занимаясь промышленностью еще мѣльче водевильной, должны отхлопывать пьесу — да, правда, все это не крупно, хоть и не легко!

Насталъ день перваго представленія. Въ буфетѣ театральномъ собрались всѣ партерные литтераторы, разобрали между собою условленные знаки, условились, когда должно смѣяться, когда плакать, въ какое рѣшительное мгновеніе необходимо придти въ восторгъ. Успѣхъ заговоренъ, приготовленъ, рѣшенъ въ буфетѣ. Не знаю: можно-ли сыскать промышленность мѣльче этой, если ремесла авторовъ водевильныхъ не должно поставить еще ниже?

Часто случается, что мѣлкая промышленность перемѣняетъ титулъ свой: самая мѣлкая дѣлается большою, а самая большая вдругъ самою мѣлкою. Какая важная особа бывалъ въ старину во Франціи Оберъ-Егермейстеръ? или Великій милостыно-раздаватель? или Оберъ-Церемоніймейстеръ? Напротивъ, посмотрите, какую огромную торговлю производитъ теперь Г-нъ Фюмадъ, бывшій продавецъ фосфорныхъ огнивъ, или продавецъ ваксы, Г-нъ Гунтъ, разбогатѣвшій торгашъ, устроившій теперь обширный магазинъ, съ зеркалами и эстампами на стѣнахъ. Въ одной изъ улицъ Маре, на широкой вывѣскѣ, можете прочитать надпись, изображенную огромными буквами: «*Дютокъ сынъ, наслѣдовавшій отъ отца своего производство бумажныхъ коробокъ.*

Вотъ еще ремесленникъ: онъ отворяетъ дверцы у каретъ, при подъѣздѣ къ театру. — А настройщикъ фортепіанъ? Мѣлкій промышленникъ, онъ тихонько пробирается въ залу, открываетъ инструментъ, измученный сонатами, возвращаетъ согласіе разстроеннымъ струнамъ его. У этого охотника до согласныхъ звуковъ нѣтъ своего фортепіано, и когда онъ настроитъ чужое, то, трепеща отъ радости, позволяетъ себѣ наслажденіе — немножко поиграть. Но, входитъ слуга, и отпускаетъ виртуоза,

не давъ ему докончить начатой импровизаціи. Что-же платятъ ему? Немного поболѣе того, что платятъ полотеру, и онъ искренно доволенъ.

Что вамъ угодно? Какое желаніе возмутило вашу голову? Вамъ надобно одну розу, приколоть къ петлицѣ вашего фрака? Извольте — вамъ сей часъ продадутъ розу. За копѣйку вы можете купить фіалку, на мосту Художествъ. Слѣдуйте далѣе по набережной, и можете купить книгу in-8, за цѣну 10 букетовъ фіалокъ. Вы живописецъ; вамъ надобны *натуральныя фигуры*, образцы? Какія именно фигуры: Марсъ, или Венера, Красота или Слава? Вотъ Марсъ, въ лохмотьяхъ, бѣднякъ, плачевной наружности, проситъ милостыни, и указываетъ на разодранные локти. Вотъ и Венера, съ прелестною таліею, бѣлыми плечами, высоко-воздымающеюся грудью, изящными руками. Сбрось твое покрывало, о богиня! Открой твои бѣлыя плечи, обнажи грудь твою, созданную для любви, выставь твою хорошенькую ножку, стань въ томъ роскошномъ положеніи, въ какомъ вышла ты изъ нѣдръ Океана! Извольте, извольте! И Марсъ, и Венера къ вашимъ услугамъ, и услуга ихъ стоитъ не болѣе того, сколько надобно было заплатить за переѣздъ изъ улицы въ улицу въ порядочномъ фіакрѣ, до изданія новаго тарифа.

Наука продается въ Парижѣ недороже изящныхъ образцовъ для Живописи, потому, что Парижъ наводненъ науками, искусствами, знаніями, набитъ Профессорами всякаго рода. Съ 1830 года учители Итальянскаго языка стали дешевле учителей Латинскаго языка и Словесности; Нѣмецкому языку учиться немного дороже. По всѣмъ предметамъ воспитанія, по всѣмъ профессорствамъ, самые дорогіе и самые уваженные наставники, суть — танцовальные учители. И тѣ учатъ почти даромъ. Судите о другихъ!

Ростовщичество, даже ростовщичество дѣлается мѣлкою промышленностью, чтобы легче ему было обирать несчастныхъ жертвъ своихъ. Оно опирается на старый костыль, принимаетъ на себя видъ торгаша, въ маленькой лавочкѣ близъ рынка, и ссужаетъ бѣдняку шесть франковъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ сутки получить отъ него шесть франковъ и пять сантимовъ. Оно покупаетъ билеты на вещи нищаго, заложенные въ Ссудной Казнѣ, и ростовщикъ, мѣлкій мошенникъ, съ харею Тартюфа, успѣваетъ выгадать и украсть что нибудь изъ этого, послѣдняго куска хлѣба. Такимъ образомъ, въ Парижѣ нѣтъ ничего, чтобы не могло быть сведено къ самому простому, самому низкому выраженію предмета. Вотъ золото — слѣдуйте

далѣе, въ увеличивающемся размѣрѣ, и вы дойдете до милльоновъ; вотъ Католическая религія — и противъ нея секта Сенъ-Симонистовъ; вотъ величественный храмъ Св. Сульпиція — и подлѣ него часовня Аббата Шателя; вотъ Французскій Театръ — подлѣ театръ *Амбигю*. Какой хаосъ! Какое безконечное движеніе! Министръ и мошенникъ, придворный и шарлатанъ, банкиръ и рыночный ростовщикъ, Тальма и Марли, Академія и разнощикъ ученыхъ объявленій!..

Но ремесла лоскутника, собирателя матеріяловъ для бумажной фабрики, никогда не осмѣлюсь я поставить въ число мѣлкихъ промысловъ. Нѣтъ, нѣтъ, почтенные лоскутники, послѣдніе судьи бумагъ, писанныхъ и печатныхъ, я не смѣю навлечь на себя вашего гнѣва! И если надобно васъ поставить въ разрядъ мѣлкой промышленности, то развѣ съ тѣмъ, что вы займете въ ней первое мѣсто. Да, лоскутникъ есть созданіе съ важнымъ лицомъ, съ величественнымъ видомъ, молчаливое, спящее днемъ, живущее, трудящееся, дѣйствующее ночью. Неумолимый, какъ судьба, онъ и неутомимъ, какъ судьба. Онъ ждетъ; но когда придетъ часъ его, то ничто не удержитъ его смѣлой руки, и все попадаетъ въ его корзину. Въ этой обширной могилѣ законы Имперіи смѣшаны съ постановленіями Республики. Тутъ всѣ

наши эпическія поэмы, начиная съ Вольтеровой. Всѣ журналы, поглотивъ собою все, что только ни существовало, поглощаются корзиною лоскутника. Это бойня Литтературы, это складка всѣхъ нечистотъ умственныхъ. И по всѣмъ этимъ отношеніямъ, лоскутникъ есть существо особенное, заслуживающее быть описано отдѣльно. . .

Вѣроятно, я забылъ еще много родовъ мѣлкой промышленности. Есть такіе, о которыхъ нечего говорить, потому что ихъ всѣ знаютъ. Но какое изъ мѣлкихъ самое мѣлкое? Вопросъ трудный! Думаю, что самая мѣлкая промышленность есть продажа похвалъ, если покупка ихъ еще не мѣльче, еще не ничтожнѣе.

Жаненъ.

ОБОЗРѢНІЕ

современныхъ Русскихъ Журналовъ.

ОТВѢТЪ

Г-ну Сочинителю Повѣсти:

Андрей, Князь Переяславскій.

«Ось якô, Пане, тее-то було!»

М. Г.!

Въ 6 N° Телеграфа, вы изъявили справедливую претензію на изданіе безъ вашего вѣдома двухъ главъ вашей Повѣсти. Читая статью сію, я предчувствовалъ, что, по милости А. Ѳ. Воейкова, дѣло дойдетъ и до меня: предчувствіе мое сбылось! Читая далѣе, я нашелъ, что вы съ удивленіемъ встрѣтили въ 53 N° *Литтературныхъ Прибавленій* къ Инвалиду (1831 г.), отрывокъ изъ вашей Повѣсти, напечатанный съ подписью моею, изъ Енисейска, и полагаете, что эта выходка вполнѣ принадлежитъ Г-ну Воейкову.

Какъ ни больно мнѣ быть замѣшаннымъ въ дѣлѣ такого рода, какъ ни далекъ я отъ литтературныхъ объясненій, но за всѣмъ тѣмъ, какъ честный человѣкъ, я вынужденъ сказать, что вы въ предположеніи своемъ не ошиблись, избавляя меня отъ

совершеннаго обвиненія въ присвоеніи и искаженіи вашей собственности.

Считаю излишнимъ и даже не имѣю времени входить въ дальнѣйшія объясненія. Могу только поклясться Фебомъ, вашими прекрасными стихами и вашею единственною прозой, что я не виноватъ въ семъ ни сколько; что я тогда-же, еще изъ Сибири, убѣдительнѣйшимъ письмомъ просилъ Г-на Воейкова снять съ меня эту напраслину и объявить, что упомянутый отрывокъ не принадлежитъ мнѣ. Вѣроятно, слова мои. . но зачѣмъ договаривать, или говорить то, что для другихъ можетъ быть непріятнымъ?

Грѣшный человѣкъ, и я, такъ-же какъ и вы, чувствуя въ часы безсонницы какое-то поэтическое призваніе, писывалъ стихи; пишу ихъ про себя и нынѣ, а иногда и въ печать отдаю: однакожь какъ произведенія мои ни посредственны, никогда не думалъ я прославлять себя на счетъ другаго, никогда еще не приходило мнѣ въ голову дурной мысли присвоивать чужое, и такъ нагло; хотя (долженъ признаться) и былъ однажды обольстительный примѣръ нѣкоего Г-на А. Грепа, перепечатавшаго въ покойный Сѣверный Меркурій изъ Енисейскаго Альманаха (1828 г.) стихи одного моего знакомаго, подъ названіемъ: *Могила*, и подписавшаго подъ ними свое имя!!! По Русской пословицѣ: *На чужой коровай, рта не разѣвай*, я думаю: и худо, да свое, и хорошо да чужое. И потому, хотя я и не имѣю чести знать васъ, но, будучи однимъ изъ усерднѣйшихъ почитателей вашихъ литтературныхъ произведеній, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ, я

совѣщусь, что по стеченію обстоятельствъ, выставленъ противъ васъ въ такомъ неблагопріятномъ для меня свѣтѣ.

Не знаю, дойдетъ-ли объясненіе мое до васъ, но во всякомъ случаѣ, избирая посредникомъ своимъ тотъ-же самый Журналъ, въ которомъ напечатана ваша обвинительная статья, я остаюсь въ полной увѣренности, что Г-нъ Издатель М. Телеграфа не откажетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ въ гласности оправданія передъ публикою.

И. Петровъ.

Харьковъ.
19 Августа, 1832.

Издатель Телеграфа исполняетъ свой долгъ: оправданіе Г-на Петрова напечатано. Впрочемъ, нужны-ли были доказательства, что Г. Воейковъ сдѣлалъ обычную свою *штуку*? Это всѣ предчувствовали: и Авторъ Андрея Переяславскаго, и Издатель Телеграфа, и, вѣроятно, читатели наши. Это новая черта въ Русской Журналистикѣ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Une jolie forme de robe qui s'emploie beaucoup pour les robes d'étoffe du soir est à draperie croisée devant et derrière. On place à l'intérieur une espèce de chemisette en mousseline, en batiste, taillée comme la robe qu'elle dépasse de deux petits doigts, et garnie d'une malines au bas de laquelle sont posés deux rangs de dentelle à petits tuyaux retombant sur le corsage.

Les robes de chaly étant toujours dans une grande vogue, on s'occupe de les renouveler le plus possible avec quelques changemens. Dans ce moment on porte beaucoup de chaly brodé en soie plate. L'étoffe qui a peu de brillant fait ressortir la broderie qui est brillante. Ces robes sont habillées, et peuvent être faites décolletées.

Les jeunes personnes disposent leurs papillottes en touffes qui retombent sur l'oreille et laissent le front entièrement à découvert.

La coiffure d'une petite fille, et même d'une jeune fille de treize ou quatorze ans, doit être ou des boucles tombant sur le cou, ou une chinoise.

Leurs pantalons de percale doivent être demi-justes, tombant sur le coude-pied, avec une petite broderie au-dessus de l'ourlet, et si l'on veut, une petite dentelle au bord.

(*) Въ Парижѣ до 30 Августа (н. ст.)

Парижскія моды.

Toilette d'une femme élégante.

Une des plus importantes parties de la toilette d'une femme, est certainement tout ce qui a rapport *à sa toilette* proprement dit.

Il dépend du goût de choisir un chapeau de telle ou telle couleur, de porter une ou plusieurs plumes; mais il est des secrets d'élégance, des recherches de soin qui n'appartiennent qu'à la femme vraiment élégante.

Nous allons jeter un coup d'œil d'ensemble sur tout ce qui entoure une femme du monde dans son intérieur particulier; détailler les pâtes, les essences dont elle fait choix pour son usage habituel; révéler quelques secrets dont elle fait mystère, bien que toutes les approuvent en général.

Les savons en pâte, ou plutôt en *crème*, sont onctueux et adoucissans, à la rose ou aux amandes. Le savon d'huile de palmier, avec les mêmes qualités, est aromatique et d'une odeur agréable; à la vanille, à l'ambre, ils laissent long-tems le parfum à la peau, mais ceux à l'amande sont préférés à tous.

La pâte d'amande en poudre est remplacée par la farine d'aveline. On a reconnu qu'elle séchait moins la peau que la première.

La pâte liquide préparée au miel, est indispensable pour conserver à la peau sa souplesse et son tissu uni; on s'en sert après avoir fait usage du savon. *(La suite au numéro prochain)*.

Въ большомъ употребленіи прелестная форма для вечернихъ платьевъ, съ перекрестной драппировкой на груди и на спинкѣ. Подъ лифъ надѣваютъ родъ

шемизетки, кисейной или батистовой, выкросной по платью, но так, что она выказывается пальца на два. Она обшита Фландрским кружевом, у котораго внизу два ряда кружев сложенных в трубочки и упадающих на лиф.

Платья из шали все еще в большом употребленіи, и потому всячески стараются поновить их нѣкоторыми измѣненіями. Теперь носят много шали вышитаго несученым шелком. Матерія эта имѣет мало блеску, и тѣм болѣе выказывает блеск шитья. Платья из нея нарядны и могут быть сдѣланы с вырѣзанным лифом.

Молодыя особы причесывают свои букли болѣе назад, за уши, так что лоб совершенно открыт.

Прическа маленькой дѣвочки, и даже дѣвицы от тринадцати до четырнадцати лѣт, должна быть, или локоны, падающіе на шею, или Китайская,

Дѣтскіе перкалевые панталоны дѣлаются средней ширины и доходят до сгиба ноги. У них узенькое шитье внизу, и также бывает обшивка из узенькаго кружева.

Туалет модной женщины.

Важнѣйшая часть туалета женщины, конечно есть все то, что собственно относится к ея *туалету*.

Выбрать ту или другую шляпу, носить одно перо или нѣсколько перьев, это зависит от вкуса; но есть тайны моды, изысканности, принадлежащія только женщинѣ, в полном смыслѣ модной.

Взглянем на все, что окружает свѣтскую женщину в ея уборной; опишем разныя мыла, духи,

выбранные ею для ежедневнаго употребленія; откроемъ нѣсколько тайнъ, которыя она старается скрывать, хотя всѣ вообще ихъ одобряютъ.

Мыльное тѣсто, или лучше мыльный *кремъ*, жиренъ и мягчителенъ. Онъ бываетъ розоваго или миндальнаго запаха.

Мыло съ пальмовымъ масломъ, къ тѣмъ-же качествамъ присоединяетъ еще какой нибудь пріятный ароматъ: ваниль, амбру, отъ которыхъ кожа долго сохраняетъ благоуханіе; но миндальное мыло предпочитается всѣмъ другимъ.

Порошокъ миндальнаго мыла нынѣ замѣненъ мукою изъ Грецкихъ орѣховъ. Опытъ показалъ, что эта мука не столько сушитъ кожу какъ миндальный порошокъ.

Жидкое мыло, приготовленное съ медомъ, необходимо для сохраненія нѣжности и плотности кожи. Его употребляютъ вымывшись сначала мыломъ.
(продолженіе въ слѣд. нумерѣ).

На приложенной картинкѣ:

Дама.—Креповая шляпка.—Пудермантель изъ шитой кисеи, убранъ кружевомъ. Чехолъ тафтяный.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 5 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

Въ типографіи Августа Семена.

Въ Парижѣ 31. Августа (н.с.) 1832

Digitized by Google

Л. 8. N. 10) Камеръ-Обскуръ. 1832.

Digitized by Google

Къ № 10 Камеръ-Обскуръ. 1832.

Digitized by Google

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 11.

ПАРИЖСКІЕ ШАРЛАТАНЫ,

ЧУДЕСА И ДИКОВИНКИ (*).

О вы, щеголеватые *данди*, богатые *фашьонебли* улицы Антенской и предмѣстія Сентъ-Оноре, дамы придворныя, дамы свѣтскія, никогда не выходящія изъ своихъ экипажей! Съ высоты каретъ вашихъ, едва замѣчаете вы, мимолетомъ, безчисленный народъ, жужжащій у ногъ вашихъ! Избранники судьбы, избалованныя дѣти счастія, посѣтители только огромныхъ палаты, люди, которымъ жизнь является толь-

(*) Для полноты мастерской картины Парижа, начертанной Жаненомъ (см. *Камеръ-обскура*, № 9, 10), вотъ еще нѣсколько очерковъ — статья Поммье. Любопытно-бы послѣ сего взглянуть на Москву, въ тѣхъ-же отношеніяхъ. Сравненія поясняютъ многое лучше огромныхъ диссертацій. *Изд.*

ко въ полномъ шуалешѣ! пойдемпе: я хочу повесши васъ шеперь въ міръ, вовсе вамъ неизвѣстный, міръ грубый, просшонародный, міръ перекресшковъ и переулковъ, міръ въ деревянныхъ башмакахъ и въ лоскушьяхъ; но самобышный, оригинальный, забавный, достойный взгляда мудреца!

Прошу пожаловашь со мною, кому угодно. Сегодня *Воскресенье*, время прекрасное, и мы можемъ обойдши гульбища.

Какое безчисленное народонаселеніе движешся въ публичныхъ садахъ, на набережныхъ, на бульварахъ, въ Елисейскихъ Поляхъ? Какой муравейникъ народа! Школьники, мѣщане, солдашы, лавочники изъ улицы Сенъ-Дени, купеческіе прикащики, служанки, всѣ щеголяюшъ, всѣ бѣгушъ, всѣ хошяшъ веселишься. Сколько назначенныхъ свиданій! Сколько уговоровъ на веселье! Спѣшашъ, сшалкиваюшся, шоропяшся. Это день чисшаго бѣлья и обновокъ; слуги одѣшы, какъ господа. Аршиллерисшы, драгуны, всѣ въ полной формѣ, вышягиваюшся во всю мѣру свою, на 5 фушовъ и 8 дюймовъ, прогуливаюшся, принявъ побѣдишельный видъ, рука объ руку съ женщинами-скороходами, гордыми шѣмъ, что могушъ появишься въ народъ съ своими любовниками, у кошорыхъ плюмажи на шляпахъ и эполешы на плечахъ, но — главное

— *плюмажи*! Женщина, у которой любовникъ съ плюмажемъ, смотритъ на всѣхъ другихъ съ видомъ какого-то превосходства и пренебреженія. Она сама солдатъ, когда солдатъ у нея любовникъ; ей кажется, что она носитъ его шпагу, она гордится его званіемъ, и, какъ необходимо слѣдуетъ, презираетъ фрачниковъ. Вообще говоря: хотите-ли вы удачи въ любви? Надѣньте военный мундиръ, украсьте шляпу свою плюмажемъ. Плюмажъ — это ключъ къ женскому сердцу. Какая женщина устоитъ противъ плюмажа!

Пойдемъ далѣе. Что за веселость на всѣхъ этихъ лицахъ! Въ день радости и досуга забыты всѣ дѣла, всѣ заботы цѣлой недѣли. Всякая скучная мысль отложена до утра Понедѣльника. Домы пусты; весь Парижъ гуляетъ по улицамъ. Тутъ играютъ, тутъ пьютъ, тутъ ѣдятъ.

Въ Парижѣ ничего не дѣлаютъ малымъ числомъ. Все выдвигается возами, горами, какъ въ царствѣ пировъ. Есть извѣстные подрядчики пирожковъ на рынки, и по Воскресеньямъ вываливаютъ они изъ своихъ печей милльоны булочекъ, пирожковъ, паштетовъ — настоящій волканъ печенья, какое-то гастрономическое изверженіе, лава котораго, еще не остывшая, въ одно мгновеніе ока, разливается до предѣ-

ловъ каждаго Парижскаго предмѣстія, какъ будто потопъ, какъ будто наводненіе пирожковъ и пирожнаго всякаго рода.

Неуже-ли вамъ это не нравится? Хорошо; мы найдемъ чѣмъ отвести ваше сердце, столь нѣжное, столь щекотливое. Вотъ лимонадъ, со льдомъ, по копѣйкѣ стаканъ. Прекрасное, филантропическое изобрѣтеніе, самое народное, самое высокое изъ всѣхъ возможныхъ предпріятій! Лимонадъ, свѣжій, подслащенный, и не для однихъ Лукулловъ Биржи, не для блестящихъ только залъ Пале-рояля — нѣтъ: для каждаго перекрестка, для послѣдняго бѣдняка, которому почти нечего ѣсть! О чудесное употребленіе полезныхъ искуствъ! О совершенствованіе! О вѣкъ, памятный между всѣми вѣками! Не есть-ли это одно изъ самыхъ величайшихъ благодѣяній новѣйшаго времени!

Пусть говорятъ послѣ сего, что состояніе человѣка не улучшается! Не смѣйте говорить, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи вотъ этого филантропа Шателетской площади, чего-то въ родѣ Тортони, бродящаго, простонароднаго, продающаго мороженое по два ліарда! Мороженое за два ліарда — не диковинка-ли? Кто-бы могъ предвидѣть, что такое, совершенно аристократическое наслажденіе сдѣлается со временемъ наслажденіемъ самымъ мѣщанскимъ?

Вотъ какъ прыгаютъ при большихъ переворотахъ! Какое разстояніе перешагнуто! Не такъ далеко, можетъ быть, отъ Людовика XIV-го до 1830-го года, какъ отъ ванильнаго мороженаго до желудка трубочиста! Удовольствія образованности, наслажденія роскоши и сибаритской изысканности, нисходятъ мало по малу до Паріевъ, до грубой черни! Дѣло кончено: привиллегіи скончались, когда кончилась привиллегія шербета и лимонада, и когда ихъ пьетъ всякій!

Счастливецъ Парижанинъ! Всѣ возможныя искуства, всѣ страны истощаются, для удовлетворенія его вкуса, его прихотей. Всѣ туземныя снадобья у него подъ рукою, и за бездѣлку: стоитъ ему только наклониться и взять изъ нихъ, что ему угодно. Но этого мало. Ему предлагаютъ всѣ заморскія произведенія, всѣ Американскіе плоды, и онъ покупаетъ ихъ не дороже грушъ и картофеля, привезенныхъ изъ ближняго огорода, или сада. Не угодно-ли вамъ отвѣдать кокосоваго орѣха, этого огромнаго, бѣлаго зерна, обвернутаго черною, толстою скорлупою? Его приготовятъ вамъ на копѣйку, на двѣ, больше, меньше — сколько угодно. Не хотите-ли вы покушать сахарнаго тростника, этого безцѣннаго растенія, изъ котораго льется амврозія, слаще амврозіи Оми-

ровскихъ боговъ? Скажите только: на сколько вамъ ее угодно? Вотъ вамъ и продавецъ, съ ножикомъ въ рукѣ, готовый отрѣзать, какъ прикажете — вершокъ, футъ. Да, это дрянь— скажете вы — сухое, безвкусное дерево! Хорошо, но развѣ за ничто считаете вы удовольствіе отвѣдать сахарнаго тростника? Цѣлую жизнь можете вы потомъ гордиться этимъ, какъ дѣломъ весьма важнымъ. «Я, М. Г., я, который имѣетъ честь бесѣдовать съ вами, ѣлъ сахарный тростникъ» — скажете вы — и на васъ посмотрятъ съ удивленіемъ, почти съ уваженіемъ, и вы покажетесь особою важною, великимъ человѣкомъ, потому, что вы ѣли сахарный тростникъ.

Впрочемъ — закуски, лакомства, все это еще не велико дѣло. Сколько другихъ диковинокъ насъ ожидаетъ! Вспомните, что мы въ Парижѣ, городѣ чудесъ, центрѣ всемірныхъ рѣдкостей. Что угодно вамъ посмотрѣть? Только извольте сказать, только стоитъ вамъ промолвить слово, и всякое желаніе ваше въ минуту будетъ исполнено. Никогда палочка волшебника, никогда геній Арабскихъ сказокъ не дѣлали ничего такого, что могло-бы сравняться съ дѣйствительностію, васъ окружающею. Въ Парижѣ собирается все, что только есть рѣдкаго подъ солнцемъ. Если въ какомъ нибудь уголкѣ міра

родилось необыкновенное чудовище, если гдѣ нибудь появился ребенокъ съ однимъ глазомъ, съ тремя глазами, если открыли гдѣ нибудь блоху, величиною съ мышь, или мышь съ человѣка ростомъ, или человѣка, толстаго, какъ быкъ, или быка не менѣе слона, или слона, равнаго киту, или кита съ цѣлую область — все это непремѣнно везется въ Парижъ, и показывается въ Парижѣ. Все находится тамъ, даже и то, чего нѣтъ въ цѣлой природѣ.

Не угодно-ли вамъ взглянуть на гермафродита? Рѣдка вещь подобная диковина! Это чудесный человѣкъ: и мужчина, и женщина. Физіологи утверждаютъ, и доказываютъ, что никогда не бывало и нѣтъ гермафродитовъ. Вотъ, охота вамъ ихъ слушать! Да, вамъ покажутъ въ Парижѣ не одного, но двадцать гермафродитовъ, если только вамъ вздумается ихъ посмотрѣть. Не хотите-ли видѣть Цезарева коня, съ человѣчьими ногами, или Александрова коня, съ бычьею головою? Не хотите-ли взглянуть на гидру, химеру, Кадмова дракона, Андромедино чудо морское? Не прикажете-ли показать вамъ грифа, сфинкса, сатира, центавра, тритона, сирену, циклопа, патагона, пигмея, горгону, альбиноса, вампира, луннаго жителя? Стоитъ сказать — все это найдется въ Парижѣ, на тѣлегѣ, въ палаткѣ, въ клѣткѣ, въ ящикѣ, въ кадкѣ.

Посмотрите только на изображенія, на портреты диковинокъ, которые выставляются снаружи, для привлеченія любопытныхъ. То видите вы ребенка, мальчика, съ огромною женскою грудью; то высокую женщину, вышиною съ домъ, и бородатую, какъ сапёръ; то ужаснаго силача, великана, который говоритъ на двадцати двухъ языкахъ, подобно Г-ну Сильвестру де-Саси; то пигмея, пухленькую ручку котораго показываютъ вамъ въ маленькое отверстіе, и который весь усядется въ вашей шляпѣ; то, наконецъ — человѣкоядца, совсѣмъ нагаго, съ пламенными глазами, убивающаго тигра однимъ взмахомъ дубины, или—еще лучше — дикую дѣвушку, Королеву, или Принцессу покрайней мѣрѣ, которая убиваетъ медвѣдя стрѣлами. И вездѣ толпа, разинувшая рты отъ изумленія, дивится и не надивится, какъ на вывѣскѣ балагана левъ рыкаетъ, пѣна у рта, исполинскіе змѣи ломаютъ буйволовъ, обвившись вокругъ ихъ, и *безмѣрные* крокодилы жуютъ людей, словно табачный листочекъ.

Обратите взоръ на эти высокія подмостки. Здѣсь передразниваютъ старинные театры, говорятъ грубыя тонкости, и кривляки въ лоскутьяхъ забавляютъ проходящихъ смѣшными шутовствами. На такомъ-то театрѣ, Бобешъ, герой дураковъ и шутовъ, увеселялъ нѣкогда

своими шалостями добродушныхъ посѣтителей Храмоваго бульвара. Въ эту минуту, видите-ли — вниманіе публики увлечено удивительнымъ проказникомъ: по примѣру баснословныхъ драконовъ, онъ изрыгаетъ облака огня и дыма. Огромный запасъ пакли въ рукахъ его; онъ рветъ ее зубами, наколачиваетъ себя ею, какъ добрый тюфякъ, ѣстъ ее, пожираетъ ужасно, и потомъ изрыгаетъ ртомъ огонь, и зѣвающая толпа не можетъ наглядѣться, тѣснится, кричитъ отъ удовольствія, видя чудесника, обладающаго такимъ удивительнымъ искусствомъ.

Но, вдругъ сцена измѣняется. Вышли музыканты, начали нестерпимый концертъ, и встревожили цѣлый кварталъ. Слышите-ли вы рѣзкіе звуки дудки, пробивающіеся сквозь ревъ трубы, пищанье скрыпокъ, оглушающій шумъ цымбаловъ и громъ ужаснаго барабана? Женщины, дѣти, старики, взрослые, недоростки, всѣ бѣгутъ на призывъ этого варварскаго оркестра. Глаза зрителей устремлены особенно на цымбальщика. Счастливый смертный! Это дикарь съ береговъ Сены, Караибъ изъ предмѣстія Сенъ-Марсо. Три четверти лица закрыты у него дремучимъ лѣсомъ поддѣльной бороды, на головѣ діадема изъ перьевъ, руки и ноги затянуты въ запачканное трико тѣлеснаго цвѣта. Это герой театра; онъ затмѣваетъ всѣхъ, и

всѣ глядятъ только на него. Подивитесь-же его ловкости: онъ совсѣмъ не знаетъ, что такое замѣшательство; онъ привыкъ къ людскому удивленію и къ глазѣнью публики; ни на что не обращаетъ онъ вниманія, и занятъ только работою своею, усердно присовокупляя нелѣпые звуки къ ужасному реву другихъ товарищей.

Когда эта проклятая музыка нашумѣла уже довольно, и собраніе сдѣлалось многочисленно, хозяинъ является на подмосткахъ. Костюмъ его состоитъ въ изношенномъ сюртукѣ, старой, круглой шляпѣ, ужасно засаленной, и надѣтой на одно ухо. Важный видъ, хриплый голосъ, запачканныя руки — необходимая принадлежность. Послушаемъ его:

«Пожалуйте, пожалуйте, господа и госпожи! стоитъ посмотрѣть! Феноменъ единственный, удивительный, неподдѣльный, несравненный! Дикая дама, и кушаетъ сырую говядину, точно такъ, какъ мы, вы и я, ѣдимъ жаркое и пирожное! А эта барышня — А! (онъ указываетъ палочкою на размалеванную, холстинную вывѣску) — эта дѣвица, лѣтъ 18-ти отъ роду, и совершенная красавица, какъ вы изволите видѣть (онъ снова указываетъ на холстину), была найдена, полтора года тому въ Литовскихъ лѣсахъ. Она проводила тамъ вре-

мя, какъ живошныя. Она была нагая. Она ничего не говорила, лазила по деревьямъ, и ловила зайчиковъ, и дикихъ упочекъ, и ногтями раздирала свою добычу, и ѣла, не сшряпавши ничего, шакъ, сырое, какъ медвѣдь, и левъ, и прочіе дикіе звѣри. Величайшихъ трудовъ сшоило поймашь ее, но никакъ не могли пріучишь ея къ обыкновенной пищѣ. Если шолько вамъ угодно будешъ пожаловашь, господа и госпожи, вы увидише эшу барышню, вошъ эшу (онъ еще указываешъ на каршину), и она при васъ будешъ кушашь сырую говядину, шолько что принесенную изъ мяснаго ряда. Она была при всѣхъ Дворахъ Европейскихъ — и при Дворѣ Его Величесшва Короля Дашскаго, и Короля Бельгійскаго, и Короля Греческаго. Рѣдкая, диковинная вещь, очень любопышно, господа и госпожи! Пожалуйше, пожалуйше, господа и госпожи! Сей моменшъ начинаюшъ; изволыше поскорѣе брашь билешы; иначе не засшанеше мѣсша пошомъ. Живой феноменъ, феноменъ безподобный, невиданный! И много-ли сшоишъ заплашишь? Всего по грошу, по грошу, господа и госпожи!»

Эша рѣчь, обыкновенная, съ нѣкошорыми шолько перемѣнами, извѣсшная съ шѣхъ поръ, какъ сущесшвуюшъ обманщики и просшяки, подкрѣпляемая пришомъ огромною каршиною на вы-

вѣскѣ, никогда не теряетъ своего дѣйствія на толпу. Люди, въ этомъ отношеніи, удивительны: они похожи на звѣрей, которыхъ съ самаго начала міра ловятъ одинакими силками, и которые безпрестанно въ нихъ попадаются. Не въ состояніи будучи превозмочь искушенія, самые любопытные, или кто побогаче, идутъ въ балаганъ шарлатана, а остальные слѣдуютъ за ними завистливымъ взоромъ.

Но, тутъ бываетъ тоже самое, что обыкновенно случается на бѣломъ свѣтѣ: дѣйствительность разочаровываетъ воображеніе. Предполагали себѣ удовольствіе, и удивляются, что купили только одну досаду. Вмѣсто блестящихъ диковинокъ, какія воображали увидѣть, вмѣсто существъ, съ атлетическими формами, украшенныхъ браслетами, ожерельями, серьгами, одѣтыхъ, какъ Восточные Султаны, находятъ во внутренности балагана жалкихъ бѣдняковъ, искривленныхъ, больныхъ, одѣтыхъ въ лоскутья, людей, на которыхъ жалко смотрѣть. Всѣ женщины старухи, и дурны, какъ смертный грѣхъ; всѣ мужчины запачканы и безобразны. Вамъ обѣщали показать маленькаго карлу, стройнаго, складнаго, свѣжаго, ловкаго, умнаго — показываютъ отвратительнаго старичишка, кривоногаго, большеголоваго, который кое-какъ гнуситъ, едва таскается на косты-

ляхъ — словомъ: одну изъ тѣхъ фигуръ, которыя грезятся во снѣ, когда мы бываемъ больны.

Въ другомъ мѣстѣ, вамъ представляютъ бѣдную дѣвушку, одѣтую Каннибалкою, и увѣряютъ, что она глотаетъ кремни. Бѣдняжка, въ самомъ дѣлѣ, должна показывать, что любитъ ихъ. Когда приносятъ тарелку кремней, она вырываетъ ее изъ рукъ, будто голодное животное, и шарлатанъ, изъясняющій это явленіе, толкаетъ ее въ животъ, и вы слышите, какъ въ животѣ ея стучатъ кремни.

О Парижъ, столица шарлатанства, городъ мошенниковъ, сбѣжавшихся со всего свѣта! Сколько лоттерей, сколько рулетокъ, сколько игръ заведено для ловкости и удачи, сколько бродящихъ бездѣльничествъ! Посмотрите, добрые люди: вамъ стóитъ только сбить кеглю, кинуть кружокъ на кружокъ, разбить стеклышко, и — вы выиграете! Какихъ усилій ума человѣческаго не истощается ежедневно, для открытія какого нибудь новаго средства, чтобы поймать общественное любопытство! Чего не выдумываютъ, на что не пускаются! Какое соревнованіе! Какая трата генія, и что за вымыслы! Посмотрите: вотъ составъ удивительный, для точенья бритвъ, для сдѣланія ихъ нехрупкими — для порчи ихъ, какъ-бы онѣ хороши ни были; вотъ камешокъ для бритья бороды —

возьмите его: бороды не выбрѣете, а кожу съ лица сдерете!

Извѣстенъ-ли вамъ маленькій ученый, котораго спрашиваютъ на улицахъ? Это мальчикъ — умственный скороспѣлка, истинное чудо! Не говорите мнѣ болѣе о Пикѣ Мирандолѣ, и ни о комъ другомъ: маленькій ученый превзошелъ всѣхъ, затмилъ всѣхъ! Онъ знаетъ сколько камней въ Парижской мостовой, сколько звѣздъ въ небѣ, сколько песчинокъ на берегу морскомъ; онъ знаетъ навѣрное число каждаго событія въ цѣлой всемірной Исторіи, помнитъ время всякаго изобрѣтенія. Память его неистощима, неизъяснима: онъ полонъ, какъ Энциклопедія, вѣренъ, какъ опечатка. Онъ зналъ-бы *все*, еслибы зналъ по-Французски.

А виртуозъ, который одинъ даетъ цѣлый концертъ, вдругъ играетъ на гитарѣ, на флейтѣ, на бубенчикахъ, привѣшенныхъ къ его шапкѣ, въ то-же время локтями бьетъ въ барабанъ, повѣшенный за спиною, а ногами стучитъ въ цымбалы! А человѣкъ, представляющій статую, изучившій курсъ неподвижности, достигнувшій до того, что сдѣлался совершенною машиною? Его шевелятъ, кладутъ, носятъ, ставятъ, какъ настоящую статую; онъ неподвижно остается въ положеніи, какое дали ему; машетъ руками, какъ машина телеграфическая; тѣло его

одеревенѣло, окостенѣло, такъ, что даже рѣсница не мигнетъ, если вы не велите! А слѣпой толстякъ, съ своею собакою, своимъ гудкомъ, своимъ бычьимъ голосомъ, смѣшными пѣснями, и рожею, столь уморительною, столь забавною, столь естественно подвижною? А цѣлое семейство на ходуляхъ, дѣлающее всѣ маневры и экзерциціи, какъ будто капральство пѣхоты? А химикъ, съ небольшимъ запасомъ воды, въ одно мгновеніе, при васъ, приготовляющій вино всѣхъ цвѣтовъ и вкусовъ, и которому для этого стоитъ только перелить воду изъ одного стакана въ другой? А *негоціянтъ*, какъ онъ самъ себя называлъ, продававшій порошокъ, и совѣтовавшій, если хотите посмѣяться, насыпать этого порошка въ чью нибудь постелю, или, еще лучше, посыпать имъ паркетъ въ бальной залѣ . . . .

. . . .

Безстыдная глупость! . . . Но, покупатели находились! . . . Помните-ли вы еще торговца мышьякомъ, который, въ доказательство доброты товара, какъ свидѣтельство неоспоримое, таскалъ и раскладывалъ по угламъ улицъ кучу мышей, крысъ, кротовъ, дохлыхъ, полуизгнившихъ? — А чиститель пятенъ? Желая доказать превосходство своего мыла, или своей эссенціи, онъ подстерегаетъ каждое пятнышко, привыкъ открывать его издалека, какъ-бы оно

мало ни было, и когда замѣтитъ онъ свою жертву, то схватываетъ ее за воротъ, тащитъ, и — хочетъ-ли она, или не хочетъ, чиститъ ее. Горе вамъ, если вы идете на виду у него, и ваше платье не такъ чисто и опрятно, какъ первый зимній снѣгъ! Дѣлайте, что вамъ угодно, вы будете схвачены, вымыты, намылены, вычищены — васъ заставятъ быть опрятнымъ по неволѣ. А, такъ называемый, *настоящій фабрикантъ* одеколона, не находившій другаго средства доказать лекарственную пользу своего изобрѣтенія, кромѣ того, что самому пить его пятьдесятъ разъ въ день передъ толпою проходящихъ, и потомъ заставлять зрителей подавать себѣ руки, платки, табакерки, чтобы навонять все это своимъ гадкимъ составомъ? Видали-ль вы Турковъ, Мамелюковъ, Мавровъ, урожденныхъ Парижанъ, дорого продающихъ Христіанамъ гнилые финики, взятые изъ рыночныхъ лавочекъ, пахучіе шарики, мнимыя Серальскія лепешки, которыя пахнутъ погребальнымъ факеломъ, если зажечь ихъ, и изъ которыхъ одной довольно, чтобы уморить отъ вони цѣлый домъ? Знаете-ли вы этихъ мошенниковъ, эту ловкую каналью, которая продаетъ цѣпочки для сбереженія часовъ, и начинаетъ тѣмъ, что сама крадетъ ваши часы, такъ, что вы начнете говорить съ такимъ бездѣльникомъ, и у васъ часы были безъ цѣпочки, а кон-

чите, и найдете цѣпочку безъ часовъ? А молодыя Эльзаски, маленькія торговки бѣленькими вѣничками, съ черными повязками на головѣ, широкими рукавами, синими чулками, коротенькою юбочкою, которая, что день, то становится короче, и не диво, потому, что дѣвочки растутъ, а юбочки ихъ не длиннѣютъ! Знаете-ли однакожь, что тутъ можетъ встрѣтиться большое затрудненіе: если Эльзасскія торговки не перестанутъ расти — я не отвѣчаю за будущій ихъ нарядъ! Вспомните еще бродящихъ трубадуровъ и менестрелей, которые изъ нашихъ гуляній дѣлаютъ настоящія музыкальныя академіи; вспомните черноволосыхъ Итальянокъ, бѣлокурыхъ Нѣмокъ, бѣгающихъ изъ кофейной въ кофейную, съ своими скрыпочками, лютнями, мандалинами, арфами, своими голосами Сиренъ, чтобы занять и восхитить вдругъ всѣ ваши чувства! А механическіе органы, съ ихъ пляшущими куклами? А рылѣ, серинеты, чревовѣщатели, съ ихъ предсказаніями, кресла, для взвѣшиванія самихъ себя, машины, для измѣренія силы человѣческой, кочевой астрономъ, всякій вечеръ показывающій въ телескопъ мѣсяцъ и звѣзды, микроскопъ, въ которомъ блоха кажется слономъ? Не забудьте человѣка, долго сидѣвшаго въ тюрьмѣ, гдѣ — чудо промышленности и терпѣнія — на досугѣ, онъ наловилъ блохъ, вооружилъ ихъ съ ногъ до головы, не

забылъ ни шлемовъ, ни поручней, ни поножниковъ, ни щитовъ, ни копьевъ, достигъ до того, что запрягаетъ ихъ въ тѣлеги, заставляетъ возить маленькія пушечки — чудные экипажи, невѣсомая артиллерія, почти невидимая, которую, и съ лошадьми, можно заперетъ подъ камешекъ перстня! — Мы видали человѣка, писавшаго — чѣмъ-бы думали? брюхомъ! Женщину, которая шила колѣнками. Упоминать-ли о склеивателяхъ битаго фарфора, продавцахъ Испанскихъ и Трипольскихъ бѣлилъ, у которыхъ на столахъ всегда сидитъ какая нибудь сова, какой нибудь сычъ, дремлющій, но хорошо прибранный и напудренный? Говорить-ли объ ученыхъ звѣркахъ и звѣряхъ? Вотъ лошадь, показывающая ногою который часъ, и кто изъ всего собранія влюбленъ болѣе другихъ; вотъ верблюдъ, учтиво преклоняющій колѣна подъ звукъ волынки; вотъ обезьяна, которая ѣздитъ верхомъ на собакѣ, дѣлаетъ всѣ штуки верховаго ѣздока, мететъ полъ, и подставляетъ шляпу, чтобы вы положили въ нее копѣйку; вотъ другая обезьяна: ей брѣютъ бороду огромною деревянною бритвою; не понимая, для чего это дѣлается, она кричитъ, кривляется, скалитъ зубы, и всѣ хохочутъ! Вотъ, наконецъ, ученый заяцъ: онъ стрѣляетъ, и бьетъ въ барабанъ. « Бей честь публикѣ! » заяцъ повинуется. « Честь Бурмону! » заяцъ не слушаетъ. « Національной

гвардіи!» тотчасъ.— «Полиньяку!» не хочетъ! Но — бѣдное животное! пожалѣйте его! Онъ часто ошибается — имена смѣшиваются въ его памяти. Въ нынѣшнее время быстрыхъ перемѣнъ, трудно и человѣку догадаться, кому онъ долженъ отдавать честь, и кому не долженъ. А бѣдный заяцъ? Уже столько разъ перемѣняли ему предметы, уже столько разъ приказывали и запрещали ему бить въ барабанъ для одного и того-же, что это совсѣмъ перевернуло, и смѣшало наконецъ его заячьи понятія, и онъ часто ошибается, и ошибается такъ грубо, что это бѣситъ его господина, и заставляетъ публику хохотать. Ахъ! господа! немножко поболѣе списхожденія! Развѣ не прощаете вы своимъ поэтамъ, которые кадили поэтическими похвалами, тому, другому, всѣмъ поочередно, и били честь въ поэтическій барабанъ свой Республикѣ, Директоріи, Консульству, Наполеону, Людовику XVIII-му, Карлу X-му, и — наконецъ, бьютъ теперь Людовику-Филиппу?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ОБОЗРѢНІЕ

современныхъ Русскихъ Журналовъ.

Радуга, возсіявшая на горизонтѣ благословенной Эстоніи, въ рыцарскомъ нѣкогда Ревелѣ, казалась предвѣстіемъ чрезвычайно пріятнымъ. Нынѣшніе жители Ревеля не рыцари; не мечи и прадѣдовскіе гербы нужны имъ, по волѣ Судебъ сроднившимся съ Русью. Всего необходимѣе, всего благотворнѣе для нихъ сближеніе, или, на первый случай хоть знакомство съ исполиномъ, принявшимъ ихъ въ семью свою. Въ этомъ случаѣ, Журналъ, издаваемый Русскимъ Ученымъ въ Ревелѣ, обѣщалъ и могъ сдѣлать много добраго. Онъ могъ, прежде всего, заставить Ревельцевъ читать по-Русски, такъ-же какъ Рускимъ дать понятіе объ Остзейскомъ краѣ. Потомъ, онъ долженъ былъ воспитывать неофитовъ нашего отечества. Да! Я самъ прогуливался по Финскому берегу, и не видалъ тамъ Русскаго лица, не слыхалъ Русскаго словца. Уничтожить это взаимное отчужденіе: вотъ что долженъ былъ имѣть цѣлью Издатель *Радуги*.

Радуга Журналъ: можетъ быть и это новость для многихъ читателей. Отъ *Радуги* надѣялись мы упомянутаго взаимнаго сближенія Остзейскихъ областей съ Русью. Восемь книжекъ *Радуги* получены

въ Москвѣ — и всѣ надежды наши исчезли, какъ воздушная радуга, разлетѣвшаяся въ милліонахъ брызгъ. Говоримъ твердо и съ совершеннымъ убѣжденіемъ: Издатель *Радуги* не понялъ своего призванія.

Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться органомъ просвѣщенныхъ Рускихъ, въ отношеніи къ жителямъ областей Остзейскихъ, Издатель *Радуги* задумалъ преобразовать всемірное просвѣщеніе, и началъ это непрерывными нападеніями на философовъ всѣхъ странъ и народовъ. Въ каждой книжкѣ разражается громъ его надъ Шеллингомъ, или надъ Гегелемъ, или надъ Кузеномъ, или надъ Экштейномъ, или надъ Сенъ-Симономъ, или надъ кѣмъ нибудь другимъ изъ извѣстнѣйшихъ мыслителей. Во всѣхъ видитъ онъ или глупость, или кривое, дурное намѣреніе. Всѣ труды ихъ, всѣ усилія объяснить явленія міра вещественнаго и духовнаго, ниспровергаетъ онъ, или по крайней мѣрѣ хочетъ ниспровергать въ прахъ.

Мы совсѣмъ не намѣрены защищать философовъ: Богъ съ ними! Они сами довольно сильны: пусть книги ихъ отдѣлываются какъ хотятъ отъ грознаго нападателя. Но, по совѣсти, прилично-ли это Издателю *Радуги*? Какую пользу приноситъ это и Русской и Остзейской Россіи? Издатель *Радуги* могъ-бы написать на Нѣмецкомъ языкѣ книгу, перебрать въ ней системы философовъ, и бросить сочиненіе свое въ Шеллинга, въ Кузена, въ кого угодно. Теперь-же камешки его не долетаютъ до мѣты и падаютъ на Русской землѣ. Боже сохрани, еще кому нибудь попадутъ въ голову! За что пострадаетъ невинный? Гдѣ найдетъ онъ лекарство отъ раны, которую нанесетъ ему Издатель *Радуги*?

Не думая о цѣли, которая должна быть главною мыслью каждаго Журналиста, Издатель *Радуги* не думаетъ и о средствахъ. Онъ согласится, что писать надобно для того, чтобы насъ понимали. А понимаютъ-ли Журналъ его? Напередъ прошу не ссылаться на высоту мыслей. По крайней мѣрѣ мы саувѣрены, что Издатель *Радуги* не безъ мѣры самолюбивъ и потому не станетъ утверждать, что его мысли непонятны отъ высоты ихъ и отъ тупости его читателей. Нѣтъ, онѣ непонятны отъ дурнаго и слишкомъ страннаго изложенія ихъ. Дурной, непонятный слогъ не средство къ распространенію просвѣщенія; а слогъ *Радуги* такъ дуренъ, и, не грѣхъ сказать, такъ безобразенъ, неприличенъ, что нѣтъ силъ ни читать, ни понимать облеченныхъ имъ фразъ.

И что за слова изобрѣтены въ Ревелѣ! Что за названія статей! «*Отломокъ отъ философскаго мозаика!*» Спрашиваю: какой смыслъ въ этихъ словахъ? «*Осколокъ отъ философскаго мозаика.*» Еще лучше! Это значитъ: *осколокъ отъ разныхъ камешковъ*, ибо мозаика составляется не иначе какъ изъ разныхъ камешковъ. Можетъ-ли же быть *осколокъ отъ разныхъ частицъ*? «*Капля изъ дождя познанія!*» Подъ пару къ осколку мозаики! «*Крохи Гамана* (!).»— «*Капли и брызги отъ дождя познанія!*»

Желаемъ, чтобы благотворный дождь познанія смылъ скорѣе эти пятна съ *Радуги*. Мы не беремся, да и не почитаемъ нужнымъ разглядывать ихъ ближе въ микроскопъ Критики. Чтобы вполнѣ познакомить читателей съ духомъ и изложеніемъ это-

го Журнала, выписываемъ вполнѣ небольшую статейку (изъ 8 N°), названную:

Окенъ за разумъ взялся.

«Видно наконецъ наскучило Окену сидѣть въ искуственной оградѣ Натуральной Философіи, въ которой, какъ говорилъ Менцель, онъ было окопался. Все царство Натуральной Философіи пало; всѣ главные предводители ученыхъ инсургентовъ добровольно сдались и положили оружіе; остался было онъ одинъ съ корпусомъ волонтеровъ, защищавшихъ вмѣстѣ съ нимъ воздушную крѣпость свою. Почти никто давно уже не нападаетъ на эту крѣпость, потому что всѣ видятъ, что она уже не можетъ быть болѣе опасною и сама скоро должна сдаться, имѣя уже очень мало съѣстныхъ припасовъ и еще менѣе пороху. Онъ объявляетъ, что намѣренъ издать въ шести частяхъ Естественную Исторію, съ приноровленіемъ оной къ общежитію. Первая часть будетъ заключать Минералогію, 2-я и 3-я Ботанику, 4-я, 5-я и 6-я Зоологію. Въ этой Естественной Исторіи, говоритъ онъ, не будетъ того систематическаго расположенія и той терминологіи, которыхъ требуетъ строгая наука. Будетъ представлено описаніе Естественныхъ произведеній по употребленію ихъ въ общежитіи. Давно-бы такъ! Давно-бы пора догадаться, что знаніе природы намъ не для того нужно, чтобы пытать силы свои, умственно пересоздавая ее на свой ладъ, и не для того, чтобы опьянѣвая въ изслѣдованіи ея, возобновлять подъ другими видами заблужденія вѣковъ, а просто для того, чтобы, руководствуясь сими

знаніями, умѣть съ пользою употреблять ее съ произведеніями ея для земной нашей жизни. Окенъ не сознается еще въ томъ, что всякое систематическое изображеніе природы и частей ея есть только пріятная забава, роскошь ума, безъ которой онъ очень легко можетъ обойдтись, и которая превращается въ утонченное идолослуженіе, если плѣнитъ умъ. Онъ еще какъ-бы боится сознаться въ этомъ. Кумиръ его, какая-то строгая наука, какъ пугало еще носится надъ духомъ его и, какъ ему кажется, требуетъ еще отъ него жертвоприношеній. Но нужды нѣтъ! и того пока довольно, что онъ хоть дѣятельно отвращается отъ этого кумира: и это ужь показываетъ, что онъ хоть почуялъ, что строгая наука, мечтательная богиня его, не стоитъ того, чтобы онъ ей себя всего отдавалъ. Авось либо сознается наконецъ, что не стоитъ она и того, чтобы онъ и часть себя ей отдавалъ. Теперь еще передъ мечтательной царицей онъ ничкомъ; авось вотъ скоро будетъ посмѣлѣй, и сядетъ къ ней бочкомъ, тамъ попытается сѣсть рядомъ, а тамъ посмотришь сядетъ задомъ, а тамъ играть, шалить начнетъ съ богинею, и наконецъ — соскучится, увидѣвъ ясно, что его богиня даже не осиновый чурбанъ, а просто — самимъ имъ созданное привидѣніе.»

Надобно только прибавить:

Вотъ какъ по нашему дорогу пролагаютъ!

Анонимъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Les robes d'organdi brodées en laine, les batistes de soie brodées en soie plate, sont les plus jolies toilettes habillées du soir. On en brode, d'une seule couleur sur blanc, ou couleur sur couleur, qui sont de très-bon goût.

Les pélerines de robe qui sont le mieux en ce moment, rentrent dans la ceinture devant et derrière, en dégageant un peu la taille sur le devant. Puis des bouts sortent courts, carrés.

On a pris, pour les bonnets du matin, toutes les formes des bonnets d'enfant; ils se font en batiste d'Écosse ou quelquefois en mousseline claire.

Les bonnets-ruches, qui se placent sous les chapeaux, ne doivent se faire qu'en tulle ou en blonde. Ceux auxquels on ajoute du ruban sont extrêmement communs, et nullement reçus par le monde élégant.

Toilette d'une femme élégante.

(*Suite.*)

Le son d'amandes amères sert à blanchir l'eau d'un bain ; on le répand dans la baignoire comme on fait du son ordinaire.

L'eau de lavande ambrée, et le vinaigre à toutes sortes d'odeurs, ne doivent être versés que quelques gouttes dans une grande quantité d'eau, pour les toilettes.

Il n'y a rien qui laisse un parfum plus suave et plus frais que l'eau de roses blanches distillées à la vapeur. Cette eau peut être mêlée assez abondamment à l'eau qui sert à laver le visage, et il conserve une légère odeur d'essence qui n'a rien de trop sensible.

(*) Въ Парижѣ до 20-го Сентября (н. ст.)

Les pommades préférées sont celles à la maréchale, aux mille fleurs d'Italie, à la mousseline, au musc et au Portugal.

Pour relever les petits cheveux qui descendent dans le cou, et surtout ceux qui retombent à côté de l'oreille sur la joue, on se sert de pommade en bâton.

La pommade à la rose conserve les lèvres colorées et prévient leur gerçure que peut occasionner le hâle du froid ou du soleil.

Telle femme, encore jeune, qui se révolterait à la pensée de se farder de blanc comme de la peinture, ne peut se refuser à faire l'essai des plus simples moyens pour donner un peu d'éclat à son teint, comme elle en donne à ses cheveux avec de la pommade. Elle devra connaître le blanc de perles, eau transparente, qui ne charge nullement le visage. La crême de limaçon à la rose, qui donne à la peau du frais et du brillant. Le lait de roses aux concombres; le blanc de lis en poudre, qui se répand sur le visage, la poitrine et les bras, et s'attache au duvet, qu'il déguise lorsqu'il est trop brun. La crême de Perse rosée, et l'extrait de roses pour colorer les lèvres. On peut employer au lieu du blanc de lis des poudres blanches, à l'iris, à l'héliotrope ou au bouquet, et après s'être servi de la houppe en cygne, on passe un linge très-fin pour enlever ce qui est apparent.

(*La suite au numéro prochain.*)

Самыя красивыя платья для вечерняго наряда изъ органди, вышитаго шерстью, и изъ шелковаго батиста, вышитаго несученымъ шелкомъ. Платье, шитое однимъ цвѣтомъ по бѣлому, или цвѣтъ на цвѣтъ, почитается весьма моднымъ.

Парижскія моды.

Лучшія пелеринки къ платьямъ теперь тѣ, у которыхъ концы назади и напереди уходятъ подъ поясъ, открывая немного талью напереди. Выходящіе изъ-подъ пояса небольшіе концы должны быть четвероугольныя.

Утренніе чепчики дѣлаются изъ батистъ-декоса, или прозрачной кисеи, во всѣхъ разнообразныхъ видахъ дѣтскаго чепчика.

Чепчики съ рюшемъ, которые носятъ подъ шляпой, должны быть изъ тюля или изъ блондъ. Съ лентами эти чепчики въ совершенномъ пренебреженіи.

Туалетъ модной женщины.

(*Продолженіе.*)

Отрубями горькаго миндаля забѣливаютъ воду въ ваннѣ, точно такъ-же какъ и обыкновенными отрубями.

Довольно нѣсколькихъ капель оделавандъ-амбре, или уксуса, со всякимъ благовоніемъ, въ большомъ количествѣ воды, для употребленія при туалетѣ.

Ни что не сообщаетъ такого пріятнаго и свѣжаго запаха, какъ вода, перегнанная парами изъ бѣлыхъ розъ. Ее примѣшиваютъ къ той, которою умываютъ лицо. Отъ нея сохраняется легкій ароматическій запахъ.

Помады à la maréchale, aux mille fleurs d'Italie, à la mousseline, au musc и au Portugal предпочитаются всѣмъ прочимъ.

Помаду въ палочкахъ употребляютъ для поддержанія маленькихъ волосъ, иногда отпадающихъ на затылокъ и около ушей.

Розовая помада придаетъ губамъ свѣжесть и не допускаетъ ихъ растрескиваться отъ жару или холода.

Молодая женщина, которая ужаснулась-бы при мысли красить себя бѣлилами, не можетъ однакожь не употреблять самыхъ простыхъ средствъ, чтобъ придать немного блеска цвѣту лица, такъ-же какъ помадою придаютъ его волосамъ. Она должна знать бѣлила жемчужныя, прозрачную воду, которая ни сколько не портитъ лица; кремъ de limaçon à la rose, который придаетъ кожѣ блескъ и свѣжесть; le lait de roses aux concombres; le blanc de lis въ порошкѣ, которымъ посыпаютъ лицо, шею и руки, и который пристаетъ къ кожѣ и убѣляетъ ее.

Кремъ de Perse rosée, и вытяжка изъ розъ служатъ для крашенія губъ.

Вмѣсто blanc de lis можно употреблять бѣлые порошки à l'iris, l'héliotrope или au bouquet. Сначала должно навѣять ихъ пучкомъ лебядиныхъ перьевъ и послѣ стереть самымъ тонкимъ полотенцомъ.

(До слѣдующаго нумера.)

На приложенныхъ картинкахъ :

Дама. Газовая шляпка. Платье изъ шали и платье изъ гроденапля.

Мужчина. Суконный сюртукъ. Панталоны съ плисенными лампасами. — Дѣтскіе наряды.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 25 дня, 1832 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

V. 12) Моск. Типогр. 1832.

КАМЕРЪ-ОБСКУРА.

№ 12.

ПАРИЖСКІЕ ШАРЛАТАНЫ,

ЧУДЕСА И ДИКОВИНКИ.

(Окончаніе.)

На Парижскихъ улицахъ можете вы пройдти полный курсъ Естествознанія, можете увидѣть всѣхъ птицъ, всѣхъ скотовъ, и всѣхъ гадовъ ползающихъ, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ. Ящерица бываетъ обыкновенною принадлежностью торговца ваксою, также и маленькія птички съ неподвижною головкою, потому что у нихъ свернута шея. Торгашъ пользуется этими птичками, этими гадами, какъ искусный ловецъ, чтобы приманить другихъ животныхъ. Вообще, торгашъ ваксою бываетъ молодой малый, съ дерзкою рожею, страшный говорунъ, ловкій болтунъ, готовый на отвѣтъ, и привыкшій къ прихотямъ народной толпы.

Когда онъ видитъ себя окруженнымъ порядочною толпою зѣвакъ, то возвышаетъ свой голосъ. «Сей часъ, господа, увидимъ мы» — говоритъ онъ — «какъ запляшетъ передъ нами огромная, красная змѣя (замѣтное движенiе любопытства въ толпѣ), но прежде нежели заставимъ мы плясать огромную, красную змѣю, которая спрятана вотъ здѣсь, во мху, въ этомъ ящикѣ, я буду имѣть честь напомнить почтенному собранiю, что ежедневно бываю я на здѣшней площади, и, съ увеличивающимся ежедневно успѣхомъ, продаю безподобную ваксу, изобрѣтенную Г-мъ Оже. . . (тутъ половина слушателей идетъ прочь. Торгашъ бросаетъ гнѣвный, презрительный взоръ на этихъ бѣглецовъ, но не перерываетъ своей рѣчи). Эта удивительная вакса, извѣстная и знаменитая во всей Францiи, и даже въ цѣлой Европѣ, есть единственная, которая всегда даетъ лоскъ и глянецъ, какъ-бы ни была замарана обувь. Не угодно-ли, господа, кому нибудь изъ васъ (говорунъ обводитъ глазами ноги всѣхъ своихъ слушателей), кому нибудь изъ васъ позволить мнѣ сдѣлать опытъ надъ его обувью. Я не требую ничего, и хочу только показать превосходство удивительной моей ваксы. Позвольте мнѣ вычистить чью нибудь обувь (розозѣй каменьщикъ выходитъ изъ толпы, и ставитъ свою ножищу, въ огромномъ, запачкан-

номъ известкою башмакѣ, на маленькую скамеечку торгаша ваксою. Говорунъ продолжаетъ, отгибая край его одежды, и устанавливая его ногу). Прошу посмотрѣть, господа, на эту ногу. Кажется, я не солгу, если скажу, что никто въ мірѣ не видалъ обуви, запачканной до такой степени, какъ запачкана обувь этого господина? Конечно, полгода, по крайней мѣрѣ, ея не чистили, и на ней лежитъ въ три ряда грязь и алебастръ (онъ царапаетъ башмакъ каменьщика ногтями) — изволите видѣть. Но, господа, кромѣ того, я еще намажу башмакъ саломъ (онъ мажетъ и третъ его сальнымъ огаркомъ), и внезапно вы увидите послѣ того блескъ, лоскъ, настоящій брильянтъ. И это все по грязи, по салу... (слушатели показываютъ величайшее вниманіе. Торгашъ плюётъ на кусокъ ваксы, беретъ ваксы на щетку, другою рукою третъ башмакъ особенною щеткою, и чиститъ, не прерывая своей рѣчи), и все это дѣло одной минуты, и вотъ, господа, видите-ли? (онъ третъ сильнѣе. Верхняя часть башмака чернѣетъ и свѣтится, между тѣмъ, какъ остальная часть бѣлехонька и запачкана). Вотъ, господа, ясное доказательство превосходства моей ваксы. Хорошо! Но по чемъ-же продаешь ты свою превосходную ваксу? (Замѣтьте смѣлость этого: *ты*, и ловкость тропа, которымъ вдругъ перенесенъ на

лицо торговца вопросъ, какой должна ему сдѣлать публика) Да, какой вамъ угодно цѣны? У меня есть по три копѣйки за банку, есть по шести копѣекъ, и въ этой банкѣ втрое товару противъ трехъ-копѣечной. Есть и по двѣнадцати копѣекъ, и въ этой товару втрое противъ шестикопѣечной. Не правда-ли, господа, что только тотъ, у кого нѣтъ въ кармане трехъ копѣекъ, или кто вовсе невѣжда, и не думаетъ объ опрятности, только тотъ можетъ обойтись безъ моей ваксы? Вы мнѣ скажете, что, на примѣръ, этотъ господинъ, простой ремесленникъ, не имѣетъ никакой надобности щеголять обувью, идя на свою работу? Совершенно согласенъ, господа! Но, почему въ воскресенье не имѣть ему обуви опрятной? А я смѣю васъ увѣрить, что съ трехъ-копѣечною порціею, вы получаете средство имѣть обувь вашу опрятною цѣлые полгода! Посмотримъ: что вамъ угодно? (одинъ простякъ подходитъ къ нему съ тремя копѣйками) А! вамъ надобно *еще* на три! (простякъ былъ первый покупатель) Какъ? И вамъ тоже, и вамъ . .» Но, бѣднякъ напрасно обращается ко всѣмъ; никто не покупаетъ его ваксы, и одинъ по одному, всѣ расходятся, толпа рѣдѣетъ. Остаются только три или четыре простяка, и терпѣливо дожидаются, когда запляшетъ большая красная змѣя. Каменьщикъ, служившій

доказательствомъ превосходства ваксы, спокойно идетъ на свою работу, съ свѣтло вычищенными частичками своихъ башмаковъ,

Что собрался вонъ тамъ народъ? Чего онъ смотритъ? Ахъ! это человѣкъ, глотающій шпаги! Бѣднякъ! вотъ настоящая собачья промышленность! Мы видали людей, глотавшихъ цѣлкомъ живыхъ мышей, живыхъ птичекъ: этотъ бѣднякъ готовъ проглотить цѣлую оружейную лавку!

Вотъ женщина-Геркулесъ — женщина, и, говорятъ, мать семейства... Несчастная! Она подымаетъ на волосахъ своихъ страшныя тяжести; ее бьютъ молотами, въ доказательство ея силы. Огромная, полно налитая бочка, находится подлѣ, обвязанная веревками, съ длинною жердью; она тотчасъ начнетъ ее поднимать. Но прежде — всегда хорошо напередъ увѣриться — почтенная публика должна собрать для женскаго Геркулеса двадцать копѣекъ. Двѣнадцать уже собрано — еще надобно восемь. Ну, госпожи и господа! скорѣе, скорѣе, подавайте примѣръ, давайте, дополняйте сборъ! Не стыдно-ли скупиться? — Но публика позволяетъ въ такихъ случаяхъ уговаривать себя, и не краснѣетъ. Медленно собираются копѣйки отъ зрителей. Еще недостаетъ двухъ... еще одной — наконецъ сборъ полный: всѣ двадцать!

Теперь вызываютъ шестерыхъ человѣкъ изъ толпы. Женщина-Геркулесъ ложится на двухъ стульяхъ, такъ, что только голова ея находится на одномъ, и ноги на другомъ; остальное тѣло виситъ на воздухѣ. Шестеро мужчинъ едва могутъ поднять бочку, едва тащатъ ее, и съ усиліемъ ставятъ на животъ несчастной женщины-Геркулеса. Она велитъ ставить плотнѣе, и потомъ начинаетъ свободно двигать эту тяжесть, едва сносную шестерымъ мужчинамъ, и — двадцать разъ въ день повторяетъ она такое отвратительное доказательство необыкновенной силы своей!

Кто эта другая дама, въ шляпкѣ съ перьями, въ открытомъ кабріолетѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ, опрятно одѣтыхъ мужчинъ, въ красныхъ платьяхъ? Это шарлатанка, лекарка, докторъ въ юпкѣ. У нея есть чудесныя, таинственныя лекарства, есть корешки отъ всѣхъ болѣзней. Она знаетъ вѣрныя средства противъ всего, обладаетъ настоящею живою водою, доведетъ васъ къ источнику юности. Купите у нея цѣлительной, все исцѣляющей мази, всеобщаго, все излечающаго лекарства, купите ея бальзама, ея ромашной вытяжки, ея огуречной травы! Изъ человѣколюбія ѣздитъ она по свѣту, и въ вашемъ городѣ находится только проѣздомъ; она спасла отъ

смерти великаго Далай-Ламу, великаго Могола, великаго Негуса, Мароккскаго Императора, и проч. И старыя кумушки, и довѣрчивые провинціялы, и добродушные рекруты, все это, обольщенное сладкою рѣчью торговки орвіетаномъ, мѣняетъ бѣдныя деньжонки на травы и мази, среди торжественнаго шума одѣтыхъ въ красное платье сопутниковъ дамы!

Далѣе—новыя чудеса! Ходящій зубной лекарь. У него есть зеленая мазь, рѣшительно истребляющая всѣ мозоли; у него есть красная помада, которая залечиваетъ всякую обжогу, и выращаетъ волосы на плѣшивой головѣ. Его Жиль подноситъ эту помаду къ самому носу зрителя. У него есть маленькій, черный камешокъ, всемогущее лекарство противъ всякой одонталгіи. Онъ равняетъ, чиститъ, раздѣляетъ, дергаетъ естественные зубы, вставляетъ зубы искуственные, за которые проситъ ничего не платить ему, не пообѣдавши прежде, въ доказательство ихъ доброты. У него есть аттестатъ Медицинской Школы. И вы еще не вѣрите? Еще мало вамъ доказательствъ? За ними не станетъ: онъ покажетъ вамъ безконечные четки изъ глазныхъ и коренныхъ зубовъ, вырванныхъ имъ безъ всякой боли. Нѣсколько разъ обовьетъ онъ себя вокругъ этими четками.

«Господа!» говоритъ онъ спѣсиво — «если у кого нибудь изъ васъ, хоть немного болятъ зубы, прошу почтить меня вашею довѣренностью. Я исцѣлю ихъ безъ всякихъ усилій, безъ всякой боли. Вы даже и не почувствуете моего леченія.» Долго остаются всѣ неподвижны. Наконецъ какая-то жалкая фигура отдѣляется отъ толпы, съ завязанною головою, съ щекою, раздутою, какъ пузырь. Бѣдняка садятъ на стулъ. Больной, нижній, огромный зубъ мучитъ его, болитъ. Дантистъ обхватываетъ этотъ зубъ кузнечными клещами, держитъ крѣпко. Вотъ драматическое, рѣшительное мгновеніе! Раздается нелѣпый крикъ; цѣлитель рветъ зубъ, рветъ его такъ ужасно, что своимъ усиліемъ могъ-бы вырвать цѣлый дубъ съ корнемъ, сорвать гору съ ея основанія. Больной, стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, Жиль, который ихъ держалъ — все полетѣло отъ желѣзной руки немилосердаго рвача зубовъ! Но за то, упорный зубъ торжественно является въ клещахъ, и при немъ, въ барышахъ, еще порядочный кусокъ десны и кости... Гадкое зрѣлище, зрѣлище пытки и бойни! И на такое несчастное зрѣлище всегда найдутся, и дѣйствующіе и зрители!

Заставьте насъ позабыть всѣ эти отвратительныя позорища, вы, легкіе *фунамбулы*, лов-

кіе прыгуны, гибкіе *волтижеры*, веселые *баладины*, щегольскіе *эквилибристы*! Кочевая труппа является. Мѣсто дѣйствія готово мигомъ. На землю разостланъ запачканный остатокъ ковра. Мужчины сбросили свои сюртуки, женщины свои манто, и зрители видятъ красныя курточки, тюники, когда-то бывшія бѣлыми и вышитыми чѣмъ-то блестящимъ, Испанскіе воротнички, шумиху, дыроватые, шелковые чулки. Кларнетъ и тамбуринъ сзываютъ публику; публика сбѣжалась, обстала кругомъ. Но кругъ очень тѣсенъ. Паяцъ беретъ палку, вертитъ ее, дѣлаетъ изъ нея подобіе крыльевъ вѣтряной мѣльницы, и такъ близко подлѣ носовъ зрителей, что зрители по неволѣ пятятся. Тотчасъ началась потѣха: женщины, дѣти ходятъ на рукахъ, прыгаютъ, голову на ноги, ноги на голову, свиваются, развиваются, ломаются на сто манеровъ: кажется, что у нихъ вовсе нѣтъ костей. Въ свой чередъ, паяцъ, умная каналья, въ клѣтчатомъ, тиковомъ платьѣ, въ дурацкомъ калпакѣ, мнимый недвига, но въ самомъ дѣлѣ самый ловкій изъ всѣхъ своихъ товарищей, несмотря на его дурацкій видъ, прыгаетъ, падаетъ, разбиваетъ носъ — громкій хохотъ сопровождаетъ его неловкость! Но вотъ: человѣкъ пляшетъ на проволокѣ, другой носитъ на зубѣ огромную лѣстницу, и на ней держится еще ребенокъ; третій перекидываетъ руками коль-

цы, шарики, кинжалы — они катаются у него по ногамъ, по спинѣ, кругомъ, вдоль тѣла, съ изумляющею вѣрностью, и такъ быстро, такъ скоро, что рябитъ въ глазахъ — ловкое, но все еще несовершенное подражаніе Индійскимъ фокусникамъ, которые, нѣсколько лѣтъ тому, являлись въ Парижѣ, съ своими нѣжными лицами, мягкими руками, безсуставными пальцами, и изумили въ первый разъ Европейскихъ зѣвакъ штуками, дотолѣ неизвѣстными!

Но, какъ ни забавно все это, есть такой предметъ между Парижскими диковинками, который должно предпочесть всѣмъ возможнымъ ловкостямъ въ мірѣ, потому, что къ забавѣ, какую онъ доставляетъ, не примѣшивается тягостная мысль физическаго мученія, мысль о живомъ, подобномъ нашему тѣлѣ, страждущемъ для нашего увеселенія. Это забава безъ примѣси неудовольствій — запачканный, маленькій театръ маріонетокъ, подвижныхъ куколъ — это *Полишинель*!

Народъ любитъ Полишинеля, какъ хлѣбъ насущный — счастливый, умный народъ въ этомъ отношеніи! Спрашиваю васъ: если-бы онъ разлюбилъ Полишинеля, чтобы вы приказали дать ему въ обмѣнъ? Чѣмъ замѣнить ему это простонародное, грубое, шутливое, умное увеселеніе? Къ счастію, бояться не должно: Полишинель вѣчно

юнъ, вѣчно веселъ, вѣчно здоровъ, и что ни будь — Полишинель переживетъ все!

Лицо не столь важное, не столь историческое, не столь Европейское, какъ Полишинель, но имѣющее свои великія достоинства — это *Жокрисъ*, настоящій Французскій Жокрисъ, національный Жокрисъ, съ своимъ хохломъ на головѣ, косенкою, которая торчитъ къ верху, трехъ-угольною шляпою, полуспущенными чулками, короткими рукавами, длинными руками, глупымъ разговоромъ, неловкостью и дурацкимъ видомъ. Остатокъ первобытной Комедіи, онъ играетъ подъ сводомъ небеснымъ, днемъ, на открытомъ воздухѣ. Его глупости есть только приманка для собранія публики. У него вѣчно одна исторія: это дурачекъ Никодемъ, пріѣхавшій изъ провинціи, и разсказывающій зрителямъ свои неудачи и похожденія. Онъ говоритъ: какимъ образомъ попался онъ въ бѣду на постояломъ дворѣ, какъ окружила его въ Парижѣ толпа родни, которой онъ никогда не знавалъ, какъ его обокрали, прибили, какъ онъ нанялся въ слуги. И все это приправлено остротами, двусмысленностями, намеками, поговорками, готовымъ умомъ, щепотками крупной соли, заставлявшей смѣяться современниковъ Буало на Новомъ Мосту, и тщательно переданной изъ рукъ въ руки, отъ старыхъ шутовъ Табарену, а отъ Табарена намъ.

Между тѣмъ, пока Жокрисъ забавляетъ собраніе своими пасквинадами и грубыми пантомимами, приходитъ хозяинъ, и вдругъ перерываетъ его разсказы, начиная съ нимъ сердитый разговоръ, съ богатою прибавкою пинковъ взадъ и звонкихъ пощечинъ. Эти громкія дополненія такъ-же принадлежатъ Жокрису, какъ хлопанье палкою Полишинелю. Когда бѣдный Жокрисъ получилъ уже ихъ порядочную долю, и довольно отмстилъ за себя своему господину разными штуками и дѣтскими шалостями, господинъ его, большой искусникъ, знающій всѣ важнѣйшія тайны фокусничества, принимается въ свою очередь занимать почтенныхъ зрителей.

Прежде всего, онъ берется за что-то въ родѣ шляпы, у которой нѣтъ тульи, и начинаетъ превращать ее въ разные виды. Въ его ловкихъ рукахъ, послушная шляпа эта дѣлается, безпрерывно, то полумѣсяцемъ, то полною луною, то откиднымъ капишономъ пилигрима, то монашескимъ головнымъ нарядомъ, то фрезомъ Генриха IV-го, то шляпою Кошуа, шапкою поселянина, Марсельскаго дрягиля, Калабрскаго разбойника, и тысячью другихъ шляпъ, шапокъ и головныхъ покрышекъ, которыя долго надобно-бъ было исчислять. Обыкновенно оканчивается шапкою Парижскаго мѣщанина, съ двумя углами, острыми, длинными, прямо на лбу,

и эта штучка никогда не проходитъ безъ того, чтобы собраніе не засмѣялось.

Кончивъ всѣ передѣлки, фокусникъ подвязываетъ волшебный мѣшокъ свой, и беретъ въ руку знаменитую палочку Іакова, этотъ символъ его достоинства, этотъ кадуцей фокусниковъ, истинный скипетръ бѣлой магіи. При маленькомъ запасѣ перлимпенпеневаго порошка, крошечные шарики превращаются въ огромные шары, и большіе шары въ въ маленькіе шарики. Съ помощью этого порошка, неощутимаго, невидимаго, но всемогущаго, шары и шарики перекатываются, исчезаютъ, являются вновь, умножаются, соединяются, дѣлятся по волѣ очарователя.

Вдругъ возвѣщаетъ онъ о штукѣ, гораздо болѣе удивительной, невиданной, и проситъ, ссудить ему часы, только на двѣ минуты. Рѣдко бываетъ, чтобы кто нибудь на это не согласился. Волшебникъ кидаетъ часы въ ступку, передъ глазами всѣхъ. Потомъ начинаетъ ихъ колотить, толочь, разбивать на тысячу кусковъ, ставитъ ступку съ разбитыми часами въ сторону, и, по видимому, не думаетъ объ этомъ болѣе. Спокойно принимается онъ за маленькую куклу, въ палецъ величиною, и за-

ставляетъ ее дѣлать разныя движенія: «Голову на лѣво!» кричитъ онъ — «голову на право!» хвалитъ, когда кукла дѣлаетъ хорошо, бранитъ, когда кукла ошибается. Вдругъ кукла перестаетъ шевелиться. «А, господа!» говоритъ фокусникъ — «она задумалась! Сыграемъ съ этимъ простякомъ славную штуку, и отправимъ его путешествовать въ Пондишери!» Онъ начинаетъ говорить куклѣ на ухо, и какъ будто прислушивается къ ея отвѣтамъ. «Вотъ что!» провозглашаетъ онъ потомъ громко — «простякъ увѣряетъ, что ему не съ чѣмъ ѣхать!» Сотни подобныхъ остротъ сыплются послѣ того. Между тѣмъ, довѣрившій часы свои шарлатану въ ужасномъ безпокойствѣ, и наконецъ рѣшается требовать ихъ обратно. Фокусникъ смотритъ на него съ удивленіемъ, въ замѣшательствѣ, отпирается, робѣетъ, старается испугать болѣе и болѣе хозяина часовъ. Но когда комедія длилась уже довольно долго, онъ вынимаетъ часы изъ ступки, и отдаетъ хозяину, цѣлые, невредимые, и — толпа зрителей едва вѣритъ глазамъ своимъ!

Но самая забавная минута бываетъ та, когда фокусникъ извѣщаетъ, что подъ однимъ изъ его стакановъ находится маленькая, живая птичка, что эта птичка полетитъ, и сядетъ

на голову *рогатаго мужа*, если такіе есть въ собраніи. При сей угрозѣ, вы увидите, что страхъ или веселость изображаются на лицахъ, смотря по отношеніямъ зрителей. Легко отгадаете вы, кто холостякъ, и кто женатъ изъ зрителей, по испугу и блѣдности послѣднихъ, спокойствію и беззаботности первыхъ. Женатые не могутъ усидѣть на мѣстахъ, раскаяваются, зачѣмъ занесла ихъ сюда нелегкая, какъ будто лично о каждомъ изъ нихъ идетъ рѣчь, какъ будто каждый изъ нихъ видитъ уже проклятую птичку волшебника на своей головѣ! Въ тоже время ни одинъ не смѣетъ пошевелиться съ мѣста, страшась, что этимъ откроетъ тайный ужасъ, тревожащій его душу. Такимъ образомъ, предчувствіе ужаснаго позора неопредѣленно носится надъ головами всѣхъ, и испуганные бѣдняки отдыхаютъ только тогда, когда фокусникъ объявитъ, что онъ пошутилъ. «Не бойтесь, господа,» прибавляетъ онъ, смѣясь — «моя волшебная птичка такъ учтива, что, вѣроятно, прежде всѣхъ сказала-бы правду мнѣ самому, и сѣла-бы на собственную мою голову.»

Впрочемъ, все это еще не главное, и дѣлается только для достиженія къ самому главному дѣлу — продажѣ особенныхъ билетцовъ, гдѣ

предсказывается будущее. Хитрый чародѣй не только фокусникъ, но еще и предвѣщатель. Онъ предсказываетъ молодой дѣвушкѣ, когда она выйдетъ за мужъ, бѣдняку, когда онъ разбогатѣетъ — не новая промышленность, но самая вѣрная, пока люди будутъ довѣрчивы къ будущему!

Кому не случалось встрѣчаться на Парижскихъ улицахъ съ высокороднымъ Маркизомъ Д'Аржанкуромъ, бродившимъ въ полу-напудренномъ парикѣ, изношенномъ жабо, чулкахъ, забрызганныхъ грязью, старомъ Французскомъ кафтанѣ, засаленномъ и оборванномъ? Онъ продаетъ пѣсни, и его ловкость такова, что онъ кидаетъ свои пѣсни въ третій, даже въ четвертый этажъ, и попадаетъ именно въ то окно, въ которое мѣтитъ. Нѣсколько времени онъ составлялъ общую утѣху Парижанъ; но что вѣчно на землѣ?

Кажется, довольно перебрали мы разныхъ шутовъ, диковинокъ и бездѣльниковъ? Но можно ли всѣхъ исчислить! Оканчивая, напомню однакожь еще трехъ шарлатановъ отдѣльно. Всѣ трое были наши современники.

Первое лицо изъ этихъ трехъ современниковъ была молодая дѣвушка: она вертѣлась на одной ногѣ, въ то-же время пѣла, и держала подлѣ

глазъ своихъ острее иголки. Она вертѣлась такъ скоро, такъ быстро, что ничего нельзя было различить въ ней, и она казалась кубаремъ, пущеннымъ рукою какого нибудь мальчишки. Вертясь такимъ образомъ, не переставала она пѣть, и изъ груди ея вылетали тяжелые, прерывистые звуки. — Другое лицо, о которомъ хочу я сказать, *гримасникъ*, весьма извѣстный во времена Наполеоновы. Онъ забавлялъ досужныхъ лѣнивцевъ, по улицамъ и перекресткамъ, своею знаменитою пѣсенкою о Бурбонахъ, чуднымъ искусствомъ кривлять и шевелить свою смѣшную рожу, и огромными очками безъ стеколъ, съ побрякушками. Эти очки сжимали ему носъ, и онъ умѣлъ ихъ какъ-то двигать и качать на носу. Наконецъ, я хочу сказать вамъ о толстомъ подагрикѣ, вездѣ попадавшемся, и со всякаго лица вырѣзывавшемъ силуэтъ изъ черной бумаги. Только что вы садились гдѣ нибудь на гуляньѣ, онъ усаживался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, вынималъ изъ кармана бумагу, ножницы, и черезъ нѣсколько мгновеній представлялъ вамъ собственный вашъ профиль. Вы могли найдти его похожимъ, или непохожимъ, но отказываться отъ покупки было нельзя, если вы не хотѣли завести безконечной ссоры съ художникомъ. Въ этомъ случаѣ, куда дѣнется бывало его подагра: бѣгите опрометью — онъ васъ

догонитъ. Бѣднякъ этотъ жилъ въ Тивольскомъ саду въ хижинѣ (величиною не больше будки) обклеенной бѣлою бумагою, и облѣпленной силуэтами, какъ будто Китайскими тѣнями. По вечерамъ, онъ освѣщалъ внутренность своей будки, и она казалась сквознымъ фонаремъ. Однажды, утромъ, хотѣли что-то сказать ея обитателю, постучались у дверей его хижинки, отворили: свѣчи у него совершенно догорѣли, и несчастный вырѣзыватель силуэтовъ сидѣлъ мертвый. Видно было, что онъ умеръ уже нѣсколько дней. . . .

Это грустно. Но въ томъ, что мы прежде перебрали, есть забавное: изображеніе жизни человѣческой, у которой развязка печальна, какъбы ни шалила судьба во все продолженіе пьесы. . .

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа.

Въ 10 N° вашего Телеграфа, нѣкто Г-нъ Н. Петровъ напечаталъ отвѣтъ Г-ну Сочинителю Повѣсти: Андрей, Князь Переяславскій, гдѣ между прочимъ прописываетъ, что *однажды былъ обольстительный примѣръ нѣкоего Г-на А. Грена, перепечатавшаго въ Сѣверный Меркурій изъ покойнаго Енисейскаго Альманаха* (1828 г.) *стихи одного* его *знакомаго, подъ названіемъ*: Могила, *и подписавшаго подъ ними свое имя*!!! Этотъ нѣкій А. Гренъ, я нижеподписавшійся. Объясняю: я жилъ въ Одессѣ когда издавался *Меркурій*, не читалъ его и даже не слыхалъ до пріѣзда моего въ Петербургъ (1832 г.) о существованіи сей газеты. Однажды, изъ Одессы я написалъ письмо къ своему знакомому о смерти друга своего, Г-на Куруты, племянника извѣстнаго Генерала Графа Курупы, и въ письмѣ семъ, въ родѣ эпиграфа выписалъ отрывочекъ изъ стихотворенія: *Могила*, напечатаннаго въ Альманахѣ нѣкоего Г-на Н. Петрова, объяснивъ тремя ***, что стихи сіи не мои. Знакомый мой, пріятель Г-на Издателя *Сѣвернаго Меркурія*, показалъ письмо мое

ему, а тотъ соблазнился и тиснулъ стишки сіи въ свою газету, подписавъ подъ ними мое имя.

Меня могутъ винить, что стихи: *Могила*, передѣланы на новый ладъ; виноватъ въ этомъ Г-нъ Бестужевъ-Рюминъ: онъ далъ имъ другую форму. Виноватъ и Издатель моихъ *Стихотвореній*, помѣстившій эту передѣланную *Могилу* въ число моихъ произведеній.

Грѣшный человѣкъ, и я, также пописываю коечто, и тоже *чувствую въ часы безсонницы какое-то поэтическое призваніе*; но не удавалось никогда соблазняться чужими произведеніями и присвоивать оныя себѣ. Это дѣлается только въ Сибири. Нѣкій Г-нъ Н. Петровъ пусть вспомнитъ свои стишки: *Небо*, напечатанные, кажется, въ Сынѣ Отечества, и вѣрно догадается откуда оные заимствованы. Стихи сіи начинаются такъ:

Далекое небо! глубокое небо! и проч...

а у другаго извѣстнаго нашего поэта эти-же стихи начинаются такъ:

Далекое море! глубокое море! и проч.

Какъ не обольститься!!!!!

Письмо сіе, покорнѣйше прошу напечатать въ вашемъ Журналѣ, какъ оправданіе мое предъ публикою.

А. Гренъ.

С. Петербургъ,
4-го Октября 1832.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Les formes de chapeaux n'ont pas encore subi de grands changemens; les formes d'automne restent celles de l'été, si ce n'est qu'elles augmentent au lieu de diminuer.

Une des plus jolies capotes pour demi-toilettes est en moire d'un gris nouveau, nommé cendre de chêne; avec un bouquet de plumes pareilles, posées sur le côté et élevées. Un nœud bien placé sous le bavolet.

En attendant le velours et le satin, la moire est ce qu'on peut porter de mieux.

Les corsages à dos plat ne se voient plus du tout aux femmes élégantes.

Les façons de corsages des robes habillées sont presque toutes à draperies croisées, par devant; les dos doivent être ou plats du bas, et drapés à *la tyrolienne*, ou plats des épaules, et légèrement froncés du bas. Les draperies croisées, par derrière, habillent fort mal.

Les manches ne changent pas; toujours simples sans ornemens.

Le cachemire imprimé à dessins turcs en colonnes, est charmant pour demi-toilettes.

Toilette d'une femme élégante.

(*Suite.*)

Le rouge en pots, très-fin, est ce que les femmes peuvent mettre de moins nuisible à leur peau. Nul doute que ce brillant d'un moment n'altère le tissu qu'il a couvert, et le vinaigre anglais a dans ce genre beaucoup d'inconvéniens. A la longue le rouge en pots *d'Houbigan* a conservé une réputation immuable.

(*) Въ Парижѣ до 1 Октября (н. ст.).

Pour dormir, on enferme ses mains dans des gants gris préparés. Le front se couvre de la même peau enduite de la même préparation. Les mains et le front conservent ainsi fort long-tems leur jeunesse et leur fraîcheur.

Pour nettoyer les cheveux, les assouplir, et leur donner du brillant, on ne peut rienchoisir de mieux que *l'eau romaine*. Spiritueuse et fortifiante, *l'eau romaine* a de plus une odeur balsamique que la chaleur de la tête n'altère jamais.

Les personnes qui ont les cheveux un peu gras, se servent de son parfumé pour les nettoyer. On poudre entièrement depuis la racine, et l'on brosse jusqu'à ce que le son soit complètement enlevé.

Il est une mode pour les odeurs comme pour tout ce qui est de fantaisie, et ce n'est pas de petite importance de n'y pas manquer. Les essences fades, comme la rose, le jasmin, la fleur d'oranger, la vanille même, sont anciennes, et on ne les choisit plus. L'eau de cédrat, l'eau de Portugal, l'eau de miel d'Angleterre, sont les seules qui aient conservé quelque élégance.

Le musc, autrefois si en faveur, n'est plus conservé par une femme de bonne compagnie.

Pardessus tous les parfums d'appartement, les fleurs en profusion tiennent la première place.

L'eau connue sous le nom *eau à brûler* de *Lubin*, parfume doucement et laisse quelque chose d'aromatique.

Les allumettes de bois de cèdre, la poudre d'aloës répandent une odeur légère et douce.

Форма шляпъ мало еще измѣнилась противъ лѣтней; ихъ только увеличиваютъ.

Одна изъ самыхъ красивыхъ шляпокъ-капотовъ для полунаряда, изъ волнистой матеріи совершенно новаго цвѣта, называемаго дубовою золою. Она украшена перьями, тогоже цвѣта, прямо поставленными на сторонѣ, и бантомъ, приколотымъ назади шляпы.

Digitized by Google